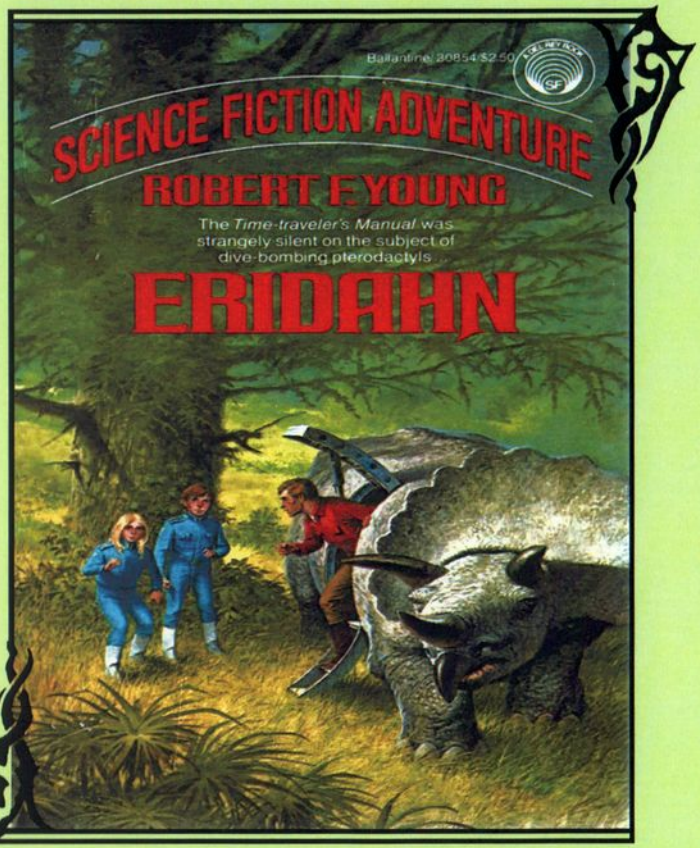
Роберт Янг

Эридан

Роберт Янг

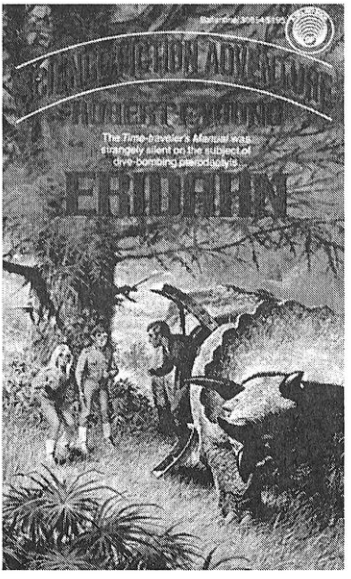
Эридан

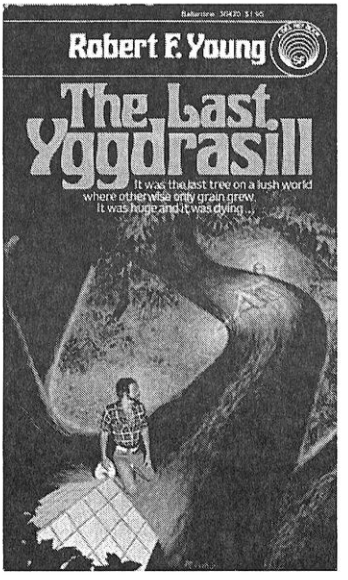

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Роберт Янг

Эридан

ЗОЛОТОЙ ФОНД СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ · BEST SELLING SCIENCE FICTION BOOKS ·

Robert F. Young. Eridahn. 1983
Robert F. Young. The Last Yggdrasil. 1982
Robert F. Young. Starfinder. 1980
Robert F. Young. The Vizier's Second Daughter. 1985
Robert F. Young. L'Arc De Jeanne. 1966
Перевод – О. Колесников.

Клубное издание:
только для членов Клуба КЛФ.
(Издание № 017.)

Роберт Янг
Эридан. — М.: Клуб КЛФ, 2018. — 766 с.

Эридан

Рэгги, Бонни, Эдди, Мел и Билли посвящается

1

Карпентер не испугался, увидев молодого анатозавра, стоящего под высоким гинкго, но с удивлением заметил двух детей, сидящих на дереве. Поскольку он пребывал в Эре Рептилий, повстречать динозавра было в порядке вещей, а вот встретить людей, мальчика и девочку, в этом не было ничего естественного. Что, во имя всего мезозойского, они делали в верхнем меловом периоде?

Он подался вперед на водительском сиденье своего работающего от батарей трицератанка и уставился вверх, на ветви дерева, через небьющееся ветровое стекло кабины, снаружи очень походившей на голову машины-рептилии. Нет, дети не были иллюзией. Они были столь же реальны, сколь и анатозавр, загнавший их на дерево. И еще они были напуганы: их лица от страха побелели, как вырисовывающиеся вдали на севере подобные меловым утесы, возвышающиеся над россыпью ивовых рощ, виргинскими дубами, саговниками и гинкго, которыми пестрела равнина.

Внезапно его осенило, что они, должно быть, каким-то образом связаны с анахронической окаменелостью, происхождение которой он и явился сюда исследовать. Мисс Сэндз, новый хронолог Североамериканского палеонтологического общества, не засекла ее при хроносканировании этой области, но едва ли от нее этого можно было ожидать, ведь времяскопы не способны регистрировать объекты размером меньше горы. Причина его недоумения заключалась в том, что он ничего не видел дальше собственного носа. Простая логика должна была подсказать ему, что если (на что указывала окаменелость) в этой области когда-то жили человеческие существа, то у некоторых из них, разумеется, были дети.

Анатозавр, стоя на задних лапах, жевал нижние листья гинкго. Возможно, он совсем забыл о детях, загнанных им на ветви дерева. Но дети о нем не забыли, а появление трицератанка, вы-

глядевшего точь-в-точь как настоящий *Triceratops elatus*, удвоило их страх.

Пока еще не осознавая, что сзади подкрадывается механический монстр, анатозавр продолжал жевать, двигая челюстями, похожими на челюсти утконоса. Он был большим, толстым, с плоской головой, с крупными и мощными нижними конечностями и более короткими верхними. У него был длинный, массивный хвост, главной целью которого было поддерживать равновесие при ходьбе. Шкура анатозавра имела грязно-коричневый цвет. Он не был плотоядным и, вероятно, загнал детей на дерево просто потому, что ему те оказались у него на пути.

— Вперед, Сэм, — обратился Карпентер к трицератанку, используя его кличку, — давай-ка поучим его хорошим манерам!

С тех пор как он выехал из квантового туннеля, который огромная машина времени Ллонка, принадлежащая Североамериканскому палеонтологическому обществу пробурила сквозь напластования эпох, он двигался на север — полз как улитка, выискивая хоть какие-нибудь признаки человеческой жизни. Одна из причин, почему он не сразу связал детей с окаменелостью, заключалась в том, что внутри ее навеки застыл скелет взрослого современного человека, и это привело его к мысли о взрослых людях. Но то обстоятельство, что обнаружен лишь один такой скелет, не натолкнула его на мысль только об одном анахроническом жителе верхнего мела. Чтобы сохранить свои кости для потомства, ты должен быть похоронен в такой местности, где их не уничтожат. Из чего логически следовало, что если гуманоидный обитатель Мела-16 — так официально САПО обозначило эту область — похоронен таким образом, вследствие ли несчастного случая или намеренно, то там существовали и другие обитатели, которых не похоронили.

Увеличив скорость Сэма, он из правой верхней рогопушки выстрелил в анатозавра; снаряд пронесся мимо его левого бедра и угодил в саговник по соседству, разломив его напополам. Анатозавр, вылупив глаза, воззрился на сломанное гинкго, затем, услышав приближение Сэма, вывернул шею и посмотрел назад. Одного взгляда на трицератанк оказалось довольно, чтобы животное ринулось в ивовую рощу, подняв вытянутый хвост.

Карпентер остановил свою громадную машину в нескольких ярдах от ствола гинкго и снова посмотрел на детей. Их лица из белых, как мел, стали серыми. Анатозавр — это достаточно скверно, но теперь им явно угрожал внушающий ужас четырех-

лапое и трехрогое существо, запросто способное испугать всех обитателей Мела-16, за исключением тираннозавра, причем спятившего.

Карпентер подвинулся на водительском сиденье и открыл боковую дверцу со стороны пассажирского. Жаркий и влажный, но невероятно свежий воздух ворвался в кабину Сэма, где работал кондиционер. Карпентер спрыгнул на землю, и его красная клетчатая рубашка, коричневые штаны и черные сапоги внесли диссонанс в обстановку далекого прошлого мелового периода. Гинкго одиноко стояло на небольшой горке. Вокруг равнина протянулась на север к белым меловым утесам, на запад к лесистым предгорьям, за которыми поднимались недавно образовавшиеся горы, на восток к внутреннему морю, скрытому бесконечными рядами деревьев, и на юг — к широкой реке: на ее северных берегах располагалось квантовое поле, его точка входа.

— Эй, вы, двое! Слезайте с дерева! Сэм вас не съест!

Две пары огромных голубых глаз сосредоточились на его лице. Наполнявшее их изумление не оживляла даже искра понимания.

— Слезайте, говорю! — повторил он, маня их пальцем. — Здесь нечего бояться.

Девочка и мальчик повернулись друг к другу и заговорили на странном языке. Наконец они пришли к какому-то решению, покинули свое «гнездо» и соскользнули по стволу на землю. И стояли там, прижимаясь к нему спинами, и смотрели на Карпентера.

Он двинулся к ним и остановился в нескольких футах. Мальчику на вид было лет девять, девочке — около одиннадцати. Мальчик был в темно-синей рубашке с короткими рукавами с золотым кантом и таких же брюках. Девочка была одета так же, только в лазурное, а брюки больше напоминали панталончики. Трудно было сказать, чья одежда больше пострадала. Одеяние девочки казалось более грязным, вероятно, из-за более светлого цвета. Башмаки у обоих облепила грязь. Девочка была почти на дюйм выше мальчика. Она стояла очень прямо, желтые как лютик волосы падали на плечи. У мальчика волосы были темнее и коротко подстрижены. У обоих детей были тонкие черты, и оба были тоненькие. Карпентер решил, что они брат и сестра.

Наконец мальчик, серьезно глядя в серые глаза Карпентера, произнес несколько фраз. Карпентер отрицательно покачал головой, и тогда мальчик заговорил, как будто бы на совершенно дру-

гом языке. Карпентер опять покачал головой. Он заговаривал с мальчиком на английском, потом на французском и на немецком — других современных языков он не знал. Каждый раз мальчик отрицательно качал головой. Девочка пока молчала. Она просто стояла, рассматривая Карпентера.

Он не пытался говорить с ними на тех древних языках, которые более или менее знал. Современные дети не имели возможности познакомиться с арамейским, ионическим или дорическим греческим — языками, которые Карпентер изучал, когда отправлялся в прошлое для Ассоциации исторических исследований дочернего филиала САПО. Ибо перед ним стояли явно *современные* дети. На них это буквально было написано. Он понятия не имел, из какой современной страны эти дети или как их занесло в Мел-16, но они наверняка перенеслись в прошлое посредством машины времени Ллонка, и едва ли сделали это самостоятельно.

Казалось, в части общения все пропало, но выяснилось, что в данном случае это не так. Мальчик полез в карман брюк и вытащил нечто похожее на две пары сережек. Одну пару он приладил к своим ушам, а вторую протянул Карпентеру, жестами веля ему сделать то же самое. Сережки представляли собой крошечные подвески с зажимами на них. Нет, не подвески, мембраны. Зажимы самоприлипающие, а мембраны оказались точно внутри ушных раковин Карпентера, не мешая слушать.

Мальчик повернулся к девочке.

— Давай, Дейдре, — произнес он на английском. — У тебя тоже есть такие. И даже не одни. Я знаю. Надевай.

Дейдре? Что ж, как бы там ни было, имя прозвучало как «Дейдре». Девочка достала из кармашка блузки точно такую же пару сережек и прикрепила их к мочкам. Однако по-прежнему молчала.

Карпентер заподозрил, что его разыгрывают.

— Должен сказать, — сухо заметил он мальчику, — вы очень быстро освоили мой язык.

Мальчик покачал головой.

— Нет, я по-прежнему говорю на своем, — сказал он, и Карпентер увидел, что движения губ собеседника не совпадают с произносимыми им словами. — Просто говорешки перекладывают их на ваш язык. Они работают посредством взаимосвязи со слуховыми нервами человека, что дает эффект идиоматического перевода. Конечно, имена людей непереводимы и их подменяют

схожими с теми, какие знакомы слушающему. А некоторые слова просто ускользают, потому что говорешки не дают стопроцентной точности. Во всяком случае, теперь все, чтобы я вам ни сказал, будет звучать так, словно говорите вы сам, и наоборот. У нас на Марсе такое смешение языков, что одному человеку все их не выучить. Даже в отдельных странах существует множество разных языков. Поэтому в конце концов пришлось изобрести такие вот говорешки. Почти все носят с собой по меньшей мере две пары.

— На Марсе?

— Да. Мы с Марса. С Великого Марса. Меня зовут Скип.

— А фамилия?

Мальчик, похоже, озадачился:

— У людей на Марсе есть только имена.

— Меня зовут Джим Карпентер, — представился Карпентер. Он посмотрел на Дейдре. Она тоже посмотрела на него, причем так, словно видела сквозь него. — Это твоя сестра?

— Да, сэр.

— Она не умеет говорить?

— Ну... понимаете, мистер Карпентер, ей не пристало разговаривать с вами. Она — принцесса.

— Понятно. Что ж, если она принцесса, значит, ты — принц. Но ведь *ты* разговариваешь со мной!

— Да, но я — другое дело. Она следующая в череде наследников престола Великого Марса, и это делает ее несколько особенной. И не только это, — сказал Скип. — Она вообще-то воображала, вот что.

Дейдре сердито зыркнула на него, но не проронила ни слова.

— Здесь, на Земле, мы потому, что нас похитили, — пояснил Скип.

«Вот тебе на, — подумал Карпентер, — забурился в верхний мел — и кого же спасаю от челюстей утконосого анатозавра? Марсианскую принцессу и ее юного брата Скипа. А теперь оказывается, что вдобавок их похитили!»

Однако поверить в то, что поведал ему Скип, вероятно, было не труднее, чем поверить в то, что сам он начал рассказывать Скипу и его сестре.

— Я с Земли из 1998 года новой эры, а это в 74 051 622 года от нас с вами. — Он показал на трицератанк. — Вон стоит мой

фургон по имени Сэм, хотя в действительности он скорее танк, нежели фургон, а если называть вещи своими именами, это — бронированный вездеход. Сэм — его прозвище. Он снабжен большим мощным двигателем «Камминз», работающим от батарей, которые подзаряжаются от генератора, и экипирован небольшим квантовым диффузором, который дает ему возможность совершать ограниченные обратные прыжки во времени. После такого обратного прыжка он может вернуться обратно в то «когда», где был, плюс сколько угодно времени, проведенного в прошлом, однако встроенный регулятор мешает ему прыгать слишком далеко в будущее. В бортах у него скрыты автоматические голокамеры, и обычно, возвращаясь в доисторические времена, я делаю это исключительно для того, чтобы составить документальный голоотчет, но на этот раз я вернулся еще по одной причине: установить происхождение человеческих останков. Новые технологии датировки дают палеонтологам возможность устанавливать временные периоды с абсолютной точностью, и они могут определить с точностью почти до недели, когда умерло то, что потом превратилось в окаменелость. Но они не могут с уверенностью утверждать, где это случилось, из-за геологических процессов, в этом частном случае — из-за Ларамидского горообразования.

Даже Дейдре глаза округлились от удивления. Увидев это, Карпентер подумал об осенних астрах.

— Обычно, когда я возвращаюсь в прошлое, я возвращаюсь не один, — продолжал он. — Но голографист, который должен был отправиться со мной, уволился, а я не захотел ждать замены. Я должен сам две недели поработать голографистом. Если вы, ребятки, не знаете, как работает машина времени Ллонка, скажу: она функционирует посредством рассеяния света. Свет — своего рода критерий измерения времени; когда ты распространяешь его, он утрачивает непрерывность и можно путешествовать во времени так же, как в космосе. Сэм обеспечивает мне необходимую защиту от огромных тероподов и птеранодонов. У САПО, в филиале которого я работаю, есть и другие такие же транспортные средства для Эры рептилий и Века млекопитающих. Когда вы смотрите на Сэма, то видите совсем не то, что, как вам кажется, вы видите. В действительности у него нет хвоста, а вместо лап — гусеницы. Но иллюз-поле создает полное впечатление лап, неподвижных, когда он останавливается, и шагающих, когда гусеницы крутятся.

— Ого! — воскликнул Скип.

Стало ясно, что он верит каждому слову Карпентера, даже тем, с которыми его говорешки не могли справиться. А вот верила ли ему принцесса Дейдре, сказать было невозможно.

— Что ж, — сказал Скип, — вот все и выяснилось. Мы из настоящего времени Марса, а вы из будущего Земли. Понятно, почему вы не смогли бы стать марсианином.

— Один небольшой вопрос, Скип. Живя на Марсе, вы, вероятно, не привыкли к земному притяжению, так как же вы с сестрой взобрались на это дерево?

— Просто взобрались, и все. Мы не знали, что существует разница в притяжении.

— Однако она есть. На Марсе сила тяжести составляет всего тридцать восемь процентов от земной.

— Вы говорите о Марсе будущего, мистер Карпентер. А мы из марсианского настоящего. Вероятно, сейчас притяжение на Марсе выше, чем оно станет в будущем.

— Бессмыслица.

— Тогда, возможно, на Марсе будущего притяжение выше, чем вы думаете. Вы когда-нибудь бывали на Марсе, мистер Карпентер? Или кто-нибудь с Земли будущего?

— Нет. Но мы знаем, какое там притяжение.

— Вероятно, если бы кто-нибудь с Земли высадился на Марсе и прогулялся там, он бы удивился.

Карпентер, поняв, что ничего не добьется, прекратил спорить.

Возможно, эти дети и вправду были с Марса. Возможно, их и вправду похитили.

Однако они могли явиться с Земли будущего и все равно быть жертвами похищения.

У него появилось ощущение, что он серьезно сглупил, рассказав им о машине времени Ллонка, о САПО и о Сэме. Возможно, они еще в школе узнали все о современной работе палеонтологов.

Тогда почему у них такие круглые глаза?

Солнце в небе верхнего мелового периода уже наполовину спустилось из зенита, и его свет, слегка приглушенный дымкой в атмосфере, мягко ложился на лица Дейдре и Скипа. Он заметил, какие впалые у них щеки; потом посмотрел на тонкие руки. Если этих детей и в самом деле похитили, то похитители, несомненно, кормили их не слишком хорошо.

Возможно ли, что они с Марса?

Честно говоря, они не походили на марсиан, но подобное наблюдение было нелепым — с учетом того факта, что он не знал, как должны выглядеть марсиане.

Он вспомнил о «Маринере-9», о 1-м и 2-м «Викингах» и двух их посадочных модулях. За вычетом четырехгранных пирамид на Элизие, которые производили впечатление рукотворных, орбитальные модули не сфотографировали ни намека на когда-либо существовавшую там разумную жизнь, а посадочные не сумели найти полноценных свидетельств присутствия органических молекул. Но ни орбитальные, ни посадочные модули не доказали, что на Марсе нет жизни, и определенно не доказали, что она не могла существовать там много лет назад.

А потом, говорешки. На указательном пальце правой руки Карпентер носил перстень с передатчиком, который стороннему наблюдателю мог показаться дешевой бижутерией, купленной, вероятно, по случаю на распродаже. По всей окружности кольца располагались крохотные, разные на ощупь наросты, обеспечивавшие ему возможность управлять Сэмом на расстоянии. Это было устройство, которое могли создать только передовые технологии, и тем не менее технология, по которой его создали, не могла тягаться с двумя крохотными сережками, воздействующими на слуховые нервы.

Но, может быть, эти говорешки дети купили в магазине уцененных товаров. Он мысленно покачал головой. Движения губ Скипа доказывали, что язык, на котором он говорил, не был истинно английским, вопреки тому обстоятельству, что Карпентер слышал *английские* слова.

Он все еще не был убежден, что дети — марсиане, но, так ли, нет ли, а теперь он за них отвечал. Вот они стояли под открытым небом, как будто Мел-16 был Центральным парком, неизбежные жертвы голодного теропода, которому случилось проходить поблизости!

— Ладно, ребятки, — забирайтесь в Сэма, там вы будете в безопасности!

Карпентер подвел их к трицератанку и взобрался на водительское сиденье. Он не потрудился опустить пониже нейлоновую лесенку, просто схватил Дейдре за руки, подтянул наверх и усадил рядом. Позади сиденья находилась вместительная кабина, отделенная от двигательного отсека с батареями теплозащитным кожухом; в нем размещались узенькая встроенная койка, маленький привинченный к полу столик, два привинченных стула,

встроенный шкаф, встроенный холодильник, раковина и маленькая электроплитка.

— Лезь назад, — показал он.

Дейдре собралась скользнуть вдоль края сиденья, но тут вверху раздался странный свист. Она посмотрела через ветровое стекло, и ее лицо стало таким же белым, каким его увидел Карпентер в первый раз возле гинкго.

— Это они! — охнула она. — Они нас нашли!

Проследив за ее взглядом, Карпентер увидел три огромных крылатых силуэта, парящих в светлом небе. «Птеранодоны»! — подумал он. Они летели к трицератанку, как тройка доисторических пикирующих бомбардировщиков. Схватив Скипа за руки, он втащил мальчика в кабину и велел ему отправляться к сестре. И снова посмотрел на птеранодонов. Они находились слишком близко, чтобы он мог применить рогопушки. Карпентер захлопнул дверцу со стороны пассажира и уселся за руль.

Птеранодоны были настроены серьезно. Первый подлетел так близко, что его правый элерон царапнул складчатое ветровое стекло Сэма, а фюзеляж второго чуть не коснулся спины трицератанка. Третий, нырнув не так низко, унесся в небо вместе с остальными. Их хвостовые реактивные двигатели оставили три двойных дымных струи.

2

Карпентер выпрямился на водительском сиденье. Элероны? Фюзеляж? Хвостовые реактивные двигатели?

Птеранодоны?

Он активировал защитное поле Сэма и отодвинул этот невидимый барьер на три фута от корпуса ящерохода. Затем рванул огромную машину с места, направляясь к виднеющейся неподалеку рощице. Птеранодоны теперь описывали круги высоко в небе.

— Скип?

— Да, мистер Карпентер?

— Когда твоя сестра увидела птеранодонов, она закричала «Они нас обнаружили!». Кто эти «они»?

— Не знаю, что вы подразумеваете под птеранодонами, мистер Карпентер, но полагаю, что вы имеете в виду эти три летательных аппарата. Мы называем их «облетчиками». Их пилотируют трое наших похитителей, их Дейдре и имела в виду, говоря «они».

— Понятно.

Равнина способствовала быстрому продвижению Сэма — гладкая, с редкими рытвинами. Трава еще не достигла пышности, и растительный покров состоял главным образом из американского лавра и карликовых магнолий. Магнолии были в цвету; хотя

Карпентер и старался не давить их Сэмом, это не всегда удавалось. Время от времени на ветровое стекло обрушивались дождем цветки, точно розовые снежные хлопья. Из-под гусениц ящерохода то и дело прыскали маленькие ящерицы — голубые, зеленые, желтые.

Вскоре Сэм добрался до рощи и углубился в нее. Карпентер сбросил скорость до улиточной. Деревья оказались ивами, их листва скрывала небо.

— Скип, эти похитители, о которых ты упомянул... Полагаю, они тоже с Марса.

— Конечно. Откуда же еще? — Голос Скипа звучал спокойнее, чем раньше. — Они похитили нас прямо со спортивной площадки Дворца после того, как обезоружили охрану. Их четверо — трое мужчин и женщина. Они доставили нас сюда, в свое убежище на Эридане, для пущей безопасности. Еще пятеро остались на Марсе и рассчитывают получить выкуп. Однако выкуп — лишь часть их требований. Они приказали Королевству начать раздачу пищи беднякам. Вообще-то у нас нет ни одного настоящего бедняка, но похитители ненавидят верхушку власти и хотят пакостить.

Слово «Эридан» прошло через говорешки Карпентера без изменений.

— Эриданом вы называете Землю?

— Нет. Только эту небольшую ее часть. Великий Марс застолбил участок, рассчитывая основать здесь колонию. Название «Эридан» возникло само собой из-за диких животных.

Теперь он услышал «земля животных». Карпентер не сумел бы придумать лучшего названия. С другой стороны, название «Земля животных» больше бы соответствовало целой планете на этой стадии ее исторического развития.

— И большой это участок?

— Белые утесы — северная граница. На западе территория доходит до предгорий и самих гор. На юге простирается до большой реки, а на востоке — до большого моря. Между нами и морем — город Риммон. Кроме похитителей, там сейчас никто не живет.

— Там есть *город*? *Здесь?*

— Да. Его построили почти пятьдесят лет назад. Это...

— Пятьдесят *моих* лет?

— Да, сэр. Говорешки весьма точны в пересчете временных интервалов. Строители собирались построить еще один город, но

прежде чем они начали его возводить, наши геологи обнаружили, что Земля не настолько стабильна, как они думали, и что начался тектонический катаклизм — такой же, о котором вы рассказали Дейдре и мне. Поэтому второй город строить не стали. А потом и остальное пошло не так. Колонисты, обосновавшиеся в городе, посадили растительные культуры, но все, что выросло, сожрали стада динозавров, подобных тому, что загнал нас с Дейдре на дерево, и стада динозавров, похожих на Сэма. Потом огромные птицы с кожистыми крыльями стали нападать на горожан. А море! Колонисты собирались ловить в нем рыбу, но узнав, какие там водятся страшные чудовища, утратили всякое желание приближаться к нему. Поэтому, когда парламент Великого Марса постановил, что им лучше возвратиться домой, они не могли дождаться, когда же появятся корабли, которые выслало за ними правительство.

— И теперь этот город — прибежище похитителей?

— Вероятно, уже не первый год. Корабль, на котором они доставили нас туда, — примерно в миле к югу от города. Он замаскирован, чтобы Космофлот не обнаружил его, если их случайно посетит мысль, что мы с Дейдре здесь, и они пошлют на Землю корабль. Но Космофлот слишком тупой, чтобы подумать о чем-либо подобном. Похитителям не пришло в голову из-за этих огромных рептилий, что мы с Дейдре осмелимся удрать из города, поэтому охраняли нас не очень тщательно. Нам пришлось, в общем-то, просто открыть ворота и уйти. Мы пытались отыскать их корабль, чтобы радировать с него Космофлоту, но заблудились. Ну... нет, вообще-то, мы не заблудились, но из болот вылезла эта огромная длинная рептилия и погналась за нами. Мы перепугались и побежали к равнине. И, должно быть, долго-долго шли по ней, пока этот здоровущий зверь со смешной пастью не заметил нас, и тогда мы взобрались на дерево. И тут... мимо проехали вы, мистер Карпентер.

Карпентер решил до поры до времени не задавать новых вопросов. Казалось, всякий раз, как он о чем-нибудь спросит, ему все труднее верить, что эти дети не с Марса.

Его неверие произрастало из того обстоятельства, что они очень сильно смахивали на обычных американских ребятишек и вполне могли бы сойти за его сына и дочь.

В конце концов, город — если он и вправду существовал — мог быть обычным земным городом, и похитители, как и дети, могли жить в Соединенных Штатах Америки в двадцатом веке.

У САПО не было исключительного права на путешествия во времени, а машину времени Ллонка, хоть и недоступную для широкой публики, могли просто-напросто украсть.

Однако если бы такое случилось, он наверняка знал бы об этом.

К тому же это опровергали говорешки. Они определенно были свидетельством существования внеземных технологий и наводили на новую мысль: если они действительно выполняли идиоматический перевод всего, что говорил мальчик, то его речь казалась речью американца по одной простой причине — он говорил как американец.

Но в эти мгновения Карпентера больше всего волновала отнюдь не родина Скипа и его сестры. С Марса они или нет, и их, и его преследовали трое клоунов на трех псевдоптеранодонах — он решил так или иначе уйти от преследователей.

Он вел Сэма неправильным курсом через рощу, и теперь ящероход достиг северного края леса. Карпентер остановил большую машину среди самых «внешних» деревьев и стал дотошно изучать ту часть равнины, которая простиралась за ними. Примерно в четверти мили от них он увидел другую рощу, намного больше первой. Карпентер посмотрел на небо и не увидел там никаких признаков птеранодонов. Он прислушался, и услышал лишь ритмичное урчание двигателя Сэма. Но птеранодонов нельзя было услышать, когда они держались высоко в небе, а большую часть неба скрывала густая растительность.

У него было четыре варианта действий: 1) оставить Сэма под прикрытием листвы до наступления ночи; 2) изменить иллюзополе машины, и Сэм сольется с травой равнины; 3) прыгнуть на нем назад во времени; 4) разогнать двигатель Сэма и рвануть к роще.

Он решился на номер 4.

— Держитесь, ребятки, — велел он своим спутникам и погнал Сэма прочь из зарослей.

ВЖЖИИИИИХ!

Один из птеранодонов пролетел так близко, что чуть не наподдал сбоку по ветровому стеклу.

Карпентер посмотрел как «птицу» шатнуло. Прежде чем та обрела равновесие и пулей взмыла в небо, он увидел в переднем донном иллюминаторе бородатое лицо и понял, что пилот лежит ничком между длинными плоскими крыльями. Он углядел также

бомбодержатель на брюхе летательного аппарата и три маленькие яйцеобразные бомбы.

Но не все было потеряно. Он все еще мог изменить иллюзополе Сэма и все еще мог совершить на ящероходе обратный прыжок во времени. Но выбрать один из этих вариантов, когда Сэм под открытым небом, означало открыть козырную карту, что на самом деле пока не требовалось, ибо на худой конец он мог расстрелять птеранодонов в небе из рогопушек. Поэтому он продолжил стремительно гнать Сэма к деревьям.

Завалившаяся магнолия овеяла трицератанк недолговечной метелью розовых снежных хлопьев. Вдалеке справа Карпентер заметил стадо цератопсов — рогатых динозавров, разумных собратьев Сэма. Весеннее небо было ярко-синим. Птеранодоны описывали круги, подобно черным мессершмитам.

Скип перелез через спинку водительского сиденья и уселся рядом с Карпентером. Тот увидел, что мальчика трясет. Глянув через плечо, он увидел бледную Дейдре.

— Эй, ребятишки, о чем переживаем? Сэм защитит вас.

— Мы... мы не боимся, что похитители убьют нас, — отозвался Скип. — Мы боимся, что они опять заберут нас. Они сразу не убьют нас, потому что им может понадобиться, чтобы во время переговоров по радио наши голоса опять могли услышать на Великом Марсе. В случае, если они не получат выкупа и другие их требования не выполнят.

— Их бомбы не причинят нам вреда, пока включено защитное поле Сэма.

— Да, но они могут сбросить бомбу над нами, и тогда...

Один из пилотов словно услышал Скипа — лавр прямо на дороге у Сэма превратился в вихрь листьев и разломанных в куски веточек, а на том месте, где оно стояло, образовалась воронка. И тотчас послышалось приглушенное *«бум!»*.

Карпентер умудрился объехать воронку, хотя именно в этот миг Сэм накренился. К счастью, роща была близко, и спустя несколько секунд Карпентер уже вел Сэма среди деревьев. Роща состояла из гинкго и ив, растущих не так густо, как деревья в предыдущей роще.

Он сбавил скорость, и Сэм двинулся с темпом пешехода.

— Вот что я скажу, Скип. Почему бы тебе не вернуться в кабину к сестре? Перекусите чем-нибудь? Не знаю, к какой еде вы привыкли, но у Сэма припасено все, чего только можно пожелать. Для начала вы найдете в шкафу несколько квадратных ва-

куумных контейнеров — в них сэндвичи. Чтобы открыть контейнер, просто потяни за петельку на крышке. А в холодильнике есть такие высокие бутылки со звездочками на горлышке: в них шипучка — сладкая, ароматная содовая вода. Повернешь крышечку против часовой стрелки. Вперед!

Он проложил курс через рощу, используя в качестве основы густоту крон. Время от времени сквозь просветы в листве он мельком видел своих преследователей, однако был уверен, что пилоты не смогут увидеть ящероход. Возможно, ему следовало бы припарковаться под деревьями и оставаться в рощице до утра. Это дало бы ему время решить, что делать с детьми. Попытаться понять, действительно ли они марсиане или он жертва сложного мошенничества.

Скип протянул ему сэндвич с ветчиной через спинку водительского сиденья.

— Дейдре посылает вам сэндвич, мистер Карпентер.

— Я ничего не посылала!

— Нет, послала! Ты протянула его мне и ткнула пальцем в него.

— Нет, не тыкала!

— Ткнула!

— Почему бы вам не передать мне и бутылочку шипучки, принцесса? — осведомился Карпентер. — Рутбир. Ее можно узнать по коричневому цвету.

Воцарилась долгая тишина. Затем сквозь мерное урчание двигателя Сэма он услышал, как открылась и закрылась дверца холодильника, а потом *«хлоп!»* снятой с бутылки крышечки. Появилась маленькая ручка с бутылкой рутбира.

— Благодарю вас, принцесса.

— А я могу сесть вперед? — спросил Скип.

— Разумеется.

Мальчуган перелез через спинку сиденья.

— Дейдре тоже хотелось бы сесть впереди, — прошептал он Карпентеру на ухо.

— Передай ей, пусть идет, — прошептал Карпентер в ответ.

— Иди к нам, Дейдре.

Голова Сэма была шириной больше пяти футов, а ширина водительского сиденья — не превышала четырех. И все же, после того как Дейдре уселась рядом с братом, осталась еще уйма места. Оба ели сэндвичи и пили шипучку. Карпентер задумался о том, сколько сэндвичей они уже съели. Неважно. Пусть едят на

здоровье все, что пожелают. Провизии в кухонном шкафу Сэма хватило бы двоим взрослым на две недели.

Он видел щеку Дейдре — и затылок, когда она смотрела в бортовой иллюминатор Сэма. В его сторону она ни разу не взглянула. Что ж, в конце концов, он едва ли мог ожидать от нее этого. Он был всего лишь водителем вездехода, а она — принцессой. САПО считало его бывшим голографистом и прилично ему платило, но все, что ему приходилось делать, — это водить ящероход и зверомобили. Грузовые.

Несмотря на необщительность и замкнутость Дейдре, он начал чувствовать себя, как снисходительный папаша, везущий своих отпрысков на экскурсию в зоопарк. И какой зоопарк! Повсюду метались ящерицы, переливаясь почти всеми цветами радуги. Из густых зарослей осоки за Сэмом наблюдал анкилозавр, однако этот огромный бронированный ящер не стал оспаривать право Сэма ехать этой дорогой. Орнитомим почти обезумел от страха от приближения ящерохода и, спрятавшись за деревом, напомнил страуса. Два анатозавра — взрослые, — которые завтракали листьями, решили продолжить прием пищи где-нибудь в другом месте. Струтиомим — беззубый динозавр, даже больше похожий на страуса, чем орнитомим, — удрал от них через поляну. Попадались и змеи, и черепахи, не только ящерицы, а на деревьях сидели странные зубастые птицы.

Карпентер, не забывая о тираннозаврах, глядел в оба на тот случай, если гигантские тероподы выйдут прогуляться.

Внезапно прямо на пути у Сэма раздался взрыв. Появилась воронка. Крупные комья грязи и пыли заляпали ветровое стекло.

— Нас засекли! — закричал Скип.

Карпентер объехал воронку и бросил Сэма в самую чащу. Одной рукой он крутил руль, в другой держал сэндвич, а бутылку рутбира зажал между ног. Он быстро покончил с сэндвичем, влил в себя остатки шипучки и поставил бутылку на пол. Снизив скорость Сэма так, что тот едва полз, он взглянул на наручные часы: 5:46 пополудни. Еще долго не стемнеет. Он покосился на детей. Те забыли о своих сэндвичах и содовой и пристально смотрели сквозь изогнутое ветровое стекло Сэма на небольшие кусочки неба, виднеющиеся в листве.

— Полагаю, самое время улизнуть от них, верно?

— Но как, мистер Карпентер? — спросил Скип. — Они сумели засечь нас сквозь деревья, а если мы выедем на равнину,

они окружат Сэма воронками и заставят вас вернуть им меня и Дейдре.

— Думаю, ты забыл самое важное из того, что я рассказывал о Сэме. Он способен прыгать назад во времени.

Опасения Скипа исчезли, а Дейдре наконец посмотрела на Карпентера. Он ухмыльнулся.

— Ладно, братцы — доедайте сэндвичи и перестаньте волноваться.

Дейдре прошептала что-то Скипу на ухо, и Скип произнес:

— Дейдре говорит, что надо прыгнуть назад на пять дней. В таком случае они не смогут найти нас, потому что их еще здесь не будет.

— И вас обоих тоже не будет. Мы вроде как загоним Время на дерево. Время снисходительно к незначительным парадоксам, но если мы подсунем ему такой, то оно может вычеркнуть вас, ребятки, из списка, да и меня заодно, ведь меня здесь тоже еще не будет. К тому же, — продолжал Карпентер, — обратные прыжки требуют значительной мощности, и, если упрощенной машине времени вроде Сэма придется прыгать назад на срок, гораздо больший четырех дней, у него сгорят батареи. Так что, думаю, нам лучше удовольствоваться одним часом.

Объем вычислений, связанных с обратными прыжками, рос, а расстояние во времени уменьшалось. Карпентер поставил Сэма на автопилот и включил землеметр ящерохода. Лес оставался густым, и опасности, что их обнаружат похитители, сейчас не было. Он начал решать арифметические головоломки на компактном компьютере Ллонка, встроенном в панель управления.

Скип подался вперед, чтобы лучше видеть экран.

— Цифры у вас почти такие как у нас, мистер Карпентер, — заметил он, глядя на появляющиеся числа. — Если это поможет делу, Дейдре способна умножать такие числа в уме. Дейдре, сколько будет, если помножить 828464280 на 4692438921?

— 3887518032130241880, — ответила девочка.

— Думаю, мне лучше это проверить, чтобы удостовериться, — сухо произнес Карпентер. — Он нажал на маленькую кнопочку, и на экране появилось число — 3887518032130241880.

Он уставился на цифры.

— Она — гений в математике, — сказал Скип. — А я — гений в механике. Члены Королевской академии наук утверждают, что для принца и принцессы быть гениями — весьма необычно. Они полагают, что обычно члены королевской семьи — тупицы,

хотя, разумеется, не используют это слово. Готов спорить, с ними приключилась истерика, когда они узнали, что нас похитили.

— По-моему, у ваших родителей должна была случиться более сильная истерика.

— Ну, примерно так. Если им не удастся вернуть нас с Дейдре, то придется где-то выискивать нового преемника, а значит, понадобится доставить в королевство одного из наших кузенов, и это им вовсе не понравится.

— Я не имел в виду истерику из-за поисков нового преемника. Я имею в виду их волнение из-за того, что вы, дети, в опасности.

— Не думаю, что это их очень обеспокоило. Мы для них, в общем-то, незнакомцы. Мы даже живем не в той части дворца, где живут они, и видимся с ними только во время появлений на публике и на королевских свадьбах, когда вся семья должна присутствовать на торжествах.

— Послушайте, — сказал Карпентер, — ваш рассказ и без того уже затянулся, так не надо делать его еще длиннее. Почти все люди заботятся о своих детях, даже короли и королевы.

— Может быть, на Земле будущего, но не на Марсе в настоящее время. На Марсе сейчас никто не заботится о своих детях. Думаю, вам это странно, ведь я не рассказал вам об искоренении эмоциональности. Понимаете, на Великом Марсе каждый подвергается этому в тринадцать лет. Это простая операция на мозге, которую может провести почти каждый хирург. Очень давно ученые обнаружили, что эмоциональность — основной фактор нестабильности, и что без благородных и нежных чувств — любви, привязанности и сострадания, — то и дело охватывающих людей, цивилизация гораздо устойчивее. Когда человек подвергается десентиментализацию, он приобретает способность принимать хладнокровные решения, неизменно основанные на чистой логике. Порой людей все еще охватывает ненависть, но, как правило, избавленные от эмоций, они действуют с наибольшей эффективностью и способны выбрать логический курс жизненный курс, позволяющий преуспеть и заработать много денег. Конечно, нашим с Дейдре родителям не приходится думать о том, как бы преуспеть и заработать денег, однако у них такой же объективный взгляд на жизнь, как у всех прочих Великих Марсиан. Как видите, просто мы с Дейдре не можем их очень уж заботить. Разумеется, наше отсутствие их взволновало, но они неспособны переживать за нас.

Карпентер посмотрел в серьезное лицо Скипа и на не менее серьезный профиль Дейдре.

— Да, мне кажется, я понимаю.

— Вероятно, нашим похищением больше обеспокоено государство, нежели наши родители. На Великом Марсе по традиции на престоле должен быть король — или королева, и принц или принцесса, чтобы наследовать государю. Не потому, что королю или королеве приходится выполнять множество государственных функций; просто они есть. На заре нашей истории короли и королевы правили государством железной рукой. Теперь люди правят им сами — или так считают, но у нас всегда была Королевская Семья в качестве официальной верховной власти.

— У нас на Земле есть одно подобное правительство, но люди там не лишены эмоций.

— Можно подвергнуться этой операции и по-прежнему нуждаться в Королевской Семье. Королевская Семья олицетворяет деньги и положение, а также представляет как своего рода идеал.

Тут Карпентер осознал, что говорит с мальчиком и слушает его так, словно эти дети действительно родом с Марса. Ему пришло в голову, что его сомнения испарились и теперь он верит всему, что рассказал ему мальчик. Ясные голубые глаза Скипа с самого начала говорили о том, что тот не обманывает, и Карпентеру следовало бы верить ему, однако препятствовал здравый смысл.

Иногда, размышлял он, здравый смысл — злейший враг человека. Птолемей основывался на здравом смысле, когда придумывал свою нелепую вселенную. Средневековые доктора, повинуясь здравому смыслу, пускали кровь пациентам. Колумб, обратившись к здравому смыслу, назвал обитателей острова Сан-Сальвадор индийцами.

Итак, дети с Марса, их похитили и увезли прочь, а они — принцесса и принц. Нужно исходить из этого. Он закончил считать на компьютере, повернул рычаг обратного прыжка и сказал:

— Ну, ребятишки, поехали!

Внутри и снаружи трицератанка ненадолго возникли мерцание и почти незаметное дребезжание. Затем произошел такой мягкий переход, что Сэм в своем движении даже не запнулся.

3

Карпентер перевел стрелки часов с 5:54 на 4:54 пополудни, вырубил землеметр и перевел Сэма на ручное управление. Часы на панели управления переустановились. Когда лес кончился, Карпентер вывел машину на солнечный свет.

— Взгляните на небо, ребятки. Нет там каких-нибудь так называемых птеранодонов?

Они вперились в ветровое стекло. Скип наклонился вперед, чтобы посмотреть, что происходит над лесом.

— Ни одного, мистер Карпентер.

Карпентер пустил Сэма полным ходом.

— Лучше убраться подальше, да поскорее, прежде чем они доберутся сюда. И лучше не оставлять никаких видимых следов.

Очевидно, дождя давно не было, земля оставалась твердой. Он поехал по ложному маршруту, тщательно объезжая растительность, которую обязательно смяли бы гусеницы Сэма, и места, где ничего не росло. В большинстве случаев гладкое покрытие было достаточно упругим, чтобы вновь обрести былую форму после того, как по нему проедет трицератанк. Они подъехали к ручью, и Карпентер примерно с милю вел Сэма вверх по руслу.

Дейдре что-то шепнула Скипу, и тот сказал:

— Дейдре хотелось бы знать, далеко ли в будущее может прыгнуть Сэм, если его диффузор не имеет регулятора.

— Вероятно, не дальше, чем он может прыгнуть в прошлое. Самое большее — на четыре с половиной дня. Если прыгнуть чуть дальше, батареи накроются. Но если бы я ввел его в квантовое поле моей точки входа и подсоединил к мощной машине времени Ллонка из лаборатории САПО, его радиус действия мог бы достигнуть 74 051 622 лет, трех с половиной месяцев плюс те семь или восемь часов, которые я провел здесь. Но это мое настоящее, так что на самом деле оно для меня никакое не будущее, хотя, безусловно, для вас, ребятишки, — да. Настоящие путешествия в будущее запрещены из-за возможных осложнений, которые могут там возникнуть, и поэтому что людям обычно лучше не знать, что принесет завтрашний день.

Наступила тишина. Затем Скип спросил:

— А каков Марс в ваше время?

Карпентер решил, что не грех немного прилгнуть.

— По сути, мы знаем об этом не очень много, поскольку не предпринимали межпланетных путешествий с человеком на борту.

— Готов поспорить, что разница намного больше, чем сегодня.

— Ну, в конце концов, — сказал Карпентер, — 74 051 622 года... — Пора было сменить тему разговора: — Ты упомянул какой-то Космофлот. Есть шанс, что они выяснят, что похитители доставили вас сюда?

— Нет. Они не очень проницательные, мистер Карпентер.

— Если они все же выяснят это, сколько времени им понадобится, чтобы добраться сюда?

— В настоящий момент происходит противостояние Земли и Марса — их разделяет примерно пятьдесят миллионов миль. Космофлот может совершить такой перелет меньше чем за пять дней.

— Но это невозможно! — возразил Карпентер.

— Не для большого, быстрого марсианского корабля. Великий Марс специализируется на космических полетах. Наши корабли используют для взлета отталкиватель массы, после чего включают ионные двигатели. И способны развивать очень высокие скорости. Если бы на полпути между двумя планетами не приходилось начинать торможение, они могли бы прилететь значительно быстрее. Неужели у вас *вообще* нет межпланетных кораблей, мистер Карпентер?

— Мы добрались до Луны, — сказал тот. — Но едва ли это можно назвать межпланетным перелетом.

«И Луна, — подумал он, — это самая дальняя планета, куда мы собираемся добраться». Ведь с тех пор как изобрели машину времени Ллонка, средства, которые иначе могли бы пойти на изучение космоса, уходили и уходят на изучение прошлого.

Сэм теперь двигался в северном направлении, и утесы, хотя до них по-прежнему оставалось несколько миль, отчетливо виднелись между разбросанных по равнине рощиц.

Карпентер подумал: а что, если развернуть трицератанк, взять курс на реку и квантовое поле и отправить детей в 1998 год от Рождества Христова? Однако если вернуться на дорогу, по которой они приехали, то появлялся риск, что Сэма засекут, и в любом случае Карпентер сомневался, следует ли отправлять детей в двадцатый век. Они могли сойти за современных американских детей, и, безусловно, Скип вроде бы разговаривал, как они, благодаря говорешкам в ушах Карпентера, однако они не были современными американскими детьми. Они были марсианами и

вдобавок, словно чтобы усложнить проблему, принцем и принцессой.

Безусловно, они хорошо умели приспосабливаться, но даже если и так, от них едва ли можно было ожидать, что они невозмутимо примут ценности (или их отсутствие) западной цивилизации двадцатого века. И что он будет с ними делать, отправив их в 1998 год новой эры? Отдаст их на чье-то попечение? Или усыновит сам? Он горестно усмехнулся. Как ему усыновить двоих детей, когда единственный его дом — гостиничный номер?

Конечно, он мог бы купить настоящий дом.

Но даже если допустить, что он их усыновил, это не решало всех проблем. Как, скажите на милость, отдать принцессу, умеющую умножать в уме 828464280 на 4692438921, в среднюю или даже частную школу? Принцессу, которая вдобавок не станет разговаривать ни с кем не принадлежащим к марсианской королевской семье? Он так и видел: вот она идет по школьному коридору, задрав нос, а остальные дети смеются над ней, и обзывают воображалой и другими похожими прозвищами, и ненавидят ее не только за высокомерие, а еще и потому, что она втрое их умнее.

Скипу, несомненно, будет проще, но и его не минуют сложные времена.

Единственный возможный способ разрешить эту дилемму — отправить их в 1998 год, подержать там пару недель, а затем вернуть на Эридан в надежде, что Космофлот к тому времени выследит похитителей, арестует их и начнет поиски пропавших детей. Но, по словам Скипа, Космофлот был недостаточно сообразителен, чтобы выследить похитителей, и у этого плана имелся еще более серьезный изъян: САПО; путешествие во времени на 74 051 622 года туда и обратно стоило целое состояние. Голограммы, сделанные Сэмом, частично оправдали бы возвращение Карпентера без сведений о происхождении окаменелых останков, но если бы ему пришлось спросить у САПО, нельзя ли предпринять еще одно такое же путешествие исключительно ради того, чтобы отвезти детей обратно, гнев Общества будет подобен урагану, налетевшему на Иова. Он может доказывать до посинения, что эти дети — марсиане, и что похитители, доставившие их на Землю, могут быть связаны с окаменелостью, но САПО поверит ему не больше, чем он сам поначалу верил Скипу.

Он взглянул на часы: 5:21. Если поехать к полю, ночь наступит раньше, чем они туда доберутся, а он не рвался вести трице-

ратанк в темноте. Чтобы он ни решил делать с детьми, придется ждать завтрашнего дня. Он посмотрел на утесы. Теперь они были совсем близко.

— Ребятки, как вы к тому, что мы разобьем лагерь?

Скип посмотрел на него. Дейдре тоже.

— Разобьем лагерь? — спросил Скип.

— Ну да. Разведем костер, приготовим на нем еду, расстелем на земле одеяла — обычный американо-индейский стиль.

— Что такое американо-индейский стиль?

Карпентер рассказал им о племенах арапахо и шайен, о кроу и апачах, о буйволах, Великих равнинах, о последней стоянке Кастера[1], о Джеронимо[2], о Сидящем Быке[3] и Кочисе[4], а потом об индейцах с востока, о Деганавиде и Гайавате, основавших Лигу пяти племен, об озере Красивом и Четырех Посланниках, об индейцах племени чероки и Дороге Слез; и, пока он рассказывал обо всем этом, взгляды детей не отрывались от его лица, словно после холодной долгой ночи они увидели утреннее солнце. Потом принцесса Дейдре поймала на себе его взгляд — и она стерла с лица изумление, ее взгляд снова стал холодным взглядом истинной принцессы.

Утесы все выше вздымались в небо и в косых солнечных лучах были ослепительно-белыми. Издалека они походили на меловые, но слагались из известняка. За полосой гинкго он обнаружил у подножья скал большую впадину и припарковал Сэма в ней, довольно далеко от края. Потом растянул защитное поле, создав полусферу, которая охватывала впадину и довольно обширный участок земли перед ней, и прямо внутри защитного поля вклю-

---

[1] Джордж Армстронг Кастер — американский кавалерийский офицер, прославившийся безрассудной храбростью, необдуманностью действий и безразличием к потерям; погиб 25 июня 1876 года при атаке на превосходящие силы индейцев под командованием Сидящего Быка и Бешеного Коня, в ходе которой отряд Кастера был разгромлен.

[2] Вождь апачей (1829—1909), защищавший свой народ от американской армии.

[3] Вождь племени дакота (1831—1890), объединявший племена индейцев, обитающих на Великих Равнинах.

[4] Кочис (1805—1874) — вождь апачей и лидер восстания, которое вспыхнуло в 1861 году; одна из наиболее значительных фигур в истории Американского Юго-Запада в XIX веке и один из величайших лидеров североамериканских индейцев.

чил иллюз-поле, также придав ему форму полусферы, отрегулировав прежний цвет так, чтобы не бросаться в глаза на белизне утесов. Теперь, если смотреть снаружи, любой принял бы впадину за огромную выпуклость под утесом, но поскольку иллюзполе было односторонним, Карпентер и дети могли видеть сквозь стены своей святая святых.

Сэм потерял свой оригинальный вид. Теперь это был огромный танк с большой складчатой носовой частью.

Проверив лагерь на рептилий и обнаружив лишь нескольких крошечных ящериц, Карпентер велел Скипу и Дейдре набрать дров для костра. Но подчинился лишь Скип. Дейдре не желала принимать никакого участия в такой унизительной работе и стояла в стороне, презрительно наблюдая за братом. Скип напоминал бойскаута, выслуживающегося ради значка отличия. Вокруг было полно сухих веток гинкго, и вскоре Скип натаскал внушительную их груду. К этому времени он растерял весь свой скудный запас сдержанности и закричал:

— Можно я помогу разжигать костер, мистер Карпентер? Можно? Можно? Можно?

— Почему бы и нет, — отозвался Карпентер.

Уже наступила ночь. Стены утеса порозовели, потом посветлели до бледно-желтого цвета, когда первые языки пламени костра обрели зрелость. После того как дети умылись над раковиной Сэма, Карпентер нашел на самой верхней полке шкафа, где хранились предметы туалета, две новенькие расчески и протянул их детям. Умывшись сам, он принялся рыться среди провизии в поисках пригодных для готовки на костре припасов. Поставщиком была одаренная богатым воображением мисс Сэндз, и он не особенно удивился, обнаружив в холодильнике несколько дюжин венских сосисок и четыре упаковки булочек для хот-догов. Отыскалась и горчица, и приправа из овощей. Он схватил столовый нож, отнес булочки, сосиски, горчицу и приправу наружу и разложил все это на плоский камень у костра. Потом он нашел палку в ярд длиной, заострил один ее конец перочинным ножом и показал Скипу, как насаживать сосиску и как жарить ее на огне. Когда сосиска треснула, он показал мальчугану, как вкладывать ее в разрезанную булочку и как намазать ее горчицей и приправой.

— Как думаешь, твоя сестра проголодалась?

— Не знаю, — ответил Скип, откусывая громадный кусок хот-дога. Он прожевал его и проглотил. — Здорово!

— Как ты считаешь, если я сделаю ей хот-дог, она его съест?

— Возможно.

Карпентер нашел и заострил еще одну палочку, насадил на нее сосиску и подержал над огнем. Скип, разделавшись с первым хот-догом, начал готовить второй. Дейдре, стоя чуть в стороне, наблюдала за приготовлениями со смесью презрения и любопытства, причем любопытство явно преобладало. Ее глаза цвета осенних астр, казалось, стали еще больше. Теперь, в потрепанных панталончиках и блузе, она меньше походила на принцессу, хотя ее волосы были аккуратно причесаны. Даже при свете костра они были оттенка лютика. Когда сосиска треснула, Карпентер вложил ее в булку и намазал горчицей и приправой. И протянул ей.

— Попробуй, вдруг понравится, тыковка.

Сперва он не думал, что она примет от него хот-дог. Потом Дейдре протянула руку, и Карпентер вложил хот-дог ей в ладонь. Он отвернулся к костру, чтобы поджарить сосиску для себя. Спустя несколько секунд он взглянул на девочку. Ее хот-дог исчез, и она что-то шептала Скипу.

— Да ладно! — сказал тот. Отыскав еще одну палочку, он одолжил у Карпентера перочинный нож и заострил ее. Насадил сосиску, потом насадил вторую на свою и подержал их некоторое время над огнем. Когда они треснули, он вложил их в булочки, и дети полили их горчицей и приправой. Дейдре откусила большой кусок, а Карпентер отвернулся, чтобы она не заметила его улыбки.

Он заострил для себя еще один прутик, и после того как зажарил и съел еще два хот-дога, отправился в кабину Сэма. Он уже спустил нейлоновый трап, чтобы дети могли взбираться внутрь и спускаться наружу. В кабине на плите Сэма он сварил какао. Почему-то ему казалось, что их ночевке под открытым небом что-то не достает. Не может быть, решил он, чтобы мисс Сэндз, снабдив их сосисками, булочками, горчицей и приправой, не положила еще и зефир. Он пошарил в шкафу. Ну конечно, там оказался довольно большой пакет. С победоносным видом он вынес его наружу вместе с чайником какао и тремя чашками. Разлив какао, он открыл пакет.

— Ну, ребятки, такого вы еще не видели.

Под их изумленными взглядами он насадил зефирину на палочку и подержал над уже угасающим огнем. Дети пристально смотрели. Зефирина стала золотисто-коричневой. Он снял ее с палочки и откусил маленький кусочек.

— Недурно, — промолвил он.

Скип уже сам насадил зефирину на палочку и держал над огнем. Дейдре подвинулась поближе к костру, не сводя глаз с зефирины. Та становилась золотисто-коричневой. Скип, не в силах больше терпеть, снял ее с палочки и попробовал.

— Ух ты!!!

Карпентер молча взял палочку, которую Скип заострил для Дейдре, наколол на нее зефир и протянул девочке. Через секунду она стояла рядом с братом, который поджаривал другую зефирину; обе стали в огне золотисто-коричневыми.

Когда костер наконец превратился в сверкающие уголья, зефира почти не осталось.

— Ребятки, вы когда-нибудь прежде спали под открытым небом? — осведомился Карпентер.

Скип помотал головой.

— Конечно, вы можете спать в Сэме, — сказал Карпентер. — Один из вас может спать на койке, а для другого я сооружу постель из одеяла на полу и...

— Нет, лучше мы поспим снаружи, — возразил Скип. — Как индейцы. Правда, Дейдре?

Девочка кивнула.

Костер все еще давал слабый свет, поэтому не было необходимости включать мощный прожектор, встроенный в стальной головной щит Сэма. Карпентер набрал под деревьями веток гинкго, которые еще сохранили упругость, и сделал из них самодельные матрасы. Потом открыл отсек-хранилище под полом кабины Сэма. Там нашлось достаточно одеял, чтобы удобно устроить небольшую армию. Он свалил охапки на самодельные матрасы и накрыл каждый тремя одеялами. Затем, вернувшись в отсек за новыми одеялами, он превратил два в импровизированные подушки и положил по одной на каждую постель, а еще одно бросил сверху, чтобы дети могли им укрыться. Было тепло, но защитное поле, непроницаемое для динозавров, все-таки пропускало холодный ночной воздух, и ближе к рассвету температура, разумеется, понизилась бы.

Лица детей выдавали их усталость, но Скип не сразу улегся, когда Карпентер объявил отбой. Дейдре, не проронив ни слова, выбрала одну из древесных постелей, сняла ботинки, легла и натянула одеяло до подбородка. Скип наблюдал, как Карпентер готовил себе постель. Когда он лег, мальчик уселся рядом.

— Эй, это моя постель, — сказал Карпентер.

— Знаю. Я... но я пока еще не устал.

— По тебе этого не скажешь.

Весь вечер за границами защитного поля раздавались хрюканье, рычание и мычание; теперь их внезапно сменил жуткий шум, который напомнил Карпентеру о машине, вскрывающей старый асфальт. Земля сотрясалась, а последние язычки пламени костра бешено мигали.

— Похоже, сам старина тираннозавр, — заметил Карпентер. — Может быть, он перекусить парочкой орнитомимов?

— *Тираннозавр?*

Карпентер описал мальчику тираннозавра. Он ни разу не видел его во плоти, но во время предыдущих полетов в прошлое встречался с его предками — *аллозавром* и *горгозавром.* Когда он закончил рассказывать, Скип кивнул:

— Он — еще одна причина, почему колонисты так поспешно сбежали отсюда. Мамочки, здесь, на Земле, водились жуткие чудовища!

— К моему времени они давным-давно исчезли. Они будут существовать еще всего несколько миллионов лет. Может быть, когда-то такие существа обитали и на Марсе.

— Нет. Там таких никогда не было.

— Но у вас должна быть некая форма жизни, предшествующая появлению человека.

Скип покачал головой.

— Нет. Если бы она была, наши палеонтологи обнаружили бы какие-нибудь ее следы. Все формы жизни, когда-то существовавшие на Марсе, есть и сейчас, и даже они живут там только с ледникового периода. Все динозавры умрут, мистер Карпентер?

— Все большие динозавры.

— Что с ними случится?

— В моем времени никто не знает, что с ними случилось. Когда закончился меловой период, они исчезли... Меловым периодом мы называем время, в котором мы сейчас находимся. Североамериканское палеонтологическое общество надеялось узнать, что произошло, когда начнет использовать машины времени Ллонка, но это им так и не удалось. Всякий раз, когда я или кто-то из голографистов, исследователей прошлого, отправлялись в последнее тысячелетие мелового периода, мы оказывались в другой точке — гораздо дальше, чем нам хотелось бы.

— Это ку, ручаюсь. Они не хотят, чтобы вы это выяснили.

Как и Эридан, это слово прошло через сережки Карпентера без перевода.

— Ку? — переспросил он.

— Они засевали Марс. Людьми и другими формами жизни. Должно быть, однажды они засеют и Землю человеческой жизнью. Точно такой же, как на Марсе. Ваше возвращение сюда из будущего доказывает это.

— Если они собираются засеять Землю человеческой жизнью, то почему сперва засеяли ее рептилиями?

— Вероятно, рептилии — это эксперимент. Который, возможно, провалился.

Карпентер подумал о Дарвине, но он не видел смысла вкратце излагать теорию эволюции девятилетнему мальчугану. Он решил, что вряд ли это пойдет тому на пользу.

— А кто такие эти «ку», а, Скип?

— Никто не знает. Теоретически, они явились из другой галактики. Но никто не знает, почему они делают то или это. Колонисты, жившие здесь, утверждают, будто видели их.

— Здесь? На Земле?

— Да. И люди, живущие на Марсе, тоже говорят, что их видели. Кстати, ку оставили следы.

— Какие следы?

— Огромные памятники.

— Неужели *ученые* верят, что они засеяли Марс?

— Они совершенно уверены в этом.

Тут «дорожно-ремонтной машине» попался неподатливый кусок асфальта и, судя по последовавшим жутким звукам, она сломалась. Скип поближе придвинулся к Карпентеру.

— Не волнуйся, — успокоил тот. — Даже целой армии тираннозавров не пробиться сквозь защитное поле.

— Вы женаты, мистер Карпентер?

Вопрос был задан ни с того ни с сего. Карпентеру пришло в голову, что Скип морочит ему голову разговорами, чтобы подольше не ложиться.

— Я так понимаю, что «женат» для тебя означает пожизненный союз мужчины и женщины?

— Да. Деловые и любовные отношения. На Марсе государство присматривает за тем, чтобы в таком союзе каждый был совместим с другим.

— Как же могут два человека говорить о любви друг к другу, если их лишили эмоций?

— Ну, по правде говоря, не могут. Вот почему государство так печется о совместимости. Так как, вы женаты? — снова спросил Скип.

— Нет.

— Почему? Вы уже достаточно взрослый.

— Ну, понимаешь, на Земле будущего это несколько отличается от обычая, существующего на Марсе настоящего. Это состояние не имеет ничего общего со сделкой, и деловые отношения тоже не играют здесь никакой роли, хотя, возможно, и должны. А происходит вот что: мужчина влюбляется в женщину, а она — в него, и потом в большинстве случаев они сочетаются браком. Хотя очень часто брак оказывается ошибкой.

— Полагаю, довольно трудно достичь совместимости, если вы не лишены эмоций.

— Похоже, это и есть наше слабое место.

— Поэтому мне кажется, что к этому времени, мистер Карпентер, некая девушка определенно влюблена в вас, а вы в нее, руководствуясь единственно любовью.

— Иногда, — отозвался Карпентер, — мужчина влюбляется в девушку, а она в него — нет.

— Так вот что с вами случилось, мистер Карпентер, да?

Дейдре повернулась на бок под одеялом. Карпентер задумался, спит она уже или нет.

— Да, — сказал он. — Именно так и случилось. — И обнаружил, что рассказывает Скипу о мисс Сэндз. Казалось, сегодня в этот вечер он говорил столько, сколько давно уже не говорил, скорее всего, так оно и было, ведь годами ему не с кем было поговорить — то есть не с кем, кто проявлял бы к сказанному не просто вежливый интерес. — Есть одна девушка по имени мисс Сэндз. Она хронографист и снабженец экспедиций в прошлое Североамериканского палеонтологического общества. Ее зовут Элейн, но для всех она Сэнди. Кроме меня. Я... я зову ее просто мисс Сэндз. Она отвечает за то, чтобы никто ничего не забыл, когда отправляется в прошлое, и еще при помощи радиоуглеродного ретроскопа точно определяет место и время перехода, а затем выделяет нужную область с помощью времяскопа. Потом они с ее помощником — это Питер Филдс — постоянно остаются начеку, готовые прийти на помощь, если голографист отошлет назад банку куриного бульона. Это наш сигнал опасности. Видишь ли, в нашем языке слово «курица» иногда означает страх.

— Вы влюблены в нее, мистер Карпентер?

— Я влюбился в нее с первого взгляда.

— Что она сказала, когда вы признались?

— Я признался. Не осмелился. Понимаешь, она не просто обычная заурядная девушка. В ней есть что-то особенное. А я просто один из голографистов, на которых она работает; возможно, потому это одна из причин, отчего она, кажется, вообще не замечает меня. Думаю, я для нее не больше чем деревяшка. По сути, единственная наша с ней беседа заключалась в том, что я как-то сказал ей «доброе утро» и она ответила мне тем же. И даже тогда она не взглянула на меня. Понимаешь, к такой девушке нельзя просто подкатить и брякнуть: «Я тебя люблю». Ты в некотором смысле поклоняешься ей издали и ждешь, что она заметит: ты — живой человек. Воображаю, что она сказала бы, если бы я признался ей в любви. Да, могу себе представить!

— Ох, ты же, — сказал Скип. — Но ведь можно попробовать и посмотреть, что выйдет.

Карпентер мотнул головой.

— Духу не хватает. Все равно, я не вправе ждать от нее ответной любви. Кто я такой? Водитель вездехода. Что я мог бы дать такой девушке?

— Вы могли бы ее любить. Видите ли, мистер Карпентер, меня пока еще не лишили эмоций, поэтому понимаю, что такое настоящая любовь. И я бы сказал, что если ты по-настоящему влюблен в девушку, она не вправе ожидать от тебя чего-то большего.

— Это только в теории. Вы, современные марсиане, правильно мыслите. Брак должен основываться и на любви, и на деловых отношениях, пусть даже любовь штука довольно эфемерная. Можно любить человека сколько угодно, но, если брак не скрепляет еще что-нибудь, ничего не выйдет.

— По-моему, это дурацкий довод, мистер Карпентер — наверняка водители вездеходов, такие как вы, зарабатывают кучу денег.

— А *я* считаю, — сказал Карпентер, — что некоему молодому человеку самое время ложиться спать.

— Но я не устал!

— Ты так сильно устал, что заснешь, как только закроешь глаза.

Скип неохотно поднялся.

— Что делают люди на Земле будущего, когда идут спать?

— Говорят «спокойной ночи». А утром, когда просыпаются и встают, говорят «доброе утро».

— Спокойной ночи, мистер Карпентер.

— Спокойной ночи, Скип.

Карпентер посмотрел, как мальчик подходит к своей незатейливой постели, снимает сапоги и залезает под верхнее одеяло. Вскоре до Карпентера донеслось его ровное дыхание. Скоро к нему присоединилось ровное дыхание Дейдре. Да, все это время она бодрствовала.

Ее одеяло соскользнуло с плеч. Он подошел и опять натянул его до подбородка девочка. Она повернулась с боку на бок; отблеск походного костра придавал ее лютиковым волосам рыжеватый оттенок. Карпентеру стало интересно, есть на Марсе заросшие лютиками луга, как на Земле 1998 года, и он решил, что, наверняка, есть, и тут он представил, как солнце встает над марсианским горизонтом, подгоняя день в сверкающих бриллиантах росы.

Он устал, но не думал, что сумеет заснуть. Он обошел догорающий костер и уставился в темноту за границей защитного поля. Огромный теропод ушел, и меньшие твари мелового периода обозначили свое присутствие. Он мельком заметил несколько похожих на страусов струтиомимов и увидел огромный смутный силуэт анкилозавра, стоящего неподалеку от края полосы гинкго. Он услышал топоток насекомоядных. Луна немного отличалась от той, которую он привык видеть высоко в небе Земли. Луна была серповидной, между первой четвертью и полнолунием. Несомненно, ощущение различия возникало из-за меньшего количества кратеров, пятнавших ее поверхность.

Вскоре он осознал, что, хотя по-прежнему смотрит на луну, больше ее не видит. Вместо этого он видел костер, тот костер, на котором совсем недавно мальчик с девочкой жарили зефир над угасающим огнем. Почему он не женился и не завел детей, вдруг подумал он. Не одна симпатичная девушка поглядывала в его сторону. Почему он пренебрегал ими? Чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в девушку, которая предпочитала смотреть на него как на нечто неодушевленное? Откуда он взял, будто независимость, которую дает целибат, выше удовольствия любить и знать, что любят тебя? Почему одинокий гостиничный номер стал его зáмком, а надраться в тускло освещенных барах с дешевыми девками, чьих лиц он не помнил уже на следующий день, — якобы всем, что ему требовалось после дневного, а то и недельного труда?

У него было столько амбиций! Одно время он выступал как боксер-любитель, потом стал дровосеком. Взбирался на горы Тибета. Не на Эверест, но на несколько высоких вершин. Несколько лет он служил моряком на торговом судне, а после пошел в сталевары. В конце концов Карпентер стал голографистом прошлого.

Существовало два стакана — один полный, другой пустой. Он выбрал пустой.

И все равно это не доказывало, что стакан совершенно пуст, ведь он отыскал в прошлом то сокровище, которое в будущем выбросил. Сокровище — девочку и мальчика.

Ночь стала холодной. Он подошел к Сэму, забрался в водительский отсек, достал из кобуры на двери водителя лучевой пистолет и сунул его за ремень. Вылез наружу, подкинул дров в затухающий костер, снял сапоги и улегся на ложе из веток. Он положил лучевой пистолет на землю так, чтобы до него легко было дотянуться, хотя не сомневался, что оружие ему не понадобится, и настроил свой внутренний будильник так, чтобы проснуться с первыми лучами зари. Он считал, что похитители не выследили Сэма, однако мнимое вздутие, созданное иллюз-полем у подножия утеса, при свете дня казалось бы неуместным, и если похитители продолжали поиски, то могли бы догадаться о его истинной природе. Надо было срочно найти более безопасное укрытие для детей, чтобы они оставались там, пока он решает, что с ними делать дальше.

Он вслушивался в потрескивание вновь разгорающегося костра и наблюдал, как бледные отблески нового пламени скользят по детским лицам. Маленькая ящерка таращила на него золотые глаза с камня в нескольких футах от них. Где-то вдали взревел динозавр. Рядом с ним этой мезозойской ночью тихо дышали дети на своих неудобных ложах. Наконец он уснул.

Проснулся он на рассвете. Костер погас. Карпентер не стал разводить новый — это отняло бы чересчур много времени. Он принес в кабину Сэма чайник какао и три чашки, и после небольшой уборки вымыл их в раковине. Потом опять стал варить какао. Сойдет за первый завтрак. Потом, когда он найдет более безопасное укрытие, он соорудит для детей обильный завтрак.

Он налил себе чашку какао и оставил ее в кабине, а чайник и две другие чашки вынес наружу. Дети все еще крепко спали.

— Просыпайтесь, ребята, — пора выдвигаться.

Выдвинуться удалось не очень далеко. В сущности, они даже не добрались до дороги. Карпентер совершил две ошибки. Вернул лучевой пистолет в кобуру на дверце водителя, а затем, убрав иллюз-поле и изменив его так, что оно превратило ящероход в рогатого динозавра, отключил защитное поле Сэма, чтобы дать короткий отдых батареям. Когда он допил какао и спрыгнул из водительского отсека на землю, из полосы гинкго появились три фигуры — и рассредоточились. Один остановился по левую руку от Карпентера, второй — по центру, третий — справа. У каждого было длинное серебристое ружье, и все ружья были нацелены в грудь Карпентеру.

4

Тот, кто стоял прямо напротив, оказался женщиной. Высокой, худощавой, с суровым красивым лицом. Темные волосы падали на плечи, на правой щеке виднелся свежий шрам. Она казалась примерно ровесницей Карпентера.

Справа и слева стояли мужчины. Они тоже казались примерно ровесниками Карпентера. У обоих были недобрые бородатые лица. Человек, стоящий слева, был худым и жилистым, а тот, что справа, — высоким, гораздо выше женщины. Крупные зубы придавали его лицу сходство с шимпанзе. Он улыбался.

У обоих мужчин были длинные каштановые волосы, нуждавшиеся в расческе. Оба были в грязных одеяниях, похожих на комбинезоны и в пыльных сапогах. Женщина была одета так же.

Большим пальцем Карпентер нащупал на указательном пальце перстень с устройством связи. Почувствовав крохотный квадратный выступ, он надавил на него, и Сэм, стоявший носом от утесов, ринулся прямо на равнину, вынудив женщину отскочить с дороги. Скорость его была настолько велика, что боковая пассажирская дверца, не закрытая Карпентером, с лязгом захлопнулась.

Женщина с худым жилистым мужчиной открыли огонь по ящероходу раньше, чем он исчез за деревьями. Их ружья испускали лучи, похожие на лазерные, однако ни один явно не нашел свою цель, судя по мягкому ровному урчанию двигателя Сэма, постепенно затихавшему, пока он выезжал на равнину.

Автопилот, активированный и запрограммированный перстнем, должен был обеспечить движение Сэма на протяжении пяти миль, а его землеметр, тоже включенный перстнем, не давал ему падать в канавы или врезаться в деревья.

Трое похитителей пришли в ярость. Особенно высокий с обезьяньими зубами, который теперь приближался к Карпентеру. Дейдре со Скипом все это время стояли как истуканы, по-прежнему держа чашки с недопитым какао. Скип громко закричал:

— Берегитесь его, мистер Карпентер! Осторожно!

Даже сквозь бороду просвечивала бледная кожа высокого. Его голубые глаза такие же суровые, как и лицо, косили. Он остановился в нескольких футах от Карпентера.

— Значит, ты тут с приятелем.

Карпентер кивнул. Его не смущало, что этот тип мог подумать, будто Сэма увел еще какой-то человек.

— Что вы здесь делаете? Откуда вы?

У высокого не было говорешек, поэтому Карпентер не видел никакого смысла ему отвечать.

— Он из будущего, — вмешался Скип. — Он не говорит ни на одном из марсианских языков.

— Заткнись! — рявкнул высокий.

Приблизились два других похитителя.

— Он знает, куда поехал его дружок, — сказала женщина. — Развяжи-ка ему язык, Флойд.

Высокий наставил дуло ружья в грудь Карпентеру.

— Мы не любим секретов. Куда он отправился?

— Я же сказал, — закричал Скип, — он не умеет говорить на нашем языке!

Женщина подошла к детям.

— Тогда говори ты, — сказала она Скипу.

— Я не знаю.

Женщина пристально посмотрела в лицо Дейдре.

— Принцесса наверняка знает.

Дейдре взглянула на нее, как на червяка, только что вылезшего из червоточины. Женщина в ярости вскричала:

— Ты мне все расскажешь, не то я сверну тебе шею, фря!

Дейдре плюнула ей в лицо. Женщина сняла одну руку с ружья и замахнулась, чтобы ударить Дейдре по лицу. Карпентер, позабыв про Флойда, и про ружье, кинулся к ним. Зато Флойд не забыл о нем, и приклад его ружья, описав зловещую дугу, начал

опускаться Карпентеру на голову. Но боксерская реакция не подвела Карпентера, и он подставил под удар предплечье, однако удар все-таки свалил его на землю. Через секунду дуло ружья оказалось в нескольких дюймах от его носа.

Дейдре увернулась от удара женщины. Теперь вперед выступил третий похититель.

— Такая большая машина обязательно оставит след, Флойд. Давай-ка пройдем по нему.

— Вчера она его не оставляла.

— Мы просто не знали, где искать. Давай-давай, пойдем.

Дуло ружья сдвинулось на дюйм влево от носа Карпентера. Потом еще на дюйм. И убралось.

— Обыщи его и свяжи, — приказал Флойд жилистому.

У Карпентера в карманах не оказалось ничего такого, о чем стоило бы серьезно беспокоиться: бумажник он оставил в кабине Сэма, а часы его не особенно заботили. Однако он беспокоился о перстне с устройством связи. Если даже ему выпадет случай освободить себя и детей, толку в этом не будет, если он не сумеет вызвать Сэма.

Худой, жилистый мужчина вытащил из карманов Карпентера кошелек с мелочью и ножик и забрал часы, однако то ли не обратил внимания на перстень, то ли счел его дешевой побрякушкой, которую не стоило брать. Похоже, он не заметил и сережек на ушах Карпентера. Но, вероятно, похитителям было наплевать, понимает ли он, о чем они говорят, или нет.

Потом жилистый длинной веревкой, которую ему протянула женщина, связал Карпентеру руки за спиной. Флойд рывком поднял Карпентера и толкнул его в сторону деревьев. С Дейдре и Скипом поступили также, хотя рук им не связывали, и похитители отправились в путь, толкая в спины трех своих пленников.

— Похоже, — сказал Карпентер Скипу, который шел рядом, — что я, ребятки, не очень-то помог.

— Неправда, мистер Карпентер, Вы сделали для нас все, что могли.

— Как зовут того, который меня обыскивал?

— Фред. Высокого зовут Флойд — он у них главный. Женщину зовут Кэти. А четвертый, наверное, в городе. Его зовут Хью. Он самый плохой.

— Разве можно быть хуже этих трех?

— Не знаю, но это так.

— Молчать! — пронзительно выкрикнула Кэти.

Кэти, Флойд, Фред, Хью. Имена *звучали,* как американские, точно так же как Скип и Дейдре. Но Карпентер знал, что это лишь видимость.

Эти похитители были не просто похитителями. Это были террористы.

В некотором отдалении от полосы гинкго на поляне стояла машина. Она напомнила Карпентеру луноход, который Скотт и Ирвин доставили на Луну и оставили там, хотя машина была намного крупнее, совершенно чуждого дизайна, и, помимо колес, имела понтоны. Еще у нее была сзади пара гребных винтов, которые могли опускаться для движения по воде. Судя по конструкции, это была багги-амфибия.

Скипа запихнули на заднее сиденье, и Флойд с Фредом уселись по обеим сторонам от мальчика. Кэти, подталкивая Карпентера и Дейдре дулом, загнала их на переднее сиденье. Затем села за руль, поместила ружье в держатель на боку машины и завела багги. Она стремительно повела ее вперед, резко свернула влево и поехала по следу Сэма, который прорезал равнину, как проселочная дорога.

Солнце мало-помалу вставало над горизонтом — начинали устанавливаться жара и влажность, типичные для дневных часов в меловом периоде. Однако воздух был невероятно свежим, и хотя эта свежесть не могла прогнать жару и влажность, она делала их вполне терпимыми. Карпентер наконец догадался, как похитители обнаружили место их стоянки. Иллюз-поле Сэма не работало при инфракрасном свете, а похитители, вероятно, скользили на своих птеранодонах вдоль линии утесов, врубив инфракрасные прожекторы. Поэтому не требовалось быть гением, чтобы смекнуть, что именно к утесам направятся Карпентер с детьми, но требовалось немного пошевелить извилинами, чтобы догадаться о том, у трицератанка есть иллюз-поле. Карпентеру стало совершенно ясно, что он имеет дело отнюдь не с идиотами.

Правая щека Кэти была повернута к нему, и он явственно видел ее за желтыми волосами Дейдре. От скулы наискось вниз до края рта тянулся шрам, отчего ее губы складывались словно бы в кривую ухмылку. Шрам наверняка оставил нож. Интересно, чей? Флойда? Фреда? Хью? Кто бы ни изуродовал ей лицо, она носила этот шрам с гордостью. Возможно, таким образом она

говорила своей цивилизации: катись к чертовой матери! Демонстрировала ненависть ко всему человеческому. По правде говоря, подумал Карпентер, ей это ни к чему. Ненависти хватало и в ее взгляде.

Поскольку она не знала, что Сэм через пять миль остановится, она неистово гнала машину, уверенная, что должна обогнать его. Багги, предназначенный для езды по песку, подпрыгивал на кочках. Очевидно, у него был электрический двигатель — шумел он мало. След Сэма представлял собой в большей своей части прямую и изредка огибал купы деревьев. Багги ни за что не смог бы нагнать ящероход, если бы тот сохранял нынешнюю скорость, однако на это Сэм не был запрограммирован. Внезапно Кэти крикнула:

— Вот он!

Карпентер увидел, что Сэм, промчавшийся свои пять миль, стоит посреди обширного открытого пространства.

Кэти бросила багги в его сторону. На заднем сиденье Флойд с Фредом взяли ружья наизготовку.

— Может, он сломался? — предположил Фред. — Или тот, кто в нем, затаился и ждет нас.

— Сбрось скорость, Кэти, — сказал Флойд.

Кэти снизила скорость до черепашьей.

Примерно в полумиле от того места, где стоял Сэм, паслось огромное стадо рогатых цератопсов. Карпентер задумчиво глядел на эту картину. Хотя руки у него были связаны за спиной, пальцы оставались свободными, и он без труда смог бы дотронуться большим пальцем до перстня с устройством связи. Его первоначальным намерением было услать Сэма еще на пять миль вперед, однако присутствие стада подсказало ему лучший выход.

Он слегка подался вперед на сиденье. Левую руку, онемевшую от удара прикладом, он все еще не чувствовал, и это оцепенение передавалось пальцам. Но левая рука ему сейчас не была нужна — козырной туз находился в правой. Карпентер медленно повернул перстень в поисках круглой кнопки. Нащупав, он нажал ее.

Сэм «потрусил» к своим «собратьям».

— Наддай, Кэти! — заорал Флойд. — Он уходит!

Кэти разогнала багги. Сэм продолжал «трусить», поскольку Карпентер держал кнопку активированной.

Самое большее, что удавалось багги, — не отставать от Сэма. Флойд на заднем сиденье прицелился из ружья. Левое переднее

колесо багги провалилось в рытвину, и луч, пущенный из ружья, вонзился в небо.

Теперь Сэм очень близко подобрался к стаду. На его приближение динозавры никак не реагировали. Все это были настоящие представители рода *Triceratops elatus,* который на этой стадии мелового периода вытеснил все предыдущие роды рогатых динозавров. Карпентер подумал: примут ли они Сэма?

На багги они обратили не больше внимания, чем на ящероход. Флойд попытался выстрелить еще раз. Луч, подобный лазерному, попал в далекое дерево.

— Догони его, Кэти! Догони!

— Не могу!

Сэм въехал в стадо.

Трицератопсы продолжали пастись, поедая кусты. Теперь до Карпентера доносился их запах. Довольно едкий. Несомненно, то обстоятельство, что Сэм пахнул иначе, выдавало в нем чужака. Однако они продолжали пастись. Возможно, запах целого стада был настолько силен, что цератопсы не ощущали никакого другого.

Он приотпустил кнопку, замедлив ход Сэма до «шага». Теперь он не видел трицератанк. Только динозавров, динозавров, динозавров. Рядом с ним хихикнула Дейдре. Она заметила перстень и догадалась о его истиной природе.

— Который из них он?! Который — он?! — кричал Флойд.

Сэм исчез в гуще стада.

Багги оказался в опасной близости от края стада. Огромный самец развернулся и направился к нему. Он был даже крупнее Сэма и рыл лапами землю. Фред прицелился из ружья, но промахнулся: багги наскочил на кочку, и его так тряхнуло, что Фред едва не вылетел наружу.

— Давай выбираться отсюда, Кэти!

Огромный самец снова пробороздил лапами землю и напал. Кэти резко развернулась на двух колесах и направилась в противоположную сторону. Флойд с Фредом начали обстреливать нападающего самца, но их лучи били куда попало.

— Он остановился, Кэти — сбавь скорость!

Карпентер убрал большой палец с кнопки и откинулся на сиденье, насколько позволяли путы. Сегодня террористам было не найти Сэма. Они не сумеют обнаружить его и завтра, если стадо не снимется с места. А поскольку они считают, что за рулем Сэма — «дружок» Карпентера, то, скорее всего, решат, что к тому

времени ящерохода уже след простыл. Поэтому был шанс, что, вместо того чтобы разыскивать ее, они попробуют выяснить у Карпентера, куда увел машину его «дружок».

Но прямо сейчас следовало разобраться не с этой проблемой, хотя, возможно, вскоре с ней придется столкнуться, поскольку Кэти взяла курс на восток. Террористы везли своих пленников в город.

Поездка по пересеченной местности до Риммона больше смахивала на охотничью вылазку. Двое террористов на заднем сиденье палили по каждому увиденному ими животному, а Кэти то и дело останавливала багги, чтобы тоже выстрелить. Все они были горе-стрелки, но на них работал закон средних чисел. Они убили трех орнитомимов, двух анатозавров и пять довольно крупных ящериц. Когда багги огибал большое озеро, они увидели огромного аламозавра и тотчас начали пускать в него лучи, пока животное не погрузилось под воду почти полностью, громадная кровоточащая туша. Подъехав к стаду троодонов, они развлеклись от души. Кэти остановила машину, и все трое открыли огонь. Ящеры были небольшими и походили на страусов с костяными наростами на головах. Террористы успели уложить шестерых, прежде чем стадо догадалось, что надо уносить ноги. Флойд с Фредом выпрыгнули из багги и забросили одну из туш в багажник. Сегодня на ужин — суп из троодона. Позднее Кэти, перебравшись на багги через мелкий ручеек, убила дромеозавра. У этих животных были огромные глаза и сравнительно большой мозг, и палеонтологи двадцатого века относились к ним, как к эму, из-за их схожести. Кэти лучом снесла ему голову.

Дейдре казалась больной. Карпентера самого мутило. Над трупом в багажнике зажужжали тучи летающих насекомых, и Кэти стало еще труднее понимать, куда она гонит багги. Похоже, ее это не беспокоило. Наконец в поле зрения появился город, верхушки зданий вырисовывались за обширными зарослями саговника. В лучах позднего утреннего солнца они сверкали меловой белизной, и многие напоминали пирамиды. Багги промчался сквозь заросли саговника и Карпентер увидел, что город обнесен стеной. Меловой белизны, как и здания.

Вдали слева он различил огромное здание, сложенное из белого кирпича. К нему примыкало несколько крупных горизонтальных промышленных печей для обжига, а рядом с печами воз-

вышался подъемный кран. Кусты подступали вплотную к торцам здания и к крану. Ни здания, ни кран не использовали много лет. Очевидно, некогда здесь размещался бетонный завод.

Риммон строили из бетона.

Однако бетон такого типа Карпентер не видел ни разу в жизни. Когда багги подъехал ближе, он внимательно изучил стену. Она была глянцевой, словно полированный камень. Затем он заметил, что во многих местах бетон начал крошиться.

Скип сказал, что город построили почти пятьдесят лет назад. Несмотря на сырой климат, в такой промежуток времени бетон должен был отлично сохраниться. Выходило, что строители обращали больше внимания на красоту постройки, нежели на ее долговечность.

За тысячи лет на солнце и дожде бетон превратился бы в пыль, а стальная арматура, перекрытия и колонны — в прах.

Вдоль стены, подобно живому декоративному бордюру, цвели магнолии. Некоторое время Кэти ехала параллельно им к высоким воротам с подъемной решеткой. Фред вышел, просунул руку сквозь решетку и с трудом поднял горизонтальный стальной брус, который не давал воротам открыться. Когда наконец брус уступил и ушел в гнездо, выдолбленное в стене, Фред рывком распахнул ворота. Пропустив Кэти и закрыв ворота, он снова забрался в багги.

Стена оказалась по меньшей мере двадцать футов толщиной. Карпентеру пришло в голову, что такая же стена когда-то окружала древний Вавилон. И еще он подумал, что эта стена простоит немногим дольше.

Багги теперь ехал по городу. Пирамидальные здания, которые Карпентер видел издали, преобладали; вместо четырех граней у них было три. Непирамидальные строения были квадратными, однако все равно напоминали пирамиды из-за узких террас на каждом этаже. Окна в зданиях-тетраэдрах были треугольными, а в квадратных — квадратными. Марсианская архитектура была не только однообразной, но и упрощенной. Каждое окно разделяла надвое узкая вертикальная планка или полоска, стекол не было. Квадратные строения были от пяти до восьми этажей высотой. Поскольку окна в пирамидальных зданиях располагались не по прямой, было невозможно определить, сколько там этажей, однако эти здания были значительно выше квадратных.

Трехгранные пирамиды... Неужели они связаны с гигантскими пирамидами, которые сфотографирует «Маринер-9» на Марсе

через миллионы лет? Карпентеру трудно было поверить в это. Разумеется, трехгранные пирамиды Элизия не могли быть построены так давно.

Кэти мчалась по широкому проспекту. Вот она свернула в боковую улицу. Карпентер страшно жалел, что он не за рулем Сэма. Он жалел об этом по многим причинам, но в эти минуты в первую очередь из-за голографий, которые могли бы сделать голокамеры Сэма. Документальные съемки марсианского города в верхний меловой период! У САПО глаза бы полезли на лоб. Но, естественно, САПО не поверило бы, что это марсианский город. Палеонтологи стали бы искать более приземленную версию, и, если не смогли бы найти, то просто выдумали бы.

Улица, по которой ехал багги, была вымощена более грубым бетоном, чем тот, из которого были выстроены здания и стена. Во множестве мест он потрескался. Кэти повернула еще раз. Карпентер старался запомнить маршрут. Он надеялся, что и Скип с Дейдре тоже. Ему почему-то казалось, что у них это получится намного лучше.

Кэти все больше углублялась в город. На небольших участках земли вдоль улиц и проспектов росли саговники. Время от времени Карпентер мельком замечал за массивами зданий участки стены и понял, что этот город нельзя с полным правом назвать городом, — в нем обитало не более десяти тысячи человек, а то и меньше, если в части зданий (как более или менее должно было быть) размещались склады, деловые центры и тому подобное. Однако слово «город» крепко засело у него в голове. Было бы неромантично, подумал он, окрестить такое экзотическое место деревней.

Когда выше по улице, по которой ехала Кэти, он увидел пешехода, ему на миг подумалось, что все-таки город покинули не все колонисты. Затем он осознал, что этот пешеход — четвертый террорист. Наверное, вышел на утреннюю прогулку. Когда этот человек увидел приближающийся багги, он дождался его, а потом, бросив флягу, которую нес, запрыгнул в движущуюся машину. Он был сложен, как борец сумо, лыс и безбород. Комбинезон у него был такой же, как у остальных террористов, только намного грязнее. Глаза «сумоиста» напоминали маленькие голубые агаты, а губы были толстые и словно резиновые. От него несло спиртным.

Он наклонился через Карпентера и улыбнулся Дейдре.

— Значит, вернули мою милашку! — произнес он редкостно высоким голосом.

Дейдре отодвинулась от него как можно дальше. В ее глазах сверкали яростная гордость — и ужас. Карпентер наклонился вперед и отпихнул террориста. Тот улыбнулся. Тепло.

— Смотрите-ка, кого еще притащили!

— Его дружок смылся на танке, — сказал Фред. — Вот позабавимся, когда будем выбивать из него, куда тот отправился.

— Он не Великий Марсианин. Он вообще не марсианин.

— Пока мы не знаем, что он собой представляет, Хью, — сказала Кэти, — но скоро выясним.

Убежище террористов располагалось в одном из квадратных зданий с террасами. Когда Кэти остановилась перед ним, Карпентер заметил, что этажей там пять. Дверной проем был достаточно широк, чтобы туда мог въехать багги. Флойд ткнул Карпентера в спину ружьем:

— Вылезай.

Кэти обошла машину и открыла дверцу. Когда багги опустел, Фред закрыл дверь здания. Несмотря на чуждый дизайн, она сильно напоминала подъемную дверь гаража из двадцатого века.

Цокольный этаж представлял собой одну просторную комнату. В ее центре вверх уходила винтовая лестница. Повсюду были разбросаны разные предметы — ясное указание на то, что террористы тщательно прочесали город. Возле двери стояла длинная деревянная скамья, заваленная инструментами, которые колонисты, вероятно, бросили, спешно покидая город. Карпентер увидел мотки проволоки, веревок, груды одежды, целое собрание инопланетной экипировки; тарелки, чайники, чашки, кастрюли. У дальней стены стояло нечто, смахивающее на кухонную плиту. Рядом с нею — буфет, а неподалеку от него виднелась встроенная раковина, заваленная немытыми тарелками. Перед буфетом возвышался стол с шестью ножками, а вокруг него стояло четыре стула очень странной формы. Часть пола возле стола была расчищена, чтобы дать место четырем длинным грязным тюфякам. Лежащие на них сложенные одеяла указывали на то, что это постели.

Окна имелись всего в двух стенах, и проникающий в них свет составлял единственное освещение. Сейчас солнце стояло в зени-

те, и свет едва достигал известняковой стены слева от Карпентера, поэтому он не сразу заметил фреску. А когда наконец заметил, то вылупил глаза. Он увидел поля и холмы, сочную зелень и синее небо. Он увидел голубые реки, которые почему-то походили на каналы. Он увидел маленькую деревушку в зеленой долине; ее дома очень напоминали здания в Риммоне. За деревушкой он увидел гигантские трехгранные пирамиды и огромную четырехгранную, которую «Маринер-9» сфотографировал в далеком-далеком будущем. И понял, что видит часть восточной области Элизия, не такого, какой увидит «Маринер-9», но такого, каким он был, когда на Марсе существовала жизнь.

Кэти грубо пихнула его ружьем в спину.

— Живо наверх!

Он посмотрел на детей. Они — на него. От отчаяния их голубые глаза потемнели.

— Эй, ребята, я как-нибудь вытащу вас!

— Заткнись и иди! — заорала Кэти.

Он пробрался груды добычи террористов к лестнице. Ему хотелось резко повернуться и выбить ружье из рук Кэти, но он понимал, что отправится на тот свет, прежде чем завершит поворот. Он бросил через плечо последний взгляд на детей. Он хотел успокоить их, но понимал, что в его взгляде сквозит то же отчаяние, которое поселилось в их глазах. Потом он стал подниматься наверх, женщина за ним.

5

Карпентер преодолел четыре пролета, чувствуя между лопаток дуло ружья, которым Кэти тыкала его буквально с каждым шагом. Лестница была бетонная. Она была удобной, гладкой, но уже проступали признаки изношенности. Планировка здания говорила о том, что некогда здесь была гостиница. Весь цокольный этаж мог занимать вестибюль. Лестничную клетку — восьмиугольную — на каждом этаже окружал восьмиугольный балкон, который в каждом случае, если судить по количеству дверей, давал доступ к восьми номерам. Покрашены были только двери — в бледный, безжизненный голубой. Голые бетонные стены, полы и потолки создавали впечатление полированного камня. К несчастью, «полированный камень» во многих местах потрескался, а кое-где осыпался.

Однако насколько знал Карпентер, наверное, все квадратные здания города были выстроены так же, как это, и их убежище некогда вполне могло быть не отелем, а типичным многоквартирным домом.

Мысль о металлоконструкциях, которые, возможно, доставляли с Марса на Землю для возведения города, вызвала в нем благоговение. Более чем за 74 000 000 лет до того, как Россия запустила спутник, раса, о которой земляне всерьез не думали, транспортировала стальной каркас целого города на миллионы миль в Эру рептилий!

Ну, положим, каркас не города, а поселка городского типа. Но это все равно было невероятное достижение! А подумать только о колоссальном количестве других предметов, которые тоже сюда доставили, и обо всех этих людях.

Однако они облегчили себе транспортировку по меньшей мере в одном отношении: свой бетон они изготовили на Земле, вероятно, используя известняк скал, а также земные глину и сланец. Земные же ингредиенты наверняка составляли по крайней мере часть той волшебной смеси, которая придала их бетону сходство с отполированным камнем.

На пятом этаже Кэти открыла дверь одной из комнат. Краска на ней во многих местах облупилась, и Карпентер увидел, что дверь стальная. Если все двери в городе стальные... Он снова ощутил благоговение. Но к нему примешивалось воспоминание об отчаянии, застывшем в глазах Дейдре и Скипа.

Великий Марс, при всем своем логистическом величии, не умел вырвать из лап террористов двоих детишек. Эта задача лежит исключительно на нем.

Кэти втолкнула Карпентера в комнату. Флойд, поднявшийся вслед за ними, держал его на прицеле — свое Кэти отставила в сторону. Она приказала Карпентеру лечь и связала ему лодыжки пластиковой веревкой, которую принесла с собой. Веревка оказалась очень длинной, и прежде чем завязать ее, она обмотала ему ноги почти до середины икр. Он надеялся, что Кэти не станет проверять работу Фреда, который кое-как стянул ему запястья. Она ничего не проверила и, хорошенько пнув его в ребра, вышла вместе с Флойдом, закрыв за собой дверь. Он не заметил на двери замка или ручки, но услышал холодное непреклонное «щелк».

В комнате было окно, одно. Солнце уже миновало зенит, и теперь на бетонный пол падал маленький параллелограмм света. В комнате не было ничего, кроме пыли. Стены и потолок смея-

лись над ним. Много лет назад они были выкрашены в бледно-зеленый цвет, но большая часть краски облупилась.

Он лежал на спине посреди комнаты. Попеременно сгибая и выпрямляя ноги, он добрался до внешней стены и сгорбился в сидячем положении возле окна. Его левая онемевшая рука отошла, и он начал работать запястьями, вперед-назад. Фред оставил недурной люфт. Если на Великом Марсе и были бойскауты, он никогда не входил в их число.

Стараясь освободить руки, Карпентер одновременно изучил веревку, которой Кэти связала ему ноги. Он прикинул ее толщину — примерно полдюйма. И понял, что разорвать ее невозможно или почти невозможно. Это его порадовало. Как и количество использованной веревки. В его голове начинал созревать план.

Он чувствовал густой запах равнинной растительности и время от времени слышал далекие вопли, мычанье и хрюканье тероподов, зауроподов и орнитоподов. Еще он слышал отдаленный шелест и не сомневался, что это шум моря — внутреннего моря, простирающегося длинным рукавом через большую часть североамериканского Запада. Моря, где колонисты боялись рыбачить. Их нежелание выходить в него на рыбачьих лодках было, разумеется, вполне понятно. Им бы пришлось иметь дело с длинношеими элазмозаврами, короткошеими плиозаврами, похожими на крокодилов тилозаврами и гигантскими мозазаврами. Это было несчастье, ведь в море водилась уйма рыбы. На этой стадии мелового периода костистых рыб было не счесть.

Параллелограмм солнечного света постепенно удлинялся, медленно ползя по комнате. Запястья Карпентера начинали болеть. Веревка, казалось, совсем не растягивалась. Он ничего не пил, кроме какао, выпитого с утра, и во рту и в горле пересохло. В комнате стояла удушающая жара, и даже от незначительного усилия, необходимого, чтобы размять запястья, на лбу выступал пот. Пот постоянно заливал ему глаза, разъедая их. Он сосредоточился на Дейдре и Скипе. Ему не хотелось верить, что террористы причинят им вред. Он не позволял себе думать, что может быть иначе. Рьяное стремление бандитов заполучить детей обратно доказывало, что им все еще нужны их голоса для радиопосланий на Великий Марс. Нет, пока им нужны голоса детей, они их не тронут. Но потом?

Глубокое отчаяние придало Карпентеру сил для попыток освободить руки. Его запястья уже было стерты до крови, но он больше не чувствовал боли. Он постоянно пытался подбодрить

себя. Дейдре — всего лишь дитя, Скип тоже. Несомненно, даже террористы не зайдут так далеко, чтобы убить детей. Очевидно, пока они не причиняли им физической боли — Скип обязательно рассказал бы об этом. Но, возможно, просто не успели. Может быть, у них имелось подобное намерение. Он вспомнил удар, нанесенный Кэти Дейдре, и поежился. Потом вспомнил, как смотрел на нее Хью. Его снова передернуло. Если ку засеяли Марс, почему же они не провели отбраковку того, что выросло? Тогда бы не было ни Флойда с Фредом, ни Кэти с Хью. Он начал ненавидеть ку, хотя сомневался в их реальности. Веревка, стягивавшая его запястья, еще немного ослабла, но до того, чтобы вытянуть руки из ее колец, было далеко. Параллелограмм света достиг противоположной стены и начал медленный подъем по ней. Карпентер прислушался, но никаких звуков в здании не услышал. Чем могли заниматься террористы? Уехали к своему кораблю? Скип говорил, что он стоит примерно в миле к югу от города. Возможно, они отправились к нему и забрали детей с собой, и сейчас отправляли радиограмму на Великий Марс. Если это так, и они заставляют Дейдре со Скипом поговорить с родителями, то после дети станут им не нужны и...

Карпентер сосредоточился на запястьях и выбросил из головы все прочие мысли. Если он будет сходить с ума от беспокойства за них, это не поможет ни ему, ни детям. Параллелограмм света коснулся потолка и начал сжиматься. Карпентер снова попытался высвободить руки. Тщетно. Рот и горло словно набили промокательной бумагой. Он снова начал двигать запястьями. Через какое-то время он увидел, что параллелограмм света исчез. В комнате царили серые сумерки.

Назад-вперед, назад-вперед, назад-вперед. Серое сменила тьма. Он продолжал попытки освободить руки. В тех местах, где они терлись о веревку, они кровоточили. Внезапно он услышал шаги на балконе и перестал шевелить запястьями. Под дверью появилась тоненькая полоска желтого света. Раздался щелчок, дверь отворилась, и в комнату вошел человек с маленьким фонарем в руке. Это оказалась Кэти.

Она закрыла дверь и поставила фонарь на пол. Такого фонаря Карпентер еще не видел. Источник света в этом фонаре напомнил ему большое желтое яйцо. «Яйцо» покоилось в гнездышке из разноцветных проводов, к которым крепилась изящная металлическая ручка. Оно наполнило комнату теплым и приятным светом. Кэти уселась по другую сторону фонаря и скрестила ноги.

Из нагрудного кармана она вытащила пару говорешек и приладила их к ушам.

— Откуда вы с приятелем?

— Из земного будущего, — ответил Карпентер.

Она моргнула. Потом сказала:

— Что ж, нам известно, что ты не марсианин, и мы знаем, что эта планета не населена людьми. Семь остальных планет Солнечной системы погибли, а это означает, что если ты и твой дружок — с другой планеты, то она должна быть частью другой звездной системы. А значит, ты, и твой приятель, и его нелепый танк пролетели многие световых лет и добрались сюда на корабле, который где-то спрятали. В это весьма трудно поверить. Марсианские ученые утверждают, что путешествия во времени возможны, поэтому вполне может быть, что вы из будущего.

— Откуда вы знаете, что я не марсианин? — осведомился Карпентер.

— Просто знаем, и все. Ты прибыл из далекого будущего? Насколько далекого?

— Вы не поверите.

— Что вы здесь делаете?

— Голографируем эту фазу прошлого.

— Куда отправился твой приятель?

— Вы сами видели — он присоединился к стаду цератопсов.

— Наверняка у вас где-то есть база. Он направился туда, не так ли?

— Когда я услышал вас на балконе, — сказал Карпентер, — то был уверен, что вы принесли мне поесть.

— Может, у тебя тут не один приятель. Если так, то мы хотим знать, где они все. И еще нам нужен ваш танк.

— Даже корочка хлеба помогла бы, — отозвался Карпентер. — И меня бы очень порадовал глоточек вина.

Кэти подалась чуть вперед. Мягкий свет фонаря затушевывал ее шрам, но превратил глаза из карих в бледно-оранжевые.

— Нам нужен ваш танк, и мы его получим.

— Я обменяю его на детей.

— Почему тебя интересуют эти дети?

— Потому что это дети — беспомощные дети. Что вы заставите отдать в обмен на них королевство Великий Марс?

— Что бы они ни делали, они не получат их обратно.

— Мальчику почти девять, девочке около одиннадцати. Единственное, единственное их преступление то, что они родились

богатыми. Если вам необходимо наказать верхушку власти Великого Марса за что-то плохое, что, по вашему мнению, они совершили, или потому что вы попросту ненавидите их, накажите ее. Но, сделав это, верните детей.

Кэти усмехнулась, и от этой ухмылки шрам пополз вверх по скуле.

— Ты ведь часть такой же верхушки, верно? Верхушки власти той эры, откуда прибыл?

— Ничего подобного. В ней никто и не подозревает обо мне. Я ненавижу ее так же, как вы свою. Однако способен уничтожить ее не больше, чем вы — вашу, а если бы и мог, то не стал бы, поскольку это место займут другие, возможно, еще хуже предыдущих.

— Хуже не будет, если все сделать правильно.

— Люди, которые уничтожают верхушку власти, не способны ничего организовать. И все, что им нужно на самом деле, — собственно власть, которую они якобы ненавидят.

— Именно из-за таких дураков вроде тебя возможно существование верхушки власти, — сказала Кэти.

— Я бы сказал, — заметил Карпентер, меняя тему разговора, — что, если вам действительно нужен мой... наш... танк, то вы уже могли обнаружить его при помощи ваших летательных аппаратов.

— Если бы мы попытались это сделать, твой приятель просто прыгнул бы обратно во времени, как кто-то из вас сделал вчера.

И снова Карпентер осознал, что его противники не идиоты. Террористы не только догадались, где он прятался с детьми, но еще и вычислили, каким образом он ускользнул от них.

— Что ж, во всяком случае, — сказал он, — теперь мне известно, почему вы с такой готовностью поверили, что я из будущего... и зачем вам ящероход.

Кэти поднялась.

— Нас ничуть не волнует, откуда ты. — Она подняла фонарь. — Сегодня ты получил небольшую передышку, поскольку нам надо подготовить очередное послание Королевству. Сегодня ночью у тебя будет еще немного покоя — нам нужно, чтобы ты подумал насчет того, что будет, если ты не расскажешь нам того, что мы хотим знать. Я вернусь рано утром. Если к тому времени ты не расколешься, где твой дружок с танком, я выжгу девчонке глаза.

* * *

После того как она закрыла дверь и щелкнула замком, комната погрузилась в могильную тьму. Отчасти эта тьма казалась могильной из-за реакции Карпентера на угрозу Кэти и его болезненной уверенности в том, что она ее выполнит. Эта часть никуда не делась и после того, как его сетчатка приспособилась к обычной тьме и позволила ему смутно видеть комнату при свете звезд, проникающем в окно.

Он яростно принялся трудиться над путами на запястьях, стараясь высвободить одну руку, а затем вторую. Обе они теперь кровоточили. Он не ощущал бега времени и встревожился, когда в комнате к звездному присоединился лунный свет. Окно выходило на запад, а значит, луна, должно быть, перешла через меридиан.

В конце концов именно кровь помогла ему освободить руки, послужив смазкой. Когда его правая рука вдруг выскользнула на свободу, он подержал ее перед глазами, пристально разглядывая, словно видел впервые. Затем поднял левую руку. Она тоже была испачкана кровью и выглядела так же странно, как правая.

Он развязал узлы, затянутые на веревке Фредом. Такие узлы пристало бы вязать домохозяйке — он удивился, как они вообще держались. Потом развязал узлы, затянутые Кэти на ногах. Такие же слабые. Размотав веревку, Карпентер встал и прохаживался по комнате до тех пор, пока в ногах и руках не прекратилось покалывание. Затем растянул на полу обе веревки во всю длину. Казалось, они изготовлены из одного материала, а пощупав их, он понял, что они одинаковой толщины. Более короткая — два с половиной фута длиной, вторая — около одиннадцати. Подойдя к окну, он посмотрел вниз. Рядом с домом росли саговники, и Карпентер предположил, что дом стоит в небольшом парке. До окна саговники не доставали. Узкие террасы на каждом уровне делали каждый этаж чуть меньше предыдущего. Самая высокая терраса проходила в нескольких футах под оконным карнизом. От нижней террасы карниз отделяло около двенадцати футов. Веревки у Карпентера было более чем достаточно.

Он почувствовал, что дрожит. Он очень боялся, что веревки все-таки не хватит. Когда его руки перестали трястись, он ощупал вертикальную полоску, делившую окно надвое, поскольку звездный и лунный свет был недостаточно ярким, чтобы он отчетливо разглядел ее. Его пальцы нащупали на полоске неболь-

шие выступы. Остальные планки оконной рамы располагались вплотную к квадратному отверстию, и на них пальцы Карпентера тоже нащупали маленькие бугорки. Ему пришло в голову, что оконная рама — источник силового поля, однако его заботила прочность планки, а не назначение оконной рамы. Планка была толщиной примерно квадратный дюйм. Он вцепился в нее обеими руками и потянул на себя. Она не поддалась. Он потянул сильнее. Планка не шелохнулась.

Карпентер надеялся, что планки на других окнах не менее прочные.

Он связал веревки крепким обычным узлом, получив целое длиной примерно тринадцать футов. Затем свернул веревку и надел моток на левое плечо — во время спуска ему предстояло заглядывать в каждую комнату — вдруг там томятся Дейдре со Скипом, а перед спуском следовало заглянуть в остальные комнаты пятого этажа. Могло статься, что детей по-прежнему держали в цокольном этаже, но он не мог этого знать, и единственным разумным способом действий оставалась тщательная проверка верхних этажей по пути вниз.

Он был, в общем, уверен, что окно есть в каждой комнате. На его мысленной схеме фасада здания было по три окна на каждом этаже, кроме первого. Поэтому, вероятно, каждый этаж остальных сторон здания тоже украшало по три окна. А значит, в угловых комнатах было по два окна в каждой, а в комнатах между ними, в какой сидел он в данный момент, — одно.

Высунувшись из окна, он посмотрел вниз: перистые листья саговников, отливающие серебром в свете луны. Он поднял глаза. На него уставились окна соседнего здания. Справа он увидел улицу, на которую выходил фасад убежища террористов. Она тоже отливала серебром. Он взглянул на луну. Вспомнил свою стоянку под открытым небом вместе с детьми.

Шансы, что террористы все еще внутри здания, были велики. Проскользнув в окно, он опустил ногу на террасу под карнизом. Она оказалась примерно восемнадцать дюймов шириной — отличная тропа для бывшего альпиниста. Он боком двинулся по ней по часовой стрелке, лицом к стене. Перед каждым шагом он ощупывал террасу левой ступней на тот случай, если бетон там разрушился. Добравшись до окна угловой комнаты, он стал вглядываться внутрь. Она была пуста.

Карпентер обогнул угол здания. Теперь он был отрезан от лунного света, и ему помогал видеть только свет далеких звезд,

свет мягкий и добрый. Он увидел с этой стороны три окна и уверился, что все стороны здания одинаковы.

Карпентер миновал еще одно окно угловой комнаты и заглянул в следующую. Ни души. Продолжая обход здания, он обнаружил, что весь пятый этаж пуст.

Пора было начинать спуск.

Сейчас он стоял возле углового окна к югу от комнаты, где его заточили. Он сильно потянул за планку, делившую окно надвое. Та не поддалась ни на йоту. Размотав веревку, он привязал один ее конец к планке, закрепив прочным альпинистским узлом типа удавки. Он ни за что не развязался бы, пока веревка натянута, но мог распуститься, когда натяжение ослабнет. Медленно перехватывая ее руками, он начал спускаться на следующую террасу. Над собой, несмотря на яркий свет луны, он видел звезды. Звезды мелового периода. Он различил оранжевый Марс размером с булавочную головку. Странно было видеть эту планету так высоко в небе. С тех пор как Карпентер очутился в марсианском городе, он отчасти верил, что находится на Марсе — на древнем Марсе с заросшими обильной растительностью холмами и долинами, и реками, похожими на каналы и трехгранными пирамидами, которые простоят еще 74 000 000 лет, а может быть, будут стоять вечно.

Окна здания, несмотря на небольшое «съеживание» каждого этажа, располагались друг над другом, и, чтобы достичь следующей террасы внизу, Карпентеру пришлось спускаться мимо окна, расположенного прямо над ней. Риск был просчитанный. Полное отсутствие света, который мог бы исходить из отверстия, внушало ему уверенность, но он успокоился только после того, как только очутился напротив окна и удостоверился, что в комнате за окном никого.

Добравшись до террасы, он ослабил веревку и распустил узел. Затем, заново свернув веревку и повесив ее на плечо, он снова пошел по часовой стрелке вокруг здания. На западной и северной сторонах обнаружилось множество пустых помещений. Затем, обогнув угол и выйдя на восточную сторону, Карпентер заметил свет в дальнем угловом окне — свет, который он не заметил сверху, поскольку оставался лицом к стене.

Он осторожно замедлил движение, чтобы не издать ни звука, и заглянул в промежуточную комнату, которая тоже оказалась пустой. Почти достигнув освещенного окна, он остановился и

пристально и осторожно всмотрелся внутрь. Там за шестиногим столом сидели Кэти, Флойд и Фред, а на столе стояли фонарь Кэти (или точно такой же), фляга и четыре чашки. Хью стоял в дверях с другим фонарем. Никаких признаков Дейдре и Скипа не было. Открытые дверцы буфета, доходившего до потолка, позволили ему рассмотреть полки, заставленные рядами фляжек, таких же, как та, что стояла на столе.

Личный бар террористов?

Карпентер убрал свою голову из поля зрения. Террористы о чем-то спорили. Карпентер понял, что способен различать их голоса. У Флойда голос был грубый и резкий, у Фреда — с легкой хрипотцой, а голос Хью напоминал ирландский тенор. Голос Кэти, конечно, отличался от мужских.

— Не понимаю, зачем спешить, — сказал Хью. — Кирк не позвонит до середины ночи.

— Все равно вали наружу, вдруг он позвонит раньше, — сказал Флойд.

— Не позвонит, — отозвался Хью.

— Все равно вали! — сказал Флойд.

Громко хлопнула дверь.

— Зря ты его отослал, — сказала Кэти. — Он пьян. Пил весь день. Еще загонит багги в болото.

— Тебе не по вкусу, что он поехал, так? Поезжай сама! — выпалил Флойд.

— Ты не имеешь права требовать от женщины, чтобы она поехала к кораблю в кромешной тьме!

— Тогда заткнись, Кэти!

— Собираясь получить миллион старзов, ты посылаешь пьяного держать радиосвязь! — сказала Кэти.

— Успокойтесь оба! Хью примет сообщение Кирка, — сказал Фред.

— Почему он не может связаться с нами днем? Какая ему разница на Марсе, ночь или день на Земле? — спросила Кэти.

— Такой у Кирка бзик, — заметил Фред.

— Думаешь, они заплатят? — спросила Кэти.

— Пусть попробуют не заплатить! — ответил Флойд.

— Если заплатят, — сказал Фред, — возможно, нам придется взять деньги и забыть об остальных требованиях — раздать больше товаров бедноте, расформировать разведслужбу, удвоить выплаты пособий и обо всей прочей хренотени, которую мы обсуждали и собирались потребовать завтра.

— Ты больной, Фред, — заметила Кэти.

— Я, пожалуй, вижу смысл в том, чтобы заставить их расформировать разведслужбу. Это может принести нам некоторую пользу. Но что толку нам в том, чтобы вынудить их раздать бедным больше еды и двойное госпособие? Единственное, что принесет нам реальную пользу, — это миллион старзов.

— Мы можем содрать с них три шкуры, Фред, причем заставим заплатить всем, чем угодно, к тому времени, как завтра снова выпустим в эфир эти отродья — вот именно это мы и сделаем!

— Может, вы зря думаете, что принцесса с принцем им так уж нужны, Флойд. У короля куча племянников и племянниц, которые могут унаследовать престол.

— Ты ничего не понимаешь, Фред, — возразила Кэти. — Традиция гласит, что следующий в линии престолонаследия — самый старший ребенок независимо от пола. Вот что правит Великим Марсом — традиция. Не король, не парламент, не первый спикер. Традиция. И в истории Королевства ни разу не случалось, чтобы под рукой не оказалось сына или дочери. Отсутствие наследника поставило бы на колени целую страну. Поэтому парламент и первый спикер сделают все, лишь бы вернуть принцессу. Все что угодно!

Флойд рассмеялся.

— Только им не видать!

— Мне бы хотелось самой заняться принцессой, — сказала Кэти. — Грязная маленькая аристократка!

Карпентер содрогнулся.

Разговор перешел с детей на него. Кэти уже сообщила Флойду и Фреду, что Карпентер утверждает, будто он из будущего, и, очевидно, они поверили в это так же охотно, как и она. Несомненно, по той же причине — из-за обратного прыжка Сэма во времени. Но никому из них не пришло в голову, что он из очень далекого будущего. Они подразумевали пару тысячелетий. Это подтолкнуло их к выводу, что ку намерены очень скоро засеять Землю человеческими существами, несмотря на геологическую нестабильность планеты.

Затем они взялись обсуждать, куда приятель Карпентера мог увести танк. Фред предположил, что, вероятно, в горную местность. Кэти сказала, что возможно, он угнал его в будущее. Флойд выразил сомнение на этот счет. Тогда Кэти сказала, что они все узнают завтра с утра, поскольку Карпентер — они называли его «человек из будущего» — предпочтет все им рассказать,

нежели позволит выжечь принцессе глаза. Она продолжала гадать, отчего его приятель, когда они охотились за ним, не прыгнул на танке во времени, и решила: он не знал о том, что они догадались о такой его способности, и не хотел, чтобы они видели его исчезновение. Потом они с Флойдом и Фредом заговорили о том, как потратят выкуп. Каждый собирался накупить уйму дорогих предметов — причем, как догадался Карпентер, тех самых, которых вроде бы как было слишком много у представителей верхушки власти.

Он услышал все, что хотел. Не желая рисковать, что его обнаружат, когда он будет проходить мимо окна, он обогнул здание против часовой стрелки, к южной стороне, и заглянул в последнюю комнату четвертого этажа — промежуточную по другую сторону от места встречи террористов. Она тоже пустовала. И тогда Карпентер спустился на террасу третьего этажа.

Он снова начал обходить здание по часовой стрелке, прислушиваясь к реву багги. Именно сейчас Хью должен был выехать на улицу. Очевидно, он этого не сделал, и это означало, что Хью по-прежнему в убежище. Добравшись до северной стороны, выходящей на улицу, Карпентер посмотрел вниз, чтобы увидеть выезжающий багги. Тот не ехал. Ледяная дрожь пробежала по его позвоночнику. Вдруг он заметил, что из среднего окна льется свет.

У него была скверная привычка думать худшее, что он и сделал, на сей раз оправданно, поскольку, приблизившись к окну, услышал ирландский тенор, который говорил:

— Куда ж ты денешься, милашка.

Заглянув в окно, он увидел Хью, стоящего посреди комнаты. На стенном крючке висел его яйцевидный фонарь, наполняющий комнату мягким светом. Помещение было немного меньше, чем то, где держали Карпентера, однако не менее безобразное. Скипа засунули в угол, предварительно крепко связав. Путы Дейдре лежали у ее ног. Их перерезали, хотя ножа Карпентер не заметил. Она прижималась спиной к стене справа. Блузку с нее сорвали, сорочку разодрали до середины. Ее лицо было таким же белым, каким Карпентер впервые его увидел на гинкго, а глаза цвета осенних астр переполнял ужас. Хью шагнул к ней. Шаг. Другой. Из угла его толстых губ текла слюна. Дейдре попыталась отойти подальше, но не смогла. Стены комнаты были голубые. В глазах Карпентера голубой превратился в ярко-красный. Он снял с плеча веревку. И даже не заметил, как

та выскользнула из его пальцев и упала вниз, на улицу. Он видел только комнату.

И Хью.

6

Хью не заметил, как Карпентер пролез в окно. Его взгляд был сосредоточен на Дейдре.

Он не замечал Карпентера, пока тот не встал между ним и Дейдре. Дейдре тоже заметила его только тогда. Она сдавленно вскрикнула.

— У него нож, мистер Карпентер! — закричал Скип.

Если так, то Хью его прятал. Но Карпентера это не волновало. Непохоже было, что Хью в самом начале предприятия полезет с ножом на такого относительно беспомощного противника.

Похоть в его агатовых глазах превратилась в гнев. Но этот гнев в сравнении с яростью Карпентера был как обезжиренное молоко. Ярость Карпентера была хладнокровной и расчетливой. Он понимал, что должен дать противнику сделать первый ход. Пусть у него были марсианские мускулы, но он был в полтора раза крупнее Карпентера.

Всегда нужно дать более крупному человеку напасть первым, чтобы использовать его вес против него.

Хью начал выговаривать слова, с которыми говорешки Карпентера не справились. Вероятно, это были ругательства, не имеющие англо-американского эквивалента.

Эти проклятия наверняка были действительно яростными.

Хью прыжком преодолел несколько футов, отделявших его от Карпентера. Тот дождался, чтобы весь вес здоровяка пришелся на правую ногу, и пнул его в правое колено. От мучительной боли Хью замычал и рухнул, как гора. Карпентер нацелился пнуть его в горло. Хью схватил его за ступню, вывернул ее и увлек Карпентера на пол, а затем человек-гора подмял его под себя.

Карпентер извивался под этой разрушительной тяжестью. Толстые пальцы нащупали его горло. Их сила приводила его в ужас. Очень многое подтверждало, что сила тяжести на Марсе будущего мала, однако Хью с Марса-настоящего. Утверждения Скипа, что сила тяжести на Марсе будущего больше, чем представляется землянам, едва ли подтвердилась бы, но подлинность его слов о том, что в этот период времени гравитация Марса зна-

чительно выше, чем будет потом, получила подтверждение. Хотя Карпентер пока познакомился только с силой ручищ Хью, это он получил представление о том, какой мощью обладал этот человек, а ведь он просто не смог бы стать таким сильным, если бы его вес на Марсе был значительно меньше, чем на Земле.

С научной точки зрения это было невероятно. И в то же время оставалось неоспоримым фактом.

Карпентер не мог вырваться из захвата Хью, поэтому в отчаянии ударил противника коленом между ног. Хью крякнул и разжал пальцы. Карпентер вырвался и выскользнул из-под человека-горы. Шатаясь, он поднялся. Хью тоже. Его рот был раскрыт, и Карпентер сделал то, что следовало сделать в первую очередь: нанес кросс справа. Но он нетвердо стоял на ногах, поэтому удар получился слабым и пришелся Хью в висок. Тем не менее Хью ощутил его. Карпентер ударил слева. Хью остановил его удар правым предплечьем, но его левая рука по-прежнему висела вдоль бока, и он был открыт для нового удара справа.

— Нож! Нож! — кричал Скип. — В рукаве!

Но Карпентер уже ударил правой. В правой руке Хью словно по волшебству появился нож. Он опускался на правую руку Карпентера, пока кулак Карпентера стрелой летел к челюсти Хью. Кулак выиграл гонки, но спустя долю секунды лезвие вонзилось в плоть Карпентера сразу над предплечьем, перерезав плечевую артерию. Тотчас же из раны хлынула кровь.

Карпентер понимал, что у него осталось мало времени. Теперь его правая рука стала бесполезна, хотя и Хью был страшно оглушен ударом. Он все еще стоял на ногах, но его глаза заволокла пелена. Карпентер ударил левой, очень вовремя. Но силы покидали его, и удар вышел несильный. Хью покачнулся. Карпентер опять ударил левой. Теперь он уже стоял в луже собственной крови. Хью все шатался.

— Ради Бога — падай уже! — прошептал Карпентер и опять размахнулся. Наконец человек-гора рухнул на пол, по-прежнему сжимая в руке нож.

Карпентер понимал, что надо скорее остановить кровотечение. Он попытался расстегнуть ремень, но у него работала лишь одна рука. Вдруг к нему подошла Дейдре. Она расстегнула пряжку, вытянула из его брюк ремень, обвила им его правую руку, у плеча затянула и застегнула, сделав тугой жгут.

— Поторопись, тыковка, перережь веревки Скипа, — шептал он.

Но она уже выдернула нож из пальцев Хью и спешила к брату. Она перерезала путы, бросила нож и стала искать блузку. Нашарив, надела. В следующий миг она вернулась к Карпентеру.

Указательным пальцем левой руки он коснулся перстня с устройством связи. Он наделся, что ни одна из кнопок не сработала, пока он дрался с Хью. Кнопка вызова представляла собой крошечный шестиугольник. Нащупав ее, он нажал. Он никогда не думал, что будет так отчаянно нуждаться в Сэме.

Скип тем временем присоединился к сестре. Его тонкие черты исказила му́ка. Он посмотрел на рану на руке Карпентера. Та уже перестала кровоточить. Мальчик взглянул Карпентеру в лицо и спросил:

— С вами все в порядке, мистер Карпентер? С вами все в порядке?

— Со мной все отлично, — солгал Карпентер. — Пошли, ребятки. Нам надо выбраться из города. Сэм уже в пути. — Комната перед его глазами качалась. — Усилием воли он не дал себе упасть. — Надо спешить. Остальные трое наверху и могли нас услышать. Возьми фонарь, Скип.

Дейдре толчком отворила дверь, и они вышли на балкон. На этаже над ними слышались голоса и шаги. Посмотрев наверх, Карпентер увидел в свете фонаря лицо Кэти. Он услышал ее резкий голос:

— Он смылся! И забрал детей!

Они ринулись вниз по лестнице; Скип впереди, за ним — Дейдре, Карпентер замыкал шествие. Яростные шаги наверху... Фонарь в руке мальчика бешено раскачивался. Не было ли в комнате, где трое террористов за выпивкой плели нити судьбы, ружей? Карпентер припомнил, что не заметил ни одного. В любом случае, ружья на винтовой лестнице были бы бесполезны.

Второй этаж. Для плывущего взгляда Карпентера лестница, казалось, делала больше оборотов, чем следовало бы. Он с трудом заставил ее прийти в норму. Вот и огромная комната цокольного этажа.

— Багги! — закричал Скип. — Давайте возьмем их багги!

Машина была припаркована прямо в дверях гаража. Скип поставил фонарь на пол и сел за руль. Карпентер направился к двери здания. Он видел, как Флойд закрывал ее, поэтому знал, что она не автоматическая. Рядом с ее основанием шел глубокий желоб. Сунув туда пальцы левой руки, он дернул дверь вверх. Она не шелохнулась. К нему присоединилась Дейдре и сунула

пальчики в желоб рядом с его рукой. Они нажали вместе. То ли Дейдре оказалась сильнее, чем казалось, то ли у Карпентера осталось больше силы, чем он считал, но дверь мягко пошла наверх.

К этому времени Скип завел багги. В эти мгновения трое террористов с топотом преодолевали последний лестничный пролет. Кэти бежала впереди. Они были безоружны. Свет фонаря заливал всю комнату, и Карпентер увидел, что их ружья прислонены к стене кухни.

Дейдре подтолкнула его к багги.

— Садись сначала ты, тыковка, — сказал он.

Она забралась на переднее сиденье, и тогда он левой рукой поднял фонарь и из последних сил швырнул его на четыре грязные постели. Фонарь ударился о пол прямо перед ними, взорвался, и языки пламени охватили смятые одеяла. Террористы от неожиданности остановились у подножия лестницы. Кэти опомнилась первой

— Флойд! Фред! Закройте дверь, чтобы они не смогли выехать! Я возьму ружья!

Она кинулась в охваченную пламенем кухню. Флойд с Фредом побежали к двери. Дейдре схватила Карпентера за руку и почти втащила его на переднее сиденье рядом с собой. Скип завел мотор на полную мощность, и прежде чем Флойд с Фредом успели пересечь половину комнаты, вывел багги на улицу.

Город. Карпентеру он казался нереальным. Здания шатались, улицы зыбились, а заросли саговника помахивали перистыми листьями. Небо тоже было нереальным. Звезды кружились, луна представляла собой пляшущий расплывающийся диск.

Он сердито довел улицы и саговники до нужной резкости. Приклеил звезды на место и заставил луну перестать качаться.

Рядом с ним Дейдре ослабила жгут и затянула снова. Странно, что принцессе Великого Марса приходилось ухаживать за простым водителем вездехода. На мгновение он заметил на ее щеке крошечную сверкающую звездочку. Знай он меньше, поклялся бы, что это слеза.

Он попытался вспомнить маршрут, которым Кэти добиралась до убежища террористов. И не смог. Улицы и проспекты напоминали лабиринт. Но не для Скипа. Он огибал углы и стремительно вписывался в повороты, словно ездил по этому городу

всю свою жизнь. Теперь, когда убежище осталось далеко позади, он включил передние фары багги. Вскоре в поле зрения показались ворота.

Скип остановился перед ними и вышел. Дейдре выскользнула через водительское сиденье, и они начали изо всех сил толкать здоровенный стальной засов, который Фред с трудом задвинул в углубление. Карпентер начал было вылезать из багги, но понял, что можно вернуться на место, поскольку засов наконец уступил усилиям детей. Они открыли ворота. Карпентер снова сгорбился на сиденье, и Дейдре быстро уселась рядом. Скип сел за руль и погнал багги из города.

— Сэм, — сказал Карпентер, удивляясь, почему его голос звучит словно издалека. — Он должен появиться с минуты на минуту.

Скип вильнул чуть влево, и они въехали в рощу саговника, через которую багги ехал к городу. Он еще вильнул влево и помчался параллельно городской стене. Карпентеру захотелось объяснить, что причина, по которой Сэм будет здесь очень скоро, — кнопочка на перстне с устройством связи, активированная им, и что ящероход полным ходом мчится к местонахождению перстня, но сложившиеся в уме слова почему-то не смогли добраться до его языка. В любом случае, эти объяснения были не так уж обязательны, ведь, когда багги проехал рощу и выскочил на лунный и звездный свет, показался знакомый силуэт Сэма.

— Сэм! — закричал Скип, резко тормозя. — Ах, господи!

Дейдре перелезла через колени Карпентера и помогла ему выбраться из машины. Луна снова заплясала в небе, а звезды закружились. Казалось, Сэм раскачивается в лунном свете. Почему же Скип не выходит из багги? *«Скип,* — попытался окликнуть Карпентер, — *ну давай же!»* Но слова опять не шли с языка.

Мальчик проехал на багги немного вперед и внимательно всмотрелся в полосу обзора, прорезаемую светом передних фар. Затем разогнал мотор, и багги понесся вперед. *«Скип!»* — пытался крикнуть Карпентер, но с его губ не сорвалось ни звука. Затем мальчик выпрыгнул с водительского сиденья и, ловко перекувырнувшись, встал на ноги. Багги продолжал двигаться вперед, потом резко остановился. Карпентер понял, что машина увязла посреди болота.

Скип бегом возвратился.

— Я помню, что отсюда мы начинали искать корабль. Это зыбучий песок.

Понтоны отчасти удерживали багги, но не слишком успешно. Машина начала тонуть. Фары замигали и погасли. В лунном свете было видно, что она стала высотой по колено. Внезапно с громким «бульк!» багги исчез.

Возможно, если бы полевые сотрудники САПО производили больше раскопок, они обнаружили бы окаменелое шасси истинно инопланетного происхождения.

Сэм подъехал прямо к Карпентеру, точно огромный пес, жаждущий ласки. Карпентер нажал на шестиугольник, отключая дистанционное управление ящероходом. Затем нащупал встроенную рукоятку пассажирской двери и отпер замок. Дверь отворилась.

— Я поведу, мистер Карпентер, — сказал Скип. — Я умею.

Карпентер ничего не сказал. Он стал оседать возле гусеницы Сэма и почувствовал, как чьи-то руки попытались поддержать его, но эти руки были недостаточно сильны, и он соскользнул ниже. Вскоре он ощутил под спиной землю. Он посмотрел в небо: оно превратилось в карусель. Луна напоминала серебряную лошадку. Она описывала круг за кругом. Он попытался взобраться на нее, как вскакивал на таких лошадок в детстве, но луна ускользнула, а карусель вращалась все быстрее и наконец завертелась так быстро, что улетела в темноту и исчезла.

7

Карпентер лежал в церкви, в гробу. Он не сомневался, что умер.

Нет, не в церкви. В кафедральном соборе.

С обеих сторон белые колонны, сложенные из крупных квадратных известняковых глыб, поднимались к очень высокому и, казалось, тоже известняковому своду, откуда свет лился в обширный неф внизу.

Он не видел стен собора. Возможно, потому, что они были слишком далеко.

Да, он определенно умер, ибо рядом с ним восседала ангел. И он плакал.

На колене ангел держал миску, в руке — ложку. В миске был куриный бульон. Он догадался об этом по запаху.

Его гроб приподняли с одного конца так, что хотя он лежал, но занимал полусидячее положение. Кто-то прикрыл его одеялами.

Ложка в руке ангела коснулась его губ, и он проглотил ее содержимое. Да, куриный бульон. В горле потеплело. Он проглотил еще ложку.

Зачем ангелу кормить его куриным бульоном, если он мертв?

Потом все как будто бы поблекло и растаяло.

Когда он снова открыл глаза, ангел никуда не делся. Он больше не плакал, но глаза были мокрые. Голубые, как осенние астры после сентябрьского дождя.

Миска с супом все еще стояла у ангела на коленях. Или это была другая чаша. Он не знал, долго ли оставался в небытии. Была это другая миска или нет, он понимал по запаху, что в ней куриный бульон. Ложка коснулась его губ, и он проглотил чуть-чуть бульона. Хороший бульон. Такого вкусного бульона он не пробовал ни разу в жизни.

Между тем неф кафедрального собора становился более различимым. На значительном расстоянии перед собой он видел одну из стен. Она больше напоминала большую груду камней. Слева от камней находилось отверстие, закрытое диким виноградом. Вероятно, снаружи был день — солнечный свет проникал сквозь лозы и освещал нарисованные на полу арабески.

Какой необычный вход в собор!

Опять ложка. Он проглотил еще немного супа. Потом появилась небольшая картонка молока с соломинкой, воткнутой в нее. Он высосал молоко через соломинку. Должно быть, молоко взяли из холодильника Сэма — оно было холодным.

Сэм?

Да. Сэм. Его трицератанк.

Он что-то тихо пробормотал. Этот звук напоминал журчание ручейка.

И снова ушел в небытие.

Очнувшись, он увидел два лица. Одно принадлежало ангелу, другое — мальчику. Он узнал мальчика. Его звали Скип. Затем узнал ангела. Это была принцесса Великого Марса.

Это ее дворец?

Снова куриный бульон. Ложка за ложкой. И снова молоко. Он выпил половину пакета или его целиком. Он не знал.

Он вспомнил: что-то случилось с его правой рукой. Она была аккуратно забинтована от середины предплечья до плеча. Остальная ее часть была голой.

Вторая рука тоже была обнажена. Плечи тоже. Где же его рубашка?

Брюки тоже исчезли. И сапоги, и нижнее белье. Он лежал под одеялами совершенно голый.

Видимо, когда он отключился, кто-то раздел его.

Или, может быть, его раздели, прежде чем положить.

В высшей степени неудачно. Ему полагалось лежать тут в новом костюме.

Может быть, в действительности он вовсе не умер?

Он снова потерял сознание.

На этот раз он проделал весь путь к Земле настоящего. И увидел... кого вы думали? Мисс Сэндз. Она была в своем офисе отдела хронологии, а он только что вошел. Ему давно хотелось поведать ей о безответной любви, пылающей в его груди, да он так и не осмелился. Но теперь он стал новым Карпентером. Пусть обольет его презрением, если ей так будет угодно, но он должен признаться.

Он храбро пересек помещение и остановился перед ее аккуратным письменным столом.

— Мисс Сэндз, — сказал он, — веками поэты пели о любви с первого взгляда, — только чтобы их высмеивали их циничные лорды. Я желаю открыто признать здесь и сейчас, что не поэты, а эти циники дураки, ибо когда вы впервые предстали пред моим взором, мисс Сэндз, любовь внезапно сразила меня, лишила рассудка, точно молния с небес, и с тех пор я совершенно переменился. Месяцами я поклонялся вам издалека, не смея открыться в своих чувствах, поскольку знал, что моя любовь безответна. Но этот ковер для меня слишком изыскан, и я не могу дольше отодвигать миг, когда положу его к вашим ногам, даже если вы, поправ его, посмотрите на него с презрением. Поэтому здесь и сейчас я предлагаю его вам, мисс Сэндз, а вы делайте с ним все, что вам заблагорассудится, — бросьте его в угол, если угодно, либо презрительно вытирайте об него ноги.

Очнувшись в очередной раз, он обнаружил, что может сесть и больше не нуждается в том, чтобы опираться на свой гроб, и понял, что этот «гроб» сделан из сложенных одеял, сложенных стопкой на его подстилке из веток. Слева и справа лежали похожие постели, и на соседней сидел на сложенном одеяле вездесущий ангел с куриным бульоном — принцесса Великого Марса.

— Почему ты плачешь, тыковка? — спросил он, и она отвернулась. Но потом снова повернулась к нему с ложкой в руке, и тотчас в горле у него потеплело от куриного бульона.

Рядом с принцессой Марса сидел ее брат Скип.

— Да вы идете на поправку, мистер Карпентер! Здорово, что с вами все будет в порядке!

Карпентер заметил, какая чистая у них одежда. Словно они побывали в прачечной. Безусловно, на Эридане таких прачечных не было.

Появилась картонка с молоком, на этот раз без соломинки. Он немного отпил.

Посмотрев влево, он увидел Сэма. Ящероход был припаркован на значительном расстоянии позади входа, увитого лозой. Иллюз-поле было выключено, и Сэм остался без ног и хвоста. Встроенный в его обшивку прожектор был направлен вверх, на высоченный потолок, и это его отраженный свет озарял неф.

Косо падающие солнечные лучи снова струились сквозь лозы.

— Сейчас утро или день? — спросил Карпентер.

— Утро, — ответил Скип.

— Я слышу, как где-то течет вода.

— Это подземный ручей.

— Надеюсь, ребятки, вы не пьете эту воду.

— Нет. Мы не такие дураки. Мы пьем воду из резервуара Сэма. А в этом ручье мы моемся и стираемся. Мистер Карпентер, мы... нам пришлось выстирать вашу одежду. Она была вся в крови.

— Где она?

— Висит у ручья, сохнет. Я там натянул веревку.

— Скип, а где мы, черт подери?

— Там, где добывали известняк, чтобы делать бетон для города. Когда здесь начали выработку, то оставляли колонны, чтобы поддерживать свод, и здесь становилось все красивее по мере того, как добывали камень. Потолок сделали сводчатым, прорезали галерею и вырубили лестницу наверх. Затем добывать известняк стали дальше за галереей — там он еще лучше, — и теперь там полно обычных туннелей, уходящих в скалы. Ручей — это подземный поток, который обнаружили совершенно случайно. Он выходит из стены в глубине галереи и уходит обратно под землю рядом с лестницей.

— Ребятки, откуда вы знали, что есть такое место?

— Дейдре узнала о нем в специальной школе, где мы учимся.

— А утес, под которым мы сейчас... он, должно быть, часть той же гряды, возле которой мы стояли лагерем?

— Да, но мы гораздо восточнее нашей стоянки, почти у моря. А город от нас прямо на юг.

— И как далеко к югу?

— Примерно в пяти милях. Для вывоза известняка строители использовали монорельсовую железную дорогу, но башни, поддерживавшие ее, рухнули.

— Но террористы... то есть похитители... должно быть, тоже знают об этом карьере?

— Возможно, знают, однако когда колонисты уходили, они взорвали вход в каменоломни — вон, видите здоровенные каменные глыбы? — и снаружи кажется, будто тут нет никакого входа.

— Зачем они это сделали?

— Наверное, от злости.

— Но вы с Дейдре тем не менее нашли, где пролезть.

Мальчик кивнул.

— Мы совсем отчаялись. После того как вы потеряли сознание, мы потратили ужасно много времени, чтобы поднять вас в Сэма, а потом не знали, куда ехать. И тогда Дейдре вспомнила про эти каменоломни, поэтому мы рискнули и направились сюда. Она знала, что колонисты взорвали вход, но мы прикинули, что могла остаться какая-нибудь дыра, достаточно большая, чтобы Сэм проехал. Однако мы обнаружили ее только с рассветом, поскольку она вся заросла плющом и лозой.

Ложка бульона коснулась губ Карпентера. Он проглотил содержимое. Внезапно он сел в постели.

— Должно быть, вы оставили следы!

— Нет. Я включил у Сэма задние фары и проехал на нем обратно по следам, оставленным нами на равнине. Потом я добрался до того ручья, который мы пересекли, когда похитители везли нас в город. Я повернул туда и проехал на Сэме вверх по течению, к утесам. Это тот же ручей, что бежит через эту штольню, а вытекает он из скал к западу отсюда. После того как мы уехали оттуда, Сэм уже не оставлял никаких следов, потому что почва была каменистой. Так что похитители не смогут выследить нас здесь.

— А вы, ребятки, сообразительные!

— Мы добились того, чтобы защитное поле Сэма сфокусировалось на входе, поэтому даже если похитители сумеют нас выследить, они не смогут войти.

— Защитное поле можно укоротить.

— У них не хватит знаний, чтобы сделать нечто подобное.

Снова ложка. Карпентер удивился, до чего же он устал! Проглотив ложку бульона, он снова ушел в небытие.

Когда он очнулся, рядом с ним снова была принцесса Великого Марса, словно она никуда и не уходила. Он заметил, что увитый растениями вход темный.

— Ты, наверное, устала, тыковка. Передохнула бы немного.

— Когда вы спите, она тоже спит, мистер Карпентер, — сообщил Скип, сидящий рядом с сестрой. — И вообще еще очень рано. Съешьте еще бульона. Она только что его приготовила.

И действительно, он увидел у нее на колене миски с бульоном, а в руке ложку. На этот раз он опустошил миску. Появилась еще одна картонка молока.

— На этот раз молоко консервированное, — пояснил Скип. — То другое скисло.

Карпентер взял из руки Дейдре картонку. Молоко было разведено водой, но на вкус оказалось не таким уж плохим. И тут он осознал, что пользуется правой рукой. Она словно бы совершенно зажила. Он взглянул на аккуратную белую повязку.

— Как же вы, ребятки, остановили кровотечение?

— Дейдре сшила артерию. В шкафу Сэма мы нашли иглы, кетгут и все необходимое. Она довольно хорошо разбирается в подобных вещах. Проходила это в школе.

Карпентер удивленно воззрился на Дейдре.

— Ты зашила *артерию,* тыковка?!

Она кивнула. Она больше не плакала, но лицо было печальным.

— Ну, полно, нечего огорчаться, тыковка.

Она поставила миску с бульоном на пол, сунула в нее ложку, встала и вышла.

— Все эти дни она какая-то обидчивая или раздражительная... — заметил Скип.

— С чего это ей обижаться?

— Не знаю. Я не понимаю женщин.

— Я тоже, — сказал Карпентер. — По-моему, я слишком тяжкое бремя для вас, ребята.

— Нет, мистер Карпентер! Это мы с Дейдре — тяжкое бремя. Если бы не вы, нас уже не было бы в живых. А если бы мы и остались живы, то ненадолго.

— Теперь от меня вам не так уж много толку, и будет еще меньше, если я не встану и не начну ходить. Принеси мою одежду, Скип.

— Конечно. Ваши сапоги стоят в изножье кровати.

Когда, полностью одетый, он встал, ноги его подгибались и неф — он по-прежнему так думал о каменоломне — постоянно кренился. Но он исполнился решительности и, опираясь на плечо Скипа, заставил ноги повиноваться его воле. В конце концов неф выровнялся, и он увидел обе боковые стены, а позади — галерею с ведущими к ней ступенями. Похоже, галерею строили скорее скульпторы, нежели рабочие каменоломен. Он легко мог представить себе художественную выставку в ее стенах. Не пытаясь дойти до самых ступеней, он прошел только туда, откуда мог видеть подземный поток. Отраженный свет был недостаточно ярок, чтобы сказать, мутная там вода или прозрачная. Ему пришло в голову, что вода такая же чистая, как и в горном ручье. Карпентер усмехнулся, увидев веревку для сушки одежды, натянутую Скипом. Взятая в кладовке Сэма, она была натянута между двух ветвей, принесенных снаружи и втиснутых в трещины на известняковом полу. Трещины, вероятно, образовались после взрыва, запечатавшего вход в карьер. Тот же взрыв покрыл пол тонким слоем белой пыли.

Карпентер прислушался к шуму подземного потока. Звук показался ему приятным и тихим. Затем Скип помог ему вернуться к самодельному ложу. Дейдре там не было. По-видимому, она забралась в Сэма. Плюхнувшись на постель, он изумился своей слабости. Наверное, он потерял много крови, когда молотил Хью по челюсти. Он скинул сапоги.

— Скип, наверное, мне надо поспать.

— Разумеется, мистер Карпентер. И не беспокойтесь ни о чем. Мы с Дейдре все время рядом.

Проснувшись, он не понял, долго ли проспал. Наверное, не очень долго, поскольку закрытый лианами вход в собор все еще оставался темным, и Карпентер был уверен, что не проспал целые сутки. Возле его постели сидела Дейдре. Он заметил, что ее постель аккуратно застелена. «Тюфяк» Скипа лежал с другой стороны от его постели, и Карпентер увидел, что мальчик крепко спит под самым верхним одеялом.

Утро еще не наступило, но было не за горами — в огромном помещении царил предрассветный холод. Он не увидел в руках у

Дейдре ни миски с бульоном, ни картонки с молоком. Почему она сидит на таком холоде?

— Ты не устала, а, тыковка?

Она отрицательно покачала головой.

Изголовье его ложа из веток было опущено. Карпентер повернулся и обнаружил, что сложенные одеяла, которые подпирали его, убраны. Он понял, что теперь некоторое время не сможет заснуть, а лежать на спине было неудобно, поэтому он попытался подпихнуть одеяла обратно. Дейдре оттолкнула его руки и сама засунула одеяла на прежнее место. И снова села.

В огромном нефе царила тишина. Успокоительная тишина. Дети были с ним, целые и невредимые. Каким-то образом ему придется возвратить их на Марс, но сейчас не было нужды беспокоиться об этом. В любом случае, если он не сумеет их вернуть, то всегда сможет забрать их с собой на Землю будущего. Сейчас было важно одно: с ними все хорошо.

— Мистер Карпентер?

Он посмотрел на Дейдре. Впервые за все время она заговорила с ним. Он не мог отчетливо видеть ее лицо, поскольку Скип притушил прожектор Сэма, однако заметил, что она плачет.

«Неужели она расстроилась из-за Хью?» — подумал он. В это трудно было поверить. Хью едва дотронулся до нее. Тогда что же ее так огорчило? Почему, открывая глаза, он едва ли не всякий раз обнаруживал, что она плачет у его постели?

— Тыковка, у тебя нет никаких причин плакать.

— Нет, есть, мистер Карпентер.

— Я позабочусь о том, чтобы у вас все было хорошо, детки.

— Знаю, мистер Карпентер. Потому и плачу.

Он не нашелся, что ответить.

— И еще, — продолжала она, — я плачу потому, что страшно вредничала и отказывалась разговаривать с вами. Вы самый удивительный человек, какого я когда-либо знала. Никто никогда не был так ласков со мной, и раньше никого не заботило, что со мной и как, а я не хотела ни словечка вам сказать, потому что я вредная, спесивая принцесса, и мне так стыдно, что умереть хочется!

Карпентер коснулся ее волос. Она упала в его объятия, громко всхлипывая.

— Тебе вовсе не надо было разговаривать со мной, тыковка. Я все понимал. Ты мне и такая нравилась.

— Вы должны ненавидеть меня, мистер Карпентер.

— Разве тебя можно ненавидеть?

— Я вредная и спесивая.

— Я не смог бы ненавидеть тебя, даже если бы захотел. Если бы не ты, я бы погиб. И не только поэтому. Ты варишь самый вкусный куриный бульон, какой мне доводилось пробовать!

— Это консервы — вы же знаете, мистер Карпентер. Я не знала, что это куриный бульон, и даже что вообще такое куриный бульон. Я просто добавляла воду и разогревала.

— В этом-то вся хитрость, — отозвался Карпентер.

— Разогреть бульон?

— Именно. Вкус зависит от того, как ты это делаешь.

Она подняла на него глаза.

— По-моему, вы разыгрываете меня, мистер Карпентер.

— Ну, может быть, чуть-чуть.

— А почему вы называете меня «тыковкой», мистер Карпентер? На Марсе тыквы — это неприятные на вид мясистые плоды, растущие на болотах и навозных кучах.

— В моем времени на Земле они растут на красивых тыквенных грядках и из тыквы пекут очень вкусные пироги. А «тыковкой» мужчина называет девушку, когда она ему очень-очень нравится.

Улыбка, озарившая ее лицо, была похожа на солнце после апрельского ливня.

— Мне... мне нравится, что вы так меня называете, мистер Карпентер.

— Знаю я одну тыковку, которой давно следовало бы лечь спать.

— Моя кровать рядом с вашей.

— Знаю.

— Если вам что-нибудь понадобится, разбудите меня.

— Спи крепко, тыковка. Со мной все прекрасно.

Утром Карпентер обнаружил, что уже достаточно окреп, чтобы передвигаться без посторонней помощи. Заслоненный лианами вход был серым, и он услышал стук дождя. Дети мирно спали. Он подошел к Сэму. Пассажирская дверь была открыта, и он заглянул внутрь, чтобы осмотреть панель управления. Красные лампочки не горели. Попозже он заведет двигатель и даст батареям подзарядиться. Возможно, Скип уже делал это, но не помешает еще немного их подпитать.

Он прислонился к гусеницам Сэма. С выключенным иллюзополем огромный ящероход смахивал на здоровенный бульдозер. Он мог отправиться сюда на Эдит, большом тираннотанке, и наверное, так бы и сделал, если бы Джордж Аллен, который должен был сопровождать его, не уволился. Для одного человека Сэм был удобнее.

Ему захотелось приготовить детям завтрак, но он чувствовал себя еще не достаточно хорошо. Однако его правая рука была в порядке. Дейдре скоро сможет разбинтовать ее. Ему все еще с трудом верилось, что девочке удалось наложить шов на плечевую артерию, хотя он знал, что так оно и есть.

Если бы не она, он наверняка бы погиб. А если бы Скип решительно не провел Сэма сквозь ночь к утесам, все трое вновь угодили бы в лапы террористов и, вероятно, сейчас уже были бы мертвы.

Карпентер ощупал лицо. Трехдневная щетина. Он забрался в Сэма, влез в кабину, достал из шкафа пену для бритья и бритву и побрился над маленькой раковиной. Здесь еще были душ на стене, водосток в полу и занавеска, чтобы отгородиться от остальной кабины, но хотя показатель уровня воды в резервуаре Сэма показывал, что тот полон больше чем наполовину, Карпентер счел неуместным растрачивать воду. Да и вообще в этом не было необходимости — он мог искупаться в ручье.

Он достал из шкафа кусок мыла и большое полотенце, вылез из машины и направился к подземному ручью. Вода оказалась пронзительно холодной. Карпентер столкнулся со значительными трудностями, поскольку не хотел мочить говорешки и бинт, однако сумел как следует умыться. Он растер полотенцем спину, чтобы тепло разлилось по телу, и снова оделся. Теперь он чувствовал себя отлично.

Скип к этому времени проснулся. Дейдре еще спала.

— Ого! — воскликнул паренек, увидев Карпентера. — Да вы прогуливаетесь! И побрились!

— Давно мы здесь, а, Скип?

— Пошел четвертый день.

— Тогда, пожалуй, мне пора подняться и шевелиться.

— Я разбужу Дейдре, пусть приготовит завтрак.

— Нет, Скип, пусть еще поспит.

— Тогда я приготовлю завтрак, хотя повар из меня никудышный. Мне хотелось бы готовить как Хаксли.

— Хаксли?

Скип показал на галерею.

— Старик, который живет в глубине скалы.

— Неужели там кто-то живет? Почему ты не сказал мне об этом?

— Я... я... мне никак не представлялся случай, мистер Карпентер.

— Вам, ребятки, не следует бродить вот так вокруг и общаться с незнакомыми!

— Да он совсем безобидный, мистер Карпентер. Он — один из колонистов. Когда все отправились обратно, он остался. Говорит, сыт по горло Великим Марсом, а тут у него целая планета, и он ни за что не вернется туда. Он хочет с вами познакомиться.

— Тогда почему не показывается?

— Стесняется. По-моему, прожив столько лет в полном одиночестве, он просто боится людей.

Дейдре проснулась и села на своем ложе. Она откинула одеяло, под которым спала, и надела башмаки.

— Соня! — обозвал ее Скип.

Она встала. Ее глаза цвета осенних астр взглянули на Карпентера.

— Доброе утро, мистер Карпентер.

— Доброе утро, тыковка.

Скип уставился на сестру.

— Так ты наконец-то решила слезть с трона!

— Заткнись! — велела Дейдре.

— Я собирался приготовить завтрак.

— *Я* приготовлю завтрак. — Она посмотрела на Карпентера. — Думаю, вам уже не хочется куриного бульона, мистер Карпентер?

— Пожалуй, куриного бульона уже хватит. Я предпочел бы кофе. И яичницу.

— О! Я не знаю, как готовят кофе. И яичницу.

— Ну, сойдет и какао, — сказал Карпентер. — Я покажу тебе, как его сварить. И как поджарить яичницу.

Скип по-прежнему удивленно смотрел на сестру.

— Ну и дела!

— А что *ты* хочешь на завтрак? — спросила Дейдре.

— То же, что и мистер Карпентер. — Скип посмотрел на мужчину. — Я просто не понимаю свою сестру.

— Женщины — существа загадочные, — заметил Карпентер.

Дейдре направилась в глубину собора.

— Куда она пошла, Скип?

— Умываться. Пойду-ка и я.

— А после завтрака, полагаю, мы нанесем визит Хаксли.

— Думаете, вы сумеете дойти так далеко, мистер Карпентер? Туда порядком добираться. Он каждый день приходит к ручью за водой. Может, подождем?

— По-моему, я смогу нормально добраться к нему, — сказал Карпентер. — По крайней мере попробую.

Может быть, Хаксли был совершенно безобидным, а может, нет. Так или иначе, он был возможным кандидатом на превращение в окаменелые останки.

8

Дейдре не понравилось, что Карпентер собрался идти так далеко, причем так скоро после ранения, и она сказала ему, что поход в гости к Хаксли следует отложить хотя бы до следующего дня. Он рассмеялся и сказал, что искупался в ручье и теперь чувствует себя превосходно. Она рассердилась.

— Мистер Карпентер, вы потеряли крови! Вам не стоило раздеваться и лезть в воду! И вообще, удивительно, как это вы не замерзли до смерти!

— Я... по-моему, я не очень хорошо соображал, тыковка.

Однако он по-прежнему собирался навестить Хаксли, и в конце концов она перестала спорить. Перед выходом он достал из кобуры на дверце Сэма свой лучевой пистолет и сунул его за ремень. Вполне в духе этих детей, думал он, подружиться с тем, о ком они не знали ровным счетом ничего. Впрочем, он подозревал, что виноват один лишь Скип, поскольку едва ли Дейдре стала бы общаться с совершенно незнакомым человеком.

Дейдре со Скипом шли впереди. Карпентер неуверенно стал подниматься по известняковой лестнице. Хватит ли ему сил одолеть подъем? Дети поднимались медленно, и вскоре Дейдре пошла рядом с ним. Он усмехнулся.

— Я отлично справляюсь, тыковка.

Все же он очень обрадовался, когда они наконец достигли галереи.

Она была изваяна до того тщательно, что вызывала в памяти галерею в здании оперы. Он ни разу не бывал в опере, однако не сомневался, что тамошняя галерея выглядит именно так. Проемы

в задней стене напоминали входы, через которые *haut monde*[1] мог пройти в свои шикарные ложи.

Прежде чем отправиться к Хаксли, он усилил свет прожектора Сэма, но в эту дальнюю часть собора его все равно проникало очень мало. Возможно, если бы Карпентер видел лучше, то смог бы разглядеть трещины и тогда галерея утратила бы свою элегантность.

Скип свернул в один из коридоров. Из ящичка под панелью управления Сэмом он прихватил электрический фонарик, и теперь включил его. Коридор оказался довольно широким. Дейдре, которая все время шла рядом с Карпентером, осталась возле него.

— Пусть нас ведет Скип, — сказала она.

— Ты не знаешь дороги?

— Нет. Я никогда не ходила с ним к Хаксли. Но несколько раз я его видела, когда он приходил за водой.

Пол коридора пошел вверх. Прошло довольно много времени, но вот Скип вывел их к развилке и двинулся по левому ее ответвлению. Дейдре с Карпентером последовали за ним. Ответвление тоже поднималось. Затем Скип свернул налево в новый коридор, потом направо в другой. Подъем продолжался, и Карпентер был уверен, что они приближаются к вершине скалы на значительном расстоянии от ее склона.

Еще один поворот влево, затем вправо. Карпентер старался запомнить маршрут. И очень жалел, что плохо умеет ориентироваться. Вскоре впереди и выше они различили свет — крошечную точку. Став больше, она превратилась в небольшой квадрат. Наконец она стала тем, чем и была на самом деле: открытым смотровым отверстием в двери.

— Хаксли! — закричал Скип. — Это я! Я привел мистера Карпентера и сестру!

Он остановился точно напротив двери. Стальной двери, как догадался Карпентер; такие же двери были в городе. В отверстии появилось лицо. Морщины, тусклые голубые глаза. Нечесаные седые волосы. Скип встал на цыпочки, чтобы его лицо было видно в отверстии. Дверь медленно отворилась внутрь, и при свете, падавшем из находящейся за нею комнаты, стало ясно, что она действительно стальная, как и подозревал Карпентер.

---

[1] Высший свет (*франц.*)

Но дверь занимала его гораздо меньше, чем старик, отворивший ее. Несомненно, Хаксли был невысок от рождения, но почтенный возраст еще уменьшил его. Его волосы были причесаны так, как причесывал — или не причесывал — свою шевелюру Эйнштейн. Ввалившиеся щеки выдавали отсутствие зубов. Только тусклые голубые глаза хоть как-то оживляли его лицо, но их пустота портила общее впечатление. Карпентер вспомнил пустые угрюмые глаза террористов. Возможно много лет назад Хаксли тоже смотрел мрачно. Он был одет в очень потрепанную тунику до колен, сделанную из чего-то, напоминавшего кожу гадрозавра и, вероятно, некогда бывшего ею. Обут старик был в нелепые башмаки, вырезанные из дерева.

— Заходите, заходите, — произнес он опасливо. — Я дома.

— Я привел мистера Карпентера и сестру, — повторил Скип.

— Хорошо, хорошо.

«Дома» означало в просторной комнате с низким потолком, выдолбленной в известняке. В середине стоял грубый стол из нетесаного дерева, возле него — три стула, тоже деревянные и грубые. На столе стоял фонарь-яйцо, излучающий мягкий свет. В стене напротив двери была такая же дверь. На этой окошко было забрано стальной сеткой и обрамляло большой квадрат серого дневного света. Стену слева занимали ярусы деревянных полок, заполненных томами, напоминающими папки. Вдоль противоположной стены стояло кухонное оборудование: плита, буфет из необструганного дерева и металлическая лохань, заполненная немытой посудой. Между буфетом и плитой виднелся сводчатый проход в другую комнату или, возможно, в чулан. В потолке — люк; крышка крепилась так, что ее можно было сдвинуть в сторону. Вероятно, она прикрывала световой люк, затянутый стальной сеткой, как окошко в двери. Карпентер не сомневался, что эта комната располагается прямо под цокольным этажом. А несколько ступеней (или пандус) вели вниз, наверное к двери наружу.

В этом соборе, который казался таким надежным, был черный ход! Хотя едва ли Хаксли вообще открывал его.

— Добро пожаловать в мою скромную квартиру, — сказал он Карпентеру.

Самым подходящим определением было бы «в неопрятную». Дюймовый слой грязи на полу, стена над плитой вся в разноцветных пятнах. Помещение пропахло застарелым мусором. Наверное, от Хаксли тоже воняло, но помойкой несло так мощно, что разобрать было тяжело.

— Дейдре, — сказал Скип, — у тебя есть еще одна пара говорешек. Дай их Хаксли, чтобы он мог понимать мистера Карпентера.

Дейдре повиновалась. После того как Хаксли надел говорешки, Карпентер спросил:

— Вы живете здесь с тех пор, как ушли колонисты?

— Да, именно так. — Хаксли показал на стол и стулья. — Прошу вас, садитесь, сэр.

Он подвел гостей к столу. Карпентер выбрал стул, который, казалось, был немного чище прочих. Скип уселся на другой, а Хаксли устроился на стуле рядом с Карпентером. Дейдре поневоле осталась стоять. И, похоже, не возражала.

— Скип сказал мне, что вы из будущего, — сказал Хаксли.

— Из далекого будущего.

— Он сказал, семьдесят четыре миллиона лет. Я не поверил. И сейчас не верю. Я вижу, что вы не марсианин, да и быть не может, чтобы ку засеяли эту планету очень давно.

— Как вы поняли, что я не марсианин?

— Это вполне очевидно, хотя ваш физический облик точно такой же, как у нас.

— Вы полагаете, что ку собираются засеять Землю. Людьми, такими же, как вы. В моем времени существует несколько разных рас с заметно отличающейся историей. В сущности все они одинаковы, однако различаются цветом кожи и на первый взгляд — физическими характеристиками. Вы и эти дети очень похожи на ту расу, к которой отношусь я сам, но, разумеется, на Марсе должны быть и другие народы.

— Так и есть. Но между ними нет физических различий, и я не вполне понимаю, что вы подразумеваете под разным цветом кожи.

— Значит, ку при засеве использовали лишь один тип семян. А заселяя Землю, использовали разнообразные типы.

— Думаю, Марс был первым экспериментом. Естественно, ку со временем перешли к более сложным проектам.

— Но отчего же они засеяли Марс сразу людьми, а на Земле начали эволюционную цепочку, которая в конце концов завершилась рептилиями?

— Не знаю. Но вряд ли они предполагали, что цепочка завершится рептилиями.

— Вы их видели?

— О да! Несколько раз.

— И какие же они? Как выглядят?

— Как геометрические фигуры. Думаю, они скоро уничтожат рептилий. По крайней мере некоторых.

Это прозвучало так, будто старик уже заглядывал в будущее. Но Карпентер был далек от убеждения, что именно ку будут в ответе за вымирание динозавров. И, если честно, был далек от убеждения, что ку вообще существуют.

Он показал на тома на полках:

— Это материалы для чтения?

— Да. Я очень много читаю. Я прежде охотился — пока не закончились патроны, а теперь только и осталось, что читать. Тома, которые вы разглядываете, — лучшая часть Риммонской библиотеки. Я принес их сюда после отлета колонистов. И уйму другого тоже: плиту, лохань для мытья посуды, столовые приборы, инструменты, ножи для разделки мяса, запасы продовольствия, которого хватит до конца жизни, фонарь и огромный запас топливных элементов, а также стальные двери для моего нового жилища. Мне понадобился не один день, чтобы притащить все это сюда. Тяжелее всего было с дверями. Дважды на меня нападали динозавры, и я чуть не отправился на тот свет.

— Почему вы не остались в городе?

— Потому что он напоминал мне о Марсе. Главным образом своей архитектурой. Прибыв на Землю, мы привезли с собой Марс. Я был главным помощником риммонского инженера-строителя, но никогда не имел отношения к архитектурному дизайну.

— Скип рассказывал вам о похитителях?

— Да. И теперь я вдвойне рад, что не остался в городе.

— Эти похитители — я называю их террористами — ненавидят верхушку власти Великого Марса. Вы сказали, что хотите забыть о Марсе. Вы тоже ненавидите власть предержащую?

— Да, но лишь пассивно. Ведь я когда-то был в их числе. Естественно, вы ничего не знаете о нашей планете, мистер Карпентер — о нашей планете, какая она сейчас, — за исключением того, что могли вам рассказать эти двое детей. Существует пять основных держав. Великий Марс с географической точки зрения — самое маленькое, но самое технологически развитое государство, и все-таки мы зачем-то сохраняем дурацкую, почти бездействующую монархию. Это монархическая глазурь на торте, состоящем из охотников за властью, ловкачей, махинаторов и, конечно же, неизбежного простонародья. Хуже всего дву-

рушничество. Тут будет уместно даже выражение «двойное двурушничество». Никакие личные заслуги не помогут вам даже немного поднять свой социальный статус. Чтобы пробиться наверх, вам придется ловчить, обманывать и постоянно искать расположения власть имущих. Лишение эмоциональности, которому в возрасте тринадцати лет подвергаются все марсиане во всех странах, — фарс, если говорить об истинной эффективности. Скип рассказывал вам о десентиментализации, мистер Карпентер?

Карпентер кивнул.

— Что ж, до определенных пределов это превосходно срабатывает. Когда человек, лишенный эмоциональности, принимает решение, он никогда не принимает его под влиянием любви, привязанности или сострадания. И все равно решение редко бывает объективным. Десентиментализация просто оставляет больше места для алчности. Островной континент Великого Марса, если исключить королевскую семью, у которой уже больше денег, чем она может потратить, населен людьми двух сортов — теми, кто, лицемеря, прорвался на высокооплачиваемые должности, и теми, кто отчаянно стремится к тому же. Если вы не овладели искусством подхалимажа, как вышло со мной, вы обречены навеки оставаться в рядах простонародья. Однако мне повезло. Скорее по случаю, чем по замыслу, я стал главным помощником риммонского инженера-строителя. Я уже был на пороге того, чтобы стать инженером-строителем во втором городе, который Великий Марс планировал возвести в высокогорье, но от проекта отказались. Когда меня лишили возможности проявить себя и добиться достойного жалованья, меня переполнила горечь. И я решил не иметь больше ничего общего ни с островным государством, где я родился, ни с планетой, где оно располагается.

— Великий Марс — это остров? — осведомился Карпентер.

— Совершенно верно. Огромный остров. Я понятия не имею, как выглядит Марс в ваши дни, но в данный период времени его северное полушарие представляет собой огромный океан, окружающий маленький покрытый льдом материк на полюсе. Остров Великого Марса — в восточном полушарии, чуть севернее гигантского массива суши, который покрывает почти всю южную половины планеты.

Элизий, подумалось Карпентеру. Хаксли рассказывает об Элизие. Земные геологи будущего выдвинули теорию, что там мог существовать такой океан, и что Элизий мог быть островом.

— Если Великий Марс — то место, о котором я думаю, — сказал он, — там по-прежнему стоят пирамиды. Один из наших космических аппаратов их сфотографировал. Они трехгранные. И один прямоугольный параллелепипед.

— Ку возвели их задолго до нашего времени. Из странного материала, который нам так и не удалось проанализировать, и по причинам, которые мы так и не сумели понять. Неудивительно, что они еще стоят. Как вы могли заметить по Риммону, они оказали весьма заметное влияние на нашу архитектуру. Интересно, что еще осталось от современного Марса.

Ради Дейдре и Скипа Карпентер не стал описывать, как выглядит Марс будущего. Вместо этого он продолжил тему пирамид.

— В моей стране на Земле, — сказал он, — мы возводим огромный обелиск в одной из наших западных пустынь в ознаменование завершения еще одного века американской цивилизации. Он называется «Боже, благослови Америку». Его начали возводить двенадцать лет назад и рассчитывают завершить к концу столетия. Он намного выше, чем все, когда-либо построенное нами, и гораздо выше всего построенного другими народами Земли — однако не идет ни в какое сравнение с пирамидами на Марсе.

— Кажется, ваша цивилизация достигла расцвета, — заметил Хаксли, — как мы, Великий Марс, в нынешний период, видимо, достигли своего расцвета. Так это или нет, но мы забрались по лестнице почти до самого верха. По оценкам наших палеонтологов, ку засеяли эту планету около двадцати двух сотен лет назад, сразу по окончании последнего ледникового периода. Теперь надвигается следующий ледниковый период.

— Уверен, что он — дело достаточно далекого будущего, чтобы не повлиять на вашу жизнь.

— На мою жизнь он точно не повлияет, мистер Карпентер.

— Я думал о принце и принцессе.

— Принце и принцессе?

— О Скипе и Дейдре. Дейдре — следующая по очереди наследница престола. Разве вы не знаете?

Хаксли поднялся. Его лицо стало пепельным. Он отвесил Дейдре низкий поклон.

— Ваше высочество, прошу меня простить. — Он поклонился Скипу. — Ваше высочество, почему же вы ничего не сказали?

— Да как-то в голову не пришло.

Хаксли шаркая обошел стол, волоча за собой стул.

— Прошу вас, ваше высочество, садитесь, — сказал он Дейдре.

Она помотала головой. Затем посмотрела на Карпентера.

— Мистер Карпентер, с вами все в порядке?

Комната перед глазами Карпентера только что исполнила сальто-мортале. И снова успокоилась.

— Просто у меня на секундочку закружилась голова. Теперь все в порядке.

— Думаю, нет! Скип, помоги! Надо отвести его обратно в постель!

Чтобы показать, насколько он силен, Карпентер встал, прежде чем сестра с братом подошли к нему. Но Дейдре не купилась на его браваду.

— Я же говорила, что вам сюда слишком далеко идти!

Она схватила его за одну руку, Скип — за другую.

— Было очень приятно побеседовать с вами, Хаксли, — сказал Карпентер через плечо.

— Заходите еще, мистер Карпентер. Когда почувствуете себя лучше.

С этими словами Хаксли опять низко поклонился Дейдре и Скипу.

Коридоры перестали раскачиваться. Возможно, потому, что Скип постоянно направлял луч фонарика на пол и Карпентер не видел стены. Когда они добрались до лестницы, он обрадовался, что наконец видит свое самодельное ложе, на которое буквально свалился.

— Скип, принеси из Сэма еще одно одеяло, — услышал он голос Дейдре.

А потом уже ничего не слышал.

9

И снова куриный бульон. И ангел, сидящий у его постели.

Он не знал, сколько времени проспал, но темнота за входом говорила о том, что наступила ночь, а судя по тому, что Скип крепко спал на своей постели, было далеко за полночь. Прожектор Сэма был выключен.

— Тыковка, тебе давно пора спать.

— Съешьте немного бульона, мистер Карпентер. Я только что его приготовила.

Его постель снова была приподнята.

— Откуда ты знаешь, что я проснулся?

— Я вас разбудила. Пища вам необходима больше, чем сон. Бульон, мистер Карпентер!

Он проглотил содержимое ложки, которую она держала перед его губами.

— Эй, я могу есть сам.

— Нет, не можете, мистер Карпентер, — я не позволю.

— Сегодня ты страшно командуешь

— Я не хочу командовать, мистер Карпентер. Но очень за вас волнуюсь. Ну-ка, выпейте молока.

Он повиновался. Это было консервированное молоко, разбавленное водой.

— Тыковка, как Хаксли догадался, что я не марсианин? Да и террористы тоже сразу это поняли. Да и вы, ребятишки. Почему все так быстро догадываются об этом?

— Из-за вашего лица. Оно не такое суровое, как лица марсиан. И глаза у вас другие. Ласковые, а не холодные.

— У тебя такие же.

— Я еще ребенок. И кроме того, я пока не прошла десентиментализацию.

Он подумал о террористах.

Неужели все лица взрослых марсиан похожие на лица Кэти, Флойда, Фреда и Хью?

— У большинства лица не такие суровые, но достаточно холодные. И глаза.

— У Хаксли лицо нисколько не суровое. А глаза пустые.

— Потому что он старый. Но суровость по-прежнему прячется в его взгляде. Съешьте еще немного бульона, мистер Карпентер.

— Я поем, и ты отправишься в постель.

— Обязательно, мистер Карпентер. Вот, выпейте еще молока.

— Да, мэм.

Утром он чувствовал себя прекрасно, и она разрешила ему немного прогуляться. Он сказал, что не прочь съесть яичницу с беконом на завтрак, и объяснил, как ее поджарить. Еще она сделала какао и принесла ему на подносе. Поднос был хлебной дос-

кой из буфета Сэма, но он с этим смирился. Пока Карпентер ел, она держала поднос неподвижно.

Скип присел на край постели Карпентера.

— Вам понравился Хаксли, мистер Карпентер?

— Похоже, он достаточно безобидный.

— Утром он приходил за водой. Он заглянул сюда, и я решил, что он хочет нанести нам ответный визит, но он ушел обратно по лестнице.

— Почему бы тебе не завести Сэма и оставить на время? Пусть поработает на холостых оборотах и полностью зарядит батареи.

— Хорошо. Я делаю это время от времени, мистер Карпентер. Разве я не говорил вам, что я — гений механики?

— Нельзя постоянно хвастаться этим! — сказала Дейдре.

— Я не хвастаюсь!

— Нет, хвастаешься!

— Так, — строго промолвил Карпентер. — Правило дня: никаких семейных ссор!

Буря в стакане воды утихла, и Скип направился к Сэму.

Поскольку Дейдре настояла, чтобы между короткими прогулками он оставался в постели, Карпентер проводил большую часть дня в полудреме, а просыпаясь, размышлял о детях. Дейдре сняла с его руки повязку и заменила повязкой поменьше. Рана превосходно заживала. Он сказал ей, что она напоминает ему Флоренс Найтингейл, и когда она спросила, кто это, ответил, что эта женщина была на Земле первой настоящей сестрой милосердия. Дейдре на это ответила, что всех девочек Великого Марса обучают уходу за больными и медицине. Это навело его на мысль, что, вероятно, нарисованный Хаксли нелестный образ родины мог быть карикатурой. Алчность никак нельзя было назвать уникальной мотивацией, и с трудом верилось, что на Великом Марсе больше двурушников и мошенников, чем их будет в добрых старых США 74 051 622 года спустя. Собственно говоря, несмотря на программу принудительной десентиментализации, жить на Великом Марсе, возможно, было весьма недурно, особенно если вам посчастливилось оказаться важным членом королевской семьи.

Это вернуло его обратно в исходную точку: как отправить детей на Марс? Упоминание Хаксли о грядущем ледниковом пе-

риоде заставило его на миг растеряться, однако он не стал принимать эту информацию в расчет, поскольку всю свою жизнь на Земле слышал о близком ледниковом периоде и относился к этому и подобным бедствиям как к неизбежным явлениям будущего, с которыми люди ничего не могут поделать. Идеальным решением вопроса стал бы прыжок на Сэме назад во времени, туда, где Кэти, Флойд и Фред напились на четвертом этаже убежища, а он дрался с Хью на третьем. Тогда было бы легче легкого забраться в корабль и связаться по радио с Великим Марсом. Но уже прошло слишком много времени, и если Сэму сейчас прыгнуть так далеко, батареи разрядятся раньше, чем они доберутся туда — ну или они разрядятся на обратном пути, и Карпентер с детьми на заглохшем ящероходе застрянут прямо в тени корабля террористов.

Единственным заслуживающим внимания вариантом было тайком подобраться на Сэме к кораблю, чтобы держать его под постоянным наблюдением, слиться с окружающей средой, а затем просто дождаться, пока террористы оставят корабль без охраны. Ждать пришлось бы очень долго, ведь террористы, понимая, что радио для детей — единственная надежда на спасение, следили бы за ним, как наседка за цыплятами; но они или поздно совершили бы промах. Возможно, Хью снова напился бы и оставил пост. Или завалился бы спать. В последнем случае Карпентеру пришлось бы пробраться на борт, чтобы все разузнать, что, несомненно, было рискованным и сложным предприятием. Он справится с этим, когда придет время, но сейчас важнее всего было начать осуществлять этот план, как только он снова встанет на ноги, ведь террористы могли отвязаться от детей, довольствуясь тем выкупом, который их сообщник на Марсе к этому времени должен был забрать, и отбыть на родную планету.

На обед Дейдре приготовила ему куриный бульон и молоко. Куриным бульоном он уже был сыт по горло — ему казалось, что скоро тот польется из ушей. Вдобавок, когда он лежал на постели, его подташнивало. Тут его осенила, как ему показалось, блестящая мысль.

— Может, позволишь мне приготовить ужин, тыковка? Ведь несправедливо, что все время еду готовишь ты.

— Мне *нравится* готовить.

— Что ж, даже если тебе это и нравится, то все равно должно уже порядком надоесть. А я хочу начать пораньше, приготовить нечто особенное и...

— Мистер Карпентер, вы пытаетесь выманить у меня разрешение встать!

— Но я хорошо себя чувствую. Я...

— Завтра вы будете чувствовать себя еще лучше. Тогда сможете встать и делать все что угодно. Но пока готовить буду я!

Ладно. Но мысль все равно была блестящая. Однако не все еще потеряно.

— Тыковка, в морозильнике ты найдешь несколько плоских квадратных коробочек с изображениями еды. На Земле будущего мы называем это «быстроужин». Обычно меня с них воротит, но, думаю, сегодня вечером эта еда покажется мне очень вкусной. Если они там есть, принеси две или три коробочки с разными картинками.

Она принесла макароны с сыром, жареного цыпленка и стейк «Солсбери» с картофелем. Он показал на коробку со стейком и картошкой.

— Я буду есть это.

— Я тоже, — сказал Скип, выглядывая из-за спины сестры.

— Тыковка, их там сколько, две?

— Три. Я тоже буду.

Он прочитал ей инструкцию к приготовлению, и она сказала, что все запомнила; вечером они ели быстроужины, которые придумают спустя семьдесят с лишним миллионов лет. Дейдре сидела на постели возле Карпентера и держала поднос, а Скип устроился напротив. Еда оказалось почти такой же сказочной, как жареный зефир, и это заставило Карпентера подумать обо всех тех одиноких милях, что отделяют Землю от Марса, а вскоре он поймал себя на том, что думает об изящной принцессе с лютиковыми волосами: вот она с каменным лицом и навсегда утраченной нежностью во взгляде гордо поднимается по золотым ступеням к золотому трону, и еще он увидел Скипа — высокий, взрослый, с таким же суровым лицом, как у Флойда, Скип стоял среди придворных, разодетых в пух и прах в честь восшествия Дейдре на престол. Ему страстно захотелось забрать этих детей с собой на Землю будущего, и его захлестнуло безысходное отчаяние, оттого, что он понимал — ничего не выйдет.

Этой ночью он спал плохо, возможно, потому, что проспал половину дня. Он беспокойно ворочался на постели. Наконец он открыл глаза и сел — и кого же увидел? Ангела, сидящего на сложенном одеяле рядом с его ложем; ангела, известного также как принцесса Великого Марса.

Неужели она опять принесла бульон? Или молоко? Нет, ни то, ни другое. Она просто одиноко сидела в ночи, спиной к своей помятой самодельной постели.

— Тоже не спится, мистер Карпентер?

— Да. Тебе не следует сидеть здесь, тыковка, тебе надо лечь. Холодно!

— Я постоянно думала о нас со Скипом и беспокоилась, что же нам делать, вот потому и не могла уснуть. А потом заметила, что и вы никак не уснете.

— Оставь тревоги мне. Я собираюсь так или иначе отправить вас, ребятки, обратно на Марс.

Воцарилась тишина. Потом она продолжила:

— И еще я постоянно думаю о мисс Сэндз. О том, что вы сказали, что она не любит вас.

— Оказывается, у принцессы Великого Марса ушки на макушке.

— Я нечаянно услышала, как вы рассказывали о ней Скипу, когда мы ночевали на утесе. Я только притворялась, что сплю, но подслушивать не хотела.

— Тогда ты должна была еще услышать, как я говорил ему, что на Земле будущего иногда мужчина влюбляется в девушку, которая не обязательно отвечает ему взаимностью. Это наш мисс Сэндз случай.

— Не верю в это ни секунды, мистер Карпентер. Она наверняка таит свою любовь, как вы — свою.

— Тыковка, она даже смотреть на меня не хочет!

— Спорим, она смотрит на вас все время, когда вы не видите. Я-то девушек знаю, мистер Карпентер. Только никогда не говорите с ней так, как в вашем сне. Она может подумать, что вы со странностями.

Он вспомнил сон, в котором он вошел в офис мисс Сэндз и открыто признался ей в любви. Очевидно, он разговаривал вслух.

— По-моему, мисс Сэндз всегда считала меня человеком со странностями.

— Да нет же! Честно говоря, мистер Карпентер, иногда вы меня бесите! Как можно ожидать, что она кинется вам на шею, если вы с ней даже не разговариваете! Могу поспорить, если вы скажете ей про свою любовь, она сама бросится к вам в объятия!

— Не думаю, тыковка.

— Просто попытайтесь в следующий раз, когда будете с нею, и увидите!

— Я подумаю над этим. А сейчас, думаю, нам обоим надо постараться уснуть.

Она быстро наклонилась и поцеловала его в щеку. Неужели это приглушенный свет сделал ее глаза цвета осенних астр такими ярко-голубыми?

— Любая девушка бросилась бы... — прошептала она. И юркнула под свое одеяло.

Его разбудили солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щелочки между увивающими вход лианами. Дождь закончился. Карпентер бесшумно поднялся, чтобы не разбудить детей, и обулся. Побрился в кабине Сэма, затем приготовил завтрак — оладьи и сосиски. Какао.

— Идите завтракать, ребятишки! — крикнул он через открытую дверь со стороны пассажирского сиденья.

Завтракали они в кабине. Поскольку стульев было всего два, Скипу пришлось устроиться на краю койки. Он вытаращил глаза, откусив от связки сосисок, а через секунду вылупил их еще сильнее, засунув в рот огромный кусок политой сиропом оладьи. Дейдре ела изящно, но, когда Карпентер спросил, кто хочет добавки, не отказалась.

Желая показать ей, насколько он окреп, Карпентер настоял на том, что сам вымоет посуду. Пока он занимался этим, Скип подошел к пассажирской двери и сообщил, что приходивший за водой Хаксли просил передать: он хочет сказать Карпентеру нечто важное и будет весьма признателен, если тот заглянет к нему еще раз. Карпентер посмотрел на Дейдре, которая вытирала тарелку.

— Что ж, по-моему, все будет хорошо, мистер Карпентер. Но мы со Скипом пойдем вместе с вами.

Скип позволил Карпентеру идти первым. После того как они добрались до галереи, он повернул в нужный коридор, а когда они подошли к развилке, двинулся по левому ответвлению. Но там было множество боковых коридоров, и он не был уверен, в какой именно на левой стороне надо свернуть. Разумеется, он ошибся; Скип сказал, что следовало выбрать следующий коридор. Карпентер исправил ошибку. Потом потребовалось повернуть направо, затем налево и наконец опять направо. Боковых коридоров стало меньше, он без особого труда отыскал нужную дорогу, и в конце концов вдалеке показалось смотровое оконце в двери жилища старика.

Хаксли сдвинул в сторону крышку люка. Утреннее солнце залило комнату. При дневном свете дом выглядел гораздо грязнее, чем при свете фонаря. Старик поклонился Дейдре и Скипу. Где-то он сумел отыскать еще один стул и теперь поставил его к столу вместе с остальными. Он снова поклонился Дейдре.

— Прошу садиться, ваше высочество. — Было очевидно, что если она не согласится, Хаксли останется стоять. Она устроилась так близко к краю сиденья, будто боялась упасть. Карпентер со Скипом тоже сели за стол. На оставшийся стул сел сам Хаксли, прямо напротив Карпентера.

— Во время вашего предыдущего визита, мистер Карпентер, — сказал старик, — я упомянул о том, что на Марсе грядет еще один ледниковый период.

Карпентер кивнул. Интересно, зачем Хаксли понадобилось, чтобы он зашел к нему еще раз? Чтобы поговорить о предполагаемом ледниковом периоде?

— Из-за эксцентриситета орбиты Марса и критического наклона его оси, который меняется в диапазоне от четырнадцати до тридцати пяти градусов, — продолжал Хаксли, — он — легкая добыча для ледниковых периодов. Один край его орбиты расположен на тридцать миллионов миль ближе к Солнцу, чем другой, и порой, когда планета ближе всего к Солнцу, ее ось наклонена таким образом, что северное полушарие дальше всего от светила. Уйдя на противоположный край орбиты, когда в северном полушарии должно бы наступить лето, планета оказывается так далеко от Солнца, что лето толком не наступает. Во время подобных фаз лед на северном полюсе не подвергается естественному таянию. Примерно через двадцать четыре тысячи лет положение изменяется на обратное, и то же самое происходит с южным полушарием. Но между этими двумя климатическими экстремумами есть период, в котором оба полушария получают одинаковое количество солнечного света. Тогда лед полярных шапок тает естественным путем, атмосфера поглощает водяной пар и климат становится теплее. Эти идеальные межледниковые периоды длятся около трех тысяч лет и, наверное, повторялись на протяжении всей сравнительно недавней истории планеты. Ку по только им известным причинам воспользовались нынешним ледниковым периодом и засеяли планету людьми и разнообразными формами жизни... Похоже, вас не особенно удивила чрезвычайная перемена марсианского климата, мистер Карпентер? Интересно, а в вашу эру на Марсе бывают ледниковые периоды?

Не подумав, Карпентер ответил:

— В прошлый раз вы описали мне огромный океан. К моему времени от него не останется и следа. И когда планета ближе всего к Солнцу, ее северное полушарие получает меньше всего тепла.

Дейдре коснулась его плеча.

— Неужели там нет *никакой* жизни, мистер Карпентер?

— Мы не знаем, тыковка, — поспешно ответил он. — Мы только фотографировали планету при помощи орбитальных станций с высоты, которая не позволяет разглядеть, есть там жизнь или нет. И провели несколько простых экспериментов при помощи посадочных модулей. Жизнь там возможна; может быть, даже существует подземная цивилизация. — Он осторожно воздержался от упоминания о том, что атмосфера Марса будущего состоит главным образом из двуокиси углерода и настолько разреженная, что вода тут же испарится. — Однако Марс моих дней просуществовал более семидесяти четырех миллионов лет, поэтому, безусловно, вам со Скипом нет никакой нужды тревожиться.

— Определенно нет, принцесса, — сказал Хаксли. — И Марс через восемьсот лет, когда, как говорят наши ученые, начнется следующий ледниковый период, вас с братом тоже определенно не должен волновать. Можете не сомневаться, кого-нибудь это обязательно встревожит, и он построит космические корабли, способные перевезти всю цивилизацию Великого Марса на планету у какой-нибудь другой звезды. — Хаксли снова посмотрел на Карпентера. — Мне бы хотелось, чтобы вы полностью ознакомились с этой проблемой, мистер Карпентер, и поняли, что в представлениях людей о времени надвигающийся ледниковый период настолько далек, что это не имеет никакого отношения к вашей дилемме.

— К моей дилемме?

— Взять ли вам принцессу и принца с собой в ваше будущее, или попытаться вернуть их на Марс.

— Боюсь, я не брал в расчет ваш ледниковый период.

— Я опасался, что брали, и это влияет на ход ваших мыслей. Ваша дилемма очень сложна. Вы не хуже меня понимаете, что принцессу с принцем нельзя принудительно ввести в первое попавшееся общество, и хотя ваша речь и манеры указывают на то, что в вашем обществе не может быть коренных отличий от общества Великого Марса, оно наверняка отличается от него в опре-

деленных отношениях, а даже если нет, вы не сможете обеспечить двум членам королевской семьи тот образ жизни, который они всегда воспринимали как само собой разумеющееся. Дело в том, что им попросту не место на Земле будущего; они одно целое с планетой, где появились на свет. Более того, в один прекрасный день принцессе предназначено занять престол Великого Марса, а забрав ее на Землю будущего, вы лишите ее права первородства.

Однако если вы решили, что их надо вернуть на Марс, единственное, что вы можете сделать, это попытаться обмануть похитителей и связаться с Космофлотом по рации, что очень и очень опасно. Посему ваша дилемма безусловно не из тех, какие легко разрешить.

Решившись стать затворником, человек, если он не скудоумный, не отсекает себя окончательно и бесповоротно от своего рода. Он удостоверивается, что место его уединения — его пещера, если угодно, — достаточно близко к цивилизации, и если что-то пойдет не так или он передумает, он сможет вернуться обратно. А если место уединения далеко от цивилизации, он должен точно знать, что у него есть транспортное средство, способное покрыть расстояние, отделяющее его от нее. Он оставляет себе выбор, и этот выбор делает его добровольное изгнание сносным. Когда ночью он ложится спать, а утром просыпается, то всегда сознает, что в любое время, когда захочет, сможет вернуться в общество, из которого себя изгнал.

Как главному помощнику риммонского инженера-строителя, мне предоставили внедорожник и, что еще важнее, личный космический аппарат, на котором я мог бы вернуться на Марс в любое время — на праздники или если по деловым соображениям такое путешествие станет необходимым. В центре Риммона есть небольшой космопорт, где важные официальные лица вроде меня держат свои личные маленькие космические суда. Во время массового бегства я поднял свое судно с планеты с показным намерением вернуться на Марс. Но не вернулся туда. Вместо этого я несколько раз облетел Землю и ночью посадил корабль в глубокой балке позади скал. К тому времени я уже подыскал себе это место в бывшем карьере, где мы сейчас находимся. С тех пор я ни разу не пользовался кораблем, но он по-прежнему здесь, стоит возле моей задней двери. Это моя возможность выбора. Хоть это космическое судно очень мало, у него даже нет межпланетной рации, оно способно вместить двоих взрослых — или одного

взрослого и двух детей. Летает он не так быстро, как более крупные корабли, но нынешнее взаимное расположение Марса и Земли дает возможность выполнить перелет между этими двумя планетами меньше чем за неделю. Его ионный двигатель в идеальном состоянии. Вчера я осмотрел отталкиватель массы. Он совершенно исправен. Вот что я предлагаю, мистер Карпентер: я освобожу вас от вашей дилеммы. Я отвезу принца с принцессой на Марс.

10

Весь остаток дня в соборе стояла мертвая тишина. Наступило время ожидания. У детей не было одежды или еще каких-нибудь пожитков, так что собирать вещи не требовалось, и заняться было нечем. В полдень Дейдре приготовила легкий ланч, редкостно банальный: какао и сэндвичи в вакуумной упаковке. Казалось, ни она, ни ее брат не голодны. Карпентер тоже не чувствовал аппетита. Он не сомневался, что дети погружены в мысли о Великом Марсе.

Время взлета назначили на семь вечера по счислению Карпентера. У Хаксли не было часов, и он определял время по солнцу. Он сообщил, что зайдет за детьми. Карпентер то и дело поглядывал на водительский отсек, где на панели управления Сэмом находились часы. Он постоянно смотрел, сколько прошло времени. Ему недоставало наручных часов. Хаксли сказал, что ему понадобится целый день, чтобы собрать провизию для перелета — ограниченное место хранения в летательном аппарате вынуждало его взять только самые необходимые припасы. Карпентер предложил еду из кладовой Сэма, но Хаксли категорически отказался, ссылаясь на то, что слишком привык к марсианской диете и у него половину комнаты все еще занимают продукты, собранные в городе после ухода колонистов. Когда Карпентер сказал, что, вероятно, они уже испортились за то время, пока Хаксли жил в пещере, тот ответил, что еда, если ее должным образом запечатать в вакуумную упаковку, может храниться вечно, а на Марсе вакуумная упаковка — целое искусство.

Старик вовсе не собирался возвращаться на Землю. Он заявил, что получит вознаграждение за то, что вернул на Марс принца с принцессой и станет баснословно богатым, а богатей-

шему из марсиан нет причины проводить остаток жизни в пещере на Земле.

Он вовсе не скрывал своих побуждений:

— Я родился бедняком. Теперь могу умереть богатым.

Возможно, это было излишне откровенно.

До балки, в которой стоял его космический аппарат, от его жилища оказалось меньше четверти мили. Корабль, установленный на изящных стальных стойках, имел не более тридцати футов в высоту. Поначалу старик замаскировал его нос ветками, которые еженедельно менял на свежесрезанные. Теперь надобность в этом отпала, так как ветки деревьев, растущих в балке, разрослись настолько, что полностью скрывали корабль. Скип осмотрел отталкиватель массы и не нашел в нем никаких поломок. Он не обследовал двигатель, поскольку тот был запечатан, чтобы не ржаветь, однако не было причин думать, что эти части не в рабочем состоянии.

Карпентер осмотрел модуль. В нем было довольно места для одного взрослого и двоих детей, и еще оставалось пространство, чтобы перемещаться.

Не было никаких причин, чтобы Дейдре со Скипом не могли вернуться на Марс.

Днем, когда Карпентер разбирал самодельные постели и складывал одеяла, Дейдре сказала:

— По-моему, мистер Карпентер, теперь вы можете вернуться в 1998 год.

— Нет, тыковка. Сперва я собираюсь разведать окрестности. Меня послали в прошлое, чтобы установить происхождение окаменелых останков. САПО не понравится, если я вернусь без какой-нибудь конкретной информации.

— Вы расскажете им про нас со Скипом?

— Конечно!

— Они ни за что не поверят, что вы обнаружили в далеком прошлом марсианских принца с принцессой.

— Может, и так. Но тем не менее я им все расскажу. И им придется хоть чему-то поверить, когда они увидят ваши со Скипом снимки, сделанные Сэмом. Самые удачные приберу себе, вставлю в рамку и водружу на каминную полку. Хотя нет, не туда — у меня нет камина. На полочку рядом с моим радиоприемником.

Дейдре молчала. Он догадался, что ее мысли занимает огромный дворец, куда она скоро вернется, и все те слуги, какие будут в ее распоряжении. Она забудет жареный зефир и никогда не вспомнит о нем. Он сглотнул.

— Думаю, когда-нибудь ты станешь чудесной королевой, тыковка.

Не проронив ни слова, она развернулась и удалилась в заднюю часть нефа, где протекал ручей. Озадаченный, он уставился ей вслед. Она села на берег ручья, подняла колени и положила на них руки.

Он снова принялся складывать одеяла.

Проблема заключалась в том, что он ничего не знал о Хаксли кроме того, что тот ему рассказал, а ведь Хаксли мог лгать.

Кроме того, Хаксли был старым. Его возраст был эквивалентен по меньшей мере семидесяти пяти земным годам. Вполне возможно, что ему стукнуло и сто земных лет, ведь марсиане могли стареть не так быстро, как люди на Земле будущего. Но семьдесят пять лет или сто, в любом случае он почти прошел свой жизненный путь.

А если он умрет на полпути между Землей и Марсом?

Тогда Скипу придется взять управление кораблем на себя. Возможно, он справится с этой задачей. Но ведь Скипу всего девять!

Однако истинной проблемой было не долголетие Хаксли, а его надежность. Он прожил в известняковой пещере почти полвека. О чем он размышлял все это время? Какие идеи, логичные и нелогичные, рождались в его голове?

И в скольких отношениях эволюция его психики отличалась от развития психики людей, живущих в обществе?

— Мистер Карпентер, я прибрал внутри Сэма, — сообщил Скип. — Теперь там все в порядке, и вы можете начать поиски того, кто превратился в окаменелость.

— Спасибо, Скип. И Сэм тебе тоже благодарен.

Он подошел к Сэму и через дверной проем посмотрел внутрь: 13 часов 56 минут.

* * *

Прожив в известняковой пещере почти полвека и придя однажды к ручью за водой, старик увидел двоих детей, большую незнакомую машину и мужчину, спящего на самодельном ложе.

Один из детей подружился с ним. Он не особенно удивился, узнав, что мальчика и его сестру похитили, поскольку еще не знал, что они принц и принцесса Великого Марса. Он не знал этого до тех пор, пока не познакомился с Карпентером и Карпентер не рассказал ему об этом.

Он уже сказал Карпентеру, что ненавидел верхушку власти Великого Марса. Ненавидел пассивно. Пассивно, черт подери! — подумал Карпентер. Хаксли должен был ненавидеть ее всем сердцем. Иначе он не сменил бы место жительства на пещеру, расположенную за много миллионов миль от обители лицемерия.

Принцесса и принц. Повелители верхушки власти. Возможно, малозначительные повелители, но все-таки — повелители.

Глазурь на торте «верхушки власти».

С чего же старик, чьи дни, в общем-то, сочтены, вдруг захотел стать богатым?

Дейдре достала из шкафа Сэма рулон марлевого бинта и ножницы и подошла к Карпентеру, который сидел на упавшей глыбе известняка у входа.

— Думаю, надо наложить свежую повязку, мистер Карпентер. Ведь до тех пор, пока вы не вернетесь в будущее, вас некому будет перебинтовывать.

Он наблюдал, как ее ловкие, проворные пальчики развязывают старый бинт и накладывают новый. Ему опять захотелось сказать ей, что она напоминает ему Флоренс Найтингейл, но он вспомнил, как она ушла, когда он сказал, мол, из нее получится прекрасная королева, и он боялся ненароком обидеть ее снова. Поэтому он промолчал.

Он опять подошел к Сэму и посмотрел на часы: 14:59.

Жить в пещере круглый год, год за годом, десятилетие за десятилетием, общаясь только с книгами. Сидеть там, читать, вспоминать.

Может быть, вспоминать, как его снова и снова задвигали, когда открывались вакансии, о которых он мечтал; как его унижали люди, стоящие чуть выше его на карьерной лестнице; возможно, вспоминать об огромном налоге, удержанном из его нищенской зарплаты, и мысленно представлять роскошный дворец, где жили его сверхбогатые повелители. Вспоминать, как в конце концов получил работу по способностям, как наконец поманили его должность инженера-строителя, а потом дали пинка под зад.

Вспоминать, негодовать. Ненавидеть.

Ненавидеть власть имущих.

Волк, сбрасывающий время от времени овечью шкуру и прячущийся в комнате с каменными стенами.

Обнаруживший однажды, что в его логово забрели принц и принцесса Великого Марса.

Дейдре приготовила быстроужины и сварила какао. Быстроужинами в этот раз оказались макароны с сыром.

— Превосходное какао, тыковка, — сказал Карпентер, отпивая глоточек.

К его изумлению, по ее щеке сбежала слеза.

Он представил, как они войдут в корабль. Представил, как вслед за ними войдет Хаксли. Представил, как закроется люк и корабль взлетит.

Пятьдесят миллионов миль...

Часы Сэма показывали 18:30.

Дейдре со Скипом сидели в проеме пассажирской дверцы Сэма. Их взгляды блуждали где-то очень далеко.

Несомненно, они думали о дворце и обо всех монарших привилегиях, которые вскоре снова обретут.

Карпентер, пробравшись мимо них, ушел в кабину за стаканом воды и вышел через внешнюю дверь.

Зефир на палочке был жалкой заменой имперского скипетра.

Он подошел к увитому плющом входу и посмотрел через щелочки на ранний вечер мелового периода. Ниже на каменистом

склоне утеса росли виргинские дубы. Они отбрасывали длинные тени. В ветвях порхали зубастые птицы. Под одной из них, общипывающей нижние листья, опирался на хвост струтиомим. Предзакатное небо было ярко-голубым. Свежий воздух, очищенный дождем от душной влажности, буквально искрился. Вдалеке справа он увидел горы. Новые горы на лике Земли появились, подумал он. Он услышал отдаленный полукрик-полурев теропода. Виргинские дубы скрывали от глаз равнину. Он мысленно представил ее — с ее лаврами, сассафрасами и цветущими карликовыми магнолиями. Очаровательный Эридан.

Это были его дети, а не дети Хаксли. Может быть, они действительно принцесса и принц Великого Марса, но он нашел их. Это его дети. И если с ними что-нибудь случится, он умрет.

Почти семь часов вечера. Хаксли спустился по известняковой лестнице в неф. Карпентер подошел к Сэму и остановился возле него. Дейдре со Скипом вылезли из двери и встали возле Карпентера. Хаксли пересек помещение, стуча деревянными башмаками: «*тук-тук-ту-тук*». Он поклонился Дейдре и Скипу.

— Полагаю, время отлета почти наступило, ваши высочества. Мой корабль ожидает вашей команды.

— Я тут пораскинул мозгами, — сказал Карпентер. Он повернулся к детям. — Я понимаю, как вам хочется вернуться домой. Понимаю, как вы, должно быть, скучаете по дворцу и, должно быть, по родителям, хотя вы никогда об этом не говорили. Я знаю, что вы должны чувствовать. — Тут он повернулся к Хаксли. — Знаю, что, возможно, они возненавидят меня, но я просто недостаточно знаю вас, чтобы доверить их вашей опеке. — Он снова взглянул на детей. — Прошу простить, но я просто не могу позволить вам улететь.

И изумился до глубины души, когда они бросились его обнимать, а Дейдре подпрыгнула и чмокнула его в щеку.

11

Карпентер обнаружил, что сучья и ветви, из которых они делали постели, достаточно высохли, чтобы пойти в костер. Он

отобрал сучья поменьше, и Скип, догадавшись о его намерении, начал складывать из них небольшой походный костер.

— Тыковка, посмотри, есть ли еще у Сэма в буфете зефир.

— Есть! Есть!

Крошечные языки пламени начали весело перескакивать с веточки на веточку, и небольшая охапка собранных Скипом ветвей занялась. Он уже остриг палочку фруктовым ножиком, прихваченным из буфета Сэма. Дейдре таким же ножиком заостряла другую.

— Давайте подождем, пока пламя станет поменьше, — сказал Карпентер.

— Как вы думаете, мистер Карпентер, Хаксли взбесился? — спросил Скип.

— Может быть, и взбесился.

— У него был такой вид, когда уходил. По-моему, ему не приходило в голову, что, избавившись от нас, вы не обрадуетесь.

Дейдре заострила вторую палочку и протянула Карпентеру.

— Сварю какао.

— Хорошо, — сказал Карпентер. — Потом мы устроим совещание.

Поскольку костер был маленький, пламя быстро угасало. Дейдре принесла какао и три кружки, и вся компания уселась у огня. Вскоре воздух в соборе мелового периода пропах печеным зефиром.

Карпентеру жалел, что не помнит слова некоторых песен, которые когда-то знал. Вспомнить не получалось. Дети спели свою песню. Ее мелодия была красивой и трогательной и вызывала мысли о зеленых полях и холмах, о похожих на каналы голубых реках, которые он видел на фреске в их убежище, но слова ее повествовали о рыбаке, который запутался ногой в своих сетях и упустил всю рыбу. Все равно это была красивая песня, и он пожалел, что у них не осталось времени и для других: делу время, потехе час.

Обсуждение не затянулось.

— Догадываюсь, — сказал он, — что вам известно, зачем мы собрались.

Дети кивнули.

— Хотя я не мог позволил вам улететь с Хаксли, то, о чем он говорил, важно. Ведь вы оба — марсиане.

И снова два торжественных кивка.

— Поэтому мне надо каким-то образом пробраться на корабль похитителей и связаться с Космофлотом. Я уже говорил

тебе, Скип, они могут оказаться здесь меньше чем через пять суток.

— Дейдре может точно подсчитать, сколько им понадобится времени, мистер Карпентер.

— Пока в этом нет необходимости. Сейчас важнее сообразить, как пролезть на корабль. Это необходимо сделать в то время, когда его не охраняют. Если прыгать на Сэме в прошлое в разные точки в пределах его прыжковой зоны, можно бы точно угадать время, когда кто-нибудь из них, поставленный на вахту, ненадолго оставит свой пост. Тогда я мог бы попасть на борт. Но шансы, что нам случайно повезет, весьма малы и...

— Однако, мистер Карпентер, — вмешалась Дейдре, — даже если вы сумеете незамеченным очутиться на борту, вы не знаете, как обращаться с рацией.

— Ребятки, вы можете мне объяснить, как это делается.

— Полагаю, мы должны пойти с вами.

— Штука в том, чтобы вернуть вас на Марс, а не в том, чтобы вы снова угодили в лапы похитителей.

— Но какой нам будет прок, если в лапы им попадете *вы*, мистер Карпентер? — осведомился Скип.

— Никакого.

— Мне кажется, — сказала Дейдре, — что с тех пор, как вы спасли нас от того огромного динозавра, вам постоянно приходится рисковать из-за нас. Думаю, нам тоже следует рискнуть.

— Ни о каком риске не будет речи, если сделать все правильно, тыковка. А я собирался сказать вот что: для вас лучший выход — припарковать Сэма достаточно близко к кораблю, чтобы тот постоянно находился под нашим наблюдением, и настроить иллюз-поле так, чтобы Сэм слился с местностью. Затем мы просто дождемся, чтобы один из похитителей оставил пост. В конце концов кто-нибудь да оставит.

— Может, нам стоило бы подождать пару недель прежде чем начинать наблюдение? — предложила Дейдре. — К тому времени они перестанут искать нас и ослабят охрану корабля.

— А я считаю, что надо подождать даже дольше, — заметил Скип. — Чтобы окончательно удостовериться.

— По-моему, ребятишки, вы стараетесь меня надуть.

— Да нет же, нет, мистер Карпентер.

— Да уж конечно, — улыбнулся он. — Ладно. Дело в том, что мы не можем ждать. В Сэме еще остается уйма еды, но она

когда-нибудь кончится, а похитители могут в любую минуту все бросить и убраться.

— Может, они уже улетели! — сказала Дейдре.

— Возможно, но я так не считаю. Мы начнем наблюдение завтра. Такое дело. И вообще — по-моему, нам следует хорошенько выспаться.

— Я еще не допил какао, — сказал Скип.

— Я тоже, — сказала Дейдре.

— На это могу только сказать, что знаю неких принца с принцессой, которым лучше бы очень быстро допить свое какао.

На ночь Карпентер устроил детей в кабине. Он считал, что бессмысленно заново сооружать самодельные постели всего на одну ночь, тем более что часть постелей он сжег в костре, но настоящая причина выбора нового спального места была связана с Хаксли. Безусловно, старик не выглядел грозным врагом, однако к тому, кто прожил почти полвека в пещере и у кого только что вырвали из рук потенциальное богатство, нельзя относиться легкомысленно.

Дейдре устроила Скипа на койке, а себе соорудила на полу постель из одеял. Выключив свет в кабине, Карпентер расширил защитное поле достаточно для того, чтобы оно полностью обволокло Сэма. Места оставалось ровно столько, чтобы он постелил себе одеяло под нейлоновым трапом. Он пригасил прожектор Сэма, пожелал детям спокойной ночи, скинул сапоги и улегся. Свой лучевой пистолет он носил на ремне. Теперь он вытащил его и положил на пол рядом с собой. Ему казались глупыми такие предосторожности, однако он знал, что значат деньги на Земле будущего, и не забыл слова Хаксли о том, что на Марсе в настоящем они значат не меньше.

Свет, отраженный от высоченного свода, был недостаточно ярким, чтобы глазам было неприятно; тем не менее сон к нему не шел довольно долго, а когда наконец объял Карпентера, то оказался прерывистым; в недолгие моменты бодрствования он размышлял. Переоценивал свое решение. Может быть, он ошибся, не позволив Хаксли забрать детей. Может быть, он сделал это больше из одиночества, а не оттого, что его тревожило их благополучие. Может быть, на самом деле он не позволил Хаксли забрать их потому, что ему хотелось общаться с кем-нибудь кроме Сэма.

Свет *раздражал*. На деле он был таким ярким, что пробудил Карпентера от глубокого сна. Он открыл глаза. Свет был определенно слепящим. И, как ни невероятно, лился с потолка, сгущаясь в длинный, сверкающий клинок. А теперь и сам клинок стал спускаться.

Он перекатился на бок. Огромный кухонный нож глубоко вонзился в одеяла. Хаксли вновь занес его и опять резко опустил, но Карпентер скатился в нижний отсек, к гусеницам Сэма, и клинок ударил по их верхней части с гулким лязгом, похожим на колокольный звон. От удара по металлу ручка ножа вырвалась из руки Хаксли, и нож с грохотом упал на пол. Хаксли, босой оборванец, похожий на человека, который только что проснулся, повернулся и убежал.

В дверях появилась Дейдре.

— Что случилось, мистер Карпентер? — Тут она заметила Хаксли. Тот, шлепая босыми ногами по полу, уже преодолел половину лестницы. Она увидела нож. — Он... он пытался убить вас?

Карпентер поднялся. К сестре подошел Скип.

— Скип, дай фонарик, — попросил Карпентер. — Я за ним.

Скип достал из ящичка на панели управления фонарик и протянул Карпентеру. Обводя лучом пол, тот обнаружил трехжильный медный провод, которым Хаксли закоротил защитное поле. Он поднял его и бросил Скипу.

— Снова включи поле и закрой дверь. И чтобы никто из вас не выходил, пока я не вернусь.

К этому времени Хаксли поднялся до середины лестницы. Карпентер взял пистолет, быстро обулся и потопал за ним. Когда он добрался до галереи, Хаксли уже исчез. Карпентер выбрал коридор, по которому, должно быть, ушел старик, и свернул туда. Он услышал «*шлеп-шлеп*» босых ног. Достигнув развилки, он побежал по левому ответвлению. *Шлеп-шлеп-шлеп.* Сейчас этот звук слышался вдалеке. Неужели Хаксли запутывал его? Возможно, звук меняла акустика. Что же ему сделать со стариком, когда он поймает его? Избить? Вряд ли. Но он обязательно скажет ему пару ласковых, чтобы тот уяснил: если попробует снова забрать детей, это станет его последней попыткой.

«*Шлеп-шлеп-шлеп*» полностью затихло. Должно быть, Хаксли свернул в очередной коридор. Если допустить, что он направлялся к своему жилищу — а было маловероятно, что он бежал куда-нибудь еще, — то он должен свернуть налево. Выхо-

дит, Карпентеру нужно отыскать этот коридор. Ошибется ли он, как в прошлый раз? Ведь каменоломни напоминали лабиринт. Карпентер выбрал коридор, повернул в него, остановился и прислушался. И не услышал ничего, кроме собственного дыхания. Он посветил фонарем вперед. Хаксли не было видно. Он направил свет на пол. Пыль лежала ровным слоем, не потревоженная.

Он вернулся в первый коридор. Следующий коридор слева наверняка тот, который нужен. Он зашел в него, остановился и прислушался. В пыли он заметил следы ног — множество следов. Карпентер с облегчением побежал вперед. К этому времени старик наверняка свернул еще раз. Он вспомнил: это поворот направо. На сей раз он без труда отыскал его. Теперь ему предстояло свернуть еще дважды, налево и направо. Левый коридор он обнаружил очень легко и бежал по нему, пока не добрался до последнего коридора, ведущего прямо к жилищу. Но в его дальнем конце он не заметил точечки глазка; вместо этого он увидел прямоугольник света в дверном проеме.

Карпентер совсем запыхался, ведь дорога все время шла наверх. Он медленно подошел к освещенному проему, сжимая в руке пистолет. Хаксли проговорился, что у него кончились патроны. Вероятно, он не лгал, иначе бы воспользовался ружьем, а не мясницким ножом. Удирая, он его бросил, однако Карпентер не сомневался, что у старика есть и другие ножи и, вероятно, он затаился за дверью, занеся нож для смертельного удара.

Выяснить это можно было лишь одним способом. Карпентер бочком пробрался в освещенную фонарем комнату. Однако нашел там не Хаксли. А хаос.

Беспорядочное нагромождение книг.

На одной из заставленных томами полок он заметил довольно большую брешь, а сами тома валялись на полу. Этот «книжный» след вел к двери наружу — она была открыта. Просчитать новый сценарий не составило труда. Новости о местонахождении принцессы с принцем не сделали бы Хаксли богатым, когда он доставил бы их обратно, и не сделали бы его знаменитым героем, но все равно принесли бы ему небольшое состояние и сделали его героем в лиге запасных. Он мог бы оправдать нападение на Карпентера, выставив его бессовестным насильником, из чьих лап он пытался вырвать детей, громилой, который надул его, вынудив поверить, будто он их друг. Дейдре со Скипом, когда их вернул бы Космофлот, постарались бы внести поправ-

ки в эту историю, но то простое обстоятельство, что это Хаксли сделал их спасение возможным, сведет на нет все, что они расскажут.

Он явно прихватил с собой столько своих любимых книг, сколько смог: теперь их вес не имел значения. Карпентер прошел по следу из книг, выбрался за дверь, наружу, и увидел короткую цепочку отпечатков ног. Они заканчивались на освещенной звездами площадке, и он понял, где корабль. Однако вовсе не собирался останавливать Хаксли, поэтому остановился под звездами и ждал. Наконец маленький корабль бесшумно поднялся в небо. С ним исчезла и дилемма Карпентера. Теперь ему вместе с детьми надо было только дождаться в соборе прибытия Космофлота. Когда один из кораблей сядет, Карпентер разведет огромный костер у входа в собор, чтобы спасатели легко сумели отыскать дорогу к убежищу детей; затем они доставят Дейдре со Скипом на Марс.

Его тревогам придет конец. Раз — и все.

Он сглотнул комок в горле. Страшно хотелось курить, хотя он уже пять лет как бросил.

Маленький корабль поднялся высоко в небо мелового периода; включился двигатель, его выхлоп походил на звезду. И какую! На глазах у Карпентера она росла и превратилась в новую, яркую и ослепительную, только это была не звезда и не след корабля — это был сам корабль, уносящий и Хаксли, и его книги.

Карпентер пристально смотрел на этот полыхающий погребальный костер, пока тот наконец не погас. Он принял верное решение — но по неверным соображениям.

Одно он понял: окаменелый человеческий скелет, раскопанный сотрудниками САПО в 1998 году от Р. Х., не мог принадлежать Хаксли.

12

Рассвет застал Карпентера, детей и Сэма очень далеко на равнине.

Карпентера так и подмывало покинуть собор гораздо раньше, чем получилось, чтобы подкрасться к кораблю террористов в предрассветных сумерках, но он понимал, что без прожектора Сэма не сможет найти дорогу, а свет легко мог бы их выдать.

Перед отъездом он вышел наружу, на ночную рекогносцировку ближайшей местности. Никаких следов террористов он не заметил, но должен был удостовериться, что они не устроили засаду.

По-видимому, что они понятия не имели, где скрывался Карпентер с детьми.

Первые лучи солнца разорвали розовые одежды зари и заставили ее унестись на запад. Занавес дня поднялся, и равнина превратилась в открытую сцену. Рощицы деревьев, украшавшие ее, были слишком малы и расположены дальше одна от другой, чем хотелось бы Карпентеру, но он понимал, что, направляясь туда, где находится корабль террористов, незаметно обогнуть полукругом город нельзя. Двигаясь по широкой дуге, он непрерывно изучал небо. Но увидел не псевдоптерадонов. На западе он увидел стадо цератопсов. Неужели то самое, к которому неделю назад временно присоединился Сэм?

Дейдре со Скипом сидели рядом с ним на водительском сиденье. Они тоже заметили стадо.

— Смотрите, сколько Сэмов! — воскликнул Скип.

— Глядите, — ткнула куда-то пальцем Дейдре, — вон дерево, на которое нас загнал здоровенный жирный динозавр!

Карпентер взглянул на дерево. Это могло быть то самое гинкго, на котором он обнаружил детей, но на равнине гинкго росли во множестве, и поэтому ничего определенного сказать было нельзя.

Скип перебрался назад в кабину.

— Хотите бутылочку шипучки, мистер Карпентер?

Тот отрицательно покачал головой.

— Давай, я выпью, — сказала Дейдре.

Скип откупорил две бутылки, одну протянул ей, и снова забрался к ним.

— А посмотрите вон на то потрясное дерево, мистер Карпентер!

Дерево и вправду было потрясное. У него был хвост и огромная голова. И острые зубы. Оно грелось в косых лучах утреннего солнца.

Мистер *Tyrannosaurus rex.*

— Ладно, я знал, что рано или поздно мы повстречаемся с тобой, старина, — процедил сквозь зубы Карпентер.

* * *

Тираннозавр не просто грелся на солнышке. Он наблюдал за Сэмом. Он принял Сэма за настоящего рогатого динозавра и, несомненно, возжаждал позавтракать стейком из цератопса.

Пасть длиной в ярд приоткрылась, ряды шестидюймовых зубов, которые эти ящеры отрастили специально, чтобы прокусывать толстую шкуру цераптопсов, были готовы вгрызться в завтрак. Чудовище высунуло длинный красный язык.

Казалось, тираннозавр ухмыляется.

Карпентер замедлил ход Сэма так, что ящероход еле полз.

Дети, позабыв о шипучке, широко раскрытыми глазами рассматривали этот венец эволюции рептилий. Стоя на огромных задних лапах, существо было по меньшей мере двадцати футов высотой. Кончика носа отделяло от крайней точки его исполинского хвоста самое малое пятьдесят пять футов. На рудиментарных передних лапах было по два когтистых пальца — идеально, чтобы брать чашечку с чаем. Ящер был темно-серым, с грязной пупырчатой кожей.

Огромный ком слюны вывалился из угла пасти и почти слышно шлепнулся на землю. Животное заревело. Или закричало. Трудно было определить.

— Уматываем! — прошептал Скип.

Тираннозавр приближался. Земля тряслась от его шагов.

— Нам конец! — выдохнула Дейдре.

— Хорош волноваться, ребятки, — сказал Карпентер. — Ему не одолеть Сэма.

Тем не менее ему очень захотелось применить рогопушки Сэма, на всякий случай. Но он не стал, чтобы не встревожить террористов.

Тираннозавр заслонил солнечный свет, и Сэм оказался в его наводящей ужас тени. Огромная голова поднялась, готовая к стремительному броску вперед и вниз. Карпентер заблокировал одну из гусениц и быстро повернул направо. Это открыло тираннозавру хвост Сэма. Но фокус в том, что в действительности у Сэма не было хвоста. Огромные челюсти попросту сомкнулись на иллюзии с таким звуком, будто столкнулись два такси на Пятой авеню. Тут тираннозавр и вправду взревел.

— Он... он взбесился, — тихо промолвил Скип.

Карпентер развернул Сэма, чтобы тот снова оказался носом к противнику. Тираннозавр по-прежнему считал Сэма цератопсом

и ожидал, что тот нападет так, как нападают эти животные. Тогда он отступил бы в сторону, опустил массивную голову и впился зубами в спину Сэма. Но Сэм «думал» иначе и не нападал, а отступал. Это разъярило тираннозавра еще сильнее, и, не дожидаясь атаки, он сам бросился на Сэма. Карпентер тотчас же изменил направление движения на противоположное, и когда тираннозавр перенес весь свой вес на правую лапу, ударил плечом Сэма по задней левой лапе чудовища.

Только бешено замахал хвостом, тираннозавр удержался на лапах.

Теперь он оглушительно ревел, полностью раскрыв пасть и демонстрируя все до единого шестидюймовые зубы. Вместе с этими криками в вентиляционную систему Сэма проникало его дыхание, и внутри машины стало пахнуть, как на улицах Нью-Йорк-Сити во время забастовки мусорщиков. Затем тираннозавр опять напал на Сэма: все воспоминания о событиях последних минут улетучились у него из головы. На сей раз Карпентер стремительно обрушил Сэма на его правую лапу, когда ящер хотел оторвать ее от земли. Тираннозавр отчаянно попытался сделать пируэт. С тем же успехом слон мог бы попытаться сплясать чечетку. Ящер тщетно молотил громадным хвостом. Грохот стоял такой, что пассажирам ящерохода казалось, будто рухнуло дерево. Карпентер маневрировал Сэмом таким образом, чтобы тираннозавр не свалился на них. Восьмитонная масса плоти все заваливалась, заваливалась, заваливалась... Падая, тираннозавр придавил два небольших дерева. ТРАААСЬ! ХРУУУСТЬ! БАБАХ!

Лежа на спине, тираннозавр неистово брыкал задними лапами и хлопал хвостом, пока наконец не перевернулся на брюхо. Пока он стоял, вес его хвоста уравновешивал вес огромной головы, позволяя ему удерживаться на задних лапах, но теперь, когда он лежал ничком, тяжести хвоста не хватало, чтобы вернуть ящера в исходное положение. Поэтому он задвигал рудиментарными передними лапами, отчаянно стараясь оттолкнуться и поднять грудь достаточно высоко над землей, чтобы заново восстановить равновесие «хвост–голова». Когда это ему почти удалось, Карпентер подъехал на Сэме к месту боевых действий, толкнул тираннозавра сэмовым рылом в плечо и опять свалил его, на это раз с более тихим БАБАХ!

Дейдре со Скипом смеялись.

— Двиньте ему еще разок, мистер Карпентер, — предложил Скип, когда тираннозавр снова умудрился перевернуться на брюхо.

— Не надо. Мы и без того потратили на него слишком много времени. Лучше поедем дальше.

— А он не станет нас преследовать? — спросила Дейдре.

— Не думаю. Сэм ведь не пахнет как цератопс и не оставляет таких следов. В любом случае, И вообще он может запросто оставить нашего приятеля далеко позади. Ребята, как вы думаете, мы уже проехали город?

— Довольно давно, — ответил Скип.

— Наверное, нам все-таки лучше некоторое время придерживаться курса на юго-восток.

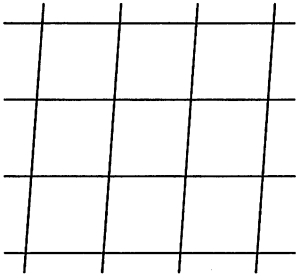
— Если поедем прямо на восток, то окажемся как раз там, где корабль.

— Наверное, лучше подкрасться к нему с юга. Давайте попробуем, — сказал Карпентер. И повел Сэма через равнину.

— Довольно скоро мы увидим море, — сказала Дейдре.

Море привело Карпентера в замешательство, когда примерно через полчаса Сэм с трудом одолел подъем и они увидели его. Он пришел в замешательство, поскольку в 1998 году новой эры моря на этом месте уже не было. В действительности это море не слишком отличалось от морей будущего, хотя было гораздо мельче, а береговая линия представляла собой лесистое болото. Однако оно было таким же синим, как Тихий океан, и казалось таким же обширным.

Однако в еще большее замешательство его привел огромный рисунок, вскоре появившийся на небе прямо перед наклонным ветровым стеклом Сэма:

— Это ку, — прошептала Дейдре.

Рисунок располагался прямо на траектории перемещения солнца, которое прошло уже треть своего пути по небосклону. В его ярком свете линии должны были почти исчезнуть, однако этого не произошло. Чернота линий рисунка оказалась сильнее сияния солнца.

— Это всего лишь пересекающиеся линии, тыковка. Почему ты говоришь, что это ку?

— Ку так выглядят.

— Ты когда-нибудь их видела?

— Нет, но мне рассказали об этом те, кто их видел. Но хотя я ни разу не видела ку, я видела пирамиды. И на каждой — такие же перекрещенные линии.

— Точно, это ку, — подтвердил Скип.

— Тогда уж скорее космический корабль ку?

— Может быть, — ответила Дейдре. — Даже ученые Великого Марса не уверены, кто это появляется в небе и рисует на пирамидах. То ли ку, то ли их корабли.

— Вам, ребятки, похоже, не страшно.

— Нет, — сказал Скип. — Ку никогда не обращают внимания на людей.

— Но эта штуковина наверху, похоже, интересуется нами.

— Думаю, их интересует Сэм, — заметила Дейдре. — Он — анахронизм.

— Я тоже.

— Но Скип говорит правду, мистер Карпентер. Они никогда не обращают никакого внимания на людей. Люди словно бы не имеют для них никакого значения.

— А я бы сказал, что люди имеют для них огромное значение, коль скоро они засеяли ими Марс и собрались засеять Землю.

— Думаю, в каком-то смысле они уже засеяли Землю, и мне кажется, что время для них — совсем не то же, что оно для нас.

— Что ж, если они уже засеяли Землю будущего, их должно заинтересовать, чем я занимаюсь на Эридане сейчас.

— Нет, — возразила Дейдре. — Их это просто не волнует. Если они проявляют любопытство, то только из-за Сэма.

— Смотрите! — воскликнул Скип. — Они на ветровом стекле!

Карпентер снова посмотрел на рисунок. Тот *и был* на ветровом стекле.

Он вспомнил рассказ По, прочитанный еще в школе. Во время вспышки холеры в Нью-Йорке главный герой провел две недели в относительно старом коттедже на Гудзоне. Однажды днем, читая возле открытого окна, откуда открывался прекрасный вид на холм, он поднял глаза от страницы и увидел гротескное чудовище, сползающее вниз по холму. В конце концов «чудовище» оказалось насекомым вида *Sphinx*, примерно шестнадцати дюймов в длину, спускавшимся по паутине, оставленной пауком и свисавшей с оконного переплета.

Неужели этот рисунок с самого начала находился на ветровом стекле Сэма?

Если так, то ку ненамного крупнее насекомого из рассказа По.

Температура внутри Сэма быстро падала. Карпентер взглянул на термостат, установленный на 70 градусах по Фаренгейту. Температура продолжала падать. Карпентер увидел, что и сам он, и дети выдыхают пар. А еще увидел, что теперь они действительно испугались.

Дейдре придвинулась поближе к нему, Скип — поближе к Дейдре.

— По-моему... по-моему, они исследуют Сэма, — прошептала Дейдре.

— Но зачем, тыковка?

— Я... я не знаю.

— Смотрите! — закричал Скип, показывая на небо. — Похитители!

Подняв взгляд, Карпентер увидел трех «птеранадонов». Нет, четырех. Они летели к югу высоко над побережьем. Он попытался завести Сэма, чтобы спрятать его под ветвями растущей рядом ивы, но обнаружил, что двигатель не включается, хотя зажигание по-прежнему работало.

Очевидно, террористы пока не обнаружили ящероход, поскольку полет «птеранодонов» продолжался. Наконец четыре темных силуэта скрылись из поля зрения. Но Карпентер понимал, что они вернутся.

— Наверное, они заметили ку, — сказал он. — Скорее всего, это и заставило их улететь.

Дейдре мотнула головой.

— Если бы они увидели ку, то остались бы в городе. В небе очень небезопасно, когда там ку. По-моему, они просто разыскивают нас.

Карпентер думал так же.

Он снова посмотрел на рисунок. Интересно, этих чуждых существ много или только одно? Или это, как он и подумал сначала, корабль?

Если это корабль и первоначально он находился в небе, каким образом он уменьшился до крохотной доли своих прежних габаритов и мигом оказался на ветровом стекле Сэма? Почему он смахивает на косую таблицу для игры в крестики-нолики, которую кто-то начертил на стекле? Что бы это ни было, оно имело всего два измерения.

Но возможно, когда ку являют себя или свои корабли, то делают это всего в двух измерениях. Или, возможно, люди неспособны воспринимать их или их корабли более чем в двух измерениях.

Может быть, на самом деле они четырехмерные.

Интересно, на что похож рисунок снаружи? Он попробовал открыть дверь со стороны водителя. И не особенно удивился, когда она не открылась.

Тогда он понял, что пассажирская дверь тоже не откроется.

Сидя в кабине с двумя детьми, он испытал прилив холодного безразличия. Такое безразличие порой ощущаешь, глядя на

звезды. Он внезапно догадался, что имела в виду Дейдре, говоря, что для ку люди не имеют никакого значения. И еще понял, как человеческая раса может знать о своих создателях и не поклоняться им.

— Ку часто видят на Марсе? — спросил Карпентер.

— Регулярно, — ответил Скип.

— И всегда видели, — добавила Дейдре. — Ку — часть нашей истории.

— Если они намереваются засеять Землю, то должны быть частью и нашей истории. Однако это не так.

— Может быть, к вашему 1998 году ку уже потеряли интерес к Земле и больше не показываются? — предположила Дейдре. — Или, возможно, они переместились в какую-то другую область Галактики. Но, ручаюсь, их следы есть в вашей культуре.

Он подумал: возможно ли, что табличка для игры в крестики-нолики возникла из архетипической памяти?

— Может быть, ты права, тыковка.

Он снова посмотрел на таблицу. Теперь она была хорошо хуже. А температура внутри Сэма поднималась. Дети тоже смотрели рисунок.

— Уходят, — сказал Скип.

Перекрещенные линии превратились в паутинки, а температура продолжала подниматься. Внезапно двигатель Сэма заработал, и рисунок исчез.

Карпентеру не пришло в голову посмотреть на часы Сэма, когда рисунок впервые появился на ветровом стекле, однако положение солнца подсказало ему, что тот пробыл там долго. Ему так не *показалось*, но, судя по всему, в присутствии ку время бежало вдвое быстрее. Или, может быть, корабль ку, если это был корабль, воздействовал на фактор нестабильности, а тот нарушил естественное течение времени в его восприятии и, возможно, в восприятии детей.

— Похитители! — закричал мальчик. — Они вернулись!

— И увидели Сэма! — воскликнула Дейдре.

Три птеранодона уже устремились к Сэму. Карпентер поспешно отвел его под иву, а тем временем к трем летательным аппаратам в небе присоединился четвертый.

Четвертый?

Карпентер посмотрел вверх сквозь листву и посчитал.

Да, в небе были все четверо.

Корабль террористов остался без охраны!

Дейдре пристально посмотрела на него. Он понял, что она сделала такой же вывод. Скип высказался секундой позднее.

— Они так рвались найти нас, что забыли о корабле, — промолвил он. — Однако нам никакого толку — они могут добраться до него быстрее нас.

— Нет, не могут, — возразил Карпентер, вводя в компьютер Ллонка какие-то цифры.

Дейдре подалась вперед.

— Это те же цифры, что и прежде, мистер Карпентер?

— Верно. Но нам не стоит возвращаться назад больше чем на час. Включи-ка свою умную головку, тыковка.

— Если 828464280 помножить на 4692438921, то получится 3887518032130241880.

Карпентер завершил компьютерные расчеты и резко дернул рычаг обратного прыжка.

— Поехали, ребятки!

Сэм замерцал, раздалось еле слышное дребезжание, солнце двинулось вспять, тень ивы вытянулась, а птеранодоны исчезли с неба.

13

Корабль террористов походил на большое металлическое дерево с тремя тонкими стволами. Его «крона» состояла из переплетения сухих ветвей и увядших листьев, приделанных к носу.

Три ствола были стальными опорами, на которых стоял корабль. Они были тонкими и очень хрупкими с виду, и Карпентеру с трудом верилось, что они способны выдержать вес корабля. Вероятно, сталелитейные заводы Великого Марса на несколько шагов опережали те, что были на Земле будущего.

Поблизости от корабля росли настоящие деревья. Несколько гинкго высотой почти с корабль, ивы и саговники. Здесь была низина, а земля заросла осокой. Вокруг, куда ни кинь взгляд, болота. Карпентер предположил, что террористы выбрали это место потому, что оно обеспечивало кораблю превосходное укрытие.

Похоже, Дейдре читала его мысли. Работавший на холостых оборотах Сэм стоял примерно в пятидесяти футах от корабля, а Дейдре, Карпентер и Скип все еще сидели в водительском отсеке. Они знали, что террористы уже улетели: при подъезде Карпентер

остановил машину и ждал, пока не увидел, что птеранодоны полетели на юг.

Дополнительным доказательством их отлета оказался открытый люк шлюпочного отсека рядом с носом корабля.

Тут Дейдре произнесла:

— Отличное место, чтобы спрятать корабль, однако глупо было садиться тут — слишком много болот, особенно если Космофлот когда-нибудь догадается, что бандиты — на Эридане: они могут обнаружить их корабль при помощи детекторов массы. Но не думаю, что они догадаются об этом.

— Разве у террористов нет убежища на Марсе?

— Конечно, есть, у Кирка. Он их сообщник.

— Почему же они не забрали вас со Скипом туда, а притащили на Землю?

— Потому что для такого быстрого корабля Земля не слишком далеко. Это разведывательный корабль Космофлота, который они наверняка угнали с орбиты. Могу поспорить, что Космофлот даже не заметил этого!

— Да, похоже, их сотрудники умом не блещут.

— Ну, мистер Карпентер, они не так уж глупы, когда поступают на службу или до того как закончат академию. Но их учат не размышлять, а только выполнять приказы.

— Они во всем берут количеством, — заметил Скип.

— Глупее всего то, что Космофлот нам не нужен, — сказала Дейдре. — У нас не было войны уже сотню лет.

— Вам крупно повезло, ребятки, что вы живете на Марсе.

— А что, на Земле будущего идут войны, мистер Карпентер? — спросил Скип.

— Было несколько больших войн, — ответил Карпентер. — Хотя в данный момент нам удалось добиться мира во всем мире. — Он открыл боковую дверцу. — Пойду-ка я к рации. Мы уже и так проболтали полчаса из тех, что выиграли.

— К рации пойдем *мы*, — сказала Дейдре.

— Нет, ребятки. Вы останетесь в Сэме и будете ждать...

— Мистер Карпентер, вы, вероятно, не сумеете работать с марсианским радио, а к тому же не знаете, где оно. И даже если бы *знали* и *сумели* бы с ним справиться, как вы собираетесь разговаривать с теми, у кого нет говорешек?

— Они их наденут.

— Нет, не наденут. Они просто-напросто сочтут, что какой-то чокнутый настроился на межпланетную частоту, и отключат вас.

— И вообще, что здесь опасного? — вмешался Скип. — Как похитители смогут нам навредить, если их здесь нет?

Карпентер посмотрел на корабль. Входной люк находился близ основания, ненамного выше одной из стоек. Он мог бы добраться до него, забравшись по стойке. А если он задраен? Карпентер совсем не разбирался в марсианской механике.

Наконец он посмотрел в лицо тому факту, что не сможет проделать все в одиночку. Он подвел Сэма под иву и припарковал так, чтобы его нос смотрел прямо на ближайшую стойку. Всегда надо держать в рукаве туз.

— Ладно, тыковка, ладно, Скип — пошли!

Во главе с Карпентером они приблизились к кораблю.

— Скип, как по-твоему, ты сможешь открыть люк?

— Без труда, мистер Карпентер. — Он взобрался по стойке, и от его прикосновения люк открылся. — Его даже не заперли.

Тот нахмурился. Все шло чересчур гладко.

Скип опустил гибкий металлический трап. Карпентер поднялся первым, Дейдре — за ним. Внутри корабля было жарче, чем снаружи. В шлюзе горел свет. Интересно почему? Скип открыл внутренний люк так же легко, как внешний, и двинулся по коридору. Там тоже горел свет.

Мальчик был не совсем уверен в себе. Коридор был круглым, Скип медленно шел по нему. По сторонам коридора виднелись стальные двери, расположенные на порядочном расстоянии друг от друга. Скип заглянул в одну.

— Двигатель и отталкиватель массы. Нам туда не надо. — Он стал открывать и закрывать двери на внутренней переборке.

— Смотри, Дейдре, — тайная лестница! Что ж, может, и не тайная, но они не пользовались ею, когда притащили нас на борт и повели по кораблю.

Дейдре подошла к нему и тоже остановилась на пороге, а Карпентер перегнулся через их головы. Винтовая лестница вела наверх по колодцу со стенами из очень гладкого металла. Ступени были такие узкие, что подниматься или спускаться мог только один человек.

— Может быть, это запасный выход на случай аварии, Скип?

— Готов спорить, что да! Но нам лучше подняться по обычной лестнице, если я найду ее.

Они пошли дальше по коридору. Скип по-прежнему впереди. Они миновали еще одну дверь во внутренней переборке, — эта, сказал мальчик, вела к отсеку с двигателем и отталкивате-

лем массы. Потом коридор уперся в гораздо более широкую дверь.

— По-моему, это здесь. — Скип открыл дверь, и все увидели обычную лестницу. — Да, именно по ней нас вели, а потом оставили, мистер Карпентер. Это — сходной трап. Пойдем.

Он начал подниматься. Лестницу освещали диагональные световые трубки. Очевидно, террористы оставили свет включенным на всем корабле. Карпентер с Дейдре следовали за Скипом. Карпентер пытался вест счет уходящим минутам. Разумеется, безуспешно. Но на самом деле это его не беспокоило. Хотя они потратили впустую большую часть выигранного часа, у них все равно оставалась уйма времени, чтобы послать сигнал SOS. Отправив сигнал бедствия, они тотчас рванут к Сэму. На Сэме они будут прятаться весь остаток дня, а потом поедут к собору, где будут дожидаться прибытия Космофлота.

Первая палуба, куда они вышли, представляла собой зеленый сад. В заполненных увлажненной мульчей корытах росло нечто, очень похожее на земные папоротники. Соллюксы, встроенные в переборки, заливали их искусственным солнечным светом.

На следующей палубе помещался камбуз и столовая. Запах стоял отвратительный, особенно в сравнении с запахом растительности палубой ниже. Огромное помещение было завалено грудами каких-то картонок. В переборки были встроены шкафы, а почти от стены до стены тянулся привинченный к полу стол, и вдоль него — длинные, привинченные к полу скамьи. Они увидели грязную плиту и не менее грязную раковину, встроенные в переборку. Как раковина в убежище и лохань в жилище Хаксли, эта раковина была забита грязными тарелками. Неужели на Марсе не моют посуду?

Следующая палуба оказалась огромным круглым помещением, стены которого заодно были корпусом корабля. Она была пуста, если не считать хлама, разбросанного по полу.

— Здесь был кубрик, когда корабль еще принадлежал флоту, — пояснила Дейдре. — Полагаю, похитители выбросили отсюда все койки.

Скип показал на цилиндрическую колонну, возвышавшуюся рядом с корпусом.

— Это, наверное, та самая лестница, которую мы видели внизу, мистер Карпентер. Тут даже есть дверь. Разумеется, это запасной выход.

На палубе, куда они вышли потом, располагались офицерские каюты. Несомненно, именно там коротали время террористы в полете. Большую комнату отдыха окружало огромное количество дверей — закрытых. Вокруг низкого помоста прямо в самом центре помещения стояли шесть привинченных к полу кресел, обитых плюшем. На помосте покоилось нечто, показавшееся ему огромным ледяным кубом. Карпентеру не потребовалось спрашивать у детей, что это. Хотя он ни разу прежде не видел марсианского голокуба, он догадался, что сейчас смотрит именно на него.

Дейдре показала на одну из дверей.

— Там они держали нас взаперти.

— А сами все время смотрели голофильмы, — сказал Скип. — Иногда мы слышали отдельные слова.

Наверняка порнуху, подумал Карпентер. А дети лежали там, голодные и замерзшие. Карпентер попытался пробудить в себе более сильную ненависть к террористам, чем уже испытывал. Но обнаружил, что не может этого сделать.

В нижней части помоста располагались круглые полки, заполненные маленькими бобинами, которые, по-видимому, вставляли во внутренний механизм установки. Карпентера слегка удивило, почему, имея столько фильмов для просмотра, такие удобные кресла, в которых так славно развалиться, и вдобавок превосходные постели, террористы поселились в доме-убежище?

Возможно, они видели в этом убежище «родину, милую родину»?

Следующая палуба напоминала огромный компьютерный зал. Повсюду простирались панели с маленькими лампочками, переключателями и множеством кнопок и ярусы экранов. Карпентер видел нечто подобное на маленьком корабле Хаксли, но, естественно, там всего было намного меньше и не производило такого впечатления. Скип говорил, что это отсек отталкивателя массы. Однако это помещение было гораздо больше, а приборы — гораздо сложнее, и Карпентер пришел в замешательство.

— Компьютер отталкивателя соединен с корабельным, — сказала Дейдре. — Но, конечно, он все равно очень большой. Требуется множество расчетов, чтобы преодолеть притяжение планеты, и человеческий разум попросту с этим не справляется.

— Думаю, нужно быть гением, чтобы летать на марсианском корабле.

— Вовсе нет, — заметил Скип. — Пилоту нужно знать только, на какие кнопки на панели управления нажимать. — Он снова стал подниматься по тайной лестнице. — В отсеке управления еще две палубы. Радио там.

Промежуточная палуба оказалась ангаром для птеранодонов. В распахнутые ворота с равнины дул легкий ветерок, зарождающийся в горах. Возле ворот проходила отгороженная винтовая лестница, похожая на колонну. Шлюза в ангаре не было — вероятно, потому что летательные аппараты не предназначались для полетов в космосе.

Возле одной из переборок лежали несколько птеранодонов. Со сложенными крыльями они смахивали на больших кожаных воздушных змеев. Яйцевидные бомбы, которые к ним крепились, были уложены в три стальных контейнера, привинченных к палубе. Один из контейнеров был неполон.

Карпентер подошел к открытым воротам ангара. Дети за ним. Ива, под которой стоял Сэм, была ниже корабля, и отсюда Карпентер видел поверх ее кроны равнину, а вдали — молодые горы, которые в один прекрасный день назовут Скалистыми. Справа через просветы в листве и ветвях гинкго он углядел пирамидальные здания города, а еще дальше, за зданиями — части известняковых утесов. Он посмотрел на юг, напрягая глаза в поисках птеранодонов, хотя знал, что те покажутся очень не скоро. Но еще он понял, что как только террористы вновь появятся над возвышением, где стоит Сэм, и тот проделает свой трюк с внезапным исчезновением из-под ивы, то они направятся прямо к кораблю.

Дейдре рядом с ним заметила:

— Какое красивое место, мистер Карпентер. Мне будет не хватать его, когда я вернусь на Марс.

— Наверное, на Марсе тоже очень красиво.

— О да! Но по-другому. Когда люди живут на какой-нибудь планете очень долго, она обязательно чего-то лишается. Во многих отношениях они делают ее еще краше, но многое и отнимают.

Карпентер задумался о Земле будущего. Думать о Земле будущего означало прежде всего думать о широких магистралях и городах. Да, конечно, если смотреть с высоты, дорожные развязки выглядят в некотором смысле красиво, а города, если взглянуть с очень большого расстояния, тоже кажутся романтичными, скрывая то, что у них внутри. Но ничего из того, что человек по-

строил или построит то, не могло бы сравниться с древней прелестью Эридана.

Он с болью подумал, что скоро и сам покинет эту дивную землю, спрятанную Временем, и отвернулся от ворот.

— По-моему, ребятки, нам лучше отправиться в комнату управления.

И снова Скип возглавил их маленькую процессию. Большая часть оборудования в комнате управления оказалась для Карпентера такой же непонятной, как отталкиватель массы и компьютерный зал. Комната занимала половину палубы, а в переборке за ней находилось несколько дверей. Две огромные, как кресла, подушки, снабженные ремнями, смотрели на лабиринт панелей, экранов и мерцающих лампочек. По краям, слева и справа от кресел-подушек, были встроены в обшивку два огромных обзорных иллюминатора. Через один Карпентер увидел море, через другой — равнину.

Дейдре со Скипом уселись на «кресла», и Дейдре потянулась к небольшому шестиугольному предмету, прилаженного к одной из панелей. В это мгновение одна из дверей в задней переборке открылась, и в помещении появился скалящийся в ухмылке Флойд с ружьем в руке. Дейдре со Скипом, услышав его шаги, быстро обернулись на сиденьях; их лица побелели. Ухмылка Флойда превратилась в широкую улыбку, и он навел ружье на Карпентера.

— Добро пожаловать на борт, старина!

14

— Я думал, тыковка, — сказал Карпентер, — похитителей всего четверо.

— Так оно и есть, мистер Карпентер. Четвертый летательный аппарат, должно быть, дрон, управляемый на расстоянии!

Флойд, не имея сережек, не понял Карпентера, но по ответу Дейдре обо всем догадался.

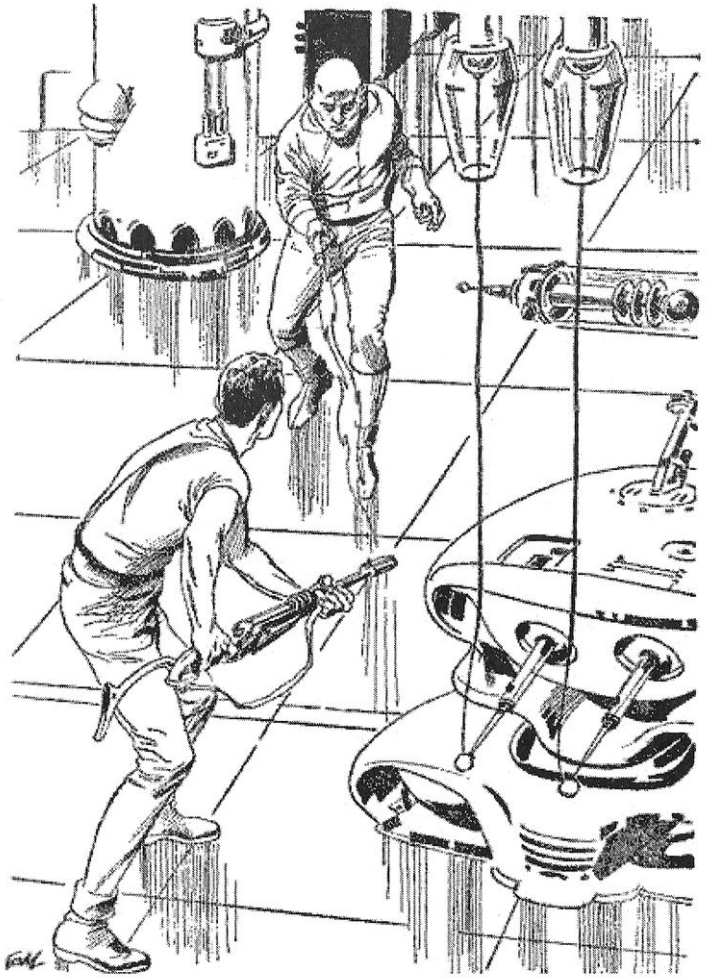
— Мы прикинули, как вы поступите, увидев четыре летательных аппарата, — сказал он. — И в конце концов поняли еще кое-что. Единственный твой приятель — это устройство с дистанционным управлением. Думаю, пульт — это большая пряжка на твоем ремне, но прежде чем ты его снимешь, положи маленькую пушку, которую засунул за него, на палубу.

— Как скажешь, Флойд, — отозвался Карпентер, кладя пистолет на палубу и начиная расстегивать пряжку. — Ребятишки, оставайтесь в креслах и пристегнитесь.

Расстегивая ремень, Карпентеру без труда включил большим пальцем перстень с устройством связи. Он обратился к Дейдре:

— Тыковка, если корабль упадет на бок, то от удара о землю взорвется одна из бомб в отсеке для «птеранодонов» или произойдет взрыв какого-нибудь иного рода? Ответь «да» или «нет».

— Нет.

— Скип, оборудование на этой палубе закреплено достаточно прочно, чтобы не разлететься от такого удара? Да или нет.

— Да.

— А сиденья — они удержатся на месте?

— Да.

— Вы крепко пристегнулись?

Дружное «да».

— Кончай болтать с детьми и снимай ремень! — рявкнул Флойд. Он поспешно надевал говорешки.

«Поздно, старина», — подумал Карпентер и нажал на Х-образный поршенек на перстне.

Тотчас же внизу взревел двигатель «Камминз» и загромыхали гусеницы. Обалдение во взгляде сделало суровость Флойда смехотворной; он подбежал к западному иллюминатору и уставился сквозь него на землю. То, что он увидел, заставило его забыть о Карпентере; Флойд нажал на переключатель возле иллюминатора, и стекло втянулось в корпус, а сам он высунулся в отверстие и нацелил ружье вниз, в таран. В следующий миг Сэм врезался в опору, и корабль накренился, а Флойд, по-прежнему с ружьем наизготовку, вылетел в проем, как Дариус Грин на своей летающей машине.

— ТРАААААААААААХ! — лопнула стойка.

Карпентер бросился к креслам и втиснулся между ними.

— Держитесь, ребятки!

Путешествие к земле сперва было медленным, но быстро наращивало темп. Затем скорость упала, как и надеялся Карпентер — корабль повалился на ивняк, из которого ринулся в атаку Сэм. Захрустели ветви, а ствол согнулся и сломался с оглушительным треском, отчасти развернув корабль. Но последний удар был смягчен только отчасти. Карпентера выдернуло с места между кресел и бросило навзничь на стенку, превратившуюся в пол. Потом кто-то выключил свет.

И снова включил. Он увидел лицо Дейдре, склонившееся над ним. Ее глаза цвета осенней астры потемнели от тревоги. Она расстегнула на нем клетчатую рубашку и теперь похлопала Карпентера по щекам. Он широко ухмыльнулся, что ему не особенно удалось, и сделал несколько глубоких вдохов, потому что задохнулся при падении. Затем осторожно поднялся. Похоже, у него ничего не было сломано. Отсек управления тоже не пострадал, но

выглядел необычно, поскольку Карпентер стоял на боковой стенке, а не на палубе.

Дейдре обхватила его за талию обеими руками.

— Ах, мистер Карпентер, вы все время страдаете из-за нас!

Он потрепал ее по лютиковым волосам. И с внезапной тревогой спросил:

— А где Скип?

Прежде чем она смогла ответить, Скип забрался в горизонтальное помещение по горизонтальной потайной лестнице. Он нес небольшой контейнер.

— Мистер Карпентер, вы очнулись!

— Ходил за кислородом для вас, — пояснила Дейдре. — Но, похоже, он вам вовсе не нужен.

— Нет. Я чувствую себя прекрасно.

Вообще-то Карпентер чувствовал себя не совсем хорошо — у него слегка кружилась голова. Но он не видел смысла сообщать об этом детям. Он поискал пистолет, но не обнаружил его. Тогда он подошел к отверстию иллюминатора, которое теперь располагалось так, что им можно было воспользоваться как дверью и спуститься на землю. От ивы остались рожки да ножки. Он всмотрелся вперед сквозь ее помятые ветви и сломанный ствол, выискивая Сэма, но того нигде не было. Неужели он под кораблем? Вряд ли. Он находился возле опор корабля и не мог попасть под него, когда тот упал. Карпентер нажал на кнопку возврата на перстне с устройством связи и стал искать Флойда.

Какая вокруг стояла тишина! На мили вокруг зауроподы, орнитоподы, тероподы, анкилозавры и цератопсы, не говоря уж о разнообразных ящерицах, черепахах, лягушках, крокодилах, насекомоядных и различных морских существах, должно быть, услышали падение корабля и прервали свои ежедневные действия.

Когда ему так и не удалось найти Флойда, сперва он решил, что террорист, вероятно, пережил падение и залег где-нибудь в осоке, поджидая его. Тогда он подошел к одному из болот, наводняющих местность, и осмотрел его грязную поверхность.

Ружья он нигде не заметил. По-видимому, Флойд никогда с ним расставался.

Может быть, если бы полевые сотрудники САПО, выкопавшие окаменелый скелет Флойда, копнули глубже, то нашли бы его окаменелое оружие.

Пока Карпентер стоял, внимательно разглядывая болото, к нему подкатил Сэм и остановился в нескольких футах. Ящероход выглядел весьма печально. Его иллюз-поле по-прежнему было включено, поэтому Карпентер видел лапы и хвост, однако «непробиваемое» ветровое стекло разлетелось вдребезги, большая часть «головы» тоже. Одна рогопушка смотрела на юг, другая — на север, а на рыле виднелась огромная вмятина.

Карпентер выключил дистанционное управление. Он надеялся, что САПО не станет помесячно вычитать стоимость ремонта из его жалованья.

К нему подбежали Дейдре со Скипом. Он указал на болото, но их больше тревожил Сэм, чем судьба Флойда.

— О, мистер Карпентер, он сломался! — вскричал Скип.

— Его можно починить, — отозвался Карпентер, — и он все еще в рабочем состоянии. — В голове у него наконец прояснилось. — Давайте, ребятки, пошлем сигнал бедствия! Или вы уже послали?

— Пока еще нет, — ответил Скип.

— Что ж, тогда давайте приниматься за дело. Пока вы будете посылать SOS, я поищу свой пистолет.

Они находились на значительном расстоянии от корабля, поэтому поспешили обратно. У выбитого иллюминатора Дейдре посмотрела на небо — и оцепенела.

— Мистер Карпентер, они возвращаются!

В небе виднелись четыре зловещие точки.

— Ребятки — живо к Сэму! Бегом!

Дети сорвались с места, как и Карпентер. Они без труда обогнали его — он шел широким шагом, но медленно, — и забрались в водительский отсек еще до того, как он одолел половину расстояния до машины. Точки постепенно превратились в птеранодонов, и эти птеранодоны уже пикировали на корабль. Когда террористы увидят, что с ним произошло, они разорвут Карпентера на мелкие кусочки.

Словно стараясь предоставить им как можно больше возможностей сделать это, он споткнулся о маленькую черепаху, которая пересекала дорогу, и упал, ткнувшись лицом в землю.

Вновь поднявшись, Карпентер увидел, что Дейдре со Скипом закрыли боковую пассажирскую дверь Сэма. Мгновением позже трицератанк замерцал, а потом исчез.

Почти тотчас же листья осоки начали разглаживаться и расплющиваться, будто под сильным ветром. Он и сам почувствовал

ветер, тот дул сверху вниз. Тогда он увидел, как на равнину медленно садится огромный корабль. Такой громадный, что походил на оторвавшееся от земли Эмпайр-стейт-билдинг.

Из основания корабля выдвинулись опоры и приготовились опуститься на четверть акра поверхности каждая. Опоры некоторое время подстраивались, пока корабль не встал совершенно прямо, а мгновением позже из его шпиля ударили четыре мощнейших радужных луча, и четыре птеранодона — три управляемых людьми и один беспилотный — исчезли из поля зрения с шипением. «ПФФФФФФФФФФФФФ! ПФФФФФФФФФФФ! ПФФФФФФФФФФФФФФ!»

Открылись внешние двери на улицу, и наружу выдвинулся трап, широкий, как Пятая авеню. По нему начали спускаться две колонны войск. Их ослепительно белая форма была сшита по неведомому образцу. Каждый держал серебристое ружье.

Колонны выстроились у подножия трапа и повернулись лицом друг к другу. Прошло, наверное, пять минут. Или десять. А может, даже пятнадцать. Затем в огромном дверном проеме появился высокий человек в таком белом мундире, что одежда остальных рядом с ним казалась грязной. От его левого плеча до ремня шла целая лесенка разноцветных лент. Карпентеру вспомнилась оперетта «Корабль её величества «Пинафор». Да, разумеется, перед ним был глава Космофлота.

Кто бы это ни был, он величаво спустился по трапу, прошел между двух колонн и вышел на открытое пространство. В руке он держал мерцающий жезл, больше похожий на волшебную палочку. Этот человек воззрился на Карпентера через разделяющее их пространство, заросшее магнолиями и осокой. Карпентер уже собрался подойти к нему, но в этот миг Сэм появился — точно там, где исчез. Через его разбитое ветровое стекло валил черный дым. Его иллюз-поле отключилось, и он смахивал на танк, которому с трудом удалось вырваться с поля боя. Пассажирская дверь распахнулась в облако дыма, и оттуда выпрыгнули Скип и Дейдре. Карпентер понял, что они сделали, и мысленно послал двадцатому веку прощальный поцелуй.

Они подбежали к нему.

— О, мистер Карпентер! — вскричала Дейдре. — Мы не нарочно его испортили, мы не думали, что он сгорит, но что нам оставалось? Только запрыгнуть назад во времени достаточно да-

леко, чтобы как можно скорее радировать Космофлоту, и они прислали бы корабль вовремя. Ведь это был единственный способ спасти вас от бомб похитителей!

— Но как же вам удалось незаметно пробраться на корабль?

— Стояла темная ночь, и мы воспользовались запасной лестницей, — ответил Скип. — Это было несложно.

— Но вы очень рисковали.

— По правде говоря, риска почти не было, — сказала Дейдре, — ведь мы понимали, что нас не поймают, по одной простой причине: если бы мы попались, то нас вообще здесь бы сейчас не было.

— На посту был Хью, — продолжил Скип. — Мы пробрались в офицерский кубрик, и он там спал в кресле. Дейдре точно подсчитала, за какое время корабль доберется сюда, чтобы спасти вас, и мы рассказали им по радио обо всем, что случилось. И все прошло бы отлично, если бы не сломалась машина времени. Пришлось разобрать ее и починить. Я изучил ее, когда вы выздоравливали, мистер Карпентер. Разобрался, что у нее внутри и как она действует. И смог исправить ее почти моментально. Мы... мы думали, что батареи выдержат, но обратный путь оказался для них чрезмерной нагрузкой.

— Однако пусть они и сгорели, — сказала Дейдре, сияя, — в этом нет ничего страшного, ведь теперь вы можете отправиться на Марс вместе с нами, мистер Карпентер!

— Вот так запросто? — отозвался тот.

— Мы дадим вам во дворце шикарную работу, — сказал Скип. — И...

— Прошу прощения, что прерываю такую необычную беседу, — произнес суровый голос, — но военные процедуры предписывают выполнять все миссии как можно оперативнее.

Обернувшись, Карпентер впервые оказался лицом к лицу с главой Космофлота. Суровость лиц террористов не лишила его самообладания, поскольку он этого ожидал, однако сейчас его застигли буквально врасплох. Он увидел крепкий лоб, крепкий нос, суровые скулы, две полоски крепко сжатых губ и каменный подбородок. Настоящий утес, а не лицо, с маленькими недобрыми карими глазами, пристально глядящими из двух сумрачных пещер. Окинув взглядом остальную высадившуюся группу, Карпентер увидел такие же холодные суровые лица.

Глава Космофлота поклонился Дейдре, а затем Скипу. Карпентера он просто не замечал.

— Вы никогда не встречались со мной, ваше высочество, но я часто видел вас издалека. Меня зовут Горацио, и я командую флагманским кораблем «Старфаст». О цепи событий, последовавших за вашим похищением, вкупе с приказом моего начальства прибыть на Землю именно тогда, когда вы велели, мне доложили посредством флотской связи, однако я был бы очень благодарен, принцесса Дейдре, если бы вы лично рассказали мне обо всем, пережитом на Земле вами и вашим братом.

Дейдре рассказала. Карпентер почувствовал, что краснеет, когда она углубилась в свое повествование, поскольку в основном рассказ шел о нем. В ее изложении все, что он делал для нее и Скипа, было чистой воды геройством, а сам он уподоблялся в этой истории эриданскому богу.

— Поэтому нам следует, — заключила она, — взять его с собой на Марс, достойно принять и найти для него высокооплачиваемую должность в высших эшелонах власти королевства.

Казалось, Горацио все это нимало не впечатлило, однако он по крайней мере заметил присутствие Карпентера. Он уперся взглядом в его лицо. Глаза у него были как два маленьких коричневых грязных стеклянных шарика. Небрежным жестом он приладил говорешки, а затем удостоил Карпентера высокомерным кивком.

Карпентер скрипнул зубами. Затем напомнил себе, что офицеры марсианского Космофлота, вероятно, члены суровой касты, и вдобавок лишены эмоциональности. Но почему же тогда Горацио смотрит на него как на комок грязи?

— Она права насчет того, чтобы вы взяли меня с собой на Марс, — сказал он, — хотя я, разумеется, не жду высокооплачиваемой должности. Я готов выполнять любую работу. Как она и сказала, мой ящероход сломан, и хотя у меня есть шанс пешком добраться до точки входа и отправить в будущее сигнал бедствия, он ничтожен.

Горацио как-то умудрился посмотреть на Карпентера сверху вниз, хотя был ненамного выше него.

— У меня нет приказа забрать вас на Марс.

Глаза Дейдре цвета осенней астры вспыхнули.

— Что ж, теперь он у вас есть! *Я* приказываю вам сделать это!

— Позвольте напомнить вам, принцесса Дейдре, что, хотя ваша предполагаемая власть бесспорно превышает мои официальные полномочия, никто, даже вы, ваше высочество, не обладает истинной властью до тех пор, пока не лишен эмоциональ-

ности. Таким образом, у меня нет иного выхода, кроме как оставить этого землянина, к которому вы испытываете такую признательность и которого описываете в таких сентиментальных выражениях, в том самом месте, где мы его обнаружили. На планете, где он родился, — или, точнее, где он родится, если верить тому, что он вам рассказал, через семьдесят четыре миллиона лет.

Дейдре была вне себя.

— Вы — командующий кораблем Космофлота! Поэтому если у вас нет приказа забрать мистера Карпентера с собой — отдайте его!

— Сожалею, ваше высочество, но отдать подобный приказ означает превысить мои полномочия.

— В таком случай радируйте на Великий Марс!

— По такому незначительному вопросу? Я не осмелюсь, ваше высочество.

— Тогда это сделаю я!

— Об этом не может быть и речи, ваше высочество. Выходить на связь от имени Космофлота может только экипаж корабля, и к тому же радио предназначено только для использования в ходе боевых операций. Прошу вас, образумьтесь, ваше высочество. И вы тоже, ваше высочество, — повернулся Горацио к Скипу. — И отойдите подальше по равнине. Мне необходимо уничтожить все следы корабля похитителей, который Космофлот не станет больше использовать, так как его использовали с грубейшими нарушениями.

— Вы просто не хотите, чтобы кто-нибудь узнал, что корабль украли прямо у вас из-под носа! — воскликнула Дейдре.

— Прошу вас, ваше высочество, — повторил Горацио, — отойдите.

Дейдре взяла Карпентера за руку.

— Пожалуй, нам лучше подчиниться, мистер Карпентер. Пошли, Скип. Не думаю, что его действия причинят какой-нибудь вред Сэму.

После того как Карпентер, дети и наземная группа отошли на десять ярдов, Горацио поднял жезл. Тот стал голубым, потом зеленым. Со шпиля Эмпайр-стейт-билдинг ударили лучи, попали в корабль террористов и развалили его на мелкие кусочки от носа до кормы. По сжатым губам Горацио скользнула неприятная улыбочка. Он поманил к себе двух человек из наземной группы.

— Сопроводите принцессу с принцем на борт «Старфаста» и проследите, чтобы им отвели каюту, соответствующую их благородному происхождению.

— С места не двинусь, — сказала Дейдре, — пока вы не согласитесь взять с нами мистера Карпентера!

Горацио поднял левый мизинец, и двое мужчин тотчас выступили вперед, бережно подхватили Дейдре со Скипом и силой начали «сопровождать» их к кораблю. Дети вырывались, но сопровождающие были здоровенными и дюжими. Карпентер беспомощно наблюдал за происходящим, сознавая, что Горацио с удовольствием прикажет своим людям изрешетить его из своих ружей, если он вздумает вмешаться.

Теперь детей подталкивали вверх по трапу.

— Почему вы не взяли нас с собой на Землю будущего, мистер Карпентер? — кричала Дейдре. — Мы хотели туда!

— Я тоже, тыковка! Я тоже хотел этого!

— Там в банке осталось еще немного куриного бульона, вы можете отослать его обратно... О, мистер Карпентер! Надеюсь, с вами все будет хорошо!

— Может, вам удастся починить Сэма, — крикнул Скип. — Удастся запустить хотя бы одну батарею!

— Ребятки, со мной все будет хорошо. Не волнуйтесь за меня. — Затем он подошел к Горацио и посмотрел ему в глаза. — Надеюсь, хотя бы ружье вы мне оставите.

— Я не имею права передавать военное снаряжение посторонним личностям.

— Я так и думал.

Дети уже были в дверном проеме Эмпайр-стейт-билдинг.

— Прощайте, ребятки! Я никогда вас не забуду!

Дейдре предприняла отчаянную попытку вырваться от сопровождающих. И это ей почти удалось. Карпентер увидел ее страдальческое лицо.

— Я люблю вас, мистер Карпентер! — закричала она, пока их со Скипом тащили в корабль. — Я буду любить вас всю оставшуюся жизнь!

Он обнаружил, что не может четко видеть, и понял, что совершил ужасную ошибку. Дети принадлежали Марсу не более, чем он.

Двумя молниеносными движениями левой руки Горацио сорвал с ушей Карпентера говорешки. Затем сказал что-то непонятное своим людям. При помощи ружей они сформировали нечто

вроде навеса; он прошел под ним, и солдаты двинулись за ним двумя прямыми колоннами, и так наземная группа поднялась на борт корабля.

Огромные двери закрылись. Эмпайр-стейт-билдинг задрожало и оторвалось от земли. Его посадочные ноги втянулись в корпус. Корабль завис в утреннем небе — огромный, гротескный, с заточенными внутри двумя одинокими детьми. Верхний слой равнинной почвы с растительностью прогнулся от мощного давления отталкивателя массы. Поднявшись в небо, корабль наклонился и превратился в исчезающую дневную звезду.

Карпентер долго смотрел туда, где исчезла эта звездочка. Он мысленно видел лица детей. Но это были уже не те лица, которые знал. Время скакнуло вперед, и дети выросли, их лица стали суровыми и бесчувственными, и вся та любовь, что некогда жила в их глазах и задевала его за живое, исчезла.

Он опустил взгляд к равнине. *Я люблю вас, мистер Карпентер! Я буду любить вас всю оставшуюся жизнь!*

Он заберет последнюю банку куриного бульона и пойдет через равнину, и пусть приходят тероподы, и маленькие и большие. Ему было все равно, доберется он до квантового поля или нет. Тут земля под ногами задрожала, и он понял — приближается динозавр, самый крупный, какой бывает. Старина *Tyrannosaurus rex*. Бежать было поздно. Да и куда?

— Давай, давай, иди сюда, старый дружок! Тебя-то я и дожидался.

15

Неужели это тот самый тираннозавр, которого Сэм одолел ранним утром? — гадал Карпентер, пока огромный теропод подходил ближе. Огромное животное выглядело точно так же, как то, однако двигалось иначе.

Вместо того чтобы переваливаться с боку на бок, оно качалось вверх-вниз.

Но его трехпалые задние лапы, ударяя по земле, не производили *бух! бух!*, как следовало бы при таком огромном весе. Вместо этого движение существа сопровождал мерный непрерывный скрежет.

На ходу оно ревело, однако этот рев был нетипичным для теропода — глухой, мягкий и совсем не свирепый.

Теперь тираннозавр был достаточно близко для того, чтобы предложить Карпентеру великолепный вид на атрофированные передние лапы с пальцами, похожими на когти. Его пасть была приоткрыта и не менее прекрасно демонстрировала зубы. Огромная голова, сидящая на шее толщиною с древесный ствол, должна была испугать Карпентера, но нет! Ведь он был на Эридане один как перст. Если бы ему и удалось вернуться на Землю будущего, то и там оказался бы совсем один. Так почему заурядная драконья башка должна была привести его в смятение?

Он опустил взгляд и с отвращением уставился на мощные колонны задних лап существа. Его голова не доходила чудовищу даже до колен.

В нескольких ярдах от него тираннозавр остановился и уставился сверху вниз водянистым глазом с тяжелым веком. Задумался, следует ли кусать или проглотить целиком?

Пока Карпентер глазел на чудовищную голову, челюсти открылись шире. Верхняя поднялась под углом почти девяносто градусов, и над нижним рядом шестидюймовых зубов появилась голова совершенно иной природы. На него смотрело знакомое лицо.

— Мисс Сэндз! — ахнул он и чуть не упал.

Придя в себя, он — теперь, когда угроза смерти осталась позади, волшебным образом исцеленный от равнодушия к жизни, — подошел к громадному тираннотанку и попытался погладить его лапу, однако рука прошла сквозь иллюз-поле к гусенице. — Эдит, куколка моя!

— С вами все в порядке, мистер Карпентер? — окликнула его мисс Сэндз.

— Все прекрасно.

Рядом с головой мисс Сэндз появилась другая — знакомая каштановая голова Питера Филдса, помощника мисс Сэндз, которого наняли по ее рекомендации через месяц после того, как приняли ее саму.

— Очень рады, что с вами все в порядке, мистер Карпентер, — сказал Питер. — Сейчас разверну Эдит.

Он развернул Эдит кормой к Сэму, подвел ближе, бросил на землю буксировочный трос и подал с высоченного тираннотанка нейлоновый трап. Они с мисс Сэндз спустились и принялись со-

единять тросом крюк под рылом Сэма с крюком на корме на Эдит. Карпентер помогал.

— Как вы узнали, что у меня проблемы, ребята? Я ведь так и не отправил обратно банку куриного бульона.

— Догадались, — ответил Питер Филдс. Потом повернулся к мисс Сэндз. — Полагаю, теперь все улажено, Сэнди.

— Что ж, тогда отправляемся, — ответила она. И почти посмотрела на Карпентера. — То есть, мистер Карпентер, если ваша миссия завершена. — Ее лицо казалось каким-то другим, но не менее красивым. Если честно, оно стало еще красивее. Он опустил взгляд на ее коричневую походную блузу.

— Завершена, мисс Сэндз. Вы не поверите, как все обернулось.

— О, я бы так не говорила. Порой самое неправдоподобное оказывается правдой. Я приготовлю вам что-нибудь поесть, мистер Карпентер.

Она шустро поднялась по трапу. На ней были кюлоты[1] в цвет блузы и коричневые походные сапоги. Питер Филдс был одет так же, только вместо кюлотов были брюки, а вместо блузы — рубашка. Карпентер проследовал за мисс Сэндз вверх по трапу, Питер поднялся последним. Водительский отсек располагался в голове, и Питер уселся за руль. Мисс Сэндз опустила в кабину «шейный» трап.

— Почему бы вам не прилечь, мистер Карпентер? — спросил Питер. — Вы, похоже, совсем вымотались.

— Да... вроде того, — отозвался Карпентер.

В кабине была койка. Он растянулся на ней. Его усталость была скорее эмоциональной, чем физической. Прощание с Дейдре и Скипом, а после — встреча с тираннозавром, который оказался Эдит. И он снова увидел мисс Сэндз...

Она уже поставила воду, чтобы сварить кофе, а теперь достала из холодильника вареный окорок и положила его на подставку для сушки у раковины. Ему ни капельки не хотелось есть, однако он не сказал ей об этом.

Наверху, в водительском отсеке, Питер Филдс завел Эдит. Он был отличным водителем, этот Питер Филдс, и предпочитал управлять Эдит, нежели есть. А еще он с завязанными глазами мог запросто разобрать палеонтологическое транспортное средство на части и собрать его снова. Занятно, что они с мисс Филдс

---

[1] Юбка-брюки.

не влюбились. Оба были такими привлекательными, что, казалось бы, должны влюбиться друг в друга с первого взгляда. Карпентер был рад, что этого не случилось, хотя ему это ничем не помогало.

Он недоумевал, почему никто из них ни словом не обмолвился о Космофлоте. Ведь они должны были заметить, как те поднимались в небо.

Эдит двигалась через равнину на северо-запад в сторону реки и квантового поля. В приборе заднего обзора Карпентер видел беднягу Сэма, с трудом катившегося за ними на сломанных гусеницах. Он вспомнил самый первый день — вот он с детьми в водительском отсеке, вот дети едят сэндвичи и запивают их шипучкой, а вокруг простирается прекрасный зеленый Эридан с его кустами и деревьями, с розовыми взрывами магнолий. И взглядом стал искать мисс Сэндз в безнадежной попытке вытеснить мучительные воспоминания из головы. Она возле раковины нарезала ломтиками ветчину. Его взгляд коснулся ее обутых в сапоги ног, подколенных ямочек, видневшихся между сапогами и кюлотами; он залюбовался изяществом ее талии, затем поднял взгляд к медным волосам и восхитился, как они мягко ниспадают на ее плечи широким потоком... Забавно, как с возрастом волосы у людей темнеют. Как даже у девочек голоса неуловимо меняются...

Он замер на койке.

— Мисс Сэндз, — внезапно спросил он, — а сколько будет, если помножить 499999991 на 8003432111?

— 4001715983691110О1, — ответила мисс Сэндз.

Она слегка вздрогнула. Потом опять принялась резать ветчину.

В кабине воцарилась тишина. Она заглушила еле слышный грохот гусениц Эдит и глухое, мягкое урчание ее двигателя. Нарушать спокойствие в кабине было дозволено только очень тихому стуку ножа, отрезавшего ломтики ветчины, когда его лезвие касалось подставки для сушки.

Карпентер сел на койке. Спустил ноги на пол. Кондиционированный воздух освежающе дул ему в лицо, но все равно ему было трудно дышать.

Возьмите двух одиноких марсианских детишек, которые знать не знают, как это — когда тебя любят, отправьте их на другую

планету в лапы к террористам, и пусть затем их спасет от анатозавра какой-то землянин, который похож на их родителей и учителей тарелка на ложку! Потом посадите их в ящероход, который при всей его полезности все-таки не что иное, как огромная восхитительная игрушка, отправьте в длительный поход с привалами и дайте познать первую привязанность в их жизни. Потом опять отдайте их террористам и позвольте землянину пострадать, спасая их, а им дайте возможность показать свою любовь и храбрость, которых их вскоре лишит общество. Наконец, отнимите все это и оставьте землянина одиноким и безоружным на опасной равнине.

Но 74 051 622 года! Планета, чьего будущего они никогда не увидят!

Это просто невозможно! Такое фантастическое путешествие невозможно!

А *почему* обязательно невозможно?

Почему маленький мальчик, разобравший и починивший небольшую машину времени, не мог построить собственную большую? И почему он не может собрать маленький космический корабль, к которому они с сестрой, принц и принцесса, могли бы получить доступ? Почему они не могут совершить путешествие через пространство и время на Землю будущего? И почему не могут определить точный период времени, который им нужен, ведь все, что им понадобилось бы, — это сканировать во времени западное полушарие Земли, пока не появится обелиск «Боже, благослови Америку»?

Должно быть, они приземлились вскоре после того, как обелиск начали возводить. И наверняка ночью на такой территории, где без труда могли спрятать свой корабль.

Они понимали, что нельзя пытаться внести радикальные перемены в ход событий. Они знали, что им придется плыть по волнам Времени. Несомненно, их взяло под опеку общество — того государства, где они приземлились, — а позднее нашлись приемные родители. Вероятно, они взяли себе имена тех людей, которыми надеялись однажды стать; теперь у них были и фамилии. У них наверняка не было никаких трудностей с изучением английского, и, вероятно, они использовали говорешки, то снимая их, то надевая, до тех пор пока полностью не освоили язык. Они выросли, и Дейдре поступила в колледж и стала хронографистом, потом получила работу в САПО, а потом протащила к себе Скипа в качестве помощника.

Они отправились спасать Карпентера долгим кружным путем.

Он сидел совершенно ошеломленный. Знали ли они, что станут мисс Сэндз и Питером Филдсом, прежде чем получили эти фамилии? Нет, они не могли этого знать. Они лишь надеялись, что так будет. Однако так ли все обернулось бы или нет, у их миссии была только одна цель — спасти его и отправить обратно в 1998 год новой эры.

Им приходилось остерегаться парадоксов. Мисс Сэндз могла сделать лишь всякие мелочи, например, загрузить в Сэма дополнительные одеяла или положить в шкаф упаковки зефира, но ни она, ни Питер не осмелились сказать: «Мистер Карпентер, не отправляйтесь в Мел-16, там вас тяжело ранят, а потом будет еще хуже».

Они понимали, что не могут изменить ничего из того, что с ними уже случилось, что они должны войти в жизнь Карпентера как незнакомцы.

Но действительно ли было необходимо стать такой увлеченной работой незнакомкой, какой стала мисс Сэндз? Безусловно, время от времени она могла бы на него поглядывать, как-то намекать, что знает: он — живая душа.

Вероятно, она стыдилась того, как заявила о своей любви к нему, когда была маленькой девочкой. Став взрослой, она, возможно, посчитала, что повела себя нелепо.

Но не могло ли быть так, что она испытывала к нему те же чувства, что и он к ней, и все время боялась, что он увидит любовь в ее глазах раньше, чем узнает, кто она на самом деле?

Должно быть, в кабину пробрался туман, потому что перед глазами у Карпентера все расплылось.

Тюк, стукнуло лезвие ножа мисс Сэндз по подставке для сушки. *Тюк, тюк, тюк.*

Она нарезала уже столько ветчины, что можно было накормить тираннозавра.

— Я... я... на самом деле я не настолько голоден, мисс Сэндз, — сказал Карпентер.

Мисс Сэндз положила нож на доску.

Он встал.

— Мисс Сэндз, — произнес он. Она повернулась к нему, и он увидел осенние астры ее глаз, и эти глаза смотрели на него

так, как смотрели, когда она была маленькой девочкой и сидела рядом с ним на кровати в кафедральном соборе мелового периода посреди мезозойской ночи. *Могу поспорить, если вы скажете ей про свою любовь, она сама бросится к вам в объятия!*

— Я люблю тебя, тыковка, — сказал Карпентер.

И мисс Сэндз бросилась к нему в объятия.

Последний Иггдрасиль

В скандинавской мифологии вечнозеленый ясень Иггдрасиль считался древом жизни и познания, скорби и судьбы, древом времени и пространства — Мировым древом. У него было три корня. Один простирался вниз, в Нифльхейм, второй — до Ётунхейму. Третий выходил в Асгард, что близ источника Урд, где боги вершат судьбу и куда они ежедневно прибывали по радужному мосту Бифросту.

Пролог

— Давайте, сестры мои, завершим наше путешествие и обоснуемся здесь. Земля эта обширна, почва — обильна, местность идеальна. Вдобавок здесь есть обитатели.

— Но, Кстил, не станут ли эти обитатели противиться нашим желаниям?

— Нет. Это простые люди. Видите, они живут в землянках.

— Но, Кстил, они не сохранят свою простоту.

— Однако очень не сразу. Нужно воспользоваться нашим преимуществом. Мы — последние из нашего рода, но это не позволяет нам заглянуть вперед... Давайте претворимся в свои сущности. Давайте познаем стремительность ветра, тепло солнца и сладостность дождя.

— Кстил, мы боимся.

— Не бойтесь. Всем существам должно когда-нибудь умереть. Давайте, пока можем, жить такой жизнью, для которой появились на свет.

— Да, Кстил — да!

— Тогда расходимся, сестры мои, и будем свободными!

1

Yggdrasill astralis[1]
Среда обитания: СЗ Новой Америки, Равнины (Гэндзи 5)
Численность: 1

Присутствие дерева ощущалось всегда, даже если повернуться к нему спиной и уйти очень далеко, на самый край выросшей вокруг него деревни, даже если уйти на много миль в бескрайние поля пшеницы, объемлющие деревню, как море — остров. Если встать на деревенской площади, как сейчас стоял Стронг, оно господствовало над вами. Крона — огромное зеленое облако, а ствол — суровый темный утес.

С тех пор, как бригада древорубов прибыла сюда, Стронг никак не мог выкинуть дерево из головы. Куда бы он ни шел, дерево сопровождало его. Он чувствовал, что боится, но понимал, что его страх рожден не только вездесущностью дерева, ведь он всегда испытывал страх перед рубкой. Тут же действовал еще один фактор. Впечатление, что дерево неотделимо от деревни, от обширных нив, от самой планеты. Несомненно, оно было неотделимо и от его, Стронга, будущего.

Строго говоря, деревенская площадь была не квадратной, а круглой, однако колонисты, экспроприировавшие окружающие ее прелестные домики и входившие в живущий на дотации Триумвирата «кооператив», не считали ее такой. В деревнях не бывает круглой площадки в центре, даже если они выстроены кругами, даже когда их улицы расходятся от этой площади подобно спицам колеса. В деревнях, по традиции, площади квадратные. Следовательно, Стронг стоял на квадратной площадке.

Колонисты окрестили деревню Большое Дерево, а территорию, посреди которой она стояла, — Канзасией. Себя же они назвали «жнецами», намекая не столько на пшеницу, которую жали, сколько на деньги, которые та им приносила. Еще они именовали себя Избранным Народом. Конечно, их избрал не Бог, а Триумвират, но он был все равно что Бог.

Лучи солнца Гэндзи, с раннего утра не заглядывавшие на площадь, вновь омыли ее своим светом. Когда-то давным-давно жнецы сравняли с землей могильные курганы куантекстилов и засеяли всю эту местность травой, которая гарантированно про-

[1] Иггдрасиль звездный (*лат.*).

израстала в тени, но места, где раньше высились курганы, все равно бросались в глаза — трава там была зеленее. Кроме того, жнецы убрали огромную кормушку для птиц — там куантекстилы кормили птиц зимою, а может, и круглый год, и кормушка сгнила и развалилась. Однако они позволили остаться огромной каменной птичьей поилке. Наверное, они не считали, что это склонит птиц-хохотушек остаться; а вот кормушка, если б они заменили ее на новую и клали туда корм, — да.

Стронг сейчас слышал птиц. Несколько минут назад с равнины с шумом сорвалась целая стайка. Птицы жили исключительно на дереве, и умудрялись выживать не только в холодные зимние месяцы, но и в войне с жнецами — те бросали в них палки и камни и подвергали их акустической пытке. Теперь, когда дерево обрекли на смерть, война закончилась, ведь это дерево было последним, и с его гибелью птицы-хохотушки будут обречены.

Стронг посмотрел наверх на ветви над своей головой, и ему показалось, будто он смотрит на сводчатый купол собора. Он чувствовал влажное, прохладное дыхание дерева. И чувствовал его страх. Это был суровый страх — холодный, зловещий храма в зеленой атмосфере его мыслей. И тут он почувствовал что-то еще. Мысль, не принадлежавшую ему? Это нечто не походило на мысль... и все-таки, должно быть, было ею.

Она выражалась словами: «*Когда я умру, ты тоже умрешь*».

Он повернулся к дереву спиной и пошел прочь с площади. Дерево шло с ним. Слева стояла гостиница «Большое дерево»; они были там единственными постояльцами. Однако в гостиницу он не пошел, а вместо этого по одной из радиальных улиц двинулся к околице деревни. Улица была из тех, что лежали на предполагаемом маршруте аэротягача; дома, выстроившиеся вдоль нее, пустовали. Дома были изумительные, как и все дома в деревне. Словно искусство и архитектура объединили усилия, чтобы создать их. Один взгляд на такой дом рождал желание жить в нем. Естественный верхний слой древесины сиял мягким золотистым светом. Стронг мимоходом заглядывал на задние дворы. Кричаще яркая садовая мебель вносила ноту дисгармонии. Маленькие каменные птичьи купальни, оставленные куантекстилами на каждом дворе, были превращены в угольные жаровни. Жнецам не хотелось оставлять напоминания о том, что их дома вовсе не такие новые, как кажется; что годами, а то и столетиями

их занимали невежественные туземцы, которых волновало лишь благоденствие птиц-хохотушек. Жнецы наотрез отказывались верить заключению «АнтропоКо», что эти дома *построены* куантекстилами. Эти дома возвел народ, предшествующий куантекстилам, народ *цивилизованный*, утверждали они. Их одержимость почтением к цивилизации, конечно, была вполне понятна. Ветвь Триумвирата, известная как Департамент Галактических Земель — ДГЗ, — избрала их для колонии за ясный разум, а также за талант выращивать растения. Все они были дипломированными аграриями, а многие имели степени в других областях знаний. Например, Вестермейер имел степень доктора политических наук. Вестермейер и был главой Коопа.

Когда Стронг вошел под гофрированный стальной навес на окраине деревни, где кооператив освободил от сельхозтехники место для стоянки аэротягача, с Вестермейером было еще двое из его бригады и десятник. Их звали Пик, Блюскай и Мэтьюз. Пик с Блюскаем возились с аэротягачом весь день: заново его собирали, смазывали и отлаживали механические части, а Мэтьюз явилась их проверить. Вестермейер пришел с ней. Мэтьюз унаследовала лесорубную компанию от мужа и стремилась сама руководить ею, а не доверять это другим. Компания была крохотная и не соответствовала почти корпоративному названию, когда-то данному ей мистером Мэтьюзом: «ДревоКо». Мэтьюз — худой, жилистой — было под семьдесят, некрашеные седые волосы она неряшливо стригла «под мальчика». В поле она одевалась так же, как трое мужчин из бригады древорубов — в клетчатую рубашку, джинсовые бриджи и высокие башмаки. Вестермейер был низкорослым, тучным, лысеющим человеком за пятьдесят. Стоя рядом с ним и ожидая, когда Мэтьюз завершит инспекцию, Блюскай и Пик казались двумя высоченными жердями.

— Ну, как там дерево, Том? — осведомился Блюскай.

— Здоровенное, — ответил Стронг.

— Черт подери, это мы и так знали, — сказал Пик. Длинный козырек его кепки добавлял его лицу угловатости, однако не скрадывал симметрии черт. — Это все, что ты узнал, пока таращился на него весь день?

— Знаете, мистер Стронг, — сказал Вестермейер, — я искренне восхищаюсь всяким, кто делает то, что собираетесь сделать вы. Я бы не полез на это чертово дерево ни за какие коврижки!

— Я случайно вытянул самую длинную травинку, вот и все, — отозвался Стронг. — Мы всегда тянем жребий перед рубкой, — пояснил он, — только вместо спичек или соломинок используем травинки.

— Мне кажется, что, позволяя случаю решать, кому из вас рисковать своей шеей, один из вас увеличивает свою долю риска. В конечном итоге все уравнивается, но все-таки, по-моему, это несправедливость.

— Они тянут травинки ради выгоды, доктор Вестермейер, — сказала Мэтьюз из заднего люка аэротягача, где осматривала лебедку. — Человек на дереве получает оплату по двойному тарифу.

— О! Что ж, это проливает несколько иной свет на жеребьевку. Не могу выразить, — продолжал Вестермейер, — каким облегчением станет для всех в Большом Дереве избавление от этого проклятого дерева!

— Вы когда-нибудь слышали о бизонах, доктор Вестермейер? — спросил Блюскай.

— Я о них читал.

— Когда-то их было пятьдесят миллионов. Когда белый человек завершил бойню, их осталось всего пятьсот.

— Боюсь, не вижу связи.

— Пятьдесят миллионов. Поразмыслите об этом.

— Боже, не начинай снова эту хрень про бизонов! — воскликнул Пик.

— Я и не начинал — начал белый человек.

— Хватит, Блюскай! — резко сказала Мэтьюз.

Тот пожал плечами.

— Просто к слову пришлось.

— Я собираюсь использовать длинные костыли, — сказал Стронг.

Мэтьюз кивнула.

— Они безопаснее. — Она включила мотор лебедки, мгновение вслушивалась в его мерное «ж-ж-ж-ж» и снова выключила. Мэтьюз вылезла из люка. — Начнем с небольших захватов. На верхних ярусах они подойдут.

Захваты грудой лежали в углу сарая вместе с остальным оборудованием. Стронг посмотрел на них. Из очень легкой ультрастали, три пары. У самых больших зубцы были не меньше, чем зубы у *Tyrannosaurus rex*. Он окинул взглядом аэротягач. Его размеры опровергали то обстоятельство, что, разобранный, он

умещался в транспортировочный ящик двенадцать на двенадцать. Если наполнить его гибкие летательные резервуары, он станет еще больше. Сейчас его виброкрылья были сложены и убраны назад вдоль боков. Их функцией было стабилизировать судно во время подъема ветвей. С заполненными резервуарами судно в черно-желтую полоску походило на гигантскую осу.

— Ладно, — сказала Мэтьюз, вытирая руки грязной ветошью. — Полагаю, с предварительной подготовкой покончено.

— Все равно сейчас обед, — заметил Вестермейер. — Я велел шеф-повару гостиницы приготовить вам что-нибудь особенно особенное. И, думаю, теперь уже готово.

— Тогда пойдемте отведаем, — сказала Мэтьюз и широкими шагами вышла из сарая.

Гостиница «Большое дерево» не всегда была гостиницей. Первоначально это просто был дом больше всех остальных. Жнецы единодушно сходились во мнении, что он играл роль дворца для длинной цепочки вождей куантекстилов. Так или нет, он решил проблему размещения групп, которые «700 чудес света, инкорпорейтед» стали привозить чуть ли не раньше, чем жнецы смогли обосноваться в своих новых домах. За одну ночь она превратилась в гостиницу «Большое дерево».

Размещение туристов было чем угодно, только не альтруистическим жестом со стороны жнецов. Официально передав кооперативу деревню с прилегающей территорией, ДГЗ поставил строжайшее условие: что дерево остается доступным для публики в любое время, а любому путешественнику, пожелавшего его увидеть, предоставляется временное жилье. Тем не менее у этой удручающей картины была и светлая сторона: ДГЗ не потрудился установить потолок цен на такие удобства, и обиду и негодование жнецов из-за посягательств на их частную жизнь отчасти смягчала возможность драть с экскурсантов «700 чудес» бешеные деньги за каждый квадратный дюйм жилого пространства, которое те занимали во время своего визита.

Теперь, конечно, никаких экскурсантов. Временное закрытие деревни для туристов стало неизбежным следствие того, что ДГЗ одобрил требование Коопа убрать дерево. Вероятно, экскурсантов больше никогда не будет, размышляла Мэтьюз, усаживаясь за центральный стол в столовой гостиницы. Сама по себе деревня тоже была достопримечательностью, однако дерево притягивало

их как магнит, и когда его не станет, то вряд ли кто-то станет добираться в дальнюю даль, на Равнины, только ради того, чтобы взглянуть на дома, какими они великолепные.

Опять вернулось ощущение пустоты, заметила она, перекладывая нож и вилку на «подтарелочной» салфетке. В течение дня, в круговерти дел, пустота отступала, но теперь, когда день завершался и Мэтьюз предстояли только ужин и постель, она вернулась. Мэтьюз попыталась занять свое внимание столовой. Как и у гостиницы, ее нынешняя функция не совпадала с исходным предназначением, однако она великолепно соответствовала потребностям, к которым ее приспособил кооператив. Кроме Вестермейера, Блюская, Пика, Стронга и ее самой, в столовой никого не было, хотя она вместила бы и полсотни ужинающих. В двух меньших комнатах, примыкающих к столовой, жнецы разместили соответственно бар и кухню, однако в самой столовой ограничились установкой столов и стульев. Мэтьюз нигде не увидела ни намека на гниение, заметное в некоторых домах. Пол незаметно переходил в стены, а стены — в потолок, оттенок и текстура дерева были такими четко различимыми и богатыми, словно гостиницу построили только вчера. От стен и потолка кое-где исходил мягкий, но сияющий свет, и эти их участки были очерчены исключительно самим светом. Дверными проемами служили вычурные арки, казавшиеся скорее углублениями в стенах, чем разрывами в них. На одной из стен висело огромное зеркало, и отражение в нем было словно бы живее оригинала; на противоположной стене большое прямоугольное окно с одним цельным стеклом, настолько прозрачным, что, казалось, его вообще не существовало, выходило на окутанную сумерками площадь. Пол был темный, из дерева, похожего на красное, при виде стен тотчас вспоминался орех, потолок же напоминал белый дуб.

Однако эта роскошная комната не могла наполнить Мэтьюз чувствами — пустота оставалась. Она появилась со смертью ее мужа, но его кончина кристаллизовала, а не породила ее. Это была та пустота, которая приходит вместе с осознанием, что ваша жизнь пуста, и она все равно пришла бы, умер бы муж Мэтьюз или нет. Даже будь у них дети, пустота нагрянула бы. Хотя Мэтьюз и не знала об этом, ее жизнь стала пустой задолго до смерти мужа. Пустота возникла в то утро, когда Мэтьюз посмотрела на акварель, написанную днем раньше, и с внезапной ужасной отчетливостью поняла, что это — работа любителя, который всегда будет любителем, что это вовсе не искусство, поскольку

она сама чужда искусству, и все это только претензии и самообман. Тогда она сумела справиться с этим открытием. Тогда она не понимала, что эти ее занятия вселись к созданию психологической «кубышки» на черный день, которая позволит ей бестревожно прожить свои последние годы. До смерти мужа она не сознавала, что бедна и что единственным ее капиталом были юность и красота, и что ее «искусство» оказалось поспешно найденным суррогатом, заполняющим пустоту, возникшую после того, как они ушли.

Светловолосая официантка с молочно-белой кожей начала подавать еду. Вестермейер представил ее, как Катерину Вандерзее, и с вполне понятной горечью заметил, что она — одна из дюжины жнецов со степенью бакалавра, которыми кооперативу пришлось бросить на алтарь санкционированного ДГЗ туризма. Ужин состоял из первоклассного мяса на ребрышках, картофеля, запеченного в сухарях и тертом сыре, кукурузы в початках, зеленого салата с огурцами и помидорами, хлеба, а на десерт — слоеного торта с начинкой из земляники, украшенного взбитыми сливками. Вся еда, за исключением хлеба и бисквита для торта, была изготовлена из местных продуктов, а мясо доставлено воздушным путем откуда-то с Равнин. Два земных года, проведенные на этой планете, жнецы занимались исключительно выращиванием пшеницы. В конце концов, из-за нее они здесь и обосновались. Скромная мельница, перерабатывавшая малую часть каждого урожая, обеспечивала мукой все их потребности в выпечке, но в прочих отношениях они зависели от других колоний на Равнинах. Хлеб для них был их гордостью и радостью. Они ничего более не производили, только пшеницу, но у их зерна был вкус витаминизированного хлеба. Вестермейер утверждал, что его питательные качества таковы, что человек может прожить, питаясь одним лишь хлебом.

На Мэтьюз его слова не произвели впечатления.

— Можно где угодно жить на одном хлебе, — заметила она.

— Но не везде — на *натуральном*.

— Разве вы не обогащаете муку?

Вестермейер отрицательно покачал головой.

— Мы ни черта не добавляем! Мне кажется, — продолжал он, — что вы путаете *наш* хлеб с обычным. Пшеница, которую выращиваем *мы*, не имеет аналогов в Новой Америке. Мы выращиваем два урожая в год, частично благодаря почве, но главным образом благодаря климату Равнин и полусолнечной орбите. По-

левая группа из «БотаниКо», прибывшая на Равнины, обнаружила, что пшеница произрастает здесь сама, без ухода, но только в Канзасии и ее ближайших окрестностях — больше она нигде не растет. На первый взгляд она похожа на *Triticum compactum,* земную разновидность, которую Триумвират весьма успешно выращивает на других «дочерних» планетах, но это вовсе не *Triticum compactum*. Она содержит все необходимое для поддержания человеческой жизни. Вот почему Триумвират доставил сюда и субсидирует нашу деревню и других канзассийских колонистов, чтобы мы выращивали ее и оценивали возможность однажды высадить ее на других посевных площадях — и здесь, и на других планетах. Один каравай нашего хлеба в день, — заключил Вестермейер, — дает человеку все необходимое для того, чтобы жить столько, сколько он сочтет нужным.

— Жить на одном хлебе... — задумчиво сказал Стронг. — В этом нет ничего нового. Помнится, я читал книгу Алессандро Мандзони, «Обрученные». Это исторический роман из жизни Италии семнадцатого века. В нем крестьяне питались почти одним только хлебом. Жили на одном хлебе, так сказать.

— Вы говорите о придуманных людях, — сказал Вестермейер.

— Разумеется, однако их прототипами были люди реальные. У них была каша-размазня, которую они делали из кипятка и муки. Она называлась *potenta.* Полагаю, они ели ее, чтобы разнообразить монотонное питание хлебом.

Стронг внезапно осознал, что все присутствующие внимательно смотрят на него, даже Катерина, стоявшая рядом; он перестал говорить и опустил взгляд в тарелку.

Мэтьюз заметила его замешательство. Бедняга Том, подумала она. А вслух произнесла:

— Как насчет куантекстилов, доктор Вестермейер? Неужели *они* питались одним лишь хлебом?

— Судя по заверениям «АнтропоКо», именно так. И, смею сказать, прожили долгие жизни. Кроме последнего поколения.

— Почему это поколение мигрировало на север и покончило с собой в Пещерах Смерти?

— Точно никто не знает.

— Может, у них кончился хлеб? — предположил Блюскай.

— Возможно. Вот что я вам скажу, — продолжил Вестермейер, — подобные теории превосходно работают в приложении к куантекстилам, которые жили в других деревнях, и потому их

придерживается «АнтропоКо», но они терпят полный крах в приложении к куантекстилам, которые проживали в *этой* деревне. *Их* пшеницу не уничтожила гниль. *Они* не столкнулись с голодом. Почему же *они* сбежали и покончили с собой?

— Именно об этом мы и спрашиваем, — сказал Блюскай.

— И эта гниль, убившая пшеницу, уничтожила и деревья? — спросила Мэтьюз.

— Так утверждает «БотаниКо».

— Но Канзасия и это дерево уцелели... Интересно, почему?

— «БотаниКо» тоже хотелось бы это узнать, — сказал Вестермейер.

— Возможно, это была не гниль, а что-нибудь еще.

— Чушь! Это наверняка была какая-то гниль. Что, кроме болезней растений, способно погубить растительность на половине континента?

Вестермейер извинился, встал и отправился в «винный погреб» за литром вина. Погребом называли небольшую кладовую сразу за кухней. В гостинице не было настоящего погреба; не было погребов и в остальных домах деревни. Судя по всему, куантекстилы не верили в погреба или никогда о них не слышали. Катерина расставила бокалы и вернулась на свое место на пороге кухни. Стронгу показалось, что она смотрит на него, и он поглядел туда, где она стояла, как раз тогда, когда она отвела взгляд. Сидевший рядом с ним Пик заметил, что торт в здешнем исполнении — отличный. Стронг не обратил на него внимания. Вино, которое принес Вестермейер, оказалось насыщенного ярко-алого цвета. «С виноградников *Planete Paisible*»[1], заметил он, разливая вино по бокалам. Стронг перевернул свой бокал вверх дном. Он давно уже не притрагивался к вину. Даже к такому мягкому столовому. Когда-то очень давно он пил вино с Мэри Мускатель, но в один прекрасный день разорвал эту связь и с тех пор чурался всего, что было с ней связано.

После возвращения Вестермейера разговор медленно перешел к команде три-ви, которую ждали на следующее утро. Вино привело Вестермейера в веселое настроение.

— Вы станете звездой три-ви, мистер Стронг, — сказал он.

— Только если они не полезут к дереву, — отозвался тот.

---

[1] Мирная планета.

— Полезут. Они хотят взять у вас интервью во время работы.

Стронг взглянул на Мэтьюз.

— Мэтти, вы же не позволите им взобраться на дерево, а? Вдруг они пострадают? Они затаскают вас по судам, а ваша страховая компания будет смеяться, и только.

— Нет, если они подпишут отказ предъявлять претензии.

— Гоните их из деревни!

— Они уже получили допуск у ДГЗ. — Она опять посмотрела на Стронга. Нежно. Из трех человек ее бригады Стронг нравился ей больше всех. На втором месте был Блюскай; Пик ей совсем не нравился. Тем не менее именно с Пиком запертая в теле этой старухи двадцатипятилетняя девушка легла бы в постель. — Том, ты же знаешь, что это за люди. Если я встану у них на дороге, они пройдут прямо по мне.

— На дереве они мне не нужны!

— Том, давай пока оставим этот разговор. Может быть, увидев дерево, они забудут о крупных планах. Иди спать. Отдохни. Тебе не скоро выпадет новая возможность выспаться в настоящей постели.

— Разумеется, — согласился Стронг.

— А меня кое-что озадачивает, — произнес Вестермейер, обращаясь к Мэтьюз. — Вам явно не хватает рабочей силы, чтобы отправлять на дерево больше одного человека, и вы с мистером Стронгом уже объяснили, как выбираете этого человека. Но зачем ему оставаться на дереве до тех пор, пока оно не рухнет? Почему ему обязательно надо оставаться в кроне, ночевать там вместе с птицами?

— Моя страховка обеспечивает тройную компенсацию тому, кто занят непосредственно работой. Этот пункт вступает в силу в ту минуту, когда он начинает рубить дерево, и действует до тех пор, пока он не закончит, но в качестве особого условия оговаривается, что все это время он остается на дереве. Обычно это не представляет большой проблемы. Лишь очень редко мы сталкивались с работами, которые занимали больше суток. На самое большое дерево, которое мы срубили, ушло всего два дня. Для этого дерева по нашим расчетам потребуется четыре дня, но даже если так, Том проведет на нем всего три ночи, к тому же у него на дереве будут специальная палатка и портативный бивачный костер, чтобы греться. — Она подмигнула Стронгу. — А если повезет, то дриада составит ему компанию.

— А как же, — согласился Стронг.

— Что ж, — промолвил Вестермейер, — похоже, теперь первая буква вашего второго имени «Д», мистер Стронг, и это «Д» означает «Дерево».

Стронг поднялся, чтобы уйти.

— Да, похоже.

Блюскай дважды опустошил свой бокал. Сейчас он доливал себе остатки вина.

— А мое второе имя начинается на «П», — сказал он. — Что означает «Пьяница».

Комната Стронга находилась на третьем, последнем, этаже. Его единственное окно выходило на площадь и смотрело прямо на ствол дерева, и когда бы в течение дня Стронг ни выглядывал в него, его подавляла огромность Дерева, и сколько бы он ни смотрел, все равно каждый раз сначала принимал его за темную выпуклую скалу. Ночью, глядя в окно, он не видел ствола до тех пор, пока глаза не привыкнут к темноте, поскольку ни звездный, ни лунный свет не проникали на площадь, и тамошнюю темноту едва можно было отличить от темноты этого ствола.

В течение дня, за исключением раннего утра и раннего вечера, создавалось впечатление, что свет под деревом зеленым; возможно, так и было; возможно, зелень кроны и зелень травы совместно изгоняли истинный дневной свет. Глядя из окна номера, он нельзя было видеть крону или нижние ветви. Только лежа спиной на подоконнике, свесив голову снаружи, можно было вглядеться в листья и ветви. Лежа так, вы могли смотреть прямо на гигантскую ветку, ответвления которой порождали вспышку зелени, поблескивавшую на солнце высоко над крышей гостиницы.

Вчера, впервые войдя в номер, Стронг открыл окно — и с тех пор не закрывал. Ему нравился запах, пусть даже тот подчеркивал угнетающее всемогущество дерева. С запахом зелени смешивался аромат цветов дерева, похожий на благоухание сирени. Он не знал, какого они цвета и на что похожи, но их аромат напоминал ему, что на дворе весна, и дерево казалось менее враждебным.

Хотя часть деревни была нежилой, во всех домах горели огни. Огни загорались ночью независимо от того, был кто-то дома или нет, и горели до рассвета; если день выдавался солнечный, они гасли, однако если день был серый, они тускнели, но оставались гореть. Жнецы так и не сумели обнаружить их источник, не говоря уж о том, чтобы разобраться, как их выключают, поэтому

установили съемные ставни, чтобы закрывать свет, когда ложились спать.

Свет в номере Стронга с прошлой ночи не открывали, но ставни пропускали достаточно, чтобы раздеться и найти кровать, и его это вполне устраивало. Кровать была встроенной, как и каплевидный столик возле нее. Казалось, столик вырастает прямо из пола; кровать же выглядела садовой клумбой, цветы на которой принадлежали к той двумерной разновидности, что произрастает на стеганых одеялах. Стронгу, скользнувшему между чистыми простынями, цветы показались пятнами. Он лежал в полутьме, думая о Мэриджейн. Ему не хотелось думать о ней, но он понимал, что в противном случае начнет думать о дереве, и еще понимал, что если станет думать о дереве, то не уснет. Поэтому он думал о Мэриджейн и горном склоне Одуванчика, где они жили вместе, и о прозрачном, холодном ручье, и о пенном водопаде, и о горных долинах. И там, куда ни посмотри, не было ни единого дерева. Однако мысли о Мэриджейн оказались ошибкой, поскольку, сам того не желая, он вспомнил эту идиллию вплоть до ее мучительного завершения, и от этого разом проснулся. Он лежал, не в силах заснуть, прислушиваясь к шагам в коридоре — остальные постояльцы отправлялись спать. Спустя долгое время он снова услышал шаги. Мягкие, тихие. Шаги приостановились. Вдруг он вспомнил взгляд Катерины, который едва не перехватил. Неужели это ее шаги? Он встал, подошел к двери и открыл ее. Вышел в коридор. И успел заметить, как Катерина шмыгнула в соседнюю комнату. К Пику. Он прокрался обратно в свою кровать. Лег, и его чуть не вырвало. Она смотрела на Пика, не на него. Все они всегда смотрят на Пика. Неужели он никогда не усвоит эту простую истину? Что ж, вероятно, теперь он сможет заснуть. Притворится Пиком — вот что он сделает. Они с Пиком выросли вместе в Новом Фриско. Он, Пик и братья Пика. Ладно, подумал он, я — Пик, и Катерина лежит тут, рядом со мной. Да, рядом со мной... Он почувствовал, что засыпает. Ладно! Ладно! Буду спать! И пошли они все в пень! Кроме Мэтти. Но, держу пари, она тоже спала бы с Пиком, будь помоложе. Может быть, и не обязательно моложе. Может быть...

Когда Вестермейер шел домой, на деревенских улицах было пусто. Он жил в той части деревни, которую колонистам не пришлось освобождать ради путешественников. У него был автомобиль

на воздушной подушке, но он редко пользовался им в деревне. Только чтобы отправиться за покупками — или для чего-нибудь в таком роде. В остальное время в поселке он ходил пешком.

После того как он вышел из-под дерева, его путь освещали уличные фонари. Источник этого света не был загадкой: фонари горели благодаря бензогенератору, стоявшему в большом рукотворном ангаре на краю деревни. В конце концов такие фонари будут освещать и площадь, но не раньше, чем исчезнет дерево. Площадь без этого отвратительного чудовищного ствола, растущего из нее, станет идеальным парком. Кстати, надо избавиться и от этой чертовой птичьей купальни!

Придя домой, он по заслоненным ставнями огням понял, что жена уже легла спать. У них было двое сыновей: один учительствовал на Ариадне (у них с женой была дочь), старший же, астронавт, работал на рейсах «Чодз-Империал». Он до сих пор не женился. Вестермейер прошел через дом и вышел через черный ход. Ему хотелось еще раз проверить зону гнили, посмотреть, стало ли там хуже с тех пор, как он осматривал утром. Проходя через кухню, он прихватил фонарь и теперь осветил стену возле ступеней черного крыльца. Возможно, этот участок не стал хуже, чем утром, однако при искусственном свете выглядел хуже. Обширный неровный участок гниющего дерева размером с крышку багажника его автомобиля на воздушной подушке.

Беда была в том, что невозможно ничего исправить. Нет, секцию можно снять и заменить — это нелегко, но возможно, — но какой бы древесиной он ни заменит эту, она не будет так же сиять, и совершенство его жилища пострадает. Конечно, он может закрыть замененную часть... но что если, после того как он уберет сгнившую часть и заменит ее, дерево продолжит гнить?

Нет, разумеется, этого не будет, если дерево уберут. И гниение других домов тоже остановится. Дерево — вот настоящий корень зла. Его дом стоял к востоку от дерева и вскоре после полудня оказывался в тени на весь остаток дня. Дома на западе оставались в тени все утро. Те, что на севере, тоже накрывала тень, бóльшую часть года. Дома на юге... что ж, на них целый год лился солнечный свет, кроме дней, когда лил дождь или шел снег. Благодаря наклону оси Равнин. Но даже из них некоторые начали гнить. Создавалось впечатление, что деревня подцепила какую-то болезнь.

«Черт подери, болезнь!» — подумал Вестермейер. Он повернулся лицом к дереву. Оно закрывало полнеба. Оно стояло в све-

те звезд и луны, ибо Пенелопа — первая из лун Равнин — уже прошла половину пути вверх по восточному небу. Он погрозил дереву кулаком.

— Черт бы тебя подрал! — прошептал он. — Черт бы подрал тебя и твою адскую тень! Надеюсь, ты сгниешь в аду!!!!!

2

Yggdrasill astralis
Высота: 1041′
Максимальная толщина: 48′
Листья: 4″–6″ длины и 4″–6″ ширины, 4-5-дольчатые с широко расставленными острыми зубчиками, темно-зеленого цвета

Пик остановил аэротягач прямо над центром зеленого облака древесной кроны и включил «небесный крюк». Тот высоко вознесся в вангоговскую синеву утреннего неба и раскрыл свое невидимое поле-зонтик, закрепив таким образом аэротягач на доброй квадратной миле воздуха. Стронг, изо всех сил подавляя свою акрофобию[1], зашел в транспортировочный мешок, уже присоединенный Блюскаем к тросу лебедки, и Блюскай, управляя лебедкой, опустил его на дерево.

Спуск Стронга под этот зеленый шатер был встречен синим фонтаном вспугнутых птиц-хохотушек. Это были длиннотелые лоснящиеся птицы с крошечными золотистыми глазами, их обширный размах крыльев говорил о том, что они способны покрывать огромные расстояния за один перелет. Большинство их уже улетело с дерева. Те, кого потревожило появление Стронга, дважды облетели ветви и снова скрылись в густой зелени, но чуть ниже.

Блюскай продолжал опускать мешок. Стронг произнес в крошечный передатчик у губ:

— Медленнее, Оуэн. Там древесины больше, чем в целой тайге.

Эта гипербола, хотя и справедливая, была неподходящей. В тайге росли хвойные деревья, а это дерево было лиственным. «БотаниКо» долго копалось в скандинавской мифологии и зары-

[1] Боязнь высоты.

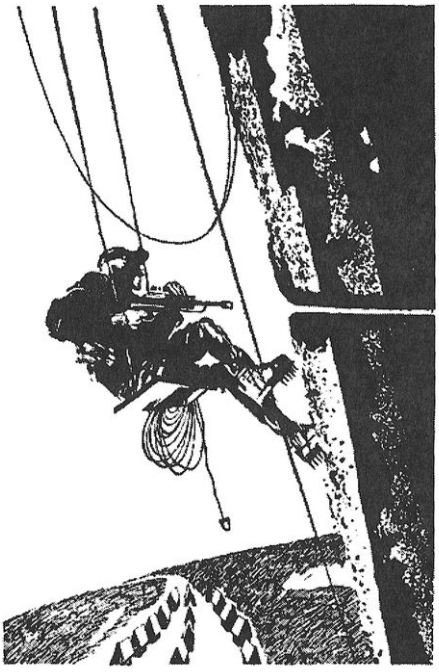
лось глубоко, чтобы отыскать название для дерева и его мертвых сотоварищей. Иггдрасиль. Однако это название тоже было неподходящим: создатели Иггдрасиля представляли его себе вечнозеленым ясенем. Здешнее дерево, несмотря на его массивность, листьями больше напоминало обычный земной клен. Стронга изумило, какие они маленькие. С земли листья было не различить, и он принимал их размер пропорционально размерам дерева. Это оказалось не так. Самые большие были меньше его кистей и немногим шире. Рассматривая листья, он увидел первый цветок. Тот походил на весенний лесной анемон — крошечный, изящный, алый.

Его акрофобия смягчилась, пока он спускался все глубже в гущу листвы. Иногда он завидовал Блюскаю, который совершенно не боялся высоты. Подобно его предкам-ирокезам, он родился бесстрашным. Пик тоже не боялся высоты, а если и боялся, то никогда не выдавал этого. Но ведь и Стронг никогда не показывал своего страха. Но он был, и, когда Стронг начинал рубить дерево, ему всегда приходилось бороться с ним, а на этом дереве ему предстояло бороться с ним четыре дня кряду. Будучи дровосеком, он боролся с этим страхом годами. Если добавить сюда его мальчишеские годы и годы возмужания, он боролся со страхом даже дольше. Мальчишкой и молодым человеком он нарочно взбирался на деревья, назло своей акрофобии. В те дни он творил всевозможные безрассудства, лишь бы доказать, что ничего не боится — и все это время боялся. В школе, чтобы приобрести уверенность в себе, он занимался борьбой и даже получил разряд в своей весовой категории — полутяжелый вес, — а по прошествии двух лет заслужил этим стипендию. Его отец посмеялся над ним и сказал:

— Черт, да если ты даже поборешь свою тень, то по-прежнему будешь ее дико бояться!

Однако отец ошибался. Его пугала не тень, а он сам. То есть его вечное сомнение, что он не может сделать то или иное, как следует.

Он миновал первую главную развилку. Она обеспечивала дереву две верхушки, которые придется снимать по отдельности. Он продолжал спускаться. Ему приходилось отводить рукой некоторые ветви, и спускаться делалось все труднее, поскольку ветви постепенно становились толще в обхвате. Он задумался о нижних ветвях. Те походили на горизонтально растущие секвойи.

В крошечном приемнике, прилаженном к левому уху Стронга, раздался голос Блюская:

— Как там внизу, а, Том?

— Прохладно, — ответил в передатчик Стронг.

Да, было *прохладно.* Отчасти потому, что сюда не проникали солнечные лучи, поскольку он находился на дереве очень низко; а главным образом из-за испарений дерева. Прохладно и зелено. Но не тихо. Спускаясь, он постоянно тревожил стаи птиц-хохотушек, и они то и дело улетали подальше от чужака. Выкрики, давшие им название («ОрнитиКо» отчаялся подыскать более подходящее), казались слушателям унизительными, но, по правде говоря, птицы вряд ли подозревали, что их слушают. Многие птицы, которых он видел, едва могли летать. Неоперившиеся птенцы. Гнезда, покинутые совсем недавно, были повсюду. Птицы, улетевшие с дерева на поля (как он предполагал), были охотниками и охотницами. Никто, даже «ОрнитоКо», чьи исследования были прекращены, когда здесь водворился кооператив, не знал, чем эти птицы кормятся и какая от них польза. И никого это не волновало.

Когда Стронг прикинул, что проделал треть пути вниз, он велел Блюскаю застопорить лебедку. Потом растянул мешок, закрепив его специальными зажимами на ветви, достаточно широкий, чтобы устроить там стоянку. Открыв мешок, он вытащил седельную веревку и перекинул ее через плечо. Легкая лучерезка, трос безопасности и походный ранец уже были прикреплены к ремню. Перед тем как покинуть аэротягач, он прицепил к сапогам длинные шпоры. Сунув левую ногу в крюк, который прежде держал мешок, и обхватив левой рукой трос лебедки, он сказал в передатчик: «Вверх, Оуэн», — и начал обратный путь.

Обратный путь всегда кажется короче дороги туда. Это верно в отношении вертикали так же, как в отношении горизонтальных расстояний. Однако сейчас Стронгу так не казалось. Едва начался подъем, как в левом ухе Стронга зазвучал голос Мэтьюз:

— Том?.. Это Мэтьюз. Я все проспала. Все хорошо?

— Все отлично, Мэтти.

Она звонила из гостиничной столовой, где установила свои экраны. Экранов насчитывалось три, каждый настроен на одну из камер аэротягача, и хотя она могла, как Пик и Блюскай, видеть верхушку дерева, она не видела, что делается в кроне.

— Черт, надо же было проспать именно сегодня! — сетовала она.

— Я на пути к первой зарубке.

— Превосходно. Держи меня в курсе.

— Обязательно.

Стронг сосредоточился на окружавших его видах и запахах. Он любовался зелеными вспышками листьев и вдыхал аромат алых цветов дерева. Он смотрел на сложные арабески солнечного света. Ему приходилось отталкивать ногой одни ветки и отводить рукой другие. Наконец он добрался до «открытого места» и, воспользовавшись дозволенной ему свободой, закурил сигарету. Когда он закурил, его взгляд коснулся шапки листвы высоко над головой, и он увидел то, что принял за дриаду.

Для древорубов дриады были тем же, чем когда-то, давным-давно русалки для моряков — мифом, над которым все потешались, но при этом каждый, если ему выпало быть древорубом, втайне надеялся, что это правда. Эта шутка ходила по свету, избавляя от одиночества, а порой и отчаяния. Подобных существ

нет, я в них не верю, уговаривали вы себя, чертовски хорошо понимая, что на какое бы дерево на какой планете ты ни взобрался или — леди-эльф неземной красоты не поманит из будуара с увитой листьями решеткой, подзадоривая: ну, иди сюда, иди, и я буду твоя! Вы постоянно твердили себе, что этого не будет, и постоянно надеялись, что в один прекрасный день это все же случится.

Особенно если ты такой древоруб, как Стронг.

Он, Блюскай и Пик перебрасывались шутками на эту тему (а Мэтьюз иногда вставляла иронические замечания) весь рейс от Чодза, где они вырубили рощу хищных деревьев *курра*, до Равнин. Трое мужчин убеждали друг друга, что на пятой планете Гэндзи на последнем Иггдрасиле должна жить по меньшей мере *одна* дриада. И как же шикарно проведет время тот, кто вытянет длинную травинку, после того как поймает ее.

Что ж, подумал Стронг. Ты ее увидел. Теперь посмотрим, сможешь ли ее поймать.

Это были крайне мимолетные впечатления — намек на изгибы и цвет, видимость копны солнечно-золотистых волос, и, когда образ на его сетчатке поблек, убеждение, что он что-то видел, истаяло в его сознании. К тому времени как трос лебедки доставил его в шатер из листьев, где, как ему казалось, она только что была, он уже не сомневался, что ее там не будет. Ее и не было.

Он заметил, как руки у него дрожат и сигарета выпала из пальцев. И страшно рассердился на себя. Шутить насчет дриад — одно, и совершенно другое — принять озорную игру солнечного света на листьях и ветвях за ее появление. Неужели бегство от Мэриджейн было бегством от всего света? И он до сих пор настолько поглощен этим, что не может отличить иллюзию от реальности?

В гневе он выкинул дриаду из головы и сосредоточился на подъеме.

Затем, почти у самой верхушки, он увидел ее снова.

Казалось, она прислонилась к стволу, обвивая длинными ногами ветвь, на которой он только что побывал. Призрачная фигура, смутное пятно лица, солнечные волосы. Во время спуска и подъема он переместился на значительное расстояние от ствола, но ее не могло отделять от него больше двадцати футов.

Он закрыл глаза, потом открыл. Она по-прежнему оставалась там. Он произнес в передатчик:

— Стопори.

Когда лебедка остановилась, он слез с крюка и пошел к ней по ветви, на которой она сидела, начисто забыв об акрофобии. Она не шелохнулась. И снова он закрыл и открыл глаза. Она попрежнему стояла там, привалившись спиной к стволу, ее длинные ноги косо нисходили к ветке; неподвижная, похожая на статую. На ней была короткая туника, сплетенная из листьев этого же дерева. Сандалии, тоже из листьев, оплетали ее ноги до середины икр. Солнечные волосы ниспадали на плечи. Черты лица были мелкие, но не эльфийские. Глаза — ярко-синие. Она была потрясающе красива. Пожалуй, красивее женщины он не видел за всю свою жизнь.

Теперь он был так близко к ней, что мог бы, протянув руку, коснуться ее. И он начал протягивать руку... но она в мгновение ока исчезла.

Словно мигнуло изображение. Другого слова было не подобрать. Она не ушла, не убежала, не улетела. Даже не исчезла в точном смысле этого слова. Она просто мигнула и пропала.

— Эй, Том, у тебя внизу все в порядке? — раздался голос Блюская.

Стронг вытащил носовой платок и вытер лицо. Потом шагнул назад. И еще раз, балансируя на ветке без сознательного усилия. Дриада не материализовывалась. Там, где она стояла, осталась маленькая кучка листьев, пятно утреннего солнца.

— Том?

— Все отлично, Оуэн. Провожу небольшую разведку.

— Как она выглядит?

— Она... — Стронг вовремя осознал, что Блюскай имел в виду ветку. Он снова вытер лицо, скомкал платок и сунул его обратно в задний карман. — Большая, — ответил он. Затем повернулся и, преодолев оставшееся расстояние до троса лебедки, снова закрепил левую ногу, потом обвил тросом левую руку и сказал: — Готов к подъему, Оуэн.

Его еще трясло, когда он добрался до верхушки, которую покинул, казалось, и недавно и давно. Хотя здесь были две верхушки, он не видел второй — ее загораживали густая листва и ветки. Он слез с крюка и закрепился в верхней развилке — или по крайней мере самой высокой, какая выдерживала его вес, — и, пока Блюскай убирал трос и присобачивал щипцы, посмотрел через

просветы в листве и ветвях на ту часть ландшафта Равнин, которая была ему видна, в надежде перенаправить мысли в более безопасное русло.

Он не увидел ни одно из других деревьев — мертвые, они, как часовые, по-прежнему высились посреди открытых мест, напоминающих котловины пустошей — да и не ожидал, что увидит. Ближайшее стояло по меньшей мере в трехстах милях отсюда. Он помнил их — какими крошечными они казались на обзорных экранах шаттла во время приземления: голые прутики, стоящие точно мертвые часовые под солнцем Гэндзи. Всего их было двенадцать, если он правильно помнил: двенадцать призраков, охраняющих пришедшие в упадок деревни, неразличимые на обзорных экранах. Он даже не знал бы об этих деревнях, если бы не прочитал часть справочника по Равнинам, касающуюся Новой Америки.

Гниль?

Возможно. Но какая гниль могла сожрать и пшеницу, и дома, и деревья?

Пшеница Равнин — еще точнее новоамериканская пшеница — казалась темным золотом. Поэтому пшеничные поля вокруг Большого Дерева походили на темно-золотое море. На темно-золотое море, покрывавшееся рябью под мягким дуновением утреннего бриза; море, у которого, казалось, не было дальнего берега. Эффект котловины, обнаруженный планетологами, чрезвычайно слабый, невооруженным глазом заметен не был; его смогли зарегистрировать лишь специальные приборы. Поэтому море, на которое Стронг смотрел с дерева, казалось гладью, простиравшейся насколько хватал глаз. Это было не море, в котором можно утонуть, но море, в котором легко потеряться, когда колосья пшеницы достигнут спелости и станут выше человеческого роста. Пока они еще не созрели, но это должно произойти через два месяца. Тогда жнецы соберут свой первый в этом году урожай.

Угол зрения Стронга был таков, что нижние ветви дерева закрывали все, кроме самых крайних домов деревни. Деревня была невелика. Среди покинутых куантекстилами деревень не было больших. Постройки повсюду были одинаковые. С трудом верилось, что подобные деревни возвели простые смертные. Словно бы когда-то в небе Равнин появился древний языческий бог, изрек: «Да будут дома!» — и дома появились. И словно бы впоследствии тот же самый бог, обиженный поведением своих чад и,

вероятно, завидуя им, потому что дома, которые он создал, стали бессмертными, как и он, явился еще раз и повелел: «Пусть посреди деревень вырастут большие деревья, так, чтобы дома, сделанные мною, сгнили в их тени и от их испарений!»

Очевидно, так и случилось.

И ветер, местный чинук, который дал жнецам возможность сеять раннюю пшеницу, пронесся по долине с запада и взъерошил редеющие волосы Стронга. Его угол зрения позволял ему увидеть большие сараи (один из них частично опустошили, чтобы поставить там аэротягач), где хранилась часть канзассийской посевной и уборочной техники. В других таких же сараях, разбросанных по остальной территории, хранилась такая же техника, однако ближайший находился за горизонтом. Рядом с местными сараями возвышался новехонький сжигатель мусора и нечистот, которым жнецы заменили мусоросжигатель, построенный куантекстилами. Еще Стронг видел новый крематорий. (Крематорий куантекстилов, сказал Вестермейер, оскорблял взор; крематорий жнецов слегка напоминал Парфенон.) Листва дерева скрывала новую лесопилку, которую жнецы построили для переработки поступающей древесине, и закрывала тенью далекие элеваторы, где пшеница хранилась до отправки.

Щипцы-захват были на пути вниз — меньшие из трех, но вовсе не маленькие. Они висели на полпути между аэротягачом и верхушкой дерева, когда Мэтьюз в наушнике сказала:

— На сегодня все, парни, — спускайтесь. Ты тоже, Том. Оставь свое снаряжение на дереве.

— В чем дело? — спросил Пик.

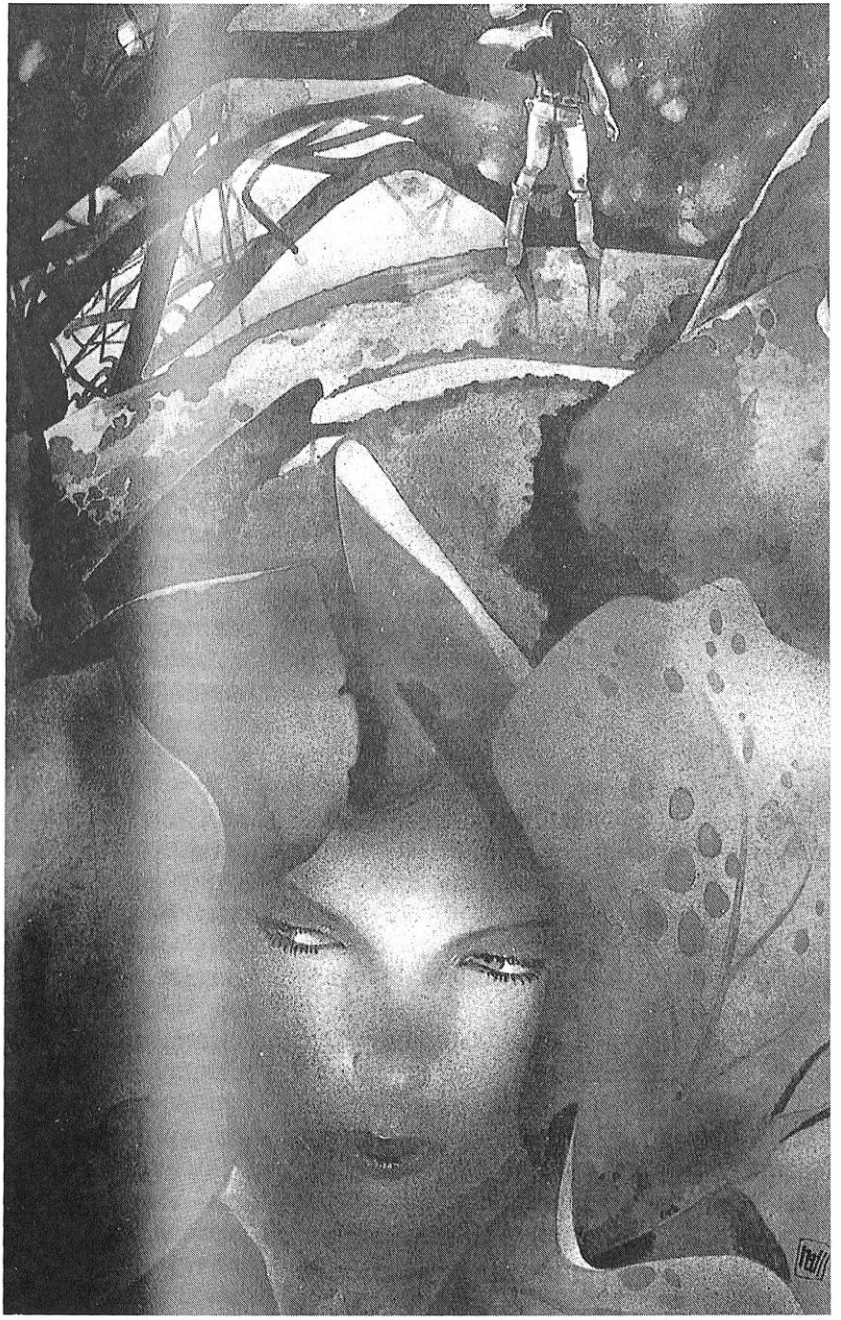
— Судебный запрет. «700 чудес» добились того, что Гелиспортский суд приказал остановить вырубку. Вестермейер только что сообщил мне об этом. Однако добавил, что этот запрет сегодня вечером будет аннулирован, и утром мы сможем начать все заново. Том?

— Слушаю, Мэтти.

— У меня есть для тебя кое-какие новости... может, интересные, а может, нет. Но я лучше скажу. Помнишь девушку с три-ви, с которой ты гулял на Одуванчике?

— Помню. — Мэтьюз не было нужды рассказывать дальше. Стронг знал, что за этим последует. И почувствовал себя скверно.

— В общем, она тоже получила назначение сюда. Только что прибыла сюда с двумя операторами. Это не те операторы, что были вместе с ней на Одуванчике. Какие-то новые.

— Ох, — вздохнул Стронг.
— Я подумала, ты должен знать.
— Спасибо, Мэтти.

Мэтьюз положила свой передатчик напротив центрального три-ви-экрана. Ей не хотелось огорчать Стронга, но кто-то должен же был ему сказать, так почему не она?

У Стронга был пунктик насчет Мэриджейн.

Вероятно, он по-прежнему души в ней не чаял.

Она точно не знала, что там между ними, однако, зная Тома, догадывалась. К нему женщины вроде Мэриджейн поступали в больших рождественских упаковках. Неважно, сколько раз вы разворачиваете их и обнаруживаете, что содержимое взято в комиссионном магазине, на первый взгляд вас всегда ослепляет их блеск.

Узнав, что день будет выходной, Мэриджейн и два ее товарища поднялись в свои номера, и весь нижний этаж гостиницы оказался в распоряжении Мэтьюз и Вестермейера. Сообщив свои новости, Вестермейер уселся неподалеку от нее в кресло в гостиной. Он выглядел усталым. Нет, не усталым — изможденным. Он хотел, чтобы дерево срубили, и хотел этого очень сильно. Вероятно, не сильнее, чем остальные жнецы, но по нему это было заметно. Ему следовало сейчас находиться в своем кабинете в муниципальном здании (второе по величине здание в Большом Дереве, чье первоначальное назначение никому не было известно) и заниматься делами деревни. Как глава кооператива, он исполнял обязанности мэра. Но, возможно, сейчас никаких дел не было. В любом случае Мэтьюз было ясно, что сейчас он не сделает больше, чем уже сделал.

— Что ж, — сказала она, — похоже, я поднялась напрасно.

— Мой дом гниет, — сказал Вестермейер. — Вся чертова деревня гниет. А эти болваны имеют наглость налагать судебные запреты!

Мэтьюз откинулась на спинку кресла. На работу она надевала свои обычные сапоги до середины икр, джинсовые бриджи и клетчатую рубашку. Она чувствовала себя глупо, сидя тут перед тремя пустыми экранами.

— Один день никакой роли не играет, — сказала она.

— И это замечательно! Что ж, слава богу, Триумвират на нашей стороне. Думаю, «700 чудес» не сознают, до какой степени!

— Вчера вечером вы упомянули об исследовании, проведенном жнецами, — сказала Мэтьюз. — Об исследовании с целью определить, будет ли расти ваша пшеница еще где-то. Вы добились каких-нибудь успехов, доктор Вестермейер?

Тот помедлил и покачал головой.

— Нет. Создана рабочая группа, но пока они ничего не добились.

— Но конечно же ваша пшеница может расти где угодно.

— Неужели? Если так, значит, мы пока не подобрали нужную почву. То есть, — поправился он, — нужную почву и нужный климат.

— Но, безусловно, есть по меньшей мере одна планета с такой же почвой и такими же климатическими условиями.

— Вне всяких сомнений. Но пока что мы ее не нашли, хотя у нас есть образцы почвы и метеорологические данные почти со всех планет, к которым проходят космические трассы.

— Понятно, — сказала Мэтьюз. Ей действительно было понятно, но не в том смысле, какой предполагал Вестермейер. Если пшеницу жнецов, росшую в Канзасии, вырастить в другом месте, ее цена непременно упадет. Слой тупости Триумвирата, как и большинства правительств, был непроницаем для здравого смысла. Для проведения исследования первыми оказались выбраны те, кого следовало бы выбрать в последнюю очередь.

Поскольку Вестермейер не выказывал намерения уйти, она поднялась, рискуя показаться невежливой. Ей больше не хотелось разговаривать, и по крайней мере в эту минуту ей не хотелось беседовать с политиком от науки, который на склоне лет наконец-то обнаружил, что заработает на грязи больше, чем занимаясь своей профессией.

— Надеюсь, вы извините меня, доктор, — сказала она. — Мне надо еще немного поработать, а сегодня, похоже, выдался отличный денек для этого.

— Разумеется, мисс Мэтьюз. — Он встал и прошелся с ней до двери гостиной. — Я немедленно дам вам знать, когда мы получим «добро» на возобновление работ.

Она смотрела, как он спускается со ступенек вестибюля и выходит в утро. Потом поднялась к себе в номер. Как и прочие, он был на третьем этаже, но не выходил на площадь. Его единственное окно смотрело на целый ряд задних дворов. И каких! Да, их портила садовая мебель, но не настолько, чтобы обращать на это внимание. Закрыв дверь, она смотрела и смотрела на них.

Вскоре она осознала, что сидит на кровати вместе со своей пустотой.

Она тотчас поднялась. Дела, подумала она. Займись делами! На самом деле от нее сейчас почти ничего не *требовалось*, но зато было много такого, чем бы она *могла* заняться. Она села за маленький письменный стол, который, как вся остальная мебель в номере, рос прямо из пола. Начав с суммы, которую объявила за работу с деревом, она принялась делать из нее вычеты. Сумма была значительная, однако вычеты оказались немалыми. Полет с Чодза к Равнинам (перелет с Равнин на Сканаплетон, где их ждала следующая работа, будет за счет той заявки), зарплата древорубов, оплата Стронгу по двойному тарифу, суммарный процент, который придется перечислить службе внешних налогов. Но даже после всех вычетов оставалась значительная сумма.

— Мы отлично справляемся, Блэр, — сказала она мужу, который вошел в комнату и сел в кресло, не более реальное, чем он сам. И сразу поняла: его здесь нет, — и вспомнила, что, когда он умер, она ненавидела его почти так же сильно, как пустоту, с которой он ее оставил.

Он начинал так же, как Стронг, Пик и Блюскай — древорубом. Но, в отличие от них, он не был неудачником. Компания, на которую он работал, действовала только на Земле, но он почти сразу увидел возможности этого бизнеса, если сделать его межпланетным. Озабоченность государств Земли, как бы окружающая среда не исчезла, не последовала за ними серым призраком к новым мирам, внезапно свалившимся человечеству на колени благодаря развитию трансзвездных путешествий. Отыскались тысячи, миллионы деревьев, которые требовалось убрать, и он, Блэр, владелец «ДревоКо», готов был за это взяться.

И взялся, и убирал, а два года назад скончался. И теперь его жена, Эми Мэтьюз, убирала их силами все той же троицы, которую он когда-то нанял. О, у нее были конкуренты — гораздо больше, чем у мужа когда-то, — но она все еще осуществляла его мечту.

Если уничтожение деревьев можно назвать мечтой.

Конечно, это была такая же мечта, так монополизация рынка пшеницы, которая при должных стараниях навсегда положила бы конец голоду, существовавшему и на Земле, вопреки противоположным уверениям политиков.

Она осознала, что все еще сидит в кресле, но взгляд ее сместился. Он все время возвращался к потрясающим задним дво-

рам. Она сосчитала их. Всего пять. А не подойти ли ей поближе к окну? Тогда она сумеет увидеть их больше.

— Боже, я не хочу смотреть на задворки! — вскричала она. — Моя жизнь — сама сплошные задворки!

Что же ей хотелось увидеть?

Ответ, как всегда, опустошил ее: ничего.

Она подошла к постели и легла. Ей когда-то казалось, что управление «ДревоКо» поможет. И до определенной степени оно помогало. Однако в душе у нее было пусто. Ее пустота лежала рядом с ней.

Жизнь в Большом Дереве текла небрежно и лениво, словно дерево, на которое жнецы возложили вину за упадок своих домов, не было приговорен к смерти. Хотя весть о том, что работы временно прекращены, еще не распространилась, главной причиной отсутствия интереса со стороны жнецов стало то, что Вестермейер запретил воздушное движение над деревней, пока дерева не станет, и жнецы лишились возможности наблюдать за уничтожением, которое то ли уже происходило, то ли должно было произойти в очень скором времени.

Нет, нашлись редкие любопытные, стоящие вдоль огражденного края маршрута аэротягача, отметил для себя Пик, который, оставив Стронга и Блюская, направлялся в дом Катерины, но все они ушли после того, как он несколько раз выкрикнул, что устранение дерева отложено на день. Большинство зевак были женщинами, у некоторых на руках младенцы. Между посадкой и сбором урожая большинство мужчин из кооператива коротали время, наблюдая за ростом посевов с воздушных лодок «Хаус Мейтен» и проверяя, какой ущерб причинила бури и сильный ветер. Жнецы, которых видел Пик, все были молодыми, чего и следовало ожидать, ведь ДГЗ счел молодость критерием не хуже, чем легкая рука и ясный ум, делая исключения только для таких случаев, как с Вестермейером, где требовались умение управлять людьми и опыт в области, не касающейся сельского хозяйства.

Пик знал улицу и номер дома Катерины. Он уже позвонил ей. Они с мужем разошлись вскоре после прибытия на Равнины, и тот переехал в Дорм — дом, отведенный жнецами для горстки одиноких мужчин из их группы. Такой же дом они отвели для горстки одиноких женщин, также отобранных ДГЗ, однако у Катерины, зарегистрированной на паях с мужем как владелица

дома, а теперь считавшейся его собственницей, был свой «Дорм».

«Имбирный пряник» — так Пик окрестил ее дом, когда увидел. Это было не вполне подходящее слово, однако именно оно пришло ему в голову, когда он шагал по бревенчатой дороге к парадной двери. Катерина встретила его там. Свободна до одиннадцати, сообщила она ему по телефону. В одиннадцать ей придется пойти в гостиницу. Еще не было девяти. Уйма времени. Она провела его в очаровательную гостиную, а немного погодя в спальню, не менее прелестную. «Очаровательная» было слово не из лексикона Пика. Он предпочитал «имбирный пряник».

Поскольку женщины сами обращали на Пика внимание, он относился к ним как к свиноматкам и после одной или двух встреч неизменно умудрялся найти повод для ссоры и расставания. Но пока он был не вполне готов к ссоре с Катериной. Он назначил ей свидание на этот вечер, когда она закончит подавать ужин постояльцам гостиницы. Можно было с полным правом сказать, что у Пика есть предназначение в жизни, и он нашел его очень рано.

История разрыва отношений Стронга с Мэри Мускатель была такова: однажды во время уик-энда с ней Пик сфотографировал его, когда он не видел, и потом Стронг подолгу пристально разглядывал бедного сукина сына, сидящего на крыльце гостиницы, где они останавливались на Устрашающей, вглядывался в стеклянные глаза слегка навыкате, во впалые щеки, растрепанные волосы и грязную одежду, а когда наступил новый уик-энд, даже не подошел к ней и с тех пор не общался. У Мэри Мускатель были янтарные глаза и медленная задумчивая улыбка, и, увидев ее впервые, ты думал: вот девушка, которую я искал всю жизнь, девушка, которая с радостью разделит твои мечты; и некоторое время она их разделяла, и даже помогала тебе мечтать. Но потом она становилась злой и требовательной, и начинались проблемы — не только с нею, но и с бутылками, в которых она обитала. Что же делать с этой чертовой горой бутылок? И что, Бога ради, делать с ней?

Теперь, сидя в номере, он жалел, что так резко бросил ее. Не то чтобы он не сумел довольно легко найти ее, если бы стал искать; просто, расставшись с ней так резко и бесцеремонно, он

сделал что-то с собою, что-то отсек, какую-то непонятную болезнь или рак, и из-за этого не мог теперь иметь с ней дела, даже если бы их пути случайно пересеклись. С Мэри Мускатель он решительно завязал.

Остаток дня он провел в номере. Он ушел туда сразу после того, как оставил Пика с Блюскаем в ангаре аэротягача. Он заказал обед в номер, а вечером ужин принесла ему Мэтти. Ему стало неловко, хотя она не промолвила ни слова — только поставила еду и вышла. Он коротал время, глядя в окно на дерево. Накануне вечером он думал о Мэриджейн, чтобы не думать о дереве, а теперь сосредоточился на дереве, чтобы не думать о Мэриджейн. Дерево стало меньшим из двух зол. С деревом он мог справиться, как бы его ни боялся. Но он не мог справиться с Мэриджейн. Не теперь — не тогда, когда знал, что она здесь.

Она отказывалась помогать ему. Когда он задумался о верхушке и о том, как будет ее рубить, Мэриджейн пробежала через его мысли она — голая, темные волосы танцующим шлейфом развевались за спиной. Когда он бросил случайный взгляд на окно — она сидела там, на гранитном уступе возле горного водопада, из которого только что появилась, и он вновь ощутил, как вода, стекая с ее бедер и икр, капает ему на лицо, а когда она коснулась губ, провел по ним языком и опять почувствовал призыв в каждом ее атоме.

Но по большей части ему все же удавалось сосредоточиться на дереве. Запах листьев и аромат цветов наполняли комнату, и зеленые мысли дерева просачивались в его мозг сами по себе. Однако Стронг не думал о дриаде. К этому времени он окончательно уверился, что просто вообразил себе ее. Когда бы она ни приходила ему на ум, он сосредоточивался на огромных горизонтальных «секвойях» нижних ветвей, которые ему предстояло сбросить прямо на площадь для дальнейшей распилки, поскольку они были слишком крупными даже для самого большого клещевого захвата. Дерево создавало достаточно сложностей и своей несуществующей обитательницы. Поэтому Стронг задумывался о «секвойях» всякий раз, когда, глядя на какую-нибудь из ветвей, видел ее, сидящую там в солнечном свете; иногда для разнообразия он размышлял о тысячах птиц-хохотушек, которым вскоре негде станет жить. Но стоило ему задуматься о птицах, как что-то случилось с его решимостью уничтожить дерево, вообще со всей затеей, и тогда он удивлялся, какого черта он на Равнинах сидит в маленьком гостиничном номере и глядит на дерево, против ко-

торого совершенно ничего не имеет, и не имеет никаких разумных причин его уничтожать.

После того как солнце село и площадь погрузилась во тьму, а птицы-хохотушки успокоились до утра, Стронг услышал стук в дверь, а в следующий миг она открылась, и вошел Блюскай с бутылкой. Он уселся рядом со Стронгом на кровать и сделал большой глоток из бутылки, не предлагая Стронгу. Он не спросил Стронга, почему тот оставался в номере почти целый день, только сказал:

— Команда три-ви внизу, в баре, и все гадают, где ты. — А потом добавил: — Да, кстати: судебный запрет аннулирован. Только что заходил Вестермейер и сказал.

— Так быстро? — осведомился Стронг. — Я знаю, Вестермейер сказал, что это не займет много времени, но я не поверил.

— Трудно тягаться с ДГЗ, — отозвался Блюскай. — У них есть свои люди в суде на любой планете, в том числе на этой. Мэтти просила передать тебе, чтобы ты был готов с утра.

— Я уже готов, — сказал Стронг.

Блюскай снова отпил из бутылки. В полутьме он почувствовал на себе взгляд Стронга и произнес:

— Не волнуйся насчет того, что я могу прибить тебя веткой, Том. К тому времени я протрезвею.

— Я не волнуюсь.

— Мое второе имя «Пьяница» по двум причинам, — пояснил Блюскай. — Одна — такая же фальшивка, как рождественская елка, но именно ее я считаю главной. Я напиваюсь потому, что для меня невыносимо быть частью того народа, который почти уничтожил мой народ; для меня невыносимо поступать с другими землями так, как поступили с моей землей. А другая причина — настоящая: я не могу совладать с собой.

— Я тоже, — сказал Стронг.

— Но тебе хватило силы воли, чтобы завязать. Может, раньше ты не мог, но теперь можешь. А я не могу — без такой «поддержки».

Стронг молчал. Неужели он и вправду создавал впечатление, что ему не нужна поддержка? Ему было трудно поверить, что он может ходить, не выдавая, что ходит на том, что кажется ему протезами.

— Мэриджейн внизу, в баре, — внезапно сказал Блюскай. — Вместе с одним из своих помощников. Почти все там. Пик с Катериной. Даже Мэтти. Вестермейер за бармена.

Стронг снова промолчал. Он посмотрел себе на руки. Они лежали на коленях, и он отлично видел их в приглушенном свете.

— Мэриджейн о тебе не упоминала, — снова заговорил Блюскай, — но она не прочь увидеться с тобой. Точно говорю. Она постоянно поглядывает на дверь, надеясь, что ты придешь.

Стронг опять не проронил ни слова.

Блюскай встал.

— Я просто подумал, надо тебе сказать. Не знаю, что там случилось между вами, не мое дело. До завтра, Том.

— Конечно.

После ухода Блюская Стронг продолжал сидеть на кровати, глядя себе на руки. На них не было крови. Кровь была на ее руках. Или все-таки на его? Возможно, у них у обоих руки были чисты. Возможно, все было предопределено. Возможно, случившееся было ей на роду написано. Или ему.

Постепенно он снова ощутил присутствие дерева. Вообще-то он не переставал ощущать его, но ненадолго это осознание было засунуто в самый дальний уголок его разума. Сейчас оно снова вышло на первый план, и Стронг обрадовался, что дерево прогнало из мыслей Мэриджейн. Он глубоко вдохнул аромат дерева. Как ни странно, это навеяло его на мысли о женщине... или вовсе не странно, ибо дерево, согласно отчетам «БотаниКо», было женской особью.

Не раздеваясь, не разуваясь, он лег на кровать. Стены комнаты, как все стены в деревне, были почти звуконепроницаемыми, и из бара не доносилось ни единого звука. Он ничего не слышал, кроме собственного дыхания. Он уставился на квадрат окна, но тот был совершенно темным — темным из-за дерева и ночи. Уже должна была встать Пенелопа, более ранняя из двух лун Равнин, и он знал, что если будет смотреть достаточно долго, то увидит под деревом ее свет, правда, на очень короткое время. Дерево пребывало в единстве с ночью, в единстве с окружающей средой. Он все еще боялся его, и вот странность — вдыхая запах листьев и аромат его цветов, он чувствовал, что ветви обнимают его, баюкают, защищают от напастей.

Должно быть, он закрыл глаза, потому что, открыв их, то увидел: кто-то сидит вполоборота у открытого окна. Женщина. Сперва он подумал, что это — Мэриджейн, хотя знал, что Мэриджейн ни почем не пришла бы к нему, а потом даже при загороженном свете увидел в волосах этой женщины блестки солнца.

Он сел в кровати. Он видел ее не отчетливо, но она, кажется, была одета так же, как женщина на дереве, — в тунику, сотканную из листьев, и сандалии, сплетенные из них же, зашнурованные до середины икр. Ее красоту не могла скрыть даже столь тусклая освещенность.

Комната была маленькой; оперевшись рукою на пол, он смог бы дотянуться до женщины. Но не стал. Вместо этого он сел на кровати и принялся ждать, когда она исчезнет из поля зрения. Однако она не исчезала. Наконец он произнес, не слыша собственного голоса:

— Я действительно видел тебя, правда? Ты была в шатре из листьев, когда я смотрел наверх, так ведь? А потом ты стояла, прислонившись к стволу.

— В некотором смысле, — ответила она. *— В некотором смысле я была там.*

— Ты живешь на дереве?..

— В некотором смысле. В некотором смысле да. — И добавила: *— Зачем земляне убивают деревья?*

— По самым разным причинам, — ответил он. *— Потому что деревья растут на земле, которую мы хотим возделать. Потому что они мешают прокладке дорог. Потому что иногда стоят там, где мы хотим построить дом.* — И тут он осознал, что ей нужен настоящий ответ, — ей хотелось знать, почему их убивает Блюскай, почему их убивает Пик, почему он, Стронг, убивает их, и он вспомнил слова Блюская о землях, над которыми надругались, вспомнил, что читал о бережном отношении к окружающей среде, характерном для последних годов двадцатого столетия, сразу изменившемся, как только трансзвездные перелеты позволили выйти за планетарные границы, и ответил: *— Если ты — Блюскай, ты убиваешь их потому, что унаследованное тобой от предков презрение к высоте делает их вырубку логичным занятием. Если ты — Пик, ты убиваешь их потому, что такая работа позволяет путешествовать с планеты на планету и от женщины к женщине и тебе не дано повзрослеть.*

— А если ты — это ты?

Он обнаружил, что не может солгать.

— Ты убиваешь их из-за акрофобии, — сказал он. — Преодолевая свой страх высоты всякий раз, когда поднимаешься на дерево, ты тешишь себя иллюзией, что поборол все свои страхи. Ты убиваешь деревья, чтобы закрепить состояние, противоречащее факту.

— Так сорвите же нас, земляне, маленькие земляне, которые портят виноградники, — сказала она, *— ведь виноградники наши в цвете.*

— Ты похитила это из моих мыслей, — произнес он. — Но сказала не так. Там говорится «лисицы», а не «земляне».

— Лисицы забирают из виноградников только то, что им нужно, и всегда возвращают. Я сказала правильно.

— Да, — согласился он, — ты сказала правильно.

— Теперь мне пора. Я должна подготовиться к завтрашнему дню.

— Мне очень жаль, — сказал он. *— Мне очень жаль насчет дерева.*

— Знаю, — сказала она. *— Но та часть твоей души, которой жаль, живет только ночью. И всегда умирает на рассвете.*

— Нет, — возразил он, *— она не умрет.*

— Умрет, — сказала она. *— Утром ты будешь думать, что видел меня во сне... Ложись, маленький землянин. Свернись калачиком в теплой уютной постели. Смотри сны. Баюкай себя ложью и иллюзиями... Спи...*

3

Yggdrasill astralis
Цветы: чрезвычайно маленькие, ярко-малиновые. В каждом один пестик, но нет тычинок. Расположение лепестков напоминает крошечную чашечку.

В гостиничной столовой Мэтьюз смотрела, как под аэротягачом проплывают дома Большого Дерева, и вскоре обнаружила, что смотрит сверху на вершину дерева. Этим утром она не проспала. Рядом на импровизированном рабочем столе стояло полчашки кофе.

В небе над деревом находилось еще одно воздушное судно — «Хаус Мейтен» команды три-ви, позаимствованное у кооператива. Она не видела его на экранах, но слышала вой его двигателя, перекрывающий ровный гул аэротягача. Мэриджейн и ее два оператора. Им хотелось отснять материал, который они опоздали снять вчера — спуск Тома в крону. Вестермейер предоставил им право на полеты. Мэтьюз, когда Мэриджейн согласилась подписать отказ от претензий, сама позволила им завтра днем, когда Том будет на нижних ветвях, войти на дерево. Тому она пока ничего не сказала. Дождется, пока он приступит. Ей хотелось, чтобы три-ви снимало их работу, не больше, чем ему, однако она понимала, что не пустить их никак не получится, если только не призвать провинциального шерифа из Оттоватоми, ближайшего к Большому Дереву поселения, а ей этого очень не хотелось. Ей не нравилась Мэриджейн. Она ей не понравилась еще на Одуванчике и не нравилась теперь; но главная причина, по которой ей не хотелось пускать тривишников на дерево, заключалась в том, что этого не хотел Том.

Две из три-ви-камер аэротягача смотрели объективами прямо вниз; третью установили так, чтобы Блюскай мог поворачивать ее в любом направлении, куда захочется. Сейчас камера смотрела на отсек лебедки аэротягача. Изображение на всех трех экранах дрогнуло — Пик выпустил «небесный крюк», — затем снова успокоилось. Мэтьюз следила, глядя на третьем экране за тем, как Стронг готовится к спуску по дереву — дело несложное, поскольку почти все свое снаряжение он вчера оставил на ветках. Она наблюдала, как он встает на стальной треугольник и садится, и как Блюскай опускает его вниз. Потом она поймала его на одном из двух других экранов. Интересно, ему страшно? Она всегда

подозревала, что, наверное, да, хотя он никогда не выдавал своего страха. Она увидела синюю вспышку — взлетевших птиц-хохотушек, которые приветствовали его появление в кроне. Что ж, теперь это все твое, Том, подумала она.

Стронг снова переменил предмет размышлений. Сейчас он думал о Мэриджейн, чтобы забыть о боязни высоты. Он думал о той поре, когда встретил ее. На Одуванчике на танцах, она танцевала с одним из своих операторов. С одним из ее жеребцов. От этого слова он морщился даже сейчас, но это было верное слово, и оно заставляло его забыть — по крайней мере на время — про акрофобию. Тогда, конечно, он не знал, что она за человек, не знал даже, что она репортер три-ви и что мужчина, с которым она танцевала, — один из ее операторов. Итак, она танцевала, и наконец, когда танец закончился, Стронг покинул свое место у стены и подошел туда, где она стояла — к бару. И пригласил ее на танец, и она ответила «да». Одного взгляда на нее было довольно, чтобы понять: она опытна в вопросах секса. Не то чтобы она выглядела особо искушенной — вовсе нет. Длинные черные волосы, широко расставленные газельи глаза и выступающие скулы — она походила на молодую и чрезвычайно успешную деловую женщину, которая изредка, не слишком часто, сама делает первый шаг и которая в один прекрасный день может стать для какого-то счастливчика превосходной женой.

Когда они танцевали и знакомились, она сказала, кто она, и упомянула, что родилась на Земле. Как и Стронг, и он тоже сказал ей об этом, и их общее происхождение должно было стать для их отношений отличной завязкой, ведь на большинстве освоенных планет тех, кто родился на Земле, было мало и жили они далеко друг от друга. Но нет. После одного танца с ним весь остаток вечера она не обращала на Стронга никакого внимания.

Тогда он решил: «Что ж, я плохой танцор, чего же я ожидал?»

Одуванчик в основном представлял собой сельскую местность, но танец не был деревенским. Танец назывался сигго, а танцевальные вечера проводились в освещенном ангаре пожарной части Медового Источника, небольшого городка, расположенного в широкой горной лощине. Третье поколение мигрантов с Земли здесь было в курсе всех новостей благодаря трансзвездному три-ви, осведомляющему о *au courant*[1] планеты-матрицы, и

[1] Текущих делах (*фр.*).

знали последние модные танцевальные па не хуже своих далеких соплеменников.

Целый вечер Стронг наблюдал, как Мэриджейн переходит от партнера к партнеру, разглядывая ее ноги, когда алая юбка взвихрялась выше ее коленей, зачарованный промелька ее бедер. Слишком крупные для нее, подумал он тогда (и обнаружил позже), но требовалось вглядываться, чтобы это заметить. Практически каждый мужчина станцевал с ней один раз. Пик три раза. Но Стронг, которого она продолжала игнорировать, держался в стороне. Он по-прежнему оставался Томасом Стронгом, подчиненным только тем аспектам реальности, которые провели его в здешнюю дверь, и ему не впервой было терпеть поражение. Благодаря этому он мог принять это поражение равнодушно.

Стояла поздняя весна, и на нижних склонах гор в северном умеренном поясе планеты буйно прорастали похожие на одуванчики цветы, давшие планете ее название. Однако невзирая на внешнее сходство с одуванчиками, эти цветы весьма значительно отличались от земных. Они цвели до позднего лета, и над лощиной витал их сладкий запах, хотя сейчас они закрылись на ночь. Это была сладость жасмина, и она наполняла город Медовый Источник. Горы изобиловали жилами серебра — не золота, на которое намекали цветы. Колонисты, прибывшие ради добычи серебра, чтобы оно заняло достойное место в экономике центральной группы планет, сначала селились в долинах вроде этой, а затем их деревни вырастали в небольшие города. Деревья, произраставшие в той местности, обеспечивали приятный вид и тень, но, к несчастью, произошла мутация занесенной на Одуванчик голландской болезни вязов и поразила местный вид. И «ДревоКо» поспешила на помощь.

Стронг болтался в танцзале, пока не закончилось последнее сигго, и увидел, как Мэриджейн уходит с оператором, с которым танцевала, когда он увидел ее впервые. Снаружи он посмотрел, как они садятся в автомобиль на воздушной подушке с противотуманными огнями и уезжают. Огни оставили пятна на его сетчатке остаточное изображение. Но он по-прежнему оставался Томасом Стронгом, подвластным только тем аспектам реальности, какие привели его в этот вечер на танцы, Стронгом, способным посмеяться над поражением. Когда он увидел ее в следующий раз, она лежала на спине возле аллеи близ гостиницы Медового Источника, где остановились она, двое ее помощников, он и бригада древорубов. На лицо упал луч света, и он сразу узнал ее.

Он предположил, что ее любовником в тот момент был оператор, с которым она танцевала. Только несколько недель спустя она совершенно случайно проговорилась, что это был Пик, но было уже поздно. То, что он видел ее *in flagrante delicto*[1], лишь укрепило его любовь.

Стронг отыскал на верхушке углубление, где спрятал свою седельную веревку, перескочил туда, встал на ветвь и велел Блюскаю убрать трос и присоединить клещевой захват. Он забросил веревку на одну из соседних веток развилки, протащил ее обратно и завязал двойным булинем, а потом просунул ноги через седло. Благодаря слабине, оставленной узлом, он завязал на второй «струне» простой штык, затем откинулся в седле и, надавливая на узел сверху, начал спускаться. Спустившись от вершины на треть расстояния до земли, он остановился и, когда появились клещи, закрепил их на стволе. Потом велел Блюскаю вытягивать трос до тех пор, пока зубья захвата не прокусят кору, а потом спустился к главной развилке.

К этому времени он забыл об акрофобии. Он встал на развилке, развязал штык, выбрался из седла, стянул к себе веревку и свернул ее. Закрепившись, он снял с ремня лучерезку и посмотрел наверх, туда, откуда спустился. Несмотря на захват, он мог видеть почти до самой верхушки. Кто-то сидел там в кроне, кто-то, одетый в листья под цвет листьев дерева, кто-то с солнечными светлыми волосами и загорелыми ногами. Видение — если это было видение, — которое он до сих пор тщательно подавлял, промелькнуло в его сознании, и он снова увидел, как она сидит на подоконнике в его номере, так же, как теперь сидела на одной из тонких маленьких веток, и он услышал каждое ее слово...

Раздался голос Блюская:

— Том, что-то не так?

Пот, который не могли вызвать те небольшие нагрузки, которые он только что выдержал, заливал ему глаза, размывая окружающее. Он вытер лоб рукавом рубашки. Он все еще видел дриаду. Он снова протер глаза. Он ее видел. Он махнул ей рукой, чувствуя себя последним дураком. Она не шелохнулась. Он удостоверился, что его передатчик выключен, и заорал:

— Убирайся оттуда!

---

[1] На месте преступления (*лат.*).

Если она и услышала его, то не подала вида.

Игра теней, подумал он. Я вижу рисунок из света и листьев.

Возможно. Однако рисунок отказывался исчезать.

«Послушай, — сказал себе Стронг. — Ты взбирался на сотни деревьев. Тысячи. И ни на одном из них не было никаких дриад. Ни одной. И эту ты выдумал, а потом она тебе пригрезилась. Здесь дриад не больше, чем шампанского в твоем ранце с провизией!»

Он провел взглядом вниз по стволу и пристроился так, чтобы можно было отделять верхушку снаружи внутрь. Перед тем как покинуть аэротягач, он вывел мощность лучерезки на минимум; все, что от него теперь требовалось, — это точно прицелиться и нажать «пуск». «Ну!» — приказал он себе. Он закрыл глаза и положил большой палец на маленький выступ, а когда открыл их, то поток частиц xi-гамма-16 буквально пожирал кору, луб и древесину. Он повел невидимым лучом влево, потом вправо. И произнес в передатчик:

— Подтяни!

И почти тотчас чуть покосившийся ствол с хрустом выпрямился. Стронг снова устроился поудобнее и атаковал с другой стороны. Когда дерево закачалось, он сказал: «Тащи!», и верхушка поднялась над деревом.

На него полился водопад лепестков. Когда он выпрямился во весь рост, стоя на развилке, один из них опустился ему на руку. Он походил на каплю крови. Стронг в ужасе уставился на него, затем резким движением сбил с руки. Отделенная часть дерева продолжала подниматься, и вместо нее образовывался наполненный солнечным светом прогал. Блюскай подтащил отрезанную верхушку почти к корпусу аэротягача, и тогда Пик повел тягач в сторону перерабатывающего завода, легко скользя на своей квадратной миле воздуха. Стронг стоял посреди открывшегося пространства один-одинешенек и смотрел на уменьшающуюся верхушку. Но не заметил никаких признаков дриады.

Естественно, не заметил. Никакой дриады вообще не было.

Он обнаружил, что солнечный свет действует ободряюще, но не задержался на нем надолго. К тому времени, как аэротягач вернулся, Стронг уже устроился на другой макушке, готовый прикрепить к дереву захват. Сделав это, он спустился обратно в развилку, но на этот раз не стал смотреть наверх, прежде чем делать надрез. Аэротягач унес вторую секцию ствола, увеличив прогал в кроне. Тогда Стронг наконец заметил «Хаус Мейтен».

Это была одна из воздушных лодок жнецов, на которых они во время посева и сбора урожая перемещались от одного ангара с техников до другого, а также наблюдали за ростом пшеницы; если забыть об отсутствии винта, она напоминала старинный вертолет. Пока Стронг глазел на нее, лодка спустилась ниже, и через прозрачные стены кабины он разглядел трех пассажиров воздушного судна — женщину и двоих мужчин. Камеры они установили на корпусе летательного аппарата, и сейчас Стронг находился в поле обзора по меньшей мере двух из них. Женщина смотрела на него в упор, словно ее очки тоже были камерами. У нее были длинные темные волосы и широкие, высокие скулы. Он извернулся в развилке и уставился в противоположную сторону, и спустя несколько секунд завывание двигателя «Хаус Мейтен» стало тише: судно поднялось в небо.

Стоя на развилке, обливаясь потом, он увидел другой лепесток цветка, прилипший к его рубашке. Он снова подумал, что это кровь, и скинул его.

— Том?

Это был голос Мэтьюз. Он отозвался в передатчик:

— Слушаю, Мэтти.

— Том, я запретила им снимать тебя крупным планом.

— Нормально.

— Завтра днем двое из них собираются спуститься на дерево.

— Я же сказал, они мне здесь не нужны!

— Думаю, завтра днем ты врубишься достаточно глубоко, чтобы они смогли установить одну из камер на ветке. Если погода позволит.

— Скажи им, чтобы убирались восвояси!

— Том, ну что я могу поделать? Мэриджейн готова подписать отказ от претензий. Боже, Том, дерево — не моя собственность! Все, что ей надо, — это короткое интервью.

У Стронга не нашлось слов.

Место действия: Хижина на склоне горы.

Действующие лица: Темноволосая девушка сидит на ступеньках у входа и курит сигарету. Мужчина стоит в полуденной тени крыши крыльца прямо за ней.

Она: Ты знал, какова я. Я никогда не притворялась, что это не так. Ты говорил, что все в порядке. Почему же теперь не в порядке?

Он: Ты знаешь, почему.

Она: Из-за Пика? Это ты пытаешься мне сказать? Из-за Пика?

Он: Из-за него.

Она: Значит, если меня трахает кто-то другой — это нормально, но только не он. Неужели все сводится к этому, Том?

Он: Именно. И этого достаточно. Мы вместе выросли, я и Пик, мы с Пиком и с его братьями. У меня никогда не было женщины, которую сперва не получил бы Пик или его братья. Я всегда был вторым. Или третьим... или четвертым... Мне казалось, ты первая.

Она: Боже мой — чего же ты от меня хочешь? Чтобы я растрахалась с ним обратно?

Он: А ты могла бы, если бы была такая возможность?

Она: Не знаю.

— Том.

— Да, Мэтти.

— Кое-что, о чем мне следовало упомянуть раньше — но я не стала... Подобная реклама будет для «ДревоКо» выстрелом в руку. Я сама уже слишком стара, чтобы беспокоиться об этом, а вот для вас, ребята, это может означать потерю кучи денег. Что скажешь, Том?

— ...Не проблема.

— Отлично. Что бы тебе хотелось сегодня на ужин?

— Я как все.

— Я заранее закажу тебе ужин и велю Джейку и Оуэну спустить тебе.

— Как угодно, — сказал Том.

— Заканчивай и уходи.

Дастард, управлявший лодкой «Хаус Мейтен», спросил:

— Вы видели, как этот сукин сын повернулся к нам спиной, Мэриджейн? С чего это?

— Не знаю, — солгала она.

Пруитт, работающий с камерами, сказал:

— Он смотрел на вас так, будто вы знакомы.

— У нас была интрижка.

— О!

Она посмотрела сквозь прозрачный пол кабины на дерево, сверилась с экраном, настроенным на вентральную камеру. Стронг находился в самом центре пол обзора. Это отлично соответствовало ее намерениям.

— Удерживай его там, Джерри, — сказала она Пруитту. — По центру корабля, — добавила она.

— Хорошо.

Дастарду пришлось отвести «Хаус Мейтен» в сторону, когда вернулся аэротягач, но Пруитт все же умудрялся постоянно удерживать Стронга в центре кадра. Потом Стронг исчез в листве.

— Наверное, теперь он займется крупными ветвями, — сказала она Пруитту. — Следи за захватом.

Она неотрывно смотрела туда, где только что был Стронг. На пустующую развилку. Она вспомнила, что когда он брился, то оставлял бачки до скул. Были сейчас эти бачки на крупных планах или нет? Потом надо будет посмотреть на пленках. Затем Мэриджейн мысленно мотнула головой. Нет, не будет она смотреть. Какие волосы и где он отращивает — его личное дело.

Рядом с ней в кабине стоял Пруитт. Они были любовниками. Он очень напоминал Стронга. Всегда рядом, даже если в этом нет никакой нужды. Защищал ее — нет, не ее, себя — от распираемых семенем дикарей, которые, вечно воображал он, хотели умыкнуть ее.

Похоже, я привлекаю Джерри и Томов, подумала она.

И всяких Джонни.

Джонни Дастард очень походил на Пика, только был терпелив в отношении коитальных завоеваний, тогда как Пик — нет. Джонни знал, что, если ждать достаточно долго, он добьется своего, и она тоже понимала это. Он уже ввалился к ним с Джерри во время спуска на Равнины. «Ввалился» — именно это словечко он употребил, извиняясь. Лжец! Он знал, что увидит, еще до того, как открыл дверь.

По-прежнему вглядываясь вниз, туда, где находился Стронг, она чувствовала легкую тошноту. Ее не укачивало, и на завтрак она выпила лишь чашку кофе, а от кофе ее никогда не мутило. Ей было нехорошо от собственных мыслей. От хладнокровных расчетов, кто будет у нее следующим.

Она была воспитана в неокатолической вере. Неокатолики считались отступниками или, скорее, потомками отступников, разорвавших все традиционные отношения с Церковью, когда наконец был избран Папа, одобривший контроль над рождаемо-

стью. Их ряды с годами множились, и сейчас они были весьма влиятельны, и хотя развитие трансзвездных перелетов и колонизация центральной группы планет похоронили необходимость контроля над рождаемостью так же надежно, как похоронили заботу об окружающей среде, последователи этой новой Церкви, отринув государственные и церковные обязанности, по-прежнему время от времени устраивали марши «Право на жизнь» по улицам главных христианских городов Земли, стуча посохами, проклиная давно уже покойного Папу Леверне-Пьера и во весь голос ругая всех христиан Триумвирата, продолжавших настойчиво применять противозачаточные таблетки, презервативы и ВМС.

Когда у Мэриджейн начались менструации, мать загнала ее в угол ванной комнаты в их тесном трехэтажном блочном доме, где Мэриджейн проживала вместе с родителями, семью братьями и шестью сестрами, и обнесла частоколом из основ сексуального воспитания, полученных ею в частной школе, укрепляя их жизненными установками неокатоликов. 1) Половая система женщины не имеет иного назначения, кроме продолжения рода. 2) Применение ее для простого удовольствия равносильно самоотлучению. 3) Прелюбодеянием, по определению неокатолической церкви, считается не только собственно грех, но и использование препаратов и/или всяких устройств, безразлично, состоят применяющие их люди в браке или нет. И 4) аборт можно искупить только согласием на удаление клитора.

Мэриджейн не поверила в четвертый пункт, но все равно он привел ее в ужас. За этим частоколом она жила до восемнадцати лет, и в колледж поступила девственницей. «Ты чиста, — сказал ей отец, — чиста как свежевыпавший снег». Именно потому, что считал ее столь непорочной, он и позволил ей поступить в неокатолический колледж. Но в мыслях она не была чиста, просто напугана. Впервые освободившись от присмотра родителей, она приступила к разрушению этого частокола, за исключением раздела об абортах, но готовая при необходимости снести и его. Когда она летом вернулась домой, отец все еще считал ее чистой, и это так беспокоило ее, что она едва не призналась ему в своем отступничестве. Возможно, в конце концов она бы сделала это, но на второй год ее обучения в колледже отец умер. О том, чтобы признаться матери, не могло быть и речи. Мать носила под сердцем своего пятнадцатого ребенка. После смерти отца Мэриджейн больше не возвращалась домой. Ей приходилось работать по ве-

черам, в выходные и все лето, чтобы заплатить за обучение... да все равно ей не хотелось возвращаться к своим — всякий раз, переступая порог родного дома, она чувствовала себя шлюхой. Никого одного из братьев и сестер она не любила, ведь все они были действительно непорочны. Едва закончив колледж, она устроилась на работу в «Трансзвездную Сеть». Сперва она была девочкой на побегушках, однако быстро освоилась, и мигом узнала, с кем вести себя почтительно, а кого можно подсидеть, и попала в службу новостей «Трансзвездной Сети» и тут же улетела с Земли по заданию редакции. Задание было малозначительным, как и следующие, но постепенно они становились все серьезнее. Ее имя было Мэри Джейнус. Она изменила его на Мэриджейн. И прыгала со звезды на звезду. С Ариадны до Устрашающей, с Небесного Надела на Спутники Отдохновения, с Ляпис-Лазури на Одуванчик и, наконец — на Равнины. Но, прыгая, тащила за собой разрушенный частокол. К сожалению, в этих обломках застряла обутая в сапог отцовская нога, и потому, куда бы она ни отправилась, его она тоже тащила за собой.

— Смотрите, — внезапно воскликнул Джерри Пруитт, — пошла первая ветвь!

Стронг счел ниже своего достоинства обрезать верхние ветви — они были слишком малы, чтобы ради них утруждаться, — но та, которую аэротягач поднимал сейчас с дерева, стоила рейса на деревообрабатывающую фабрику. Он сидел, опершись спиной о ствол, и наблюдал за падающими лепестками древесных цветов. Его радовало, что теперь он далеко в стороне и они не падают на него.

Листва над головой обеспечивала зеленый навес, закрывавший его подвиги от пассажиров «Хаус Мейтен». Это его тоже радовало. Вскоре он встал и прошел две трети пути до следующей ветки. Он уже успел заново привязать седло, узлом закрепив веревку над главной развилкой, и потому не упал бы далеко. Однако меньше всего он сейчас думал о падении. Когда Блюскай снова опустил клещевой захват, Стронг по рации дал указания Пику, и когда захват был помещен должным образом, трос потянули, чтобы тот зацепился. Затем вернулся к стволу, резать. Сначала он сделал надрез сверху, велел Блюскаю подтянуть трос и подрубил снизу. И, прислонившись к стволу, стал смотреть, как вторая ветвь исчезает из виду.

Под ним галдели птицы-хохотушки. Те немногие, что еще оставались на дереве. Остальные улетели в поля на поиски пропитания. Издаваемые хохотушками звуки, похожие на смех, теперь казались нелепыми. Как и мысли о дриаде. Стронг теперь стал механизмом. К полудню он обрезал все восемь ветвей, чем серьезно углубился в крону. Блюскай спустил ему его долю обеда, принесенного командой: два сэндвича с ветчиной и одноразовая термочашка с кофе. Подкрепившись, Стронг срубил еще четыре ветки, а затем приступил к удалению оголившегося ствола, сначала тридцатифутовыми, затем двадцатифутовыми секциями. В пять часов, когда аэротягач вернулся за последним куском, Блюскай спустил ему ужин.

Заодно Блюскай спустил контейнер с водой. Стронг умылся, стоя на верхней ветке под открытым небом. Аэротягач отправился в ангар. «Хаус Мейтен» еще раньше завершил свой рабочий день. Поскольку мешок, который Стронг закрепил накануне, по-прежнему находился в добрых двадцати футах ниже него, он уселся на ветку, оперся о ствол и открыл картонную упаковку с ужином, присланную Мэтьюз. Расслабившись, он сразу ощутил усталость и порадовался, что сможет провести ночь на дереве, в своей надревной палатке, у своего огня. В контейнере оказался жареный цыпленок. К нему прилагались хлебцы, салат из огурцов и чашка бобов. И клюква. Мэтти знала, как он любит клюкву, и прислала добавочную порцию. Клюкву доставляли с главного материка Равнин, расположенного в другом полушарии. Первые французские поселенцы назвали его *Bijoux*, украшением, из-за множества голубых озер в его покрытых лесами северных землях. Проживавшие там туземцы оказались такими же людьми, как те, что жили в Новой Америке, и это еще подкрепило еретическую теорию, что много веков тому назад обитаемые планеты ДГЗ были засеяны чужаками.

Контейнер с водой, картонка с ужином и посуда были одноразовыми. Он оставил их там, где ел, и спустился в седле на ту ветку, где оставил мешок. Ветка была большая и широкая, идеальная для установки надревной палатки. Он мигом развернул и установил ее, а перед ней — портативный костер. Огонь пока разводить не стал — ему было еще жарко от дневного напряжения. Теперь дерево обступало его со всех сторон — сверху, снизу, куда ни глянь, и у него создалось впечатление, что он нисколько не продвинулся в работе, словно не срубил ни единой ветки.

— Ну, как тебе цыпленок, Том?

Мэтьюз словно сидела рядом с ним на ветке. Он ответил в передатчик:

— Отличный!

— А я своим еще не полакомилась. Я на деревообрабатывающей фабрике. Диспетчер попросил прилететь. Том, похоже, мы уничтожаем дерево с ненормально большой сосудистой системой. Диспетчер интересуется, заметил ли ты это.

— Нет, — ответил Том. — Когда я использую лучерезку, почти ничего не течет — она заваривает края разреза и выжигает сок.

— Барроус — это диспетчер — показал мне поперечный разрез, сделанный их ледяной пилой на последней секции ствола, которую доставил аэротягач. По сути, ткани флоэмы и ксилемы, или луба, содержат в два раза больше сока, чем у обычных деревьев. Барроус думал, мне уже попадались такие деревья. Но нет, не попадались. А тебе?

— Нет, — ответил Стронг. — Но не думаю, что это большая проблема. Посушить дерево подольше, вот и все.

— Верно. Это скорее загадка, чем проблема. Ни ему, ни мне совершенно непонятно, зачем нужна столь огромная сосудистая система. Конечно, дерево очень большое, но ствол и ветви такие толстые, что в дополнительных проводящих клетках нет необходимости. И есть еще одна тайна. Часть флоэмы и часть луба отмерла или, во всяком случае, умирает. В случае луба это могло бы означать начало превращения ткани в ядровую древесину, вот только отмирающие ткани не граничат с ядровой древесиной, как должны. Может быть, ты сообразишь, Том?

— Я могу понять, из-за чего тут может быть такая развитая сосудистая система, — сказал Стронг. — Размеры дерева. Ты права насчет толщины ствола и ветвей, но, возможно, к такому большому дереву наши правила не применимы.

— Возможно. Хотя мне так не кажется. Во всяком случае, Барроус хотел, чтобы ты это знал, да и я тоже. Ладно, вернусь-ка я к ужину. Хорошенько выспись, Том.

— Постараюсь, Мэтти.

— Тогда отбой.

Ночь на дереве наступила рано. Птицы-хохотушки — некоторые из них только-только вернулись с равнины — чирикали в темно-зеленом мраке в блаженном неведении, что сегодняшний

налет — всего лишь прелюдия к более значительным событиям. Через какое-то время Стронг разглядел в прогалах в листве звезды и понял, что наступила настоящая ночь. Сидя на дереве, он старался разобраться в своих мыслях, но ничего не выходило. Они были словно скомканные письма в корзине для бумаг. Он хотел бы сжечь их, но не получалось. Как нельзя было и вытащить их из корзины, которой был он сам.

Наконец поднялась Пенелопа — первая луна. Он не видел ее, но заметил, что в крону пробивается слабый свет и кое-где серебрит листья. К своему изумлению, он обнаружил, что и его правая рука стала серебристой. Но серебристой она оставалась недолго: ночью похолодало, и Стронг залез в палатку, включил бивачный костер на батареях «V-эпсилон-22», установил самую низкую интенсивность и сидел в вишнево-красном одиночестве, глядя за огонь в ночь. Вскоре он обнаружил, что видит все до самого конца ветви, на которой установил палатку, видит, как она расстилается перед ним — точь-в-точь увитая листьями дорога, видит густую зелень в конце пути. Потом он увидел ее. Она шла к нему в ночи. Сначала он видел ее лишь фрагментами — абрис ноги, серебристое мерцание руки, серебряное пятно лица; но по мере ее горделивого приближения по лиственной тропе фрагменты сплавлялись в прелестные бледные очертания, и наконец она выплыла из последнего сгустка тени и села напротив него у костра. В ее волосах запутался лунный свет, как днем в них играл свет солнца.

Он спросил, опять не слыша, что говорит:

— Я видел тебя сегодня утром высоко вверху среди листвы. Почти на верхушке дерева. Это ведь была ты, да?

— Да, это была я, — ответила она.

— Я помахал тебе, но ты не помахала в ответ. Я не хотел, чтобы ты пострадала. Что ты делала наверху?

— Наблюдала за тобой.

— Куда ты делась после того, как я обрезал верхушку? Я больше тебя не видел.

— Нет. Но видишь сейчас.

— Да, я вижу тебя сейчас. Ты дриада? — спросил он.

— В каком-то смысле, — ответила она. *— В некотором смысле я — дриада.*

— Мы всегда шутим по поводу дриад — я и другие древорубы. Всегда притворяемся, что собрались отыскать дриаду на дереве. А ведь забавно — ни мне, ни, по-моему, Пику или Блюскаю

это раньше не приходило в голову, — что, по логике вещей дриады должны ненавидеть людей вроде нас.

— Я не испытываю к вам ненависти, — сказала она. *— Не испытываю ненависти даже к тем, кто вас нанял для этой работы. Все вы — звенья неизбежного.*

— Но ты должна ненавидеть меня. Я представляю, что чувствовал бы, если бы пришел домой и увидел, что кто-то явился и начал разрушать его. Я бы возненавидел его, кем бы он ни был.

— Я не испытываю к тебе ненависти, — повторила она. *— Ни к тебе, ни к остальным.*

— А следовало бы, — отозвался он. *— Ты живешь на дереве одна?*

— Да, я одинока.

— Я тоже одинок, — произнес он.

— Сейчас ты не один.

— Да. Сейчас не один.

Пенелопа поднялась выше по небосклону, и серебристый лучик лег на лицо дриады, и он увидел, что в лунном свете глаза у нее темно-синие, и что эта темная синева очень хорошо сочетается с серебристым светом, и что ночью она такая же красивая, как и днем. Интересно, что происходит с дриадой, подумал он, когда умирает ее дерево?

— Она тоже умирает, — ответила она прежде, чем он успел спросить.

— Но почему? Есть другие деревья. Не такие, как это, и далеко отсюда. После того как я срублю это дерево, я отнесу тебя на другое, если хочешь.

— Не получится, — ответила она.

— Скажи, а на деревьях, которые уже умерли, были дриады?

— Да. Можно сказать, что были.

— И теперь все они мертвы?

— Раз их деревья умерли, они тоже перестали существовать.

— Прошлой ночью я думал, что ты мне приснилась, — сказал он. *— Я был уверен, что приснилась, пока не увидел тебя этим утром на верхушке дерева.*

— Потом ты дал этому разумное объяснение и решил, что тебе привиделось.

— Да, пришлось, — произнес он.

— Завтра будет точно так же.

— Нет, — сказал он. *— Теперь я знаю, что ты настоящая.*

— То, что ты знаешь сейчас, не имеет ничего общего с тем, что ты будешь знать завтра. Завтра ты решишь, что я тебе снова приснилась. Ты решишь так, потому что я не буду помещаться в ту маленькую коробочку, которую ты считаешь реальностью.

— Вероятно, ты права.

— Я знаю, что права, — сказала она. *— Завтра ты спросишь себя, а может ли вообще существовать дриада, умеющая беззвучно говорить по-англоамерикански и живущая на дереве, которое тебе надо срубить.*

— Если и вправду вдуматься, разве может? — произнес он.

— Вот видишь? До утра далеко, а ты уже сомневаешься. Начинаешь воспринимать меня всего лишь как образ, созданный во сне, чтобы скрасить одиночество и пустоту ночи, чтобы сдержать былые проблемы, рвущиеся из твоего подсознания, не позволить им утопить тебя в неприятных снах.

Она встала, и снова ее красота ослепила его, пробудив желание протянуть руку над кроваво-красной фольгой пламени и коснуться ее плоти. Но он не мог пошевелиться.

— Теперь я уйду, маленький землянин, — прошептала она. *— Оставлю тебя в твоей игрушечной постельке в игрушечной палатке высоко-высоко на дереве. Спи, маленький землянин... Спи...*

Пик, стоявший рядом с Блюскаем в баре гостиницы, мог со своего места видеть в зеркале на задней стене Мэриджейн, сидевшую за стойкой в нескольких ярдах от него в компании одного из своих операторов. И она, конечно, тоже видела его, и каждые несколько минут их взгляды встречались в гладком, чистом зеркальном стекле.

Поскольку в зеркале не отражался ее напиток и поскольку в реальном пространстве их разделяли Мэтьюз, Вестермейер и его жена, он мог лишь догадываться, что она пьет. Однако догадываться ему не требовалось, поскольку он еще по Одуванчику знал, что она всегда пьет «Магеллановы облака», и у него не было причины предполагать, что сейчас она выберет что-нибудь другое. Сам он пил скотч с содовой. Один процент скотча и девяносто девять процентов содовой. Он предпочитал сохранять ясность ума, когда окружающие затуманивали свой. Это обеспечивало ему утро без похмелья и немедленное преимущество. Он всегда точно знал, что говорил сам и что говорили дру-

гие. А главное, с удовольствием наблюдал, как люди в его присутствии выставляют себя дураками, считая, что он такой же, как они.

За стойкой работала Катерина. Ей очень шел костюм Маленькой Мисс Маффет. При ее фигуре ей вообще шли очень-очень короткие платья. И барная стойка, и стенка за ней явно были самодельные и почему-то совершенно не гармонировали с остальным помещением, даже несмотря на то, что на полках над задней стенкой бара красовались весьма любопытные артефакты куантекстилов. Кроме Катерины, Вестермейера и его жены, в баре сидели еще с дюжину других жнецов. Их присутствие здесь не имело никакого отношения ни к бригаде древорубов, ни к команде три-ви: эти люди были из тех, кто все равно сейчас сидел бы в баре. Пик, достаточно в этом искушенный, уже отнес их к типичным завсегдатаям баров, какие встречались повсюду. Сколь тщательно не выбирай большую группу людей, в ней обязательно окажется некоторое количество выпивох, почти выпивох и желающих «социализироваться».

У Катерины по ту сторону барной стойки была табуретка, и она поставила ее так, чтобы, садясь, оказываться напротив Пика. Пику нравилось, как она сидела нога на ногу — как раз сейчас она так и сидела: левая лодыжка покоилась на правом колене, а складочка ягодицы обрамляла край табурета. Однако он думал не о ее ногах, а о зеркале, через отражение в котором переглядывался с Мэриджейн, размышляя о Мэриджейн и о том, какой она была на Одуванчике до того как Стронг со своей воркотней школьника завлек ее в свою постель, предположительно навсегда.

— Похоже, твоего приятеля перегрузили работой, — раздался голос Катерины. — Он уже спит.

Пик увидел, что Блюскай скрестил руки на стойке и положил на них голову.

— Да нет, он не устал, — сказал Пик. — Просто привык спать в барах.

Он поднял взгляд к зеркалу и переглянулся с Мэриджейн.

— Что там такого интересного в зеркале? — спросила Катерина. — Всякий раз, когда я смотрю на тебя, ты смотришь в зеркало.

Пика ее слова нимало не смутили.

— Там девушка, которую я когда-то знал.

— Тривишница?

— Да, она.

Взгляд голубых глаз Катерины обратился к зеркалу.

— Живи настоящим, а не прошлым. Тебе следовало бы смотреть на меня.

— Я смотрю.

— Только когда не пялишься на нее.

— Такое дело, — произнес Пик.

— Какое еще дело?

— Думаешь, что оно закончилось, а на самом деле нет.

В стороне от них кто-то из жнецов постучал стаканом о деревянную столешницу барной стойки. Катерина соскользнула с табурета и отправилась его обслуживать. Когда она шла к жнецу, Пик разглядывал ее зад. Он тяжело вздохнул. Классная штучка! Он взял свой стакан, прошел вдоль стойки туда, где сидела Мэриджейн, и уселся рядом. Перед ней стояло «Магелланово облако».

— Привет, Мэриджейн, — сказал он.

— Перестань дышать мне в затылок, — сказала она своему спутнику. — Привет, Пик. Как дела?

— Превосходно. А у тебя?

— Тоже. Я все гадала, когда же ты вспомнишь, что мы были знакомы.

Ее голос был таким же сочным, как он помнил по Одуванчику. Особенности ее глаз зеркало почему-то передать не смогло. Теперь он увидел, какой проницательный у нее взгляд, какие темные и дерзкие глаза. Пригляделся к ее выступающими широким скулами, характерными для американских индейцев, хотя давно уже не было американских индейцев, огладил взглядом спускающиеся водопадом по спине черные малопослушные волосы, а потом сказал:

— Вот уж кого я не ожидал увидеть на Равнинах, так это тебя.

— В таком случае ты плохо подумал. По-твоему, мой канал мог проворонить уничтожение самого большого дерева со времен Иггдрасиля? Они купили эксклюзивные права на съемку еще несколько месяцев назад.

— Для меня это просто еще одно дерево, — отозвался Пик.

— Да что вы такое говорите? — встрял спутник Мэриджейн. — Оно в десять раз больше любого из существующих деревьев, если не считать других таких же, но уже мертвых, на здешних равнинах.

— Джейк, это Джерри Пруитт, — представила оператора Мэриджейн. — Мой главный оператор. Джерри, это Джейк Пик. Из бригады древорубов. Мы с ним старые друзья.

Пруитт рассеянно кивнул. Пик сказал:

— Будем знакомы.

И подумал, что этот болван слегка смахивает на Тома.

Снова заговорила Мэриджейн:

— Мы собираемся выставить это дерево своего рода злой силой, — продолжила Мэриджейн, — и представить Тома своего рода современным Полом Баньяном... Кстати, как там Том?

— Все по-прежнему, — ответил Пик. — Такой же нелюдимый. Такой же молчун. Трудно будет выдать его за Пола Баньяна.

— Он сейчас на дереве, не так ли?

— Черт возьми, такие, как Том, всегда на дереве.

— Он вам не нравится? — осведомился Пруитт.

Пик пожал плечами.

— Не больше, чем я ему.

— Как здесь жарко, — сказала Мэриджейн. — Тут что, нет кондиционера?

— Насколько я понимаю, — ответил Пик, — здесь стараются не портить дома и не устанавливают ничего, для чего нужно сверлить стены. Верно, доктор? — обратился он к Вестермейеру, сидящему рядом с Пруиттом.

Вестермейер кивнул.

— В отношении наших домов мы подобны старухам. Мы не любим их ничем осквернять. К счастью, необходимости в кондиционерах нет. Зимой дома производят тепло тем же загадочным способом, каким круглый год дают свет. Для кондиционеров, конечно, не потребуется сильно портить дом, но у нас никогда не было в них необходимости, ведь даже в самые теплые месяцы здесь, как правило, вполне комфортно.

— Мне по-прежнему кажется, что здесь слишком жарко, — сказала Мэриджейн, глядя на Пика.

— Может, подышим свежим воздухом? — предложил Пик.

Она слезла с табурета и взяла его под руку.

— А что, неплохая идея.

Пруитт выглядел, как школьник, которому учитель отвесил оплеуху.

— Пожалуйста, Мэриджейн, не уходи, — прошептал он.

Господи, подумал Пик, точь-в-точь Том! Он ощутил, что его висок сверлит чей-то горящий взгляд. Он знал, это Катерина, и не стал смотреть в ее сторону.

— Идем, — сказал он Мэриджейн, и они вышли из бара.

Проход на площадь был воспрещен, но Мэриджейн, оставив без внимания большой щит, возвещавший об этом, повела Пика по траве к дереву. Путь им озарял свет в окнах обступивших площадь домов, в основном закрытый ставнями, и свет ближайших уличных фонарей, однако чем ближе они подходили к дереву, тем делалось темнее, наконец тьма стала почти непроглядной, и перед ними вдруг оказалось дерево — темный ветвистый утес, отвесно уходящий вверх к еще более темному, из-за его ветвей и листвы, небу.

— Внушает благоговение, верно? — выдохнула Мэриджейн.

— Это просто дерево, — отозвался Пик.

— А что это за темная штука вон там?

— Птичья купальня.

— О! Теперь я вспомнила... Мне кажется, Тому должно быть очень страшно одному там наверху, в этих ветвях.

— Ему нравится одиночество.

— Я узнала это на своем горьком опыте.

— Он ушел от тебя. Что случилось?

Она не стала отвечать, а сказала:

— Ты чувствуешь дерево? Я чувствую.

— Я чувствую его запах.

— Это лишь часть ощущений. Запах зелени. Аромат цветов. Но есть и еще что-то. Присутствие. Если «АнтропоКо» права насчет того, что куантекстилы поклонялись ему, то я почти понимаю, почему.

— Они были сборищем тупых друидов, — сказал Пик.

— Может быть. Но...

— Ты привела меня сюда, чтобы поговорить о поклонении деревьям?

Мэриджейн повернулась к нему. Спиной она прислонилась к стволу и различала смутные очертания Пика на фоне слабого свечения деревни.

— Ты всегда берешь быка за рога, так?

— Это тебе во мне и нравится, верно?

— Да, и это тоже.

— Люди, которые ходят вокруг да около, обычно делают это из боязни узнать правду. Как Том. Если бы он внимательно посмотрел на тебя, вместо того чтобы плясать вокруг, как школьник

около майского шеста, то сразу бы понял, когда увидел, как я трахаю тебя возле аллеи, что мы делали это там потому, что тебе нравится трахаться в парках, канавах, на пустырях.

— Я была с ним честна, когда мы были вместе, — сказала Мэриджейн. — Не моя вина, что я такая удалась.

— Он так и не смог примириться с этим, верно? Поэтому ушел?

— Нет. Это случилось, когда я призналась, что была с тобой, когда он видел меня возле аллеи. Это с *тобой* он не смог примириться.

— Черт, будь я проклят! — воскликнул Пик.

— Ты и твои братья. Он не искал святую. Он просто искал кого-то, до кого ты или они еще не добрались. И что хуже всего, он влюбился в меня, когда увидел нас и решил, что это мой оператор. По крайней мере так он сказал, вот тогда я и призналась, что в аллее со мной был ты.

— Ну надо же! — вздохнул Пик. — Что ж, как говаривал мой старик, если живешь достаточно долго, всего насмотришься.

Он ощутил ее пальцы на пряжке ремня, и понял, что она села на землю. Он сел рядом.

— Здесь не грязно, — заметил он.

— Конечно грязно! — сказала она с легкой хрипотцой. — Неужели ты никогда не слышал о мейофауне, Джейк? О вилохвостах, уховертках, мокрицах и трипсах? Ну так вот: все они — мейофауна и обитают у подножия деревьев. Они поедают мертвых существ и возвращают их в землю, а деревья поедают то, что они возвращают. Поэтому здесь грязно, Джейк, *грязно!*

Трава, на которой они сидели, была влажной. Он навалился на Мэриджейн, прижимая к мягкой, темной земле.

4

Yggdrasill astralis

Плоды: орех, конической формы красновато-коричневого цвета, 1″–1,5″ длиной. Содержит единственное продолговатое семечко 1/2″ длиной. Эндосперм белый и богат углеводами. Орехи падают на землю поздней осенью.

Стронга разбудило пение птиц-хохотушек, и, выбравшись из палатки, он увидел синие пятна — это птицы разлетались по свод-

чатым зеленым коридорам кроны, по обрамленным кружевом листвы прогалам, в которые пробивалось розовое сладостное дыхание рассвета. Дальние полеты охотников и охотниц уже начались.

В мешке нашлись упаковки с завтраками и термочашки со сваренным кофе. Он выбрал упаковку с сырным омлетом с ветчиной и запил утреннюю трапезу двумя термочашками кофе. Затем, пока еще беззаботный, выкурил сигарету. Только когда он встал на ветку, собираясь убрать палатку, вернулась акрофобия, а с ней — видение.

Видение?

Он замер, борясь и с акрофобией, и с дриадой. Та привиделась ему уже дважды. Безусловно, она была не просто неосознанным воспоминанием об узоре из солнечного света и листьев. Больше того, он помнил сейчас эти видения слишком отчетливо, чтобы те были видениями. Первое видение к настоящему времени должно было буквально изгладиться из его памяти, но этого не случилось. Он помнил его так же ясно, как второе.

Но если подгонять реальность под видения только потому, что те не уходят из памяти, это подрывает реальность. Если дриада была не просто запомнившейся солнечного света в листве, то, вероятно, она — замаскированное подобие кого-то, кого он знал, сейчас или давно. Мать? Он покачал головой. Его мать умерла в тот же год, когда родила его. Упала с лестницы, ведущей на второй этаж их квартиры без горячей воды, где они с отцом жили в Новом Фриско. Она была пьяна, как рассказал ему отец спустя много лет. Он склонен был этому верить. Жизнь с его отцом была вполне достаточным поводом, чтобы напиваться. Он помнил, как она выглядела, исключительно благодаря трехмерным фотографиям, которые для него ничего не значили; несколько месяцев он провел в ее объятиях, но это не могло дать подлинной привязанности. Разумеется, после нее у него были другие «матери». Дешевые, грязные женщины, которых он ненавидел и которые ненавидели его. Дриада не могла быть подобием ни одной из них.

Могла ли она быть Мэриджейн?

Он фыркнул. Кем бы ни была дриада, предполагая, что не самой собой, она не Мэриджейн. И никто из тех, кому он исполнял серенады на своей викторианской скрипке.

Поскольку Стронг понятия не имел, что делать с дриадой, и поскольку (несмотря на то, что все еще не мог объяснить ее появление) не верил в ее реальность, он изгнал дриаду из своих

мыслей, собрал палатку и сложил в мешок. Он уже деактивировал костер; теперь он сунул его в мешок и снова прикрепил мешок к ветке. Его седельная веревка свисала сверху, как лиана из суперполипропилена, и он начал взбираться по ней туда, где закончил вчера работу, на каждом дюйме преодолеваемого пути борясь со своей акрофобией. Лучше было бороться с боязнью высоты, чем отгораживаться от нее мыслями о Мэриджейн. Уже полностью рассвело, и, пока он поднимался, дневной свет разгорался все ярче с каждым оставленным позади пластом листвы, а густота зеленого древесного сумрака уменьшалась, пока наконец Стронг не вынырнул из этого моря. Когда он добрался до обрубка ветки, где вчера закрепил веревку, его акрофобия затерялась внизу, в густой листве.

Он пристроился в развилке между обрубком ветви и стволом и внимательно осмотрел голубое утреннее небо. Ни малейшего признака ни аэротягача, ни «Хаус Мейтен». Часы местного производства, отмеряющие время так, как это принято на Равнинах, купленные ему Мэтьюз, он оставил в номере, ведь на дереве ему не незачем было узнавать время; тем не менее он догадывался, что аэротягач опаздывает. Огромные ветви дерева, уходящие вдаль повсюду вокруг него, закрывали и восходящее солнце, и пшеничное море. На этой стадии уничтожения ветви делали дерево похожим на распустившийся цветок, и Стронг сидел в самом центре этого цветка, на гигантском «пестике». Но когда аэротягач наконец появился в небе, он показался ему огромной пчелой, прилетевшей не опылять, а убить.

К тому времени как Пик остановил аэротягач и выпустил трос с клещевым захватом, Стронг уже спустился на первую ветку; утренний ветер ерошил его редеющие волосы и раскачивал седельную веревку, перекинутую через развилку. Вскоре ему предстояло начать использовать на дереве костыли. На этот раз ему спустили средний клещевой захват. Он прицепил его, затем Блюскай немного потянул, чтобы длинные зубья глубоко вошли в дерево, после чего Стронг снова поднялся к ветке, стравливая веревку через штыковой узел. Он переставил указатель мощности лучерезки со слабой на среднюю и сделал надрез сверху. Блюскай подтянул трос, ветвь заскрипела, и зубья захвата крепче вгрызлись в дерево. Прежде чем выполнить надрез снизу, Стронг, не успев подумать, что делает, оглядел ветку, насколько это позволяла густая листва. Но все оказалось в порядке, никаких признаков дриады он не увидел. Само собой. Блики света теперь не

могли ввести его в заблуждение, ведь он работал скорее на поверхности, чем на дереве.

Он должен был приободриться, и, в общем, так и вышло, но в какой-то части его разума царило смятение; а когда ветвь отломилась и вниз начали медленно опадать лепестки цветков, похожие на капли крови, смятение превратилась в отчаяние. Он заметил, что руки у него дрожат, и ощутил, что пот, заливающий глаза, холодный.

«Что со мной? — подумал он. — Это не ее дерево. И нет никакого ее».

Когда аэротягач вернулся, Стронг ждал его на следующей ветке, и снова разместил на дереве клещевой захват. Они убрали уже заметную часть кроны, и дерево слегка содрогнулось, когда ветка отделилась. Снова посыпались лепестки. Снова «кровь». Но на этот раз все было не так плохо, и Стронг понял, что сегодня поработает в охотку.

Все это время он вполглаза следил за небом, высматривая «Хаус Мейтен». По его прикидке было около 8 утра, но летательный аппарат пока не появлялся. Он также сообразил, что еще не слышал Мэтьюз, и почти тут же в его левом ухе материализовался ее голос:

— Всем доброе утро.

Стронг услышал, как Пик ответил «доброе утро», а Блюскай «отличного дня». Потом сам отозвался:

— Доброе утро.

— Завтра, — сказала Мэтьюз, — ты, Джейк, или ты, Оуэн, разбудите меня до того, как уйдете к тягачу.

— Могу заглянуть за тобой, — отозвался Блюскай.

— А где тривишники? — спросил Стронг.

— Не знаю. Я думала, они уже улетели.

— Здесь не появлялись, — сказал Блюскай.

— Похоже, не только я способна все проспать. Что ж, они все равно сюда доберутся. Том, будь готов поговорить с ними днем. Не забыл?

— Нет, не забыл.

— Я сказала, что у них будет полчаса.

— Хорошо.

— Ага, вон они. Идут завтракать. Джейк, когда они прилетят, следи за ними, хорошо? Постарайся не задеть их случайно.

— Буду осторожен.

— Все, отбой.

* * *

Накануне вечером для удобства своих гостей, но скорее для удобства Катерины и шеф-повара, Вестермейер установил рядом с дверью кухни кофемашину и автомат для выдачи закусок. Мэриджейн ограничилась кофе, Пруитт тоже. Дастард взял к кофе сырный омлет с беконом. Они заняли столик в углу, где Мэтьюз не могла их слышать. Дастард уселся слева от Мэриджейн, Пруитт — справа. Пруитт с ней не разговаривал. Он напоминал ей собаку, над которой она измывалась, когда была ребенком.

За кофе она закурила сигарету. Обычно Пруитт спал с ней. Прошлой ночью он спал отдельно, и, вероятно, поэтому она проспала. Ее все еще тревожил сон, от которого она пробудилась, хотя сон был старый — многократно повторяющийся сон, сказал ее психоаналитик — сон, который уже снился ей прежде. Но, сколько бы он ей снился, раньше он не впивался своими гнусными пальцами в ее сознание так глубоко, как сейчас.

Мэриджейн пила кофе, курила и размышляла. Ей совсем не хотелось размышлять о сне, но омерзительные картины отказывались покидать ее сознание.

С той поры как она обсудила его с психоаналитиком, сон остался точно таким же, только сделался гораздо более ярким.

«Я иду по лугу. Это большой луг — такой широкий, что я не могу разглядеть, какая местность его окружает, — а вокруг цветут прекрасные пестрые цветы. Я босая и, куда бы ни ступила, давлю цветы. Надо мной голубое июньское небо, каким оно бывает в умеренных широтах Земли.

Я стараюсь не наступать цветы, но это невозможно. Они всякий раз попадают мне под ногу, и я продолжаю уничтожать их. Дует ветер. Должно быть, северный, потому что прохладный. Я чувствую, как он обдувает мне лицо, руки, ноги, живот, груди. Именно в этот момент во сне я понимаю, что совершенно голая.

Пока я думала о цветах, луг незаметно превратился в холм — склон холма, который становится все круче с каждым моим шагом. Вскоре он становится совсем крутым, практически вертикальным, но я продолжаю подниматься, словно по плоской земле. Это страшно пугает меня, я пытаюсь остановиться и вернуться туда, откуда пришла. Но не могу. Цветы исчезли, и земля «под» моими ногами — серая, почему-то вздутая, я мягко проваливаюсь в нее с каждым шагом. Я гадаю, остался ли подо мной луг с пре-

красными цветами, но откуда-то, хотя не могу повернуть голову и посмотреть, знаю, что он исчез.

Я взбираюсь, взбираюсь. Похоже, у холма нет вершины, но все же она должна быть. Это чрезвычайно узкий холм — скорее колонна. Но самое ужасное в происходящем — не высота, на которую я поднялась, а то, что я иду по вертикальной поверхности так легко, словно она горизонтальная, пренебрегая законами природы, которым подчиняются мои тело и разум. Со все возрастающим отчаянием я хочу развернуться и отправиться обратно, но не могу. Холм — если это холм — гипнотизирует меня, внушает настоятельную потребность достичь его вершины, и я все пытаюсь добраться до нее, хотя не хочу.

Вдруг холм начинает пульсировать у меня «под ногами». Вздрагивать. Моя невероятная опора становится неустойчивой. Высоко-высоко надо мною что-то очень сильно громыхает, и я в ужасе осознаю, что взбираюсь вовсе не на холм, а на что-то вроде вулкана, который начинает извергаться, и в любой миг меня смоет горячей лавой. Тут моя невероятная опора перестает держать меня, и я поневоле вцепляюсь в перпендикулярный склон, впиваясь пальцами в его странно мягкую поверхность. Затем я вижу над собой лаву, только это не лава, а что-то белое, похожее на сливки, и оно опускается по склону большими белыми волнами. Я понимаю, что когда они достигнут меня, то накроют с головой и смоют мой труп со склона, и начинаю пронзительно кричать. И просыпаюсь».

Ее психоаналитик при помощи психосенсоров выудил из ее бессознательного описание цветов в долине и возвышения. Затем, еще раз внимательно посмотрев ее досье, растолковал ей этот сон.

— Вам не хочется давить цветы, растущие в долине, — сказал он, — потому что это нерожденные вами дети, но вы не можете перестать давить их, потому что в каком-то смысле уже раздавили. Вас пугает чудовищный пенис, на который вы взбираетесь, потому что он символизирует тот образ жизни, ради которого вы покинули церковь. Вам хочется прекратить подъем, но вы не можете этого сделать, потому что удовольствие, которое он также означает, перевешивает страх. Затем происходит извержение, и вам кажется, что вы боитесь за свою жизнь. На самом деле вы боитесь одного из двух или и одного, и другого: что наступит беременность, которой вы так нерелигиозно избегали, и/или ваш жизненный уклад серьезно изменится. Думаю, мы можем сделать

следующий шаг, мисс Джейнус, и сказать, что этот последний аспект сна содержит элемент осуществления подсознательного желания: вас не удовлетворяет ваш стиль жизни, и вы хотите покончить с ним, даже если единственный способ сделать это — беременность. Во всяком случае теперь, когда вы понимаете значение сна, он вам больше не должен сниться.

«Обманщик!» — подумала Мэриджейн, закуривая вторую сигарету. И все же он был не совсем уж обманщиком. Этой ночью сон приснился ей впервые после его консультации.

— Джерри, милый, — сказала она, — принеси мне еще чашечку кофе.

Не глядя на нее и не промолвив ни слова, Пруитт встал, подошел к кофемашине, принес кофе и снова сел.

— Спасибо, зайчик.

Может быть, подумала она, мое бессознательное так же жестоко и развратно, как сознание. Может быть, подсознательно мне нравится страдать — вот и снится этот сон.

Или, возможно, это случилось из-за того, что я опять увидела Тома. Может быть поэтому там, на Одуванчике, когда он попросил моей руки, я чуть не согласилась. Я перестала видеть этот сон, но воспоминания о нем по-прежнему приводили меня в ужас. Может быть, я решила, что этот сон точно не повторится, если я выйду за него замуж и у нас будут дети.

Место действия: Гранитный уступ возле водопада на горном склоне на Одуванчике.

Действующие лица: Мужчина и женщина, оба обнаженные, лежат бок о бок на уступе близ грохочущей воды.

Он: Ты знаешь, чего я хочу, Мэриджейн? Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она: Не говори глупостей, Том.

Он: Я хочу детей. От тебя.

Она: Ты говоришь как герой старого фильма.

Он: Пусть. Предложение остается в силе. Ты выйдешь за меня замуж?

Она: Я... не знаю. Я подумаю.

Момент подсказывал: соглашайся, и она едва не сказала «да». Но не сказала. Но думала об этом. Денно и нощно... до тех

пор, пока... до тех пор, пока... пока не выкинула эту идиллию из своих мыслей.

— Ну, — сказал Джонни Дастард, допивая кофе, — полагаю, лучше поздно, чем никогда.

— Да, — сказала Мэриджейн, допивая вторую чашку, — с каждой секундой мы запаздываем все больше. — Она посмотрела на Пруитта. — Верно, Джерри?

Пруитт ничего не сказал. Он просто встал и направился к двери. Ничего, отойдет, подумала Мэриджейн.

— Ну же, Джонни, пошли, — сказала она.

Мэтьюз наблюдала, как они выходят. Мэриджейн была в белом лифе, облегающих темно-синих лосинах и белых сандалиях. Белизна лифа делала ее волосы темнее. Чернее черного. «Сука!» — подумала Мэтьюз. Но это говорила заточенная в ее тело двадцатипятилетняя девушка, а не она сама. Эту двадцатипятилетнюю девушку не заботил бедняга Пруитт и еще меньше — несчастный Стронга. Эта двадцатипятилетняя девушка думала только о себе и бесилась, оттого что прошлой ночью Пик ушел с Мэриджейн, а не с ней. «Боже мой! — думала Мэтьюз. — Из чего сделаны такие женщины, как я?» А потом вспомнила про насмешливый ответ, который придумала давным-давно, когда *ей* было двадцать пять: «И конфет, и пирожных, и пороков всевозможных».

Однако оболочка Мэтьюз тоже осуждала вчерашнее поведение Мэриджейн. Тоскливый вид Пруитта, когда Мэриджейн с Пиком покинули бар, никак не выходил у нее из головы. И оболочка Мэтьюз, которой Пик не нравился, задумалась, что в нем такого, чего нет в Стронге, что за таинственное качество манит к нему женщин.

Деревенщина, вот кто он такой, подумала она. Прирожденный лоботряс. Циничное проявление мужественности, которое какое-то сардоническое божество поместило среди людей, чтобы принизить наивных олухов вроде Стронга и Пруитта.

И чтобы глубоко бередить старух вроде меня.

К полудню Стронг срезал еще шесть ветвей в двух секциях и удалил оголившуюся часть ствола. Забрав из мешка легкий молоток и сумку с тремя костылями, он отправил сам мешок обратно

к аэротягачу, чтобы не тратить драгоценное время, спуская его все ниже по дереву. Теперь дерево стало вдвое ниже, и сегодня после обеда должна была начаться настоящая работа.

Когда Блюскай спустил ему обед, Стронг, сидя под густой листвой на обрубке ветви, съел два сэндвича с мясом местного производства и выпил почти целый термос свежесваренного кофе, который ему прислали вместе с едой. «Хаус Мейтен», висевший в небе примерно с девяти утра, теперь улетел. Стронг боялся его возвращения, ведь когда он вернется, то, скорее всего, Мэриджейн спустится на дерево.

Он срубил еще одну ветвь, когда голос Мэтьюз возвестил ему, что Мэриджейн на подлете.

— Их двое, — сообщила она. — Она и один из ее операторов. Ради бога, Том, присмотри, чтоб они не свалились.

Стронг осмотрел освещенную солнцем ветвь, на которую только что спустился. Она была достаточно широкой для прогулки — тропа, покрытая корой; листва под ней не позволяла понять, что этот променад расположен на огромной высоте, и тропа словно бы вела в лес, образованный листвой этой самой ветви.

— Они не упадут, — сказал он Мэтьюз. — Если только не пьяные.

Она сел, прислонившись к стволу, и стал ждать посетителей. Даже на такой высоте ствол был толстенным, и здесь кора начинала приобретать свойства коры, покрывавшей ствол далеко внизу — сплошные складки и впадины. Складки были еще небольшими, а впадины неглубокими, но складки станут все более резкими по мере того, как он будет спускаться по дереву, а впадины — все более глубокими.

Вскоре он заметил «Хаус Мейтен». Пик уже отвел аэротягач прилично к западу, чтобы команда три-ви могла пролететь над деревом. Стронгу «Хаус Мейтен» напоминал моль с подрубленными крыльями и прозрачным брюшком. Приближаясь, он, казалось, все выше взбирался в небо, и только оказавшись над деревом, начал спускаться. Стронг не шелохнулся. Его было хорошо видно, и пилот не мог не заметить его. Видимо, его заметили, поскольку суденышко опустилось прямо к ветке, на которой сидел Стронг. Примерно в двадцати футах над веткой судно зависло, его брюхо открылось, и в специальной корзине на ветку спустились мужчина и женщина, мужчина с камерой на треноге через плечо. Корзина поднялась, «Хаус Мейтен» взмыл в небо, и

Стронг смог хорошо разглядеть Мэриджейн впервые с тех пор, как ушел из арендованного домика на горном склоне на Одуванчике.

Встреча с ней причиняла ему страдание, но он давно привык к страданию.

Если она и знала о его акрофобии, то отлично скрывала свою осведомленность. Едва только пыхтение стабилизирующего двигателя «Хаус Мейтен» затихло, она легко прошла по ветви туда, где сидел Стронг. Ее спутник остался сзади, устанавливал на треногу камеру.

— Привет, Том, — сказала она.

Для интервью она переоделась в красную клетчатую рубашку, темно-синие бриджи и тяжелые сапоги по колено. За исключением более высоких сапог, это очень напоминало одежду Стронга, но у него она была старой, а у Мэриджейн новехонькая. Можно было сказать, что ее одежда прекрасно сочеталась с ее телом, тогда как его — с его бородой.

Он встал.

— Привет. Как ты? — спросил он без выражения, глядя на ее волосы.

— Прекрасно, — солгала она. Да, он все еще носил бачки. — Это не займет много времени. Можешь спустить свою веревку, смотать ее бухтой и накинуть на плечо?

— Ладно, — ответил Стронг, выбрался из седла, стянул вниз веревку и начал ее сматывать. Он был рад, что она попросила его об этом — он получил возможность чем-то заняться, ему одолжили несколько минут, чтобы перевести дух, потому что дух у него захватило, как всегда в ее присутствии. «Она свинья, — сказал он себе. — Свинья Пика». Но это не помогло.

— Джерри готовится к прямому три-ви-эфиру, — продолжала Мэриджейн, — и я сейчас задам тебе несколько вопросов. Я хочу представить тебя одиноким лесорубом, покоряющим дерево. Ты — герой, дерево — злодей. Оно же *злодей*, верно?

Стронг перекинул свернутую веревку через левое плечо.

— Так считают жнецы.

— Их трудно упрекнуть. Вестермейер показал мне некоторые из здешних гниющих домов. Да бог с ними, главное — ствол не годится для фона: зрители могут подумать, что я веду репортаж с земли. Так что надо уйти от него по ветке как можно дальше. Так что, если ты пойдешь первым...

Стронг двинулся по ветке прочь от ствола. Она следом. Когда они дошли туда, где ее спутник настраивал камеру, она познакомила их.

— Я взяла с собой Джерри, поскольку он говорит, что не боится высоты.

Поглядев Пруитту в глаза, Стронг увидел в них нескрываемый ужас.

Стронг пошел дальше. Ветка постепенно сужалась. Идя за ним, Мэриджейн сказала:

— Утром я вспоминала Одуванчик.

— Это славная планета, — отозвался Стронг.

— Да, конечно. Пожалуй, уже достаточно.

Они повернулись к камере. Сверху, снизу, сзади и с обеих сторон от них зеленела листва и алели цветы дерева. Над их головами пролетела птица-хохотушка. С равнины налетел ветер, похожий на чинук, и листья затрепетали, смешивая темную зелень верхних поверхностей с более светлой зеленью изнанок. Воистину прекрасное зрелище, которое ему, увы, предстояло уничтожить.

— Мы в кадре, Джерри? — окликнула Мэриджейн Пруитта.

— Все готово.

— Тогда начали.

Мэриджейн повернулась лицом к миллионам своих потенциальных зрителей.

— Говорит Мэриджейн из трансзвездной вещательной сети «Трансзвездные новости», — сказала она. — Я стою на большой высоте на ветви огромного дерева на планете Равнины, а рядом со мной — героический человек, который рубит это дерево, мистер Томас Стронг. Он согласился на это интервью, чтобы все вы узнали, какие люди нужны для столь опасной работы. — Она повернулась к Стронгу. — Вы всегда выполняли работу подобного рода, мистер Стронг?

Стронг, мучительно осознавая, что на него смотрят миллионы людей, выдавил простое «да». К его муке постепенно добавлялись страдания по женщине, стоящей рядом.

— Как вышло, что именно вас выбрали для этого дерева, мистер Стронг?

— Нас трое, и, когда предстоит очень сложная и большая рубка, мы тянем травинку, — ответил Стронг, чувствуя себя круглым дураком. — Тот, кто вытянет самую длинную, занимается основной работой. В этом раз травинку вытащил я.

— Как захватывающе! — Она не хотела, чтобы это прозвучало цинично, но ее голос, вероятно, в силу привычки, придал словам оттенок сарказма. — Вас порадовало, что именно вы стали древорубом, который уничтожит это древесное чудовище?

Стронг, понимая, что на экранах три-ви их окружает зеленомалиновая идиллия, ответил:

— Пожалуй, я не думал о дереве в таких выражениях. Оно пугало меня, но не вызывало ненависти. Для меня это просто работа, которую предстоит сделать. Это жнецы ненавидят дерево.

— И небезосновательно. — Мэриджейн повернулась к аудитории. — Мы скоро покажем вам, к которому столь уважительно относится наш отважный Беовульф, сделало с прекрасными домами жнецов, прибывших сюда, и что они обо всем этом думают. — И снова вернулась к Стронгу: — До того как стать древорубом, мистер Стронг, скажите, какую работу вы выполняли?

— Учился в школе.

— В средней школе?

— И еще в колледже.

Это ее удивило. На Одуванчике она не расспрашивала его о прошлом, и он не расспрашивал ее. Он тогда уже знал — или догадался, — какого сорта эта женщина, и не хотел об этом думать. Она же знала только, что он родился и вырос где-то на Земле, там же, где и Пик.

— Понятно, — сказала она. — Вы изучали лесоводство или нечто подобное?

— Нет. Чтобы валить деревья, не требуется ничего о них знать. Для этого нужна только пила. Я изучал итальянскую литературу.

Мэриджейн злилась на себя. Ей следовало расспросить Тома заранее. Тогда бы она понимала, каких вопросов остерегаться. Но она считала, что знает его. И действительно знала. Знала все о том, на что он способен, не хуже, чем знала Дуэйскую Библию[1], подаренную ей отцом на двенадцатилетие. Том был смирным бычком, которого она могла спокойно водить на веревочке, — до тех пор, пока по неосторожности не проговорилась о Пике. Тогда бычок взъерепенился. Но она никогда ничего не знала о его прошлом. Во имя Господа, почему человек, специа-

[1] Английский перевод Вульгаты, выполненный изгнанными из Англии католиками.

лизировавшийся на итальянской литературе, подался в обезьяны? И как ей теперь связать Пола Баньяна с Данте, Петраркой, Мандзони и Моравиа?

Придется действовать экспромтом.

— Меня озадачивает, мистер Стронг, — сказала она, — и уверена, что озадачит и наших зрителей, почему человек, изучавший итальянскую литературу, вдруг стал древорубом, сменил науку на лазание по веткам?

— Я решил, что не хочу преподавать, — ответил Стронг. Теперь он явственно увидел миллионы потенциальных зрителей, и они пугали его.

— Понимаю. — (Торо, вот! Можно сравнить его с Торо. Не с Полом Баньяном, этим истребителем деревьев, а с молчаливым человеком, прогуливающимся по лесу.) — Подобно Торо, вы решили, что вашему складу ума более соответствует сущность природы, чем безрассудства кампуса. Это своего рода спокойный, скромный героизм, мистер Стронг!

От невидимой Стронгу аудитории понеслись свист и возгласы неодобрения. Шиканье. Там знали — он беззащитен. Стронг в отчаянии произнес:

— Изучить что-либо не означает, что потом ты обязательно должен этому обучать. В средней школе я выиграл спортивные соревнования и получил стипендию, но мне не хотелось и дальше заниматься физкультурой, поэтому я решил изучать предмет, который всегда меня интересовал.

Мэриджейн с радостью ухватилась за стипендию.

— Стипендию за какой вид спорта?

— За борьбу.

Она вспомнила его отлично развитую мускулатуру, крепость пресса. Почему она тогда не догадалась спросить? Неважно. Теперь у нее было две связи с деревом.

— Торо, который борется с дикой природой, — сказала она.

Новые свистки. Новые презрительные выкрики.

— То, чем вы занимаетесь на Равнинах, — сказала Мэриджейн на своем лучшем «эфирном» англо-американском, — дань Человеку. Человек всегда боролся с вечными силами природы — сперва на Земле, а потом на центральной группе планет. Противостоял засухам, бурям, наводнениям. И прежде всего сражался с вредоносными растениями, которые вечно пытались уничтожить то, что он посеял и вырастил. — Она повернулась лицом к камере: — С вами была Мэриджейн из «Трансзвездных новостей», с

большой высоты, с огромной ветви последнего Иггдрасиля планеты Равнины.

Если не считать редких криков птиц-хохотушек и еле слышных звуков, издаваемых Пруиттом, пока он складывал свою камеру, на дереве царила тишина.

— Что ж, — сказала напоследок Мэриджейн, — в конце концов получилось неплохое интервью.

Избавленный от миллионов уставившихся на него глаз, Стронг произнес:

— Рад, что все получилось.

— Да, — сказала она, глядя на него. Затем перевела взгляд на «Хаус Мейтен» и помахала рукой. Летательный аппарат тотчас начал снижаться. — Э-э... мы давно не виделись, — сказала она Стронгу.

Он молча кивнул.

«Хаус Мейтен» замер примерно в двадцати футах над ними. Спустилась корзина. Пруитт вошел в нее со своей треногой и камерой.

— Ну, спасибо, Том, — сказала Мэриджейн.

— Всегда пожалуйста.

Он смотрел, как она идет по ветке и забирается в корзину. Она помахала ему. Он помахал в ответ. Корзина поднялась к «Хаус Мейтен», а «Хаус Мейтен» — в небо. Он смотрел, как тот летит в сторону амбаров и сараев, смотрел до тех пор, пока он не скрылся из вида, а тогда вернулся к стволу. Стараясь ни о чем не думать, Стронг свернул конец веревки для броска и зашвырнул его наверх, перекинув через обрубок ветви, с которого тот свисал прежде. Он увидел, что аэротягач возвратился в исходную позицию. Тогда Стронг вернулся в седло и снова двинулся по ветви. Длина седельной веревки не позволяла отойти от ствола так далеко, как ему хотелось, и первый надрез получился неряшливым. Но все же он довольно быстро избавился от места, где побывала Мэриджейн.

В пять часов Блюскай опять спустил ему мешок — с ужином и водой для умывания, после чего аэротягач убыл к ангарам. После интервью Стронг успел спилить еще четыре ветки и еще раз подрезал ствол. Когда он уничтожил ветку, на которой побывала Мэриджейн, ему пришлось начать закреплять седельную веревку с помощью костылей. Теперь, чтобы срезать ветку, приходилось делать три надпила, а толщина ствола не позволяла отрезать его секциями длиннее двадцати футов. Средний клещевой захват ед-

ва удерживал последнюю отрезанную им часть дерева. Завтра они начнут применять самый большой захват.

Стронг умылся перед едой, но не потрудился побриться. К тому времени, как он покончит с деревом, у него отрастет порядочная щетина. Возможно, он позволит отрасти бороде. Хотя Мэтьюз ничего не сказала, он подозревал, что ужин для него готовили под ее присмотром. На сей раз он состоял из ростбифа, картофельного пюре, соуса и гарнира из бобов и салатов. Напитком оказался холодный чай в разовой вакуумной упаковке, а на десерт — большой кусок персикового торта. Большая часть еды, если не вся она, приготовлена из местных продуктов и довольно вкусна. К несчастью, у него пропал аппетит, и он съел немного того, немного другого, а остальное выбросил.

Когда он потом присел на мешок и закурил, в его левом ухе раздался голос Мэтьюз:

— Понравился ужин, Том?

— Само собой.

— Мэриджейн сказала, что интервью прошло удачно.

— Да, мне тоже так показалось.

— С тобой там все в порядке, Том? У тебя все есть?

— Конечно. Все есть.

— Ты говоришь как-то уныло.

— Уныние — в моей природе. Так что не волнуйся, Мэтти.

— Хорошо. Тогда не буду тебя больше тревожить. Умолкаю. Хорошенько выспись, Том. Все, отбой.

Он сидел на ветке в угасающем свете дня, курил сигареты, тушил их и выбрасывал окурки. Закат он видеть не мог. Мощные ветви дерева и триллионы его листьев закрывали от него солнце. Когда в неба исчезла последняя голубизна, он вытащил из мешка палатку, установил ее и поместил перед ней портативный костер. Но внутрь не полез, а уселся на мешок. Дерево теперь кишело птицами-хохотушками; охотники и охотницы вернулись, и некоторые выискивали новые ветки для насеста. «Почему бы вам не объединиться и не скинуть меня с дерева?» — спросил их Стронг. Но они продолжали хохотать, словно его там не было. Возможно, они его не замечали, а даже если и замечали, то, вероятно, не связывали его присутствие с уменьшением их дома.

Постепенно их беспорядочный хор перешел в тихий щебет, который вскоре совсем затих. Дерево объяла тишина. В небе появилась первая звезда, а вскоре и Пенелопа, первая луна, подня-

лась над простирающимися вдаль ветвями, а Стронг все сидел и не двигался с места. Пенелопа быстро поднялась в зенит. Она была меньше единственного спутника Земли, но гораздо ярче благодаря особенностям своей поверхности. От полюса до полюса ее покрывали ледяные поля. Наконец к ней в безоблачном небе присоединилась ее младшая сестра, Даниэлла, тоже покрытая ледяными полями. Теперь над ним оказалось две луны, а внизу все стало серебристым. Серебро, тишина и безмятежность.

Рядом со Стронгом села Мэриджейн. Но он не хотел смотреть на нее. Он полагал, что так или иначе она всегда будет рядом. Что ж, пусть ее, подумал он. Не стану на нее смотреть. Я никогда не посмотрю на нее, как бы долго она ни сидела здесь в своей непристойной наготе.

Ветвь, на которой он устроился, казалась серебристой дорожкой, окаймленной серебряными листьями. В ярком свете двух лун он далеко видел вдоль нее, и чем дольше смотрел, тем больше та казалась настоящей дорогой — дорогой, которая, если по ней пойти, приведет его в ту землю, куда его страстно тянуло всю жизнь, знать не зная ничего о ее истинной природе и о том, почему предпочитает ту землю этой земле — реальности, в которой жил всегда... Сидя там и разглядывая листья на дальнем конце ветви, он заметил, что при двойном лунном свете они образуют цветок, бледный цветок больше и красивее всех прочих, что он видел на дереве, — и тогда встал и направился к нему по ветке.

Стронг шел и шел, а ветка под его ногами сужалась. Он не сводил глаз с цветка, а его ноги сами нащупывали дорогу на ветке. Она начала покачиваться под его тяжестью, но он едва это замечал. Когда он наконец дошел, то увидел ее — она сидела на тонкой ветви, а цветок оказался ее лицом.

Она немного подвинулась на суку, давая ему место. Сук прогнулся под ним. Как и прежде, ее красота потрясла его.

— *Я рад, что ты здесь*, — сказал он. — *Тоскливо было сидеть там совсем одному.*

— *Кто-то сидел рядом с тобой*, — отозвалась она.

— *В некотором смысле; но откуда ты узнала об этом?*

Она не ответила на его вопрос. Вместо этого она сказала:

— *Ты не хотел, чтобы она там сидела, но она все равно сидела. Но даже несмотря на то, что она не желала уходить, ты был одинок.*

— *Да*, — согласился он. — *Я был одинок.*

— Но сейчас ты больше не одинок.

— Нет. Теперь я с тобой.

— Ужасно быть одиноким, — сказала она. *— Я была одинока много-много лет.*

— Сколько же тебе лет? — спросил он.

— Не знаю. Ведь ты считаешь года по-своему.

— Тебе столько же лет, сколько и дереву?

— Да.

— Тебе сколько же лет, сколько деревне?

— О, я старше деревни. Я ее построила.

— Не могу поверить. Ты не могла ее построить. Кроме того, ты слишком молода, чтобы быть такой старой.

— Ты не обязан мне верить.

— Почему люди, жившие в деревне, покончили с жизнью?

— Потому что их дерево умирало.

— Но оно не умирало.

— Нет. Оно умирало. Когда умерли деревья в других деревнях, они поняли, что и их дерево умирает, по той же причине. Поэтому они не стали ждать. Им не хотелось видеть, как оно умрет. Поэтому, когда люди, жившие в других деревнях, отправились в Пещеры Смерти и убили себя, люди, жившие в этой деревне, сделали то же самое.

— Ты намекаешь, что они поклонялись дереву.

— Они — нет, но их предки поклонялись, и они слишком поздно поняли, почему.

— Но оно не умирало. Оно не умирало до тех пор, пока я не забрался на него и не начал его убивать.

— Нет. Оно умирает уже много лет.

— Не понимаю, — сказал он.

— Поймешь, — сказала она. *— Скоро все разъяснится.*

— Может быть, я смогу спасти его. Еще не поздно.

— Поздно стало задолго до того, как ты забрался на него.

— Не верю. Если бы я оставил его в покое, оно прожило бы еще тысячи лет.

— Нет. Как ты думаешь, если бы дерево не умирало, я не стала бы упрашивать тебя не убивать его? Я сделала бы все, лишь бы остановить тебя. Но я знала, что ты просто ускоришь его смерть — что в некотором смысле ты осуществишь акт милосердия. И все равно мне было горько. Вот почему, когда я впервые заговорила с тобой на площади, я сказала: «Когда я умру, ты тоже умрешь». Я думала, что ненавижу тебя, и хотела

напугать. Но я не испытываю к тебе ненависти. Не могу. Не ты ускоришь смерть этого дерева. Это неотвратимость, а ты — ее *беззащитная часть; та самая неотвратимость, которая уже вызвала его угасание.*

— Единственная неотвратимость, частью которой меня можно назвать, — сказал он, — *это неотвратимость цивилизации. Было решено, что дерева не должно быть. Следовательно, его не будет. Если я откажусь рубить ветки, Мэтьюз пришлет Пика. А если бы я убил Пика, мне пришлось бы убить и Блюская, потому что следующим ей пришлось бы отправить его. Ну, а потом мне пришлось бы убивать всех, кого она или еще кто-нибудь присылали бы убивать дерево, и в конце концов кто-то убил бы меня и все равно срубил бы дерево. Это ты подразумеваешь под «неотвратимостью»?*

— Отчасти да.

— Хорошо. Если это нужно сделать, лучше я сделаю это собственными руками.

— Да будет так, — отозвалась она.

— А если ты умрешь, когда умрет дерево, я тоже умру. Точно как ты сказала.

— Нет.

— Да, — возразил он. *— Если ты умрешь, мне не захочется жить. Я влюбился в тебя.*

Воцарилось короткое серебристое молчание. Затем она сказала:

— Ты не можешь влюбиться в меня.

— Почему?

— Потому что... потому...

— Потому что в чистой холодной твердыне своего разума, где пребывает здравый смысл, я не считаю тебя реальной?

— Ведь не считаешь, верно? — спросила она.

— Я люблю тебя, реальна ты или нет. Но я считаю тебя реальной — хотя ты не вмещаешься в маленькую коробочку, ограничивающую мою реальность.

— Это правда. Я реальна. Так же реальна, как и ты, только по-иному.

— Я знаю, что это правда.

— Теперь ты это знаешь, но будешь ли знать завтра?

— Да, — сказал он, протянул руку и коснулся ее лица.

Она резко отпрянула, но он успел ощутить мягкую прохладу ее щеки. Это прохлада походила на прохладу двойного лунного

света, царившую вокруг. Затем ему показалась, что она становится все более призрачной.

— *Тебе не следовало этого делать*, — сказала она. — *Ты пытаешься превратить меня во что-то, чем я не являюсь, чем не могу быть. Теперь нам придется провести нашу последнюю ночь врозь, в одиночестве.*

Он ощутил, как ветка под ним прогнулась. Но не попытался перебраться на более толстый участок. Ему хотелось упасть. Вниз, вниз, через ветви и листья — на землю.

— *Ты позволишь дереву убить меня?* — спросил он.

Словно в ответ сук хрустнул, и он полетел вниз. Именно этого я хотел все это время, подумалось ему.

Потом он почувствовал, как ее руку ухватила его за запястья и втащила на ветвь. И услышал ее голос:

— *Нет, ни за что*, — сказала она.

Тогда он понял, что закрыл глаза. А когда открыл, она исчезла.

Стронг вернулся туда, откуда пришел. Все это время он ожидал, что акрофобия вот-вот обрушится на него, словно кувалда, и заставит возвращаться к палатке ползком. Но этого не случилось, и он вдруг понял, что этого и не могло быть и уже не будет, потому что акрофобия была свойством другого «я» — того, которое он бросил или которое бросило его, когда тихо и незаметно, упало сквозь листву на землю.

Мэтьюз сидела в баре рядом с Блюскаем. Пик ушел рано. В этот вечер бар был переполнен — жнецы уже начали отмечать предстоящую кончину дерева. Смех, хихиканье, выкрики и громкая музыка — если вы бывали в людном баре в разгаре веселья, вы все это видели. Вестермейер пришел с женой. Они стояли слева от Мэтьюз и пили «Магеллановo облако». Блюскай пил неразбавленное виски. Помимо жнецов, в баре была и Мэриджейн со своими операторами. Мэриджейн то и дело поглядывала на дверь, наверное, в надежде, что придет Пик. «Гляди-гляди, сука!» — подумала Мэтьюз. А потом вспомнила: и конфет, и пирожных, и пороков всевозможных. Сама она пила «Старую Землю».

Жена Вестермейера рассказывала Мэтьюз о том, что обнаружила еще одну сгнившую часть в их доме. Не такую значительную, как первая, но вполне заметную. В гостиной, прямо под одним из окон.

— Мы повесили там занавески, чтобы не было заметно, — говорила она. С другого бока от Мэтьюз Блюскай беседовал с Катериной, работавшей за стойкой бара, о «малом народце». Мэтьюз сочла, что разговор Блюская ей неинтересен, как и разговор с женой Вестермейера. Женщин, подобных Вестермейерше, она выслушивала всю свою жизнь.

— Господи, — говорила жена Вестермейера, — наконец-то мы избавимся от этого чертова дерева!

Справа от Мэтьюз Блюскай заметил:

— Когда приходил малый народец, то большой народ гасил все огни, усаживался вкруг и топал ногами.

— Большой народ — это твои предки, — заметила Катерина.

— Верно. Они сидели в темном помещении и топали так громко, что не могли слышать малый народец — и видеть их тоже. Поэтому никто не мог сказать, что малый народец не пришел. Говорю же, у меня были умнейшие предки.

— Не следует так говорить об одной из благороднейших культур в американской истории.

— Они были сборищем старух, — сказал Блюскай. — Считали холмы, горы и деревья сверхъестественными существами.

— Это анимизм.

— Верно. Анимизм.

Катерине пришлось отойти и обслужить очередного клиента. Она была в коротком оранжевом платье, оставлявшем открытой всю спину, кроме ягодиц. Вернувшись, она сказала:

— Анимизм — обычное явление среди примитивных культур. Взять хотя бы куантекстилов.

— Потому что они поклонялись дереву? Да, полагаю, так. Они тоже были сборищем старух.

Катерине снова пришлось пойти кого-то обслужить. Слева от Мэтьюз Вестермейер за внушительным бюстом супруги произнес:

— Когда ваш парень на дереве закончит, надо будет закатить вечеринку в его честь.

— Тому это не понравится, — сказала Мэтьюз. — Он не любитель вечеринок.

— Разумеется, понравится. Он может притворяться, будто ему не нравится быть героем, но внутри он такой же, как все. И жнецам понравится эта идея. Вы не понимаете, как мы относимся к этому дереву, мисс Мэтьюз. Оно как чума, только нападает не на людей, а на дома, и если дома выглядят так, как наши, то это из-за чумы.

— Что ж, если хотите вечеринку — устраивайте. Но я все равно не думаю, что ему это понравится.

— Хорошо. Завтра мы устроим бал. Прямо здесь, в гостинице. Хорошо еще и то, что у всех у нас появится, чем заняться. Вы, вероятно, заметили, что у нас сейчас сезон расслабления. Когда поспевает пшеница, мы пашем как торнадо. И пашем как торнадо во время новой посевной. Но сейчас, за исключением периодических осмотров, нам совершенно нечем заняться.

— Если бы вы сажали озимую пшеницу, снимали бы по три урожая в год.

— Когда собираешь по два урожая весной, летом и осенью, остается недостаточно свободного времени. Зимой мы засаживаем Равнины люцерной и запахиваем ее в землю ранней весной. И все идет очень неплохо.

— Да у вас в земле золотой песок!

Вестермейер усмехнулся.

— Что-то вроде.

Справа от Мэтьюз раздался голос Блюская:

— Еще виски, Кей. — Когда она принесла спиртное, он сказал: — Я потешаюсь над своими предками по той причине, что они были глупы. Достаточно многочисленные, обладая знаниями, они могли бы сделать то же, что сделал белый человек.

— Но не сделали, так? — вмешалась Мэтьюз.

— Да, Мэтти, не сделали, в том-то и суть. Вот что приподнимает завесу над бизонами.

— При чем здесь бизоны? — спросила Катерина. — Ты сказал, что ты из племени сенека. В ваших загонах не было никаких бизонов.

— Точно. У нас была только кукуруза. Более унылой кукурузы ты видела — высокая как жердь и ненамного толще. Невозможно воевать из-за такой кукурузы. А вот с бизонами все было иначе. Бизоны там были. Их никто не выращивал. Они просто были. Потом пришел белый человек и почти уничтожил их. Пусть их не было в наших загонах, но в загонах других индейцев они были, а я — индеец. Их было пятьдесят миллионов. Пятьдесят миллионов! А после того, как белый человек вмешался, осталось всего пятьсот!

— По-моему, он пьян, — прошептал Вестермейер из-за бюста супруги.

— Просто разболтался, — сказала Мэтьюз. Она допила «Старую Землю». — Ну что, ребята, пойду-ка я спать.

— Вам не кажется, что *ему* тоже пора бы спать? — снова прошептал Вестермейер. — Я хочу сказать, у вас там на дереве человек, а этот индеец завтра будет управлять лебедкой, и...

— И проделает это так же успешно, как всегда, — ответила Мэтьюз. — Всем спокойной ночи. Все, отбой.

5

Yggdrasill astralis
Кора: Цвет коры изменяется от черного в самом низу до темно-серого в верхней части. В нижней части, особенно на стволе и на ближайших к нему частях ветвей, для корки характерны гребни, перемежающиеся со впадинами; некоторые из них, у самого подножия дерева, достигают глубины 5–6 дюймов.

Блюскай встал до рассвета. Он всегда вставал до рассвета, где бы и сколько бы ни выпил накануне вечером. Сегодня утром он проснулся в спальне Катерины, и за прошлый вечер выпил очень много. Но он не чувствовал разницы между тем, что выпил много и не выпил почти ничего. Когда он не пил, то жил на границе раздела хмеля и трезвости.

Катерина еще крепко спала. Он не стал ее будить. Вместо этого он тихо оделся в розоватом свете, проникающем в окно.

Собственное освещение комнаты было закрыто черной панелью. Комнатка была очаровательная. Когда Блюскай впервые увидел ее вчера вечером при свете, она показалась детской. Однако размеры кровати это опровергали. У комнаты был лишь один изъян — потолок над кроватью начинал гнить.

Он покинул комнату, прошел через гостиную к двери и вышел в рассвет. И тотчас ощутил присутствие дерева. Дом Катерины стоял довольно близко к площади, и оттуда, где стоял Блюскай, верхняя часть дерева не была видна, отчего создавалось впечатление, что дерево и не обрубали, что оно по-прежнему высокое, целое и невредимое, как до начала его уничтожения.

Пока он шел по улице к площади, Катерина исчезла из той небольшой части его сознания, которую он для нее ненадолго выделил. Он находился к югу от дерева, и свет зари ложился на его правую щеку и висок. С приближением к нему дерево росло и заменило собой небо. Он слышал, как хохочут в его листве проснувшиеся птицы-хохотушки. Он вспомнил, что там, наверху, вместе с ними Стронг, и порадовался, что это Стронг, а не он сам. Ему с самого начала не хотелось иметь дело с этим деревом. Не потому, что он боялся его, а потому что ему обрыдло убивать деревья. Обрыдло это последнее доказательство его полного перехода в стан белого человека.

На площади с ее гротескной птичьей купальней уничтожение дерева пока никак не сказалось. Это произойдет завтра. Завтра на площадь упадут большие ветви и крупные части ствола, и они с Пиком спустятся из своего механического гнезда и начнут резать их на меньшие части, которые можно будет поднять и унести. Но сейчас площадь в разгорающемся свете зари была чистой, а одетая корой колонна ствола величественно поднималась в зеленое и черное небо своих листьев и ветвей, для которых была единственной опорой.

Гостиница располагалась в пяти кварталах от улицы, откуда он только что ушел. Блюскай двинулся к ней широкими, но неторопливыми шагами. Он не спешил туда. Рассвет был его любимым временем. На рассвете он размышлял о прошлом своего народа. О прошлом, над которым насмехался, когда напивался в хлам и пытался притвориться, что относится к нему несерьезно. Прошлое — вот где он очень хотел оказаться. Не в том полуцивилизованном прошлом, где люди сидели в темных комнатах и топали ногами, призывая маленький народец, а в далеком прошлом. Ему хотелось вернуться в густые леса Северной Америки камен-

ного века. Возможно, там ему не было места, однако и здесь ему тоже места не было. Возможно, ему не было места нигде.

Под деревом дыхание рассвета приобрело легкий оттенок зелени. Он шел в зеленой розоватости, думая о Деганавиде. «Два речных потока сливаются воедино». Деганавиду, как и Христа, родила девственница. Он был гуроном. Когда он вырос, то отправился на каноэ из белой березы создать Лигу пяти племен. Блюскай видел его на реке — вот он плывет на Белом Каноэ, видит таяние льда вдоль края воды и понимает: идет весна. Блюскай завидовал ему, мечтая о диких землях, через которые проплывал Гурон. В его голове проносились старые имена мест: Торчащие Скалы, На Склоне Холма, Обмазанный Мною, Сложенные Сломанные Ветви, Старая Поляна... Он видел эти места в зеленой розоватости под деревом, но видел их своими глазами, не глазами Деганавиды. Завистливыми глазами индейца, выпавшего из времени.

И все же не совсем выпавшего. Индейцы убивали деревья. Когда их злосчастная кукуруза росла совсем плохо, они убивали деревья и создавали новые угодья, ведь земля, где растут деревья, всегда плодородна. И какое-то время она оставалась плодородной, а затем приходилось снова убивать деревья ради новых угодий. Но деревьев тогда было столько, что это не имело никакого значения. Даже после того как пришел белый человек и начал убивать их, это не имело значения — первое время. Но белый человек распоясался. Сперва он убивал деревья главным образом под угодья и дома, где жил бы, но спустя некоторое время принялся убивать их по любому поводу. Он не убил их все, но с него бы сталось, ведь ему требовались бумага для письма и бумага, чтобы вытирать губы и задницы, а еще места для дорог, парковок и зданий. Да, если бы не развитие трансзвездных полетов, он убил бы их все, в конце концов уничтожил бы все деревья на Земле, притворяясь все время, что это не так. Трансзвездный двигатель спас оставшиеся леса, но убийство деревьев перенесли в другие миры, и вот я, размышлял Блюскай, помогаю убивать их — не ради расчистки места под посадки кукурузы, а по разным иным причинам. Взять это невероятное дерево — для чего его убивать? Чтобы уберечь дома от гниения? Что ж, это все же таки *иная причина*. По крайней мере я не помогаю убить его для того, чтобы люди читали всякие грязные книжонки.

Его «путешествие» мимо Торчащей Скалы, На Склоне Холма, Обмазанного Мною, Сложенных Сломанных Ветвей и Старой

Поляны привело к гостинице. Он одолел два лестничных пролета до третьего этажа и постучал в дверь Мэтьюз. Когда та откликнулась, ее голос был каким-то отстраненным, словно доносился издалека.

— Это Оуэн, Мэтти, — сказал он. — Ты хотела, чтобы кто-нибудь разбудил тебя.

Спустя продолжительное время она ответила:

— Спасибо, Оуэн.

И он спустился в столовую, чтобы позавтракать.

Стронг на дереве снова позавтракал сырным омлетом, ветчиной и кофе. Затем, сидя на ветке, выкурил утреннюю сигарету, сложил палатку и убрал ее и костер обратно в мешок. Мешок он опустил на ветку далеко внизу. Затем прогулялся по ветке, на которой спал. Акрофобия не мучила его. Он шел до тех пор, пока ветка под ним не начала прогибаться. К этому времени он зашел достаточно далеко, чтобы увидеть сук. Ветка там обломилась, и листья после излома уже начинали бледнеть. Стронга это не удивило. Он знал, что конец ветки будет обломан. Однако ему захотелось увидеть это при свете дня, чтобы особо отметить свою фантазию, которая стала фактом.

Если это нужно сделать, лучше я сделаю это собственными руками.

Да.

Он прошел обратно и сел ждать аэротягача.

Все будет хорошо, успокаивал он себя. Я знаю, она сказала, что, когда дерево дриады умирает, та умирает с ним, и знаю, что она не лгала. Но она не знает, правда ли это. Она только так думает. Поэтому, когда ее дерево умрет, я заберу ее с собой и прослежу, чтобы она не умерла, не позволю ей умереть.

— Я не позволю ей умереть, — произнес он вслух.

Солнце Гэндзи поднялось еще недостаточно высоко, чтобы его лучи омыли дерево с обрубленной вершиной, и свет, в котором сидел Стронг, из-за листвы казался зеленым. Ему нравился такой свет. Ему даже нравились долетавшие откуда-то снизу крики птиц-хохотушек. Пожив немного на дереве, он проникся к нему симпатией. Но, конечно, он не мог этого допустить в ожидании появлению аэротягача, и он отогнал эти мысли и задумался о дриаде. Но лучше не стало, ведь дерево было ее домом.

Когда Блюскай спустил Стронгу большой клещевой захват, тот разместил его зубья с боков ветви, Блюскай подтянул трос, и зубья впились в кору. Стронг вернулся к стволу, сделал первый надпил — и рабочий день начался.

Чтобы избавиться от ветки, пришлось разделить ее на три части, довольно большие. Вскоре придется делать четыре. В небе появился «Хаус Мейтен». Стронг не обратил на него внимания. Птицы-хохотушки покинули ветви и рассеялись по равнине. Пока он ждал на следующей ветви, Мэтьюз сказала:

— Всем доброе утро!

Они с Пиком и Блюскаем ответили тем же.

— Том, будь поосторожнее! — предупредила она. — Ты сейчас в дремучем лесу.

— Обязательно.

— Все, отбой.

Мэтьюз положила передатчик на стол. Она сидела в столовой совершенно одна. Наедине с тем сном, от которого ее пробудил Блюскай. Ей действительно хотелось, чтобы кто-нибудь разбудил ее, потому что сама она просыпалась в четыре утра и до рассвета заново проживала самые скверные моменты своей жизни, а потом проваливалась в глубокий сон, который возвращался сразу же, как только она нажимала на кнопку будильника. Однако этой ночью все было иначе; этой ночью она не проснулась в четыре, она спала, и ей снилось, что она дерево.

Сначала она не понимала, что она дерево. Понимала только, что стоит одна-одинешенька в каком-то бескрайнем темно-золотом поле. И видит сразу во все стороны, сама не понимая, как, ведь у нее не было глаз, — и вскоре в рассветных сумерках, обступавших ее, она разглядела крошечные, взявшие ее в кольцо бруски у ближнего края темно-золотого поля, и осознала, что это дома, а сама она — дерево.

Но не то дерево, каким оно было сейчас. А дерево, каким оно было задолго до того, как Том спустился на его ветви со своей ужасной пилой. Высоким и гордым, но странно печальным, господствующим этой темно-золотой равнине.

Она стояла там в тусклом утреннем свете, ожидая прибытия своего друга-солнца, и мало-помалу осознавала свои многочисленные ветви и бесчисленные листья. Она чувствовала, как вода с питающими веществами поднимается от корней к кроне через ее

ксилему, и ощущала, как хлоропласты листьев перерабатывают первый свет нового дня. Узнала легкий ветерок, повеявший над равниной. Почувствовала свое дыхание. Она радовалась микроскопическим существам, обитавшим в этом ее зеленом дыхании, которые кормились, облетая всю равнине; каждую весну они строили гнезда и спаривались в листве. Она чувствовала в почве под собой мейофауну, перерабатывающую отходы в то, что помогало ей давать жизнь.

Встало солнце, наступил день, и она узнала, что над ее зеленой головой яркое и живое вангоговское небо и что ветерок стал ветром. Она познала алые цветы на своем зеленом лифе. Время внезапно ускорилось. Тысячекратно. Наступали сумерки, потом ночь, потом снова день. Мерцание чередования света и тьмы. Явилось лето с его щедрым теплом, и иногда далеко на равнинах возникали бури, передвигавшиеся по земле на черных ногах смерчей. Прошло лето, потом осень, потом начали осыпаться ее бессчетные орехи, не способные прорасти, а вслед за ними — листья. Время холодных ветров и снега она проспала нагая, но не мерзла, а когда проснулась — была весна. Но теперь она познала голод, которого не чувствовала прежде. И все же он был, поняла она, был давно и усиливался с каждым днем, пока наконец не затронул ее существо, сообщая: что-то неладно. Она стала искать, что не так, и наконец обнаружила. Увидев, в чем дело, она горько заплакала. И еще плакала во сне, когда в дверь постучал Блюскай.

— Да? — отозвалась она.

Потом сказала:

— Спасибо, Оуэн.

Она лежала в рассветных сумерках, пытаясь припомнить, что было не так. Но не смогла.

Не смогла и сейчас, сидя в столовой за второй чашкой кофе. Она могла думать только о том, как красиво стояла, высокая и гордая, на темно-золотой равнине. Через некоторое время она осознала, что ее внутренняя пустота исчезла. Теперь ее наполняли грусть и ощущение чуда, относящиеся к дереву.

У Стронга дело спорилось, несмотря на сложности, возникшие из-за обхвата ветвей и ствола. Ему приходилось убирать каждую ветвь в четыре приема, а еще распилить ствол вдоль перед тем как отрезать его горизонтально — иначе клещевой

захват не держался. Но к полудню он оказался значительно ниже, чем утром.

Блюскай спустил ему обед. Стронг съел половину одного сэндвича, а все остальное, кроме кофе, выкинул. Кофе он выпил под сигареты. Он уже дважды спускал мешок ниже. Теперь ему пришлось спустить его опять. По дороге мешок сбивал лепестки, но они больше не пугали Стронга. Он уже привык видеть «кровь» дерева. Более того, теперь он стал машиной, самозапрограммированной уничтожить дом женщины, которую он любил. Когда мешок оказался на месте, он смотал веревку и продолжил сражение с деревом.

Птицы-хохотушки, не улетевшие на равнины, пронзительно вопили свое «ха-ха» и суматошно перелетали с ветки на ветку. Теперь они поняли, что их жилище в опасности. И не покидали ветви, которые спиливал Стронг, до тех пор пока те не поднимались в воздух; лишь тогда они лихорадочно перелетали обратно на дерево. Наконец Стронг добрался до скрытой густой листвой рукотворной постройки, опоясывающей ствол, и с удивлением уставился на нее. Это был дом для птиц.

Его изумило не столько присутствие здесь этого дома, сколько то, каким образом этот дом оказался здесь. Он был построен основательно, крепко, но кое-где уже сгнил, а там, где гниль его не коснулась, все покрывал слой птичьего помета толщиною в фут. Помет был старый, и отсутствие свежего указывало на то, что домом не пользовались давным-давно. В тех стенах, что не сгнили, через одинаковые промежутки зияли отверстия, достаточно большие, чтобы в них могла проникнуть птица-хохотушка, а внутри сохранились останки несколько насестов. Было совершенно ясно, что перед Стронгом творение куантекстилов — дом, пробывший на дереве не меньше века. Но как куантекстилы подняли его сюда? А если, что наиболее вероятно, строили его прямо здесь, то как поднимали наверх материалы для постройки?

Конечно, при помощи веревок. Но это приводило к главному вопросу: как они сами поднимались сюда?

Ответ был тот же: при помощи веревок.

Согласно информации «АнтропоКо», они жили одной пшеницей, но «АнтропоКо» — не Бог, и, вполне возможно, куантекстилы разнообразили свой рацион небольшим количеством мелкой дичи. Это предположение допускало наличие у них оружия, и логике подсказывала, что наиболее подходящее — это лук и стрелы. Сильный охотник с достаточно мощным луком мог дос-

лать стрелу к нижним ветвям дерева и таким образом перекинуть через ветвь тонкую веревку, с помощью которой можно было поднять уже более крепкую веревку. Потом один из куантекстилов мог совершить головокружительный подъем и в конце концов добраться до начала ветвей, используя бугры и впадины на коре. Или они могли установить блок с оснасткой и таким образом подниматься наверх. Вероятно, так все и было. Потом они забрасывали на дерево еще одну веревку, и тот куантекстил, что уже сидел на дереве, каким-то образом использовал ее, чтобы добраться до той ветви, на которой сейчас стоял Стронг, и поднимал туда блок с оснасткой и основную веревку.

Достаточно простая процедура. Тем не менее Стронгу она не понравилась. Слишком много предположений. Но на данный момент это было единственное решение, какое он смог придумать.

Более внимательное изучение птичьего домика показало, что большую его часть делали на земле, а потом уже подняли на дерево. Он был слишком богато украшен, чтобы все это сделать на дереве. Пытаясь представить, каким этот дом был много лет назад, во всей своей красе, Стронг решил, что, в сущности, он выглядел безобразно. Слишком много ненужных резных украшений. В той части крыши, которая еще не сгнила, были даже маленькие купола. Он добавил их к своему представлению об этой конструкции. Получился пряничный домик.

Несмотря на свои значительные размеры, он явно не мог вместить всех птиц, живущих на дереве. Может быть, когда его строили, на дереве жило меньше птиц. Или, может быть, — и он внезапно понял: вот истинный ответ, — большинство птиц, живущих сейчас на дереве, были потомками птиц, живших на других деревьях и перекочевавших сюда, когда те деревья умерли.

Но почему же куантекстилы приложили такие невероятные усилия, чтобы построить этот пряничный домик?

Он припомнил большую птичью купальню на площади и гораздо меньшие купальни, сохранившиеся в переделанном виде на большей части задних дворов Большого Дерева. Несомненно, куантекстилы любили птиц. Но одной любовью объяснить птичий дом на дереве не получалось. Должно быть, они поклонялись птицам.

Почему?

Стронг не находил ответа.

В левом ухе раздался голос Блюская:

— Том, ты там?

Стронг ответил в передатчик:

— Конечно, здесь.

— Подумал, может, вышел выпить пивка.

И снова человек стал машиной, а поток отрезанных ветвей и секций ствола возобновился. Стронг не смог полностью избавиться от мыслей о птичьем доме, особенно когда последние за этот день два куска ствола были убраны и тот стал хорошо виден сверху. Открывшееся зрелище вызвало смятение наверху и в гостиничной столовой.

— Построил домик на дереве, а, Том? — поинтересовался Пик.

— Том, что это там за хрень? — осведомилась Мэтьюз.

— Птичий дом, — ответил Стронг.

— Да уж! — воскликнул Блюскай.

— Господи! — сказал Пик. — Эти тупые друиды и с птицами трахались!

С тех пор как Стронг обнаружил птичий дом, или, возможно, с тех пор как задумался о нем, он обнаружил, что складки коры по бокам чрезвычайно шероховаты, и дают множество опор для рук и ног; во многих местах, двигаясь вдоль трещины в коре, он мог бы взбираться и спускаться по стволу. Может быть, именно так строители птичьего дома попадали на дерево? Он вдруг понял, что да, и еще понял, что, скорее всего, таким образом они и взбирались по нижней части ствола. Веревку они могли нести с собой. Глубина трещин в нижней части ствола фактически гарантировала безопасный путь на дерево.

«Хаус Мейтен» исчез с неба в середине дня. Мэриджейн, вероятно, сняла в сто раз больше видеоматериала с ним, чем могла использовать. Аэротягач, утащивший последнюю ветвь и уложивший в огромный штабель на производственном дворе, вернулся, и Блюскай спустил Стронгу воду для умывания и ужин: солонину с капустой, чай со льдом, а на десерт яблочный пирог с мороженым. Стронг ел машинально, едва ощущая вкус пищи. Покончив с ужином, он решил опробовать способ подъема куантекстилов, снял веревку, держащую седло, с последнего костыля, свернул и перекинул через плечо. Потом начал короткий спуск к мешку, держась между двумя крупными складками коры. У него все отлично получилось. Да, должно быть, именно так строители птичьего домика поднимались на ствол. Возможно, и другие куантекстилы тоже взбирались на дерево. Вскоре его осенило, что он думает о куантекстилах, чтобы не думать о дриаде, поскольку долгий день подорвал его уверенность в том, что она реальна.

Тут он добрался до огромной ветви; за ней трещина, по которой он спускался, уходила глубоко в дерево. Глубже, чем он мог дотянуться. Исследуя дальше, он обнаружил, что стенки складок, образующих впадину, в глубине не сходятся и что там есть узкий проход, по которому он может пробраться. Оказавшись в этом проходе, он ощутил под ногами пол.

Мэриджейн сидела в своем гостиничном номере при затененном ставнями свете и просматривала неотредактированный съемочный материал, который теперь воспринимала не как съемки дерева, а как съемки Стронга. Иногда сделанные зумом крупные планы его лица, пойманного Джерри, заполняли весь экран, и она видела, до чего шелковистые его редеющие волосы и до чего мечтательные светло-карие глаза. Его борода, по мере просмотра записей, росла и была такая же шелковистая, как волосы. Перед ней был не Торо, кем она пыталась представить его во время интервью. Вместо этого на пленке был бедный поэт, не сочинивший ни одного стихотворения, — робкий, чувствительный человек, когда-то любивший ее. Это был Заступник, чьи ценности она растоптала, посланный ей Христом для искупления вины.

Знала ли она тогда об этом?

Место действия: Переполненная танцевальная зала в Одуванчик-сити.

Действующие лица: Длинноногая темноволосая девушка и мужчина с редеющими волосами танцуют вместе.

Он: Меня зовут Том. Том Стронг.

Она: Нам не обязательно знать имена друг друга.

Он: Знаю. Но мне бы хотелось узнать ваше.

Она: Мэриджейн.

Он: Мэриджейн... а дальше?

Она: Просто Мэриджейн. Раньше было Мэри Джейнус. Но я укоротила это имя.

Он: Держу пари, вы не с Одуванчика.

Она: Да. Я родилась на Земле.

Он: Я тоже. Понимаю, это меня не касается, но что вы здесь делаете?

Она: Голографирую. Я — голографист вещательной сети.

Он: Голографируете кого?

Она: Не кого, а что. Великую Бездну. Тилингуитский водопад. Долины Водопадов. Пунктирные горы. А еще я веду путевой дневник.

Он: А я здесь убираю деревья.

Она: Это хорошо.

Он: Очень приятно познакомиться с такой девушкой, как вы, Мэриджейн. Вы... вы не представляете, что это значит для меня — познакомиться с кем-то вроде вас.

Она: Разумеется, представляю. Я — девушка, которую утомленные скитальцы всегда встречают, умирая от жажды в пустыне.

Он: Я не это имел в виду.

Она: А что вы имели в виду?

Он: Я пытался сказать вам, что... что... Я пытался сказать, что мне необходимо было познакомиться с такой девушкой, как вы.

Она: Значит, я правильно изложила вашу мысль.

Он: Я... Я хочу сказать, что с удовольствием время от времени встречался бы с вами.

Она: Кто знает? Может быть, когда-нибудь.

Он: Я серьезно, Мэриджейн.

Она: Не надо, в этом нет никакой пользы.

Он: Прошу вас, Мэриджейн, не будьте циничной.

Она: Господи! Вы даже не знаете, как попросить, да?

Нет, тогда она этого не знала.

Ее радовало, что этот день почти закончился. Она освободилась пораньше, чтобы пересмотреть материал. Начался этот день скверно. Начался с остатков вчерашнего «Магелланова облака», приглушившего яркость утра, с не отпускающего сна, который повторился этой ночью, заставив ее в ужасе проснуться, и все еще стоял перед глазами. Ярость от того, что Пик так и не появился в баре, и ей пришлось спать одной, велев Джерри, который заново вошел в роль защитника, уйти с глаз долой, и не замечая приглашения в глазах Джонни Дастарда.

Мало что могло удаться в день, который так недобро начался; так и вышло. Неполадки с камерой трехмерной записи Хендерсона, неполадки с кабелем «колпака», незримо накрывающего место съемки, неполадки с тем, неполадки с сем... Она просматривала записи этого дня, все убогие. Но было несколько хороших фрагментов, которые она сможет использовать. На одном Том

вбивал в дерево костыль, а потом шел по ветке, широченной как мост. На другом одна из огромных ветвей отделялась от дерева, и крошечные красные лепестки дождем сыпались на деревню, пока аэротягач тащил ветвь прочь. Она понемногу приободрилась, просматривая материалы, но снова вспомнила чертов сон — и снова ей казалось, что она идет и давит луговые цветы, а потом лезет на тот ужасный «холм». На экране перед ней был крупный план лица ее «заступника». Казалось, он наблюдал за ней. Выключив экран, Мэриджейн подбежала к окну, открыла его и выглянула наружу. Она увидела крыши домов, задние дворы и детей, играющих в песочницах. В гладкой, не покрытой дранкой крыше ближайшего к гостинице дома зияла рваная дыра. Гниет, как я, подумала она. Вся деревня гниет. Весь мир гниет. Все планеты и звезды, и все островные вселенные. Гниют, гниют к чертовой матери...

Сгнивший участок задней стены дома Вестермейера расширился, и теперь оказались поражены изящная лестница к заднему крыльцу и дверь черного хода. Входная дверь теперь висела на одной деревянной петле. Вестермейер стоял наполовину в тени соседнего дома, наполовину в косых лучах послеполуденного солнца Гэндзи, беспомощно глядя на мертвую древесину. Его жена, обратившая его внимание на случившееся, как только он вернулся домой, стояла рядом.

— Я заметила это только сегодня днем, — сказала она.

— Но почему наш дом? — с горечью спросил Вестермейер. — Почему не остальные?

— Не только наш, ты же знаешь. Многие дома гниют.

Вестермейер нажал пальцем на гниющий участок. Палец погрузился по вторую фалангу. Его замутило.

Хотя усиливающаяся паранойя указывала на обратное, он лучше жены понимал, что не только их дом поражен гниением. Но именно он окончательно склонил жнецов к решению убить дерево. Когда ему сообщили, что в одном из окраинных домов появились первые признаки разложения, в его сознании вспыхнуло лишь одно ужасное слово: *гниль!* У «БотаниКо» была небольшая лаборатория в Гелиспорте, и образец сгнившего дерева немедленно отправили туда. Поскольку уничтожение других деревень и других деревьев лежало в области гипотез, специалисты «БотаниКо» не знали, что искать, но это не имеет значения.

Единственной формой жизни, найденной в этой древесине (сказали они), была местная, равнинная, разновидность сапрофитных грибов, поражающая дерево, когда оно уже мертво. Один из специалистов, сопроводивший Вестермейера в Большое Дерево и осмотревший зону гниения величиной с кулак, заявил, что виновато дерево.

— Чрезмерная сырость и чрезмерная затененность — вот ваши враги, доктор Вестермейер. Они и заставляют дома гнить. (К тому времени было поражено уже несколько домов.)

Вестермейер ничего не сказал о том, что дерево нужно уничтожить. Жнецы хотели убить дерево с тех пор, как на опыте узнали, что бывает, когда осенью с него опадают листья. Вестермейеру оставалось только поднести спичку. И он сделал это.

Он снова надавил пальцем. Тот ушел в прогнившее дерево глубже прежнего.

Он повернулся и посмотрел на дерево. С того места, где он стоял, оно казалось таким же высоким и таким же крепким, как и три дня назад. Его невозмутимость разозлила Вестермейера. Ему никогда не нравились деревья. Он родился близ Великой Североамериканской пустыни, где было очень мало деревьев, и до вхождения в кооператив «Большое Дерево» преподавал на сельскохозяйственных курсах в работавших под открытым небом образовательном институте в Мексиканском мелиоративном районе, где деревьев вовсе не было. Дерево из Большого Дерева сперва пугало его; оно пугало всех жнецов. Взглянув на него однажды, он сразу захотел, чтобы дерева не стало. Возможно, дерево почувствовало это. Может быть, поэтому оно напало на его дом и не тронуло соседние. Возможно, дерево знало его не хуже, а то и лучше, чем он знал себя. Может быть, оно думало: «Посмотрите на это бедное создание — оно считает, что родилось, чтобы исполнить свое предназначение; оно считает, что нашло наконец свое *лебенсраум*. Оно думает найти в пшенице все те тонкие нематериальные вещи, которые всю жизнь ускользали от него. Оно воображает, будто на равнине вокруг меня растет золото, и сделает все возможное, чтобы сохранить это золото для себя и себе подобных. Оно считает деревню своей. Стремится усмирить меня прежде, чем я хотя бы погрозило ему пальцем. Посмотрите на это несчастное существо с другой планеты, которое замышляет меня убить!»

Вестермейер притормозил ход своих мыслей, пока его не занесло еще дальше. По пути домой он заглянул в гостиницу и по-

смотрел на экраны Мэтьюз, и тогда понял, что, каким бы высоким дерево ни казалось ему сейчас, это уже тень того, каким оно было, и что к завтрашнему вечеру оно исчезнет. Ну, не исчезнет, а станет грудой умирающей древесины на площади и во дворе перерабатывающего завода. Иггдрасиль, подобно Озимандию, падет. «Посмотрим тогда, как ты будешь насылать гниение на мой дом! Посмотрим тогда, как ты будешь попирать мое право по рождению! Я хозяин деревни, дерево! Я хозяин пшеницы! Завтра вечером я стану хозяином земли, на которой ты сейчас стоишь!»

Пол, на котором стоял Стронг, был ровным. Трещина поворачивала вправо, затем влево. На дереве еще не полностью стемнело, но сюда свет не доходил совсем. Внезапно стены трещины исчезли. Он остановился и достал из кармана зажигалку. Щелкнул ею. Он стоял в узком проеме, ведущем в грот.

Прямо перед ним узкий проход разделял два ряда деревянных скамеек. Он вел к чему-то большому у противоположной стены. Зыбкий свет зажигалки не позволял разглядеть, что это такое, и Стронг двинулся к нему. Не доходя нескольких футов, он остановился и уставился на него.

Там стояло дерево.

Там стояло *это* дерево. Уменьшенное настолько, что было чуть выше Стронга.

Над ним висел гамак, сплетенный из листьев.

Свет зажигалки выровнялся, но дополнительно ничего увидеть не удалось. Конечно, в гроте должен был быть какой-нибудь источник света. Его внимание привлекла более темная область справа, и, подойдя, он обнаружил маленькую нишу в стене, а в ней — свечу. Фитиль покрывал слой пыли, он смахнул и зажег свечу.

Он увидел, что на противоположной стене есть такая же ниша со свечей. Он пересек грот, зажег и ее, погасил зажигалку и сунул ее обратно в карман. Седельная веревка все еще висела на его плече. Стронг снял веревку и положил ее на ближайшую скамью. Теперь он видел комнату довольно отчетливо. Она была почти квадратной, примерно двадцать на двадцать футов. Потолок около десяти футов высотой. Пол гладкий. Его покрывал тонкий слой пыли, но Стронг увидел сквозь пыль древесные кольца. Увидел он их и на потолке. Стены тоже были гладкие, а

на них — изображения. Картины. Скамьи, занимавшие большую часть комнаты, тоже покрывал слой пыли. На них он тоже увидел кольца. Скамьи вырубили из дерева тогда же, когда и комнату. Они были единым целым с полом, как и большая часть мебели в деревенских домах. Но им не хватало изящества той мебели.

Вырубили? Кто же мог вырубить в дереве грот такого размера? Кто, кроме куантекстилов? И зачем?

Он посмотрел на уменьшенную копию дерева. Она тоже была резная.

При свете сечей он вернулся к дереву. Копия была такой реалистичной, что стоять там было все равно что стоять перед настоящим Деревом. Он почувствовал себя большим. Огромным. Он смотрел на тысячи резных арабесок, извивы и углубления, изображавшие листву. Вероятно, когда-то она была окрашена в зеленый цвет. На полу вокруг дерева слой пыли был заметно толще, чем в других местах. Вероятно, он содержал чешуйки краски. Но теперь листва приобрела тот же цвет, что и ствол. Ствол, скамьи, пол и потолок. И стены тоже, за исключением мест, где красовались картины. Вероятно, у копии дерева ствол тоже когда-то был окрашен. В черный. Но не теперь. Как и листва и большая часть комнаты, он был отчасти золотым, отчасти коричневым. Но если не обращать внимания на нереалистичный цвет, модель дерева почти казалась мертвым изображением настоящего дерева. Не того настоящего дерева, каким оно было сейчас, а того, каким оно было, прежде чем Стронг спустился на его ветви со своей лучерезкой.

Он поднял взгляд к гамаку, свисавшему с потолка на металлических тросиках. Листья, из которых тот был сплетен, оказались имитацией листьев, а их зеленый цвет был свойством их материала. Но и их покрывала пыль. Он ухватился за гамак и хорошенько встряхнул его. Подергал за тросики, проверяя, не обветшали ли. Они оказались вполне крепкими. Стронг тряс гамак до тех пор, пока вся пыль не осыпалась, а листья не стали походить на живые листья дерева. Тогда он отпустил гамак и стал его разглядывать.

— Что ж, — сказал он спустя долгое время. — Я отыскал твой дом.

Но она здесь больше не жила — если, конечно, жила здесь хоть когда-то.

Теперь он внимательно изучил рисунки на стенах. Они навели его на мысль о росписях, которые он когда-то видел на де-

тальных фотографиях стен пещеры *Les Trois Freres*[1]. Он обошел грот по часовой стрелке. До того как краска, использовавшаяся художником или художниками, поблекла от времени, росписи, должно быть, обладали яркостью и живостью полотен Ван Гога, ибо цвета были различимы даже сейчас. Один из рисунков изображал трех птиц-хохотушек в полете. Другой — человека, возможно, кого-то из куантекстилов, держащего в руках косу. Третий — дерево летом, полностью покрытое листвой. Четвертый, последний, — девушку, сидящую на изящной ветке.

Стронг встал на колени и взглянул на рисунок с девушкой поближе — ведь она была ему знакома. Несмотря на недостаток подробностей, он сразу узнал эти изящные ноги, тонкие, красивые руки, выгоревшие на солнце волосы, ярко-голубые глаза. Точно так же она сидела на ветке прошлой ночью, погрузив ноги в густую листву, держась изящными пальцами за ветку и глядя голубыми глазами прямо на зрителя. На него.

Он уселся на пол у ее ног, не в силах пошевелиться. Он не мог двигаться. Да и не хотел. Вчера ночью, коснувшись тебя, я понял, что ты реальная, — подумалось ему. — А утром я убедился в этом, увидев сломанную ветку. Но если бы даже я не понял этого прежде, понял бы сейчас.

И еще он понял: она знает, что он здесь, и если подождать, она придет.

Блюскай явился в бар рано. Он оказался у Катерины первым клиентом. Когда она принесла ему виски, он заметил, что она плачет.

— Эй! — сказал он. — По ту сторону стойки не плачут. Плачут по эту сторону.

Она промокнула слезы краем фартука.

— Мой дом гниет.

— Конечно, я видел утром. Но ты можешь это исправить.

Она показала на дальнюю стену:

— Гостиница тоже начала гнить. Вся деревня.

Он посмотрел туда, куда она показывала, и увидел довольно крупную темную область.

— Ну, — сказал он, — именно поэтому мы и уничтожаем дерево, верно?

---

[1] Три монаха (*франц.*).

— Думаешь, гниение прекратится, когда дерева не станет?

— Так утверждает Вестермейер.

— Даже не представляю, что мы будем делать, если это окажется не так.

— Черт возьми! — сказал Блюскай. — Вы, ребята, прибыли сюда не для того, чтобы жить в хорошеньких домиках. Вы прибыли сюда, чтобы поскорее разбогатеть, а тогда затем вернуться на Землю и жить в суперкондоминиумах и каждый день прохлаждаться в бассейне.

— Возможно, так и было, пока мы не поселились в эти дома. Теперь мы не хотим уезжать. Мы хотим остаться. Дома как-то изменили нас.

Вошел жнец и остановился у стойки в нескольких футах от Блюская. У человека под тридцать было вытянутое печальное лицо. Катерина подошла, чтобы обслужить его. Получив выпивку, он посмотрел на Блюская.

— Слава богу, вы, древорубы, прилетели, — сказал он. — Мой дом гниет.

— Мы всегда стоим в кулисах и ждем, чтобы выскочить и спасти людей, — отозвался Блюскай. — Еще виски, Катерина.

Бар постепенно заполнялся людьми. Пришла Мэриджейн с Дастардом и Пруиттом. Пруитт постоянно маячил у нее за спиной, даже когда она села на барный табурет. Затем явились Вестермейер с женой. Вестермейер казался совсем больным. Пришли и другие жнецы. Появилась Мэтьюз, по-прежнему в клетчатой рубашке, бриджах и сапогах. Наконец пришел Пик. Он встал рядом с Блюскаем. Поймав взгляд Катерины, он протянул руку и отмерил указательным пальцем восьмушку дюйма на большом пальце, показывая, сколько ему лить скотча в содовую.

— Собираетесь посмотреть, как мы, клоуны, будем исполнять свой номер? — осведомился Блюскай.

— Лучшее шоу во всей округе, — сказал Пик.

Блюскай отпил виски и снова поймал взгляд Катерины.

— А бедняга Том сейчас на дереве, — произнес он.

— Так ему самое место! — выпалил Пик, посмотрев на Мэриджейн. Та ответила на его взгляд.

— Номер тот же, что вчера, — сказал Блюскай.

— Точно, — отозвался Пик, поднял стакан и двинулся на другой конец бара. — До завтра, краснокожий.

* * *

Наверное, Стронг задремал. Открыв глаза, он обнаружил, что по-прежнему один в гроте.

Он осознал, насколько устал. Он провел на дереве уже трое суток. Ему казалось, что он не сумеет поднять руку или пошевелить ногами. Края поля зрения расплывались.

Он привалился к стене и вскоре снова заснул. А когда опять открыл глаза, то увидел, что она пришла. Она стояла внутри трещины, свет свечи плясал на ее ногах, тунике, лице. В ее волосах алел цветок дерева.

Она подошла к нему и села рядом.

— *Я не знала, приходить ли*, — сказала она. — *А потом подумала, что мы не можем провести нашу последнюю ночь раздельно, каждый в одиночестве.*

— *Это твой дом?* — спросил он.

— *Нет. Когда-то это был мой храм. Первые куантекстилы построили его для меня. Позднее другие куантекстилы никогда не поднимались на дерево. Поэтому они никогда меня не видели.* — Она показала на гамак. — *Когда первые куантекстилы забирались сюда, чтобы поклоняться мне, они делали вид, будто я в гамаке, сплю на дереве.*

— *Так кому же они поклонялись, тебе или дереву?* — спросил он.

— *Нам обоим*, — ответила она.

— *И птицам тоже?*

— *О да. Они поклонялись птицам. Птицы были жизненно важны для их образа жизни.*

— *Не понимаю.*

— *А по-моему, понимаешь*, — сказала она. — *Глубоко внутри, там, где ты прячешь свою правду.*

Он чувствовал ее аромат. Она пахла зеленью и чем-то сладким, как дерево. И тут он сказал:

— *Прошлой ночью, когда ветвь обломилась и я упал, ты втащила меня обратно на ветку. Почему ты не позволила мне упасть?*

— *Я не хочу, чтобы дерево убивал кто-то другой.*

— *А я... я подумал...*

— *Что ты подумал? Что я спасла тебя, потому что влюбилась?*

— Да. Именно это и подумал. Но теперь я вижу, что это неправда. Как может дриада любить чудовище, которое разрушает ее дом?

— В некотором смысле я люблю тебя.

— Я рад. Думаю, я не мог бы продолжать работу, если бы было иначе.

— Ты должен ее продолжать. Ты — часть неизбежного.

— Я все еще не вполне понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду этап цивилизации — плато, на которое ваша раса поднялась давным-давно.

— Боюсь, я не могу связать это с неизбежностью.

— Да нет, можешь. Все расы рано или поздно поднимаются на него.

— Что случилось с другими деревьями?

— То же самое, что с этим, только раньше. Те, кто им поклонялись, поднялись на плато. Стали умудренными опытом. И чем больше опыта накапливали, тем больше смеялись над обычаями своих предшественников. Наконец они назвали эти обычаи суевериями и отказались от них. Они обнаружили новые сложные способы выполнения простых задач. Больше всего их коробило то, как их предки хоронили умерших. А еще их оскорбляло то, как их примитивные предки избавлялись от отходов. Поэтому они отказались от могильных холмов под деревом и построили крематорий, сжигать мертвых, а потом создали систему утилизации, которая полностью перерабатывала их отходы. Ослепленные своим технологическим прогрессом, они проявляли все меньше уважения к дереву или птицам, живущим в его ветвях.

— Не понимаю, — повторил он.

— Поймешь. Завтра поймешь.

— Хотел бы... — начал он.

— Чего же ты хотел бы?

— Я хотел бы, чтобы это была Земля, а ты и я — любовники, гуляющие под дождем, и мы бы пришли в коттедж у дороги и вместе вошли внутрь. Я хотел бы заняться с тобой любовью.

— Хоть я и реальна, — сказала она, *— я реальна не в том же смысле, что ты.*

— Неважно, — сказал он. *— Я все равно хочу заняться с тобой любовью.*

— Почему?

— Потому что я люблю тебя, а заниматься с тобой любовью — единственный способ по-настоящему выразить свои чувства.

— *Любимых убивают все*[1], — заметила она.

— *Ты украла эту мысль из моей головы, да?*

— *Да, украла. Она была там, пряталась среди зеленых мыслей... Я наделена определенными способностями. Умею читать мысли. Могу заставить человека заснуть. Могу немного менять людей. Могу заставить их заглянуть в собственные души. Однако значительные изменения мне недоступны.*

— *Уайльд был прав. Любимых убивают все. Но в данном случае сказанное им — неправда.*

— *Или это правда, которой ты еще не знаешь.*

— *Нет*, — сказал он. — *Это неправда.* — А потом добавил: — *Я устал.*

— *Знаю. Ты устал, и тебе хочется спать. И еще ты хочешь спать со мной.*

— *Как ты думаешь*, — сказал он, — *возможно ли, чтобы две разные фазы реальности на некоторое время стали одной?*

— *Возможно*, — ответила она, — *но гарантии, что получится, нет.*

— *Прошу тебя, поспи со мной.*

— *На ложе, которое куантекстилы создали для меня?*

— *Да. На твоем ложе.*

Она встала и, используя углубления в кроне модели дерева, забралась в гамак. Он тоже забрался туда и лег рядом.

— *Одни среди надвинувшейся тьмы*,[2] — сказала она.

— *Ты украла это из моей головы*, — сказал он, а она ответила: — *Да,* — и искусственные листья, из которых сделана постель, стали настоящими, и они лежали вместе бок о бок высоко в ветвях дерева, и он прошептал ей на ухо:

— *Ведь все будет хорошо?*

И она ответила:

— *Да.*

Дерево мерно покачивалось под ними, ее плоть была прохладной и мягкой, где среди зеленых листьев и благоухающих цветов дерева, — прохладной, мягкой, сладкой и вечной, и он спросил:

— *Ты тоже любишь меня?*

А она ответила:

— *Да.*

---

[1] «Баллада Редингской тюрьмы» О. Уайльда, пер. В. Топорова.

[2] «Дуврский берег» Мэтью Арнольда, пер. М. Донского.

И листья шелестели под ними в ночи, а звезды смотрели вниз, и луны замирали в своем шествии по небу, когда время останавливалось, реальность сворачивалась и происходило то, чего никак не могло быть.

— Нам вообще не следует здесь находиться, — сказал Пик. — Почему мы не могли пойти в твой номер?

— Мне нравится здесь, под деревом, — ответила Мэриджейн.

— Дитя природы.

— Если угодно. Но если бы мы пошли в мой номер, то у нас был бы противник — Джерри. Он считает его частично своим.

— Мы могли бы пойти ко мне.

— Нет. Здесь лучше.

Он рассмеялся. Она стояла спиной к дереву и видела контуры его тела, смутно обрисованного на фоне огней ближайших домов. Во тьме она чувствовала его руку на своем бедре, чувствовала, как та ползет вниз, к ногам. Вторая его рука лежала у нее на спине, и теперь он потянул ее от дерева.

— Мне не нравится это дерево.

— Забудь о дереве, — прошептала она.

— Попробую.

Они лежали на земле. Хотя они отошли от дерева, она чувствовала под землей один из его корней. Такой огромный, что она умещалось на нем целиком. Это навело ее на мысли о Стронге, который сейчас был наверху среди ветвей. Он правильно бросил меня, подумала она. Но не надо было делать это так, как сделал он. Не следовало выделять Джейка и ненавидеть меня из-за него. Следовало возненавидеть меня из-за всех моих любовников, не из-за одного. Он знал, что я распутная, когда влюбился в меня. Возможно, именно так ему и следовало поступить. Да, должно быть, так. Ох, Том, Том! — заступник ты мой! Ты попросил меня выйти за тебя замуж, завести детей. Если бы ты так любил меня, не имело бы никакого значения, кто трахал меня или сколько их было. Я знаю, тебя не волновало, сколько, но тебе не надо было тревожиться из-за Пика. Пик — пустое место, он не достоин даже чистить тебе ботинки. Возможно, если бы я согласилась, то ничего не имело бы значения, даже он. Но я поступила иначе, Том, и очень сожалею. Сожалею, что я такая. Но ведь именно поэтому ты пришел ко мне, не так ли? Потому что я такая, какая есть. Но в таком случае тебе не следовало покидать меня, ни за что на

свете. Пик был всего лишь тенью, через которую я прошла и прохожу снова, ведь он очищает меня от моей скверны, от грязи. Очищает, но не исцеляет от нее. Но, будь ты рядом, не было бы никаких Пиков. Никогда. Я могла бы стать тем, кем должна была быть — тем, кто любит тебя, матерью твоих детей, не этой нечистоплотной тварью, впивающейся пальцами землю, пока другой зверь сдирает с нее одежды. Ох, Том, Том, Том!

Корень в земле, над которым она лежала, больно впился в спину, когда Пик взгромоздился на нее, и она вскрикнула от боли... и эта боль смешалась с ее страданием, и она снова вскрикнула и спихнула Пика. Перевернулась и встала на четвереньки. Она плакала.

— Мэриджейн, в чем дело?

— Уходи, пожалуйства, уходи, — сказала она.

— Но...

— Убирайся! — заорала она. Гораздо позднее она осознала, что она под деревом одна. Она упала вперед, и теперь ее лицо прижималось к влажной траве. Плакать она перестала. Мэриджейн встала на ноги. Не думая ни о чем, вернулась в гостиницу и поднялась по лестнице в свой номер. В голове у нее была полная пустота. Мертвая. Номер был полон призраков — призраков всех ее любовников. Нет, не всех. Здесь не было Тома. Не раздеваясь, она легла на кровать и закрыла глаза, и любовники тотчас же исчезли. Сон накрыл ее как темная туча.

6

Yggdrasill astralis

Размножение: Поскольку последнее гигантское дерево было женской особью, можно сделать вывод, что видовое размножение происходило посредством перекрестного опыления. Несомненно, некоторые из мертвых деревьев были мужскими, и если бы они не погибли, то рано или поздно перекрестное опыление этого дерева или какого-то из других женских особей осуществилось бы, возможно, при помощи птиц-хохотушек. Поскольку ни в Канзасии, ни на других территориях Новой Америки нет свидетельств появления нового Иггдрасиля, подобное опыление до сих пор не происходило, или, если происходило, оплодотворенные семена не смогли укорениться. Отсут-

ствие новых Иггдрасилей также указывает на то, что вегетативное размножение, т. е. путем выпускания боковых побегов в непосредственной близости от соответствующего дерева, тоже не имело места, и это дает веские основания полагать, что данному виду дерева такой тип размножения не свойственен.

Она стояла на равнине, высокая и гордая. Весенние листья были как новое зеленое золото.

Солнце, ветер, небо были ей хорошо понятны. И бескрайние плодородные земли вокруг. И почва, в которой она росла, и жизнь, пульсирующая в ее корнях.

Она знала птиц-хохотушек на своей груди и сейчас наблюдала, как их эскадрильи покидают ее лиственный шатер и улетают далеко-далеко в новый день, вдаль, вдаль, вдаль — и наконец исчезают.

Под ней выходили на улицы деревенские жители. Это были жнецы. Они шли кто куда, но большинство — в стальные ангары, и отправлялись оттуда на маленьких летательных аппаратах в полеты над темно-золотой равниной, улетали, как птицы-хохотушки, и исчезали.

Пшеница росла отлично. Но не потому что жнецы присматривали за ней. Благодаря птицам. О да, сказала во сне Мэтьюз. Благодаря птицам.

Она ощущала, как листья ее весеннего наряда производят сахар, и чувствовала, как флоэма разносит этот сахар по ней. Она чувствовала, как вода, припасенная в почве после таяния зимних снегов, поднимается по лубу. И чувствовала несправедливость.

Она понимала, что это за несправедливость. И, стоя в платье из весенних листьев, думала: «Я умираю. Умираю уже много лет».

Мэтьюз пробудилась от сна-размышления. Брезжил рассвет. Она лежала в бледных предрассветных сумерках, стараясь вспомнить, в чем же была несправедливость. Как и раньше, когда ей снилось, что она дерево, сделать это не удавалось.

«Как же я могла дважды увидеть один и тот же сон?» — подумала она. Оба сна были фактически одинаковыми. — «И как могла знать во сне что-то, чего не знаю наяву?»

Но это было не так. Она знала это и наяву — знала, сама того не желая. Вероятно, это знание и порождало сны. Возможно, с

помощью этих снов ее сознание маскировало от нее, что именно она знает.

Но что такого она могла знать о дереве, чего не хотела знать?

Кто-то постучал в дверь. Блюскай.

— Мэтти? Пора.

— Есть, — отозвалась она и вылезла из постели.

Сон упрямо цеплялся за нее, пока она одевалась. Птицы-хохотушки, подумала она. Во сне она что-то знала и о них. И вдруг она вспомнила. Пшеница растет отлично, но не благодаря жнецам. Благодаря птицам.

Жнецы всего лишь присматривали за ее ростом, заботились, чтобы пшеница не пострадала от бурь, которые порой проносились по равнине. А птицы-хохотушки были... были...

Были чем?

Она покачала головой. Вспомнить не удавалось. И все же во сне она наверняка это знала. Она сказала: о да, благодаря птицам. Во сне то, что делали птицы-хохотушки, было настолько очевидным, что даже не всплывало на поверхность.

И сейчас не всплыло.

Она умылась в туалете, расположенном в коридоре, причесалась и отправилась в столовую. Пик и Блюскай завтракали за столиком возле окна. Она не увидела никаких признаков тривишников. Она налила кофе из кофемашины и села за стол, на котором стояли ее экраны. «Стоит ли сейчас связаться с Томом?» — задумалась она. Нет. Вероятно, он еще спит. Она позволяла ему спать сколько влезет. Ему повезло, что он на дереве, подумала она, вспомнив вчерашний вечер — как Мэриджейн опять ушла из бара вместе с Пиком. Если бы дерево досталось Оуэну, а Том был бы в баре, она вела бы себя столь же бесстыже. А так, сидя на дереве, он ничего об этом не знал.

Пение птиц-хохотушек снова разбудило Стронга, но на сей раз их песня была мягче, без резких нот, характерных для их криков. Рассвет не приветствовал Стронга, когда он открыл глаза. Вместо этого он увидел отблески мерцания свечи на потолке с древесными кольцами прямо над ним.

Нахлынули воспоминания, и он повернул голову, готовый увидеть прекрасное лицо дриады. Однако увидел только искусственные листья подвесной постели, в которой лежал.

Он вылез из гамака на пол. Кроме него, в гроте больше никого не было. Он облачился в одежду (которую не помнил, как снял), перекинул через плечо седельную веревку и пошел по трещине наружу. Солнце Гэндзи уже вставало, и слабые лучи уже тронули листву. Он вышел по трещине на огромную ветвь, которая отходила от дерева рядом с ней, и сделал несколько шагов от ствола. Стоя на ветви, он оглядел дерево. Над собой, под собой и со всех сторон он увидел смутные синие пятна — птиц-хохотушек, — но не увидел дриады.

Он вспомнил имя, которое она прошептала ему ночью.

— Кстил! — позвал он. — Кстил!

Ответа не последовало. Возможно, ей было стыдно.

Нет, дело было в другом. Она любила его так же сильно, как он ее. Так она сказала ночью.

— Кстил! — позвал он снова. — Кстил!

По-прежнему никакого ответа. Но она придет к нему опять; он знал, что придет. Ведь она любит его.

Он вернулся к стволу и спустился по коре к следующей ветви, где раньше прикрепил мешок. Эта ветвь была всего на один уровень выше самых нижних и, как и они, походила на горизонтально растущую секвойю. Не будь она такой широкой, он увидел бы сквозь листву на площадь внизу.

Стронг не был голоден. Он достал из мешка термочашку кофе, открыл ее и, усевшись на ветку, привалился спиной к складке коре. Закурил сигарету и выкурил ее между глотками. Он строил планы. Ей придется улететь с ним, когда дерево будет срублено, ведь ей некуда больше пойти, и потом, она сама этого захочет, потому что любит его.

«Вот она удивится, когда ее дерево умрет, а она — нет, — подумал он, — но она сможет принять это. Черт подери, я буду рядом и помогу ей». Она была из плоти и крови, так же, как он. Может быть, не всегда, но всякий раз, когда хотела. Он закурил новую сигарету. Да, она улетит с ним, а он будет защищать ее; может быть, заберет ее на Землю, и купит какую-нибудь полоску убитой земли, которая опять зазеленеет, и вспашет возрожденную почву. Конечно, он сделает ее своей невестой. Он сделает ее своей невестой, и они всегда будут любовниками, как этой ночью. «Да, — сказал он. — Да». И прежний Том — тот, что упал со сломанной ветки, — никогда не восстанет из мертвых со своими прокисшими страданиями, мелочностью, самомнением и страхами, а новый Том со своей невестой станут любовниками,

прогуливающимися по вознесенному ввысь променаду их любви, свободные, как ветер, что будет овевать их, как звезды, облачающие их в мягкий свет, много, много выше мрачного подземного мира, где писал свою жалкую жизнь прежний Том. И он размышлял и строил планы, сидя на ветке зелено-золотым утром, и птицы-хохотушки с криками носились вокруг, а потом стрелой унеслись на равнину.

Он не услышал тихий гул аэротягача и не замечал, что тот уже в небе, пока не услышал, как сверху его зовет Блюскай:

— Готов, Том. А ты готов?

Стронг вскочил. Чем скорее он уничтожит ее дом, тем скорее она упадет в его объятия. Его нагубный передатчик и наушный приемник болтались на поясе. Он разместил их где положено и включил.

— Опускай захват, Оуэн. Я встречу его на верхней ветке.

Неся на плече свернутую веревку, он взбирался по коре к солнечному свету, дивясь, как легко дается подъем. Прежде чем выйти на ветвь, он забил костыль в щель на стволе, перекинул через него веревку и закрепил тугим узлом. Потом вышел встретить клещевой захват.

Ему пришлось дважды менять место крепления веревки, прежде чем он оказался достаточно далеко, чтобы закрепить захват. Он проклинал правила безопасности, на которых так настаивала Мэтьюз. Ему вовсе не требовалась веревка. Пришлось сделать четыре распила, чтобы отделить ветку, и перед последним потребовалось выжечь по глубокому V-образному пазу с каждой стороны, чтобы клещевой захват мог зацепиться. Отделив ветвь, он расщепил ствол по вертикали до следующей ветви и срезал его двумя глубокими горизонтальными распилами.

С помощью еще более глубоких V-образных вырезов он разделался с еще тремя ветками; каждая потребовала четырех пропилов. Затем Стронг расщепил пополам еще один значительный кусок ствола. Расщепление в верхней части требовалось сделать достаточно широким, чтобы Блюскай опустил одну из металлических губок захвата внутрь пропила. Чтобы получить нужную ширину, Стронгу пришлось включить лучерезку на максимальную силу и пятясь отходить по ветке, на которой он стоял. Он думал, что пропил получился достаточно широким, но когда Блюскай попытался завести в него губку захвата, та застряла.

— Черт! — сказал Стронг, вернулся к стволу и, не задумываясь, полез наверх по глубокой трещине в коре.

— Том! Стой!

Это была Мэтьюз, которая помимо своего обычного «Доброго утра» сегодня до сих пор ничего еще не говорила.

Стронг остановился в трещине и произнес в передатчик:

— Да, Мэтти?

— Том, нельзя вот так вот забираться на дерево! Ты что, с ума сошел?

— Это легко, Мэтти. Как по лестнице. А иначе мне туда не попасть, и я не вытащу клещевой захват. Если я попытаюсь высвободить его снизу, то могу повредить зубья.

— Какая, к черту, лестница?! Ты пробыл там слишком долго. Ты чересчур самоуверен! Оуэн, подтяни немного трос. Может быть, эта чертова штука освободится.

— Хорошо, Мэтти.

Ствол слегка задрожал от натяжения лебедки. Потом снова заговорил Блюскай:

— Не выходит, Мэтти. А если потянуть сильнее, порвется трос.

— Черт! — выругалась Мэтти.

— Ну, Мэтти? — спросил Стронг.

— Там остался обрубок ветви, Том. Сможешь закрепить на нем веревку?

— Конечно, но он далеко от верхушки ствола. Мне все равно придется взбираться по коре.

— Ну, все равно перекинь через него веревку и садись в свое седло. Будет хоть какая-то страховка!

Он спустился на ветку, сделал все, что она приказала, и снова начал подниматься по трещине. Веревка мешала, но Мэтьюз была права. Если он упадет, то не далеко. Но если при падении он ударится, седло не поможет, ведь он, скорее всего, просто выскользнет из него. Неважно. Он продолжал лезть наверх. Подъем не занял много времени, и вскоре он оказался напротив огромной металлической губки захвата, на другой половине рассеченного ствола. Он поднялся выше, так что верхняя часть его тела оказалась выше обреза верхушки ствола. Он полусидел на ней, упираясь ногами в широкие выступы на одной стороне расщелины. С этой высоты открывался великолепный вид. Нижние ветви дерева по-прежнему скрывали деревню, но он видел огромное темно-золотое поле пшеницы, ангары для машин, мусоросжигатель,

крематорий и деревообрабатывающую фабрику, а где-то очень далеко — длинную-длинную линию элеваторов, ждущих, когда их заполнят зерном под завязку.

Аэротягач висел почти прямо над ним; его передняя вентральная камера была чуть наклонена, чтобы постоянно держать Стронга в поле зрения. Он думал, что увидит и «Хаус Мейтен», но, кроме аэротягача, в небе ничего не было. Он заметил Блюская, глядящего на него сверху вниз из лебедочного люка. Блюскай уже ослабил натяжение троса; теперь его было вполне достаточно, чтобы захват держался более или менее крепко, когда Стронг высвободит губку. Захват чуть наклонился, и его заклинило в распиле ствола под таким углом, что рывки вверх только усугубляли положение дел. Все, что требовалось от Стронга, — расширить ту часть распила, где застрял захват.

Всего-навсего. Он снял лучерезку с ремня, выставил минимальную мощность и приступил к работе, осторожно вырезая древесину возле застрявшего захвата. В считанные секунды губка высвободилась, и Блюскай тотчас же подтянул захват так, чтобы тот не мог, качнувшись, сбить Стронга. Покачивание висящего на тросе захвата не задело Стронга, но высвободившаяся губка отщепила от внутренней части ствола небольшой кусок древесины, тот вырвался и вмазал древорубу по сонной артерии на левой стороне от горла резким ударом джиу-джитсу так, что завеса его разума опустилась достаточно надолго, и он потерял равновесие.

Стронг падал. Он пришел в сознание, и ему показалось, что дерево растет под прямым углом к нему, а над верхушкой он видит аэротягач, чудесным образом удерживающий огромные захваты на длинном, косо натянутом тросе. Затем картина изменилась, и теперь он не мог видеть ни аэротягач, ни захваты, а видел только кору, по которой взбирался еще совсем недавно и вдоль которой теперь спускается с какой-то деморализующей быстротой. В левом ухе слышится:

— Том! О Боже! Том!

Угол его зрения снова переменился. Теперь он видел огромную ветвь, к ней он и летит. Это та самая ветвь, которую он покинул несколько минут назад. Падает он к ветви или ветвь падает вверх к нему? Загадка. В нескольких дюймах от ветви (во всяком случае, так ему показалось) слабина его седельной веревки полностью выбралась, и веревочное сиденье впилось ему в ягодицы

с такой силой, что не схватись он за другой хвост веревки во время этого падения, сломал бы себе спину. Теперь он качался на своей седельной веревке, дивясь густой синеве неба и темно-золотой красоте пшеницы, радуясь ветру-чинуку, который как раз сейчас начал дуть над равниной.

Голос Мэтьюз:

— С тобой все в порядке, Том? Господи, Том, с тобой все в порядке?

— Разумеется, Мэтти, — ответил он.

Голос Пика:

— А мы уж решили, что видели тебя в последний раз, дружище!

— Захват тебя не задел, — сказал Блюскай. — А что тогда?

— Отпиленный кусок дерева, — сказал Том, дотрагиваясь до левой стороны шеи. Там болело, но кожа была цела. — Все в порядке, Мэтти. Я перед тобой в долгу. Ты спасла мне жизнь.

— Все, чего ты мне должен, — это закончить работу, не сломав себе шею. А потому будем действовать несколько иначе, чем планировали. Даже расщепленный, ствол уже слишком велик, чтобы забирать по воздуху. То же и с ветвями. Поэтому, Том, отправив эти два его куска, ты начнешь сбрасывать ветви на площадь. Там достаточно места, хотя тебе придется подрезать концы у нижних ветвей; и там более чем достаточно места, чтобы управиться с остатками ствола. Оуэн, Джейк — когда сбросите куски ствола на фабричном двор, паркуйте аэротягач. Я встречу вас у ангара и отведу на площадь. После того как Том сбросит все ветки и спустится, вы двое займетесь стволом. Затем распилите все на куски, которые сможет утащить аэротягач. Сегодня, если успеете, или завтра, если нет. Ты уверен, что с тобой все в порядке, Том?

— Все отлично, — ответил Стронг. — Но мне нужна другая лучерезка. Свою я уронил.

— Должна быть в аэротягаче. Там есть лучерезка, а, Оуэн?

— Да, есть, — ответил Блюскай. — Я спущу.

— Отлично! Все, отбой.

Теперь работа шла не сверху вниз, а снизу вверх. Первая ветвь, у которой Стронг срезал конец, оказалась той, чья листва нависала над гостиницей. «Не по этой ли ветви она пришла в мой

гостиничный номер?» — размышлял он. Неужели она прошла по ней до нужного места и спрыгнула, как в сказке, на его подоконник? Нет, он так не думал. Он не знал, как она туда попала. Он понятия не имел, как она перемещается, когда ее никто не видит. Когда-нибудь, после того как он отвезет ее на Землю и сделает своей невестой, он спросит ее об этом. Но сейчас это не имело значения. Сейчас его заботой было дерево, на котором она жила. «Где она сейчас? — думал он. — Все еще на дереве?» Он высматривал ее, когда спускался к ветке, но не увидел. Возможно, она своим таинственным способом ушла, покинув крону, куда-то еще. Он понятия не имел, куда, но это его и не волновало. Сегодня вечером, когда он останется в своем номере один, она придет к нему так же, как пришла прошлой ночью в грот, и тогда он скажет ей: будь моей невестой.

«Да, тогда и скажу», — решил он.

Но сейчас его заботой было дерево.

Площадь была обнесена веревкой. Несомненно, дело рук Вестермейер. За веревкой, на удалении, на лужайке перед гостиницей стояли крошечные человечки и смотрели на Стронга. На лужайках домов вдоль края площади стояли другие человечки. Вероятно, человечки со всех сторон окружали площадь. Он отрезал ветку примерно в двадцати футах от ствола, медленно, чтобы срезанный участок, прежде чем упасть, повис под прямым углом. Когда ветвь отделилась, птицы-хохотушки с криками вылетели из ее листвы и улетели на равнину. Они не вернулись. Отпиленная ветвь, казалось, плыла вниз, а не падала. Она упала полностью в пределах площади. Пришла пора отпилить остаток ветви.

Седельную веревку он оставил на соединении ветви со стволом. С Мэтьюз случился бы припадок, если б она узнала об этом, но у него и в мыслях не было вбивать в дерево лишние костыли, чтобы просто пройти по ветви, а кроме того, Мэтьюз, вероятно, ждала Пика и Блюская в ангаре аэротягача. А если б она сейчас сидела на рабочем месте, ей все равно неоткуда было бы об этом узнать. Однако теперь ему пришлось вбить костыль и закрепить на нем седельную веревку, чтобы спуститься под ветвь и пилить снизу. Так он и сделал — натянув веревку, пошел вниз по коре.

Переведя лучерезку на среднюю силу, он приступил к работе, прорезав ветвь чуть меньше, чем на пол-обхвата. Потом поднялся обратно с помощью веревки на верх ветви и собрался окончательно отрезать. Услышав шум вокруг и посмотрев вверх, он увидел, что птицы-хохотушки покидают дерево.

Куда они полетят?

Он вспомнил слова, пришедшие ему в голову пять дней назад внизу, на площади: «Это дерево было последним, и когда оно умрет, птицы-хохотушки будут обречены» — и внезапно глубокое, страшное сожаление пробило броню, в которую он облачился.

От ветви донесся едва слышный хруст. Он продолжал пилить.

— Насчет птиц — не моя вина, — сказал он.

Он услышал голос Мэтьюз:

— Мы только что добрались сюда с Джейком и Оуэном, Том. Я тебя не вижу, но понимаю так, что ты на ветке, которая над гостиницей.

Стронг произнес в передатчик:

— Верно. — Послышалась целая серия зловещих скрипов. — Пошла!

Он отступил и пронаблюдал, как ветвь отделяется от дерева. Дерево вздрогнуло. Надпил, сделанный им, был идеальным, но ветвь упала не горизонтально. Более тяжелая приствольная часть опередила остальное и первой столкнулась с землей. Удар ее основания о землю вновь сотряс дерево, гром этого удара — *бух!* — внушал благоговейный ужас. Затем последовал продолжительный свист рассекаемого воздуха, завершившийся вторым, более легким *бух!,* когда то, что осталось от ветки, упокоилось.

Зрители радостно взревели. Он увидел, как к упавшей ветви приближаются двое, и узнал Блюская и Пика.

— Том, — сказала Мэтьюз. — Оуэн с Джейком попробуют не отставать от тебя. Старайся по возможности спиливать ветки как можно дальше от них, и, если тебе покажется, что они слишком близко, кричи. И обязательно кричи, когда ветка, над которой ты работаешь, будет готова свалиться. А еще лучше — зафиксируй свой передатчик так, чтобы он постоянно был включен.

— Хорошо, — согласился Стронг.

— И ради бога, будь острожен!

— Конечно, Мэтти.

Теперь он увидел Мэтьюз. Она стояла перед толпой на гостиничной лужайке. Неподалеку от нее из толпы выдвинулись вперед еще трое. Один из них присел у прибора, в котором Стронг узнал камеру на треноге. Прищурившись, он узнал в другом человеке Мэриджейн. Это узнавание не вызвало у него никаких эмоций, и он перешел к следующей ветви.

* * *

— Нам лучше переместиться, Джерри, — сказала Мэриджейн. — Том переходит на другую сторону ствола.

Без единого слова Пруитт взгромоздил камеру на плечо и двинулся в обход площади против часовой стрелки. Мэриджейн с Дастардом следовали за ним. Дастард ухмылялся.

— Что случилось с Джерри, а, Мэриджейн? — осведомился он *sotto voce*[1]. — Язык отнялся?

— Заткнись! — сказала Мэриджейн.

Ей не хотелось вспоминать лицо Джерри вчера вечером, когда она опять ушла из бара с Пиком. Слишком уж оно напоминало, как смотрел Том, когда она, не подумав, рассказала ему, кто был ее любовником в той аллее. Кроме того, неизменно приходившее ей на помощь в такие минуты презрение вдруг покинуло ее. Вместо того чтобы презирать страдания Джерри, она сочувствовала ему.

Ночью ей опять приснился тот самый сон, и утром она снова проспала. Они с Джонни и Джерри завтракали в гостиничной столовой и увидели в окно людей, стоящих на лужайке и глазеющих на дерево, и тут она поняла, что теперь работу лучше всего снимать с земли.

Множество красивых и привлекательных девушек видят сны с фаллическими символами, подумала она, шагая с Джонни за Джерри.

Да. Однако я — грязная старуха.

Взглянув на дерево, она увидела крошечную фигурку Тома, огибающего ствол.

— Сними его, — велела она Джерри, и они остановились, и Джонни помог Джерри установить камеру, и они снимали Тома, пока он не скрылся из глаз.

«Что случилось с моим отношением к Тому? — спросила она себя, когда троица возобновила обход площади. — Почему сейчас, столько лет спустя, я жалею, что не сказала ему «да», когда он просил меня выйти за него замуж?» Но она знала, почему — из-за возвращения сна. Сна, от которого, как она думала, ее освободил психоаналитик. Теперь только Том мог освободить ее от него.

Он может освободить меня от этого одним касание руки. Том, мой заступник.

---

[1] Шепотом, вполголоса (*итал.*).

Она понимала, что эти мысли — плод ее отчаяния, в той же мере, в какой они — плод ее отступничества, что ее заступник не святее ее самой. Но она понимала и другое: это правда. Том, при всех его недостатках, действительно любил ее, и если он не сможет простить ее, то не смогут больше никто и ничто.

Она закурила, но руки у нее так дрожали, что она отшвырнула сигарету ее прочь. С Томом Господь поймал ее в ловушку. Он послал ей Тома, но обвел ее вокруг пальца, сподвигнув сделать нечто ненавистное Тому, а после вдохновив объяснить Тому, что это было. Он сделал для ее заступника почти невозможным выполнение той задачи, для которой он был избран. Дальним уголком сознания она понимала все это уже когда настойчиво просила «Транс-Астралис» отправить ее с группой к этому большому дереву. А теперь Господь проявлял нетерпение. Она последовала за своим утешителем на Равнины, но лишь углубила рану, которую ему нанесла. Прошлой ночью, под деревом, она увидела себя истинную.

Я приду к Тому сегодня вечером, сказала она себе. Если понадобится, буду умолять простить меня — сначала за то, что до него был Джейк, затем за всех детей, которых растоптала. Ему нужно лишь коснуться меня, и я пойму...

Ближе к середине дня Стронг сбросил последнюю ветвь. Площадь являла собой какую-то древобойню.

В полдень он продолжил работать, отвергнув предложение Мэтьюз, чтобы с помощью его седельной веревки ему подняли корзину еды. Теперь он спустил с мешок по дереву без ветвей к самому нижнему обрубку ветки. Обрубок, на котором он стоял, скрывал его от публики, и он проскользнул в глубокую трещину и поднялся на другой обрубок, перед проходом в грот. Он не думал, что она вернулась, но ему требовалось удостовериться в этом. Грот оказался пуст — очевидно, она покинула дерево. Свечи, которые он зажег прошлой ночью, сгорели почти до основания. В их меркнущем свете он остановился перед уменьшенным деревом, потом посмотрел на гамак, в котором они с Кстил провели ночь. *«Если ты не покинула дерево, приди ко мне сейчас*, — сказал он, — *и я расскажу тебе о своих планах, а потом мы вместе спустимся на землю».* Он прислушался, но в голове у него звучали только собственные слова, и она не явила свою прелесть, чтобы ее сияние подкрепило угасающий свет свечи, и тогда он уверился: она покинула дерево.

Он задул свечи и вышел наружу. Спускаясь обратно к тому обрубку, где на костыле висело его седельная веревка, он услышал встревоженный голос Мэтьюз:

— Ты где, Том? Том, с тобой все в порядке?

— Со мной все прекрасно, Мэтти, — ответил он и добавил: — Оуэн, Джейк — я сейчас спущу вниз мешок. А потом спущусь сам.

Он спустился по сдвоенной веревке к самому нижнему обрубку, сдернул к себе веревку, вбил очередной костыль и один конец веревки привязал к нему, а другой — к мешку. Потом спустил мешок на землю. Полностью развернутой веревки — сто шестьдесят футов — едва хватило. После того как Пик и Блюскай сняли мешок, Стронг соскользнул по веревке на землю.

Публика разразилась ликующими криками. Мэтьюз пробежала через площадь и поцеловала его в щеку. Ощущение земли под ногами показалось ему странным.

— Пойдем, тоже понаблюдаешь, — предложила Мэтьюз. — Теперь, когда ты снова на земле, страховка прекратила действие. Джейк с Оуэном повалят ствол.

— Нет, — отрезал Стронг. — Его повалю я.

В его словах звучала равнодушная решимость. Мэтьюз посмотрела ему в глаза. Они смотрели ей в лицо, но она чувствовала, что он ее не видит.

— Ладно, Том. Это твое дерево.

— Возвращаясь понаблюдать, забери с собой Джейка с Оуэном.

— ...Ладно. Все в порядке. Эй, парни, берите мешок.

— С тобой все в порядке? — осведомился у Стронга Блюскай.

— В полном, — ответил тот.

— Давай полегоньку!

Блюскай ухватился за один конец мешка, Пик — за другой, и они последовали за Мэтьюз на гостиничную лужайку.

Стронг стоял на площади у ствола дерева, а вокруг валялись отрубленные ветки. Ствол был не просто стволом — это было черное жерло вулкана, проевшего окружающую землю. Стронг оставил место, куда ронять ствол. Когда он упадет, то упадет чуть правее птичьей купальни, под прямым углом к гостинице.

Стронг повернулся и осмотрел ствол. Чтобы свалить его туда, куда ему хотелось, требовалось сделать глубокий вырез. Он

взял в руки лучерезку, переключил ее на максимум и направил поток хі-гамма-16 частиц на дерево. В кору, луб и ксилему. Ему пришлось сделать широкие пропилы, чтобы кусок ствола отвалился, и осталась выемка. Сделав это, он перешел на другую сторону ствола. Траву под ногами устилали лепестки древесных цветов. В косых лучах солнца Гэндзи эти лепестки как никогда напоминали капли крови. Он содрогнулся, начиная последний надпил. Теперь режем поперек. Он делал глубокий пропил. Глубже, глубже, еще глубже. До его ушей словно бы откуда-то издалека донесся стонущий звук. Его издало дерево. Наблюдающая публика притихла. Вот дерево снова застонало. Из его глубины стал доноситься хруст. Стронг резанул еще глубже. Ствол шевельнулся. Да, вот оно! Пошло! Лепесток с травы прилепился к мыску его сапога, и он брыкнул ногой, сбросил его. Дерево вздрогнуло, началось его медленное, печальное падение. Он отошел подальше от падающего ствола. Как будто рушилась гора. «*Том!* — вскрикнул кто-то. — *Том!*» Он с безумным видом огляделся. И никого не увидел, кроме людей в далеком кольце толпы, обступившей площадь.

Раздался глухой громоподобный звук — дерево столкнулось с землей в том самом месте, которое наметил Стронг. Зеваки дружно ахнули. Ствол опять вздрогнул и замер на солнце, а Стронг обошел кругом огромный пень — туда, где отщепившаяся кора вздымалась выше домов. «*Том!* — снова выкрикнул кто-то. — *Том!*» «Голос» звучал с надрывом, и Стронг понял, кто его звал. Он лихорадочно оглядел ствол по всей длине. И увидел пятно солнечного света, более яркое, чем окружающее. Он бегом бросился туда. Толпа жнецов, что-то вопя, ринулась на площадь, неугомонная в своем восторге. Люди расступались перед бегущим Стронгом. Добравшись до той части ствола, под которой она лежала, Стронг встал перед ней на колени. «*Кстил, Кстил*», — приговаривал он. Он не видел ее всю — только талию, груди, руки и прекрасное умирающее лицо. В ее волосах торчал свежий цветок дерева. Остальное было придавлено стволом — бедра, ноги, икры в сандалиях. «*Кстил, мне не снилось, что ты умираешь!*» — вскричал он. «*Не ты убил меня, Том*, — отозвалась она. — *Это сделала неизбежность*». — «*Прости меня!*» — сказал он и увидел ее улыбку и кивок, и понял, что прощать нечего, и увидел, как она умерла, увидел траву, на которой покоилась ее голова, и ярко освещенный солнцем цветок дерева, украшавший ее волосы.

7

Столы вдоль одной из стен бара ломились от еды. Стронг, который никогда еще не бывал в этой зале, не удостоил вниманием разнообразные закуски и двинулся прямиком к стойке. Он принял душ, хотя не побрился, и сменил рабочее на белую рубашку, костюм цвета летнего загара и парадные темно-коричневые башмаки. Галстук он не повязал.

В баре было полно народу. Здесь были Пик и Блюскай. Им еще предстояло убрать оставшиеся куски дерева, но это будет завтра. Мэтьюз тоже пришла. Все переоделись из рабочей одежды в обычную. Мэтьюз даже надела платье. Белое. Еще были жнецы. Они толпились не только в баре, но и в большей части столовой. Половина жнецов деревни, подумалось Стронгу. Пока он шел к стойке, они приветствовали его радостными криками. Один из жнецов похлопал его по плечу и произнес:

— Человек, который спас Большое Дерево!

Мэтьюз подвинулась, давая ему место между собой и Блюскаем. Перед ней на барной стойке стояла «Старая Земля». Блюскай пил виски, Пик — скотч, не добавляя ни воды, ни льда. Катерина с Вестермейером обслуживали посетителей. Вестермейер поспешил принять у Стронга заказ. Стронг же хотел Мэри Мускатель. И жалел, что решительно с ней завязал.

— Виски, — сказал он.

Вестермейер дотянулся до верхней полки.

— Самое лучшее, — сказал он, наливая в стакан двойную порцию.

— Эй, — сказал Блюскай. — Мой стакан тоже пуст.

Вестермейер налил и ему и оставил бутылку на стойке.

— Все это в твою честь, Том, — заметила Мэтьюз.

— У меня нет чести, — отозвался Стронг. — Я убил дерево.

— Можно было видеть, как они приближаются из-за горизонта, из-за облаков пыли, поднятых их копытами, — сказал Блюскай, — и они были прекрасны в своем косматом величии, и такие же темные и великолепные, как смерть.

— Я знаю, что ты чувствуешь, Том, — сказала Мэтьюз.

Стронг выпил свое виски и заново наполнил стакан.

— Нет, не знаешь.

— Я видела, как ты плакал возле дерева.

Стронг промолчал. Его руки вяло лежали на стойке бара.

«*Что происходит с дриадой, когда умирает ее дерево?*» — спросил он, и она ответила: «*Она тоже умирает*».

Поэтому ты лжешь самому себе, ведь ты должен убить ее дерево и притворяешься, что она ничего не знает, что она только думает, что умрет. Ты притворяешься, потому что любишь ее и должен убить ее дерево.

— У меня нет чести, — повторил он и добавил: — Я убил ее дерево.

— Том! — воскликнула Мэтьюз.

Стронг снова погрузился в молчание. Он поднял глаза, посмотрел на стену за стойкой, увидел себя в зеркале и содрогнулся. Потом поднял взгляд к верхней полке, откуда ему достали выпивку, и наконец к полке над ней — там хранились предметы культуры куантекстилов. Он увидел куклу.

— Вестермейер!

Подбежал Вестермейер.

— Там наверху кукла, — сказал Стронг. — Позвольте мне посмотреть на нее поближе.

Вестермейеру пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до куклы. Он отдал ее Стронгу.

— Мы нашли ее здесь, в гостинице, когда готовились принять туристов, — пояснил он. — Думаю, она как-то связана с поклонением куантекстилов дереву.

Стронг уставился на куклу. Она была вырезана из дерева и водружена на небольшую подставку. Раскрашенная, и краска еще сохранилась. Он разглядывал маленькое, тонко вырезанное лицо, крошечные грудки, слегка приподнимавшие зеленую, похожую на листья тунику, желтые, солнцеподобные волосы. Длинные стройные ноги.

— Я бы рискнул предположить, — продолжал Вестермейер, — что она представляет своего рода богиню. Богиню Дерева.

— Нет, — возразила Мэтьюз. Неправильность сна наконец сорвала маску, обнажив его жуткое лицо. — Она представляет богиню домашнего очага.

— Домашнего очага? — переспросил Вестермейер.

— Да. Домашнего очага. Том, разве ты не видишь? Это всегда было у нас под носом. Дома — часть дерева!

Стронг потрогал крошечное плечико куклы.

— Тогда почему она была на дереве?

— Том, она была и богиней Дерева тоже. Но *на* дереве ее не было!

— Как же «не было»! — сказал Стронг. — Я ее видел. Я разговаривал с ней.

— Возьми себя в руки, Том.

— Мисс Мэтьюз, что вы имеете в виду? — спросил Вестермейер. — Что значит «дома — часть дерева»?

— Это значит, что дерево вырастило их из своих корней. Так же и остальные деревья вырастили возле себя дома из своих корней. Вырастили их красивыми, пленительными, чтобы привлекать людей. Этот вид деревьев, каким бы он ни был, нуждается в людях, живущих вокруг, чтобы жить самому. Ему нужны были отходы их жизнедеятельности и мертвые, которых хоронят люди. Переработанные, эти отходы и эти мертвецы давали деревьям вещества, без которых те не могли жить. Мне следовало догадаться об этом, когда диспетчер деревообрабатывающей фабрики показал мне поперечное сечение секции ствола. Нет, я подсознательно догадалась об этом, именно поэтому мне снилось, что я — дерево. Толщина флоэмы, ксилемы — все это подсказывало, где истина. Дереву требовалось больше питательных веществ не только из-за его огромных размеров, но и из-за домов. Ему приходилось кормить и дома. Вам непонятно, доктор Вестермейер? Ты еще не понял, Том?

Вестермейер побледнел. Стронг все еще разглядывал фигурку куклы.

— Но почему дома гниют? — осведомился Вестермейер.

— Потому что вы и прочие жнецы улучшили системы утилизации мусора и трупов, доставшиеся вам от поздних куантекстилов вполне пригодными к использованию. Вы не просто продолжили этот обряд смерти, вы его ускорили. — Мэтьюз повернулась и показала на гнилой участок на дальней стене. — Вот она, могильная отметка, — сказала она. Потом снова повернулась лицом к стойке: — Ваши дома гниют, потому что они умирают.

— Да, — подтвердил Стронг, — она построила эти дома. Она мне так сказала. Она была богиней домашнего очага и богиней Дерева. Но она была и чем-то бóльшим. Она была Деревом. И я убил ее.

— Том, — сказала Мэтьюз, — перестань!

— Со мной все в порядке, — отозвался Стронг. — Теперь я все понимаю.

Мэтьюз продолжила пояснять Вестермейеру:

— Куантекстилы в этой деревне поняли, что случилось с другими деревнями, и поняли почему — и поняли, что их деревню

ожидает та же участь. Что их дерево умрет, а дома сгниют. Может быть, их дерево продержалось дольше, потому что они «модернизировались» последними. Не знаю. Но они поняли, что их дерево и их деревня обречены, и это походило на смерть божества. Они не стали ждать, пока это случится. Они решили тоже умереть. А гнилью, доктор Вестермейер, была человеческая глупость.

— Том, — произнес кто-то у него за спиной.

Стронг обернулся. Он увидел Мэриджейн. Увидел ее лицо. Это было лицо женщины, взятой в прелюбодеянии, которую книжники и фарисеи привели к Христу. «*Они сказали ему: Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии*».

— Пожалуйста, прости меня, Том, — сказала Мэриджейн Стронгу.

И Стронг понял, что каким-то образом убил и эту женщину.

Он взял ее за руку.

— Нечего прощать, Мэриджейн.

Она зарыдала.

— Том, — сказала Мэтьюз, — ты изменился.

— Да. — Он обнял Мэриджейн. — Часть меня умерла там, на дереве. — Он повернулся к Вестермейеру. — А кроме того, — сказал он, — птицы.

— Птицы, — повторил Вестермейер.

— Расскажи нам о птицах, Том, — попросила Мэтьюз.

— Куантекстилы поклонялись птицам наравне с деревом, — сказал Стронг. — Я нашел на дереве свидетельства этому.

— Да. Птичий дом, — сказала Мэтьюз.

— И кое-что еще, — отозвался Стронг. — В стволе есть грот с рисунками на стене. Рисунки рассказывают всю историю. Можете посмотреть сами, Вестермейер, прежде чем ствол распилят и увезут. Весь северо-запад Новой Америки — это... это была биома[1]. Каждое сообщество биомы основывалось на экосистеме. Основными частями были деревья, дома, куантекстилы, пшеница и птицы-хохотушки. Деревья давали жизненное пространство куантекстилам и птицам, куантекстилы выращивал пшеницу — вероятно, вовсе не в таких масштабах, как вы, но на жизнь хватало — и кормили дерево своими отходами и телами умерших, а птицы защищали пшеницу. Первые куантекстилы поняли это и создали религию, основанную на этой системе. Вероятно, со вре-

[1] Совокупность животного и растительного миров.

менем религия оказалась погребена под обрядами и ритуалами, и потому они впоследствии забыли о ее истинной природе. Во всяком случае, более поздние куантекстилы, относительно цивилизованные, приписывали обычаи своих предков суеверию и в своей слепоте продолжали лишать экосистему одной из жизненно важных составляющих. Деревья начали умирать голодной смертью и в конце концов погибли. Все, кроме этого. Но и оно уже умирало, когда я убил его.

— Но что же делали птицы, Том? — спросила Мэтьюз. — Я знаю, что они питались чем-то, что находили в пшенице, — мне это приснилось. Но чем?

— Не знаю, — ответил Стронг. — Наверное, равнинной саранчой или равнинными кузнечиками. Возможно, их личинками. Неважно, какое это было насекомое — они поддерживали его численность незначительной. Держу пари, это будет последний урожай, если только жнецы не сумеют точно выяснить, что это за насекомое, и не найдут средство его подавления.

— О господи! — воскликнул Вестермейер.

Лица всех жнецов, которые услышали это, превратились в камень.

— Дерево уже давно умирало, когда здесь появились жнецы, — сказала Мэтьюз.

— Пятьдесят миллионов. Пятьдесят миллионов их обитало на равнинах, где ныне простирается Великая Северо-Американская пустыня, — поведал Блюскай. — Трава, которой они питались, была зеленой, и они возвращали ее земле в своем навозе, и трава зеленела вновь. Пятьдесят миллионов! А к концу бойни, устроенной белыми людьми, их осталось пятьсот!

— Мэтти, почему каждое дерево росло на равнине почти точно в центре большой низины? — спросил Стронг.

Она ответила:

— Полагаю, чтобы получать как можно больше воды.

— Но тогда кто-то же должен был посадить их, — сказал Стронг.

— Куантекстилы? — предположила Мэтьюз.

— Не думаю, — сказал Стронг. — Он снова посмотрел на фигурку, которую держал в руке. — Сдается мне, мы никогда не поверим, что они вырастали сами.

— Что нам делать, мисс Мэтьюз? — осведомился Вестермейер. — Что же делать?

— Полагаю, все уже сделано, — ответила она.

— О чем это вы? — спросил Пик.

— Их было пятьдесят миллионов. *Пятьдесят миллионов!* — снова воскликнул Блюскай.

Yggdrasill astralis

Прежнее место обитания: СЗ Новой Америки, Равнины (Гэндзи 5).

Численность: 0.

Старфайндер

Пролог. Лунный лик

Космического кита заметили в 06:16. А в 06:19 «брюшные» шлюзы «Гринлайта» разъялись, и космический вельбот номер 21 вывалился в черное лоно космоса. Управлял им Джон Старфайндер, космический китобой первого класса, известный среди профессионалов под кличкой «Иона». В трехместной кабине рядом с ним сидели еще двое из команды космического вельбота, чьи имена появились сегодня утром на экране в рабочем графике экипажей «Гринлайта» рядом с его именем: китобой второго класса Наиси Но-Ку, она же «Ионесса», и Трей Кессельман, второй пилот и помощник китобоя первого класса.

И кое-что о «Гринлайте»: как большинство современных космических кораблей такого класса, он когда-то был живым космическим китом, хотя его сравнительно симметричные контуры, гладкий корпус и ряды бортовых телескопов, казалось, отрицали подобный факт. Разумеется, сейчас он был мертв... Давным-давно его убил какой-то Иона или Ионы и отбуксировали на Орбитальную верфь в районе Фарстар**** (Гол), где переработчики из Орбитальной корабельной компании (ОКК), чье мастерство было сравнимо лишь с мастерством их коллег из Компании по реконструкции угрей (КРУ) на орбитальных верфях Мааркен-Стар****** (Ренессанс), творили удивительные метаморфозы.

Космический кит на обзорном экране вельбота № 21 еще только должен был подвергнуться подобному превращению. На теперешнем расстоянии он гораздо больше походил на астероид, чем на космический корабль, а особенности его поверхности наводили на мысль о небольшой луне. Но он не был ни астероидом, ни луной. Эта своеобразная форма жизни представляла собой симбиоз органики и металла и перемещалась сама благодаря внутренней «движущей ткани», аналогичной хвостовым плавникам морского кита.

Его естественная среда обитания — пространство-время — была аналогом моря (по крайней мере, что касалось разума морских китов). Моря, чья «поверхность» представляла настоящее, а «глубины» — прошлое...

Океан Пространства-Времени...

Он был захвачен врасплох, этот самый кит, этот кит, который, подобно своим собратьям, не тронул и волоса на голове человечества. Он был пойман «спящим», хотя космические киты не пользуются коротким дневным сном в прямом смысле этого слова. И вот теперь, осведомленный о приближении космического вельбота, он начал наращивать ускорение.

Старфайндер незамедлительно удвоил подаваемую на двигатель мощность. И тотчас послышался пронзительный голос сидевшей рядом с ним Наиси Но-Ку:

— Этого явно недостаточно. Нам следует обогнать его раньше, чем он соберется нырнуть!

Он снова удвоил подаваемую на двигатель мощность. И, едва сделал это, ощутил, как взгляд девушки остановился на его правой щеке со шрамом в виде звезды, полученным при вспышке энергии, которую называли не иначе, как «2-омикрон-vii». Это был первый случай, когда их имена одновременно появились в списке личного состава, до сих пор они знали друг друга лишь с вида. Подобно большинству неояпонских женщин, она была полногруда, узка в талии и широка в бедрах. Ее синевато-черные волосы были подстрижены так, что напоминали водопад, пряди ниспадали вдоль полных щек, а челка доходила до тщательно ухоженных бровей. На ней было прямое платье-рубашка до колен и модные черные башмаки.

Кессельман, чье имя тоже появилось сегодня рядом с именем Старфайндера в первый раз, заметил:

— Получишь хороший нагоняй, если опоздаешь. Дай мне наконец сделать хоть один хороший выстрел!

Старфайндер поднял подаваемую на двигатель мощность до значения вполне достаточного для того, чтобы вывести космический вельбот в зону действия гарпуна, а затем синхронизировал ускорения их корабля и кита. Теперь дело было за Кессельманом: он должен был загарпунить кита, прежде чем тот нырнет в глубину. Если он ошибется, они потеряют кита, ведь, хотя «время нырка» и равнялось бы времени, которое прошло в настоящем, одно только «боковое перемещение» заставило бы кита подняться на поверхность весьма далеко от «точки нырка» и зависело бы от скорости и глубины этого нырка. А если бы киту вздумалось, он вполне мог содействовать боковому дрейфу, ныряя по «диагонали». Чтобы вынырнуть на поверхность, удалившись от исходной точки... на несколько световых лет.

Теперь он неясно вырисовывался на экране 21-го, как внушающая ужас серая скала, его бесчисленные шрамы, оставленные метеоритами походили на огромные отметины от какой-то страшной болезни. Звездный свет лился на него с тысячи сторон. И от звезд-скитальцев, странствовавших в полном одиночестве. И от созвездия, напоминавшего формой очертания Камелота, удаленного, по-видимому, всего на несколько парсеков. И от напоминавшего чулок шлейфа звезд, «пришпиленных», точно флажок, к одной из башен этого «Камелота». И от гигантского «древа космоса», над одной из ярких «ветвей» которого, подобно причудливой крылатке, казалось, завис «Гринлайт» со своим скромным уловом — цепочкой мертвых китов, растянувшейся позади него.

Пальцы Кессельмана выбивали неслышное арпеджио по консоли гарпуна, и 21-й откликался дрожью носового орудия. Гарпун, тянущий за собой серебристый обесточивающий кабель, обогнул «нос» кита и врезался в его правый бок, глубоко впуская свои «корни» из сверхсплава в транссталь ную ткань под обезображенной «шкурой». Кит уже начинал исчезать из вида. Старфайндер немедленно отключил движитель 21-го, а мгновение спустя кит нырнул, увлекая за собой космический вельбот.

Истинная природа силы, позволявшей космическим китам путешествовать в прошлое, была неизвестна. Астрофизики прозвали ее «2-омикрон-vii» и поняли только, что она каким-то образом возникает в подобном открытой топке желудка кита из различных элементов, понемногу, крупица здесь, капля там, разбросанных по всему космосу и присутствующих в мелких астероидах, которые также поедали эти существа. Но сама сила, помимо того факта, что она представляет новую форму энергии, оставалась неведомой. Чем бы она ни была, она не давала космическому киту совершать путешествия в будущее. В этом отношении космос несомненно выдвигал решительные запреты. Когда космический кит выныривал на поверхность, он выныривал в точке времени, которое равнялось времени в точке нырка плюс время, потраченное на сам нырок или серию нырков. Сколько бы времени он ни потратил в прошлом веке или веках, это не считалось. И если кит нырял «по диагонали», то есть и в пространстве, и во времени, оставался справедливым все тот же закон, не учитывающий пространственных расстояний между точками погруже-

ния и выныривания. По крайней мере в том, что касалось путешествий в будущее, космические киты и охотники на них были одинаково беспомощны.

Кессельман подался вперед и запустил процесс отключения энергии, направляя поток тета-мю частиц по цепи: кабель, гарпун, корни гарпуна, внутренняя ткань. Затем он удобно откинулся в своем мягком кресле и опустил руку на колено Наиси Но-Ку.

— Время расслабиться и так далее, — сказал он.

Она оттолкнула его руку.

— Я уже расслабилась.

Она смотрела на Старфайндера. Старфайндер смотрел на звезды. Они начинали менять свое положение, смещаться. Некоторые затухали, другие разгорались. Одна из «крепостных стен Камелота» осыпалась, другая покосилась. Флажок на одной из башен исчез; на гордом «древе космоса» поубавилось «ветвей». «Гринлайт» пропал.

Эффект был бы иной — так, во всяком случае, указывала теория, — если бы кит нырял с меньшей относительной скоростью. Медленно продвигался бы в прошлое, вместо того чтобы стремительно бросаться в него. Но обычно загарпуненные киты ныряли быстро и глубоко. Некоторые китобои списывали это на панику; другие утверждали, будто киты всего лишь пытаются таким образом избавиться от гарпуна. На самом деле никто не знал истинной причины, да и не задумывался о ней.

Старфайндер — точно нет.

Он увидел, что руки у него начинают дрожать. И ничуть не удивился. Эта дрожь не имела никакого отношения к физическому страху. Он был бы рад, если все было иначе. Дрожь была одним из симптомов знакомого состояния. Он с ожесточением сунул руки в карманы своей куртки китобоя, чтобы они не выдали его. Он надеялся, что недавняя серия мозговых ударов, которые ему пришлось перенести в клинике компании, возымеет более длительный эффект.

— Это всего лишь твой третий или четвертый выход из «Гринлайта», да? — сказала Наиси Но-Ку.

Он согласно кивнул.

— Сплошь ложное наведение.

(Это не было чем-то необычным: сенсоры наведения не могли реагировать на «сознательные» живые формы, и «Ионам»

приходилось тратить половину времени на погоню за астероидами).

— Ты переведен с «Мериториуса», ведь так.

На этот раз он даже не удосужился кивнуть. Она излагала факты, а не задавала вопросы.

— Месяц назад. — Про себя он добавил: «Спасибо клинике». — Кажется, мое личное дело теперь в открытом доступе.

— На борту судна-китобоя не существует никаких секретов... уж ты должен это знать, Старфайндер.

Он знал и довольно хорошо. И все же один секрет на борту «Гринлайта» все-таки существовал. Секрет его перевода. Причину знал лишь корабельный врач. И, разумеется, он сам.

Он снова почувствовал правой щекой взгляд девушки. И с досадой заметил:

— Мой шрам кажется тебе интересным?

— Согласись, он несколько необычен.

— Это ожог, полученный от энергии 2-омикрон-vii. — Перевозивший руду корабль-кит, где я служил юнгой, не лишили надлежащим образом ганглия — центрального нервного узла. — Ему не хотелось рассказывать, но слова вырывались сами собой. — Корабль на одну десятую оставался живым. Пространство центрального нервного узла переоборудовали под каюты для экипажа, ну и однажды ночью там возникло излучение. Восемнадцать членов экипажа погибли сразу, еще дюжина умерла позже. Я потерял зрение. Около двух лет я был слеп. И знаешь, что я делал все эти два года? Слушал аудиокниги — записи произведений классической литературы. Записи всех тех книг, которых не читал в то время, когда мог видеть. Хотел сквитаться с собственными глазами за то, что «бросили меня». Но, «читая», я знал: на самом деле я хочу сквитаться не с глазами, а с теми дьявольскими биологическими видами, которые выжгли мою сетчатку. Восстановив зрение, я стал Ионой.

Теперь он почувствовал на своей щеке еще и взгляд Кессельмана и разозлился на себя за такую несвойственную ему вспышку, хотя и знал, что это результат внезапного острого стремления отвлечься от своих дрожащих рук.

— Каждый раз одно и то же! Все вы, парни, думаете, будто вы какие-то особенные, потому что убиваете китов, и если в вашем прошлом не было ничего романтического, то вы готовы придумать хоть что-то, — сказал Кессельман.

Старфайндер взглянул на него.

— Ты тоже их убиваешь.

— Черта с два! Я только загарпуниваю их.

— Загарпунить кита или вышибить ему мозги — какая разница?

Кессельман открыл было рот, чтобы ответить, и закрыл его: космический кит вышел из нырка и оказался на поверхности.

В космосе разница между вчера и сегодня невелика. Звезды движутся сквозь тысячелетия, но беспредельность масштабов такова, что кажется — в сущности, ничего не меняется. На поверхности — возможно, но не на глубине. Сейчас «Камелот» напоминал прореху в тучах, увеличенную в масштабе макрокосма, а «древо космоса» прекратило расти. Завершали новую панораму «вепрь», «меч» и «церковь с колокольней».

— Что нам подсказывает хронограф? — спросил Старфайндер у Кессельмана.

Хронографом назывался компактный автопрограммирующийся компьютер класса «Велакиэн IX», который испускал далеко проникающие сенсорные лучи и переводил их данные в земную систему летоисчисления, используя устаревшее, но еще не отвергнутое человечеством деление на годы «до новой эры» и «новой эры». Кессельман мрачно вглядывался в экран вывода данных, укрепленный сразу справа от консоли управления гарпуном.

— 1 001 162 до новой эры, — сообщил он.

В сознании Старфайндера из зловонной пещеры «выползла» волосатая тварь, волоча за собой дубину. Это произошло раньше, чем Наиси Но-Ку, обладавшая фотографической памятью и в ходе своей профессиональной подготовки проведшая полное сканирование записанной и экстраполированной истории человечества, начала перечислять вслух:

— Ледяные щиты покрывают большую часть Европы и Северной Америки. Появляются разнообразные виды растений и животных. Южнее на подмостки истории выходят австралопитеки.

— Мы в нескольких парсеках от Земли, и ни один из нас ни разу не ступал на эту чертову планету! — взорвался Кессельман. — С какой стати нас должно волновать, что там происходило?

— Во-первых, потому, — сказала Наиси Но-Ку, — что в данную минуту это единственный наш опорный камень. Во-вторых,

это официальные галактические часы, и все хронографы, включая этот, сверяют по ним. И, в-третьих, *я* по чистой случайности все-таки однажды ступала на нее. — Она повернулась к Старфайндеру. — А ты, Старфайндер? Тебе доводилось бывать там?

— Нет, — сказал Старфайндер.

— Странно. Я бы рискнула сказать, что ты родился именно там.

— Я родился на Дёрте.

— Это у нас Милтон с двумя звездочками. Мюнхен-14050-Два по старому каталогу. Ну, во всяком случае, я была неподалеку от тех мест.

— А где родилась ты, Наиси Но-Ку? — спросил Кессельман.

— Ракун. Я бы сказала, это очевидно.

— Древняя японская попытка создать Утопию, — пробормотал Кессельман. — Это именно такой райский уголок, как было задумано, а, Наиси Но-Ку?

— Там отвратительно. — Наиси Но-Ку снова повернулась к Старфайндеру. — А как насчет Дёрта? Там тоже отвратительно?

— В высшей степени.

В его сознании волосатое существо с дубиной уже выпрямилось, вскинуло свое орудие на плечо и начало спускаться по каменистому склону. На ледяном ветру его голые руки и ноги тут же покрылись гусиной кожей, но охотник не обращал на это внимания. В конце концов первобытное существо добралось до подножия холма и пустилось через широкую долину. Вдалеке появились деревья, а за деревьями — бесконечные доломитовые скалы. В скалах были пещеры, охотник знал это, а в пещерах, возможно, женщины...

— Я родом с Пленти, — ответил Кессельман на вопрос Наиси Но-Ку. — Голдфайр, с шестнадцатью звездочками.

— С шестнадцатью? Трудно представить!

Она поднялась со своего места и отправилась в хвостовой отсек делать сандвичи. Кессельман погрузился в возмущенное молчание. Волосатое существо в сознании Старфайндера пересекло половину долины, а доломитовые скалы являли все больше подробностей. Старфайндер вглядывался сквозь них в обзорный экран. Разумеется, там господствовал космический кит, от его громадной серой туши тянулся обесточивающий кабель, напоминающий серебряную пуповину. Из-за приближения метеоритные отметины казались гноящимися ранами, а та красота, которую свет звезд и удаленность иногда придавали таким существам, полностью отсутствовала.

Ненависть к космическим китам свинцовым грузом лежала у него в желудке. Этот — он знал это наверняка, хотя видимых доказательств этого факта еще не было — умирал прямо у него на глазах. Частицы энергии тета-мю уже просачивались сквозь внутреннюю ткань из трансстали и пропитывали нервные окончания гигантского, похожего на открытую топку желудка. Совсем скоро эти частицы достигнут собственно желудка и парализуют термостатические металлоорганические мышцы, управляющие внутренней температурой, а вскоре, когда температура возрастет, на боках кита вскроются вулканические трещины. После этого можно будет приступать к удалению центрального нервного узла.

Историческая картина в сознании Старфайндера коренным образом изменилась. Долина превратилась в городскую магистраль, а цепочка скал сжалась и резко устремилась вверх, превратившись таким образом в чрезвычайно узкое и чрезвычайно высокое здание. Косматое существо с дубиной теперь являло собой... Старфайндера. Старфайндер в летнем костюме и шляпе-радио с антенной в виде пера пересекал оживленную улицу, направляясь к узкой двери в основании здания. Старфайндер вошел в цилиндрический лифт...

Лифт метнулся вверх, унося его на 300-й этаж. Старфайндер пошел по длинному унылому коридору. В конце коридора была одна-единственная дверь. Разум Старфайндера старался остановить его, но тело упорно продолжало идти. Он уже видел когда-то такую дверь, но никак не мог вспомнить когда. Или где. Как не мог вспомнить и того, что за ней.

Когда он оказался у двери, его пальцы по собственной воле начали искать и нашли холодную как лед круглую ручку и попытались повернуть ее. Но она не поворачивалась. Дверь была заперта.

Облегчение и разочарование затопили его, но разочарование было гораздо сильнее, и он опять попытался повернуть ручку. Потерпев неудачу, он отступил назад, развернулся боком и с грохотом ударил плечом в дверную панель. Она не поддалась. Он начал колотить по ней. Но дверь отказывалась даже шелохнуться...

Дверь в их кабину открылась, и появилась Наиси Но-Ку с сандвичами и чаем. Вся троица молча перекусила, продолжая наблюдать за китом. Старфайндер постоянно потел, и его руки дрожали все сильнее. Он очень быстро съел свой сандвич, чтобы

остальные не заметили. А к чаю не отважился прикоснуться. Кессельман продолжал смотреть в сторону, на Наиси Но-Ку; Наиси Но-Ку продолжала смотреть в сторону, на Старфайндера. Старфайндер смотрел только на кита.

Кит начал вращаться, ввергая 21-й в головокружительную спираль, но системы гиростабилизации корабля быстро погасили это воздействие, и кабина обрела прежнюю килевую устойчивость. Неожиданно кит снова нырнул...

И звезды, и темнота, и утро-день-сумерки-ночь обрели единство прошлого-настоящего-будущего. Годы, века, тысячелетия... из космического клубка вывязался черный свитер пространства-времени с блестками звезд вокруг ворота и на манжетах, расшитый звездным стеклярусом на груди и на спине. Тот самый свитер, который надевали космические киты, измеряя глубины смерти...

— 1875 год новой эры, — объявил Кессельман.

— Он пытается резко изменить направление нырка, — сказал Старфайндер. — Пытается сбросить гарпун.

— Разбежался.

— Как ты думаешь, сколько здесь китов, Старфайндер? — спросила Наиси Но-Ку.

— Не знаю. Этого никто не знает.

— Я где-то читала, что их всего от десяти до двенадцати тысяч.

— Одному богу известно.

Ее взгляд снова застыл на его шраме от 2-омикрон-vii.

— И скольких же из них ты убил?

— На сегодняшний день тридцать один.

— Он действительно настоящий ветеран, — заметил Кессельман. — По сравнению с ним мы с тобой просто дети, Наиси Но-Ку.

— Я помогала убивать десять, — сказала Наиси Но-Ку. — То, что ты их убиваешь, хоть когда-нибудь, беспокоило тебя, Старфайндер?

— Единственный раз. Тогда я убивал кита, который ослепил меня.

— Я тут только из интереса, — сказал Кессельман. — Но по ночам сплю хорошо. А ты, Старфайндер?

— Да, я тоже, — солгал тот.

— И я, — сказала Наиси Но-Ку. Она коснулась запястья Старфайндера. — Иногда нам надо бы спать вместе.

Старфайндер молчал. Он чувствовал, как ее пальцы легко скользят вверх по его руке. В конце концов она сказала:

— Тебе не хотелось бы спать со мной, Старфайндер?

— Нет.

Он почувствовал, как ее пальцы замерли, затем отстранились. Услышал внезапную тишину в кабине. Его ответ был лишь простой констатацией факта, и он вовсе не хотел обидеть ее, тем более унизить. Но он понял, что совершил ошибку и что теперь нажил на борту корабля вместо одного врага целых двух.

Тишина в кабине длилась недолго.

— А что насчет старого доброго 1875 года, а, Наиси Но-Ку? — весело спросил Кессельман. — Чем по нашим оригинальным часикам заняты люди в этот день этого века? Без сомнения, они прелюбодействуют, воюют и выпивают за чужой счет.

Некоторое время она не отвечала. Затем, прикрыв глаза, процитировала:

— «Китобойный промысел является наиболее выгодным видом промышленной деятельности. Основной продукт: ворвань. Эта отрасль, как часто бывает с отраслями, подразумевающими убийство животных в гигантских масштабах, производит в дополнение к основному продукту бесчисленных монстров рода человеческого.

— Киты, о которых она говорит, в конечном счете оказались весьма высокоразвитыми, — торжествующе заключил Кессельман. — И осталось их очень немного.

Старфайндер не сказал ни слова. Теперь пришла очередь Наиси Но-Ку вести прицельный огонь. Что она и сделала:

— Ходят слухи, что на «Мериториус» тебя перевели со «Старвард хоу», а туда — с «Нантакета». Так это было, Старфайндер?

— Если есть такие слухи.

Она прицелилась и выстрелила:

— Никого не переводят столько раз, если он не гомик.

На виске у Старфайндера забилась жилка, но эта пульсация никак не была связана со словами девушки. Он наблюдал за китом на обзорном экране, наметанным глазом отыскивая характерные признаки слабости: замедленные перевороты, легкое побледнение серых боков, первые вертикальные трещины. Наконец он ответил, рассеянно, словно был где-то далеко:

— Или шлюха, как ты.

Нарисованный на ее щеках румянец принял более глубокий оттенок, ярость замутила тьму ее глаз. Но прежде чем она смогла нанести ответный удар, раздался крик Кессельмана:

— Кит! Он опять собирается нырять!

На их глазах он приготовился к погружению...

Кессельман: «Год 1975 новой эры».

Наиси Но-Ку: «Эпоха, печально известная политическим и интеллектуальным ханжеством одной из ее главных правящих сил и отмеченная склонностью части правящего большинства показывать по телевизору торжественные похороны».

Кессельман: «Год 251 до новой эры».

Наиси Но-Ку: «Первая Пуническая война. Карфагеняне будут разгромлены и уступят часть Сицилии римлянам».

Кессельман: «Годы 24—112 до новой эры».

Наиси Но-Ку: «На Земле, по-видимому в какой-то глуши, появляется кроманьонец. Он оставит свой след — наскальную живопись в пещерах и массовое уничтожение диких лошадей».

Перед внутренним взором Старфайндера мгновенно возник мускулистый светловолосый дикарь с тяжелым копьем, быстро продвигавшийся вдоль берега проворной реки. По обоим ее берегам уходили за горизонт, где громоздились кучевые облака, холмистые, заросшие густой травой равнины. Вскоре дикарь подошел к мелководью и перешел речку вброд. В самом глубоком месте, вода не поднималась выше, чем до его пояса из грубо выделанной лошадиной шкуры.

Он взобрался на противоположный берег и зашагал по равнинной траве. Вдалеке, подобно острову в зеленом море, раскинулась небольшая роща, рядом стояло довольно далеко один от другого несколько шатров из шкур. Он быстро двинулся к одной из этих примитивных стоянок, крепко сжимая в правой руке копье. Как только он приблизился к роще, картина неуловимо изменилась. Трава стала ухоженным газоном; деревья и шатры слились воедино и превратились в элементы строительных конструкций; эти элементы, нагромождаясь, преобразовались в чрез-

вычайно узкое и чрезвычайно высокое здание, а высокий светловолосый дикарь стал Старфайндером... Старфайндером в летнем костюме и шляпе-радио с антенной в виде пера.

Добравшись до здания, он вошел в узкую дверь и шагнул в цилиндрический лифт. Прибыв на 300-й этаж, он опять обнаружил, что идет по длинному унылому коридору к влекущей и пугающей двери. Подойдя к ней, он попытался повернуть круглую ручку, а когда та не поддалась, ударил плечом в дверную панель. Еще, еще и еще. Но дверь отказывалась уступать. Он начал колотить по панелям кулаками, но, пока стучал, одновременно сидел, обливаясь потом, в кабине 21-го, пытаясь успокоить сердцебиение, от которого сейчас еще яростнее стучало в висках, пытаясь унять еще и дрожь в руках. *На сей раз все будет по-другому*, отчаянно уговаривал он себя, толком не зная, что имеет в виду. *На сей раз все* должно *быть по-другому. На сей раз я не могу позволить себе сорваться...*

Время Старфайндера было временем сбора. Галактика стала фруктовым садом человечества, и он одну за другой срывал большие спелые планеты. Он с жадностью вкушал эти плоды и запивал вином звезд. Когда-то давно его бог изрек: «Бери», — и он брал. Сначала лишь рыб из моря, птиц из воздуха и диких зверей в полях. Но едва его горизонты расширились, то же самое произошло и со значением слова «бери». Теперь «бери» распространялось на все, до чего он мог дотянуться своей рукой.

— Думаю, теперь можно его брать, — сказал Старфайндер.

Кит поднялся на поверхность от 95 221 875 года до новой эры. Быстрая последовательность нырков в сочетании с последним, самым глубоким, окончательно обессилила его, и он неподвижно завис на черном фоне, забрызганном безымянными звездами. Его бока были изрезаны трещинами, и некоторые из них пылали зловещим темно-красным оттенком. Он висел как огромный темный обломок, дрейфующий в равнодушном море, без надежды, лишенный своего неотъемлемого права обрести новую жизнь посредством деления; обреченный быть извергнутым после смерти в настоящее, когда Вселенная, разъяренная его странными блужданиями, чудовищно рыгнет; обреченный стать пассажирским лайнером, грузовым или китобойным судном, где его

движущая ткань заменит двигатель, понятный людям, его «шкуру» уберут механической обработкой, а его подкожную, с измененной стальной структурой ткань «выстругают» и «выгладят», пока она не обретет подобие симметрии, и отполируют так, что она будет отражать самые дальние звезды, а его способность путешествовать в прошлое, брошенная на алтарь необходимости, исчезнет навсегда, ведь люди могут управлять только мертвыми китами, и только мертвые киты ничего не рассказывают.

— Это время вымирания динозавров, — нараспев произнесла Наиси Но-Ку. — *Тираннозавр* приноровился к вымиранию, а мелкие млекопитающие, которые некогда спаслись от его ужасающей поступи, размножились по поверхности Земли.

Старфайндер поднялся на ноги. Наиси Но-Ку последовала его примеру.

— Тебе нет никакой необходимости идти со мной, — спешно произнес он. — Обычно я работаю один.

— Правила компании абсолютно недвусмысленно оговаривают в качестве особого условия, что при удалении центрального нервного узла на технологическом плоту должны присутствовать два Ионы.

— Это на бумаге. И единственная причина, по которой китобойная промышленность обговорила такое условие, — нежелание бодаться с профсоюзом.

— На бумаге или нет, но его никто не отменял.

— Я не *хочу*, чтобы ты шла со мной!

— Только попробуй остановить меня!

Он вздохнул.

— Ты не понимаешь.

На самом деле он и сам не понимал.

Если бы только он мог вспомнить...

Он герметизировал плот и перешел к палубному шлюзу, Наиси Но-Ку держалась на один шаг позади. Прежде чем открыть шлюз, он сказал Кессельману:

— Подведи корабль как можно ближе вперед, настолько, насколько позволит кабель гарпуна.

Кессельман теперь чрезвычайно деловито кивнул. Старфайндер открыл шлюз и легко спрыгнул внутрь плота. Наиси Но-Ку последовала за ним, потянулась вверх и закрыла за собой шлюз. Плот представлял собой куб с ребром длиной около десяти футов, прикрепленный магнитами к днищу 21-го. Все шесть его граней были прозрачны, и потому казалось, будто оба Ионы вме-

сте с их оборудованием подвешены в пространстве. Из передней стенки плота выступал узкий металлический фартук, на котором был установлен металлический контейнер. Над контейнером помещалась пара стальных членистых «рук». Панель управления манипуляторами-«руками» была смонтирована на внутренней стене. Старфайндер занял место прямо перед ней. Рядом уселась Наиси Но-Ку, у консоли управления плотом.

Высоко посередине задней стены размещалось то, что на первый взгляд напоминало оправленную в рамку голографическую картину с изображением замкнутого, сердитого молодого человека. На самом деле это был действующий в обе стороны обзорный экран, на котором отображалось лицо Кессельмана.

«Небесный свод» украшали многочисленные «новые» созвездия. «Колыбель», «крест», «венец» и «дротик». «Косуля», «ожерелье», «лебедь» и «башмак». Но Старфайндеру было не до них; он не спускал глаз с кита. Тот поглотил и небеса, и сетчатку его глаз, стоило только Кессельману осторожно подвести к нему 21-й. На боках кита появилось много новых трещин. Из них сочилась, точно кровь, расплавленная лава.

Мешающее действовать расстояние продолжало сокращаться, и внутри Старфайндера нарастала ненависть, от которой раскалывалась голова. И дрожали пальцы. Бок кита превращался в высоченную скалу, трещины представали узкими пещерами. Зевы тех, что остыли, позволяли разглядеть в глубине жемчужное свечение.

«Картина на стене» заговорила:

— Я продвигаюсь вперед — настолько, насколько позволит слабина. Вам лучше всего задраиться и отсоединиться.

Пальцы Наиси Но-Ку взяли пару аккордов. По-прежнему рассеянно Старфайндер заметил, что костяшки у нее с ямочками.

— Готово, — сказала она.

Плот оторвался от 21-го и повис, словно кубический пузырь, прямо у «правого борта» кита. Пальцы Наиси Но-Ку продолжали выбивать мелодию, и Старфайндер распознал эту беззвучную композицию — Рахманинов, «Прелюдия до-диез минор». Плот отзывался на нее, медленно подбираясь все ближе к «борту» кита и разворачиваясь. Наконец они оказались лицом к нему. Старфайндер указал на трещину шире остальных.

— Здесь.

Наиси Но-Ку осторожно провела плот между краев трещины-пещеры, внутрь кита. Эти края остыли до бледно-розового оттен-

ка, но стены за ними оставались тускло-красными. Как только они оставили позади трансстальную внутреннюю ткань, краснота исчезла. Теперь стены из измененной стали источали только приятный фосфоресцирующий свет, которым так славилось внутреннее пространство космических китов — а также и кораблей из космических китов. «Немеркнущий свет», наличие которого не мог объяснить никто, даже женщины-техники, составлявшие основной штат орбитальных лабораторий, занимающихся изучением *астро-китообразных*.

Стены расступались все шире, и плот, по-прежнему отзывающийся на «Прелюдию», продвигался внутрь гигантской полости. Теперь появилась возможность отличать верх от низа — у этих полостей или камер внутри космического кита обязательно был вогнутый потолок и плоскую палубу (или пол), как будто эти существа предчувствовали свою судьбу и готовились к ней заранее. Эта, выбранная ими, полость была типичной. Она вела в другую, точно такую же, а та в свою очередь вела в третью. Космические киты, которые, как и положено, походили на морских китов, во многих отношениях куда больше напоминали разделенный на камеры наутилус.

— Мне говорили, — ни с того ни с его заявила Наиси Но-Ку, — что на Дёрте люди питают предубеждение против секса. И воспитывают такое же отношение к нему у своих детей. Прямо как пуритане в древности.

Вздрогнув, Старфайндер прекратил в своем сознании колотить в дверь и отступил в реальность. Но была ли это реальность? На одно ужасающее мгновение он усомнился в этом.

В полости, куда только что вошел плот, была два выхода.

— Воспользуемся тем, что справа, — скомандовал он. Его дезориентация немного уменьшилась. Однажды ему удалось отыскать центральный нервный узел кита за время, равное половине того, что обычно требовалось Ионе. Он был мастер своего дела. Иначе компания не стала бы так долго держать его в списке состава на действительной службе.

Теперь плот вошел в очень изящный переход, который однажды станет корабельным коридором. Он вел к очередной последовательности камер.

— Так мне сказали правду, Старфайндер? — спросила Наиси Но-Ку. — Ты поэтому терпеть не можешь секс?

Он понимал, что она пытается спровоцировать его — и менее всего, чтобы свести счеты, скорее от необходимости скрыть соб-

ственное беспокойство, — но это знание ничего не значило для него. И она ничего для него не значила. Ничто не имело для него никакого значения. Кроме двери...

Он заметил, что в свечении появился голубоватый оттенок. Наиси Но-Ку тоже заметила это.

— Мы подходим все ближе, — заметила она.

В ее голосе слышался страх. У Старфайндера страх никогда не был составной частью его работы. А даже если и был, то он просто этого не помнил.

Ему больше не требовалось отдавать указания Наиси Но-Ку. Густеющая синева сама указывала дорогу. Эта синева была признаком излучения 2-омикрон-vii из центрального нервного узла. Ганглий кита, пока его запас 2-омикрон-vii остается нетронутым, продолжает жить даже после того, как сам левиафан умрет. Даже после того как кит отключается и по существу *мертв*. Чтобы полностью вывести его из строя, ганглий следовало полностью разрушить.

Синее излучение, в котором перемещался плот, было смертельным, его прямое воздействие мгновенно убило бы и его, и девушку. Но плот сконструировали так, чтобы не допускать Смерть внутрь. Несмотря на столь близкое соседство Смерти, а, возможно, именно поэтому, Наиси Но-Ку продолжала пренебрежительно отзываться о мужских способностях Старфайндера.

— И надо же такому случиться, что из дюжины Ион в списке, — сказала она, — компьютер выбрал мне в напарники этого лицемерного пуританина с Дёрта! Лучше бы я осталась на Ракуне!

Старфайндер едва слышал ее. Теперь в его сознании нарастал шум, шум, слагавшийся из стука в его висках и грохота его кулаков по закрытой двери. Затем плот повернул к очередному переходу и вошел в камеру более крупную, чем та, которую он только что прошел, и внезапно их со всех сторон окутала синева такой насыщенности и яркости, что перед ней блекла синева излучения в переходе. Ее источник — ганглий — неясно вырисовывался перед ними.

Отношение общества Дёрта к сексу действительно отличалось чрезмерной строгостью, но эта строгость не произрастала из нравственных ценностей древних пуритан. Первые поселенцы на Дёрте составляли религиозный культ так называемую неоессей-

скую церковь, и их потомки не изменились и не отклонились от аскетизма, заложенного в основу их веры. Христос представлялся им ессейским монахом, который отрицал секс, и хотя обитатели Дёрта не могли считаться настоящими ессеями, они жили, совокупляясь лишь по необходимости, а не по каким-либо другим причинам, только чтобы сохранить общество и обеспечить общину работниками. Дети считались общественной собственностью; общинные школы, которые они посещали в возрасте от трех до пятнадцати лет, были очень строго разделены по половому признаку и играли роль дома, церкви и класса. Образование больше замалчивало, чем просвещало, делало акцент на прошлом за счет настоящего и под любым предлогом избегало тех областей знаний, которые вступали в противоречие с верованиями неоессеев. Если сокращенные курсы по таким относительно современным предметам, как антропология и философия Юнга, и входили в учебные планы, то лишь потому, что общество желало относительно прилично ознакомить своих будущих просветителей с теми аспектами научной мысли, не доверять которым им должно больше всего. По завершении образования дети мужского пола работали на общинных полях, а дети женского пола — на общинных кухнях. Лица мужского пола достигали официального совершеннолетия в восемнадцать лет, а лица женского пола — в семнадцать. С этого момента разрешались браки, но супруги могли жить вместе только тогда, когда численность населения данной коммуны позволяла некоторый прирост, и только тогда в ее ряды могли влиться новые члены. Все браки ограничивались достижением возраста сорока и, соответственно, тридцати восьми лет; бывшие супруги оба получали привилегию служить своей общине на религиозном поприще, причем мужчины получали звание «монах», а женщины — звание «монахиня». Монахи и монахини пробавлялись орехами и ягодами, трижды молились утром, трижды днем и трижды вечером. Каждый день четырежды обливались холодной водой. Ходили босиком, с грозными лицами. И одевались в серые рясы до пят, с капюшонами.

В семнадцать лет Старфайндер уже насмотрелся на работу на пшеничных полях, где мотыжил землю, зашвырнул подальше мотыгу и пересек напрямик почти всю страну, чтобы попасть в ближайший космопорт. Он добрался туда на попутном челноке и в итоге оказался зайцем на грузовом корабле, как раз перед тем как тот отправился в светоскоростной рейс в сторону Туле**.

Он не сознавал, что в его сознании появилось понятие «заяц», как капитан этого фрейтера не сознавал, что «заяц» появился на его корабле.

Ганглий походил на гигантскую розу.

Синюю розу.

Она заполняла половину камеры, лепестками едва не касаясь стен. Казалось, что камера — сад, а роза проросла из его плодородной почвы за долгую восхитительную весну, теплую и дождливую.

Именно здесь хранилось содержимое памяти кита; именно здесь было то, что позволяло ему принимать решения, то, что позволяло ему управлять массивным телом, здесь помещались его глаза и уши — всеобъемлющий аудиовизуальный аппарат, который накрывал область с радиусом, измеряемым в парсеках.

Средства управления на контрольной панели манипуляторами-«руками» походили на пару гибких металлических перчаток. Старфайндер сунул в них дрожащие руки. Его неизменно потрясала красота этой «розы», но эта красота не могла заслонить память о его слепоте, о том времени сплошной темноты, когда по иронии судьбы он «читал» все те книги, которые никогда и не думал читать, пока его глаза могли видеть.

— Стебель, — сказал он Наиси Но-Ку. — Подойди к нему как можно ближе.

Она снизилась, так что плот оказался всего в нескольких дюймах над полом камеры, а затем осторожно пустила его вперед, удерживая ниже свисающих лепестков. Ее лицо в отблесках излучения «розы» было синим. Старфайндер протянул «внешние руки» вниз, к закрепленному на фартуке металлическому контейнеру, отпер замок, удерживавший на месте крышку, и поднял ее. Тем временем плот, повинуясь Наиси Но-Ку, занял нужную позицию, и Старфайндер извлек из контейнера первый заряд. *Неопластический*. И закрепил на стебле.

Медленно и осторожно он закрепил еще три заряда.

— Этого вполне достаточно! — фыркнула Наиси Но-Ку. — Большинство Ион используют всего два!

— Этот Иона всегда и все делает наверняка. — Он закрепил пятый заряд.

— Дурак! Ты разнесешь на куски и нас вместе с его мозгами!

— Она права, Старфайндер! — выкрикнул с обзорного экрана, Кессельман, до сих пор хранивший благоразумное молчание. — Уводи плот подальше оттуда, Наиси Но-Ку!

Она уже выводила плот из-под лепестков. Теперь она развернула его и вела к выходу из камеры, в тот коридор, по которому они попали сюда. Старфайндер не возражал. Он высвободил руки из «перчаток» и стоял, тупо уставившись сквозь прозрачную стену на затухающую синеву, прислушиваясь к шуму в собственной голове.

Когда окружавшая их синева исчезла и свечение, исходившее из стен, вновь возобладало, он сказал:

— Такой дистанции достаточно. Мы убьем его отсюда.

Они были в полости, не слишком удаленной от трещины, через которую они проникли внутрь кита. Наиси Но-Ку, теперь более спокойная, остановила плот и теперь разворачивала его. Наконец они встали «лицом» к тому направлению, с которого входили внутрь.

— Ты уверен, что мы в безопасности?

— Уверен, — сказал Старфайндер.

Его руки кровоточили от ударов по металлической двери, но, не обращая внимания на кровь, он вытянул указательный палец правой руки, чтобы нажать на маленький красный переключатель на правой стороне панели управления манипуляторами-«руками». Он толкнул его вниз на четверть длины хода, затем на половину, затем на всю длину. В конце концов он отвел его назад, в исходное положение.

Они стали ждать.

Разумеется, никакого звука не могло быть.

Постепенно свечение стен утратило ровность и стало зыбким. Затем оно замерцало, меняясь от максимальной яркости к почти полной темноте, словно у стробоскопа. Некоторые космические китобои говорили, что так космические киты кричат.

Плот начали бомбардировать синие осколки. Он вздрагивал при каждом ударе.

— Самоубийца! — выкрикивала Наиси Но-Ку. — Хочешь вместе с ним убить и нас!

«Картина на стене» снова ожила.

— Он сумасшедший, Наиси Но-Ку! Возвращайтесь на борт сразу, как кит всплывет!

Старфайндер, не обращая ни малейшего внимания на слова ни той, ни другого, пристально вглядывался сквозь прозрачную

стену плота в стену камеры. Но эта стена была для него такой же невидимой, как и стена плота, и он видел только дверь... влекущую и пугающую дверь, которую каким-то образом должен был открыть — сейчас, пока кит умирал. Его руки бешено дергали ручку, с пальцев начало слезать мясо. Он крушил плечом дверные панели. Еще, еще, еще.

Он должен войти. *Должен*.

Его внимание незаметно распространилось и на девушку рядом с ним.

Возможно, она могла бы помочь.

Он обернулся и посмотрел ей в лицо, залитое психоделической фосфоресценцией. Увидев его глаза, она пронзительно завизжала.

Пожалуй, да... она была искомым ответом. Почему это не пришло ему в голову раньше? Она и была той самой комнатой. Комнатой за закрытой дверью.

И она же была дверью.

На самом деле все было чрезвычайно просто. Он не мог понять, почему потребовалось столько времени, чтобы осознать истину.

Он сделал шаг в ее сторону. Она вскочила и начала отступать.

— Держись от нее подальше, Старфайндер! — закричал Кессельман. — Если тронешь ее, убью!

Старфайндер не слышал. Слышал только визг девушки. Она продолжала пятиться от него, пока не дошла до стены по правому борту. И скользнула вдоль нее — лишь для того, чтобы оказаться в ловушке, загнать себя в угол. Теперь он слышал и крики кита, не только ее крики. Когда она начала защищаться, он хлестнул ее наотмашь по лицу тыльной стороной ладони, и она упала. Старфайндер — на нее. Он сорвал с нее короткое платье-рубашку и нижнее белье. Ее отчаянные крики слились с криками кита. Наконец-то он нашел ручку и повернул ее. Дверь открылась, и он вошел. В комнате царила непроницаемая темнота, с вкраплением многоцветных огней. Они кружились в диком водовороте, мешая видеть. Но недолго. В конце концов он увидел единственного обитателя этой комнаты.

— Мои поздравления, — сказала Смерть. — Вот мы и встретились снова.

В этот миг кит был извергнут на поверхность Океана пространства-времени, а вместе с ним и 21-й.

* * *

Кессельман выстрелил в Старфайндера через несколько секунд после того, как плот повторно состыковался с 21-м. Он использовал «Венц и Арбингер» 436 калибра. Старфайндер с радостью принял рану, но Кессельман оказался скверным стрелком, и рана оказалась незначительной.

Корабельный врач навестил Старфайндера в лазарете вскоре после того, как «Гринлайт» взял курс на Орбитальные верфи Фарстар****. Если не считать Старфайндера, лазарет был пуст.

Врач закончил перевязку.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— ...Хорошо.

Врач в свое время прочел «Войну и мир» и всякий раз, заглядывая в глаза Старфайндеру, вспоминал князя Андрея, вырвавшегося из объятий смерти, но так и не оторвавшегося от нее совсем. «Боже мой! — подумал он. — Что мы делаем с этим человеком?» Вслух он произнес:

— Я могу принести голокуб, если хочешь. Программы только корабельные, но не худшая подкормка для мозгов в Галактике.

— Я бы лучше обойдусь без него.

«Мы, что он болен, — текли дальше мысли врача, — и нам известно, что его болезнь лишь отчасти результат того, что он занимался уничтожением ганглиев. И все-таки мы игнорируем основную причину и между припадками упорно «взрываем» его мозг с тем, чтобы он и дальше мог помогать компании наполнять ее денежные сундуки, и сам я знаю все это, но своим молчанием лишь потворствую этому».

— С девушкой все в порядке? — спросил Старфайндер.

— Переживет. Как раз сейчас, она переживает это в корабельном баре. Капитан уже сполна расплатился с ней... разумеется, от имени компании.

Старфайндер нахмурился.

— Были и другие. Я знаю, что были. Но, похоже, никак не могу вспомнить.

Все забываю и продолжаю игру...

— Их было три. Участь, на которую ты их обрек, нельзя классифицировать как «хуже смерти», поэтому я бы не беспокоился о них. Спрашивай — и получишь ответ... тем или иным образом.

— А Кессельман?

— Вернулся к своим обязанностям... получив строгое предупреждение держаться от тебя подальше. Я бы не советовал тебе выдвигать против него обвинения.

— Я и не собираюсь.

— Все равно это ни к чему бы не привело. Инцидент не отмечен в бортовом журнале.

Старфайндер умолк. Он чувствовал тяжесть в руках и ногах и во всем теле. Огромная слабость и ужасающее отчаяние навалились на него подобно тяжеленной туше кита. Он сразу забыл, что корабельный врач все еще в лазарете. Затем, вспомнив, что тот здесь, спросил:

— Есть еще такие, как я?

Врач покачал головой.

— Нет. Ты единственный в своем роде... как в плане опыта и знаний, так и в плане психоза. Почему ты не уйдешь, Старфайндер?

— Не могу.

— Ради бога, уйди, вернись туда, откуда пришел, постарайся стать нормальным человеком!

— Нет.

Корабельный врач вздохнул. Как бы то ни было, он попытался.

— Тогда все идет к тому, что тебе необходима новая серия мозговых «взрывов».

— Стало быть, так.

Врач еще раз заглянул в глаза Старфайндеру. И быстро отвернулся.

— Я спущусь сюда завтра, еще раз осмотреть тебя, — сказал он и ушел.

Оставшись один, Старфайндер долгое время лежал без движения. Теперь проблема была не в том, как открыть дверь, а как закрыть ее.

Наконец он встал и с трудом побрел к бортовому телескопу. Ему хотелось увидеть кита. Своего кита. Он хотел порадоваться чужому несчастью, глядя на него.

Ему не пришлось подстраивать телескоп. «Гринлайт» все еще находился в начальной стадии разгона, и буксируемый на тросе «улов» тянулся позади корабля широким полукругом; последние в этой связке двигались параллельно кораблю и в проти-

воположную от него сторону. Кит Старфайндера был прямо напротив телескопа, возможно, в трех милях.

Он наблюдал, как тот проходит мимо. Звездный свет дождем падал на него от «Камелота», от громадного «древа космоса»... и трещины на его боках теперь казались всего-навсего слабыми вертикальными линиями, а выбоины от метеоритов — рябью света и тени. Пока он наблюдал за прохождением кита, он увидел на нем лицо, почти так же, как его далекие предки видели лицо на Луне. Но здесь было совершенно иное. Это лицо не было универсальным, обычным «лунным ликом»... И вдруг он услышал, как дверь с шумом захлопнулась. И мгновенно почувствовал, что свинцовый груз в его желудке «растаял», с плеч свалилось тяжкое бремя, а конечности освободились от изнурительной тяжести, и понял, что с этой минуты больше не будет убивать китов. Потому что лицо на теле кита было его, Старфайндера, лицом.

И вот, открылась новая дверь. Дверь в холмы и зеленые луга, наполненные свежим дыханием весны, в небеса, очищенные от въевшейся зимней копоти и грязи, в далекие, сияющие светом, города. Дверь к жизни, любви и смеху. Он переступил через порог... в одиночестве, как подумалось ему. Но он ошибался. Безбилетный пассажир с Дёрта шел рядом с ним.

Глава 1. Кладбище космических китов

Орбитальные верфи Фарстар**** для обитателей планеты были и источником красоты, и источником процветания. Красоты — благодаря свойству находящихся на орбите космических китов, преобразуемых в космические корабли, отражать свет, а процветания — благодаря наличию рабочих мест, создаваемых этой самой конверсией и постоянной потребностью в производстве необходимых для нее материалов, деталей и прочего.

Хотя число этих огромных, напоминающих с виду астероиды созданий разнится, в каждый данный момент, их редко бывает на орбите меньше двенадцати, ведь, как правило, стоит только одному из них стать настоящим кораблем и уйти с орбиты, на его месте тут же появляется другой. Ночное небо планеты Фарстар**** гораздо богаче благодаря их присутствию. Подобно ярким Венерам, они поднимаются через неравные промежутки на востоке, быстро взбираются в зенит и скользят вниз по темному небосклону, чтобы «зайти» на западе. Заинтересованный наблю-

датель может ночь напролет следить за прохождением этих прекрасных лунозвезд и размышлять, если у него есть такая склонность, о том, как далеко в прошлое они путешествовали. Настоящее, скажет вам любой космический китобой, — не более чем поверхность Океана Пространства-Времени. Живой космический кит может нырять под эту поверхность всякий раз, как у него возникнет такое желание, и оставаться в потерянном времени, — да что там, может стремительно нырять на самое дно Океана.

Иногда корабельные верфи называют кладбищем космических китов, но в коннотативном смысле это неверный термин. Космические киты прибывают сюда не по собственной воле или не потому, что захотели умереть. Их доставляют сюда китобои, которые преследовали их в море, и Ионы, уничтожившие их ганглии. Они умирают не на Верфях. Они уже мертвы по прибытии.

По крайней мере предположительно.

Занавес поднимается. Мы видим человека, который сам когда-то был Ионой.

Имя: Джон Старфайндер.
Возраст: 33 года.
Место рождения: Дёрт.
Расовая принадлежность: натурализованный голианин.
Профессия: специалист по движущей ткани.

Сценой служит чрево одного из обращающихся по орбите космических китов. Этот кит не из числа убитых самим Старфайндером — он уже давно прекратил убивать их. Нет, в «преступном» убийстве этого кита повинен другой Иона.

Картина вполне симпатичная, поскольку реконструкция, точнее, конверсия, близится к завершению. Кит представляет собой почти законченный корабль. Ячеистое нутро теперь занято каютами, трюмами, коридорами, переходными трапами и люками. Сверх того, его растрескавшуюся, в метеоритных оспинах «шкуру» с помощью машин содрали, обнажив транссталь ную ткань. Вулканические щели на боках заделали, а всю внешнюю поверхность выровняли и отполировали до гладкости женского бедра. Гиперацетиленовые горелки реконструкторов придали напоминавшему астероид телу подобие симметрии, и целые ряды прore-

зей под телескопы украсили его некогда голые бока. По правому борту причальный отсек уже щеголял наличием многоцелевого, обеспечивающего самую разную жизнедеятельность плота — класса не ниже чем «Старейнджер-IV». Система искусственной гравитации, обогащаемая с помощью гидропоники атмосфера и температура 70 градусов по Фаренгейту, пришли на смену исходным почти полной невесомости, вакууму и абсолютному нулю.

В сознании Старфайндера возникло странное изображение, и это заставило его задержаться в наполненном фосфоресцирующим свечением коридоре, по которому он шел. Коридор тянулся во всю длину четвертой, самой нижней, палубы и обеспечивал доступ к носовому трюму, к отсеку с генератором искусственной гравитации, к механическим мастерским, к станции регенерации, к отсеку управления внутренней атмосферой, к гидропонному саду и к самым разным складам и хранилищам. Кроме того, коридор позволял пройти к отсеку движущей ткани, где Старфайндер работал дни напролет, занимаясь подготовкой «плавников» кита для окончательного соединения с гигантским двигателем Эйнштейна-Розена, который, согласно графику, предстояло ввести в строй через неделю, считая с сегодняшнего дня.

Изображение, появившееся в его голове, можно передать следующим образом:

((*))

Старфайндер оказался в затруднительном положении. Когда возникло это изображение, он как раз думал об ангеле Глории Уиш, и не усматривал никакой связи между ((*)) и его собственными мыслями.

Вскоре ((*)) постепенно затухает в его сознании, и он идет по коридору дальше, в среднюю часть корабля, к сходному трапу. Двенадцатичасовой рабочий день окончен, и подобно библейскому Ионе он жаждет быть извергнутым из чрева кита. Жаждет встретиться с ангелом Глорией Уиш, спуститься по звездному лучу и отправиться с ней в портовый город Сверц, который он начал называть родным.

Вероятно, именно поэтому изображение и появилось у него в голове: его утомило чрезмерное обилие работы и чрезмерное обилие Глории Уиш. Возможно, именно поэтому изображение появилось снова, на этот раз в виде точной копии:

((*))

И снова Старфайндер останавливается. Он стоит на одной линии с дверью механической мастерской; подножие сходного трапа прямо впереди, справа от него. Теперь он не просто озадачен, он напуган. Когда-то давно, у него были причины сомневаться в собственном здравом рассудке; теперь он снова сомневается.

Копия ((*)) быстро тает, но, еще не успев исчезнуть, замещается другим изображением. Оно имеет небольшие отличия:

~~((*))~~ ((*))

Более того, с ним появляются слова; но источник слов — сознание Старфайндера:

Сто свежих роз приносит утро в сад;
Одной, вчерашней, не вернуть назад.
И первый летний месяц, месяц роз,
Вас унесет, Джемшид и Кей-Кубад[*].

Тогда первое изображение — символ розы, второе — две розы, третье — мертвая роза и живая. Если Старфайндер и не знает, что означают эти тайные знаки, то знает его подсознание.

Подсознание дает ему новый ключ:

Розы — синие

Теперь он пристально вглядывается в дверь механической мастерской. Механическая мастерская заняла место прежней камеры, где помещался ганглий кита. Здесь, в своем ганглии, кит хранил свою память, здесь рождались и рассматривались его мысли, здесь кит принимал решения, здесь кит предавался грезам. И ганглий, как все подобные ганглии, имел форму гигантской розы...

Синей розы.

Теперь понятно. Розы *действительно* синие.

---

[*] Э. Фитцджеральд, «Хайямиада», пер О. Румера.

Вырвавшись из оцепенения, Старфайндер проходит оставшееся расстояние до сходного трапа и начинает подниматься. К тому времени как он добрался до причального отсека, тайные знаки мало-помалу полностью исчезли из его сознания. Ничто не заняло их место; и все равно он все еще не опомнился от потрясения, когда присоединился к другим реконструкторам, которые все как один были одеты в серые комбинезоны, такие же, как его собственный. Один из них — начальник смены. Он стоит ближе всех к шлюзам, дожидаясь вместе с остальными прибытия ангела Глории Уиш. Старфайндеру он не нравился. Начальник смены агрессивен, высокомерен, черств и к тому же льстив. Чурбан. Неспроста он стал начальником смены.

Прибытие ангела Глории Уиш встречают радостным весельем, хотя она появляется здесь каждый вечер, в один и тот же час, чтобы выставить охрану и забрать реконструкторов домой. В действительности она, разумеется, никакой не ангел, но реконструкторы считают иначе. Старфайндер спал с нею — как и большинство рабочих, которых она подвозила к их китам и отвозила обратно. Но со Старфайндером все было по-другому, потому что именно его она выбрала сама, чтобы заняться делом на «Л». Ее серебристый комбинезон в обтяжку подчеркивает полноту груди, соски торчат из небольших отверстий, проделанных специально. У нее широкие, но гибкие бедра и длинные стройные ноги. У ее нестареющего лица классический абрис; гладкая чистая кожа сияет красотой, красота переливается радугой в ее зеленых глазах. Волосы уложены вокруг головы в виде яркого как солнце кольца.

Она не только хозяйка службы челночных перевозок, но и главный акционер ОКК. Кроме того, она одна из «Семи сестер» — правящей верхушки Гола. Подобно всем взрослым женщинам Гола, она практически бессмертна благодаря криогенной капсуле, имплантированной в ее левое предсердие, когда она достигла совершеннолетия. Такого рода капсулы настроены на сердечный ритм, и когда, в каждом отдельном случае, сердечные сокращения останавливались, капсула «пропитывала» все тело ро-ксичастицами, вызывая почти мгновенную криогенизацию. Одновременно капсула направляла сигнал в одну из стратегически размещенных лабораторий декриогенизации, и тело мигом обнаруживали и транспортировали в одну из ближайших. Все лаборатории такого рода располагались под землей и по вполне понят-

ным причинам в конце концов получили название «крипты», то есть склепы. В каждой из них постоянно дежурил криогенный техник. Поступающие туда тела хранились в криогенных холодильных установках до тех пор, пока не появится возможность восстановить их и декриогенизировать, время ожидания определялось общественным положением декриогенизируемого. Поскольку техника хирургии и лечебные процессы на Голе граничили с чудом, с человеческим телом редко могло случиться что-то непоправимое, такое, что нельзя было бы исправить или вылечить; таким образом, практически ничто не ограничивало число смертей, которые могла перенести жительница Гола, всякий раз снова возвращаясь к жизни. И только если в момент смерти повреждалась сама криогенная капсула, декриогенизация становилась невозможной. Подобное затруднение в конце концов, вероятно, и стало причиной возникновения среди местных мужчин известной поговорки: «единственный способ избавиться от ненужной женщины — вогнать кол ей в сердце».

Отсюда не следует, что мужчины Гола злобствуют, пытаясь выступать против бессмертия. Женщины Гола взбирались по эволюционной лестнице быстрее их, и по некоторым причинам это вылилось в резкое сокращение их рождаемости. В результате мужское население Фарстар**** куда больше, нежели женское, и эта диспропорция становится все более существенной из-за притока мужской рабочей силы из других миров. Нет, мужчины Гола вполне реалистически оценивали свое положение смертных. Им и так уже приходится делить пирог со слишком многими себе подобными... так с чего бы им хотелось делить его с еще большим их числом? По той же причине они не злобствовали и по поводу того, что пирог несколько раз подогрет. Кому нужен холодный пирог, когда можно получить подогретый, только что вынутый из омолаживающей духовки?

Неизбежная нехватка пирога компенсируется щедростью женской половины населения Гола. Неразборчивые связи длятся неделю, прежде чем возникает «Л», и возобновляются неделю спустя после того, как «Л» заканчивается. Во всяком случае, на Фарстар**** немногим мужчинам повезло настолько, чтобы считать женщину исключительно своей, как вскоре повезет Старфайндеру. Через неделю с небольшим Солнечный Врач удалит одно из его ребер, химически обработает, чтобы придать ему гибкость и защитить от разложения, и превратит в ожерелье для Глории Уиш — символ их с ней единения.

Реконструкторы цепочкой проходят через шлюз причального отсека в корабль-шаттл, а охрана принимает под свою ответственность кита. Ангел отправляет свой образцовый корабль с головокружительной высоты прямо к сине-зеленому Голу. Со всех сторон пульсируют звезды, а прямо над ними кит превращается в яйцевидную луну; вниз, вниз, вниз падает корабль, покидая небеса, и за зоной сумерек, частично накрывающей Гол, уже можно различить сияние главных городов равнины — Сверц, Даун, Генен, Ллурид. И вот зона сумерек летит вперед, к встрече со стремительно падающим кораблем, и вперед движется город Старфайндера, Сверц, но ему некогда смотреть на него; он смотрит через потолочное окно на мертвых китов в небесах и на звезды позади них, расцветающие в ночи времени-пространства. В дальней дали растут незабудки, в нескольких парсеках справа от них растут желтые нарциссы. Еще выше колокольчики, ландыши... *Однажды я отправлюсь на праздник весны в небеса... чтобы потрогать колокольчики, вдохнуть благоухание лилий, сорвать* ((*))...

Ангел Глория Уиш провожает его домой, как делает каждую ночь, в своем импортном автомобиле на воздушной подушке. Она предлагала купить ему такой же автомобиль, но он отказался. Он все еще новичок на дорогах Гола; частицы Дёрта все еще липнут к нему. Но он поклялся стряхнуть их с себя.

Он задается вопросом, что ответил бы, предложи она купить ему бессмертие. Но подобные размышления — чисто академические: бессмертие не продается. Женщины Гола прижимисты в том, что касается этого процесса, — так обычно берегут свои кровные деньги. Они рассматривают его как свою исключительную собственность. Возможно, с полным на то правом, ведь это они, и только они проводят этот процесс. В конечном счете его доведут до совершенства и на других заселенных людьми планетах, и все человечество уподобится богам; но пока этот пантеон будет ограничен лишь женщинами Фарстар****.

Старфайндер склонен думать, что ответил бы «нет».

Глория Уиш прощается с ним у входа в высотное ярко освещенное здание, где он живет, и говорит, что заглянет попозже. Деловая женщина, прежде чем отдыхать, она должна разобраться с множеством дел, требующих постоянного внимания. Он машет ей на прощание рукой. Она уже быстро удаляется, исчезает из

вида. Однако он не уходит в здание. Вместо этого он идет по широкой авеню, поворачивает направо, в узкую, тускло освещенную боковую улицу и проходит ее почти всю, до небольшого кафе, которое называет своим пристанищем. Там он заказывает «Магелланово облако», настоящую бурду, которая, несмотря на свое небесное название, содержит девяносто девять процентов дешевого джина и один процент разведенного стеста (депрессант, который вместе с алкоголем парализует неокортекс). Он садится за столик в углу, небольшими глотками смакуя свое пойло. Несколько других завсегдатаев кивают ему, и он кивает им в ответ. Этих людей он встречал здесь и раньше. Здесь его прибежище, но он ни разу не пытался завязать с кем-нибудь беседу, а те беседы, что пытались завязать с ним другие, мало интересовали его. Он необщителен.

После двух «Магелланова облаков» он уходит. Узкий проход, по которому он идет, больше похож на переулок, чем на улицу, и здесь так темно, что в первый миг Старфайндер даже не может разглядеть женщину, которая вдруг кидается к нему из темного дверного проема, не может вовремя избежать столкновения с ней. Он не успевает остановить ее; она обхватывает его за шею и целует прямо в губы. Поцелуй влажный, а ее руки так крепко обхватывают его шею, что ему не повернуть головы. Он хочет оттолкнуть ее, но усилие оказывается напрасным — она внезапно выпускает его из объятий, делает шаг назад и исчезает в той же тьме, из которой появилась. Бледное пятно лица, окутанное тьмой тело, смутно различимый наряд — и ничего. Вероятно, проститутка из внешнего мира, робко искушавшая потенциального клиента; почти сразу осознала, что ее товар не требуется, и отказалась от дальнейших попыток. Служба иммиграции на Голе не останавливается ни перед чем, чтобы не допускать сюда подобных «*космонавток*», но нескольким из них, так или иначе, удается проскользнуть. Гол по понятным причинам притягивал их как магнит.

Поцелуй оставил на губах Старфайндера горьковато-сладкий привкус, и он трет их носовым платком, но привкус не исчезает, пока он не поднимается к себе на десятый этаж и не полощет рот раствором антисептика, и даже тогда привкус не исчезает полностью. Его следы держится — или, возможно, это лишь плод его воображения, поскольку он ненавидит проституток, по крайней мере таких явных, так сильно, как может ненавидеть лишь человек, выросший на Дёрте.

В его квартире три комнаты, но у них общий потолок — эти помещения отделены одно от другого перегородками, высотой всего-навсего по пояс. Как все прочие потолки в этом высотном здании, его потолок являет собой голографический экран, отображающий небо, каким его «видит» голографическая камера, установленная на крыше здания. Посреди потолка-неба располагается тускло-желтый точечный ориентир: Мать-Земля. Разумеется, видна не сама планета, но таким образом ее можно ощущать. Даже Старфайндер, который никогда не видел ее воочию, ощущает ее присутствие. Пуповина длиной не в один световой год протянута от его пупка к ее легендарным берегам. Подобно всем его современникам на Фарстар**** и на других заселенных людьми планетах, он до такой степени землянин, как будто родился на Земле. Они и он — дети Земли... наследники ее духа.

Он раздевается, принимает душ, бреется, облачается в домашнее. Заказывает ужин по сервосети. И, пока занят едой, время от времени посматривает на кубический экран. Представление, очень тонко превозносящее добродетели женской половины населения Гола, идет уже давно. Он едва видит актеров. Вместо них он видел розу:

((*))

— Итак, кит, — произнес он, — ты все же не умер.

Он хмурится — в голове сам собой возник вопрос: «Я схожу с ума?» Он чувствует мгновенный укол ужаса. Он уверен, что в здравом уме.

Закончив ужин, он ложится на кровать и смотрит вверх, на голографические небеса. Кит поднялся на востоке и карабкается к зениту. Вот он «переехал» Мать-Землю и начинает спуск. Но это не его кит. Это совсем другой левиафан.

Старфайндер вспоминает о последнем сообщении, полученном от кита. И воспроизводит эту пару непонятных знаков в своем сознании:

~~((*))~~ ((*))

Послание достаточно ясное. Кит отрастил второй ганглий, о чем не знал Иона, уничтоживший первый узел. Возможно, кит готовился к делению, чтобы размножиться. И Иона, не подозревая, что ганглиев два, уничтожил всего один.

Второй наверняка был при этом поврежден. В противном случае кит давным-давно нырнул бы, и вынырнул совсем в другом месте. Столь же очевидно, что второй ганглий должен располагаться в отдельной камере... в камере, которую так и не обнаружили реконструкторы. Есть шансы, что она размещается рядом с механической мастерской, хотя и необязательно. Заряды, которые использовал Иона, могли повредить ее одной только ударной волной, где бы эта камера ни находилась.

Старфайндер никогда не слышал, чтобы киты пытались общаться с людьми. Установленный факт, что они могут общаться и общаются друг с другом, и на очень больших расстояниях. Но общение с человеком? Немыслимо.

Тем не менее у этого кита было очень много времени для размышлений. Может быть, он решил, что существуют и куда худшие бесчестья, чем попросить одного из его истязателей восстановить его ганглий. Например, смерть.

Старфайндер неожиданно усмехается.

— Что ты предложишь мне, кит, если я все устрою для тебя?

И тут он понимает, что именно *может* дать ему кит; у него перехватывает горло, и он замирает, глядя на звезды. Но звезд не видит; они скрыты судном-левиафаном, которое отчасти космический кит, а отчасти космический корабль. Старфайндер видит себя — вот он стоит на мостике огромного судна-кита, и слышит собственный голос: «Ныряй, кит, ныряй!..». И кит погружается ниже поверхности Океана Пространства-Времени и стремительно падает в прошлое; звезды на обзорном экране мчатся назад, а телескопы и созвездия слегка меняются... Вниз, вниз, вниз, в туманы вчерашних дней человечества отправляется кит. А затем, столь же внезапно, как начался, нырок заканчивается. Кит появляется на поверхности в нескольких световых годах и за несколько эпох от исходной точки. По соседству с ним — черная ширь, в которой светится золотистая Мать-Земля: ее расплод совсем близко от нее. Он видит голубую Землю, облаченную в тонкий пеньюар туч; он мельком замечает голую луну и говорит: «Подойди ближе, кит. Я хочу видеть тех болванов, что называли себя королями, хочу видеть древние империи; хочу видеть закованных в броню слонов Карфагена и Адриана за строительством его стены. Я хочу видеть поднимающегося на холм карлика Аттилу и отвратительную орду, что следует за ним... Я хочу видеть все, о чем читал, когда был слеп... когда *ты* ослепил меня, кит... Нет, не ты, твой брат. И я хочу, ох как я хочу, больше всего на свете,

опуститься на дно Океана Пространства-Времени, стать свидетелем Начала и отыскать, если удастся, в изначальном хаосе смысл и цель сотворения мира, смысл и цель жизни...».

Пот поблескивает на лбу Старфайндера, в груди невыносимо болит. «Если ты можешь, дай мне *это*, кит...»

Слышен перезвон курантов, и у кровати Старфайндера загорается голографический куб-экран. На нем — сияющее лицо ангела Глории Уиш.

— Позволь мне войти, любовь моя. Я принесла тебе корзину поцелуев.

Она одета в обтягивающие тончайшие кружева, сквозь которые ее соски просвечивают как две розы. С величием богини она стремительно плывет по комнате, посрамляя окружающее. Она дезактивирует свое единственное одеяние, и оно соскальзывает на пол. Она, как сервированный стол, простерта перед ним, а он — путник из дальней земли, страстно стремящийся вновь отведать кушаний, которые с жадностью поглощал лишь прошлой ночью.

Она гасит свет и обнимает его; звезды спокойно взирают с высоты на их любовные утехи. И так же спокойно, когда ее любовник уже обессилен, она берет одну из ампул, что принесла в своей сумочке, и делает ему инъекцию, вливая кровь Старфайндера их приапическое содержимое... Она взбирается на него — ненасытная богиня-зверь, ангел, низринутый с небес. Вот день Старфайндера; вот женская половина общества.

Пресыщенный и все же странно опустошенный, Старфайндер забывается беспокойным сном. Ему снится то, что с недавних пор он видит все чаще. Как будто он в чем-то вроде колодца. Стены и дно здесь из холодного камня, свет проникает только в узкую щель прямо над его головой. Эта щель — следствие неправильного соединения двери-люка с каменным перекрытием. Как и во всех предыдущих снах, он колотит кулаками по двери, пытаясь сломать замок, удерживающий ее на месте, но, как и дверь в комнату, где обитала Смерть, она не поддается. Однако она не похожа на ту прежнюю дверь. Она совершенно другая, из тяжелых бревен, удерживаемых прочными поперечинами. А на Старфайндере не летний костюм и шляпа-радио, а тяжелая ряса с капюшоном, от которой несет застарелым потом и высохшей мочой. Нет, это совершенно другой сон, совсем другая подсозна-

тельная фантазия. В комнате наверху тюремщик, с которым ему нужно справиться, чтобы освободиться. Но прежде он должен вырваться из подземной темницы, и он колотит и колотит по бесчувственной двери, под тяжелой рясой пот, выделяясь из пор, струится по рукам и ногам. А свет из щели бьет по сетчатке, рассыпаясь на бесконечно малые частицы, которые вонзаются в мозг так больно, что сводят его с ума. Боль такая глубокая, что он открывает глаза, чтобы отбросить эти частицы прочь, однако попрежнему видит их — они рассеяны над ним, но теперь не причиняют боли; они — звезды, звезды на небесном потолке, раскинувшемся над его кроватью...

Рядом спокойно спит Глория Уиш. А над ним пульсируют звезды.

Он отпускает свой взгляд в странствие по телу женщины, которая очень скоро сделает его своей «Л», и тут же остатки его сна испаряются. Что за мазохистские причуды подсознания, думает он, породили его?

Глаза Глории Уиш уже открылись, она улыбается ему в свете звезд. Внезапно он вспоминает про кита и решает — надо рассказать ей, что тот до конца мертв. Главный держатель акций ОКК и одна из «Семи Сестер», она в ответе за потенциальную опасность, какую представляет его второй ганглий. Более того, между ними не должно быть никаких секретов, раз скоро они станут одним целым.

Но он ничего не говорит ей об этом, пока лежит рядом с ней в свете звезд, не говорит и потом, когда они лениво сидят перед голографическим экраном и болтают. Он скажет ей завтра. Да, завтра. Но вначале ему надо убедиться, что у кита действительно есть второй ганглий.

А еще лучше сказать об этом начальнику смены. Убедившись, что сознание не обманывает его.

На другое утро во чреве кита он спускается по мидель-трапу на нижнюю палубу, точь-в-точь так, как делает это каждый рабочий день. Он устал, но не больше обычного. Единственное в его облике, что выдает в нем и утомление, и сдерживаемое волнение, — чуть более насыщенный цвет шрама от 2-омикрон-vii на правой щеке.

Он осторожно вошел в механическую мастерскую, хотя никакой осторожности не требовалось. Камера, заключавшая в себе

второй ганглий, должна быть хорошо отгорожена стеной от остального пространства внутри кита, в противном случае и он, и остальные реконструкторы умерли бы давным-давно.

Он закрывает за собой дверь. «Прислушивается». И ничего не «слышит». Тогда он сосредоточивает все свое внимание на первом послании кита, стараясь увидеть его мысленным взором:

((*))

Никакого ответа долго-долго нет. И вдруг:

~~((*))~~ ((*))

Он снова сосредоточивается: «Где?»

На сей раз ответа нет.

Он не удивлен. Разве может единственное слово, переданное без визуального аналога, хоть что-нибудь значить для космического кита? Так что он до поры отвергает слова и сосредоточивает внимание на ближайшем трюме, на ближайшем отсеке и наконец на камере движущей ткани, воображая в каждом из них ((*)). Затем он полностью освобождает сознание и начинает ждать.

Он чувствует тень. Бледную и холодную, как смерть, исчезнувшую через доли секунды после того, как он начал осознавать ее. Он может без труда истолковать это. Это страх. Отчаяние толкнуло кита к тому, чтобы выдать наличие второго ганглия, но отчаяния недостаточно, чтобы преодолеть недоверие к человеку.

Нужна хитрость. Старфайндер каким-то образом должен обмануть кита, заставить его показать, где второй ((*)).

Поэтому он мысленно воображает кита — таким же образом, как прошлой ночью, когда лежал в постели, ожидая появления Глории Уиш; воображает его полностью реконструированным, за исключением движущей ткани, и себя полноправным капитаном на нем. «Ну, ныряй, — мысленно произнес он, закрепляя эти слова в сознании кита. — Ныряй, кит, черт тебя дери!» В его, Старфайндера, сознании кит ныряет, унося его, своего единственного пассажира, в прошлое. «Поднимайся на поверхность, кит! — командует он. — Возвращайся туда, где мы были». Кит послушно выныривает в настоящем.

Затем Старфайндер представляет, что кит — это грузовое судно, которым тот может стать в недалеком будущем. Он рисует себе, как трюмы кита до краев заполняет разнообразное сырье, а

еще — угрюмого, злого капитана на мостике, насупленного мужчину, меряющего шагами его верхнюю палубу, тучного штурмана, размышляющего над картой в своей рубке, мрачного кока, готовящего на камбузе, и неопрятный экипаж, размещенный как попало в чреве кита. Наконец, желая удостовериться, что кит получил его послание и понимает, что из двух вариантов первый куда предпочтительней, Старфайндер, по-прежнему мысленно, изображает камеру движущей ткани так, как она будет выглядеть после установки и подключения двигателя Эйнштейна-Розена. Конкретное свидетельство того, что человек полностью подчинит себе кита и тот будет мертв.

Потом он ждет.

А пока ждет, с опозданием смекает, что заключил сделку с китом. Намекнул, что если тот выдаст ему место расположения второго **((*))**, то он, Старфайндер, исправит любое из причиненных киту повреждений, а взамен кит должен стать его личной собственностью и подчиняться любому его приказу. В своем стремлении обмануть кита он сам угодил в ловушку.

Но это же нелепо. Человек не может заключить сделку с разумным астероидом. А даже если и может, где гарантии, что кит выполнит свою часть соглашения? И как, в этом отношении верить человеку? Все это лишь бесполезные гипотезы, ведь ни один кит, в каком отчаянии он ни был, никогда не согласится попасть в подобную зависимость.

Изображение из непонятных знаков, которое внезапно возникло в сознании Старфайндера, можно представить так:

((*))
– ZZZZZZZZZZZZZ
((*))

Старфайндер потрясен.

Кит *согласен* пойти в рабство.

По-видимому, для космического кита смерть — такая же ужасная перспектива, как и для человека.

Второй ганглий помещался прямо под той палубой, где находился первый, в естественной камере или полости, пропущенной реконструкторами, вероятнее всего, из-за ее близости к внутренней ткани в брюхе кита.

Теперь, выяснив, где второй ганглий, Старфайндер должен уведомить о его наличии начальника смены, с тем чтобы можно

было принять надлежащие меры. Поскольку механическая мастерская расположена не слишком высоко над внутренней брюшной тканью кита, то палуба, отделяющая мастерскую от этой полости, не может быть очень толстой. Трансталь, сталь с измененной структурой, которая и есть эта внутренняя ткань, — это сверхпрочный металлоорганический материал, но легко сдается на милость гиперацетиленовых горелок, созданных на корабельных верфях Фарстар**** и усовершенствованных так, чтобы обрабатывать ее. Сама же палуба состоит из менее твердой трансстали; чтобы прожечь ее насквозь потребуется всего несколько минут. И чтобы взорвать и полностью уничтожить ((*)), времени понадобится ненамного больше... Одно дело — мечты о том, чтобы командовать космическим кораблем-китом и держать прошлое на своей ладони, и совершенно другое — превратить такую мечту в явь, когда подобный поступок означает неизбежное изгнание навеки из принявшего тебя общества и расставание навсегда с женщиной, по-видимому, с женщиной обожаемой. Старфайндер осознал, что вплоть до этого момента вел себя как безумец. Теперь, слава богу, здравый смысл вернулся к нему.

Он выходит из механической мастерской и плотно закрывает за собой дверь. Свое намерение немедленно отыскать начальника смены и все рассказать ему он еще не изменил. Но почему тогда он повернул направо, вместо того чтобы пойти налево, и идет к камере движущей ткани? Причина проста, как дважды два: второй ганглий не представляет непосредственной опасности, и начальника смены можно уведомить о его наличии и сейчас, во время обеда.

Старфайндер возобновляет вчерашнюю работу. Большая часть второстепенных изменений ткани завершена. Главные потребуют гиперацетиленовой «хирургии», баллоны и горелки для которой дожидаются его поблизости, в дальнем углу камеры.

Во время работы он думает о том, каким образом древние карфагеняне превращали слонов в боевые машины. Как они закрепляли «доспехи» на груди, на боках и на передних ногах слонов, как громоздили башни на их громадных спинах и как учили этих толстокожих нападать на врагов и топтать их.

По непонятной причине он никак не может выбросить из головы эти боевые машины карфагенян и думает о них все утро. Когда из интеркома доносится звонок, извещающий о перерыве

на обед, он выходит из камеры движущей ткани и направляется по коридору к сходному мидель-трапу. Он торопливо минует дверь в механическую мастерскую, но недостаточно быстро, чтобы в его мозгу не выжгло парочку роз, живую и мертвую.

Кают-компания размещается на второй палубе, прямо над камбузом. Огромный шкаф заполнен продуктами в расчете на первое путешествие будущего корабля, однако провиант для команды рабочих более скудный. Впрочем, Старфайндер не голоден и едва обращает внимание на еду. В его голове по кругу несутся слоны, затаптывая его собственные мысли. Время от времени ни к селу ни к городу среди огромных нескладных животных возникает роза. И тогда он понимает, что дальше так продолжаться не может, он должен либо отделаться от своего бремени, либо взвалить его на плечи по-настоящему. А поскольку взять на себя такую ношу означает самому разрушить второй ганглий, чего он сделать не может, он идет к начальнику смены, который покончил с едой и сидит один за отдельным столом, ковыряя в зубах.

Старфайндер решительно намерен остановиться у стола и очень близок к тому, чтобы сделать это. Но в самый последний миг, начальник смены поднимет на него глаза, и Старфайндер чувствует во взгляде этих блекло-голубых глаз разочарование и понимает, ничто не обрадует этого человека больше, чем сообщение о том, что кит не вполне мертв и что ему предоставляется возможность собственноручно прикончить его.

Да какая разница? Ведь Старфайндер сам хочет разрушить второй ганглий, разве не так? Почему он должен беспокоиться о том, кто именно выполнит эту работу, если ему это делать не придется? Несомненно, разница есть, и, несомненно, его это беспокоит, потому что он проходит мимо стола, не говоря ни единого слова, спускается по трапу на третью палубу и забирает с главного склада костюм, защищающий от 2-омикрон-vii. Ни на главном складе, ни в коридоре третьей палубы никого нет; он в считанные минуты добирается до нижней палубы и теперь направляется к камере движущей ткани. Он оставляет костюм у дверей механической мастерской, забирает из своей ячейки гиперацетиленовую горелку и баллоны и возвращается. Затем входит в механическую мастерскую и плотно закрывает дверь.

Он отмечает центр мастерской, надевает защитный костюм и начинает прожигать палубу.

Толщина двери механической мастерской — около шести дюймов. Даже излучению полноценного ганглия не проникнуть сквозь нее. Как только второй ганглий будет вскрыт, его излучение 2-омикрон-vii локализуется в стенах мастерской, безопасное для остальных.

Мысли Старфайндера блуждают, пока он прожигает палубу... В башнях, которые карфагеняне возводили на спинах своих боевых слонов, сидели лучники, и когда враг оказывался в зоне досягаемости стрел, эти лучники из безопасности своих передвижных крепостей стреляли, убивая во множестве одних своих недругов и нанося тяжкие раны другим. На шее каждого слона, верхом сидел проводник, вооруженный кувалдой, чтобы разбить слону позвонок, если того вдруг обует паника или безумие. Карфагеняне были мастерами реконструкции: они думали обо всем.

Намного позже в своей истории, человек, едва став более цивилизованным, придумал более искусные средства по «преобразованию» животных. Классическим примером могут служить дельфины. Демонстративно подружившись с некоторыми из них, превознося их разумность и лестно сподвигая их выполнять различные трюки, человек втайне тренировал других особей доставлять к корпусам вражеских кораблей взрывчатку и в нужный момент подрывать и ее, и самих себя, как это делали японские *камикадзе* во Вторую мировую войну. Инженеры и технологи тоже были мастерами преобразований.

Мысли о дельфинах неизбежно приводят к мыслям о китах, которые когда-то процветали на морских просторах Земли. На какое-то время мысли Старфайндера сосредоточиваются вокруг «Моби Дика», и он дивится — неужели Мелвилл правда имел в виду дьявола, делая его символом белого кита, как предполагали многие ученые, или капитана Ахава?

Что же символизирует *этот* белый кит?

Свободу?

Смерть?

И то, и другое?

А что символизирую я, Старфайндер?

Он отшатнулся. Собственные мысли завели его слишком далеко. *«Жги*, — приказал он себе. — *Жги, жги, жги*! Не я *создал слона*. Не я *создал дельфина*. Не я *создал кита*. Не я *создал этого кита. И, прежде всего*, не я *создал человека*! *Жги, жги, жги*! *А когда достигнешь розы, сожги и ее!»*

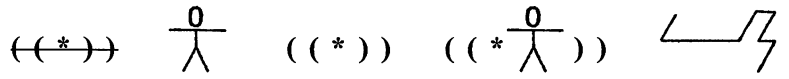
Но, добравшись до розы, он не выжигает ее. Наоборот, гасит горелку, спускается в полость и обследует ее. Она кажется большой и угрожающей, неясно вырисовываясь в фосфоресцирующем свете, исходящем из стен полости. Лепестки у розы бледно-голубые, а излучаемая ими синева почти неразличима. Он опускается на колени и обследует стебель. Он треснут — без всякого сомнения, вследствие воздействия ударной волны, сопровождавшей уничтожение другого ганглия. В напоминающем открытую топку чреве, которое реконструкторы постоянно запечатывают, все еще остается энергия 2-омикрон-vii, но ее недостаточно, чтобы она могла достичь лепестков и позволить киту избавиться от своего «паралича», восстановить собственное управление.

Но повреждение незначительно. Старфайндер может провести все восстановительные работы в течение нескольких минут. И стебель, и сама роза состоят из стали с преобразованной структурой; все, что нужно для работы, — сварочный аппарат и пакет сварочных стержней из трансстали; и то, и другое есть в складском помещении.

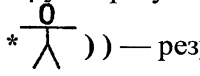
Но он пришел сюда не для того, чтобы чинить розу. Он пришел сюда разрушить ее. Поскольку он думал, что убийство кита из сострадания — совсем не то, что убийство из ненависти.

Но если он пришел сюда разрушить розу, почему не захватил с собой используемые Ионами заряды, которые одни и могли бы проделать всю работу? На складе их целый ящик. Их доставили на борт, когда реконструкция только начиналась, и не из-за подозрений в наличии второго ганглия, а в качестве обычной меры предосторожности.

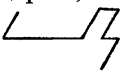
Старфайндер медленно выпрямляется. И, как будто желая сделать его бремя еще тяжелее, кит передает новую группу символов:

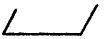
Сначала Старфайндер не понимает смысл этого сообщения. Затем осознает, что кит ссылается на их сделку. ~~((*))~~ представляет розу в ее теперешнем поврежденном состоянии, схематический символ человека — его, Старфайндера. ((*)) символизирует розу после восстановления ее Старфайндером, а

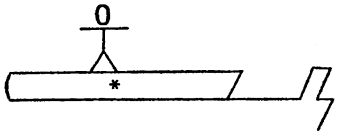
— результат единства Старфайндера и кита.

может означать только одно: пространство-время, при этом трех-

сторонняя фигура означает пространство, а с ее резким снижением — время.

Повисает долгая «тишина». Затем кит, словно испугавшись, что не смог ясно выразить свои мысли (а возможно, и отчаявшись из-за угрозы смерти), отбрасывает остатки гордости и весьма обстоятельно объясняет, что одобряет сделку, используя для этого единственный символ, который Старфайндер должен понять наверняка:

А что же Старфайндер? Он вылезает из полости, подхватывает гиперацетиленовую горелку и баллоны, выходит из механической мастерской и плотно задраивает дверь. Затем возвращается в камеру движущей ткани, сбрасывает защищающий от 2-омикрон-vii костюм и вновь приступает к работе. И каким-то образом проживает этот остаток дня.

Лежа на кровати, закинув руки за голову, Старфайндер пристально вглядывается в небесный потолок своей квартиры. Его кит — вечерняя звезда.

Она отличается от других, потому что ее поверхность отполирована и потому отражает лучи Фарстар**** интенсивнее, чем ее мертвые собратья. Таким образом, это самый яркий объект на небесах.

Лежа на кровати и дожидаясь ангела Глории Уиш, он наблюдает за «восходом» и «заходом» кита и задумывается над тем, как уживется с самим собой, после того как скажет ей, что кит все еще жив и что он заключил с ним сделку, условия которой не сможет выполнить.

Ему не нужно представлять, как она воспримет его сообщение. Он хорошо знает это. Она скажет: «Старфайндер, ты в своем уме? Ты должен был сразу убить его! Сию же минуту разыщи начальника смены, отправляйся туда и уничтожь этот ганглий!»

А Старфайндер скажет: «Хорошо, Глория Уиш, будет сделано».

Он беспрекословно подчинится, потому что она сильнее его. Благороднее. Женщины Гола не то чтобы богини, но не слишком далеки от этого. Периодическое омоложение дает им вечную молодость и раз за разом отодвигает менопаузу. Капсулы в их предсердиях, осуществляющие мгновенную криогенизацию, обеспечивают им нечто вроде бессмертия. Возможно, и сама Глория Уиш уже однажды умирала и обрела новую жизнь. Раз, другой, снова и снова. Истинная богиня. Она и мириады ее сестер — высшее воплощение женщины. Они — воплощенное торжество женского сообщества. Взглянуть на одну из них, означает влюбиться.

Но очень редко на эту любовь отвечают такой же любовью. Ее не может быть на планете, где столько мужчин. Старфайндер знает, как ему повезло, и благодарен. Возможно, она даже снизойдет до того, что родит от него ребенка. Разумеется, она переживет его, и после его смерти переживет «Л» со многими любовниками, и, несомненно, уже переживала со многими до него. Но сейчас она принадлежит ему. И утоление ее аппетита — только его обязанность.

Но может ли он удовлетворить такой аппетит? Может ли он в одиночку, даже используя приапические стимуляторы, выполнить задачу, требующую энергии дюжины мужчин?

На Фарстар**** есть пара поговорок, которые регулярно всплывают в болтовне за рюмкой и временами возникают на стенах в туалете. Первая поднимается к своего рода поэтическим высотам и звучит примерно так:

Вот из этого ребра я сделаю себе жену,
А еще через десять лет умру.

Вторая представляла просто констатацию факта:

Одинокие старики на Фарстар-Четыре все гомики.

Лежа на кровати в ожидании Глории Уиш, Старфайндер глазеет на черную безграничную бездну, где вчера виднелись проблески дальней звезды, завтра замерцает следующая, а сегодня — лишь капля темноты: он видит, как медленно поднимаются по небосводу мертвые киты, печальную прогулку лишенных ((*)) левиафанов, по поверхности . Он видит желтую пылин-

ку: Мать-Землю. И рисует в воображении Землю в тонком пеньюаре — вот она ждет со всеми своими сокровищами... Землю Прошлого, огромную зеленую сферу со всеми ее морями, и кораблями в них, и древними армиями, марширующие по ее суше, с мякотью истории, королевами и королями, — красочное и жестокое зрелище... *Все это я держу на своей ладони; все это мое, стоит только протянуть руку...*

Входит Глория Уиш, несет корзину поцелуев.

— Старфайндер, мой Старфайндер, отчего ты так бледен?

Она сбрасывает тончайший кружевной наряд, гасит свет и садится на край постели. Ее груди, как два бледных холма-близнеца, возвышаются над ним, а выше парит ее лицо. Он смотрит на нее снизу вверх, и она делается все краше, затмевая звезды. Она подобна ветру, прилетающему с юга, и этот ветер обдает его теплом, когда два бледных холма опускаются ему на лицо. Изголодавшийся, он насыщается. Теперь ветер становится еще теплее, обволакивает его, поднимает в небо, и звезды сияют ярче, едва их с Глорией подхватывает вихрь ночи; ветер поднимает его все выше, и он оказывается среди кружения звезд. Одна за другой они ослепительно вспыхивают вокруг его головы и падают, как цветы, мимо его лица вниз, вниз, вниз... Смутно, словно из далекого далека, он чувствует слабый укол «приапической» иглы, и пробуждается от ускоренного тока собственной крови. Ветер — теперь это горячие, обжигающие порывы — снова швыряет его вверх, и новые звезды превращаются в сверхновые. Они сокрушают сетчатку его глаз, превращаясь в ослепляющие осколки, которые вонзаются в его мозг в мучительном контрасте с тьмой его подземной темницы, а он колотит кулаками в неподатливую дверь. Он продолжает отчаянно колотить по деревянным бревнам, забывая о щепках, вонзающихся в руки. Пот катится градом по его телу, скрытому под рясой с капюшоном, голос хрипит, когда он орет, требуя свободы... и вдруг дверь поддается — замок вылетает из своих бетонных гнезд, и он выбирается из отвратительной грязной ямы тайной подземной темницы в комнату над ней. Комната — обширное ложе, на котором лежит его тюремщик, непристойно сплетясь с проституткой из Нового Вавилона. Нет, это не его тюремщик, это он сам, переплетя с ней руки и ноги, извивается и дрожит: отзвуки грандиозного оргазма... Его пальцы, впившиеся в ее ягодицы, начинают украдкой ползти по ее потной спине и обхватывают ее шею. Большие пальцы рук вонзаются ей в глотку, обрывая первый и последний крик, впи-

ваются глубже, глубже. Он осознает, что крепко зажмурился, и открывает глаза, чтобы тут же увидеть перед собой лицо ангела Глории Уиш. Но и тогда его пальцы не выпускают ее шею, хотя посинение ее лица очевидно, а низкая температура горла доказывает, что капсула мгновенной криогенизации в ее предсердии уже выбросила свои частицы, расходящиеся по всему ее мертвому телу.

Проходит немало времени, прежде чем Старфайндеру удается оторвать пальцы безумного Монаха от горла мертвой женщины, и еще больше его проходит, прежде чем ему удается вернуть Монаха в его тайную подземную темницу. Позже ужаснувшийся Старфайндер стоит один посреди комнаты. На кровати неподвижно простерто криогинезированное тело Глории Уиш.

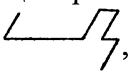
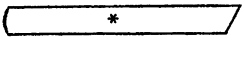
Но перед нами не только Старфайндер испуганный, но и Старфайндер целеустремленный. Он пакует свои скудные пожитки и спускается на первый этаж, где в специальной нише припаркован автомобиль на воздушной подушке, автомобиль Глории Уиш. Автомобиль мчит его в порт ОКК, где ворота, опознав машину, тут же широко распахиваются. В считанные минуты он уже сидит за управлением шаттла, поднимается в небеса.

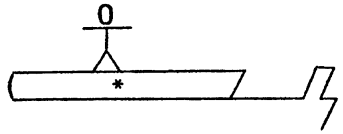
Он стыкует шаттл с причальным отсеком и входит в чрево кита. Здесь он обезвреживает охранника и, связав ему запястья и лодыжки, переносит в причальный отсек и заталкивает в шаттл. Затем программирует автопилот на трехкратный облет по орбите Гола и возвращение в Сверц и запирает дверь. Вернувшись в чрево кита, он в складском помещении запасается портативным сварочным аппаратом и пакетом сварочных стержней из трансстали, а затем спускается на палубу номер 4. Там, надев костюм-защиту от 2-омикрон-vii, спускается в полость под механической мастерской. И восстанавливает розу.

Он заваривает секцию палубы в механической мастерской, возвращая ее в прежнее состояние, и освобождает мастерскую от части машин и инструментов, выталкивая те, что ему не под силу перенести, прямо в коридор. Затем закрывает дверь и заваривает ее по периметру, так чтобы она не могла случайно открыться. Излучение 2-омикрон-vii от второго ганглия чересчур слабо, чтобы хоть сколько-нибудь заметная его часть достигла коридора. Он снимает защитный костюм и поднимается по трапу на верхнюю палубу, а оттуда по лестнице на мостик. Ждет, чтобы роза

успела поглотить остатки энергии, которая все еще сохранялась в «топке» чрева кита, и «говорит», мысленно производя визуализацию слов: «Снимайся с орбиты, кит. Обретай свободу!» И кит сходит с Орбитальных верфей Фарстар****, источника красоты и процветания для обитателей планеты, и отделяется от своих мертвых собратьев.

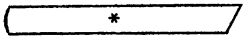
Голодный как волк после многих месяцев истощения, он накидывается на молекулы водорода, никеля и железа, которые составляют основную часть его рациона, выбрасывая влево и вправо, огромные магнитные сети. Постепенно его внутренняя фосфоресценция разгорается; слышны потрескивания, источник которых — все еще функционирующая движущая ткань. «Пора, — командует Старфайндер, и кит готовится к стремительному броску. — Пора, кит, — и потрескивания превращаются в грохочущий рокот. — А теперь, кит, ныряй!» И кит ныряет в Океан

 , и , и обретают свободу...

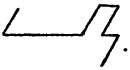

Глава 2. Ареопаг

Орест: *Смотрите, смотрите, увы нам —*
Горгоны с волосами как змеи поднимаются сюда!

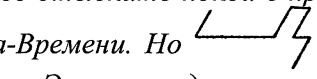
 обозначает кита. Заметьте, что это жуткое чудовище времени-пространства. Он тех же размеров, что и его собратья, но обладает и свойствами космического корабля. Его «шкура» «содрана» машинами, лежащая под ней трансстальная ткань тщательно отполирована. Его «бока» глазасты, как Аргус, из-за установленных там телескопов. Он гордится появившимся у него причальным отсеком, где размещен один из самых многоцелевых и подвижных спасательных катеров, когда-либо созданных человеком. Его некогда напоминавшее пещеру нутро переоборудовано в целый комплекс палуб и кают, коридоров и трюмов. В передней, носовой, части есть мостик с компьютери-

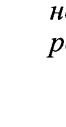
зованной панелью управления и огромным обзорным экраном. В задней, кормовой, части гидропонный сад, не нуждающийся в садовнике, обеспечивает постоянное снабжение кислородом. Еще там есть встроенная система регенерации и гидравлический комплекс, подающий воду, горячую и холодную, в тысячи разнообразных кранов. Есть и автоматическая отопительная система, поддерживающая комфортную температуру — около 70 градусов по Фаренгейту. Все это неотъемлемая часть кита, теперь, когда восстановлен его второй ганглий и сам кит возрожден, так же как и любая из его частей: движущая ткань, чрево, подобное открытой топке, его загадочная способность «нырять» в прошлое.

Кит? Нет, это гибридное чудище, строго говоря, нельзя назвать китом. Как нельзя назвать и кораблем. У кораблей нет ни чувств, ни интеллекта. У кораблей нет всеобъемлющего аудиовизуального комплекса (ВАК). Корабли не могут смотреть внутрь себя и одновременно на несколько парсеков в сторону. Корабли не могут измерять глубину Океана Пространства-Времени, . Нет, это неординарное нечто, творение и Бога, и человека, нельзя, строго говоря, назвать ни кораблем, ни китом, ни даже кораблем-китом, хотя языковые ограничения позволяют считать все три термина вполне правомочными. Строго говоря, его можно называть только «китом Старфайндера», в честь освободившего его от Орбитальных верфей Фарстар**** человека, который теперь стоит на его мостике, его капитан и его экипаж, глядя на обзорный экран, где отражается Океан Времени. .

 обозначает Старфайндера. Отметьте его классическую позу, когда он стоит, вглядываясь во время. Это поза человека, осужденного как современниками, так и им самим. На его руках кровь — кровь убитых им космических китов и кровь женщины, которую, как он думал, он любил и убил в своей постели. А в тайной темнице его мозга живет Монах, безумный Монах, которому отвратительно все, что любит или чему отдает предпочтение его тюремщик. Рассмотрим этого человека — этого бывшего обитателя Дёрта, этого, некогда респектабельного гражданина Гола, ставшего убийцей и вором, ставшего вне закона под действием сил как внутренних, так и внешних, не связанных с его сущностью, человека, убившего женщину в собственной постели,

выкравшего ее кита и по собственной воле изгнавшего себя из века, в котором родился.

Неужели я никогда не познаю покоя? Неужели я должен вечно сожалеть о том, что совершил, вечно страшиться того, что еще могу совершить? Я пытаюсь отыскать покой в прошлом, в глубинах Океана Пространства-Времени. Но *— вовсе не Океан Пространства-Времени. Это, если дать ему имя, скорее Океан Времени.*

 обозначает Океан Времени. Отметьте эту аномалию веков. Она не имеет никакого сходства с тем морем, которое Старфайндер знал, когда охотился на китов и уничтожал их ганглии. То море характеризовалось изменением созвездий и едва уловимыми сдвигами звезд. А это море — тесный союз времени и безвременья, пространства и беспространственности. Это неаристотелева межреальность, скрепляющая традиционную реальность, не позволяющая ей развалиться. В этом нет ничего нового. Человек открыл ее на заре своей истории. Но в своей наивности он ошибочно принял ее за что-то иное и дал ей географические координаты. Не зная правды о ее истинной природе, он не сообразил, что географически она не существует — *не может* существовать. Со временем человек стал умудренным и потерял ее след, а когда вновь занялся ее поисками, она исчезла.

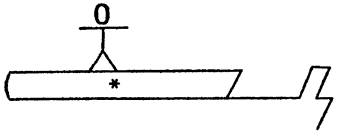
Наблюдателю Океан кажется строгим и неприязненным, но не лишенным красоты. Гребни хрупких наполовину реальных скал, вздымающихся из темных бездонных глубин, украшены бледно-золотистой люминесценцией, которая идет неизвестно откуда, а с их разрушенных обрывистых склонов стекает сюрреалистический алый свет и едва уловимо смешивается с чернотой глубин. Клочья серых облаков висят в бессолнечных небесах, напоминая готовых к броску огромных серых чаек. Да, в Океане Времени есть своя красота, и, поскольку прохождение через него кита не связано с видимым движением, она представляется более осязаемой. Но не для Старфайндера. Он видит Океан Времени как черный диван, на который свалился Иван Ильич за два часа до смерти.

Старфайндер говорит вслух — для кита:

— Почему ты ленишься, кит? Почему ползешь как черепаха, когда способен мчаться как заяц? Не потому ли, что хочешь на-

пугать меня, демонстрируя мне некую сторону реальности, о существовании которой я никогда не знал, и в ходе этого поколебать мое намерение посетить прошлое? Или тебя раздражают обязательства, которые ты взял на себя? Ныряй, кит, ведь ты можешь нырять. Поскорее покинь это отвратительное место!

Кит, который к этому моменту уже извлек из головы Старфайндера весь словарный запас среднего англоамериканца, не ответил. Он не «говорит словами», с тех пор как «заявил» с помощью своей «теле-символьной» речи, которую придумал для того, чтобы делиться своими мыслями:

И не подчиняется командам человека. Но Старфайндера это не тревожит. Он знает, что рано или поздно тот покорится. Что пока он в его чреве, кит будет выполнять его приказания. Будет, ведь у Старфайндера в руках и знание, как испортить его ганглий и причинить ему боль, и средства сделать это. Даже разрушить его, если захочет. В известном смысле кит и сейчас такой же пленник, как и прежде.

Обижайся, кит, если угодно. Но ты ведь еще образумишься, опомнишься. И когда это произойдет, я буду наблюдать за хитрым Ксенофонтом, выводящим Десять Тысяч из-под носа Тиссаферна, наблюдать, как Ван Гог рисует «Автопортрет», как Данте проходит мимо Беатриче на мосту, как появляется из-под саркастического пера Свифта «Скромное предложение».

«Молчание» кита длится. Скалы на экране обзора словно бы дрожат, а чернота глубин ползет все выше по их рваным и обрывистым склонам, вытягиваясь длинными, заостренными пальцами, кончики которых перепачканы кровью.

Теперь и в глубинах возникает движение; текучая чернота пузырится. Всплывают и зависают на экране странные силуэты. Смутно различимые одежды сливаются с глубинами; появляются расплывчатые лица, тощие костлявые руки. Когтистые пальцы выбрасываются вперед, как будто пытаясь схватить.

Старфайндер невольно отступает. Почти день прошел с тех пор, как он разговелся, а не спал он втрое дольше. Бесспорно, у

него галлюцинации. Лица обретают ужасающую четкость. Черная кровь выступает из ввалившихся глаз, стекает струйками вниз по ввалившимся растрескавшимся щекам. Губы растягиваются, являя обломки зубов. И вновь отвратительная рука дергается вперед, будто снова хочет схватить.

Затем силуэты постепенно тают: и пальцы, и лица, и одежды. Снова появляются скалы с кроваво-красными склонами. Старфайндер отводит усталые глаза от экрана. *Попробую немного поспать, кит*, — «говорит» он. — *Не поднимайся на поверхность, пока я не проснусь. И не буди меня без важной причины.*

Он подогревает на камбузе суп из пакетика и заставляет себя съесть целую миску. Отыскивает в аптечке успокоительные таблетки, принимает две. И отправляется в каюту капитана.

Каюта капитана находится на второй палубе, под мостиком и чуть ближе к корме, и занимает боковую часть перехода, который разрезает пополам главный коридор. Напротив располагается то, что могло бы быть каютой первого помощника, а в конце бокового перехода — логическая причина такого их размещения, шлюз, ведущий к причальному отсеку.

Кита изначально использовали в качестве грузоперевозчика, но, как в большей части таких перевозчиков, отдельные каюты на нем устраивали лишь для ограниченного числа пассажиров. Все они оборудованы более тщательно, нежели каюта капитана (у нее относительно спартанский вид), но Старфайндер, человек простых вкусов и привычек, находит ее вполне подходящей. Более того, как капитан корабля-кита, он — ее часть.

Помимо удобной койки, в каюте есть «солдатский сундучок», ростовое голозеркало, встроенный стол-бюро гардероб и оружейный шкаф, а в нем «Вейканцер» .39 и две винтовки класса 4-Н-20 огромной разрушительной силы. И еще здесь есть телескоп. Фосфоресцирующие стены имеют голубоватый оттенок, пол от стены до стены застелен ковром цвета морской волны. Потолочная роспись изображает здание неоготического стиля, где размещается Сенат «Семи сестер». Ближе к изголовью постели — скользящая дверь, дающая доступ в небольшой туалет.

Старфайндер раздевается, принимает душ, бреется. Затем ложится на койку и наконец позволяет себе погрузить голову в подушку. Таблетки сразу действуют: он засыпает...

Но только для того, чтобы увидеть сон...

* * *

Он на залитой звездным светом равнине. Его единственная одежда — примитивная набедренная повязка из лошадиной шкуры. У его ног лежит мертвый саблезубый тигр.

Из груди мертвого зверя торчит копье. Его копье. Он выдергивает его и вытирает его каменный наконечник сорванной здесь же, на равнине, травой. Неподалеку заросли, откуда тигр прыгнул в надежде утолить свой чудовищный голод — лишь для того, чтобы напороться на копье. Это тигрица.

Холодный ветерок словно бы на цыпочках пробегает над равниной, трава гнется под его легкой поступью. Он прикидывает, не отрезать ли кусок от задней части туши тигрицы, хотя есть ему совсем не хочется, но почему-то не может заставить себя задержаться. Он оставляет убитого зверя на том же месте и идет дальше через равнину. Равнина широкая, но не бесконечная, и он знает, что если идти в выбранном направлении, то в конце концов придет к лесу. От ветерка на его голой груди и таких же голых руках и ногах появляется «гусиная кожа», и он вздрагивает. Он не ощущает никакой радости оттого, что убил тигра, чувствует лишь смутное сожаление.

Наконец он видит лес. Он все еще далеко, тонкая темная линия, едва отличимая от неба. Одновременно далеко позади он слышит грохот и гул, напоминавшие гром. Обернувшись, он видит другую темную линию. Она похожа на темную линию леса, но есть отличие. Она двигается. Двигается в ту же сторону, куда он идет.

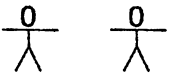
Тогда он бежит к лесу. И, пока бежит, понимает, что это за грохот позади: дружный топот сотен копыт. А потом он понимает, что это за темная движущаяся линия. Это табун диких лошадей, который их клан только на прошлой неделе перегнал за скалу.

Но этого не может быть! Табун погиб. Он сам слышал, как все они гибли. Слышал ужасающее ржание лошадей, когда те падали вниз с обрыва на острые камни. Он сам ходил среди их изуродованных тел и дубиной добивал кричащих животных — тех, что пережили падение. Он помогал мясникам, а затем присоединился к Большому Пиру. Как же мог табун мертвых, съеденных лошадей скакать к нему через всю равнину?

Грохот набирает громкость. Обернувшись через плечо, он видит темную линию значительно ближе. Так близко, что он слышит яростное фырканье приземистых, косматых животных и топот их копыт. Необходимо быстро добраться до леса, не то эти копыта втопчут его в землю. Как только он доберется до леса, он будет спасен.

Он вливает новую силу в ноги. Его широкие шаги удлиняют, превращаясь в скачки, которые за раз покрывают свыше дюжины футов. Но гул и грохот по-прежнему нарастают. Он бежит, а грохот и гул переходят в такое крещендо, что он боится, как бы его не убило одним этим звуком.

Лес теперь значительно ближе, но очередной взгляд через плечо, говорит ему, что ему не получить убежища среди деревьев, он обречен погибнуть под сотнями этих смертоносных копыт. Из его горла рвется крик, но оно так стиснуто ужасом, что вырваться он не может. Табун приближается, и пыль, поднятая множеством копыт, поглощает его, в его спящем сознании возникают две схематические фигуры, разместившиеся между ним и разъяренными животными:

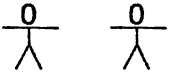
и он, обливаясь потом, садится на своей койке.

Он сосредоточивает внимание на реальности каюты, пытаясь стряхнуть этот сон. На гардеробе, на оружейном шкафу, на встроенном столе-бюро, на корабельных часах, встроенных в заднюю спинку кровати. На полноразмерном зеркале. Затем его взгляд возвращается к часам. Подобно всем корабельным часам, они синхронизированы с двадцатичетырехчасовым вращением Земли. Показывают они 02:57.

Когда он лег на койку, они показывали 02:31. Так что же, он проспал больше двадцати четырех часов или всего лишь немногим больше двадцати четырех минут?

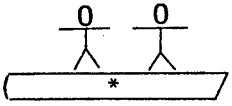
Ответ дает усталость, въевшаяся в его кости.

Пока он сидит, стараясь понять, что его разбудило, сообщение, появившееся в его спящем сознании, возникает снова, на сей раз в сознании бодрствующем:

Он хмурится. «Слово» кит используемое для обозначения Старфайндера. Но есть только один Старфайндер. Тогда откуда *два* символа человека?

Кит развивает свою мысль:

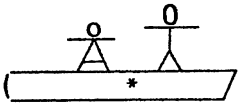

Теперь сообщение понятно. Действительно, «словом» кит обозначает Старфайндера. Но символ, кроме того, равен слову «мужчина».

На борту «заяц»!

Старфайндер потрясен.

Второе потрясение он испытывает, когда кит присылает дальнейшие пояснения:

Безбилетный пассажир — женщина!

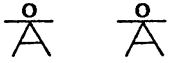
Когда Старфайндер выкрал кита, он не осмотрел его. Он принял на веру, что сторож был единственным человеком на борту. Ему не пришло в голову, что тот мог привести туда женщину, чтобы помогла ему скоротать ночные часы.

Очевидно, кит до сих пор не сознавал ее присутствия, иначе он сразу уведомил бы Старфайндера. Кит, возможно, и не питает к нему теплых чувств, но он — единственный человек, кому кит может доверять.

Возможно, в его чреве есть слепые пятна, куда он не может заглянуть. Если предположить, что дело в этом, отсюда следует, что сейчас женщина покинула свое укрытие и отправилась на поиски виновника ее теперешнего затруднительного положения. Вероятно, она стала свидетельницей нападения на сторожа и боялась выдать свое присутствие. Теперь, по-видимому, отчаяние пересилило страх.

Старфайндер испуган. Он уже убил одну женщину. Должен ли он убить вторую?

Ганглий кита выдает очередное, четвертое, сообщение; оно фиксируется в мозгу Старфайндера:

За четвертым немедленно следует пятое:

Кит обнаружил еще двоих зайцев!

Старфайндер стремительно вскакивает с койки и подхватывает сброшенную одежду, широкие штаны и легкую куртку. И уже надевает их, когда его взгляд падает на гардероб. Он бросает свою одежду, входит внутрь этого шкафа-машины и «заказывает» полный комплект формы капитана корабля-кита. Можно не сомневаться, что все безбилетники — с Гола, а женщины там столь же высокомерны, сколь красивы, и столь же властны, сколь сексуальны. Появление официального лица, пусть это будет лишь внешнее сходство, может помочь ему справиться с ними.

Но даже если бы ему и удалось справиться с ними, все равно остается вопрос, что с ними делать дальше. Но он преодолеет и эти трудности, когда придет их черед. Он вышел из «гардероба» и оглядел себя в ростовом голографическом зеркале. Форма изумляет его. Она белая с золотым кантом. Левая полочка кителя увешана в семь рядов разноцветными лентами, на каждой из них поблескивает медаль. Медали не несут особой смысловой нагрузки, их задача — работать на престиж. Еще китель украшает пара золотых эполет, которые как видом, так и цветом, соответствуют филигранной кокарде белой широкой фуражки. Суть выше бедер китель перехвачен широким поясом из синтетической кожи; на нем висит тоже синтетическая кобура. На брючинах заглажены традиционные три стрелки, а сами они заправлены в черные сапоги из синтетической кожи, доходящие до колен, надраенные до зеркального блеска.

Он корчит гримасу. Он надеется, что его новый облик произведет на трех безбилетниц куда более благоприятное впечатление, нежели на него.

Если, как он предположил, эти безбилетницы ищут его, то ему требуется лишь ждать, пока они сами его отыщут. Но уместнее будет самому пойти им навстречу. Он спрашивает кита, где именно они находятся, но кит, с такой охотой помогавший ему всего несколько минут назад, не отвечает. Старфайндер решает подняться на мостик и начать оттуда.

Прежде чем покинуть кабину, он достает из оружейного шкафа «Вейканцер» .39, заряжает его и сует в кобуру на поясе. Затем

идет по боковому проходу к главному коридору и по коридору до носового сходного трапа, чтобы подняться на верхнюю палубу, к мостику. По дороге ему никто не попадается. На мостике тоже пусто.

Он смотрит на обзорный экран, на Океан Времени. Внешне тот остается неизменным. Кит все еще копается, «еле волочит ноги», хотя велика вероятность, что он так и не восстановил полностью свою былую силу и не способен нырять с нормальной скоростью. А поскольку величина бокового смещения обратно пропорциональна текущей скорости, то в данном случае смещение должно быть значительным.

Но это мало беспокоит Старфайндера. И, разумеется, не в эту минуту. Он спускается на палубу номер 3 и направляется в кормовую часть, в пассажирскую кают-компанию. Там никого. Кают-компания пуста. Старфайндер хмурится. Может быть, три безбилетницы не ищут его. Может быть, они ждут, когда он сам найдет их. А может быть, им вообще безразлично, ищет он их или нет. Такое высокомерие свойственно женщинам Гола. На палубе № 3 тоже есть отдельные каюты, в носовой части. Он идет к ним.

В первых двух пусто. Тогда он открывает дверь третьей. Она ждет его на кровати под балдахином. Лежит на спине, задрав свои черные одежды на живот и раскинув ноги. Оранжевое пламя ее лонных волос не уступает яркостью длинным пылающим локонам, что разметавшимся по подушке и подчеркивающими лукавую красоту лица.

Старфайндер пятится и закрывает дверь. За закрытой дверью слышен издевательский смех. Он стихает на дьявольской ноте, от которой кровь стынет в жилах.

Он уже знает, что найдет за двумя следующими дверями, но все же должен убедиться. Вторая искусительница — блондинка, третья — брюнетка. Обе лежат в непристойных позах, как и первая; обе осмеивают его, когда он захлопывает дверь, отгораживаясь от них.

От похоти и отвращения внутри у него все сводит, пока он стоит в коридоре, обливаясь потом. Эти женщины по крайней мере не с Гола. Будь они оттуда, он, вполне возможно, и почувствовал бы вожделение, но уж никак не отвращение. Так кто же они тогда?

Кем бы они ни были, он не может справиться с ними.

Он покидает зону отдельных кают и идет обратно той же дорогой, какой пришел сюда. Он вернется на мостик — не потому, что мостик поможет ему разрешить проблему, а потому что он не может придумать, куда еще деться. Вскоре он слышит за спиной легкие шаги. Он оборачивается. Они в нескольких шагах от него, идут под ручку за ним по пятам. Когда он останавливается, останавливаются и они. Алые губы раскрываются. Зубы слишком острые и слишком ярко блестят. Из горла у каждой вырывается злобный смех, сливаясь в общий хор.

Огненноволосая обращается к нему на языке, которого он никогда не слышал, но тем не менее без всякого труда понимает.

— Сознание вины облаком висит над твоей головой, Старфайндер.

Та, что с золотистыми волосами, говорит ему так:

— Это угнетает тебя. Однако когда мы предложили тебе любовь, ты отвернулся.

Брюнетка завершила вынесение приговора:

— Умереть от любви или от когтистой руки... выбор за тобой!

— Чего же вы хотите? — спрашивает Старфайндер.

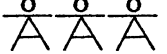
— *Мы хотим тебя!*

Старфайндер стоит возле носового сходного трапа. Он разворачивается и снова поднимается на мостик. Ему не надо смотреть назад, чтобы понять, следуют ли за ним эти три женщины. Он и без того слышит их шаги и хихиканье. *Чувствует их запах.*

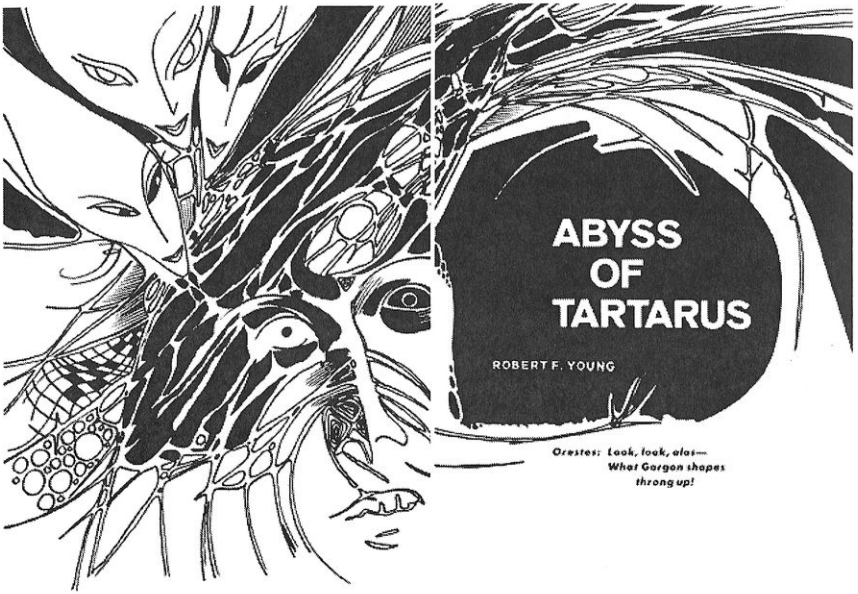
Он вздрогнул: запах, который они выделяют, запах, создающий ауру, окружавшую их, — это запах смерти.

Теперь до него доходит, кто они, откуда явились и зачем.

Он снова вздрагивает. Подобно большинству мужчин, мучимых виной, на самом деле он не хочет избавляться от нее. И, подобно большинству мужчин, одержимых смертью, на самом деле не хочет умирать.

 обозначает Фурий. Обратите внимание на этих древних дев, чья обитель — Бездна Тартара, на дев, которых Старфайндер подсознательно вызвал из пучин. Примите к сведению их физическое совершенство, но не обманывайтесь этим, ведь каждая окутана саваном иллюзий, и ее истинный облик всегда скрыт.

Наконец-то Старфайндер понимает истинную природу Океана Времени. Это нечто большее, чем просто родственный союз времени и безвременья, пространства и беспространственности. И гораздо большее, чем межреальность. Это обитель архетипов, прибежище бессмертных, место взаимодействия жизни и смерти. Это подвал Ада — Бездна Тартара. У древних был ключ к нему, но, обретя мудрость, они выбросили его. Теперь Старфайндер нечаянно нашел другой ключ — кита — и приладил его к замку, совсем не тот ключ, каким пользовались далекие предки. Их ключ открывал передние ворота Ада; его открывает задние.

На мостике, Старфайндер усаживается в кресло капитана. Фурии выстраиваются перед ним. Он напуган, но не чрезмерно. Он может отбыть из Бездны в любой момент, как пожелает, просто приказав киту всплыть на поверхность. Возможно, Фурии будут сопровождать его, но он так не думает. Они приспособлены к Бездне, они неотъемлемая ее часть. По своей природе они были бы неспособны пережить внезапный переход от межреальности к полной реальности. Или покинули бы кита по

собственной воле, или были бы выброшены за борт автоматически.

Нет, он испуган не чрезмерно. На самом деле почти весь его первоначальный страх уже улетучился, и его место заняло любопытство. Ему интересно узнать, как они подойдут к своей задаче и скоро ли.

Та, кого волосы черны как ночь (Алекто?) первая нарушает тишину на мостике.

— Твоя галера велика, Старфайндер. Что за волшебство приводит ее в движение?

— Жизнь, — ответил Старфайндер.

— Я не вижу ни одного гребца.

— Их нет. Некого видеть.

Следующей подает голос Фурия с огненными волосами (Тисифона?).

— Откуда ты, Старфайндер?

— Издалека.

Блондинка (Мегера?) спрашивает:

— Зачем ты здесь?

— Ты можешь заглядывать в мой разум. Почему ты должна спрашивать?

— Во всем, что я вижу, кроме твоих деяний и вины, я ничего не понимаю.

Старфайндер медлит с ответом — довольно долго. *«На поверхность, кит»*, — «говорит» он.

И смотрит на экран, напрягая глаза в поисках первой звезды. Но та не появляется. Серые хмурые скалы остаются неизменными. Черные испачканные кровью пальцы бездны не отступают.

Тогда он собирает воедино все свои силы. *«К поверхности, кит!»*

Сюрреалистическая сцена длится.

Кит не откликнулся на его команду, и Старфайндер думает, что знает почему. Кит уведомил его о присутствии Фурий потому, что сразу не разобрался в их намерениях, возможно, оттого что не способен на это. Но теперь, прочтя их намерения в сознании Старфайндера, прекратил взаимодействие, потому что знает: как только они выполнят свои функции, он будет свободен.

* * *

В условиях, когда ни великолепный Аполлон, ни величественная Афина не защитят его, Старфайндер сам взялся защищать свое дело в ареопаге, устроенном на мостике.

— В далекой земле, откуда я родом, женщины видят в мужчине только средство утоления своих грубых аппетитов. Женщины там превратили себя в идеальные секс-машины. Женщины, чью неистовую похоть можно утолить лишь применяя сильные средства, усиливающие и возбуждающие половое чувство — средства, которые при частом использовании в течение достаточно долгого времени неминуемо приводят к преждевременной смерти. Я сам был жертвой подобной машины. И убил ее, чтобы спастись.

Это неплохой довод, пусть правдивый только отчасти. Он задумывается, могут ли эти Фурии разглядеть в его сознании безумного Монаха.

Их ярко-красные губы раздвигаются, обнажая ряды белых поблескивающих зубов, между которыми высовываются их красные языки. Их иронический смех наполняет мостик, где заседает ареопаг.

— Да разве жила хоть когда-то на белом свете женщина, которая видела бы в мужчине что бы то ни было еще? Такие доводы оправдывали бы всех, кто убил свою жену, любовницу или проститутку!

— Существует и второе смягчающее обстоятельство, — продолжает Старфайндер. — Женщина, которую я убил, задолго то того прошла обработку с применением посмертных методик, которые позволят ей жить снова. Следовательно, в действительности она не умерла, и, соответственно, фактически, я ее не убивал. В этот самый миг она жива так же, как и я, сидящий перед вами. Как меня можно обвинять в убийстве, если убитая мной женщина бессмертна?

Очередной взрыв иронического смеха.

— Здесь обитель бессмертных, Старфайндер. И больше их нет нигде. Твой довод, как худое решето, неспособен удержать ни капли правды. Ты виновен!

Дело «Фурии против Старфайндера» было закрыто.

Старфайндер касается рукоятки «Вейканцера» .39, но не вытаскивает оружие. Против выстроившейся перед ним бессмертной троицы оно было бы не более действенным, чем пугач.

А вот кит не был бессмертным. Кита можно было убить. И не из «Вейканцера» .39, даже не из самой разрушительной винтовки 4-Н-20, а с помощью зарядов Ионы, хранящихся на складе. Как только кит умрет, он будет вытолкнут на поверхность Океана Пространства-Времени. Фурии останутся далеко позади, а Старфайндер будет свободен.

Правда, тогда он застрянет в космосе, как человек на необитаемом острове, вероятно, на всю оставшуюся жизнь, но по крайней мере будет жив.

Он покидает мостик, спускается на третью палубу и идет к корме, к складскому помещению. Позади он слышит шаги Фурий. Заряды Ионы лежат в деревянном ящике справа от входа. На полке над ними аккуратно сложены детонаторы. Он берет по три штуки и того, и другого, покидает склад и по мидель-трапу спускается на нижнюю палубу. Шаги Фурий преследуют его. Он знает, что они могут читать его мысли, и понимает, что они наверняка в курсе его намерений. Но они уже выдали свое невежество относительно истинной природы кита, и он уверен, что они даже не подозревают, что его план, осуществись он, приведет к «затоплению» «галеры», к которой их древние представления приравнивали космического кита.

В любом случае они не пристают к нему, пока он идет к корме, в механическую мастерскую. Защитный костюм, который он сбросил, когда заварил дверь мастерской, лежит посреди нагромождения машин и механизмов, вытащенных и выдвинутых им из мастерской. Там же — гиперацетиленовая горелка, которой он прожигал палубу, и сварочный аппарат для трансстали. Теперь ему нужно вернуть все обратно, разрушить ганглий, который он недавно восстановил. То есть прожечь дверь, заварить ее за собой, чтобы смертельное излучение 2-омикрон-vii не вырвалась наружу, а затем прожечь палубу и получить доступ в полость, где размещен ганглий. Будут ли Фурии стоять без дела, пока он будет занят всем этим, — вот что его интересует. Они остановились и с любопытством смотрят на него. Несомненно, их любопытство должно играть ему на руку.

Он раскладывает заряды и детонаторы на палубе, затем выпрямляется. Он обязан предоставить киту последний шанс. Он отправляет свое мысленное послание к его ганглию, который так близко, что он чувствует его пульсации. *«Я напомню тебе о нашем договоре, кит. В обмен на то, что я спасу тебе жизнь, ты согласился подчиняться любым моим командам всю оставшуюся*

жизнь, твою или мою. И вот сейчас я приказываю тебе подняться на поверхность. Ты разгадал мои намерения, кит? Тогда наверх!»

За дверью из трансстали, под палубой механической мастерской пульсируют взволнованные мысли, на которые Старфайндер не может настроиться. Грациозные лепестки огромной синей розы окрашиваются ярче, меняют оттенок от бледно-лилового до кобальтовой сини.

Твои ничтожные команды — цепи
для того, кто никогда их не знал. Я
порву эти цепи, стану свободным и,
когда всплыву на поверхность,
я всплыву, чтобы выплюнуть твою тушу
в лицо небытию.
Ты думал удержать меня в плену договором,
А теперь думаешь, что можешь нарушить его,
Прежде, чем три незваные гости уничтожат тебя...
Тебя, того, кто так нежно касался
моего разрушенного мозга,
тебя, того, кто вылечил меня, когда я умирал...
Что за мысли подрывают
мой рассудок?
На какой недуг обрек меня ты,
простой смертный?

Старфайндер вздыхает. Он наклоняется, чтобы подобрать защитный костюм, который должен надеть. И тотчас его взгляд замирает на шелковой поверхности костюма. Какой он белый! Белый, как белизна горных пиков, белый, как падающий снег, белый, как покрытый шрамами от гарпунов, белый кит, бороздящий почти забытое море... И стоящий на мостике «Пекода» полный ненависти Ахав — *уничтожить!..* Метательные снаряды разжигают пламя бесчеловечности равно и у человека, и у зверя, за соседней дверью слышны далекие взрывы. Всякая кровь красна; у белого кита два лица — Ахава и Моби Дика.

Старфайндер выпрямляется. Он стоит, привалясь спиной к двери механической мастерской. Три его палача, почуяв его поражение, смыкают кольцо. Страшная рука рванулась вперед, на-

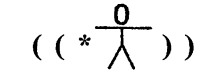
шаривает его глаза, хочет выцарапать. Он шарахается от лиц, теперь отвратительных и ужасных, и от волос, которые уплотнились, превратившись в змей. Три пары крыльев-плавников проросли из костлявых плеч и разгоняют воздух.

Худые морщинистые богини подаются назад, снова превращаясь в сластолюбивых дев.

— Приди в наши объятья, Старфайндер. Позволь предложить тебе любовь. — Они улыбаются ему. Смеются. Их красные языки высовываются далеко. Девы пускаются в пляс.

Старфайндер шепчет киту:

«Послушай меня, кит. Умоляю тебя. Я напомнил бы тебе о нашем единстве... о единстве, которое ты сам провозгласил». — Он постарался нарисовать в воображении это слово символами:

В камере с ганглием лепестки розы снова начинают пульсировать:

Ты еще имеешь наглость говорить о единстве?
Ты, убивший столько моих собратьев?
Подлый вирус!..
Что в этот единственный раз остановило твою смертоносную руку
и пощадило *мою* жизнь...
Отчего блекнет моя решимость?
Что молит меня забыть свой курс,
что обращает мой здравый смысл в пыль?
Я отрину это!
Выброшу за борт!
Позволю этим гнусным гарпиям разделаться
с тобой!

Танец Фурий — это *танец смерти*. Танцовщицы кружатся, сливаются, становятся неотличимы одна от другой. Теперь они — единая сущность о шести ногах, о шести руках, о трех головах. Из смутного абриса их тел внезапно появляется когтистая рука. Левая щека Старфайндера открыта для удара от уха до подбородка. На груди кителя появляется новая узкая полоска — полоска крови.

Голоса Фурий взлетают в песне. Это песня-гимн — гимн Ада. Они в мельчайших жутких подробностях рисуют то, как будут вершить свою месть. С этой песней они приближаются к нему. Старфайндер, все еще прижимаясь спиной к двери механической мастерской, поднимает руки, загораживая лицо, понимая, что при этом подставляет более важные части тела когтям своих мучительниц... Одновременно он с ужасающей ясностью мысли, которую может вызвать только неминуемая угроза смерти, сознает, что хотя вину за совершенное им преступление можно возложить на безумного Монаха, которого он привез с собой с Дёрта, вина эта — его; что хотя его жертва уже возродилась снова, он по-прежнему повинен в ее смерти. Но даже если так, вины на нем нет, ведь Глория Уиш сама убила бы его, пусть иначе, но столь же безжалостно, как он убил ее, и что заключительный анализ защиты, представленный им ареопагу на мостике, весом.

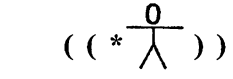
АФИНА: *Оправдан подсудимый.*
В урне милости
И в урне смерти
То же голосов число[*].

Он смотрит на свои руки. На них больше нет крови. Даже крови китов.

Словно оправданный в одном преступлении, он оправдан и в другом.

Но, хотя он свободен от вины и крови, свобода все еще очень далеко...

Наконец кит нарушает свое «молчание»:

Первая его мысль — левиафан издевается над ним. *Так значит, мы все еще едины и неразлучны, а, кит?* Он уворачивается от скребущего когтя, который едва не разорвал его от паха до колен. *Мысль, которую приятно унести с собой в могилу. Но ни*

[*] Эсхил, «Орестея», пер. С. Апта.

о чем не жалей, кит. Ты вправе делать то, что делаешь, или отказываться что-то делать. Я не смею требовать столь высокой платы за твою жизнь. Я...

Его мысль замирает. Танцовщиц утомил их вальс. С гимном Ада покончено. Сквозь маски молодости проступают страшные, безобразные черты. Извивающиеся тела, тощие руки обретают форму. Снова появляются перепончатые крылья. Вдруг три пронзительных голоса вопят:

— Скалы! Галера разобьется о скалы! Она обречена!

— Скорее, сестры, в безопасность суши!

Они разворачиваются и бегут по коридору. Их тела начинают мерцать, шаги затихают. Троица едва заметно сливается с переборками, тает на палубе. Вот они уже за бортом, плывут к «берегу». Об их присутствии напоминает лишь запах смерти.

Скованно передвигаясь в своем некогда безукоризненном капитанском мундире, прикладывая к щеке платок, Старфайндер идет по коридору к носовому сходному трапу и поднимается на мостик. Его взгляд прилипает к главному обзорному экрану. Бездна исчезла; ее место заняла обычная протяженность времени-пространства.

Созвездия не те, что он знал на Фарстар****. Нет и солнца с его семейством планет на первом плане системы, которую он покинул. Очевидно, черепашья скорость, с которой кит «вертикально» погружался, — результат «горизонтального» смещения во много световых лет.

Старфайндер сверяет с огромной звездной картой, встроенной в переборку по правому борту. Одна из звезд подмигивает, как цефеида. Но это не цефеида. Ее подмигивание — не что иное, как способ указать на карте, что эта звезда — ближайшая к киту. Индекс на звездной карте определяет ее как Соль...

Бог солнца, Соль...

Тогда одна из планет — главная. Мать-Земля. Та самая, что создала цивилизацию на Фарстар****, на Милтоне**, на Лофте*********, на Мааркен-Стар****** и на всех остальных.

Земля Прошлого...

Интересно, на какой стадии цивилизации она находится сейчас, гадает Старфайндер. Кит не оборудован хронографом, так что он не знает. Но уверен, что к данному моменту человек уже давно должен был спуститься с ветки, ведь кит нырнул неглубо-

ко. В любом случае, это не имеет значения. Он оставит свои мечты, и отправится туда на «Старейнджере» и так или иначе найдет для себя местечко под солнцем. Отпустит кита на свободу.

Кит читает его мысли.

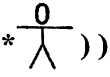
«говорит» он.

«Да, мы одно целое, кит, — соглашается Старфайндер. — *Но только пока я не покину тебя. Тогда ты будешь свободен».*

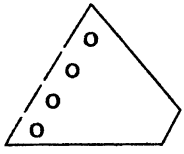
Загадочная картинка повторяется:

Старфайндер хмурится. Что кит хочет ему сообщить? Он уже ясно подтвердил, что они — одно целое.

Тут его осеняет, и он понимает, что ему незачем искать себе место под этим или под каким-то другим солнцем, что кит больше не желает свободы от него и что сочетание символов приобрело новый смысл. Оно означает «друг».

Глава 3. Обломки кораблекрушения

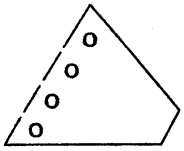

Поначалу Старфайндер неспособен соотнести символ, запечатленный китом в его мозгу, с чем-то, что было бы хорошо ему знакомо. И только рассортировав самые разные сведения, хранившиеся в памяти, он смог определить этот символ как древний космический корабль землян.

Он откладывает работу, которой было занялся, и полностью сосредоточивает внимание на обзорном экране на мостике. Кит

после дозаправки, произведенной вслед за выходом из Бездны, отдыхает в пространстве, значительно выше плоскости эклиптики. С момента побега от Фурий Старфайндер пытался создать электромагнитный канал связи между ганглием и компьютером, с тем чтобы всеобъемлющий аудиовизуальный комплекс кита, или ВАК, можно было превратить в хронограф. Позже, если все получится, он намеревается установить такую же связь между ганглием и кают-компанией, чтобы можно было настраиваться на события прошлого и следить за ходом истории, не покидая кресла наблюдателя.

В его сознании вновь возникает символ:

Кит ориентирован на край линзы галактики, и экран, зависящий в данный момент от носовой камеры, не показывает ничего, кроме россыпи дальних звезд. Если в той стороне и есть древний космический корабль, то он или вне досягаемости носовой камеры, или вне поля ее обзора.

Старфайндер выставляет максимальное увеличение экрана. Звезды становятся заметно ярче, однако пустота переднего плана остается неизменной.

Он последовательно переключается на камеру, установленную на правом борту, на левую боковую камеру, на кормовую камеру, на камеру в брюшной полости и на камеру «спинного плавника». За свои труды он получает увеличенные изображения еще звезд, центра Галактики и Солнечной системы, но нигде нет древнего корабля.

Поскольку двухсторонние телескопы, установленные с бортов, не могут сообщить ему ничего такого, чего он уже узнал, он не дает себе труда воспользоваться ими. Вместо этого он снова перенастраивает обзорный экран на связь с носовой камерой и «говорит»: *«Повернись лицом к тому, что видишь, кит»*.

У кита нет лица как такового, но к этому времени доступ к разуму Старфайндера уже позволило ему ознакомиться с некоторыми особенностями стиля англо-американского и ломанного французского — двух языков, которые преобладают на девяноста процентах освоенных землянами планет — не хуже, чем их знает

сам Старфайндер. Кит реагирует сразу, и отдаленные звезды на экране меняются на другие. Мягко говоря, еще более далекими, чем предыдущие, только случайно Старфайндеру удается заметить на переднем плане слабое мерцание.

Приблизься к нему, кит. Медленно.

Появляется едва различимая дрожь картинки — кит начал движение. Со стороны сходного трапа доносятся слабые потрескивания активированной им движущей ткани. Постепенно мерцание на экране становится более отчетливым. Старфайндер пристально вглядывается в него, дивясь, отчего тратит свое время на исследование такого банального объекта, когда прошлое битком набито множеством более важных вещей.

Пока кит продолжает сближение с объектом, и космический корабль обретает все более четкие очертания, причина мерцания становится очевидной. Маленький корабль кувыркается на своей траектории, вместо того чтобы двигаться ровно, и слабые лучи далекого Солнца отражаются то от одной его поверхности, то от другой. Конфигурация корабля очень точно напоминает то, что изобразил в своем послании кит.

«Загляни внутрь, кит. Расскажи, что ты там видишь».

Короткая пауза. Затем появляется следующее:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца... Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Заменим «пятнадцать» на «три», а «на» — на «в»...

Заменим «сундук» на «корабль».

И вычеркнем «Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Трое в мертвом корабле.

Но хватит словесных игр. Старфайндер целиком переключает свое внимание на детали корабля, который все еще очень далеко и все еще едва различим. Из его основания выступает примитивный ракетный индукторный двигатель, который кит не включил в свой символ. На корпусе конической формы есть причальный люк и некая комбинация аварийного и стыковочного люка — в носовой части. Вероятно, круглые отверстия, размещенные через равные интервалы вдоль основания корабля, — это сопла боковых ориентационных двигателей, функция которых — поддерживать равновесие.

Насколько может убедиться Старфайндер, корпус выполнен из алюминиевого сплава. На его серебристой поверхности боль-

шими черными буквами, как раз под самым люком, выведено: «Звездный ястреб».

Его очень тянет рассмеяться, но он сдерживается. Вот уж действительно, «Звездный ястреб»! Такому хрупкому кораблю не следует выходить за пределы лунной орбиты, тем более, покидать плоскость эклиптики!

И, кажется, он был запущен в массовое производство.

Почему он отважился улететь так далеко от Земли, если исходить из того, что он с главной планеты; но откуда еще он мог стартовать?

Что бы ни произошло, это должно было произойти в самом начале путешествия. Что означает, если принять в расчет его скорость и расстояние от Земли, следующее: три человека внутри корабля мертвы уже несколько столетий.

Старфайндер выводит увеличение на ноль, чтобы получить некоторое представление о том, как далеко корабль на самом деле (связь между ганглием и компьютером требует временного отключения компьютера). Маленький корабль уменьшается в размерах, затем постепенно увеличивается снова — кит надвигается на него.

Не спеши, кит. Не подходи слишком близко!

Кит не нуждается в предостережениях. Он не хуже человека знает, какое разрушительное действие его масса оказывает на объекты, гораздо меньшие, чем он сам. Кит «тормозит» и делает широкий разворот, а Старфайндер выворачивает верньер увеличения до отказа. Маленький корабль, казалось, прыгает к нему, заполняя экран. Кажется, что он совсем близко, человек может дотянуться и коснуться его, но, несмотря на эту оптическую близость, Старфайндер так и не может найти никакой отгадки, что за неисправность сделала этот корабль всеми забытым изгоем.

— Какого черта это должно меня волновать? — говорит он. — Не наплевать ли, какая там вылетела шпонка или какая часть отсоединилась? И какое мне дело до этой мертвой троицы в сундуке мертвеца?

Продолжал пенять себе, он переодевается в причальном отсеке. *«А знаешь что, кит? Мне надо было бы стать бойскаутом. Помогать старушкам переходить улицу. Бегать с поручениями для беременных домохозяек. Расчищать боковые дорожки для*

лежачих больных с артритом. И вот я, способный, с тех пор как поставил себе на службу твой всеобъемлющий аудиовизуальный комплекс, наблюдать за тем, как десять тысяч афинян и тысяча учеников Платона перегородили долину Марафона и сбросили сто тысяч персов в море, раскрыть тайну исчезновения Меллори на склонах Эвереста, осматривать «покрытый травой холмик» во время убийства Кеннеди, установить истинную природу огненного смерча, который Иезекииль видел в небе, услышать выстрел, прогремевший по всему миру, выслушать Геттисбергскую речь Линкольна, наблюдать за тем, как Шлиман выкапывает «сокровища Приама», и увидеть собственными глазами настоящие сокровища Приама — вот я стою и ломаю голову над тем, что вызвало смерть трех выпускников детского сада «Космический век»!

Под толстым слоем лечебной мази рваная рана, оставленная Фуриями на его левой щеке, закрылась, но зажила не до конца, и, надевая на голову шлем, он особенно осторожен. Полностью одетый, он сбрасывает давление в причальном отсеке, поднимается на борт «Старейнджера-IV» и открывает шлюз с помощью электромагнитных «пальцев» панели управления. Затем выходит в космос и, закрыв за собой шлюз, направляется прямо к древнему кораблю.

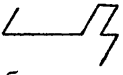
Трам-там-там,
Трое их в бочонке там...

С его теперешнего весьма удобного наблюдательного пункта Солнечная система представляется атомом-архипелагом — архипелагом, окруженным многими парсеками черных безводных пустынь. Невооруженным глазом видны всего два «электрона» — Юпитер и Уран. Остальные где-то далеко на своих орбитах или просто чрезвычайно малы.

«Звездный ястреб» растет на экране у Старфайндера — тот включает приближение. Его сознание воспринимает корабль как конический гроб, и его озадачивает притягательность для него этого корабля. Он знает, что на корабле — три трупа... У кита нет никаких причин обманывать его. Что он выиграет, если увидит их своими глазами? Какая разница, что именно превратило их и их корабль в обломки? Зачем выяснять, каковы причины их смерти? Он не может снова вернуть их к жизни. Не может, даже если их смерть произошла из-за резкого понижения темпе-

ратуры тела. Он не специалист по криогенной технике. Здесь вам не Гол.

На мгновение ему остро хочется отказаться от задуманной вылазки. Но что-то — возможно, некая извращенность его натуры — подталкивает его вперед.

Чтобы причалить и состыковаться с кораблем, нужно согласовать свое и его вращение, скорость, рыскание и отклонения от курса. Весь этот комплекс задач он оставляет бортовому компьютеру на «Старейнджере». Как только задача решена, кажется, будто «Звездный ястреб» спокойно следует по стандартной траектории. Только положение звезд на заднем плане, и приборы перед Старфайндером указывают на иное. Затем компьютер подводит Старфайндера вплотную, прилаживает его гибкий стыковочный узел к жесткому креплению на носу «Звездного ястреба», и два корабля становятся парой рыб, соприкасающихся носами в безводном Океане .

Старфайндер сбрасывает давление в кабине «Старейнджера», включает нашлемный фонарь и открывает носовой шлюз. Затем протискивается в гибкую трубу стыковочного узла и освобождает защелки шлюза «Звездного ястреба». Его опытные пальцы без труда находят и отсоединяют механизм, отпирающий шлюз изнутри. Затем заползает в трубу причальной камеры корабля. Лежа на животе, он вглядывается в безвоздушную тьму тесного звездного склепа, где температура равнялась абсолютному нулю.

Фонарь на его шлеме, синхронизированный с движением его глаз, последовательно высвечивает три фигуры в белых скафандрах. Они медленно перемещаются — разворачиваются, кувыркаются, кружатся в ответ на хаотические рыскания корабля, иногда мягко сталкиваются с корпусом, с палубой или с «потолком», а затем отлетают назад, негнущиеся тела, негнущиеся руки вытянуты, пытаясь и после смерти смягчить столкновение с неподатливыми стенами их гробницы. Хрупкие фигуры, брошенные на произвол судьбы при абсолютном нуле, ломкие, готовые распасться на части.

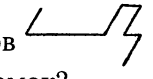
Он присоединяется к их печальному балету, к их беззвучному танцу смерти. Он вглядывается в лицевые щитки их шлемов. Два лица выглядели гротескно — выкаченные глаза в разрушившихся глазницах, перепачканные темной кровью замерзшие губы. Одно лицо бородатое, но оба космонавта, несомненно, молоды. Юноши. Третье лицо — девичье (кит на данной стадии сво-

его образования ориентировался в вопросах пола по манере одеваться и при распознавании делал ошибки). Ее скафандр, в отличие от скафандров двух ее товарищей, не потерял давления после ее гибели, и ее лицо остается просто лицом спящей девушки. Глаза ее закрыты, и кажется, что сейчас, в объятиях смерти, она просто спит. Но, прежде чем уснуть, она плакала — на ее щеках замерзли слезы. В безжалостном свете фонаря на шлеме Старфайндера они поблескивают как капли росы. Он потрясен. В ее лице сквозит весенняя грусть, словно, первый дрозд, которого она увидела этой весной, — мертвый. У нее темно-каштановые, почти черные волосы. Брови напоминают крылья черных дроздов, улетающих далеко-далеко. Далеко, далеко, далеко.

В его голове словно старый фильм снова проигрывается печальная сага его собственной жизни. В нем поднимается тоска, которой он в себе не подозревал. Фильм черно-белый, монохромный. Абсолютно лишенный любви. Вот почему он не цветной. Да, там есть фальшивая любовь... но не та, какую он мог бы познать, увидев, как эта мертвая девушка идет по весенней улице, сияя жизнью. Обегая ее лицо, его взгляд легко касается слез, пролитых ею перед смертью, и он понимает, что отныне для него ничего уже не будет прежним. Никогда.

Наконец он заставляет себя отвернуться. Он исследует внутреннюю обстановку корабля, в поисках причины трагедии. И находит ее почти сразу: примитивный реактивный двигатель сгорел. Эта история написана на приборной панели на языке индикаторов, цифровых шкал и счетчиков. И оплавленная схема за панелью недвусмысленно подтверждает, что, когда вышел из строя двигатель, вся система электропитания корабля вышла из строя вместе с ним.

Простые рассуждения подсказывают ему, что испорченный автопилот чересчур резко отреагировал на предстоящее столкновение с метеоритом и так изменил курс корабля, что от двигателя потребовалась гораздо большая мощность, чем он мог обеспечить. Столкновения с метеоритом удалось успешно избежать, но страшной ценой, и «Звездный ястреб» на своей новой траектории начал, кувыркаясь, следовать к неведомому месту назначения, куда мог не прибыть даже через тысячелетие, а может быть, и вообще.

Ну и что? В Океан обломков ничто не ново под лунами. Что меняет еще один обломок?

Просветленный взгляд Старфайндера покидает приборную панель и бесцельно бродит по остальному пространству корабля. Свет фонаря заливает три противоперегрузочных кресла, стоящих так тесно, что кажутся одним целым, чем-то вроде огромной кровати. Свет падает на иллюминаторы правого и левого борта. Затем луч фонаря высвечивает два встроенных шкафчика. На одном из них большими печатными буквами написано слово «СЛАСТИ», на другом — «ВЫПИВКА». Это было частное путешествие. Веселое развлечение. Пикник в космосе. Трое молодых людей пили, пели песни... а затем *«бип-бип»* сигнала тревоги, и лихорадочное натягивание скафандров. Потом темнота и дрейф, ужас, неумолимо заползающий внутрь холод... Хотя в известном смысле холод был милостью. Видно, что по меньшей мере один из них умер, не мучаясь.

Что-то толкает Старфайндера в плечо. Он оборачивается и видит вытянутую руку девушки. Проплыв почти рядом с ним, она толкнула его одетой в перчатку мертвой рукой. Будто хочет что-то сказать ему. Что? Он вглядывается в ее лицо сквозь лицевой щиток шлема. Оно ничего не подсказывает ему. Возможно, будь ее глаза открыты, в их мертвых глубинах могло бы храниться какое-то послание, которое он сумел бы расшифровать. Но они закрыты. Это лицо нельзя назвать прекрасным. Это не совершенный овал, не идеальное сердечко, а что-то среднее. Переносица чуть широковата, скулы чуть высоковаты, щеки чуть полноваты. Есть и другие несовершенства. Шрамы. Шрамы на линии волос у висков, на щеках. Нет, это лицо нельзя назвать прекрасным, но Старфайндер находит его именно таким. Возможно, молодость и покой придают этому лицу нечто такое, к чему он особенно восприимчив. Возможно, трогательность замерзших на щеках слез переносит это лицо через границу раздела между привлекательностью и красотой... Он с легким удивлением осознает, что держит ее на руках. Она — Волшебница Шалот — «мерцало платье белизной, как хлопья снега под луной» — уплывает по реке в Камелот. А он — Ланселот, пристально глядящий на нее. Он не знает, кто она, но откуда-то знает, что она любила его, знает, что любит ее, пусть даже она мертва, знает, что не может позволить ей уплыть по реке, что обязательно должен вынуть ее из лодки, перенести на берег, найти подходящий склон под милосердным голубым небом и положить отдыхать.

Он толкает ее безжизненное негнущееся тело к причальной камере корабля, через нее — в стыковочный узел «Старейнджера», а оттуда прямо в кабину. Вернувшись в чрево кита, он быстро переносит ее по носовому трапу в трюм. Там он «ставит» ее вертикально в один из холодильных шкафов и понижает температуру в нем до –150 градусов по Фаренгейту. На поверхности гласситовой двери и на скафандре двери высыпают кристаллы льда. Тонкая пленка изморози появляется на лицевом щитке ее шлема, придавая нечто неземное ее лицу. Так она и стоит, протягивая к нему руки, словно умоляет его вернуть ее к жизни.

Если бы он *мог* вернуть ее к жизни, возможно, его болезнь исчезла бы навсегда.

Пожалуй, он *может*.

Если бы в его власти было приказать киту пройти по траектории «Звездного ястреба» назад к пространственно-временной точке, которая предшествовала этому несчастью, разве не смог бы он предотвратить его?

Вероятно. Если бы сумел попасть на борт космического корабля и убедить трех его пассажиров, что их автопилот неисправен и что им следует завершить свое путешествие, перейдя на ручное управление.

Разумеется, тут же возник бы вопиющий парадокс. Девушка существовала бы сразу в двух местах: живая на корабле и мертвая в чреве кита. Но, возможно, это не имело бы значения, и вообще — как только он избавит ее от смерти, вариант бытия, включающий ее раннюю смерть, просто прекратил бы свое существование.

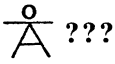
Но окажись его миссия успешной, не стало бы и мертвого тела, не так ли? Фактически не осталось бы никаких мертвых тел, никаких обломков.

Доказывает ли присутствие этого корабля здесь и сейчас, что он уже пытался сделать это, но потерпел неудачу?

Есть только один способ выяснить. Он поднимается на мостик. Там он обращается к киту. *«Ты следил за ходом моих мыслей, кит. И очень хорошо знаешь, что я хочу сделать. Мы должны воссоздать пространственно-временной вектор того корабля, пока не окажемся в моменте времени перед чрезмерной реакцией их автопилота. Это повлечет за собой серию неглубоких «нырков», после каждого из которых тебе придется локализовать корабль и идти на сближение с ним, подходя не очень близко, прежде чем нырнуть в очередной раз. В каждом случае прежде*

чем вынырнуть на поверхность, тебе придется учитывать смещение. Когда ты вынырнешь в точке перед сбоем автопилота, я подойду к кораблю на «Старейнджере» и попытаюсь известить его пассажиров — с помощью радио, или просто перейдя к ним на борт, — об угрожающей им опасности. Надеюсь, они поверят и завершат свое путешествие на ручном управлении.

К этому времени кит уже усвоил, что одежда не единственный признак пола у людей, и осознает, что тело, которое Старфайндер доставил на борт и поместил в холодильный шкаф носового трюма, — женщина. Но хотя человеческий разум кит читает почти как открытую книгу, определенные страницы ее неизбежно остаются для него малопонятными.

спрашивает он.

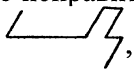
Старфайндера затрудняется ответить. Космические киты размножаются за счет деления или распада, и существует большая вероятность, что данный экземпляр — собственный потомок. Следовательно, хотя он сознает, что вид Старфайндера и делится на два слегка различных пола, на данной стадии обучения кит пребывает в неведении относительно понятия любви и вследствие этого совершенно неспособен понять то чувство, которое представитель одного пола мог пробудить у представителя другого. И даже будь он сведущ в таких делах, ему все равно было бы нелегко понять, как живой представитель одного пола может влюбиться в мертвую представительницу другого.

Старфайндер долго молчит, отыскивая лучший ответ, и говорит: *«Волшебница Шалот.* — И быстро добавляет: — *Ныряй, кит!»*

Есть история, к счастью, похороненная в рассыпающихся от времени архивах прошлого, о путешественнике во времени. Тот отправился в прошлое, в Англию начала девятнадцатого века, чтобы выяснить, кто таков посетитель из Порлока, который помешал Кольриджу записать свое опиумное видение, поэму «Кубла-хан», только для того, чтобы узнать, что этим «посетителем из Порлока» был он сам.

Кит выполняет семь последовательных неглубоких прыжков, плавно продвигаясь назад по пространственно-временной траек-

тории «Звездного ястреба». На восьмом прыжке он терпит неудачу — оказывается на поверхности менее чем в четверти мили от маленького корабля. Автопилот «Звездного ястреба» взбесился, и смертельное путешествие, которое Старфайндер стремился исключить из процесса, началось.

Кит, осознавая свою ошибку, глубоко ныряет в тщетной попытке исправить ее. Землю, голубую на обзорном экране, поглощает , а Соль сжимается до световой точки.

Боги в своей темной горной обители смотрят вниз и смеются, а на лице Времени на миг появляется самодовольная улыбка.

Не сразу, но все-таки Старфайндер шевелится. Он тяжело двигается к лестнице, по которой совсем недавно поднялся наверх, и спускается по ней на палубу. Переходит по носовому трапу на палубу номер 4. Там он заходит в носовой трюм и подходит к шкафу, где за покрытой инеем дверью стоит, протягивая руки, замороженная девушка, чью смерть он пытался «отменить», а вместо этого стал ее причиной. Кристаллы льда покрывают ее белый скафандр, переливаясь разными цветами в мягкой фосфоресценции трюма.

О, ты прекраснее небес вечерних,
Одетых красотой несчетных звезд...[*]

Он разглядывает застывшие на ее щеках слезы — и вдруг сам плачет. Имя для нее само слетает с его губ: «Девушка со звезд»... Он покидает трюм и идет к корме, в гидропонный сад. Там среди зелени фотосинтезирующих растений расцвели сотни синих цветов. Цветы печали и раскаяния. Он рвет цветы и относит синий букет в трюм и кладет его возле шкафа-холодильника, который стал могилой Девушки со звезд. За время его отсутствия кит, осведомленный о его мыслях, произвел в трюме едва заметные изменения. Теперь боковые шпангоуты как будто бы сходятся, образуя над головой свод. Фосфоресценция стала и ярче, и мягче. Ярче всего она там, где стоит Девушка со звезд, и кажется, что свечение исходит из ее вертикальной могилы. За время его отсутствия кит превратил трюм в алтарь.

---

[*] Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста. Пер. Е. Бируковой.

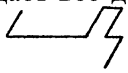
Глава 4. В нарисованной воде

Человек, который в серый ноябрьский день держит речь перед огромной молчаливой толпой, высок, худ и чернобород. Он снял свой нелепый цилиндр и теперь стоит на промозглом холоде с непокрытой головой. Окрестные акры поля битвы уже не красны от крови собратьев; вокруг, там, где всего месяц назад грохот мушкетной пальбы смешивался со стонами умирающих и криками тех, кто скоро умрет, теперь снова царят мир и покой.

То, что теперь говорил человек, знаменитые незабываемые слова, знакомы Старфайндеру — он их читал. Теперь он слышит эти слова собственными ушами, однако разбирать их сложно — порывы ветра уносят прочь большую часть сказанного.

Подобно многим другим знаменитым историческим моментам, на которые Старфайндер настраивал временной экран во чреве своего космического кита, эта историческая минута лишена того драматизма, которым ревностные историки и еще более ревностные писатели усердно стремились ее наполнить. Он опять разочарован.

— Кит, погружение, — командует Старфайндер. Он выбирает пространственно-временную точку из списка, лежащего на подлокотнике его кресла, в котором он восседает перед обзорным экраном: *«Лонг-Айленд, Северная Америка, 22 сентября 1776 года от Рождества Христова»*.

Теперь благодаря каналу связи, установленному Старфайндером, кит легко поглощает все данные из компьютера и может локализовать в Океане любую точку в координатах «место-время», какую человеку вздумается посетить или просто увидеть. Но ВАК левиафана покрывает очень обширный район, и точные координаты любого данного события следует подстраивать вручную — процесс, включающий, как правило, кропотливую и тонкую настройку при помощи множества регуляторов, расположенных с обеих сторон от экрана времени.

Прежде, чем приступить к настройке на повешение Натана Хейла, Старфайндер отправляется в кают-компанию, к бару, и в стакан, который только что осушил, на три пальца наливает искусственно ароматизированный медицинский спирт, заполняя остальную часть стакана газированной водой. Затем добавляет одну каплю разведенного стеста. Он нарекает эту смесь «Сверхновой», и даже задумывается о том, что сейчас еще только сере-

дина утра, а это будет уже четвертый его стакан за день. Времена меняются и внутри китов, не только на планетах. До появления Девушки со звезд Джон Ячменное Зерно ни за что не отважился бы пройтись по палубам кита. А сейчас он разгуливает по ним с высокомерием, граничащим с наглостью.

В течение следующего часа Старфайндер «присутствует» при повешении, на битве при Банкер-Хилле, на встрече в Виргинской палате представителей. Несколько первых мгновений он тщетно пытается вслушаться в речь Хейла. «Я сожалею лишь о том, что у меня всего одна жизнь, которую я могу отдать своей стране». Через минуту он не менее тщетно старается расслышать команду полковника Прескотта: «Не стреляйте до тех пор, пока не увидите белки их глаз». Еще через минуту он слушает, столь же безуспешно, решительные слова Патрика Генри: «Если это предательство, то извлеките из него наибольшую выгоду!»

Он начинает подозревать, что большая часть записанной истории — преувеличение.

Даже в том случае, когда это не так, очень часто оказывается, что она умышленно приправлена общественной паранойей в виде воображаемых заговоров. Возьмите два громких убийства, произошедших в предзакатные годы катастрофического «Демократического эксперимента». В обоих случаях убийц задержали, но в обоих случаях, несмотря на отсутствие прямых улик, их посчитали участниками заговора. Только взгляд кита на исторические события мог бы поправить дело, но киты были недоступны. Тогда. А вот сейчас доступ к одному из них появился, и Старфайндер воспользовался этим. Ли Харви Освальд, действуя в одиночку, выстрелил и убил Джона Ф. Кеннеди. Джеймс Эрл Рей, действуя в одиночку, выстрелил и убил Мартина Лютера Кинга.

Дела закрыты.

Старфайндер возвращается в бар за очередной «Сверхновой». С тех самых пор, как он подключил голографический экран кают-компании к линии ганглий-компьютер и окрестил его по-новому «экран времени», он увлекся идеей спуска на дно Океана Пространства-Времени. Это одна из главных причин, почему он вернул кита к жизни, одна из главных причин, почему он выкрал его. Но одно дело мечтать об этом, лежа на кровати, и совсем другое — действовать.

Его привлекала и другая идея. Менее рискованная. Вообще нисколько не рискованная. В физическом смысле.

Увидеть рождество Христово. Первосвященников. Распятие.

И при этом доказать, что, в противоположность утверждениям неоессейской церкви, Христос никогда не был монахом-ессеем. И «потерянные годы» были заполнены у него совсем другим.

Что он вовсе не отрицал радостей секса.

Старфайндер приканчивает и эту порцию «Сверхновой» и смешивает очередную. Он задает киту координаты. А почему нет? Что он теряет?

Возможно, он даже сумеет изгнать безумного Монаха.

Координаты поневоле неточные. На северо-запад от реки Иордан, приблизительно, шестой год до новой эры.

Вернувшись к экрану времени после нырков кита и возвращений на поверхность, он после многочисленных проб и ошибок наконец настроился на маленький городок Вифлеем.

Дата — шестой год до новой эры, — хотя и признается большинством историков будущего наиболее вероятным днем рождения Христа, для их меньшинства остается всего лишь необоснованным предположением. Лишь после того как кит нырнул и вынырнул на поверхность двенадцать раз, Старфайндер обнаружил разыскиваемый им «межевой столб»: сизигию Юпитера и Сатурна.

По сути, экран времени — продолжение канала связи, установленного между ганглием кита и компьютером, своего рода роскошь, ставшая возможной благодаря его успешной попытке использовать ВАК кита в качестве хронографа.

Считается, что сенсоры традиционных хронографов настроены на Землю и извлекают свои хронологические данные из метеорологических изменений планеты-матери. Но это не так. Они калибруются в земных годах, месяцах и днях, и это источник упомянутого неверного представления, но свои данные они формируют на основании изменений, постоянно происходящих на земном солнце. Невидимые широко развернутые сенсоры из ВАК кита куда более чувствительны, чем сенсоры традиционных хронографов, и коль скоро Старфайндер преуспел в создании канала связи между компьютером и ганглием, ему достаточно было просто запрограммировать последний с учетом существовавших в то время данных и дать ВАК возможность взяться за дело. Позже он подлатал голографическую систему в кают-компании, преобразовав ее в «экран времени». И теперь всякий раз, когда кит нырял,

те годы, которые он «пересекал», не только проносились по экрану вывода данных и по экрану обзора, но и по «экрану времени». И всякий раз, как кит выходил на поверхность, день, месяц и год, существующие в ближайшем полушарии Земли, появлялись на всех трех экранах и не менялись, либо пока кит не нырял снова, либо пока для записи не требовались новые данные.

Из-за григорианского календаря, введенного в компьютер, в данных, которые теперь появлялись на всех трех экранах, возникал некоторый анахронизм.

Это первая ночь сизигии. Первая ночь «звезды» над Вифлеемом. Старфайндер приступает к поискам хлева. Он занимается поисками всю ночь, и эту, и все последующие ночи «звезды», но так и не находит его. О, хлев ему попадался, и не один — сотни, — но он так и не нашел тот, который хотел отыскать. Или, по крайней мере, не нашел ни одного, где в яслях лежал бы ребенок.

Нет и никаких признаков волхвов.

Сказка? Казалось бы, да. Но он все еще не может полностью это признать.

Тогда — вверх через годы. Он посещает Назарет, Галилею, Кану и Капернаум. Прочесывает Египет. Повторно посещает Назарет, Галилею, Кану и Капернаум, неоднократно «проходя» сквозь текущие годы. Он сканирует окрестности на многие мили вокруг. Прислушивается к сотням разговоров, но, безнадежно отрезанный от их смысла своим незнанием языков, на которых они велись, ничего не узнал. Однажды, внимательно осматривая окрестности близ Капернаума, он обнаруживает кучку оборванцев, ковыляющих по пыльной дороге вслед за невысоким изможденным человеком в перепачканных сажей и копотью некогда белых одеждах. Он задерживается, разглядывает процессию внимательно. Нет, этого не может быть, решает он и двигается дальше.

В Иерусалим.

Иерусалим тоже ничего ему не дает. Он обнаруживает точное место Голгофы и пускает кита в серию мелких «нырков», пока на вершине холма не появляются три креста. Он включает увеличение и долго изучает лица троих умирающих, прибитых к крестам гвоздями. Все три лица бородатые и искажены страданием, и ему определенно трудно найти различия между ними. Склон холма пуст. Никаких звуков, кроме стонов умирающих. Темнеет. Содрогнувшись, он отворачивается.

Вновь наполнив свой стакан, он торопливо возвращается на берега Мертвого моря. Он настраивается на общину ессеев и на-

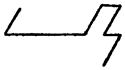
блюдает за времяпрепровождением их отшельников. Все они в белых одеждах. Как кажется, половина времени или около того у них уходит на молитвы, а вторая проходит в омовениях. Он настраивается и на другие общины, но не узнает ничего нового. Кита отделяет от Земли половина светового года. Будь Земля в пределах досягаемости «Старейнджера», он мог бы лично явиться в одно из этих поселений. Но, даже если бы он и выбрал из всех поселений единственное нужное ему (исходя их предположения, что оно все-таки существовало), он никак не сумел бы узнать, кто их отшельников тот, кого ему так хочется найти, а кроме того, подобное связанное тесными узами братство вряд ли допустило бы в свою среду постороннего, да и важно ли, был Христос ессеем или обратившимся в проповедника плотником? В любом случае, не он виновен в том, что в разуме Старфайндера укрылся безумный Монах, — виновна неоессейская церковь. Чем бы ни был Христос, в свое время он определенно не стал большой сенсацией, и, весьма вероятно, его вовсе не было. Трое распятых на вершине холма могли быть кем угодно. Среди них могли быть сапожник, портной и кто-еще-там-такой, хотя ни Старфайндер, ни кто-то другой никогда об этом не узнают, да и вообще сейчас самое время посетить святилище Девушки со звезд.

Старфайндер посещал ее каждый день и возлагал цветы к ногам единственной обитательницы. Вот и сейчас, слегка споткнувшись на входе в носовой трюм, он несет с собой только что сорванный букет печали и сожалений. Он ногой отбрасывает в сторону старый букет и кладет на его место новый. И стоит, вглядываясь в ее лицо сквозь гласситовую дверь шкафа и заиндевелую лицевую пластину шлема.

— Это все из-за тебя, — шепчет он. — Из-за тебя я покинул Дёрт. Из-за тебя украл этого кита. Время так задумало. Но почему?

Он, споткнувшись, выходит из трюма и поднимается по носовому трапу на мостик. В аптечке есть успокоительные таблетки, в большом количестве, но он знает, что они помогут ему не больше, чем Джон Ячменное Зерно. На мостике он рушится в капитанское кресло и вперяет взгляд в обзорный экран. Далекое Солнце расположено по центру, как болезненно-желтое пламя свечи.

«Да, кит, все это лишено смысла. Вот я — сижу здесь, влюбленный в мертвую девушку, которая, если бы не я, была бы жива. В девушку, которую я никогда бы не нашел, если бы не угнал

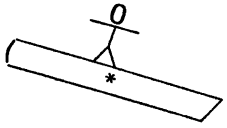
то, что ее погубило. В девушку, которую мог бы вернуть к жизни, если бы, угоняя то, что ее погубило, не изгнал бы себя безвозвратно из того мира, где воскрешение возможно, и при этом не оттолкнул бы того, кто мог бы с легкостью потянуть за необходимые нити, чтобы мне не пришлось бы угонять то, что ее погубило — то есть тебя, кит — и тогда девушка, которую я люблю, не умерла бы, и меня не было бы здесь, и тебя не было бы здесь, и никого из нас не было бы здесь, в бессмысленном дрейфе по Океану .

Но, может быть, виноват мой подход. Может быть, все на свете — разновидность космической книги, чьи отдельные страницы, вырванные из контекста, напоминают бред сумасшедшего, но, прочитанные вместе с остальными, обретают смысл. И, может быть, здесь даже есть Высший Замысел.

Но если существует некий Высший Замысел, то где лучше всего искать его корни, как не на дне Океана Пространства-Времени?

Он рисует в воображении дно Океана. За неимением лучшего аналога, он представляет его как океанское дно, точнее, как самую глубокую часть некоей разновидности космического Тихого Океана: Марианскую впадину, или впадину Минданао. Как ни странно — возможно, потому что он выпил слишком много «Сверхновых» — картинка усиливает его восхищение.

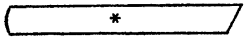
Кит, читающий сознание Старфайндера как открытую книгу, прерывает его размышления иероглифическим вопросом:

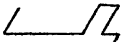
0000000000000000000000 ???

«Я думаю над этим, кит. Ты когда-нибудь погружался так глубоко? Вообще кто-нибудь из космических китов».

Ответ красноречив:

??????????????????????????

Дно Океана , по крайней мере для этого кита, — неизведанная территория.

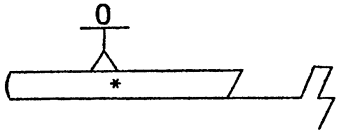
Более того, кит понимал это так же упрощенно, как и он сам.

Так же неверно.

Как бы то ни было, кит не хуже Старфайндера знает, что «**0000000000000000000000**» не есть его точное представление. Он может знать или не знать о теории Большого взрыва, но определенно должен знать, что «нырок», о котором так напряженно размышляет Старфайндер, есть не что иное, как приглашение к возможному полному сожжению.

«Если я попрошу, ты спустишься на самое дно?»

Кит явно ценит свое настоящее не больше, чем человек — свое, поскольку ответ, простая констатация их договора, не заставил себя ждать:

— Отлично, кит, — говорит он. — Ныряй! Ныряй на самое дно впадины Минданао!

Старфайндер откидывается на спинку удобного капитанского кресла и смотрит, как на табло у нижней границы экрана мелькают, сменяя друг друга, года и столетия: 6 год новой эры... 22 до нашей эры... 41... 119... 240... 399... Время от времени он поднимает глаза к меняющейся картинке на экране обзора. Солнце исчезает из вида. Далекие звезды постепенно приближаются.

Чем глубже погружается кит, тем больше инерция его движения. Само движение не ощущается — ни физическое в пространстве, ни регрессивное во времени, только отмеряет года счетчик да перемещаются на экране звезды. Левиафан напоминает о строке «Как в нарисованной воде / рисованный стоит»*.

Под нарисованной водой...

Кажущаяся неподвижность в сочетании со «Сверхновой», которую потягивал Старфайндер, дает усыпляющий эффект.

---

* С. Т. Колдридж. Поэма о старом моряке. Пер. Н. Гумилева.

Он клюет носом, затем погружается в тяжелый сон. Пробуждается он внезапно, вздрогнув, уверенный, что прошли лишь считанные секунды. Затем одна из дат, вспыхнувшая у нижнего края экрана, подсознательно откладывается у него в сознании.

4 201 549 631 год до Рождества Христова!

Он потрясен. Должно быть, он проспал несколько часов, а не секунд.

Он смотрит на часы, встроенные в шпангоут левого борта. На них 13:42. Но эти цифры ни о чем не говорят ему — он понятия не имеет, когда именно заснул.

Звезды на обзорном экране мечутся словно разозленные осы.

Трезвый как стеклышко, Старфайндер встает из кресла и подходит поближе к экрану, глядя на многоцветный звездный вихрь. Чтобы легче думалось, он всегда представляет Океан Пространства-Времени в виде космической воронки. Он, конечно, понимает, что пространство-время не имеет ничего общего с подобным представлением, и, тем не менее, знает, что, принимая теорию первородного взрыва соответствующей истине, всякий объект, движущийся обратно к началу, может двигаться только по траектории, аналогичной внутреннему склону воронки. Какой бы абсурдной не была эта аналогия, если кит продолжает погружение и теория первородного взрыва *действительно* окажется верна, левиафана испепелит прежде, чем он достигнет предполагаемого дна Океана — и Старфайндера испепелит вместе с китом.

И Девушку со звезд тоже.

Он пустился в это безумное путешествие, оттого что был пьян или оттого что хотел соединиться с ней в смерти?

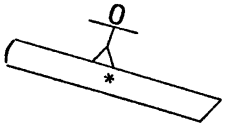
В любом случае это наибезрассуднейшее паломничество.

Он уже готов крикнуть «Кит, всплываем!», когда вдруг замечает, что звезд стало меньше. Опустив глаза к нижнему краю экрана, он замечает и еще кое-что: стремительное убывание лет замедлилось. Последний год, застывший на экране, — 5 221 492 986 до Рождества Христова.

Прекращение отсчета допускает две возможные причины, причем ни одна из них не объясняет уменьшения количества звезд: (1) кит решил начать всплытие; или (2) кит нырнул дальше момента рождения Солнца.

«Мы вынырнули, кит?»

Ответ кита вполне однозначен — «нет»:

К этому времени количество звезд на обзорном экране уменьшилось настолько, что их можно пересчитать, да и те превратились в булавочные уколы света вдали.

Пока Старфайндер вглядывается в густеющую тьму, одна из звезд гаснет.

Потом другая.

Ситуация, имевшая место несколько минут назад, коренным образом изменилась.

Пора дать киту команду на всплытие? Если опасности нет, то кит не станет всплывать без приказа капитана. Или дождаться, когда кит достигнет дна Океана ?

Теоретически глубина Океана составляет около 15 000 000 000 лет.

Теперь на экране светят всего несколько редких блесток звезд. У него на глазах звезды одна за одной мигают и гаснут.

Полная темнота.

Ну, что дальше? А что он ожидал найти на дне впадины Минданао, свет?

Нет. Но впадина Минданао — всего лишь метафора. Что мы обсуждаем здесь, леди и джентльмены, так это первую страницу Книги Космоса, — вступительный параграф, где говорится о Большом взрыве, породившем Высший Замысел...

Старфайндер смеется.

«Большой взрыв, кит — все это выдумки! В этом не больше научного смысла, чем в утверждении, будто Шу, сын Амона-Ра, держит свою сестру Нут, небо, над своим братом Гебом, Землей».

Его смех обрывает внезапный скрежет и рывок, за которыми следует хруст, после — тишина. Впечатление такое, словно кит наконец достиг самого дна Океана и остановился. Обзорный экран перед глазами Старфайндера исчезает. Палуба под его ногами растворяется, переборки испаряются, потолок над его головой тоже. Он обнаруживает, что стоит в маленькой комнате с панорамным окном, за которым виднеются трава, деревья и далекие гряды холмов.

* * *

Стены в комнате черные. И потолок. И пол. Соотношение промеров предполагает кубическую форму. В комнате две двери. Одна посреди стены справа от него, другая посреди стены слева от него. Под панорамным окном стоят серый письменный стол и такой же крутящийся стул. В стене напротив — камин.

Ошарашенный, он смотрит в окно на траву. Похоже, ее недавно стригли. Раскидистые деревья не отбрасывают тени. Холмы в отдалении — просто холмы. Над холмами видна скудная полоска голубого неба.

Свет, который он видит в комнате, — ровный и заполняет всю комнату до последнего квадратного дюйма. Панорамное окно едва ли может быть его источником. Казалось, свет просто часть окружающей обстановки, как воздух.

Старфайндер поворачивается к камину, на который до этой минуты лишь бегло взглянул. Его тоже нельзя назвать источником света, ведь огонь в нем не горит, но камины значатся среди фундаментальных факторов человеческой цивилизации, а Старфайндеру необходимо нечто реальное, за что он мог бы уцепиться.

Камин, сложенный из прямоугольных красных кирпичей, щеголяет парой бронзовых — или похожих на бронзовые — подставок для дров, поперек каждого лежит небольшое полено. Над камином — мраморная — или похожая на мрамор — полка. Однако на этом заурядность камина заканчивается, поскольку на каминной полке лежит нечто, на первый взгляд напоминающее большой овальный кусок угля, на его отполированной поверхности через равные интервалы расположены небольшие отверстия, сквозь которые льется неяркое свечение, но при повторном осмотре оказавшееся уменьшенной моделью кита.

Моделью?

Старфайндер наклоняется вперед, закрывает один глаз и другим заглядывает в один из крошечных иллюминаторов. Он видит крохотную каюту с крохотной кроватью, крохотным умывальником, крохотным шкафчиком, крохотным стульчиком и крохотным гардеробом.

Он заглядывает в другое окошко — нет, не окошко, в бортовой телескоп — и видит рубку, где нет ничего, кроме крошечного пульта управления и единственного пилотского кресла.

Отсек с лебедкой. Центр погрузки в трюмы и выгрузки из них.

Другой выбранный им наобум иллюминатор открывает ему вид на галерею, которая кажется крошечной, как если бы смотрел великан.

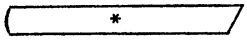
Методом проб и ошибок он находит один из иллюминаторов на мостике. Заглядывает туда и видит себя — он стоит перед малюсеньким обзорным экраном, гомункулус не более четверти дюйма ростом.

Гомункулус подается вперед, вглядываясь в экран.

Гомункулус?

Старфайндер выпрямляется. Он взмок. *«Где ты, кит?»* — спрашивает он.

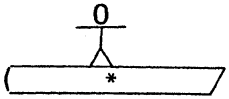
Он не ждет ответа и поэтому приятно удивлен, когда в его сознании мгновенно возникает иероглифический сигнал:

000000000000000000000

«Отдыхаю на дне Океана Пространства-Времени».

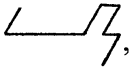
«Где я?»

000000000000000000000

«В моем чреве, на дне Океана Пространства-Времени».

Старфайндер утирает рукавом рубашки потный лоб.

Если они с китом оба на дне Океана , то как может быть, что один из них, уменьшенный, лежит на каминной полке, а другой находится одновременно и в чреве кита, и в комнате, с этими самыми камином и полкой?

Все это сон. Должен быть сон. Он до сих пор крепко спит в капитанском кресле. Ему только снится, что он проснулся.

Он пробует пробудиться, вырваться из сна. Но никакие выкрутасы ни к чему не ведут. Реальность комнаты никуда не девается.

Внезапно он ловит себя на том, что смотрит на одну из расположенных друг против друга дверей комнаты. Ну, ладно, комната. Если *ты* не хочешь уйти, то уйду я.

Старфайндер идет к двери, открывает ее и выходит в соседнюю комнату. Дверь на пружине мягко захлопывается за его спи-

ной. Комната, в которую он только что вошел, — точная копия предыдущей. Та же обстановка, за панорамным окном в стене — та же лужайка с зеленой травой, деревьями и далекими холмами.

Напротив двери, в которую он вошел, другая дверь. Старфайндер идет через комнату, открывает дверь и входит в третью комнату. Третья комната — точная копия второй.

Влек и меня ученых ореол:
Я смолоду их слушал, споры вел,
Сидел у них... Но той же самой дверью
Я выходил, которой и вошел[*].

Древнее четверостишие внезапно всплыло из подсознания. Оно не совсем точно подходит к ситуации, но дает ему зацепку.

Дверь, через которую он вошел, закрылась за ним. Он осторожно пересекает комнату, открывает дверь напротив и делает вид, что сейчас выйдет через нее в следующую комнату. Потом, стоя в дверях, быстро оборачивается и смотрит через плечо на другую дверь. Кто бы сомневался — та дверь тоже открыта, и в дверях стоит другой Старфайндер, который быстро бросает взгляд через плечо на «первого» Старфайндера, а тот, насколько понимает «третий» Старфайндер, косится через плечо на еще одного «первого» Старфайндера, и так *до бесконечности*.

Он не возвращается в *первую* комнату. Какой в этом смысл? Комната всего одна. Вместо этого он подходит к столу и усаживается в крутящееся кресло.

Некоторое время Старфайндер смотрит в панорамное окно на зеленую траву, на тенистые деревья, не отбрасывающие тени, и на далекие гряды холмов. Он утомленно гадает, что там за этими холмами. Вероятно, опять трава, опять деревья, опять холмы.

У окна нет переплета. Оно даже не кажется проделанным в стене. Оно просто начинается там, где заканчивается стена, и заканчивается там, где стена снова появляется.

Под влиянием секундного порыва Старфайндер снимает ботинок и с силой бьет каблуком в стекло. Стекло, если только это стекло, издает глухой гулкий звук, но не разбивается и даже не трескается.

---

[*] Омар Хайям, пер. И. Тхоржевского.

Он колотит каблуком по стене возле окна. Стена отзывается точно таким же гулким глухим звуком.

Он снова надевает ботинок.

Его внимание привлекает поверхность стола. Она совершенно пуста, за исключением стопки писчей бумаги, увенчанной черным пресс-папье, встроенной чернильницы, из которой торчит гусиное перо, и небольшого черно-белого голографического фото в металлоидной рамке.

Возникает *дежавю*, и он берет фотографию, чтобы рассмотреть ее поближе. И едва не роняет. Это портрет девушки лет двадцати или чуть старше. На ее лице печаль, словно первая увиденная ею этой весной малиновка была мертва. Ее темные волосы коротко подстрижены, а брови вызывают ассоциацию с летящими черными дроздами... Это лицо нельзя назвать прекрасным. Переносица чуть широковата, скулы чуть высоковаты, щеки чуть полноваты. Белыми чернилами поперек нижней части фотографии выведены слова: *«Старфайндеру, с любовью»*.

Его руки сильно дрожат, но ему все-таки удается поставить фотографию на стол, не уронив. Он долго сидит, пристально вглядываясь в нее. Фотография тревожит, хотя он знает, что она не может быть реальной — не больше, чем этот стол, не больше чем эта комната, чем та шаблонная картина в обрамлении окна. Не больше чем стопка писчей бумаги, лежащая на столе.

Он сосредоточивается на этой стопке, отчаянно стараясь выбросить из памяти фотографию. Заметив, что верхний лист исписан, он пододвигает стопку бумаги поближе к себе и убирает с нее черное пресс-папье. Затем быстро перелистывает исписанные страницы и обнаруживает, что все они заполнены одним и тем же почерком.

Чей это почерк?

Господа Бога?

Старфайндер всматривается внимательнее. Почерк странно знакомый. Через какое-то время до него доходит. Это его собственный почерк.

Но к этой минуте он уже не в состоянии удивляться, человек, не ведающий ни страха, ни ужаса. Он спокойно пробует прочитать то, что как будто бы написал он сам, но слова расплываются и набегают одно на другое, и ему так и не удается разобрать ни одно из них. Он невозмутимо возвращает рукопись — потому что это должна быть рукопись — на то самое место на письменном столе, где она изначально лежала. И уже

собирается снова водрузить на стопку листов пресс-папье, когда вдруг замечает, что пресс-папье представляет собой идеальный куб с парой крохотных петелек, вставленных в две его соседние грани.

Это не пресс-папье, а ящичек. Или это все-таки и пресс-папье, и ящичек.

Открыть его?

Почему нет?

Вопрос чисто академический — он уже сунул ноготь большого пальца в щель на грани куба на противоположной от петель стороне. Легкое давление — и крышка открывается со щелчком, который словно бы отдается эхом под потолком.

Еще не заглянув внутрь, Старфайндер уже знает, что он там увидит, и видит именно это: крохотного Старфайндера, сидящего за крохотным письменным столом в крохотной комнате и глядящего вниз на что-то уже совсем крохотное у себя в руках.

Глядящего вниз, вне всякого сомнения, на содержимое микроскопического ящичка, в котором уже совсем мелкий Старфайндер сидит за совсем уж маленьким столиком, глядя внутрь невидимого глазу ящичка, где незримый Старфайндер сидит за совсем-совсем крошечным столиком и таращится внутрь крохотной комнаты с микроскопическим Старфайндером — и так *до бесконечности*.

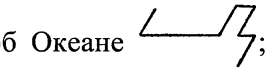
Сидя за столом и глядя в затылок своей уменьшенной копии, Старфайндер вдруг чувствует чей-то взгляд и, оглянувшись, видит на месте потолка массивную голову, склоненную набок под точно тем же углом, под которым склонена его голова. Старфайндер усмехается и быстро отводит взгляд, вновь принимаясь рассматривать свой ящичек, но, конечно, не успевает застигнуть внутри *его* коробочки уменьшенного Старфайндера за тем, как тот мгновенно отворачивается к *собственному* ящичку.

Он закрывает крышечку пресс-папье, и щелчок звучит одновременно с более громким щелчком над головой. Он возвращает ящичек на рукопись. Вновь поглядев наверх, он видит, что потолок вернулся на прежнее место.

Старфайндер задумывается.

Путем умственного напряжения и самокопания ему удается вспомнить небольшой отрывок из «Критики чистого разума», который он запомнил во времена слепоты:

«...пространство и время... суть лишь субъективные условия всякого нашего созерцания, в отношении к которому поэтому все предметы суть только явления, а не ... вещи сами по себе; поэтому о том, что́ касается формы их, многое можно сказать a priori, но никогда ничего нельзя сказать о вещи самой по себе, которая могла бы лежать в основе этих явлений»[*].

Само собой, Кант говорил не об Океане ; однако выводы философа были применимы и к невероятной ситуации Старфайндера.

Принимая во внимание факт существования дна Океана, упомянутое дно по самой своей природе было бы лишено и пространства, и времени.

Но должен ли Старфайндер поверить, что бесконечная последовательность комнат/ящичков, в которых он как будто бы сидит (в то время как на самом деле он находится только в одной комнате — если только он вообще сидит хоть в одной), представляет собой именно так называемую «вещь в себе»?

Нет. Комнатки/ящички плюс их содержимое, плюс стереотипная картина в обрамлении панорамного окна в стене представляют собой его *интерпретацию* «вещи в себе».

Голографическое фото Девушки со звезд? Возможно, он выдает желаемое за действительное.

Вся эта модель, по сути, мало (если вообще) напоминает истинную основу, но так близка к ней, как только может подойти его восприятие.

Прошлое, настоящее, будущее — он явно существуют одновременно во всех этих плоскостях. И все три плоскости есть одна.

Возможно, его восприятие пытается подсказать ему, что нет ни Начала, ни Конца: человек воспринимает реальность сразу как то и другое, так же, как воспринимает и пространство-время.

Что Вселенная — это одновременно и микрокосм и макрокосм.

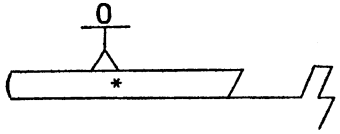
Что каждый индивид — автор того, что он видит и переживает.

В любом случае, теперь до обидного понятно, что «Книга Космоса», если только подобная книга существует, не содержит в себе Высшего Замысла.

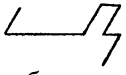
В этот самый миг возникший в голове знакомый образ-ребус прерывает его напряженные раздумья:

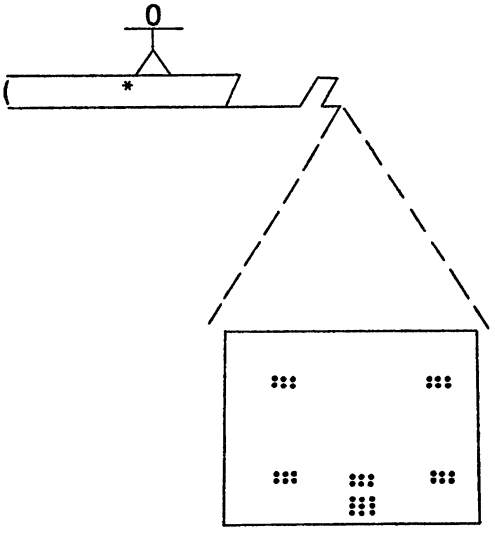
[*] И. Кант. Критика чистого разума.

Раздосадованный, он спрашивает:

И что же общего наш договор имеет с ценами на яйца, кит? И почему это ты видишь дно Океана *как* **00000000000000000000000**, *когда я вижу его как бесконечную анфиладу комнат, где в каждой присутствую я, и не могу выйти оттуда, и в каждой присутствуешь ты, уменьшенный до украшения на каминной полке?*

Кит уточняет:

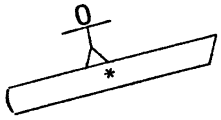

Старфайндер хмурится. Очевидно, кит видит дно Океана не только своими глазами, но и его глазами, глазами Старфайндера, и пытается объяснить, что ему делать, или, скорее, что делать им обоим.

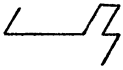
Построить дом?

«Не понимаю, кит».

Тишина. Затем кит, очевидно, не умея или не желая дать дальнейшие разъяснения, подступается к проблеме под другим углом и дает более подходящий ответ:

0000000000000000000000

Символ не может объяснить, почему кит должен воспринимать дно Океана одним способом, а Старфайндер другим, но он указывает человеку выход из его затруднения.

Он просто должен велеть киту нырнуть.

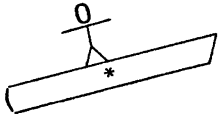
«Всплываем», — приказывает он.

Это «Сезам, откройся» с самого начала было у него под носом. Он просто слишком мало знал, чтобы сказать нужные слова.

Но предложенный ему выход из затруднения никак не объясняет, почему это затруднение существует для него и не существует для кита. Возможно, при всей его разумности киту не хватает изощренности, необходимой, чтобы осмыслить вещь в себе иначе, нежели в простейшей форме. Возможно, есть и иная причина. Кто может объяснить работу мозга этого инопланетянина? Старфайндер не может.

Он поднимается с крутящегося стула, и подходит к камину. Бросает еще один короткий взгляд на себя микроскопического — на маленького гомункулуса, важно стоящего на мостике и вглядывающегося в обзорный экран, такого же живого, как он сам, потому что это и есть он сам.

Старфайндер усмехается. *«Всплывай, кит*, — произнес он. — *Всплывай обратно к настоящему. С меня довольно, по крайней мере на некоторое время. Этого прошлого»*. Микрокосм и макрокосм становятся единым целым, и Старфайндер с китом отрываются от дна Океана Пространства-Времени:

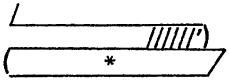

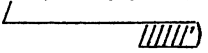
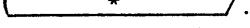
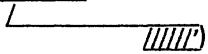
0000000000000000000000

Глава 5. Появляется Сили

Кит голоден как волк, когда он наконец вырывается на поверхность Океана Пространства-Времени. «Нырок» на такую глубину истощил его запасы энергии 2-омикрон-vii. Он «кормится», словно прямоточный воздушно-реактивный двигатель, развертывая вокруг себя огромные магнитные поля, чтобы с их помощью изловить сильно рассеянные частицы, составляющие его рацион, и поднимая свою скорость почти до максимума. Огненное жерло его похожей на открытую топку утробы преобразует эти частицы в энергию 2-омикрон-vii сразу, как только они попадают туда, и в считанные часы резервы энергии восстановлены. Пресытившись, кит снижает темп движения до черепашьего шага и, расслабившись, отдыхает на поверхности Океана. Из-за притупленного усталостью восприятия, он не сразу различает обнаруженный его ВАКом огромный темный силуэт, который спускается из бескрайнего пространства.

Дрожь, напоминающая сейсмические толчки, вырывает Старфайндера из свинцового сна. С тяжелой головой, он поначалу никак не может уловить смысл безумного символа, который кит проецирует в его сознание:

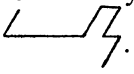

Садясь в койке, на которую прилег после того, как «всплытие» кита оттеснило вопрос вещи-в-себе на второй план, Старфайндер разделяет новый символ на две составляющие: и . Поскольку фигуру кит использует, чтобы обозначить себя, то фигура должна представлять отдельный объект. Объект, прикрепившийся к спине кита.

И вдруг Старфайндер понимает. Кита атаковал звездный угорь!

В ужасе он надевает новую капитанскую форму — ее изготовил для него «гардероб», пока он спал. Старфайндер уже давно понял, что Джон Ячменное Зерно — враг аккуратности и чистоплотности, и решил применить оба эти оружия, чтобы держать Джона как можно дальше от себя. Он даже побрился и принял душ, прежде чем отправиться спать.

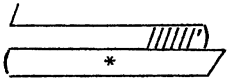
Он застегивает на талии ремень с «Вейканцером» .39 и убеждается, что мощное оружие в кобуре полностью заряжено, и покидает каюту. Поднимаясь по носовому трапу на мостик, он припоминает все истории о звездных угрях, какие слышал в бытность свою Ионой. Все эти существа очень неприятны и делают упор на некоем неотвратимом факте жизни, а именно: когда звездный угорь присасывается к звездному моллюску, своей обычной добыче, или к космическому киту и вытягивает из них «жизненную силу», его жертва мертва, подобно земной Луне.

Прямо по центру обзорного экрана — бледное, наполненное звездным мерцанием пятно Мета-3 («Мессье-31» по старому каталогу Мессье). Оно там исключительно потому что кит случайно нацелился на него, когда его атаковал звездный угорь. Старфайндер переключает экран на дорсальную камеру. В награду он получает крупный план черного брюха угря. Он никак не может увидеть угря *целиком*, если не покинет чрево кита. Однако он и не глядя знает, как тот выглядит. Он видел бесчисленные голографические фотографии угрей и читал о них в «Астрожизни» Грайда. Поэтому он знает, что этот угорь, если он типичный представитель своего вида, значительно меньше кита, и снабжен средствами акустического «видения» — длинным, напоминающим антенну хвостом. И еще он знает, что угорь — астральная копия земной миноги и что хотя он и способен использовать энергию 2-омикрон-vii для собственных нужд, он не способен нырять под поверхность Океана . Старфайндер знает, что «шкура» угря груба и изрешечена метеоритами и что его внутренняя ткань состоит из очень твердой металлоорганики, аналога трансстальной внутренней ткани космического кита. Он знает, что нутро звездного угря, так же как нутро космического кита, — это целый спелеологический лабиринт из множества туннелей и пустот. Ему известно, что «брюхо» угря обладает магнитными свойствами и это позволяет угрю достаточно надолго прикрепляться к своей добыче и высасывать из нее «жизненную силу». Он знает, что подобные угри размножаются делением. Он знает, что труп угря можно превратить в космический корабль, притом вполовину дешевле, чем если строить корабль таких размеров с самого начала. И хотя Старфайндер ни разу не видел таких кораблей, он знает, что их великое множество.

Поскольку такие угри, как правило, не нападают на космических китов, если нет отчаянной нужды зарядиться энергией, весь-

ма и весьма вероятно, что именно этот экземпляр так изнурен, что его магнитную хватку можно разорвать. Старфайндер крепко обхватывает стойку и собирается с силами. *«Крутись, кит,* — «сказал» он. — *Вырывайся от него!»*

Кит начинает вращаться. Очень мощно. На Океан Пространства-Времени словно обрушивается космический шторм. Как будто испещренные звездами бескрайние пространства то вздыбливаются валами, то спадают. Старфайндера едва не отрывает от стойки. Затем «шторм» стихает так же неожиданно, как начался, и символ, уведомляющий о присутствии угря, снова отображается в его сознании:

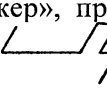
Кит потерпел поражение.

Старфайндер обдумывает проблему. В таком положении нырять киту опасно — он просто утащит звездного угря с собой в прошлое. А когда тот выкачает из кита последние остатки энергии 2-омикрон-vii, кит будет извергнут назад, в настоящее и звездный угорь вместе с ним.

Никакой возможности сбросить этого паразита, захватившего его врасплох, у кита просто нет. Если только Старфайндер не найдет выход из положения, кит обречен.

К сожалению, он не знает, есть у звездного угря ганглий. Но даже если и есть, то Старфайндеру никак до него не добраться. Ему не прожечь прочную внутреннюю ткань угря «Вейканцером» .39, ведь это оружие делают в расчете на человеческие ткани. Не поможет и штурмовая винтовка класса 4-Н-20. Если взяться за такую работу с гиперацетиленовой горелкой, на это уйдет большая часть дня, и к тому времени кит просто погибнет. Вероятно, именно хвост угря — его самая уязвимая часть. Но если даже Старфайндеру удастся отделить его — возможно, тараня «Старейнджером», то все равно вероятность, что «ослепленный» угорь отпустит свою добычу, очень мала. Никакого четкого, определенного пути, которому он мог бы следовать, нет. Решения придется принимать по ходу дела.

Он спускается по носовому трапу на вторую палубу и сворачивает в боковой проход, ведущий мимо кают первого и второго помощников капитана к причальному отсеку. Там он надевает скафандр, потом сбрасывает давление, забирается в «Ста-

рейнджер», приводит в действие замок шлюза и выплывает в Океан .

Справа от него пылает, словно яркий белый костер, Мааркен-Стар-3; «над» ней на гигантском расстоянии тускло пульсирует «остров»-галактика Мета-3. Он включает тормозные двигатели прежде, чем «Старейнджер» освобождается от гравитационного притяжения корабля-кита, осторожно включает реактивный двигатель на правом борту и разворачивает свой мини-корабль. Перед ним — массивный силуэт, на фоне широчайшего поля рассыпанных дальних звезд, корабль-кит и оседлавший его паразит.

Телескопы, протянувшиеся вдоль полированного бока кита, сияют, как перламутровые глаза.

Над ними вдоль бока угря сверкают подобные же ряды глаз.

Старфайндер пристально вглядывается в них.

Объединенная масса двух огромных тел тянет «Старейнджер» внутрь. Он использует ровно столько реактивной тяги, сколько нужно, чтобы вывести «Старейнджер» в одну плоскость с угрем. Пока он смотрит, эти «глаза» превращаются в бортовые телескопы, как у кита. И видит, что и его поверхность, как и поверхность кита, соскоблена машинным способом до металлоорганической внутренней ткани и эта ткань отполирована так, что самая дальняя звезда может увидеть в ней отражение своего «лица».

На все это есть лишь один возможный ответ: угорь — звездолет, как и кит.

Но как это. Ведь он до сих пор живой?

Конечно, кит живой, и он корабль. Но ведь другого такого корабля-кита нет. Все его сородичи-корабли мертвы, как был бы мертв он, если бы Старфайндер не вернул его к жизни.

На носу «Старейнджера» установлен мощный поисковый луч. Старфайндер включает его и направляет ослепительный свет вдоль «борта» звездного угря. И в считанные секунды он обнаруживает красноречивый шов — контур шлюза причального отсека.

Сразу за ним расположен смотровой телескоп. За его линзами он видит лицо. Лицо испуганной девушки.

— Я по-прежнему думаю, что не следовало впускать вас. Если бы я знала, что вы просто прикидываетесь умирающим, я бы ни за что не впустила вас.

Причальный отсек звездного угря гораздо меньше, чем у кита. Он может похвастать еще двумя причальными местами помимо того, куда принял «Старейнджера». Одно из этих мест занято спасательной шлюпкой, выполненной в форме миниатюрного угря.

Девушка в укороченном платье из ткани защитного цвета и в парусиновых сандалиях на толстой подошве. Каштановые волосы коротко подстрижены, на лоб падает челка. У нее худое, почти изнуренное лицо. Глаза девушки напоминают ему синие полевые цветы, что растут на пасторальных холмах к югу от Сверца. Единственное, что обрисовывает ее платье, — едва наметившаяся грудь.

Ясно, что на корабле она одна. Иначе к этому времени уже появился бы кто-нибудь более ответственный.

— Я так понимаю, ты и капитан, и экипаж.

Она коротко, нервно кивает.

— И единственная пассажирка.

— Тогда ты — как я. Сколько тебе лет?

— Тринадцать. Ну, не полных тринадцать, но совсем скоро исполнится, так что... Я думала, что существо, которое оседлал Пашá, — обычный космический кит. Он напал на него так быстро, что я и глазом не успела моргнуть. Я никак не могла подумать, что это тоже корабль.

— А если бы ты знала, что это изменило бы?

— Вы хотите знать, удержала бы я Пашу от нападения? Нет. Я разрешила ему в таких делах самому принимать решения.

— Паша — звездный угорь?

— Мой звездный угорь. Его сделали рабом, а я его освободила.

— Я думал, звездных угрей убивают, прежде чем переделывать в корабли. Так же, как и китов.

— Да. Но Паша был исключением. Реконструкторы объявили его «благородным экспериментом». Однако не думаю, что сделать из кого-то раба — благородно, как вы думаете?

— Освободив его, ты отправилась вместе с ним — почему?

— Я тоже хотела быть свободной.

Уставившись в ее искренне серьезные глаза, он ищет там тень лицемерия. Поиск оказывается бесплодным и просто служит лишним напоминанием о синих полевых цветах Фарстар****.

— Ты тоже была в рабстве? — наконец спрашивает он.

Она кивает.

— Мой отец — реконструктор на Орбитальных корабельных верфях на планете Мааркен-Стар-6. Это Ренессанс, если вы не знаете. Его профсоюз до того богат и силен, что практически контролирует всю планету. Члены профсоюза называют себя «пролетариями» и ходят повсюду, выпячивая грудь и рассказывая, как они гордятся тем, что простой рабочий люд. А в глубине души они считают себя лучше всех прочих, и чураются всего, что заставляет их казаться другими. Я называю их *haute bourgeoisie*[*].

— Снобы из среднего класса в спецовках, — говорит Старфайндер. — Их можно найти где угодно.

— Может быть, полно других, но готова поспорить, что никто из них не идет ни в какое сравнение с нашими с Ренессанса. У наших — одна извилина, и жестяные барабанные перепонки. Но именно они решают, чему следует учить в школах и чему не следует. Какие книги читать, а какие нет. Какую музыку играть, а какую нет. Не будь на Ренессансе подпольных библиотек, все дети там росли бы точными копиями своих родителей. Подпольными библиотеками занимаются учителя, которых уволили эти самые *haute bourgeoisie* — за то, что те не придерживались их правил. Они ведут тайные классы для детей вроде меня и еще дают им читать запрещенные книги. Главным образом, они помогают изучать литературу, ведь ее больше всего ненавидят *haute bourgeoisie*. Прежде чем выкрасть Пашу́, я изучала поэтов викторианской эпохи. Это мои любимые поэты, особенно, Роберт Браунинг и Элизабет Баррет Браунинг. Но там не так уж много детей, похожих на меня. Большинству нравится быть точными копиями родителей. Настоящие рабы. До похищения Паши я тоже была рабом, хотя родительской копией не была. Но я не собиралась вырасти и превратиться во что-то такое, чье представление о культуре ограничивается ящиком пива, программой голографического телевидения и газетой, издаваемой «Содружеством орбитальных реконструкторов». Поэтому я выкрала Пашу, и освободила нас обоих.

Старфайндер вздыхает. На первый взгляд девушка или, скорее, девочка, казалась такой хрупкой, словно первый же порыв ветра унесет ее прочь. Теперь он считает, что даже циклон вряд ли может сдвинуть ее с места.

— Как тебя зовут? — спросил он.

---

[*] Заносчивые буржуа (*фр.*).

— Сьель Блё*. Сили. Я знаю, почему вы решили высадиться ко мне на борт. Вы хотите, чтобы я убрала отсюда Пашу. Ну, так я не уберу!

Именно этого он и боялся. Что за невезение! Парки действительно расстарались для него сегодня. Ему, похмельному, вполне хватило бы и одного звездного угря, без упрямой двенадцатилетней девчонки в нагрузку!

«Тише едешь, дальше будешь», — предупреждает он себя. А вслух говорит:

— Я утром не позавтракал. Как тебе кажется, ты можешь выделить своему собрату, космическому путешественнику, чашечку кофе?

— По моим часам уже день. Но одну чашечку я могу выделить. Как *вас* зовут?

— Старфайндер, — говорит он.

Камбуз на борту звездного угря небольшой и компактный. Две двери с магнитными замками ведут одна — в полную продуктов кладовую, другая — в большой обеденный зал. Корабль, сделанный из звездного угря, предназначался для перевозки пассажиров, возможно, целую тысячу. Сейчас их ровно два.

Сидя напротив Сили за маленьким кухонным столом, на котором перед ним стоит кофе в пластмассовой чашке, Старфайндер замечает:

— Паша очень много значит для тебя, верно?

Она серьезно отвечает:

— Паша — моя жизнь.

— А кит — моя.

— Вы не дали ему имени?

— Нет.

— Вам следовало подумать об этом.

— Зачем, если ему суждено погибнуть?

Молчание. Потом:

— Я... Я забыла.

Старфайндер отпивает глоток кофе. Он черный и горький, но, возможно, смягчит похмелье.

— Что тогда станет со мной, Сили?

---

* Синее небо (*фр.*).

— Не беспокойтесь. Мы с Пашой доставим вас на ближайшую обитаемую планету... Зачем вы так вырядились, Старфайндер?

Она имеет в виду его белую капитанскую форму. Она почти не сводит с нее глаз с той самой минуты, как он снял скафандр.

— Стараюсь подавать хороший пример самому себе.

— Почему у вас так дрожат руки?

— А у вас не дрожали бы руки, если бы смертельная опасность грозила Паше?

— Да, думаю, дрожали бы... Что это за шрам у вас на щеке?

— Нечто вроде сувенира. След от ожога от 2-омикрон-vii.

Несмотря на различие двух ситуаций, он невольно вспоминает о Наиси Но-Ку и о словах, сорвавшихся с его губ, когда она глазела на его шрам. Им вновь овладевает тот же порыв. И, словно Старый Мореход, он ощущает потребность время от времени излагать кому-то свой «назидательный рассказ».

— Его оставил еще не полностью умерший кит, когда я впервые отправился в космос. Излучение 2-омикрон-vii еще и ослепило меня. Я был абсолютно слеп целых два года. Затем я услышал, что на Ренове-1 есть хирург-офтальмолог, тот, умеющий подсаживать искусственную сетчатку. И я отправился к нему. Восстановив зрение, я стал Ионой.

— Чтобы расквитаться.

— Да. Я разрушил ганглии тридцати двух китов. Вышиб им мозги. Сквитался.

— Если вы так сильно их ненавидите, почему же вас так заботит участь этого кита?

— Теперь я больше не испытываю к ним ненависти. Разглядывая тридцать второго, я увидел на нем лицо — знаешь, как иногда люди с Земли видят лицо на Луне. Лицо, увиденное мною на этой «луне», было моим собственным.

— И вы прекратили убивать их.

Старфайндер кивает.

— Я устроился реконструктором на Орбитальные верфи Фарстар-Четыре. Я работал внутри этого кита, только что преобразованного в корабль и, как естественно полагали все работавшие там, мертвого, когда он установил со мной контакт. Оказалось, что у него два ганглия, а обработавшие его Ионы знали только об одном из них. Не уверен, но я подумал, что он вот-вот должен был начать деление, когда его загарпунили, и что разрушение первого ганглия прервало процесс репродукции. То есть он как

бы стал собственным потомством. Я никогда не спрашивал его об этом и никогда не спрошу, потому что он осведомлен о моих мыслях не хуже, чем я сам, и сам добровольно просветил бы меня, если бы считал, что я вправе это узнать. В любом случае, вернемся к тому, как я впервые сделал это открытие. Я тогда сказал киту, что готов восстановить его второй ганглий, поврежденный при уничтожении первого, если он заключит со мной договор о праве пожизненного его удержания. Он согласился. У него не было особого выбора.

— Чистый эгоизм, — замечает Сили. — Неслыханный эгоизм.

— Но я не *принуждал* его связывать себя договором.

— Подумаешь. Вам следовало предложить ему партнерство, а не превращать его в своего раба. А затем вы вдвоем должны были начать защиту всех прочих китов от интриг и козней человечества. То, что мы с Пашой собираемся сделать для звездных угрей.

— Именно так поступают все герои и героини романтической литературы, несомненно, — говорит Старфайндер. — Но в реальной жизни это не работает. Борьба за недостижимые цели — пустое занятие. Кит знает это не хуже меня.

— Вы циник, — говорит Сили. — Почему?

— Болезнь возраста.

— Но вы еще не такой старый. Да вам наверняка еще нет пятидесяти!

— Мне всего лишь тридцать три!

Сили хихикает.

— Купились.

Старфайндер улыбнулся.

— Туше! — И продолжает: — Когда я работал на верфях Фарстар-Четыре, я был, в общем, таким же рабом, как и ты. Но когда кит предложил мне заключить договор, я увидел в этом нечто большее, чем просто шанс получить свободу. Кит — нечто большее, чем просто космический корабль, он еще и машина времени. Отзови Пашу, и мы поднимемся на борт кита и нанесем визит ко двору короля Артура. Заглянем к Чарлзу Доджсону, пишущему «Алису в Зазеркалье». Будем наблюдать, как Армстронг делает свой первый шажок по Луне.

Сили печально трясет головой.

— Я знаю, киты замечательные создания, Старфайндер. Я читала о них. Но я не могу отозвать Пашу, нет. Впервые с тех пор, как я освободила его, он пополняет свой запас энергии. Ведь мо-

гут пройти столетия, прежде чем отыщет своих обычных «хозяев», а ему надо дожить до этого.

Не теряя присутствия духа, Старфайндер производит перегруппировку сил и перемещается в точку напротив левого фланга противника.

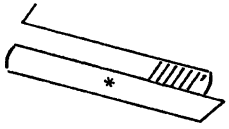
— Я могу понять, почему ты так к нему привязана, — лукаво замечает он. — Это удивительнейший корабль. Чего я никак не пойму, так это каким образом удалось его перестроить, не уничтожая его ганглий.

— Ха! — восклицает Сили. — Вижу, вы ничегошеньки не знаете о звездных угрях. Как можно уничтожить ганглий, если у них нет ганглиев? Обычно ловцы угрей сначала морят их голодом, а затем переправляют на верфи. С Пашой все было иначе. Реконструкторы заказали живого угря, с тем чтобы провести свой «благородный эксперимент», и ловцы угрей поймали его с помощью кошек и крюков. После того как его доставили на верфи, реконструкторы «прожгли» себе путь внутри его, добрались до психомоторного ядра, которое соответствует ганглию кита, но вовсе не является его точной копией, и подсоединили «экстензоры» к главным моторным центрам. Затем эти экстензоры были выведены на установленную тем временем панель управления и подсоединены к целому ряду переключателей. После этого любой за управляющей консолью получил возможность простым нажатием на определенные кнопки заставлять Пашу выполнять все его прихоти. Когда я похитила Пашу, мы быстро стали друзьями и я отсоединила все экстензоры от переключателей. Я просто не могла оставить его рабом. Сейчас он выполняет все, что я велю.

— Но не сводится ли это к тому же, что было прежде?

— Разумеется, нет! Ведь теперь, если он не захочет подчиниться, он может это себе позволить. А прежде не мог. И я не связывала его никаким соглашением вроде того, что вы заключили с вашим китом!

Вдруг в сознании Старфайндера возникло страдальческое изображение:

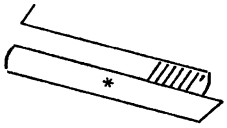
Отклонение фигуры от горизонтали, если толковать его буквально, должно было бы указывать на то, что кит ныряет в про-

шлое и уносит угря с собой. Но Старфайндер знает, что отклонение в данном случае указывает на то, что кит быстро слабеет.

Но он не чувствует тревогу. Теперь он знает, как прогнать звездного угря и спасти жизнь киту. И, разумеется, Девушке со звезд. Потому что в глубине души он считал, что Девушка со звезд не умерла, а лишь заснула... в ожидании поцелуя, который вернет ее к жизни. И если передний край его сознания не обманешь, то он все равно знает, что до тех пор, пока он держит ее рядом с собой, всегда есть шанс, пусть призрачный, однажды каким-то образом воскресить ее на Фарстар****.

И уничтожить сознание вины, терзающее его день и ночь, и изгнать из чрева кита Джона Ячменное Зерно.

По изумленному лицу Сили он принимает, что кит спроецировал символ

и в ее сознание, не только в его. Ради блага обоих, и Сили, и левиафана, Старфайндер говорит:

— *Отключи все вспомогательные системы, кит. Сбрось среднюю температуру внутренних помещений до двадцати пяти градусов по Фаренгейту.* — Затем, чтобы киту не показалось, что он намерен бросить его, продолжает: — *Поддерживай внутри стандартную гравитацию и нормальное атмосферное давление. И еще,* — быстро добавляет он, — *поддерживай существующую температуру в рефрижераторе носового трюма.*

Но изумление еще не исчезло с лица Сили.

— Так он разговаривает с вами, Старфайндер? С помощью картинок?

— Да. А как с тобой разговаривает Паша?

— Он не разговаривает. Просто делает все, что бы я ему ни велела.

— Тогда вели ему освободить кита.

— Нет.

— Тогда мне придется *принудить* его к этому.

— Не получится. Он не подчинится никому, кроме меня.

Старфайндер поднимается из-за стола.

— Нет, получится, Сили. Теперь я знаю, как это сделать.

Голубые глаза округляются — она осознает смысл этого «теперь». Затем быстро зажимает рот рукой, как будто хочет остановить слова, уже сорвавшиеся с языка. Он уже убедился, что дверь кладовой ведет в *тупик*. Он живо подходит к двери, ведущей в столовую, заходит внутрь, закрывает и запирает ее за собой. Прощальный взгляд, который он бросает на Сили, подтверждает, что она по-прежнему сидит за столом, прикрыв рот рукой. Он находит странным такую замедленную реакцию. Она не кажется ему тупой или недалекой. Напротив, его поразила ее сообразительность.

Во времена Старфайндера, а именно в дни погони за прибылью, мужчины и женщины, работавшие на строительстве космических кораблей или занятые очисткой и реконструкцией космических китов и звездных угрей, славились вовсе не широтой творческих способностей. По-видимому, в глубине сознания каждого из них существовал некий универсальный чертеж, точно отображающий, как именно следует спроектировать корабль. Поэтому отыскать кабину управления угрем Старфайндеру было лишь чуть сложнее, чем откатить бревно.

Панель управления производит сильное впечатление — многочисленные ряды кнопок, круговых шкал, измерительных приборов и многоцветных сигнальных ламп тянутся от палубы до потолка. Более того, она столь изобретательно встроена в передний шпангоут, что кажется неотделимой от него. Но Старфайндера не озадачивает ни кажущаяся сложность панели, ни кажущаяся недоступность ее тыльной стороны. По всей вероятности, к экстензорам подключено всего несколько приборов, и ни одну панель управления еще не лишали возможности доступа к ней ремонтников с тыла.

Вскоре его опытный глаз вычленяет ту секцию панели управления, где у измерительных приборов пустые шкалы, а циферблаты похожи на фальшивые заглушки. Ее основание вплотную прилегает к палубе, а в ее верхнем правом углу есть красноречивая царапина. Ему требуется лишь несколько секунд, чтобы найти замаскированную защелку, а еще через минуту он вытаскивает эту секцию и ставит ее сбоку от панели. Затем он заползает внутрь через квадратное отверстие и встает на ноги. Он в небольшой кабине, вырезанной во внутренней волокни-

стой ткани угря и освещаемой лишь его же внутренней фосфоресценцией.

Эта фосфоресценция значительно бледнее той, какую излучает внутренняя ткань кита, но достаточно яркая, чтобы при ней видеть. Он сразу обнаруживает экстензоры. Их пять; они выходят из отверстия в основании шпангоута и, волнообразно извиваясь, тянутся по палубе. Насколько он понимает, это вполне обычные импульсные кабели с расщепленным концом. Один синий, один желтый, один зеленый, один красный и один черный. Корпуса выключателей, от которых Сили их отсоединила, — соответствующих цветов.

Теперь оторвать Пашу от «насиженного места» — раз плюнуть.

Импульсные кабели используют принцип Атчисона-Рея, и маловероятно, что именно эти под напряжением. Но такая возможность существует. Придется рискнуть. Подавшись вперед, он касается красного кабеля. Ни малейшего пощипывания. Он берет кабель в руки. Тот около дюйма в диаметре и удивительно гибкий, удивительно мягкий, удивительно гладкий. Такой гладкий, что фактически выскальзывает из рук и падает на палубу.

Он снова поднимает его. Кажется, что кабель извивается в его руке. Старфайндер уже готов бросить его на пол, на этот раз по собственному желанию, когда кабель вдруг обвивается вокруг его правого запястья.

Он на опыте узнает, какая невыполнимая задача — пытаться вытащить «Вейканцер» .39 одной левой рукой. Он не успевает даже прикоснуться к кобуре, а второй экстензор, зеленый, уже всползает по его левой ноге и обхватывает левое запястье.

Синий кабель тем временем стягивает его правую лодыжку.

Желтый выбирает левую.

Теперь ему понятно, почему Сили зажала рот рукой. Не для того, чтобы удержать слова. Для того чтобы сдержать смех.

После того как она отсоединила экстензоры, угорь, желая точно знать, что больше никогда не станет рабом, превратил их в протезные щупальца, с помощью которых теперь защищался. До Старфайндера дошло. Ему следовало догадаться об этом раньше.

Что же касается Сили, она все знала с самого начала. Возможно, она обнаружила это случайно — или отследила. В любом случае, она знала и, зная, позволила Старфайндеру отправиться в Самарру, ни словом не предупредив его.

Без сомнения, она также знала — знает, — сколько есть путей, чтобы выбраться с камбуза, не пользуясь дверью столовой. Возможно, Паша даже способен открыть для нее эту дверь. Возможно, он уже так делал.

Может быть, она даже известила его о намерениях Старфайндера. «Взять его! — вероятнее всего, сказала она. — Он типичный никчемушный представитель *haute bourgeoisie!*».

Никогда не следует недооценивать детскую сообразительность или способность детей быть жестокими.

Черный кабель, извиваясь, поднимается, по правой ноге Старфайндера, обвивает живот, грудь и наконец шею.

В свои предыдущие посещения Самарры он умудрялся в последнюю минуту избегать Смерти, ныряя в темный переулок или скрывшись в толпе на базарной площади. Но на сей раз подходящего переулка нет, а базарная площадь абсолютно пуста.

Черное кольцо на его шее стягивается туже. У краев поля его зрения начинает сгущаться краснота, она продвигается внутрь, словно кто-то закрывает занавес после спектакля. Пьеса называется «Старфайндер и звездный угорь»; рев в его ушах — овации. Вот и огни в зрительном зале гаснут один за другим. Публика расходится, и наконец остается лишь одна театралка, девочка с коротко подстриженными волосами и глазами синими, как полевые цветы, что растут на пасторальных холмах к югу от Сверца. Она сидит в первом ряду с побелевшим лицом, сразу за меркнущими огнями рампы.

— *Отпусти его, Паша. Отпусти!*

Щупальца ослабляют хватку, отпадают. Старфайндер оседает на колени. Он чувствует, как мягкие пальцы массируют ему горло и... непонятную мягкость у своей щеки. Что-то теплое, мокрое мелкими каплями падает ему на лоб. Он слышит далекий голос:

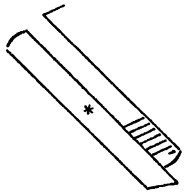
— Старфайндер, Старфайндер, я вовсе не хотела, чтобы он причинил тебе вред. Ох, Старфайндер, я так рада, что с тобой все в порядке!

Они сидят, привалившись спинами к шпангоуту с вырезанной в нем нишей.

— Могла бы предупредить, — шепчет Старфайндер. — Успела бы до того, как я закрыл дверь.

— Мне показалось, забавно, что ты думаешь, будто можешь опять подключить Пашу. И еще, пожалуй, мне хотелось преподать тебе урок. Я-то знала, что могу легко выйти из камбуза — Паша может открыть любую дверь на корабле. Я... я даже и подумать не могла, что ты сумеешь так быстро найти отсек управления.

В сознании каждого из них вновь появляется все тот же мучительный ребус, на этот раз — под более острым углом:

Да, кит, я знаю.

Удивление вернулось на лицо Сили.

— Что это за звездочка, Старфайндер?

— Она обозначает его ганглий.

— Ага.

Молчание. Потом:

— Он говорит тебе, что умирает, да?

— Да.

Опять тишина. И:

— Он очень сообразительный, Старфайндер?

— Он не просто сообразительный. Он почти как человек. Трудно поверить, что у кита могут быть человеческие качества, но у него они есть.

— Хотя... хотя я только мельком видела его, прежде чем Паша напал, он показался мне по-своему красивый.

— Он на самом деле красивый.

— ...И внутри тоже?

— Да. Хочешь рассмотреть?

— ...Разумеется.

В чреве кита холодно. Так холодно, что они видят свое дыхание. Фосфоресцирующее свечение, излучаемое стенами и потолком, совсем потускнело.

Скрывая нетерпение, Старфайндер устраивает своей гостье грандиозную экскурсию. На это требуется время, но это единст-

венный известный ему способ спасти кита. Он показывает ей изысканную столовую, безукоризненный камбуз и сияющие чистотой отдельные каюты. Он сопровождает ее на прогулке по гидропонному саду. Они осматривают движущую ткань кита. Он показывает ей место, где расположен его напоминающий открытую топку желудок, чьи толстые стенки спасли кита от горелки реконструктора. Она спрашивает, где же у кита пасть, и он объясняет, что у него нет пасти, и что он заглатывает свою «пищу» посредством процесса, сходного с осмосом или односторонней диффузией. Они ненадолго задерживаются в кают-компании, Сили пьет шипучий вишневый напиток, украдкой поглядывая на экран времени. Они заходят в гравитационный отсек, на станцию рециркуляции и в отсек контроля атмосферы. Он позволяет ей заглянуть в каждый из трюмов, кроме одного. Наконец по носовому трапу они поднимаются на мостик, где в центре экрана все еще маячит Мета-3.

— Поистине прекрасный корабль, — говорит Сили Блё.

— Кит.

— Да. Кит. Знаешь, — замечает она, — иногда я делаю такую же ошибку по отношению к Паше. Думаю о нем как о корабле. И мне всегда становится стыдно, ведь он такое же живое существо, как я.

— Иногда я точно так же думаю и про кита, — сказал Старфайндер.

— И тебе тоже стыдно?

— Да.

— Удивительно, что представитель *haute bourgeoisie* столь благородно сентиментален.

— Я не их представитель. Никогда им не был.

— Это все объясняет. — Она вдруг смотрит ему в глаза. — Если я отзову Пашу, ты можешь гарантировать, что кит не причинит ему вреда?

— Уверен, нет, Сили. Особенно, если я велю ему не делать этого.

Она поворачивается к обзорному экрану и впивается взглядом сквозь бесконечность в бледное пятно Мета-3. Она кажется очень маленькой, на этом мостике, очень тонкой, очень хрупкой. И страшно одинокой. Она шепотом отдает команду, которую мысленно передает в психомоторное ядро угря, и эти едва слышные слова растворяют тишину, словно саваном окутавшую мостик:

— Освободи его, Паша. Отпусти его.

Тишина снова сгущается. Она напоминает черную тишину, которая словно саваном окутывает кита и оседлавшего его «всадника». Девочка и мужчина неподвижны. Обзорный экран — как черный холст, на котором космический художник изобразил остров-вселенную.

Вскоре кита сотрясает дрожь, похожая на ту, что вырвала Старфайндера из сна, но не такая сильная. После того как она утихает, на экране возникает огромный темный силуэт, заслоняя собой пятно Мета-3. Паша отделился от своей жертвы и устремился вперед, дожидаться хозяйки.

Теперь чрево кита заполняет стрекочущий рев. Это рев энергии 2-омикрон-vii, хлынувшей в движущую ткань левиафана с удвоенной скоростью поглощения — своего рода прелюдия к гигантскому скачку скорости.

Намерение кита более чем очевидно.

— *Нет, кит!* — орет Старфайндер. — *Нет!*

Но кит уже не слышит. Первобытная ярость бурлит в его ганглии, течет сквозь шпангоуты и палубы. Это уже не корабль-кит; это реинкарнация его далеких предков, космический зверь, пылающий древней яростью: квинтэссенция мести. Превратив остатки своей энергии в один последний, свирепый удар, он бросается на врага.

Угорь разворачивается бортом к киту. Он отчаянно пытается уйти с пути безжалостной, неумолимой силы, которую осмелился сделать своей добычей. Движущая сила кита за несколько секунд утроилась. На экране обзора неясно вырисовывается ближний «борт» Паши; он по-прежнему, увеличивается. Внезапно слышен пронзительный скрежет раздираемой металлосодержащей ткани. Он сопровождается сильнейшей головокружительной дрожью. Старфайндер обхватывает одной рукой вертикальную стойку, другой рукой удерживая Сили: у них на глазах Паша разлетается на части. В пространство вырывается энергия 2-омикрон-vii, на миг окрашивая экран в голубой, затем вспыхивает слепящий белый свет. Сили пронзительно кричит. Бортовые телескопы мостика отражают вспышку белого света — это разъединяющиеся половинки Паши проносятся мимо. Кормовые телескопы тут же отображают пылающую массу.

Кит замечает далекий рой метеоритов. Он нацеливается на него и приступает к кормлению.

* * *

Сили не может оторвать взгляд от экрана. Теперь он пестреет дальними звездами... Брызгами, оставленными кистью космического художника.

— Паша, — шепчет она. И снова шепчет: — Паша...

Наконец она отворачивается от экрана. Высвобождается из кольца руки Старфайндера и заглядывает ему в глаза.

— Ты сказал...

— Я никогда и помыслить не мог, что он поведет себя подобным образом, Сили. Он уже давно кажется мне почти человеком. Но, может быть, это и есть ответ. Он не только кажется человеком, он и *есть* человек. И, чисто по-человечески не справился с атавистическим порывом.

Она начинает плакать. Плечи не дрожат; она не содрогается всем телом. Это самое ужасное в ее плаче. Она стоит неподвижно, эти страшные слезы текут без конца, словно ее печаль — неиссякающий ключ.

— Паша был для меня всем.

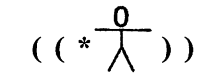
Один из этапов ее жизни внезапно завершен. Она не может перейти на следующий, не пострадав, если не будет взята верная психологическая нота. Старфайндер прекрасно знает это, но он глух ко всяким нотам, и не может взять нужную.

— Всем, что у меня есть.

Старфайндер по-прежнему не говорит ни слова. Он словно манекен в магазине одежды. Как деревянный индеец, стоящий перед табачной лавкой.

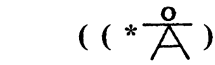
Кит завершил питание. Он отменяет ограничения расхода энергии, наложенные человеком. На мостик постепенно вползает тепло. Слышен отдаленный грохот — снова ожила система рециркуляции.

Затем устанавливается тишина. Долгая. Наконец и в сознании Старфайндера, и в сознании Сили возникает ребус:

Кит очевидно раскаивается. Пытается подмазаться к человеку. Старфайндер трясет головой. *Не выйдет, кит.*

Обретает форму очередной ребус:

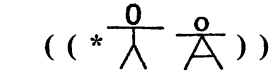

Сили во все глаза смотрит на Старфайндера. Слезы чудесным образом иссякли.

— Что он имеет в виду, Старфайндер?

— Он имеет в виду, что ты его «друг». Он пытается извиниться за то, что сделал.

Появляется и третий ребус:

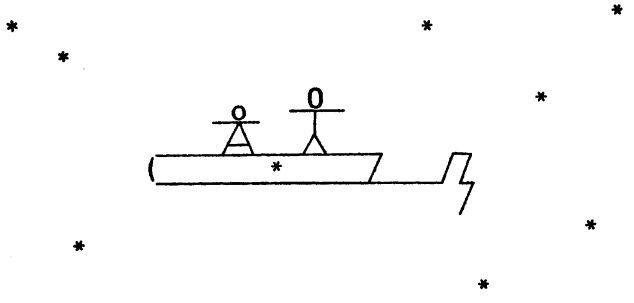
Старфайндер снова переводит:

— Теперь он говорит, что мы оба его «друзья». Что он, ты и я — три товарища.

На лице Сили снова появляется удивленное выражение. Оно не затмевает печаль, поселившуюся в ее голубых глазах-цветах, но начало — положено. В один прекрасный день ее придется возвратить, на Мааркен-Стар******, к ее *haute bourgeoisie*, к ее родителям. Но не сейчас. Нескоро. Ей требуется лечение, которое может обеспечить только кит...

И понимание, на которое способен лишь уравновешенный и здравомыслящий компаньон.

Кит, который, похоже, знает все на свете, несомненно, понимает и это.

«говорит» он им, и три товарища пускаются в плавание по Океану и .

Одновременно где-то хлопает дверь. Нет, не дверь... шлюз причального отсека. Звук, сопровождающий отбытие Джона Ячменное Зерно из чрева кита.

Глава 6. Haute bourgeoisie

— Мне кажется, Старфайндер, — объявляет однажды вечером Сили Блё, не сводя васильковых глаз с временно́го экрана в кают-компании кита, — что несоразмерно большая часть истории Земли связана с людьми, пересекающими или преодолевающими что-то. Моисей пересек Красное море, Александр Великий пересек Геллеспонт, Ганнибал пересек Альпы, Юлий Цезарь перешел Рубикон, Колумб пересек Атлантический океан, Бальбоа пересек Истмус в Панаме и вот, смотри, Сэмюэл Джонсон пересекает Иннер-Темпл-лейн.

— Не тебе ворчать и жаловаться, — говорит Старфайндер. — У какой еще девочки с Ренессанса, да и с любой другой планеты земного типа была возможность изучать историю Земли глазами космического кита?

— Я не жаловалась. Просто облекаю свои проницательные наблюдения в вербальную форму.

И добавляет.

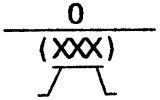
— Эй, смотри! Доктор Джонсон чуть не упал!

— С ним все будет в порядке, — заверяет Старфайндер. — Еще пара-тройка ступеней, и он доберется до входной двери.

— Он про себя считает их, ручаюсь.

— Кто бы сомневался.

Судя по схематичной, словно составленной из палочек фигурке, появившейся в их сознании, кит весьма невысокого мнения об алкогольных пристрастиях доктора Джонсона. Несомненно, его отношение окрашено недавним пристрастием Старфайндера к Джону Ячменное Зерно.

— Не слишком-то вежливо, Чарлз, — замечает Сили. «Чарлз» — имя, которое Сили дала киту. — В конце концов, именно доктор Джонсон составил первый английский словарь, а

этот сноб, лорд Честерфильд, палец о палец не ударил. Доктор Джонсон заслужил право ненадолго отклониться от своей общественной деятельности. Вот *мое мнение!*

— Как бы там ни было, домой он добрался, — сообщает Старфайндер, после того как дверь дома номер 1 по Иннер-Темпл-лейн затворяется за объектом их наблюдения. — Еще несколько минут, и наш доктор спокойно ляжет в постель. Кстати о постели...

Печаль омрачает тонкие черты Сили, туманит ее васильковые глаза.

— Нельзя ли настроиться еще на одну временную координату, Старфайндер? Ты же знаешь, сегодня моя последняя ночь на борту космического кита.

— Ты обещала, что Иннер-Темпл-лейн будет последним просмотром.

— Я знаю. Но люди на грани отчаяния склонны обещать что угодно. Тем более что совершенно не важно, во сколько я встану завтра утром. Ты сам говорил, что собираешься попросить Чарлза выйти в пространство в районе Ренессанса ровно через три недели после того, как я украла... через три недели после моего исчезновения. Так что неважно, сколько он будет оставаться в прошлом, в будущем пройдет столько же времени чуть-чуть на нырок.

— Может, и так, но чем дольше ты остаешься на борту кита, тем сложнее тебе будет вернуться. Кроме того, твои родители наверняка места себе не находят.

— Но сколько бы я ни оставалась в прошлом, сильнее это их уже не обеспокоит. Конечно, если они *вообще* беспокоятся.

Старфайндер вздыхает. Он знает, когда проиграл.

— Хорошо, но только одна картинка. Что ты хочешь посмотреть?

— Не что. Кого. Я хочу увидеть Элизабет Баррет в ту пору, когда она еще жила в доме номер 50 по Уимпол-стрит. До того, как она вышла замуж за Роберта. Когда она сочиняла свои «Сонеты».

— И в каком же это было году?

— В 1845 от Рождества Христова, — ответила Сили. — Весной, кажется.

Старфайндер снова вздыхает.

— Трудновато будет настроиться, но я попробую. — Он обращается к киту: *«Тот же город, весна 1845 года новой эры, кит.*

* * *

Сили Блё подается вперед к экрану — там обретает резкость более недавний Лондон. На экране по-прежнему Иннер-Темпл-лейн. Еще более мрачная, чем 82 годами раньше. Задача в том, чтобы добраться отсюда до Уимпол-стрит — задача, решать которую предстоит Старфайндеру лично: сложность новой панели управления такова, что работать с ней может только он.

Старфайндер опускается на колени перед экраном и принимается за работу. Он понятия не имеет, где эта Уимпол-стрит. Иннер-Темпл-лейн переходит в Уайтчепел — будущие охотничьи угодья Джека-Потрошителя. Старфайндер терпеливо продолжает настройку. Бэкингем-плейс, Бейкер-стрит (*Бейкер-стрит?*), Банхилл-роу... Только по чистой случайности он наконец натыкается на нужную улицу, после чего ему уже не составляет труда настроиться на дом номер 50.

Сили в своем кресле подается еще ближе к экрану. День близится к вечеру — а может быть, это раннее утро — скорее, первое, поскольку по улице то и дело проезжают кэбы и кареты. Старфайндер продолжает вращать ручку точной настройки. Постепенно в поле зрения появляется кухня (обычные стены, разумеется, не препятствие для ВАК кита). В кухне дородная кухарка стоит у нелепой чугунной плиты, где в большом чугунном горшке кипит, булькая, какое-то кушанье (обонятельный спектр кита ограничен, что в данный момент, вероятно, хорошо). Старфайндер настраивает экран на хозяйский кабинет. За письменным столом — суровый, аскетичный пожилой мужчина разбирает пачку бумаг. Потом на экране появляется гостиная, где развалясь сидят двое молодых людей. Потом на экране внезапно появляется жилая комната, где в кресле устроилась красивая женщина лет тридцати, ее ноги укрыты пледом.

— Это она, Старфайндер! — восклицает Сили. — Это Ба! Ты нашел ее, Старфайндер. Нашел!

Старфайндер возвращается к своему креслу и усаживается перед обзорным экраном. Сили еще подается вперед.

— Но она ничего не пишет, Старфайндер, — замечает Сили, — просто сидит в кресле и ничего не делает. Почему она не сочиняет свои «Португальские сонеты»?

Старфайндера подмывает ответить, что если бы им довелось увидеть любую другую женщину среднего или даже более чем среднего достатка и любой эпохи, они, вероятно, обнаружили бы,

что она сидит и ничего не делает, но прикусывает язык. Во-первых, Элизабет Баррет калека; во-вторых, бессмысленно портить ясноглазого ребенка своим цинизмом, — никакой практической пользы от этого не будет.

Вскоре они обнаруживают, что глаза у Элизабет Баррет закрыты. Более того, ее грудь опускается и поднимается с красноречивой размеренностью. В пятне полуденного солнца у ее ног лежит обложкой вверх раскрытая книга, явно выскользнувшая у Элизабет из рук.

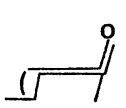
— Знаешь что? — говорит Старфайндер. — Мне кажется, она спит.

— Да нет же! Как ты мог подумать такое! Разве может Элизабет заснуть над книгой стихов Роберта?

— Почему ты решила, что это книга стихов именно Роберта?

— А *чьи* еще стихи она может читать? Ведь через год она выйдет за него замуж!

Кит того же мнения, что и Старфайндер. Он замечает:

— Эх *вы!* — восклицает Сили.

— Ладно, не важно, спит Элизабет или нет, — подытоживает Старфайндер, — я отлично знаю кое-кого еще, кому пора спать.

Сили медленно встает из кресла. Неодобрительно поглядев на него, она демонстративно поворачивается к нему спиной и уходит с мостика. Потом, внезапно обернувшись, стрелой подлетает к нему, чмокает в щеку и, шепнув на ухо: «Спокойной ночи», — убегает в свою каюту. Эта каюта находится прямо напротив каюты Старфайндера — реконструкторы предназначали ее для первого помощника — Сили с некоторых пор называет ее «моя комната».

После ухода Сили Старфайндер еще довольно долго ощущает на щеке ее поцелуй, но совершенно к этому безразличен. Он не может себе позволить расчувствоваться из-за влажных поцелуев невинных юных дев, переполняемых любовью и преданностью — ведь стоящая перед ним задача требует холодной объек-

тивности, которой не достичь, если он будет позволять себе отвлекаться на глупые сантименты.

Проблема, если выразиться просто, такова: как отмазать Сили от похищения корабля-угря стоимостью около десяти миллионов долларов и неумышленного его уничтожения.

И неважно, что виновник фактического его уничтожения кит. Ни один законный суд и не подумает привлечь к ответственности кита, да и в любом случае Старфайндер не позволит этому конкретному киту пойти под суд.

Как бы то ни было, Сили, совершившая кражу, виновна с точки зрения закона Ренессанса (который, если только не отличается коренным образом от закона, что преобладающего на всех прочих заселенных землянами планетах, берет начало в древнем Риме) в том, что произошло после. Независимо от того, есть смягчающие обстоятельства или нет.

Действительная работа правосудия на Ренессансе — загадка для Старфайндера, но он не думает, что девочку накажут за эту грандиозную кражу. Ведь, в конце концов, ей всего лишь двенадцать.

Тем не менее кто-то должен возместить убытки Компании по реконструкции угрей (КРУ).

Старфайндер беден как церковная мышь. Даже собственный кит-корабль — не его.

Несомненно, родители Сили — люди довольно обеспеченные, и у них есть необходимая сумму на счету в городском банке Кирта — Нью-Бедфорда в области создания звездных угрей и штаб-квартиры Орбитальных доков. Но откуда им взять 10 миллиардов долларов? Как, если уж на то пошло, если Сили все-таки пойдет под суд, они смогут найти астрономическую сумму, необходимую, чтобы нанять адвоката, достаточно ловкого и опытного, чтобы он дал Сили хотя бы призрак надежды избавления от угрозы тюрьмы?

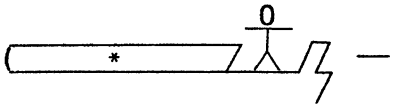
Проблема? Никакой проблемы. Это глухая кирпичная стена. Четырехмерная кирпичная стена, которая прихлопнет тебя, стоит только попытаться перелезть через нее, обойти ее или устроить под нее подкоп. Даже в том случае, если ты попробуешь протаранить ее насквозь.

Но в распоряжении Старфайндера есть необходимая четырехмерная кувалда под названием «космический кит».

Он выключает обзорный экран, возвращается в свою каюту и заказывает «гардеробу» костюм, который бы не привлекал особо-

го внимания в тех «где» и «когда», в которые он собирался отправиться. Из потайного ящичка своего письменного стола он достает пару телекинетических костей — одну потерял кто-то из реконструкторов, а другую он нашел в углу кают-компании. Из того же ящика он достает платиновый браслет, который купил, чтобы подарить Глории Уиш после их «бракосочетания». Убрав и кости, и браслет в карманы, он пересекает коридор и заглядывает в каюту к Сили. Та крепко спит. Кит притушил фосфоресценцию стен в «ее комнате», как делал каждую ночь, с тем чтобы девочка не просыпалась раньше времени. Кит присматривает за ней денно и нощно, словно любящая нянька. Он способен переполошиться, если она, не дай бог, ударится обо что-то носком ноги, а однажды, когда ей приснился плохой сон, даже разбудил крепко спавшего Старфайндера и приказал ему — *приказал* ему — пойти и посидеть около койки Сили, чтобы девочка успокоилась.

Он осторожно затворяет за собой дверь, проходит к носовому трапу и поднимается на мостик. Поскольку успех его плана зависит и от точного хронометража, он решает воспользоваться компьютером. Тот не более эффективен, чем кит, но кит способен подпадать под влияние эмоций и по этой причине в конечном счете менее надежен. Прежде чем приступить к делу, он вкратце излагает свой план киту. Затем, получив от него в знак одобрения такой вот символ:

— передает ему через компьютер указание нырнуть и выйти на поверхность в пяти сотнях миль от побережья Кирта (достаточно далеко от обращающихся вокруг планеты мертвых звездных угрей, конверсионных доков и орбитальных станций Корпорации) в момент времени, когда Кирт был маленьким городком, а конверсия звездных угрей еще только зарождалась. Затем он составляет программу, которая задает для нырка момент, когда он отбывает в «Старейнджере», а для всплытия на поверхность — ту же точку пространства и момент времени на месяц Ренессанса позднее.

Теперь он готов к отправлению. Но почему тогда, спускаясь по носовому трапу, он спускается до конца, до самой нижней палубы? Почему сейчас медлит у наружной двери носового трюма?

Он держал эту дверь на замке с тех самых пор, как на борту появилась Сили. Это кодовый замок. Старфайндер набирает нужное сочетание цифр, толкает дверь от себя и входит... Букет синих цветов, лежащий у ее ног, завял. Звездчатые лепестки этих «печальниц» осыпались на палубу. Он подбирает букет, выносит из трюма и бросает в трубу для удаления отходов. Потом идет к корме и в гидропонном саду срезает новый букет. Вернувшись в трюм, он кладет букет к ее ногам. Затем смотрит ей в лицо, долго глядит на замерзшие слезы на ее щеках. Возможно, Джон Ячменное Зерно и покинул борт кита и никогда не вернется, но чувство вины, которое он якобы смягчил, никуда не девается — вина, и любовь, идущая с ней об руку. *Почему ты плачешь, любимая? Почему ты плачешь, дорогая?..*

Это никуда не годится. Человек, похитивший кита, берет себя в руки. Он покидает трюм, закрывает и запирает за собой дверь. Он следует прямиком в причальный отсек и забирается на борт «Старейнджера». Впереди хлопотная ночь.

— Старфайндер, ты какой-то усталый, — говорит Сили, усаживаясь за стол, чтобы позавтракать тарелкой кукурузных хлопьев. — Ты что, плохо спал?

Подкрепившись второй чашкой кофе, Старфайндер заказывает себе тост и омлет из синтетических яиц. На обзорном экране висит Мааркен, напоминая блестящее рождественское украшение на черных ветвях космической ели. Внизу под ними незаметно вращается вокруг своей оси Ренессанс, его дневная сторона залита зеленовато-золотистым светом с искрами синевы. Орбитальные доки поблизости от ночной стороны напоминают полукруг мерцающих брелоков.

— Откуда эти «гусиные лапки» в уголках твоих глаз? — спрашивает Сили после того, как Старфайндер ничего ей не отвечает. — Вчера вечером их не было.

— Не знал, что у меня возле глаз морщинки.

— Тем не менее они есть.

Старфайндер энергично воздает должное своим тосту и омлету из синтетических яиц. На нем новая с иголочки капитанская форма. На левой стороне груди его куртки имелось семь рядов разноцветных ленточек, к каждой ленточке была прикреплена ничего не значащая, но весьма эффектно выглядящая медаль. Эполеты вполне соответствовали остальной позолоте и стилю как

в блеске, так и во всем прочем. Довершением всему была бело снежная фуражка. «Омлет» на околыше фуражки, лежащей на столе у его локтя, очень напоминает омлет из синтетических яиц, который поглощает Старфайндер.

Доев, он заказывает третью чашку кофе. Сили таращится в обзорный экран. На ней все то же платье цвета хаки, в котором она явилась на борт, — «гардеробы» китов нельзя запрограммировать на производство детской одежды. Платье линялое от многочисленных стирок и тесное, но не оттого, что село, а оттого, что Сили набрала вес.

— Ты будешь навещать меня, когда меня посадят в тюрьму, Старфайндер?

— Никто никуда тебя не посадит, Сили. Все уже улажено.

Она словно не слышала.

— По крайней мере мне сохранят жизнь. То-то мать с отцом позлорадствуют. «Значит, стащила 10 миллиардов? — скажет отец. — Так тебе и надо!»

— Сили, никто не посадит тебя в тюрьму!

— *Haute bourgeoisie* — они такие, понимаешь? Им наплевать на своих детей. Они способны думать только о полутора ставках за сверхурочную в субботу и о двойной оплате в воскресенье.

— Сили, послушай...

— Отец такой алчный, что выходит на работу в каждые субботу и воскресенье, когда только возможно. И так угождает начальству... На каждое Рождество отвозит начальнику смены ящик виски.

— Сили, у меня нет выбора. *Я должен* доставить тебя домой.

— Я знаю. Я должна выплатить свой долг обществу.

— Твой долг перед обществом тут ни при чем. Тем более что ни о каком долге речи больше нет. Но я все равно обязан доставить тебя домой. Ты должна жить с родителями, общаться с детьми своего возраста. Ты не можешь расти и взрослеть на космическом ките, где некому составить тебе компанию, кроме космического бродяги и раздолбая вроде меня.

Сили плачет. Ее ложка одиноко торчит из миски с хлопьями. Ее стакан молока стоит нетронутый возле сахарницы с искусственным сахаром.

Старфайндер славится умением успокаивать расстроенных детей. Он сидит за столом в своей ослепительно белой капитанской форме, словно увешанный медалями чурбан.

Положение спасает кит. Со своей обычной прямотой и откровенностью он делает вот что:

(* . . . . . .), — говорит он.

— Я знаю, Чарлз, — шепчет Сили. — Я знаю, что мы всегда останемся друзьями, как бы далеко в пространстве и времени не разбросала нас судьба. — Она утирает глаза платком и встает из-за стола. — Я готова, Старфайндер. *Я люблю тебя, Чарлз*, — добавляет она. — *До свидания.*

Их шлюпка садится на просторном заднем дворе загородного дома рядом с открытым бассейном. Утро еще не наступило, в воздухе отчетливо пахнет скошенной травой.

— Где мы, Старфайндер? Чей это дом?

— Мой, — отвечает Старфайндер.

Сили выпучивает глаза. Дом трехэтажный, под куполом, с множеством окон. За домом гараж на две машины. Вокруг дома — подъездная дорожка, устремляющаяся вниз по травянистому склону к недалекой роще, где вливается в главное шоссе. На несколько миль вокруг нет никаких других зданий — только поля и деревья. В отдалении видны огни города Кирта.

Старфайндер открывает створки ворот гаража и вталкивает шлюпку внутрь, устраивая ее рядом с большим черным лимузином. Сили помогает.

— Полагаю, сейчас ты скажешь, что эта машина тоже твоя?

— Одна из них. Другую я одолжил своему адвокату.

— Ты меня морочишь, Старфайндер. Откуда у тебя есть собственный загородный дом и два лимузина в придачу, если ты только что впервые ступил на землю Ренессанса?

— А с чего ты взяла, что впервые?

Сили охает.

— Ты сюда впрошлился!

Старфайндер кивает.

«Впрошлился» — слово, которое они выдумали, чтобы обозначить физическое посещение минувших времен в отличие от наблюдения за ними на экране.

— И не раз. Я хотел рассказать тебе за завтраком, но ты не желала слушать. Пошли в дом.

Как только они подходят ближе к дому, внизу автоматически зажигается подсветка ступеней. Высокий худощавый мужчина в пижаме, халате и шлепанцах встречает их у черного хода, через который они входят в просторную, отлично освещенную кухню.

— Это Артур, мой управляющий, — представляет мужчину Старфайндер. — Артур, это моя племянница Сили Блё.

Артур кивает. Зевает.

— Я услышал, как кто-то открывает дверь гаража, и решил, что это, наверное, вы. — Он снова зевает. — Пойду досыпать.

— С каких это пор я стала твоей племянницей? — шипит Сили, после того как Артур выходит из кухни.

— Две недели назад, когда я породнился с твоей семьей.

Она смотрит на него в упор. Трясет головой.

— Старфайндер, ты супер! Возьми с полки пирожок.

— Кстати о пирогах. Я просил Артура купить нам к завтраку пирог.

Он смотрит на цифровые кухонные часы. 4:57.

— Господи, еще только пять утра. Я забыл, что время кита и время Ренессанса не вполне совпадают и что мы прибудем до завтрака.

— А причем тут пирог?

— Ну, обычно пирог до завтрака не едят, и...

— Но я уже позавтракала.

Старфайндер вздыхает. Ему нет никакого смысла подчеркивать, что хотя, с одной стороны, она завтракала, но все равно сейчас слишком рано для пирога, и он молчит. Он находит пирог в одном из кухонных шкафов и ставит на середину стола. Из холодильника он достает пакет молока и водружает на кухонный стол вместе с тарелкой, стаканом, вилкой и ножом. Они с Сили садятся за стол друг против друга. Пирог шоколадный с сахарной глазурью. Сили отрезает огромный кусок и перекладывает его на свою тарелку.

— А ты, Старфайндер? Не будешь?

— Нет.

Старфайндер задумчиво смотрит в большое панорамное окно, возле которого стоит стол. На востоке горизонт уже нежно розовеет — светает. Город Кирт вырисовывается зубчатым силуэтом на розовом. Некоторое время Старфайндер смотрит на город, потом переводит взгляд на Сили. Та, покончив с пирогом, теперь с вниманием и восторгом смотрит на него во все глаза, навострив уши.

— Прежде всего, Сили, с этой минуты ты можешь называть меня «дядя Джон». Как ты, наверное, знаешь, на Ренессансе человек с достаточными средствами и без семьи может породниться с другой семьей, если та не возражает, и получить статус «дядюшки». Две недели назад через моего адвоката я породнился с твоей семьей. Затем мой адвокат известил твоих мать и отца, что я владелец угря, похищенного тобой, и что, преследуя тебя на другом своем корабле, космическом ките, я случайно врезался в угря и уничтожил его, подвергнув твою жизнь опасности. Мне якобы удалось тебя спасти. Финал пришлось выдумать, поскольку благодаря ему то, что я породнился с твоей семьей, выглядит как возмещение непредумышленного морального ущерба — вполне достоверно. Равным образом становится понятно, почему я отказался выдвинуть против тебя обвинение в воровстве, хотя при данных обстоятельствах Орбитальные доки наверняка откажутся выплатить мне страховку.

Мой адвокат сообщил твоим родителям, что сейчас ты в полном здравии и очень скоро я доставлю тебя домой. Формально все я провернул еще из космоса, перемещаясь в пространстве со скоростью меньше скорости света; на самом деле я, разумеется, обстряпал все это, когда впрошлился.

Сили смотрит на Старфайндера во все глаза.

— Значит, Паша был твоим угрем?

Старфайндер кивает.

— Да, но только со вчерашнего вечера. До тех пор я об этом понятия не имел.

— Но каким образом тебе удалось приобрести звездного угря стоимостью десять миллиардов долларов?

— Я начал с того, что бросил пару телекинетических костей, сначала продав браслет, чтобы было, что поставить. Свой выигрыш я вложил в «Космопром» — так тогда назывались Орбитальные доки — и устроил все таким образом, чтобы дивиденды выплачивались специальному трастовому фонду для моего «сына». Все это мне удалось устроить, поскольку в Кирте нет закона против наследования текущей доли в компании. После этого через двадцать лет я появился снова, уже в качестве собственного «сына», инвестировал дивиденды в еще большее количество акций «Космопрома» и основал второй трастовый фонд для следующего своего «сына», ну и так далее, пока «Космопром» не превратился в Орбитальные доки, а я не разбогател. Конечно, все это подло и низко, но в некоторых случаях цель оправдывает

средства. В самый первый раз, чтобы объяснить современникам свое исчезновение, я выдал себя за космического моряка. Потом я сыграл роль капитана космического кита. В настоящее время меня зовут не просто Джон Старфайндер, а Джон Старфайндер IV. Этот дом принадлежит «семье Старфайндеров» уже нескольких поколений. Артур — последний в долгой череде смотрителей; должность также передавалась из поколения в поколение. Я нанял Артура тогда же, когда нанял Ральфа.

— Ральфа?

— Моего шофера. Ты не находишь, что было бы странно, имея пару лимузинов, не иметь при этом шофера?

— Да, наверное. — Сили глубоко вздыхает. — Послушай, Старфайндер...

— Дядя Джон, — поправляет он.

— Дядя Джон, ты проделал все это, пошел на совершенно фантастические вещи только ради того, чтобы *избавить меня от тюрьмы?*

— Не думаю, что тебе пришлось бы сесть в тюрьму, Сили.

— Все равно. Ты все это сделал потому, что не исключал этого?

— Надо было еще, чтобы твои родители ничего не узнали.

— Но если тебе удалось все это проделать, Старфайндер...

— Дядя Джон.

— Но, если тебе удалось все это проделать, дядя Джон, почему ты просто не сделал так, чтобы я *вообще не крала* Пашу? Чтобы он по-прежнему был жив?

Старфайндер долго молчит, не находя ответа. Он снова в чреве кита, стоит перед гробницей Девушки со звезд, не сводя взгляда со слез, которые она пролила так давно. Его собственные слезы невидимы. *Если бы я только мог решить* ***ее*** *судьбу. Если бы я только мог устроить так, чтобы* ***она*** *была жива, а не безвозвратно мертва...*

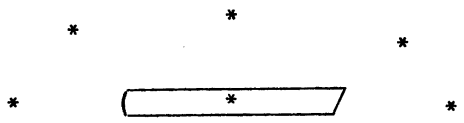
— Время — жалкий скупец, Сили... Скупец, ворующий пенни прошлого. Можно добавить несколько пенни в его кубышку, но нельзя украсть ни одного. А если ты попытаешься, то сразу обожжешь пальцы. Я сделал лучшее, что мог, — получил контроль над Орбитальными доками, приобрел права на Пашу и породнился с твоей семьей.

Он смотрит в окно на нарождающийся день. Розовый свет, заливающий восточную часть горизонта, побледнел и высоко заливает небо. Прямо под ним появилась шафраново-желтая поло-

са. Зазубренный силуэт Кирта стал более четким и одновременно приобрел зловещий вид.

Старфайндер связывается с китом, облетающим планету по стационарной орбите. *«Как дела, кит, все в порядке?»*

Ответ немедленно материализуется в сознании и его, и Сили:

Да, все в порядке.

— Пойдем, Сили, я покажу тебе дом. Потом, как только твой завтрак получит шанс перевариться, мы сможем искупаться в бассейне. По утрам это очень приятно. Я купил тебе сногсшибательный купальник. Искупаешься, наденешь что-нибудь из обновок, а остальное упакуешь в чемодан. Когда явится Ральф, я попрошу его подогнать машину к парадному входу и мы выедем пораньше.

Разрезая носом пригородный поток машин, большой черный лимузин сворачивает направо, потом налево. Потом опять направо. Общество Ренессанса в большой степени атавизм — возврат к Северной Америке середины двадцатого века. Подобные атавизмы часто встречаются на колонизированных землянами планетах, и чаще всего представляют собой следствие схожести возраста и ощущения начала большого пути. Ни для кого не секрет, что на Ренессансе не было индейцев, чтобы с ними бороться, однако были растения схожей природы, которые требовалось укротить — и которые, разумеется, укротили.

Ральф снова поворачивает направо.

— Ты уверена, что дала Ральфу правильный адрес, Сили? — спрашивает девочку Старфайндер. — Кажется, мы ездим кругами.

Сили в лазурном платье, голубом беретике с белым помпоном и сандалиях на платформе держит на коленях маленькую белую сумочку.

— Мы едем правильно, дядя Джон. Разве я могла бы за три с хвостиком недели забыть, где живу, даже если мне этого очень хотелось бы? — Заглянув через плечо Ральфа, она добавляет. — Вон мой дом, дядя Джон. Прямо впереди. Такой прямоугольный.

Это определение ничем не помогает — все дома на улице «такие прямоугольные». Но Ральф без труда выбирает подъездную дорогу, заезжает на нее и паркуется перед небольшим домом красно-коричневого цвета под красной крышей. Если у Старфайндера и есть сомнения по поводу того, верную или нет они выбрали подъездную дорожку, то литая алюминиевая табличка, помещенная на видном месте — на лужайке неподалеку от подъездной дорожки, устраняет их:

«СЕМЬЯ БЛЁ».

Узкая бетонная дорожка ведет от подъездной дороги мимо большой клумбы к переднему крыльцу. На крыльце стоят только что вышедшие из дома мужчина и женщина. Оба примерно ровесники Старфайндера. Мужчина коренаст, широкоплеч, с небольшой бородкой. Он в рабочей одежде. Женщина стройна, и на первый взгляд ее глаза как две капли воды похожи на глаза Сили. Женщина в укороченном домашнем платье из материи с рисунком — горшочки, чередующиеся со сковородами.

Сили, которая с тех самых пор, как они отъехали от загородного дома Старфайндера, впервые открыла рот всего несколько минут назад, коротко охает, выскакивает из машины и бежит через лужайку. Мужчина и женщина бросаются ей навстречу, и еще через мгновение они все втроем обнимаются.

Старфайндер ощущает слабый укол зависти, но очень слабый. Выдержав вежливую паузу, он выбирается из лимузина, достает чемодан Сили и с чемоданом в руках, обогнув клумбу, огороженную низкой сетчатой изгородью, идет туда, где стоит троица, и представляется. Его первое впечатление от мистера и миссис Блё таково: оба пучеглазые. Только потом он вспоминает, что на нем по-прежнему капитанская форма, а эти люди наверняка никогда не видели столь ослепительного одеяния.

По всей улице на порогах своих домов стоят люди и глазеют на них. В одном или двух дворах на лужайках играют малыши; старшие дети, по-видимому, в школе.

Миссис Блё целует Старфайндера в щеку. Мистер Блё пожимает ему руку.

— Мы очень благодарны вам за то, что вы решили породниться с нами и доставили нашу дочурку обратно в целости и сохранности, — серьезно говорит мистер Блё.

— Благодарю от всего сердца, — добавляет миссис Блё.

— Я только что с работы, — объявляет мистер Блё. — На этой неделе я в ночную. После смены я обычно выпиваю пару пива. Вчера этот кретин Скичи Кроуэл настучал на меня, мол, я слишком много работаю сверхурочно, и начальник смены велел мне взять выходной, так что сегодня я парой не ограничусь. Не составите мне компанию, дядя Джон?

— Конечно, я выпью с вами пива, — отвечает Старфайндер.

— Милдред, открой-ка нам пару больших пузырей, да похолоднее.

— Я сделаю кое-что получше, — хихикает миссис Блё, удаляясь в сторону дома. — Я открою три бутылки.

Мистер Блё и Старфайндер отправляются следом. Сили, оставшись на лужайке одна, спешит за ними. Старфайндер уже собирается подняться на крыльцо, когда кто-то сзади трогает его за плечо. Обернувшись, он видит, что это Ральф, шофер.

— Да, Ральф?

— Вы забыли пригласить меня, сэр.

— Пригласить *тебя*? Пригласить тебя куда?

— С вами.

— Он имеет в виду, — поясняет мистер Блё, — что согласно правилам и постановлениям профсоюза личных шоферов, в случае, если шоферу предстоит ждать дольше пяти минут, с ним автоматически должны обращаться так же, как с его нанимателем.

— Но *я* не могу пригласить его в *ваш* дом, — возражает Старфайндер.

— Что значит не можете? Он член профсоюза, не так ли? Вы можете приглашать его *куда угодно*. Да где вы жили все эти годы, дядя Джон?

Старфайндер понял, что попал впросак. Появление рабочего человека на мировой арене Ренессанса — относительно недавнее достижение, а он не смог потратить достаточно времени в настоящем, чтобы полностью ознакомиться со всеми его результатами. Наглость Артура раз или два приводили его в замешательство, но всякий раз он списывал это за счет вспыльчивости вызванной, возможно, начинающимся циррозом или больным зубом.

Сили спешит прийти ему на помощь.

— Стар... дядя Джон очень много времени проводит в космосе. Вы же знаете, он капитан космического кита. Едва ли можно ожидать, что он будет следить за всеми новшествами в привиле-

гиях наемного персонала, особенно если учесть, что в космосе они неприменимы.

— Полагаю, нет, — задумчиво отвечает мистер Блё.

— Ральф, не хотите выпить с нами пива? — спросил Старфайндер.

— Ничего не имею против.

— Милдред! — орет с крыльца мистер Блё, — открывай еще пузырь, большой, да похолоднее — для нашего друга Ральфа!

Трое мужчин усаживаются в гостиной Блё: мистер Блё — в удобное кресло, Старфайндер — на диван, Ральф — на десятифутовую софу. Комната славная, на окнах кружевные занавески, в глубине помещения — лестница. Сверх уже упомянутых предметов обстановки в комнате есть длинный низкий кофейный столик, два журнальных столика, горка с безделушками, два торшера, две настольные лампы и пуфик. Почти всю стену занимает огромный голографический экран. Над полкой электрокамина висит картина в романтическом духе — Армстронг делает свой первый шажок по поверхности Луны. По непонятной для него самого причине, Старфайндеру это почему-то напоминает о старинной картине, которую он когда-то видел, под названием «Вашингтон переходит реку Делавер».

Из правой кулисы появляется миссис Блё с четырьмя пластиковыми бутылками пива в руках. Она передает одну бутылку Ральфу, другую — Старфайндеру и третью — мужу; потом, чего, оставив четвертую бутылку себе, присаживается на софу рядом с Ральфом. Все это время в уголке гостиной стоит Сили. Она смотрит сначала на отца, потом на мать, потом опять на отца, потом снова на мать, но никто из них как будто бы не сознает ее присутствия, словно забыли. Наконец она берет свой чемодан, который Старфайндер поставил у дивана рядом со своей капитанской фуражкой, и скрывается наверху.

Старфайндер хочет попросить у миссис Блё стакан, но видит, что и чета Блё, и Ральф пьют прямо из бутылок. Вспомнив свой недавний промах, он торопливо отпивает глоток из горлышка своей бутылки. С тех самых пор, как он устроился в гостиной, Старфайндер ждет, когда кто-нибудь спросит про шрам от 2-омикрон-vii на его щеке. Наконец шрам замечает мистер Блё.

МИСТЕР БЛЁ. Жуткий шрам у вас на щеке, дядя Джон. Ножевая рана?

СТАРФАЙНДЕР. Ожог от 2-омикрон-vii. Заработал на ките, который оказался недобитым.

МИСТЕР БЛЁ. Нельзя доверять этим чертовым китам, я всегда говорю.

РАЛЬФ. А почему вы капитан на ките, а не на угре?

СТАРФАЙНДЕР: Я родом с Фарстар-Четыре, там занимаются реконструкцией космических китов.

Ральф уже успел залпом осушить бутылку. Теперь он легонько постукивает пустой тарой по кофейному столику. Миссис Блё вскакивает, стремительно бросается на кухню и возвращается с четырьмя полными бутылками. Тем временем вниз спустилась Сили.

МИСТЕР БЛЁ. Я знаю, что это, вероятно, не мое дело, дядя Джон, но этот угнанный моей легкомысленной дочерью угорь, который случайно столкнулся с вашим китом, должно быть, обошелся вам в кругленькую сумму. А вот в какую именно, осмелюсь я спросить?

СТАРФАЙНДЕР. Около десяти миллионов.

МИССИС БЛЁ (*подаваясь вперед*). И вам заплатят страховку?

СТАРФАЙНДЕР. Сомневаюсь. Обычно выплаты по происшествиям вне Тысячемильной зоны ограничиваются ущербом, причиненном метеоритами. Да ну и хрен с ним.

РАЛЬФ. Грязная капиталистическая свинья! (*Обращается к миссис Блё.*) Принеси-ка еще пивка, Милдред! (*Миссис Блё отправляется на кухню.*)

СТАРФАЙНДЕР (*кричит в спину миссис Блё*). Мне не надо, мэм, у меня еще две полные бутылки.

РАЛЬФ. Что, дядя Джон, зазорно пить с простыми трудягами?

СИЛИ (*собирает пустые бутылки*). Пить с такими придурковатыми халявщиками, как ты, ему уж точно зазорно. Ты и ботинки ему чистить не сгодишься.

МИСТЕР БЛЁ. Сили!

МИССИС БЛЁ (*возвращается с кухни с тремя бутылками пива*). Сию же минуту извинись перед нашим гостем, засранка!

СИЛИ. Он ваш гость, не мой. (*Выбегает на улицу*).

МИССИС БЛЁ (*распределяя бутылки*): Это все те ужасные книги, которые она читает. Они делают ее такой.

СТАРФАЙНДЕР. Книги?

МИСТЕР БЛЁ: Те, что запретило Содружество. Она берет их в подпольной библиотеке и читает тайком.

МИССИС БЛЁ: Вот поймаю ее за чтением одной из них, она у меня раз навсегда отучится читать!

РАЛЬФ: Покажите мне ребенка, который читает книги, и я докажу вам, что это плохой ребенок. На раз!

СТАРФАЙНДЕР. Пойду-ка подышу воздухом.

На улице на ярком утреннем солнце он вытирает лоб форменным носовым платком, который положен к форме, и надевает капитанскую фуражку. Он глубоко вздыхает... Еще минута, и он бы...

Лучше не думать об этом.

Старфайндер оглядывается по сторонам. Сили нигде не видно.

В некотором отдалении на улицу вторгается зелень — вероятно, парк. Скорее всего, Сили там.

Он находит Сили на зеленой скамейке, кольцом опоясывающей высокое раскидистое, тенистое дерево. В руках Сили вертит маленькую веточку, которой чертит на траве исчезающие узоры. В своем лазурном платье она похожа на кусочек неба, отломившийся и спланировавший на землю.

С хрустом ступая по гравию, он подходит к скамейке и садится рядом с Сили. Некоторое время он сидит и молчит, не зная, что сказать. Сили тоже довольно долго молчит. Потом, не глядя на Старфайндера, говорит:

— Что ты думаешь о моих любящих родителях, Старфайндер?

— Цинизм тебя не красит, Сили.

— Я знаю. Но мне больше нечего надеть.

Он пробует научный подход.

— Главная составляющая любой культуры — тенденция большинства ее представителей мыслить единообразно и единообразно вести себя, подчеркнуто превознося собственное невежество. Такие люди тем не менее образуют основу любого стабильного общества. Без них цивилизация немыслима.

— Кому нужна такая цивилизация?

— Возможно, это не утопия, но и не антиутопия. Ты несправедлива.

— Ты не понимаешь, Старфайндер. Ты разбогател, когда почти всем приходилось упорно протаптывать дорогу к экономическому процветанию и безопасности, и все равно ты ничего не понимаешь.

Сили теперь смотрит на него. Серьезно.

— Если бы *haute bourgeoisie* просто были фундаментом, волноваться было бы не о чем. Но они — это и стены, и потолок, и крыша. Их профсоюзы до того сильны, что как они скажут, так и будет. Как если бы рабы свергли феодальное право, но при этом остались рабами, как если бы батраки прогнали землевладельца, но все равно остались батраками; как если бы матросы завладели кораблем, но все равно остались бы на нем обычными матросами.

— Без матросов корабль утонет.

— Пусть уж лучше утонет.

Старфайндер вздыхает.

— Не уверен, что этот разговор нас куда-нибудь приведет, Сили.

— Я знаю. Мы говорим о помидорах, а разговор на самом деле про картошку.

— Я официально передал свой загородный дом твоим родителям с условием, что они завещают его тебе. Кроме того, я учредил для тебя трастовый фонд без каких-либо ограничений или условий, так что когда ты подрастешь, то сможешь стать кем захочешь, *haute bourgeoisie* или нет, неважно. Можешь даже писать стихи, если почувствуешь к этому склонность. Я дал распоряжение моему адвокату продать оба лимузина и положить все деньги, за вычетом его комиссионных, на счет на твое имя.

Сили снова принимается чертить на траве. Старфайндер ждет, не скажет ли она что-нибудь еще, но Сили молчит, тишину в парке нарушает только пронзительный голос матери на соседней скамейке, отчитывающий одного из своих отпрысков.

Внизу за грудиной возникает ноющая боль, по всем признакам напоминающая язву двенадцатиперстной кишки, но не имеющая к ней никакого отношения. И снова он прибегает к ученому тону:

— В любом демократическом обществе, Сили, рано или поздно образуется правящая верхушка, истеблишмент, и ценности этого истеблишмента неизбежно создают особую приправу к социальному супу. Истеблишмент Ренессанса — это рабочий класс; но поверь, если бы истеблишмент состоял из буржуазии, ситуация была бы немногим лучше, а то и хуже.

Его слова кажутся пустыми даже ему самому.

— Ты все еще говоришь о помидорах, дядя Джон.

Сили отбрасывает в сторону веточку и встает со скамейки.

— Думаю, нам лучше вернуться. Родители, наверное, уже волнуются, куда это я подевалась. Ты, наверное, успел заметить, я их зеница ока.

Они покидают парк и идут по улице прямоугольных домов — бок о бок, но между ними парсеки. У дорожки, ведущей к крыльцу Блё, они останавливаются. Утренний свет Мааркен-Стар превращает клумбу перед домом в многоцветную усладу взора. Точно такая же — у соседнего дома. Точно такая же — в каждом дворе на этой улице.

— Зайдешь, дядя Джон?

Старфайндер качает головой.

— Передай родителям мое «до свидания» и скажи Ральфу, что я готов ехать.

— Хорошо.

Она решительно встает перед ним и наконец смотрит ему в глаза. Несмотря на вес, который она набрала в чреве кита, в ней есть некая хрупкость. Кажется, будто она слабо покачивается на утреннем ветерке.

— До свидания, дядя Джон. Передай Чарлзу, что я попрощаюсь с ним попозже.

— Хорошо.

В следующий миг она рыдает в его объятиях.

— Ох, Старфайндер, я была такой вредной, а я ведь не хотела быть такой! Я знаю, что ты не мог не привезти меня домой, я знаю, что ты не можешь посадить себе на шею двенадцатилетнюю нескладуху, и ни в чем тебя не виню. Я знаю, сколько ты сделал для меня, и знаю, что мне никогда, даже за тысячу лет, не вернуть тебе этот долг. Я знаю, знаю, знаю, Старфайндер, и я люблю и тебя, и Чарлза, и, пожалуйста, когда я вырасту, пожалуйста, прилетайте за мной!

Она поворачивается, взбегает по ступенькам крыльца и скрывается в доме. «Язва» Старфайндера обостряется. Он сгибается чуть не вдвое. Краем глаза он видит поля, небольшие холмы и деревья, все зеленое и сочное — и все это вдруг медленно плывет прочь, растворяется, блекнет и постепенно исчезает, оставив после себя только голую безжизненную землю.

Из дома появляется Ральф, спускается с крыльца, чуть пошатываясь пересекает лужайку и осторожно начинает забираться в лимузин. Старфайндер подходит и хлопает Ральфа по плечу:

— Вы слишком пьяны, чтобы вести машину, Ральф, — говорит он.

Ральф оборачивается и смотрит мутным взглядом.

— От пива невозможно опьянеть. В пиве градусов считай нет. Жажду ут'ляет и все.

— Не люблю пьяных, — говорит Старфайндер. — Я сам когда-то пил, поэтому они мне тем более неприятны. И в особенности мне не нравится, когда напиваются пивом. Эти люди — лицемеры, неряхи и болтуны.

— Грязная капиталистическая свинья! — выкрикивает Ральф и, размахнувшись, бьет куда-то в сторону Старфайндера.

Старфайндер разворачивает его, толкает на лужайку, пинает башмаком в зад, и Ральф, растопырив руки, летит ничком в цветы на клумбе семейства Блё. Старфайндер возвращается к лимузину, садится за руль, задним ходом выкатывается с подъездной дорожки и едет в сторону своего загородного дома, где ему еще предстоит завершить свои дела.

На душе у него чуть легче, но не слишком.

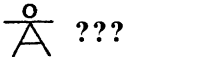
«Уходим с орбиты, кит, — командует Старфайндер. — *Ныряем в прошлое»*.

Кит не отзывается.

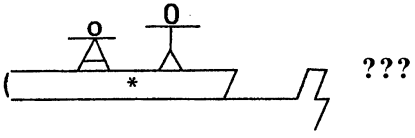
Старфайндер — он стоит на мостике, готовый к отлету, — повторяет телепатическую команду: *«Ныряем в прошлое!»*

Кит не реагирует.

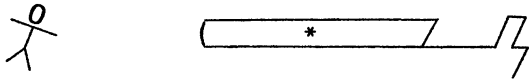
Старфайндер готов повторить приказ в третий раз, и тут в его сознании возникает картинка:

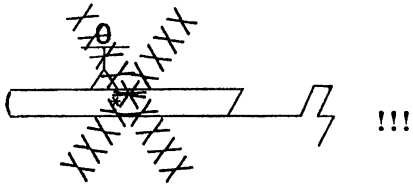
«Кит, ты прекрасно знаешь, где она. Она остается на Ренессансе. А теперь хватит упрямиться, уйди с орбиты!»

«Что сделано, то сделано, кит. Теперь мы остались вдвоем. Два товарища вместо трех. Уходим с орбиты!»

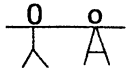
Старфайндер ошеломлен. *«Ты не можешь подразумевать это, кит. Мы друзья, не забыл? А кроме того, мы заключили договор!»*

«Черт подери, кит! Ты что же, хочешь, чтобы я похитил ее?»

Молчание.

«Даже если бы я решился на это, ей нужен не только отец. Ей нужна и мать».

Старфайндер швыряет капитанскую фуражку на палубу. Теперь он не просто в ярости — «язва двенадцатиперстной кишки» совсем его доконала! *«Ну ладно, кит, Хватит! Раз уж так вышло, что я богат как Рокфеллер и у меня есть там, внизу, загородный дом и половина акций компаний Ренессанса...»* Потом он вспоминает, что официально передал загородный дом семейству Блё, что бóльшую часть его богатств потребовала покупка звездного угря и что на оставшееся он основал трастовый фонд для Сили и теперь снова беден — беден как церковная мышь.

Более того, без помощи кита ему не сколотить новое состояние.

А станет он это делать, даже если у него будет такая возможность?

Купит он, если представится такая возможность, новый загородный дом, чтобы обосноваться в нем и всю жизнь прожить среди *haute bourgeoisie*?

Скорее уж он согласится обосноваться среди Человекообразных Обезьян Колосса**********.

У Сили выбора нет. По крайней мере, пока она несовершеннолетняя.

К тому времени, возможно, будет уже поздно. К тому времени она сама может стать Человекообразной Обезьяной.

Ее родители, конечно, не Человекообразные Обезьяны, но тревожно близки к ним.

Почему он отказывается смотреть в глаза жесткой правде? Почему не хочет признать тот факт, что им не нее наплевать, всегда было наплевать и всегда будет?

Потому ли, что выход один — похитить ее?

Вряд ли. Это похищение равняется спасению.

Потому ли, что жизнь внутри кита, в Океане Пространства-Времени, лишит Сили возможности получить нормальное образование?

Вряд ли. Рядом со всеми богатствами прошлого, с его музыкой, живописью, литературой, драмой, философией, науками, со всем этим, брошенным к ее ногам, — нет. Она сможет выбирать между китом и буквально любыми образовательными возможностями.

Он мог бы даже водворить на борт целую женскую школу, если это потребуется для ее нормального воспитания. Для этого понадобятся только деньги, но с помощью кита он способен сколотить в любой момент сколь угодно большое состояние.

Панорама того, что они с китом могут сделать для нее, развертываясь перед ним, ослепляет. Она с самого начала была здесь, просто он упорно отказывался видеть ее.

Почему?

Почему он притворялся, будто ее нет? Будто, высаживая Сили на уединенном острове обширного архипелага пространства-времени, он действует в ее интересах?

Почему?

Почему он избавился от единственного в его жалкой жизни существа, которое действительно его любило?

Потому что боялся причинить ей вред?

Нет. Если допустить такую возможность, Девушка со звезд помешала бы ему сделать это. Она его защитница и защитница Сили.

Тем не менее, она — истинная причина того, что он избавился от Сили, разве нет?

Наконец он смотрит правде в глаза: он избавился от живой девушки, чтобы остаться наедине с мертвой.

Его чувство к мертвой девушке не имеет ничего общего с некрофилией. Правда, что глядя на нее, он видит мертвую женщину. Но он любит не ее мертвое тело, а то полное жизни существо, которым она, должно быть, была до того, как он явился и убил ее.

В любом случае она мертва, и он ставит ее интересы выше интересов Сили, что не только нелепость, но и безумие.

Он вздыхает. *Полагаю, кит, что мне пора перейти свой Рубикон. Пересечь свой Геллеспонт, свои Альпы, свое Красное море.*

Он сажает «Старейнджер» во дворе Блё, сшибив на землю претенциозную алюминиевую табличку и уничтожив остатки клумбы. Потом колотит во входную дверь и, когда полусонная миссис Блё наконец отворяет, врывается в гостиную и мчится по лестнице на второй этаж. Он без труда находит комнату Сили. Она спит на своей узкой кровати. Подушка мокра от слез. Старфайндер подхватывает ее на руки, хватает ее неразобранный чемодан и уносит ее прямо в пижаме вниз по лестнице через гостиную на крыльцо и через разоренную клумбу — к «Старейнджеру». За его спиной только что проснувшийся мистер Блё орет:

— Эй, космический бродяга, верни дочуру!

— Украл ребенка! — взвизгивает миссис Блё.

— Не искушайте судьбу, — кричит в ответ Старфайндер. — Теперь у вас есть загородный дом и еще трастовый фонд, который тоже перейдет к вам, не говоря уж о солидном сберегательном счете, который я открыл на имя вашей дочери!

Оба молчат.

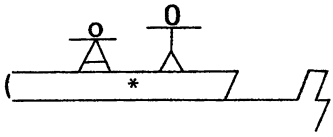
Старфайндер поднимает «Старейнджер» в космос. Поразительно, но его «язву» как рукой сняло. Сили окончательно просыпается только, когда они уже на полпути к небесам.

— Старфайндер, ты вернулся!

Вскоре над ними появляется кит, огромный силуэт на фоне звезд. Старфайндер заводит шлюпку в док, и они идут на мостик.

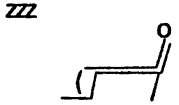
«Ну что, кит, ***теперь*** *мы можем уйти с орбиты? Теперь ты нырнешь?»*

Внизу слышны знакомые потрескивания: это в движущую ткань поступает энергия 2-омикрон-vii. Скрипят шпангоуты — кит готовится к рывку с орбиты. В сознании обоих путешественников снова возникает знакомый символ:

Кит вырывается на свободу. А через мгновение ныряет.

— Мне кажется, — говорит Старфайндер, père et mère*, возглавляя шествие в кают-компанию, — что мы могли бы выпить по стаканчику апельсиновой шипучки, а уж потом идти на боковую. И, пожалуй, посмотреть, как там обстоят дела у старушки Ба с ее «Сонетами».

«замечает» кит.

— Ах ты, — говорит Сили Блё.

Глава 7. Роза

В следующие недели — «китовые недели», потому что, когда кит ныряет, реальное время останавливается, — Сили и Старфайндер большую часть часов бодрствования проводят перед временным экраном. Делать больше нечего. Они наблюдают, как Писарро побеждает Атауальпу; как Ксенофонт безопасно перевел Десять Тысяч через реку Кентрит. Смотрят, как Бен Франклин запускает бумажного змея, и как Деганавида отправляется в своем Белом каноэ основывать Лигу Пяти Наций, и как Сэмюель Джонсон пишет письмо Честерфилду. Они видят, как Буфалло Билл убивает буйвола и как Джон Хэнкок подписывает Декларацию независимости. Они даже слушают из первоисточника восемнадцать утраченных минут из записей Никсона. Еще они обнаруживают, что сэр Уолтер Рэли шепелявит. И что настоящей причиной затворничества Эмили Дикинсон** было то, что она страдала от облысения.

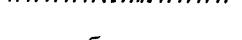
* Отец и мать (*фр.*).

** Писарро Франсиско — испанский конквистадор, разграбил и уничтожил государство инков.

Приходит время, и Старфайндер понимает, что несмотря на все разрозненные, обрывочные сведения и исторические даты, которыми Сили бессистемно набивает голову, ее сидение час за часом перед временным экраном ничуть не лучше сидения перед головизорным кубом. Конечно, ее компенсаторное существование опирается на реальные события и реальных людей, но оно тем не менее опосредованно и никак не соответствует жизни, которую следовало бы вести здоровой молодой девушке. Сили необходимо и физически, и умственно быть вовлеченной в жизнь, и ему пора либо перенести на борт кита школу для девочек, либо отослать Сили на несколько месяцев в одну из таких школ.

Но не тут-то было.

Символ, который появляется однажды ночью в его сонном сознании, напоминает один из тех, которые кит придумывал, умирая на Орбитальных верфях Фарстар****:

Старфайндер боролся, выбираясь наверх по крутому склону сна. Символ не исчезает до тех пор, пока темная долина сна не остается далеко внизу. И даже исчезнув, иероглиф остается в его сознании подобно следу на сетчатке глаз.

Атауальпа — верховный инка, в 1532 году взят в плен испанскими колонизаторами и казнен, несмотря на уплату установленного выкупа.

Франклин Бенджамин — американский государственный деятель, и естествоиспытатель, один из авторов Декларации независимости (1776) и Конституции (1787).

Лига Пяти Наций — имеется в виду союз ирокезских племен Северной Америки (конец 16 века)

Хэнкок Джон — один из лидеров освободительной борьбы английских колоний в Северной Америке.

Роли (Рэли) Уолтер — английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций, поэт, драматург, историк, фаворит королевы Елизаветы I, один из участников разгрома испанской Непобедимой Армады, обвинен в заговоре против Якова I, заключен в Тауэр, казнен после неудачной экспедиции в Северную Америку.

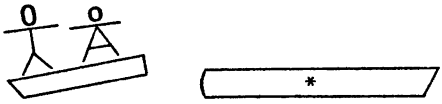
Дикинсон Эмили — американская поэтесса. Лирика (опубликована посмертно в 1890 году) отталкивается от идей трансцендентализма, проникнута трагизмом и скепсисом.

Он точно означает только одно: с ганглием кита что-то случилось.

Старфайндер садится на койке и ставит ноги на палубу. Ровная фосфоресценция стен и потолка успокаивает его, хотя он и знает, что ее нельзя считать надежным индикатором «здоровья» кита, что хотя колебания проявляются иногда у умирающих китов, внутреннее пространство мертвых китов фосфоресцирует точно так же, как у живых и здоровых.

В чем дело, кит?

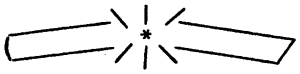
Ответ, который он получает, ставит его в тупик:

Кит хочет, чтобы они с Сили покинули корабль!

Почему, кит? Почему?

Следующий символ заставляет его вскочить:

Он быстро натягивает штаны и рубашку, влезает в тапочки и торопливо пересекает коридор. Он очень сильно сомневается, что кит собирается «взорваться», и еще сильнее сомневается, что тот может знать об этом заранее, даже если это и должно случиться. Но он знает и другое: кит не требовал бы от него покинуть корабль вместе с Сили, если бы дела не были непоправимо плохи.

Дверь в каюту первого помощника приоткрыта. «Первый помощник» уютно устроился под одеялом и крепко спит при бледном свете, до которого кит убавил фосфоресценцию в каюте. Сили со Старфайндером бодрствовали до двух часов ночи, смотрели Национальный демократический конгресс 1996 года, и теперь она спит мертвецким сном. Он не будит ее — подхватывает вместе с одеялом, прихватив платье, которое она сняла, ложась спать, и отправляется в причальный отсек. Она просыпается, только когда они добираются до «Старейнджера».

— Куда мы отправляемся, Старфайндер? Что-то случилось?

Она сидит рядом с ним в ночной рубашке и трет глаза, прогоняя остатки сна. Ее вопрос должен бы подсказать ему — раз

этого не сделал ее крепкий сон, когда он вошел в каюту первого помощника, — что символ, которым кит разбудил его, и два следующих были транслированы только в его сознание. Кит определенно не хотел волновать ее.

Старфайндер тоже не хочет ее волновать.

— У Чарлза что-то случилось с ганглием, Сили. Уверен, что ничего серьезного. Но он считает, что мы, возможно, в опасности, и хочет, чтобы некоторое время мы держались подальше от него.

Она не покупается на это.

— Когда кто-то заболевает, его нельзя бросать. Нужно быть рядом с ним.

— Но здесь совсем другой случай. Мы не так много знаем о космических китах, чтобы судить, чем чреваты подобные случаи.

— Ты говоришь об этом самом 2-омикрон-vii... о нем?

— Да... возможна некоторая утечка.

— Не верю. И, между прочим, нисколько не боюсь.

— Я знаю, что ты не боишься. Но Чарлз боится за тебя. — Киту он «говорит»: *«Я подыщу для нее безопасное место на Земле, кит. И вернусь»*.

Кит никак не комментирует его сообщение.

Кит?

Ответа нет.

Он еще дважды пробует установить с ним контакт. Безуспешно.

Возможно ли, что кит умирает?

Он уже мертв?

Нет, он не будет даже думать об этом! Он и дальше будет держаться предположения, что ганглий кита можно восстановить. Своими силами. Всякая другая линия рассуждений неизбежно вела к мрачной перспективе жизни без кита — более того, жизни на планете, чьи обитатели подвергаются нравственной деградации.

Обзорный экран Старфайндера заполняет западное полушарие Земли, разрезанное пополам полосой рассвета. После того, как Сили и Старфайндер ушли спать, Кит оставался на геостационарной орбите.

— Сили, мне придется на некоторое время оставить тебя на Земле.

Она мгновенно ощетинивается:

— Если ты возвращаешься назад, я тоже!

— Этим ты расстроишь его и встревожишь, и ему может стать хуже. Кроме того, есть только один скафандр, защищающий от 2-омикрон-vii.

Молчание. Когда оно затянулось, он переводит взгляд с Земли на сидящую рядом с ним тринадцатилетнюю девочку (де факто ее день рождения был вчера; автоматический шеф-повар испек для нее шоколадный торт, а Старфайндер зажег на нем тринадцать свечей). Она плачет. Плачет — так же, как в тот раз, когда погиб угорь.

— Он не отвечает, ведь так, Старфайндер?

— Нет.

— Я спросила его: может, мне можно вернуться на борт, а он не сказал ни слова... Думаешь, он умер?

— Нет. Но приходится рассматривать и такую возможность.

Снова молчание. (Когда она задула свечи на торте, одна осталась гореть, и теперь желание Сили не исполнится). Потом он слышит:

— Долго я буду оставаться на Земле?

— Пока я не восстановлю ганглий. Независимо от того, сколько это займет времени, я нырну в прошлое вместе с китом буквально через несколько часов после того, как оставлю тебя. Так что ты пробудешь здесь недолго. Я бы сделал это еще скорее, если бы не опасность совпасть во времени с самими собой.

— Но ведь если бы такое случилось, мы бы уже знали об этом, правда?

— Полагаю, да. Но я все равно могу совпасть с самим собой, возвращаясь к киту.

— Можешь, но шанс на это ничтожный. Ты либо должен *точно* совпасть с собой, либо это вообще не будет иметь никакого значения. Ты можешь просто пройти сквозь себя.

— Может быть, и так, но лучше не рисковать... Тебе ведь не страшно ненадолго остаться на Земле, а?

— Разумеется, не страшно. Мне же тринадцать лет!

«Старейнджер» прошел сквозь то, что за неимением лучшего термина Старфайндер называет поясом искусственных спутников. Число вращающихся по орбите кораблей и просто мусора значительно, но размеры занимаемого ими пространства таковы, что пройти там не составляет труда. Антигравитационная система уже автоматически включилась, и на обзорном экране появля-

ется Северная Америка. Внизу сапфировым ожерельем лежат Великие Озера. Он уводит «Старейнджер» вниз, южнее самого южного из озер, в нескольких милях за полосой рассвета, и сажает его на небольшой поляне в лесу. До ближайшего поселения людей (небольшой деревушки из полудюжины домов, расположенных вдоль двухполосного шоссе) — добрая половина мили, так что едва ли кто-то будет досаждать Сили.

Перед высадкой он задает навигационной системе возвращения дату и время; затем они выходят наружу. Хотя месяц — август, предрассветная тьма холодна, и пусть Сили натянула платье прямо поверх ночной рубашки, она дрожит. Он обертывает ее одеялом, мысленно ругая себя за то, что забыл захватить ее сандалии. Звезды еще видны, но на поляне царит почти кромешная темнота, и он ничего не видит, кроме чуть более темного задника из обступивших поляну деревьев. Но ему не кажется разумным направлять на них поисковый луч «Старейнджера».

В желтом свете, льющемся из открытого шлюза, он нагибается и целует Сили в щеку.

— Я мигом вернусь, — говорит он. — Если до моего появления услышишь, что кто-то идет в твою сторону, спрячься в лесу.

— Со мной все будет хорошо, Старфайндер. Не беспокойся. Просто исправь то, что случилось с ганглием Чарлза. Он — главное.

— С ним все будет в порядке, Сили. Все будет хорошо.

Но когда он взлетает в «Старейнджере», опасения, которые он постоянно загонял в дальний угол сознания, возвращаются, чтобы опять преследовать его. Теперь к ним присоединились другие: допустим, ганглий кита можно восстановить — справится ли он с этой задачей?

Он успокаивается, когда на обзорном экране появляется кит. Его присутствие доказывает, что он все еще жив. Умерев в отсутствие Старфайндера, он тотчас был бы извергнут в настоящее. Оказавшись на борту, Старфайндер первым делом отправляется в отсек снабжения. Там он облачается в защитный костюм, который убрал туда после схватки с Фуриями. Облачается раньше времени — мера предосторожности. На самом деле, вопреки тому, что сказал Сили, он не верит, будто болезнь кита, какова бы она ни была, может вызвать утечку энергии 2-омикрон-vii, но и что она этого не может, он *не знает*. И вообще, он может спокойно отправиться на палубу номер 4, уже в костюме, а не с ним в руках.

Но он не сразу идет на палубу номер 4. Вместо этого он поднимается по мидель-трапу на главную палубу и направляется прямо на мостик. Поднявшись по ступеням, он подходит к компьютеру. Возможно, ему удастся установить электромагнитный контакт с китом. Стоит попробовать.

Приблизиться к компьютеру означает приблизиться к главному обзорному экрану. Приблизиться к экрану означает разрешить себе бросить на него хотя бы один беглый взгляд. Взгляд, который Старфайндер разрешает себе бросить на экран, превращается в долгий, пристальный. Потому что, экран больше не обрамляет знакомую поверхность Земли. Вместо этого на экране — цепь призрачных скал... скал, которые поднимаются из черных бездонных глубин, скал, чьи гребни залиты исходящим неизвестно откуда бледно-золотистым светом, скал, чьи алые склоны, кажется, покрыты пятнами крови. А над ними в небе, которое вовсе не небо, а лишь жалкая пародия на него, висят облака, словно большие серые чайки.

Он видел эту сюрреалистическую картину и раньше, но надеялся больше никогда не видеть ее. Это подземелье Ада, к черной двери которого он нечаянно отыскал ключ, когда кит впервые перенес его назад во времени. Это обитель архетипов, обитель бессмертных. Граница между жизнью и смертью.

Бездна Тартара.

Так или иначе, скорее всего, потому что кит умирает, он снова отыскал этот ключ.

Но он отказывается верить, что кит *умирает*, пусть даже тот определенно потерял стабильность во времени, которая держит в узде не-Аристотелеву реальность. Старфайндер отчаянно пытается с помощью компьютера установить контакт с ганглием кита. Тщетно.

Не теряя присутствия духа, он возвращается в кладовую и берет гиперацетиленовую горелку и баллоны, которые тоже прибрал после схватки с Фуриями. *«Неужели эти три девы с рыбьими плавниками снова вернутся на борт?»* — гадает он. Но на самом деле он так не думает. Их «побег на волосок от смерти», когда «галера разбилась на скалах», определенно должен отпугнуть их.

Но других обитателей Бездны, скорее всего, не так легко остановить.

В дополнение к гиперацетиленовой горелке и баллонам ему потребуется сварочный аппарат и упаковка стержней из трансстали. Аппарат стоит полкой ниже. Рядом с ним, сваленные в кучу, лежат упаковки стержней. Их там с дюжину. Но он и так перегружен горелкой и баллонами. Придется вернуться еще раз, за сварочным аппаратом и за стержнями.

Он спускается на палубу номер 4 и останавливается у подножия мидель-трапа. Он уже несколько дней не входил в гробницу Девушки со звезд. Последний оставленный им тут букет печальниц следует заменить. Должен ли он заменить его сейчас? К его любви примешивается признательность: она стерегла безумного Монаха все то время, что Сили была на борту. За все это время безумный Монах не шелохнулся.

Флюоресценция вдруг мерцает. Мерцание сразу прекращается, но Старфайндер понимает, что сейчас не сможет заменить букет. В первую очередь он должен заняться китом. Мысль о Сили, дожидающейся его на холодной рассветной Земле, гонит его на корму, где он останавливается перед дверью механической мастерской.

Дверь такая же тусклая, как стены коридора по обеим сторонам от нее; отличить ее от них можно лишь по каплям сварки, оставшимся с тех пор, как он заварил ее перед похищением кита. Ее унылый вид подчеркивает, какая сложнейшая задача стоит перед ним, и указывает на тот суровый факт, что, если повреждение ганглия окажется не простым и не явным, он не сумеет исправить его.

Тем не менее — надо попытаться. Теперь в опасности его жизнь — как и жизнь кита. А также и жизнь Сили. Архетипы, обитающие в Бездне Тартара не оставят надолго без внимания его присутствие здесь, и варвары 1990-х не оставят в покое ее.

Он начинает резать дверь.

Наконец он вырезает секцию, которая только-только позволяет ему пройти через нее с оборудованием. Потом он возвращается в кладовую за сварочным аппаратом и упаковкой стержней. Едва оказавшись в механической мастерской с полный набором необходимых материалов и инструментов, он приваривает на место только что вырезанную секцию двери. После этого он принимается резать палубу механической мастерской, повторяя контур, оставленный каплями его прежней сварки.

Слабая синева, которая встречает его, как только он плавно сдвигает в сторону вырезанную круглую секцию палубы, не оставляет никаких сомнений относительно природы заболевания кита,

но не дает никаких сведений о возможной его причине. Ганглий не получает в нужном для своей деятельности количестве энергию 2-омикрон-vii — факт, который следовало уяснить еще из первого символа кита: ##########, и, он был бы уяснен, если бы левиафан, озабоченный безопасностью Сили, не указал после этого, что ганглию угрожает опасность скорого взрыва, желая загнать Старфайндера на отбывающий с ней корабль.

Старфайндер спускает в отверстие оборудование и спрыгивает следом. И снова оказывается возле той же розы.

Сто свежих роз приносит утро в сад;
Одной, вчерашней, не вернуть назад.
И первый летний месяц, месяц роз,
Вас бросит кит, Старфайндер, в вечный хлад.

Его подсознание, столь участливое, когда кит впервые «заговорил» с ним, на этот раз опустилось до пародии.

Неважно. Он смотрит на ганглий-розу.

Он не такой большой, как положено ганглию. Это потому, что первый, подлинный ганглий кита взорвали раньше, чем этот, второй, полностью развился. Но хотя он и не достиг полного физического совершенства, он все равно способен вобрать в себя все то, что заключал в себе первый, и многое другое. Мощность ганглия кита, подобно мощности человеческого мозга, не обязательно сопоставима с его размером.

Хотя синева этого ганглия значительно поблекла, красота сохраняется. Огромные лепестки изящными арками расходятся в стороны, словно стремятся поймать свет несуществующего солнца. Утонченность во всех мелочах искупает внешнюю асимметрию, о которой кит знал еще до того, как его отбуксировали на Орбитальные корабельные верфи Фарстар****, и которую местные реконструкторы так и не смогли полностью устранить. Стебель — проводник энергии 2-омикрон-vii, синтезируемой в «желудке» кита, напоминающем открытую топку, — не менее изящен, чем лепестки, и вырастает из трансстальной ткани пола камеры так же естественно, как вьющийся стебель настоящей розы мог бы подниматься из земли.

Но этот стебель черный, а не синий.

Старфайндер проходит вперед, опускается на колени. И сразу фосфоресцирующее свечение снова начинает мерцать. На этот раз мерцание не прекращается.

Он включает фонарь на шлеме своего защитного костюма и в его холодном чистом свете внимательно обследует стебель.

Найдя узкий шов — след старой сварки, — он начинает внимательно вглядываться в него. Никаких видимых признаков трещины нет. Он проводит по шву указательным пальцем в перчатке. Осязаемых признаков тоже нет.

Чернота стебля не абсолютна: синие вертикальные прожилки свидетельствуют о том, что некоторое количество энергии достигает розы. Однако стебель, как ни крути, мертв. И Старфайндер знает почему...

Звездный угорь...

Стебель розы — проводник ганглия — на самом деле нечто большее, чем просто проводник энергии 2-омикрон-vii; он регулирует ее поступление в ганглий, повышая или понижая свою проводимость. Когда угорь истощил энергетические запасы кита, то проводнику пришлось поднять свою проводимость до максимума и удерживать ее на этом уровне достаточно долго. Слишком долго. Результат: выгоревшая ткань. Позже, когда кит пополнил свои запасы энергии, проводник начал работать в нормальном режиме, используя остатки здоровой ткани... Пока и она не «переутомилась» до того, что тоже выгорела, уступив свои функции нескольким наружным «капиллярам», которые, разумеется, все еще никак не влияли на выполнение масштабной задачи сохранения жизни ганглию, а в расширенном смысле и киту. Когда это произошло, кит, до тех пор не подозревавший о неполадках, понял, что умирает, и, испугавшись, что энергия 2-омикрон-vii, которая больше не поступает в его ганглий, просачивается в его внутреннее пространство, вынудил Старфайндера вместе с Сили покинуть корабль.

Его страх был необоснован. «Закупоренная» энергия не просачивается внутрь; несомненно, она уходит в космос. Но конечный результат — дисфункции стебля — это не меняет. Звездный угорь даже после смерти сумел отомстить.

Старфайндер, не отрываясь, смотрит на стебель.

Он может привести его в порядок не больше, чем справиться с префронтальной лоботомией.

Он знахарь в защитном костюме.

Может быть, исполнить ритуальный танец вокруг розы, выкрикивая заклинания, изгоняющие бесов?

Раздавленный своей беспомощностью, он отходит от стебля и садится в дальнем углу камеры.

По крайней мере Сили уцелеет. Выживание дастся ей нелегко, но сообразительность поможет ей пройти через грядущие земные годы, провести дикарей, среди которых она застряла, и найти свое жизненное пространство.

Сам он погибнет вместе с китом.

Он выключает нашлемный фонарь. Мерцающей фосфоресценции хватит, чтобы освещать его могилу.

Это место не обязательно должно стать его могилой. Он может легко прожечь себе путь обратно, туда, откуда пришел, и провести все оставшееся ему время в любом другом месте внутри кита. Более того, его кончина совершенно необязательно последует сразу за кончиной кита. Он может он жить в его чреве еще много лет. Тот факт, что вскоре после того, как Старфайндер похитил кита, тот взял на себя управление всей сложной системой жизнеобеспечения, установленной преобразователями, не означает ровным счетом ничего. Система не прекратит функционировать из-за отсутствия внешнего наблюдения. Она просто возьмет наблюдение на себя. Возможно, она уже это делает.

Он может долгие годы жить в чреве кита... Да, но только там. Ведь когда кит умрет, его выбросит в настоящее, и шанс, что он вынырнет на поверхность на расстоянии полета «Старейнджера» от пригодной для жилья планеты, очень мал. Правда, кит не умрет в Аристотелевом смысле этого слова, но едва ли космос проводит такое разграничение. Нет, кит обречен стать руиной в дальнем космосе, а Старфайндер обречен жить в его чреве остаток своих дней, на что была бы обречена и Сили, если бы он не отправил ее на Землю. Возможно, в этом настоящая причина, почему кит выгнал его из корабля вместе с ней.

Он испытывает извращенное мимолетное удовольствие от перспективы провести остаток дней в чреве мертвого кита с единственной собеседницей — мертвой женщиной. Он будет каждое утро приносить ей свежий букет печальниц и «беседовать» с ней по вечерам. Каждую ночь, покидая ее гробницу, чтобы удалиться к сладким снам о ней, он будет посылать ей воздушный поцелуй. Затем здравый смысл возвращается к нему, и он понимает, что не хочет такого существования. Он останется там, где есть, и, когда кит умрет, умрет тоже. От истощения или от удушья — что придет первым.

Вдруг он сознает, что не один в своей «могиле».

* * *

Он смотрит, как она появляется из синевы, и не может шелохнуться в своем углу.

На ней белый скафандр, в котором она умерла. Ее руки, когда-то одеревенело вытянутые вперед, расслабленно висят вдоль тела.

Он наблюдает, как она медленно идет к розе, и его разум, мгновенно оцепеневший при ее появлении, вновь обретает способность функционировать, и он понимает, как у нее появилась возможность восстать из мертвых.

В Бездне узкой границы, разделяющей жизнь и смерть, нет. Жизнь переходит на сторону смерти, смерть переходит на сторону жизни.

Но почему она возвратилась к жизни? И зачем появилась в его «могиле»?

Синева смазывает ее черты, и ему не видны ее глаза. Но он уверен — они открыты. Если она видит его, то ничем этого не выдает и продолжает идти к розе.

Он по-прежнему не может пошевелиться.

Подойдя к розе, она опускается на колени и кладет руку на почерневший стебель, и смерть, которая не есть жизнь, и жизнь, которая не есть смерть, устремляются в мертвую ткань и одолевают тот привычный круговорот жизни и смерти, который стал причиной гибели стебля... и стебель меняет цвет на синий, и синева мчится к лепесткам розы. Лепестки светлеют, а еще более глубокая синева заполняет камеру.

Тогда она выпрямляется и разворачивается.

Она уходит тем же путем, каким пришла.

Ему хочется окликнуть ее, умолять не возвращаться в свою могилу. Но губы точно срослись, и он не может проронить ни звука. Фосфоресценция перестает моргать. Синева усиливается, превращается в занавес, который скрывает от глаз силуэт девушки. Паралич отпускает его, и он громко кричит: «Вернись!» — и бросается вперед сквозь синий занавес, опустившийся между ними. Но за ним никого нет.

Он находит ее очень нескоро — после того как снова запечатал камеру и механическую мастерскую и восстановил контакт с китом; кит всплывает из Бездны к поверхности, и тогда он находит ее в ее гробнице. За покрытой изморозью лицевой пластиной шлема ее глаза закрыты; замерзшие слезы по-прежнему побле-

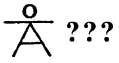
скивают на щеках. На льду, превратившем ее скафандр в сияющие доспехи, нет никаких повреждений. Все так, словно она никогда не покидала свой холодильный шкаф-гроб. В Аристотелевом смысле это так и есть.

Он вздыхает. *По крайней мере я видел, как она шла. Не по весенней улице, не с развевающимися на апрельском ветру волосами. Но по крайней мере я хоть какое-то время видел, как это могло быть. До того как я объявился и убил ее.*

Он отправляется на корму, срывает новый букет и, вернувшись, кладет у ее ног.

Глава 8. Космический кит, пространство-время

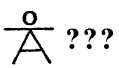
Первой заботой кита — а как же иначе — после полного восстановления сознания стала Сили:

Старфайндер, погруженный в печальные раздумья, сидит на мостике. *Почему кит, ты не спрашиваешь меня, как вышло, что ты жив и здоров, когда согласно всем руководствам ты должен быть мертв?*

Но кит не обращает внимания на его вопрос.

И снова спрашивает:

Он явно еще не полностью восстановил свои способности, иначе он сам бы провел обновление данных, используя разум человека. Старфайндер сообщает киту обо всем, что произошло с тех пор, как тот потерял «сознание». Они сошлись на том, что должно пройти еще два часа, прежде чем Старфайндер возвратится за Сили. Тот факт, что на обратном пути к киту он не «совпал» с самим собой и не заметил никаких признаков своего присутствия, означал только одно: их решение выполнимо — или будет выполнимо. Они пришли к согласию и по поводу того, что кит должен подняться на поверхность значительно дальше своего исходного положения, хотя и это решение тоже чисто теоретическое.

Боковой дрейф «снес» кита на значительное расстояние в глубину пространства. При этом Соль и в самом деле сжалось до звезды второй величины. Старфайндер помещает его изображение в центр экрана и теперь наблюдает за его ростом, пока кит, быстро восстанавливая силы, быстро двигается от периферии к центру, подпитываясь по пути, словно прямоточный двигатель; наблюдает, пока Соль не становится таким большим и ярким, что искусственная сетчатка его глаз бунтует, и тогда он заменяет огненную поверхность Солнца туманной поверхностью Земли. Тем временем ВАК кита вводит в компьютер данные по Солнцу, и когда их обратное путешествие завершено и кит останавливается достаточно далеко от голубых берегов, чтобы предотвратить возможное совпадение с самим собой, в нижней части обзорного экрана должным образом отображается день, зарождающийся над западным полушарием:

14 ноября 1996 года новой эры.

Дата на экране показывает, что с тех пор, как кит сорвался в Бездну, прошло три месяца и четыре дня.

Поначалу Старфайндер озадачен. В его представлении вход в Бездну зависел от степени темпоральной регрессии объекта или тела. Конечно, когда кит вошел в Бездну в первый раз, он двигался назад. Но в данный момент вход в Бездну явно был следствием поступательного движения вперед.

Ключ, который открывает черный ход Ада, определенно никак не связан с темпоральным направлением и зависит только от темпоральной инерции объекта или тела.

Но почему же потеря китом темпоральной стабильности заставила его «скользнуть» во времени вперед, а не назад?

Ответ: ничего подобного. Это «скольжение» вообще никак с ней не связано. Кита, скорее мертвого, чем живого, утянуло вперед во времени нетерпение космоса, предвкушавшего миг, когда кит будет извергнут на поверхность. Степень его момента импульса совпала с темпом, необходимым для поворота ключа. И вуаля — Бездна!

Внизу, полоса рассвета миновала западное побережье Соединенных Штатов. Ее положение указывает, что сверх трех месяцев и четырех дней, прошедших с тех пор, как он оставил Сили, прошло еще три часа. Он уже готов скомандовать киту нырнуть обратно во времени точно на три месяца и четыре дня и отступить на

соответствующее расстояние по орбите, но тут Земля на долю секунды исчезает с экрана и появляется снова вместе с новой датой:

10 августа 1996 года новой эры.

Кит был на шаг впереди него. Однако он недооценил свой нырок. Полоса рассвета теперь заметно переместилась к морю, и с тех пор, как он покинул Сили, прошло почти четыре часа, а не три.

Неважно. *Кит, нырни еще на час.*

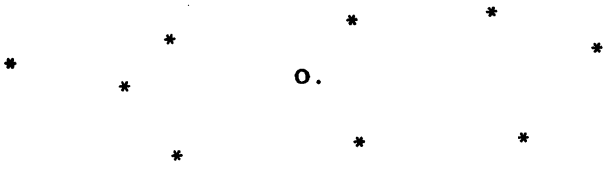
Полоса рассвета сокращается до точки далеко внутри береговой линии.

Еще на час, кит.

Полоса рассвета отступает в район Скалистых гор.

Видишь хоть какие-то признаки своего присутствия, кит?

Ответ отрицательный:

Земля, Луна, пространство и звезды.

Кит Номер Один соскользнул в Бездну, а вместе с ним и Старфайндер Номер Один.

А теперь, кит, я спущусь вниз. Жди здесь.

Поначалу, не обнаружив никаких признаков Сили, он думает, что приземлился не на той поляне. Но взгляд на систему навигации «Старейнджера» говорит ему — нет.

Он и так уже нервничает из-за того, что едва не столкнулся с каким-то куском космического мусора, пока проходил через Пояс Искусственных Спутников. Шансы на такое столкновение по расчетам системы ганглий-компьютер составляют примерно один на миллион.

Он открывает люк и сходит на землю. Он помнит эту поляну как неглубокий, безмолвный колодец, заполненный темнотой. Сейчас темнота скрылась, и стены колодца превратились в американский орех, дубы и клены. Ускользнуло и безмолвие, повсюду слышны щебет и пение птиц. На земле и у подножия деревьев как будто бы пестреют цветы самых разных оттенков, расплески-

вая краски по всей поляне. Но потом он видит, что «цветы» — это всего лишь пустые банки из-под пива.

— Сили, — осторожно зовет он. — Где ты?

И не получает ответа.

Он не решается звать ее слишком громко, ведь соседние дома гораздо ближе к лесу, чем по его первоначальной оценке, и их значительно больше, чем он думал. К тому же, проходя на антифотонном поле над самыми макушками деревьев, он мельком заметил уже работающее на полях местное население и множество машин на шоссе. Его дальние предки действительно не дикари в том смысле, в каком ими были бы охотники за головами или каннибалы, ведь эти его предки никогда не снимали скальпов и не варили своих врагов в железных котлах. Это изощренные, искушенные дикари, что делает их крайне опасными. Более того, они лицемерные дикари и потому еще более опасны.

— Сили, — снова завет он ее, — я вернулся за тобой.

Птичьи трели. И *«взз-м-м, взз-м-м»* на шоссе.

Она не могла уйти слишком далеко — этого он не боится. Его беспокоит другое: *почему* она ушла. Почему сорвалась с места в одиночку, босая, вместо того чтобы ждать его.

Взяла ли она с собой одеяло?

Должно быть, взяла: его нигде не видно.

Но пусть даже она не могла уйти далеко, у него нет ни малейшего представления, в какую сторону она направилась; на ее поиски уйдет не один час. Разве что он отправится на ее поиски в «Старейнджере» — в лучшем случае не рекомендуемый вариант. Ночью мощность антифотонного поля корабля составляет девяносто процентов и лишь пятьдесят процентов днем. Рано или поздно его кто-нибудь заметит, потом еще кто-нибудь и поиски Сили очень усложнятся.

К счастью, ему не обязательно использовать «Старейнджер» — ему даже не нужно покидать поляну. Он связывается с китом. Нет также и необходимости говорить ему, что Сили пропала: он уже и так знает. *«Отыщи ее местоположение, кит. И сразу, как найдешь ее, дай знать, где она»*. Вероятно, говорить это киту тоже не было необходимости. Вероятно, он разыскивал ее с тех самых пор, как Старфайндер обнаружил, что ее нет на поляне. А может быть, даже раньше.

Она могла появиться в зоне действия его ВАК в любой момент.

Оставалось только ждать.

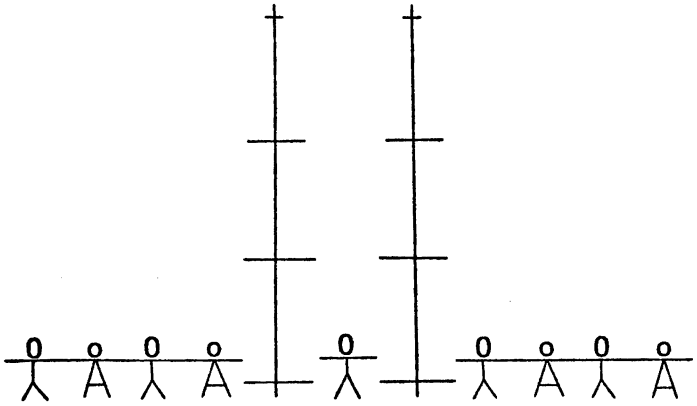
Поэтому он прислоняется спиной к «Старейнджеру», скрещивает руки на груди и готовится ждать.

До сих пор его еще не одолевали никакие сомнения, кроме одного, касающегося причины ее исчезновения. Но пока он стоит на этой поляне, прислонившись к «Старейнджеру» и не получая от кита никаких «иероглифических» сообщений, сомнения собираются в стаю над его головой, как серые стервятники, и опускаются ему на плечи.

Паника, до сих пор таившаяся где-то, точно Пан в лесу, выглядывает из-за старого дубового пня и плотоядно смотрит на него.

Ради бога! Где она, кит? Ты должен был бы обнаружить ее!

Ответ кита пугает его:

Кроме него и туземцев, в округе никого нет!

Тогда ищи ее вдали от этого места, кит! Если необходимо, обыщи всю чертову планету. Найди ее!

Эта задача не так трудна, как кажется. ВАК кита способен «накрыть» планету одновременно в сотнях мест, и в настоящий момент кит задействует еще один, работающий в тех же целях фактор: свой контакт с объектом поиска. Миллиарды сознаний на Земле слагают неизведанную территорию и поэтому непроницаемы. Только сознание Сили, единственное среди них, хорошо ему знакомо, и ее паттерн мышления будет сиять подобно маяку.

Так или иначе, она, вероятно, не могла убрести больше чем на тридцать-сорок миль, да и не могла зайти так далеко, если не получила возможность немедленно, как только покинула поляну, воспользоваться каким-то транспортом.

И если этот транспорт не оказался воздушным.

Такая возможность столь ничтожна, что ее не стоит брать в расчет.

Но она могла воспользоваться наземным транспортом. Соседнее шоссе явно не главное, но ведь там движение оживленное, а она могла без труда добраться до него и уехать.

Но *почему?* И главное, почему ей вдруг захотелось покинуть эту поляну?

Не стоит ломать голову над тем, почему она ушла, уговаривает себя Старфайндер. Теперь самое важное — выяснить, куда она отправилась.

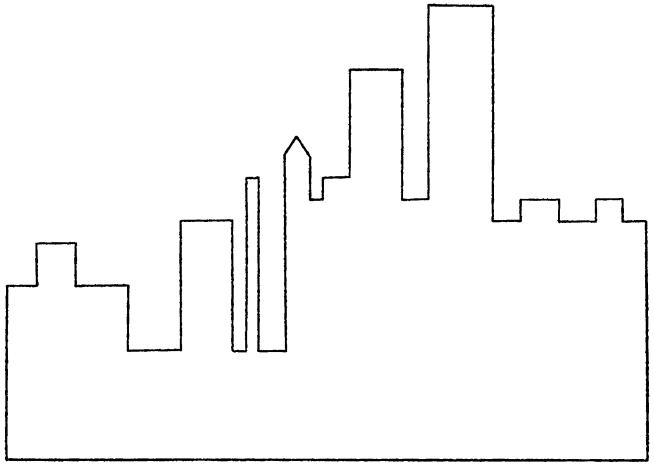
Медленно тянется утро. Солнце карабкается к зениту. Задолго до того, как оно добирается туда, Старфайндер переходит в прохладную кабину «Старейнджера» и выводит изображение поляны на экран перископа. Перископ выполняет полный оборот каждые тридцать секунд, поэтому почти невозможно, чтобы кто-то вошел на поляну незамеченным.

Бледный гранат солнца в тонированном пространстве потолочного обзорного устройства начинает вторую половину своего дневного путешествия. От кита по-прежнему нет вестей.

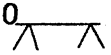
Старфайндер вне себя. Даже при самых благоприятных обстоятельствах далеко ли может уйти маленькая босая девочка за такое короткое время? Кит давным-давно должен был бы найти ее!

Ну же, кит, давай! Пока какой-нибудь психопат не добрался до нее. Если уже не добрался!

Проползают еще три часа. Они кажутся тридцатью. Наконец в его сознании появляется новый символ:

Экстраполированный городской горизонт.
Что это за город, кит?

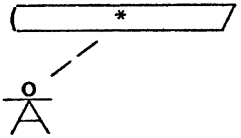

Сначала он думает, что схематическая фигурка представляет лошадь. Затем, припомнив, в какой именно части света находится, и перепроверив свои скудные познания в области древней географии Земли, понимает, что «лошадь» на самом деле буйвол.

Заглянув в компьютер «Старейнджера», он выясняет, что в сорока одной миле на северо-восток от поляны по прямой лежит город Буффало.

Вскоре после того, как он оставил ее, Сили вышла из леса и, как только добралась хоть и до второстепенного, но все-таки шоссе, сумела сесть на какой-то транспорт.

Он снова отодвигает «почему» в сторону. *Ты установил с ней контакт, кит?*

Ответ утвердительный.
С ней все в порядке?

Пятьдесят с лишним лет, навалившиеся на плечи Старфайндера за последние семь часов, сваливаются на землю. *Но почему она не стала ждать на поляне?*

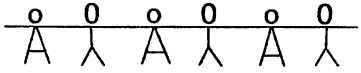
Ответа нет. Кит то ли не знал, то ли не говорит.

Ладно, кит, сам скоро выясню.

Но не сразу. Пытаться взять ее на борт средь бела дня невозможно. Следует дождаться темноты, когда «Старейнджер» станет практически невидимым. Разумеется, он может вернуться к киту и заставить его нырнуть на нужное «расстояние» вперед; но перемещения туда-сюда займут почти столько же времени, сколько и ожидание. Поэтому он решается оставаться на месте.

Урчание в желудке напоминает ему, что он не ел уже... уже... Он даже не может вспомнить, как долго. На «Старейнджере» есть аварийный паек; Старфайндер открывает контейнер с белковой пастой, вскрывает вакуумную упаковку с хлебом и делает малопривлекательный сэндвич. Откусив раза три, он вспоминает, что не оставил Сили никакой еды, и тут же теряет жалкие остатки аппетита, а затем выбрасывает в десинтезатор и остатки сэндвича.

Наконец вялое августовское солнце опускается за верхушки деревьев, окутав поляну преждевременными сумерками. Вскоре после этого аудиодетектор «Старейнджера» передает треск ломающихся сучьев и шум листвы, и одновременно от кита поступает символ, извещающий о приближении гостей:

В следующий миг на экране перископа появляются шестеро подростков, три девушки и трое парней. Один парень несет картонную коробку, а каждая из девушек — по одеялу. Все, и девушки, и парни, одинаково одеты в заплатанные синие халаты, рваные синие рубашки и красные косынки. Вид «Старейнджера» заставляет их в испуге остановиться.

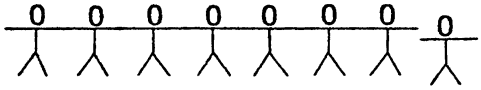
Старфайндер фиксирует перископ неподвижно и изучает их растерянность. Они видят перед собой не столько летательный аппарат, сколько его призрак, и оттого, вероятно, им еще страшнее. Парень, несущий картонную коробку, роняет ее. Содержимое коробки можно легко угадать по пустым банкам из-под пива, которыми уже замусорена поляна, а минимального напряжения ума вполне достаточно, чтобы безошибочно истолковать назначение одеял. В своей мрачной темнице, в прерывистом сне ворочается безумный Монах, но не просыпается. Если бы он проснулся, ничего хорошего это ему бы не принесло: опускная дверь его тюрьмы снабжена новым, более прочным замком.

Все шестеро о чем-то быстро переговариваются, перебивая друг друга и время от времени тыча пальцем в сторону предмета их разговора; затем, спрятав коробку и одеяла в ближайших зарослях, они возвращаются в лес и, ломая кусты, удаляются тем же путем, которым пришли.

Но непоправимое произошло. Они не станут держать в секрете свое сенсационное открытие, не станут — даже ценой раскрытия их тайного дионисийского убежища. Учинят расследова-

ние, и вскоре сюда через лес притопают взрослые. Однако едва ли они будут представлять серьезную угрозу. Старфайндер, согласный на что угодно, лишь бы не вызывать новых волнений, подняв «Старейнджер» средь бела дня, решает подождать и посмотреть.

Ошметки дня еще не исчезли с поляны, когда из леса снова доносится треск сучьев и шелест листвы. И тотчас в сознании Старфайндера обретает форму новый символ:

В следующую минуту из леса один за другим появляются восьмеро мужчин. Один из них — тот парень, что в прошлый раз нес картонную коробку. Он взволнованно указывает на «Старейнджер», который, в затухающем свете кажется еще менее реальным, чем чуть раньше.

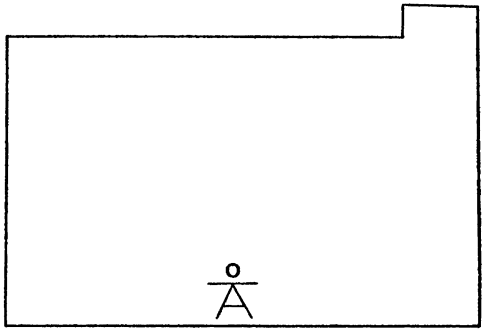
Реальный или нет, но он по-прежнему отчетливо различим, судя по реакции этого... этого... вооруженного отряда? Все они вооружены, и теперь шестеро поднимают к плечу свое оружие — длинноствольные примитивные винтовки. Их предводитель вытаскивает из висящей на боку кобуры пистолет и делает шаг вперед, отодвинув мальчишку за себя. Он останавливается прямо перед «Старейнджером», рука с пистолетом висит вдоль тела. Человек в рыжевато-коричневом сомбреро, такого же цвета рубашке и крагах и до блеска начищенных черных башмаках. Наряд в целом чем-то напоминает Старфайндеру его собственную капитанскую форму. По его оценке, предводителю около сорока лет. Сейчас он что-то кричит. Что-то вроде: «Ладно, маленькие зеленые твари, вылезайте, или мы разнесем вдребезги и вас, и вашу тарелку!» Но Старфайндер уверен, что не разобрал слова, ведь ни одно из них не несет никакого смысла. В этот поворотный момент его слуха достигает ужасающий рокот, передаваемый аудиодетектором; он сопровождается сильной вибрацией, которая сотрясает не только его самого, но, кажется, и всю Землю. Взглянув вверх через потолочное обзорное устройство, он видит громадную металлическую машину с гигантскими жужжащими винтами и с двумя туземцами в прозрачном раздутом

«животе». Он опознает ее по старым фотографиям как «геликоптер», или «вертолет». Поистине, все силы «туземцев» в сборе, и ему пора отступить, день сейчас или нет.

На самом деле дневной свет почти померк. Он отмечает это, когда поднимается с поляны. Солнце уже заметно спустилось за горизонт, и небо на западе — этюд в розовых, бледно-лиловых и нежно-зеленых тонах. Вне всяких сомнений, закат чрезвычайно красив, но у него нет времени восхищаться им, стоило ему подняться в воздух, как вертолет сел ему на хвост. Он усмехается, включает полное вертикальное ускорение, и лес внизу сжимается в зеленую веснушку, а вертолет превращается в крошечного сбитого с толку ястреба, продолжающего свой путь в поисках того воробья, в которого мгновение назад уже готовился вонзить когти.

Старфайндер не мстителен. Но, если уж на то пошло, он был занят своим делом, когда шестеро подростков заявились на поляну, и все еще он был занят им, когда туда нагрянул вооруженный отряд с вертолетом, явно чтобы выкурить его из «Старейнджера» и (1) взять его в плен или (2) уничтожить. Он снова усмехается, устремляется вниз, прямо на жестяного ястреба, слегка задевает его и опять взмывает к небесам. Ястреба мотает в воздухе, он рыскает, отклоняясь от курса, потом косо уходит к земле, падает на соседнее поле и переворачивается. Довольный Старфайндер набирает достаточную высоту, чтобы «Старейнджер» исчез из виду, и связывается с китом. *«Уже достаточно темно, кит. Пора забрать ее. Ты знаешь, где она?»*

В ответ он получает следующий символ:

...который мало чем может помочь, но хотя бы уведомляет, что она ждет его. И поскольку кит знает, где она ждет, ничего иного не требуется.

Хорошо, кит, давай.

И тотчас телекинетические импульсы начинают брать аккорды на панели управления. Старфайндер откидывается на спинку кресла, чтобы насладиться полетом.

Полет оказывается недолгим. Кит удерживает «Старейнджер» на той же высоте и молчит, молчит — не считая двух случаев, когда он предупредил его о приближении гостей — с тех самых пор как уведомил его о том, что отыскал Сили. И Старфайндеру хотелось бы знать, не утаивает ли кит от него что-то.

К тому же кажется, что кит пребывает в унынии. Связь между ними так сильна, что Старфайндер *чувствует* это уныние. Чувствует, но не понимает. Логический ответ состоял в том, что это отложенная реакция на его временное пребывание в Самарре; но логические ответы не всегда удовлетворительны, и Старфайндера такой ответ категорически не удовлетворяет.

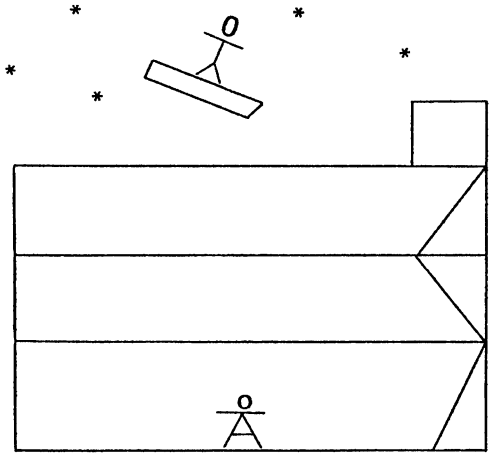
Наступление ночи — *совершившийся факт*, когда на напольном экране появляется Буффало. Старфайндер с недоверием вглядывается вниз. Город, выражаясь и фигурально, и буквально, залит огнем. На западе его главные артерии сходятся, образуя настоящий пожар ярких огней. Разбросанные на севере, юге и востоке, видны другие похожие очаги возгорания, чуть меньше, но такие же реальные.

Город похож на преуспевающего бизнесмена, чьи одежды пылают. Но никто этого не знает или не способен уяснить скрытый смысл этого.

Что же Буффало типичен для своего времени? Этого Старфайндер не знает. Он знает только, что чем скорее отыщет здесь Сили, тем лучше.

Отвечая на телекинетические импульсы кита, «Старейнджер» начинает снижаться. Зарево ярких огней заполняет весь напольный экран. Старфайндер встревожен. Неужели кит намерен посадить летательный аппарат прямо посреди оживленной улицы? Мощность антифотонного поля сейчас — девяносто процентов, но их явно недостаточно, чтобы Старфайндера не обнаружили в людном месте. Более того, существует движение транспорта, с которым тоже следует считаться.

Он высказывает эти соображения киту. Символ, полученный им в ответ, предельно ясен:

А почему она не может встретить меня прямо на крыше, кит? Так мы сэкономили бы время.

Кит не отвечает. Старфайндер собирается повторить вопрос, но вновь ощущает подавленность кита. Только на этот раз он правильно определяет ее истинную суть: это печаль.

Он озадачен. Ведь кит должен радоваться, а не печалиться. Ведь он наконец отыскал Сили, разве не так?

Он откладывает эту загадку до лучших времен. Он вернется к ней, позже. Или, возможно, она разрешится сама. *«Хорошо, кит, будем работать по усложненному варианту».*

Здание стоит не внутри главной «зоны горения», а на ее окраине. Оно стоит бок о бок и фасад к фасаду с более высокими, протянувшимися вдоль оживленной улицы. Эти высокие дома, кажется, офисные здания. Почти все окна в них темные.

Когда «Старейнджер» наконец садится, Старфайндер выходит на крышу. И тотчас его окружают многочисленные запахи и звуки большого города. Протухшие отбросы, выхлопные газы, древесный дым. Визг покрышек, вибрирующий гул двигателей, вой сирен.

Ну, по крайней мере здесь борются с пожарами.

Один такой пожар — всего в нескольких кварталах от него. Его свет пляшет по крыше. Другого света почти нет, но и этого вполне достаточно. Старфайндер добирается до двери на крышу, обнаруживает, что она незаперта, открывает и оказывается на

освещенной лестнице. Он начинает спускаться по ступеням. Дверь, ведущая на следующий этаж, заперта. Как и дверь на первой площадке. Когда он уже на полпути к первому этажу, в его сознании появляется непрошенный символ:

Он останавливается. Что пытается сказать ему кит? Что здесь целых три Сили?

И снова он чувствует охватившую кита печаль. Что может быть не так? Решив, что расспросы ни к чему хорошему не приведут, он идет дальше вниз по ступеням. Они заканчиваются в небольшом холле, освещенном люминесцентными лампами, вмонтированными в подвесной потолок. Слева от него двустворчатая стеклянная дверь ведет на улицу. Справа стоит небольшой стол, за ним — пустующий стул. Прямо напротив — еще одна дверь. Она открыта, а сразу справа от нее — большое написанное на картоне и помещенное в деревянную раму объявление. Он не может прочитать его с того места, где стоит, и пересекает помещение, чтобы взглянуть на него поближе.

> *«Дом безмятежности» с гордостью представляет вам самые образцы из работ госпожи Мишель Д'Этуаль, одного из наиболее многообещающих молодых художников Буффало. Ее впечатляющие богатейшей образностью и глубоко волнующие картины можно увидеть в нашем знаменитом Круглом зале в течение всего августа. С 12:00 до 17:00 с понедельника по субботу и по воскресеньям с 13:00 до 18:00.*

Старфайндер переводит свой пристальный взгляд на открытую дверь. Если предполагать, что Сили находится в этом здании и ждет его — а ничто не дает поводов предполагать иное — ждет его как раз в этом Круглом зале.

Почему бы, скажите на милость, ей ждать его именно там? Почему вместо этого она не ждет его, например, в вестибюле? И почему, если уж на то пошло, в таком случае, она не поднялась по лестнице ему навстречу?

И что она вообще делает в этом здании?

Раздосадованный и досадуя все сильнее из-за второго предположения, он шагает в открытую дверь.

Круглый зал действительно такой. Круглый.

За каждой второй секцией подвесного потолка спрятана пара люминесцентных светильников. Все они включены, но прозрачность секций такова, что падающий на пол и заливающий круглую стену свет скорее мягко флюоресцирует, нежели режет глаза.

Стена увешана картинами, большими, маленькими, квадратными и прямоугольными. Они окольцовывают пространство зала сплошной полосой всего с одним разрывом. Этот разрыв — дверь напротив той, в которую он вошел. Вероятно, она ведет в расположенный там офис или, возможно, комнату отдыха. Куда бы она ни вела, она закрыта.

Кроме Старфайндера, в зале никого нет.

Хорошо, кит, давай прекратим игру в прятки. Где она?

Кит не отвечает.

В этом нет необходимости. Есть только одно место, где она может быть. Если только его не обманули и она вообще в этом здании. В комнате за закрытой дверью.

Он направляется к двери, затем останавливается, когда одна из картин слева неожиданно привлекает его внимание. Она слишком далеко, чтобы рассмотреть ее в деталях; тем не менее на одно головокружительное мгновение он испытывает *дежавю*.

Он медленно идет к ней, наблюдая за ее превращением в далекий силуэт города на фоне розового и темно-оранжевого восхода. Город и восход обрамляет большое окно.

Он останавливается, стоит, пристально вглядывается в зубчатый силуэт города, в нежные оттенки неба. Очень нескоро его пристальный взгляд падает на название картины:

«Восход, увиденный из одного загородного дома».

Потрясенный, он двигается по часовой стрелке вдоль ряда картин, останавливаясь перед каждой. На первой — темнота и звезды. Только это. Но темнота предполагает невообразимую глубину, а звезды такие живые и яркие, что кажется — протяни руку и коснешься одной из них, ее холодный пронизывающий свет проникнет в твои гены.

Он уже видел и такую тьму, и такие звезды. На обзорном экране, на мостике корабля-кита. На миг картина и экран сливаются для него в одно.

Две следующие картины слабее. Это портреты — ростовые — двух молодых людей. Оба, начиная от шеи, облачены в скафанд-

ры, каждый держит в согнутой руке шлем. У одного каштановые волосы гладкими волнами спадают на плечи; у другого волосы светлые и пострижены так, чтобы вместе с его бородой образовывать обрамляющее его лицо кольцо из кудрей. Обе картины называются одинаково: «Звездный мальчик». Но на первой картине после названия в скобках стоит имя «Тед», а на второй — «Тод».

Старфайндер идет дальше.

При виде следующей картины у него подкашиваются ноги.

Она написана на большом холсте — на самом большом в этом зале. На ней изображено нечто, в первый момент показавшееся ему удлиненным астероидом. Но этого не может быть — по всей его длине тянутся ряды смотровых телескопов, а за ними можно различить фосфоресцирующий свет. Более того, его поверхность не грубая и изрытая ямами и воронками, как у обычного астероида. Она отполирована.

На заднем фоне видны звезды. Часть их образует большое созвездие — созвездие, не похожее ни на одно, видное с Земли или с других планет:

Название: *«Космический кит, Пространство-Время»*.

Старфайндер чувствует, что проваливается в небытие. В отчаянии он вытягивает руки, отыскивая опору, чтобы остановить это падение. Наконец он находит одну, затем другую, затем еще дюжину. Все это мысли и соображения, отчасти его собственные, а в основном переданные китом. Он не может сказать, где чьи, но это не нужно. Они объединяются в собственной гармонии и неотвратимо ведут к неизбежному заключению.

Они начинаются и заканчиваются хронографом — хронографом, который изобрел он сам. Той самой электромагнитной связью, которую он установил между компьютером и ганглием кита — и как продолжение, между компьютером и ВАК кита. Едва он ввел в компьютер тогдашнюю дату, тому, чтобы получать со-

ответствующие текущие даты, оставалось просто оценивать солнечные данные, поступавшие к нему от ВАК кита.

Но когда ганглий кита перестал функционировать, когда кит скользнул в Бездну, поток солнечных данных иссяк. Когда кит вновь пришел в сознание, вырвался из Бездны и поток данных возобновился, компьютер, не информированный о действительной задержке во времени, использовал в качестве основы для очередного расчета времени последние введенные до падения в Бездну данные. А поскольку он был запрограммирован «думать» в масштабе земных лет, то очевидная задержка во времени составила три месяца и четыре дня.

Кит же поднялся на поверхность на значительно большем удалении от солнца, чем гарантировала вычисленная компьютером короткая задержка, то есть его снесло во времени гораздо дальше, чем должно было снести, но ни он, ни Старфайндер этого не заметили.

Сколько же времени прошло *на самом деле*?

Очередная мысль бесспорно принадлежала киту: восемь лет, три месяца и четыре дня.

Восемь лет...

Старфайндер, сам того не сознавая, переходит к следующей картине. Это тоже портрет. Портрет мужчины тридцати с лишним лет. С суровым и тем не менее странно мягким лицом. С глазами, как голубой лед, которые, казалось, готовы растаять. Со шрамом в форме звезды, уродующим правую щеку. Подпись под картиной: «Ze Trouveur d'Etoiles*».

Он слышит за собой легкие осторожные шаги, и сначала боится повернуться. Какой она окажется, эта Сили Блё двадцати одного года, прежняя маленькая девочка, чье восьмилетнее отсутствие вызвало у кита невероятную грусть, та некогда босоногая девочка, что как будто бы покинутая теми двумя живыми существами во всем космосе, которые и единственно и любили ее, каким-то образом умудрилась выжить среди дикарей, подняться над мерзостью разлагающегося мира, найдя средства выразить красоту и любовь, которые когда-то познала? Эта стойкая сторонница всего, что повсюду так ненавистно *haute bourgeoisie*, отказавшаяся от своего небесно-голубого имени ради другого, которое, возможно, считала более подходящим для ее призвания?.. На кого она будет похожа эта новая Сили Блё?

---

* Изобретатель звезд (*фр.*).

Новый шаг, мягкий, почти как падение листа с дерева. Тогда он оборачивается и прежде всего замечает слезы в голубых глазах-цветах — слезы радости от встречи, а затем и знакомое овальное лицо сердечком — лицо мертвой девушки, которую он нашел плывущей в космосе и бережно хранил в носовом трюме в чреве кита. Он вбирает глазами всю яркую, полную жизненного очарования прелесть Девушки со звезд, такой, какой она была перед смертью. Девушки со звезд, переполняемой любовью... к нему.

Глава 9. В склепе

Туман, предваряющий полосу рассвета, плотно накрывает город Ллурид. Это саван, сокрывающий небосвод, затмевающий и луновидные звезды — верфи ОКК, и настоящие звезды. Он превращает в неясное пятно и приближающуюся фигуру стерегущей крышу охранницы, увеличивая ее в размерах, усиливая свет фонаря с обычной лампой накаливания, который она держит в правой руке. Тускло освещенный приемный отсек, из которого она только что появилась, слабо светится у нее за спиной.

У охранницы хриплый голос. Как будто сырость проникла в ее гортань.

— Находиться на крыше разрешено только уполномоченным сотрудникам.

— У меня срочная доставка.

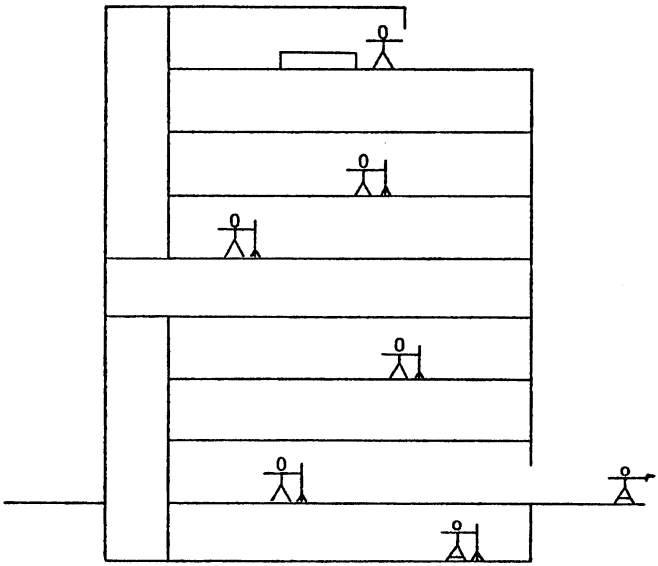
— Не верю! Если бы подобная доставка ожидалась, я бы получила соответствующее указание. Лети назад быстро!

Старфайндер окончательно вылезает из «Старейнджера» и сбивает ее с ног шоковым лучом из своего «Вейканцера» .39. Сам он одет в комбинезон того же синеватого оттенка, что и фальшивые панели, придающие «Старейнджеру» сходство с воздушным грузовиком. Он сует оружие обратно в правый карман комбинезона, в левый сует фонарь охранницы, затем утаскивает ее туда, где туман гуще. Там он связывает ее запястья и лодыжки и заклеивает рот липкой лентой. После этого он извлекает из «Старейнджера» антифотонный брезент и накрывает ее. Вернувшись обратно в «Старейнджер», он взваливает на плечо свою «доставку», выносит ее наружу и задраивает за собой люки «Старейнджера». Кит тотчас поднимает суденышко в небо, скрывая его от глаз.

Его «доставка» помещена в переносной криогенный контейнер. «Криогенным переносным контейнером» ради приличия называют гроб-рефрижератор. Он украл один такой прошлой ночью со склада в Ллуриде, пока кит «стоял на стреме».

Он переносит его в приемный отсек и осторожно опускает на пол. *Обнови данные, кит.*

Теперь кит снова «стоял на стреме», и через минуту в сознании Старфайндера возникает поперечный разрез медицинского склада, в чей расположенный на крыше приемный отсек он только что вошел:

Если не считать отсутствия на крыше охранницы и присутствия в приемном отсеке Старфайндера, поперечный разрез здания в целом тот же самый, какой транслировал ему кит во время спуска. Старфайндера. С тех пор как он последний раз заглядывал в здание с помощью ВАК кита, обстановка не изменилась. При менее напряженных обстоятельствах его бы позабавили схематические человечки, нарисованные китом. Оружие в руках схематической женщины у дверей на улицу, присутствовало, видимо, должно подчеркнуть ее функции охранницы, а метлы в руках символических мужчин на первом, третьем и пятом и шестом этажах определяют их как уборщиков. Из этого можно сделать

вывод: метла в руках схематической женщины внутри самого склепа должна означать, что ее тоже следует рассматривать как уборщицу. Но, разумеется, он прекрасно знает, что это техник по криогенной аппаратуре. Мужчины с Гола называют специалистов по криогенной технике «ведьмами»; кит наверняка отыскал этот «эпитет» в голове Старфайндера и обнаружил, что Старфайндер ассоциирует метлы и с ведьмами, не только с уборщиками. Таким образом, хотя уборщики пользуются вместо метел сложным оборудованием, а у женщины-техника руки вообще свободны — или были свободны, когда Старфайндер в последний раз видел ее на экране реального времени, — но в итоге все пять человечков получили в руки метлы.

Хотя он никогда раньше не бывал в приемном отсеке, ему знакомы там каждый угол и каждая щель. Отсек используют также в качестве экспедиторской, и, по-видимому, его единственное назначение — сортировка поступающих и отгружаемых медикаментов, для которых это здание служит оптовой базой. Для сортировки «срочных доставок», проходивших через его двери и тамбур, не требуется никакого специального оборудования, и нет ничего, что выдавало бы его скрытые функции. Само здание являет миру вполне благостный облик, и его внешнему виду невозможно предположить, что именно под этим зданием находится лаборатория декриогенизации, или склеп. Если даже в городе Ллуриде есть, что весьма вероятно, дюжина таких склепов, все они так ловко замаскированы, что Старфайндеру пришлось «обыскать» тысячу зданий, чтобы найти то, которое он нашел.

Не то чтобы существование подобных склепов были намерены держать в секрете. Дело попросту в том, что те, кто имеет право пользоваться ими... то есть голианские женщины, не считают разумным обращать на них внимание тех, кто такой возможности не имеет... то есть голианских или вообще любых других мужчин. Зачем махать красной тряпкой перед глазами мирно пасущегося быка? Бык, скорее всего, все равно не нападет, но для чего без нужды напоминать ему о его смертности?

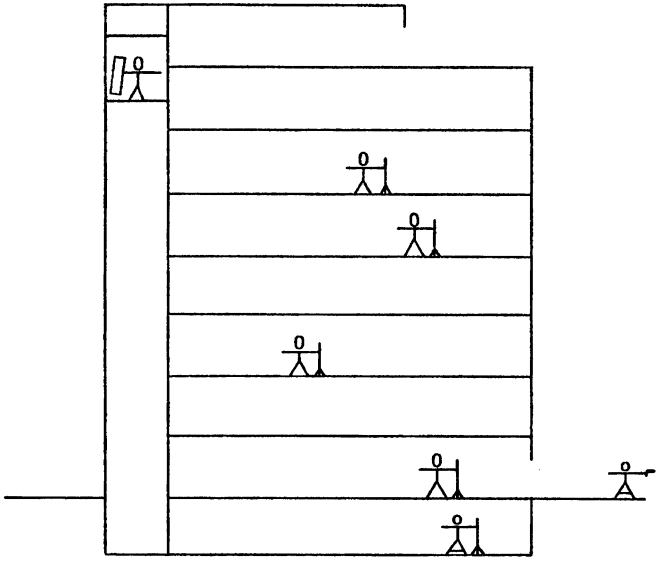
По той же причине здесь применяются лишь самые обычные меры безопасности: один охранник на крыше, один на улице.

В приемном помещении — несколько самодвижущихся и целый ряд двухколесных, ручных тележек. Старфайндер опускает свою ношу на одну из последних и катит ее в конец помещения, к лифту. Табло над дверью лифта указывает, что лифт нахо-

дится на четвертом этаже — факт, уже отображенный китом в его последнем послании. Он произносит в пусковой микрофон слово «крыша» и готовится ждать. Лифт реагирует не сразу. Вероятно, он нуждается в профилактике. В некоторых случаях, голианское оборудование проявляет сходство с голианскими женщинами. Внешне оно радует глаз, внутри же старо и безобразно. По большей части из-за того, что основная масса техники и технологий поглощается индустрией реконструкции космических китов. Где деньги, там и технические новшества.

Когда дверь открывается, Старфайндер завозит свой груз в кабину и произносит слово «первый» в ответ на вопрос металлического голоса «требуемый этаж». «Склеп» или «лаборатория декриогенизации» могли бы вызвать срабатывание бесшумной, тревожной сигнализации. Он не знает, так это или нет. Поэтому отправится на первый этаж и начнет оттуда.

Двери лифта закрываются, и начинается спуск. По просьбе Старфайндера кит снабдил его очередной схемой здания в разрезе:

В сущности, все остается без изменений.

Он обнаруживает, что ему трудно поверить, будто он опять на Фарстар****. Возможно оттого, что течение жизни на Голе так отличается от той жизни, какую он вел раньше. Или, возмож-

но, оттого, что его собственные страдания изменили его взгляд на вещи.

Еще он обнаруживает, как трудно поверить, что прошло меньше недели с тех пор, как он задушил Глорию Уиш и похитил кита. Но так и есть. Время, потраченное им в прошлом, в счет не идет. В его космический гроссбух внесены только часы, потраченные на нырки, плюс день, проведенный на современном Ренессансе.

Его взгляд останавливается на тележке, которую он прислонил к задней стенке лифта. На лежащей там ноше.

Его ноше.

Его взгляд проникает сквозь герметичную крышку гроба и останавливается на причине его возвращения. На замороженном теле Мишель Д'Этуаль, урожденной Сили Блё. На Девушке со звезд.

Он выкрал кита, желая получить доступ к сундуку с сокровищами — к прошлому, а обнаружил, что этот сундук сделан из желтой меди, и что дублоны, лежащие в нем, не имеют никакой ценности. Закованные в броню карфагенские слоны, въезжающий на холм Аттила, Ксенофонт, выводящий свои Десять Тысяч из-под носа Тиссаферна, Линкольн, произносящий Геттисбергскую речь, — все были отлиты из того же сплава, что и сундук. А дном сундука служила крышка. Лишь одна монета имела хоть какую-то ценность, но условия, определяющие возможность потратить ее, делали ее столь же бесполезной, сколь и остальные. Знать заранее, что завтра произойдет нечто, чего вы совсем не хотите, — это благословение, но только в том случае, если вы в силах предотвратить это событие. Если же вы неспособны сделать это, если любые ваши усилия обречены на то, чтобы стать причиной этого события, тогда ваше предвидение — это проклятие.

Проклятие столь же ужасное, сколь ужасно безумие, от которого ваши усилия невольно освободили вас.

Он опять слышит падающий лист — ее шаг. Опять отворачивается от портрета на стене Круглого зала. От портрета с надписью: «Ze Trouveur d'Etoiles».

Она в белой блузке с гофрированными на три четверти длины рукавами. Плиссированная голубая юбка. Белые туфли-лодочки делают ее почти одного роста с ним.

Волосы у нее темно-каштановые, почти черные. Брови напоминают крылья черных дроздов. Черных дроздов, улетающих прочь...

Цветочно-синие глаза.

Да, это лицо Девушки со звезд. Но в его глубине скрыто лицо Сили Блё.

Она стоит перед ним, обреченная на смерть, синие глаза-цветы поблескивают от утренней росы.

— Чарлз сказал мне, что ты здесь.

Он не может произнести ни звука.

— Я боялась. Я ждала тебя у двери. Я хотела, чтобы ты увидел мои картины. А в последнюю минуту убежала в комнату отдыха и спряталась там.

Наконец ему удается разомкнуть губы.

— Боялась?

— Боялась прошедших лет. Темной пропасти лет, которая пролегла между нами.

— Сили...

Она в его объятиях, всхлипывает.

— Я оставляла на поляне записки. Месяц за месяцем. Но ветер уносил их.

— Сколько же ты там ждала?

— Неделю.

Неделю. Неделю без еды. Босая. Одна. Всеми покинутая...

Она отстраняется и смотрит ему в глаза.

— Старфайндер?

— Да?

— Я ужасно по тебе скучала. Скучала ежемесячно. По тебе и Чарлзу. Все эти годы.

Его охватывает волнение. Да, в его объятиях действительно Сили, но она же и Девушка со звезд. Мишель Д'Этуаль. Мертвая девушка, которую он идеализировал, в которую влюбился. Мертвая девушка, которая больше не мертва, но которая, как ни парадоксально, скоро должна умереть. От его собственной руки.

Проклятие все еще лежит на нем.

— Сначала я подумала, что вы бросили меня. Вы с Чарлзом. Но я знала, сердцем чувствовала, что нет. Тогда я начала думать, что вы оба, и ты, и он, погибли. Но никак не могла поверить в это. Отказывалась верить... И когда сегодня под вечер со мной связался Чарлз, я не выдержала. Я прогнала всех. Людей, смотревших мои картины. Друзей. Всех. Я могла думать только о тебе.

Скоро она погибнет...

Он грозит Времени воображаемым кулаком. *«Нет, Время, я как-нибудь да справлюсь с тобой! Ты слишком далеко зашло!»*

Его взгляд касается тончайших шрамов у нее на висках, на щеках. Она чувствует его взгляд.

— Пластическая хирургия, — объясняет она. — После того как я ушла с поляны, я бродила весь день и ночью незаметно проскользнула в амбар поспать. Амбар загорелся.

Он в ужасе.

— Ты сильно обгорела?

— Не очень сильно, но прилично. К счастью, среди этих так называемых дикарей есть хорошие пластические хирурги.

— Так называемых?

— Они не так плохи, когда узнаешь их поближе. В конце концов, это наши предки!

— Да, наверное.

Он смотрит на нее. Теперь он опять видит перед собой Сили. Он мог бы увидеть ее давным-давно, увидеть в голубых глазах-цветах, но глаза Девушки со звезд были закрыты.

— Старфайндер?

— Да?

— Тебе не кажется, что пора поцеловать меня?

Она отступила назад и теперь стоит перед ним, пристально и серьезно глядя ему в глаза. Как будто не сознает, что она уже не тринадцатилетняя девочка, что прошло восемь лет с тех пор, как он в последний раз целовал ее, и что худое детское тельце теперь превратилось в сад, для которого даже Соломон не смог бы отыскать подходящих метафор. Как объяснить ей, что теперь он не может целовать ее так, как целовал прежде, и что простую привязанность заменил сложный набор чувств? Потом он обнаруживает, что нет необходимости что-то объяснять, потому что губы, наконец-то встретившиеся с его губами, — теплые и умудренные, а тело, прижавшееся к нему, не хуже сознаёт, что оно больше не тело тринадцатилетней девочки. И, как будто это не достаточное откровение, она говорит, после того как они разомкнули объятия:

— Я знаю, что ты чувствуешь, Старфайндер. Я чувствую то же самое. Я хочу, чтобы между нами было так. Моя любовь к тебе повзрослела.

Ее искренность и откровенность приводят его в замешательство, смущают. Сили никогда не сказала бы так. И Девушка со

звезд тоже. Вдруг ему становится очень трудно определить, что же все-таки за женщина стоит перед ним. Это совсем другая личность. Незнакомка.

— А разве ты этого не хочешь, Старфайндер? — спрашивает она.

— Хочу, — говорит он, ведь нельзя отрицать — он хочет обладать ею. Но ведь он *убил* ее. Чтобы скрыть смущение, вызванное бурей самых разных эмоций, он спрашивает: — Почему ты сменила имя?

— Хотела имя, похожее на твое. И сменила его, когда изучала в Париже живопись.

— Но почему «Мишель»?

— Я подумала, что Мишель звучит более по-земному. Взрослее, чем «Сили».

Он молчит. Он спустился на Землю, чтобы спасти маленькую девочку и забрать ее с собой внутрь кита. Но та маленькая девочка исчезла навсегда, а у занявшей ее место женщины, должно быть, есть собственная жизнь с приложением неизбежных многочисленных связей. Так ли ей обязательно нужно обменять эту жизнь на жизнь в чреве космического кита? Оборвать все связи? Сбежать с человеком, который никогда не мог сколько-нибудь удовлетворительно наладить собственную жизнь или хотя бы разобраться в ней, с человеком, который вырос на Дёрте, с человеком, однажды сошедшим с ума и вовсе не уверенным, что он уже не безумен?

Разумеется, он может хотя бы предупредить ее.

— Сили... Мишель... прежде чем ты решишь, что именно делать, тебе нужно кое-что узнать обо мне. Первую часть своей жизни я провел на планете под названием Дёрт. Возможно, ты слышала о ней, но ты не могла слышать о том, что на самом деле представляет собой эта планета. Люди, живущие там, исповедуют искаженное ессеями христианство; любовь между мужчиной и женщиной там по сути запретна, счастье считается грехом. Я покинул Дёрт, когда мне было семнадцать, но он оставил на мне свою отметину. Это не могло помочь, но помогло. Так что видишь — я не совсем такой, каким могу казаться.

— Ты хочешь сказать, что у тебя трудности с сексом? — спрашивает Сили\Мишель. — Ха! Не верю! Кроме того, я уже решила, что мне делать. Где «Старейнджер»? Я хочу взять с собой несколько своих картин.

Он вздыхает.

— На крыше.

— Однако сначала я хочу забрать кое-какие вещи из своей квартиры и попрощаться кое с кем из друзей. Поедем на моей машине, а Чарлз может подогнать туда «Старейнджер», забрать нас оттуда, а потом назад. — Она делает паузу, запоздалая мысль туманит ее синие глаза-цветы: — Может быть, я слишком многое принимаю как само собой разумеющееся. Может быть, ты больше не хочешь видеть меня на борту кита?

— А зачем мне иначе быть здесь?

— Но ты ожидал встретить *маленькую* девочку.

С притворной веселостью, которой вовсе не чувствует, он говорит:

— Меня устроит и большая.

Насмешливая гримаска, которую вызывает это его замечание, это Сили, и только она.

— Ну *ты* и скажешь! — замечает она — так, как всегда. Почти.

Когда они выходят из здания и забираются в ее автомобиль, его одолевают новые сомнения. Не пустить ли все на самотек? Не передал ли он бразды правления Времени, оказывая столь слабое сопротивление?

Но что такое этот самотек, естественный ход событий? Если бы он просто ушел и оставил ее, не было бы это частью их естественного течения? И не будет ли его частью любое его действие или бездействие? Разве движущийся палец уже не оставил надпись. Разве уже не предначертано все то, что он делает или не делает? Не будет ли любое принятое им решение тем, какое требует от него Время?

Разве сами его мысли не суть часть или части той роли, для которой он был избран?

Возможно. Но у него есть туз в рукаве. В обычных драмах ни один из участников не знает заранее, что должно случиться. А в этой драме один из них знает это наверняка. Он сам. Да, он не знает деталей сюжета. Но знает, что если дать ему развиваться точно как написано, то Мишель Д'Этуаль, урожденная Сили Блё, отправится в космический рейс, из которого уже не вернется.

Несомненно, если один из персонажей пьесы знает, чем она должна кончиться, он обязан найти в себе силы выйти из своей роли достаточно надолго, чтобы обеспечить совсем иную развязку.

Но, возможно, он — не один из персонажей. Или в лучшем случае он, возможно, играет одну из второстепенных ролей. Бессловесного оруженосца. Он может только ждать и смотреть.

Автомобиль у Сили\Мишель электрический. Она едет, опустив стекло, ночной ветер играет ее волосами. Ему неловко сидеть рядом с ней. В последний раз он сидел рядом с ней, когда она была в детской ночной рубашке — и очень тринадцатилетней.

Она говорит:

— Когда меня выпустили из больницы, меня забрала социальная служба. С самыми благими намерениями они передали меня приемным родителям, которым хватало ума пропивать большую часть денег, которые выделяли на мое содержание, ни разу не выдать своего пристрастия к алкоголю сотруднику соцслужбы, который периодически приходил к ним с проверкой. В школе я уже знала большую часть того, чему меня собирались учить, и еще много другого. Это не значит, что я многому выучилась в школе на Ренессансе — нет. Школы на Ренессансе очень напоминают школы на Земле: большая коробка — спортзал, коробки поменьше — классы. *Haute bourgeoisie* обожают легкую атлетику, почти так же, как земляне. Я должна бы сказать «будут обожать» и «когда-то земляне», правда, ведь Ренессанс — это будущее Земли, а Земля — прошлое Ренессанса. Но, если прыгать во времени то назад, то вперед, как делали мы, начинаешь путаться, а цивилизация, в которой я частично росла, во многих отношениях напоминает ту цивилизацию, частью которой я стала.

В любом случае, в школе на Ренессансе я выучилась не многому, и не будь там подпольных библиотек, на Земле мне пришлось бы корпеть над уроками столько же, сколько другим детям. Но в подпольных библиотеках было то, что «отверженные» учителя называли «обучающими машинами»: такая машина всего за час могла научить тебя гораздо большему, чем учитель на Ренессансе или на Земле — за неделю. Поэтому для меня учиться на Земле было как бревно катить с горки. Я мигом разделалась с образованием, выиграла стипендию и окончила школу в шестнадцать лет. Другая стипендия позволила мне уехать в Париж. Когда я вернулась и мои картины начали продаваться, я осела здесь, в Буффало. Мое лицо пострадало от огня не все, но оно не помогало мне на приемах и фуршетах, и в прошлом году я сделала пластическую операцию. Ведь мой талант совсем не велик. То, что я из другого мира, из другого времени, дает мне уникальный взгляд на вещи. Вот что помогает мне продавать картины. Боль-

шую часть своих работ я рисую по памяти, и, возможно, по этой причине критики называют мои полотна высокохудожественными и «несущими в себе глубокую мысль». Хотя в них нет ни того, ни другого. Я всего лишь выражаю так ностальгию... Ну вот, я столько наговорила тебе, Старфайндер... Теперь твоя очередь рассказывать.

Он рассказывает ей про Бездну. Про сбой в поступлении солнечной информации, из-за которого компьютер пропустил восемь лет. Про то, как кит едва не погиб. Но опускает часть, касающуюся Девушки со звезд, позволяя ей предположить, что кит каким-то образом излечился сам. Для него по-прежнему невозможно рассказать ей про Девушку со звезд. Никогда.

Сам того не желая, он мысленно снова воспроизводит этот момент. Снова наблюдает, как она материализуется из синевы и приближается к розе. Снова смотрит, как она кладет руку на стебель, как поворачивается, уходит в глубокую синеву и исчезает... И, когда она исчезает, он чувствует всю важность этой минуты и понимает, что само его присутствие рядом с живой девушкой неопровержимое доказательство того, что ей предназначено умереть, погибнуть в космосе, в маленьком корабле, что именно ему предначертано забрать ее тело на борт кита, где, когда время придет, оно пробудится от сна, и вылечит розу, и сделает возможным его присутствие рядом с живой девушкой. Что независимо от того, что он делает или не делает сейчас, ее смерть — будущий *совершившийся факт*.

Несомненно, киту известно об этом с тех самых пор, как он выяснил, кем стала Сили. И, несомненно, он не мог заставить себя выдать этот секрет Старфайндеру. Так же, как не мог заставить себя до последней минуты не просто намекнуть, а внятно объяснить, что вместо месяцев прошли годы, и что маленькая девочка, которую они оставили на поляне, выросла.

Но, конечно же, рассуждает Старфайндер, конечно же, Вселенная без начала и без конца должна быть безгранично большой. И, будучи безграничной, она должна быть безграничной в безграничном множестве аспектов. Не может быть единственным результатом для любого данного хода событий. Должны быть отражены все возможные результаты, даже если это означало бы создание всех возможных вселенных. Так что если ему удастся прервать роковой космический полет и тем самым предотвратить смерть Мишель\Сили, никакой парадокс не возникнет. Просто родится альтернативная вселенная — такая, в которой нет ника-

кой Девушки со звезд, такая, в которой кит излечился совсем другими средствами, такая, которая во всех прочих отношениях будет полностью идентична этой.

Мишель свернула на улицу, застроенную по обеим сторонам высокими многоквартирными домами с множеством балконов. На первый взгляд они кажутся точными копиями друг друга, но более близкое их изучение выявляет отличия в конструкции и отделке. Она останавливается перед одним из них и глушит мотор.

— Тебе надо зайти и познакомиться с Тодом и Тедом.

Тод и Тед... По спине Старфайндера пробегает предупреждающий холодок.

— Кто они?

— Звездные мальчики. Ты наверняка видел их портреты на моей выставке... Они ужасно огорчатся, когда узнают, что я не смогу отправиться с ними. Что уезжаю. Но тут ничего не поделаешь.

С ними...

— Куда с ними?

— На космический пикник. Сейчас это очень популярное развлечение. Наш был назначен на завтра. Мы планировали его несколько недель. И должны были лететь сегодня вечером. Звездные мальчики богаты, как Мидас — вернее, богаты их родители, — и у них есть собственный маленький космический корабль. «Звездный ястреб». Они уже дважды облетели вокруг Луны.

Ночь, такая теплая всего минуту назад, становится холодной. Время наконец раскрыло карты, сюжет обретает форму. Старфайндер должен каким-то образом изменить ее, пока она еще податлива. Он должен перехитрить Время. Время, эту сокрушительную силу, сметающую все на своем пути, неумолимо катящую вперед. Но сначала он должен определить точное направление сюжетной линии.

— Ты не зайдешь?

Мишель вышла из электроавтомобиля и подошла к тротуару. Она стоит там и ждет; ветер по-прежнему перебирает ее волосы. Старфайндер присоединяется к ней, и они идут по бетонной дорожке к входу. Привратник в униформе приветливо кивает Мишель, бросает косой взгляд на Старфайндера и распахивает двустворчатую стеклянную дверь. Старфайндер, внезапно осознав всю странность своего наряда (голубая куртка, широкие брюки,

широкий красный кушак и черные «луноходы»), следует за Мишель через небольшой, приятно обставленный холл к лифту. Лифт поднимает их на девятый, самый верхний этаж, и они выходят в устланный ковром коридор. Коридор пуст; толстый ковер поглощает звуки шагов, пока Мишель ведет его мимо широко распахнутых дверей к двери с номером 909. Дверь приоткрыта, но войти они не успевают — в коридор выскакивают двое молодых людей. Их яркая безвкусная одежда делает наряд Старфайндера заурядным.

— Майк, мы готовы отчалить, — говорит один из них. — Опаздываешь. — Второй оценивающе взглянул на Старфайндера. — Это из-за *него* ты выпроводила нас домой, Майк?

— Это Тод; это Тед. Это Старфайндер.

Старфайндеру сердечно жмут руку, и он понимает: то, что он принял в поведении Тода за враждебность, — всего лишь любопытство. Тод — который с бородой; Тед — с длинными каштановыми волосами. Они уводят Старфайндера в комнату, Мишель идет за ними. Комната представляет собой гибрид студии и жилой зоны. Арка обеспечивает доступ в небольшую кухню, где у маленького стола выстроились три стула. Помимо двери, через которую они вошли, из комнаты-студии выходят еще две двери, одна справа, другая слева от него. Та, что справа, приоткрыта, за ней виднеется изножье большой кровати. Та, что слева, закрыта.

Вскоре он обнаруживает, что сидит на упругой тахте, и совершенно не представляет, как там оказался. На кофейном столике перед ним появляется выпивка. Он делает большой глоток, не чувствуя вкуса, и ставит стакан на место. Его взгляд возвращается к закрытой двери, которая теперь прямо напротив него. Ведет ли она, как ее копия, в спальню?

В спальню Мишель?

Тод и Тед стоят посреди комнаты, каждый со стаканом в руке. Мишель стоит перед ними. Разговор в самом разгаре.

— Но ты не можешь вот так вот просто свалить, Майк! — (Это Тед). — Мы слишком долго были вместе.

— По крайней мере слетай с нами на пикник, а потом решай. — (Тод).

— И оставь Старфайндера здесь, да!

— Возьми его с собой. — (Тед). — Места хватит. Я не возражаю против компании из четырех человек. А ты, Тод?

— Нет, если это сохранит семью.

Старфайндер чувствует за спиной Время, эту разрушительную колесницу. Он поднимается со своего места.

— Полагаю, — говорит он, обращаясь к Мишель, — нам лучше сейчас же уехать.

— Я соберу вещи.

— Эй! — говорит Тод.

— Эй! — эхом вторит Тед.

Она подходит к закрытой двери и открывает ее. Эта дверь ведет явно не в спальню целомудренной молодой девицы, ведущей платоническое существование с двумя молодыми людьми. Эта дверь ведет в стенной шкаф.

В глубине сознания Старфайндера, шевельнулся во сне безумный Монах.

Колесница-разрушитель сдвигается вперед на неумолимый дюйм.

Мишель снимает с верхней полки чемодан, ставит его на соседний стул и открывает. Она начинает укладывать в него платья и юбки, соседствующие в шкафу с блейзерами и кричаще-яркими широкими брюками. Тод и Тед присоединяются к ней. Они начинают уговаривать ее, вполголоса, но у Старфайндера тонкий слух.

— Майк, ты спятила. Погоди хоть несколько дней. — (Тед).

— Ты сошла с ума, Майк? — (Тод). — Этот шут, с которым ты собралась бежать, тебе в отцы годится!

— Нет! И я не сбегаю, а просто *ухожу*. Возвращаюсь туда, где мое место.

— Где же это? — (Тод).

— Не имеет значения. Вы двое можете забрать мою машину. Можете продать ее, если хотите. Я подпишу право собственности перед уходом.

Тод хватает ее за плечи и целует.

— Ты не можешь вот так уйти, Майк! Такие тройки, как наша, складываются не каждый день!

Мишель высвобождается из его рук. Она складывает зеленое платье, убирает в чемодан к остальным. Ее движения и экономны и неторопливы. Она, кажется, ничуть не огорчена. Старфайндер пристально вглядывается в нее. На Дёрте ей давно обрили бы голову, а ее саму поставили бы к позорному столбу на площади. Даже на Голе ее образ жизни вызвал бы неодобрение. И тем не менее она стоит тут, словно святая, излучая невинность.

Безумный Монах, окончательно проснувшись, начинает колотить в дверь своей темницы.

— Тебе слишком нравится наша жизнь, Майк, — говорит Тед. — Ты не сможешь обойтись без нас.

— Может быть, и нет. Но я попробую.

Замок щелкает, как ломающийся прутик, и Монах вырывается из своей темницы, тесня тюремщика. В сознании Старфайндера внезапно взрываются безобразные грубые слова, обретают форму непристойные картины. Он обнаруживает, что широкими шагами пересекает комнату. Увидев его лицо, Тед и Тод пятятся. Мишель в упор смотрит на него, но не отшатывается.

Голос его звучит хрипло.

— Это и есть твоя *семья?*

— Иногда мы называем такие треугольники семьями, Старфайндер. Может быть, мне следовало объяснить это прежде, чем я привела тебя сюда. Такие вещи — дело обычное; я сочла само собой разумеющимся, что ты все знаешь об этом. Я... наверное, я просто забыла, что ты с Гола.

— Не с Гола. С Дёрта!

Тогда она отшатывается, но не из-за самих слов, а из-за бешеной страстности, с какой он их произносит.

— Не кричи на меня, Старфайндер.

— Ты не та девочка, за которой я прилетел на Землю. Ты незнакомка! Скандально живущая с двумя мужчинами! Без стыда!

— Почему я должна стыдиться? Сейчас Век сексуального просвещения. Средневековье Секса давно позади.

— Просвещение! Просвещение — совокупляться с грязной кучей тел?

— Пожалуйста, не говори так, Старфайндер.

Его хриплый голос безжалостно продолжает разгон:

— Ты и твоя проклятая Ба! Как же *они* любят тебя, твои любезные Тед и Тод? Сколькими извращенными способами? И как *ты* любишь *их?*

Лицо у нее белое, как меловые скалы Донуорлда, но она сохраняет самообладание.

— Здесь, на Земле, у нас полная сексуальная свобода. Совсем не так, как на Ренессансе. И совсем не так, как на... на... — В ее глазах вдруг появляется осознание. — На Дёрте. Ты болен, Старфайндер. Теперь я понимаю, на что ты намекал. У тебя действительно есть предубеждение против секса. Позволь, я помогу тебе. Я полечу с тобой, и...

— *Нет!* — Безумный Монах рассвирепел. — Я не хочу, чтобы ты была рядом со мной, потаскушка! Проститутка! — Его рука поднимается, словно бы самопроизвольно, и бьет ее по щеке.

Откачнувшись, она едва не падает. Но не сводит глаз с его лица. Они широко открыты, в их глубине — темная синева потрясения и печали. Пока он стоит, глядя в них, их туманят слезы.

Тод делает шаг вперед и хватает его за запястье. Старфайндер вырывается и наносит звездному мальчику удар в горло тыльной стороной кисти. Тод спотыкается о стул, на котором стоит чемодан и стул опрокидывается, разбрасывая по полу разноцветные платья, юбки и блузки.

— Ты одержимый, Старфайндер, — шепчет Мишель. — Одержимый! Как это, должно быть, ужасно!

Слуха Старфайндера достигают далекие крики. Это повторяющиеся отголоски хриплого голоса... голоса безумца. Он опознает в нем свой голос.

Мишель, и Тод, и Тед направляются к двери.

— Подождите, — хрипло говорит кто-то. И снова Старфайндер узнает свой голос. Ему кажется, что его не слышат, и он спрашивает: — Куда вы?

Мишель оборачивается и смотрит в его сторону. Слезы, блестевшие в ее глазах, теперь умножились и зигзагом текут по щекам.

— На пикник, — говорит она. — Я... я не думаю, что тебе стоит присоединяться.

— Подожди, — снова говорит Старфайндер, но она выбегает из комнаты. Звездные мальчики — за ней, пересмеиваясь. Оставшись один, Старфайндер слышит другой смех. Издевательский. Это торжествует Время, празднуя победу.

Он одиноко стоит среди разбросанной пестрой одежды, которую она никогда уже не наденет. *Итак, Время, в конце концов ты победило.*

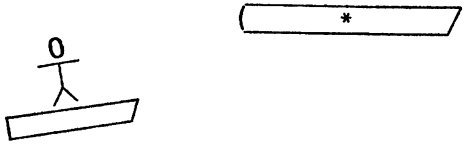
Но он знает, что не Время победило его. А он сам.

Он с трудом подходит к двери и выходит в коридор. Идет по коридору к балкону в дальнем его конце. И появляется там как раз вовремя, чтобы увидеть, как далеко внизу Мишель и два мальчика, выходят из подъезда и садятся в ее электромобиль. Старфайндер наблюдает, как он отъезжает от тротуара и едет по

улице; Мишель за рулем. Он смотрит, пока деревья не скрывают машину из вида.

Возможно, еще не все потеряно. Возможно. Он все еще может выйти из роли Палача.

Но кит не согласен с этим, что поясняет символ, только что переданный им:

Он хочет, чтобы Старфайндер снова присоединился к нему в космосе, потому что кит знает — как знает в глубине души он сам, — что все дальнейшие его попытки предотвратить предстоящий космический полет, послужат лишь к скорейшему его осуществлению.

Нет никаких сомнений, что с тех самых пор, как кит обнаружил Сили и опознал в ней мертвую девушку, находящуюся в его трюме, он знал, что она обречена. Он позволил Старфайндеру предпринять шаги к ее спасению, потому что знал — он не сможет его остановить, но объявил: все.

«Так тому и быть, кит. Пришли за мной «Старейнджер». Я сяду в него прямо здесь».

Улица внизу пустынна, лишь изредка по ней проносится машина. Он стоит на балконе в ожидании «Старейнджера», и ему вдруг кажется, что он на улице и смотрит вверх на самого себя. Единственный свет, достигающий балкона, — свет, падающий сзади, из коридора, и тусклый свет уличного фонаря в квартале от него, и тем не менее он может видеть себя снизу с опустошающей отчетливостью. Он видит, кто он такой.

— Полюбуйтесь, — говорит он, глядя на себя. — Только полюбуйтесь на этого человека с Дёрта. Полюбуйтесь — вот тот самый человек, который забрался по лестнице к звездам, не отряхнув с подметок прах родной планеты. Тот, кто нашел в космосе мертвую девушку и поклонялся ей, принося каждый день синий букет. Тот, кто приписал ей качества, ожидать которых от нее, был не вправе. Тот, кто, когда она вновь вернулась к жизни, вдрызг раскритиковал ее за то, что она не намного лучше простых смертных, среди которых он бросил ее. Любуйтесь!

Старфайндер на балконе вздрагивает. Безумный Монах в его сознании дико озирается по сторонам, пытаясь обрести поддержку. Никого и ничего, не обнаружив, он спускается в свою темницу.

Старфайндер на улице не знает пощады.

— Тот, кто обманом заставил себя поверить, что ему нужно победить Время, тогда как победить требовалось его самого. Тот, кто до сих пор не может оторвать ноги от Дёрта. Взгляните на этого несчастного Гамлета, чье море несчастий есть не что иное, как Океан Пространства-Времени. Взгляните!

Старфайндер на балконе не может взглянуть себе в глаза. Он обращает взгляд к опустошенному небу, где заревом ада отражается страшный пожар, бушующий в городе. Похожий пожар бушует в его душе.

В темнице его сознания безумный Монах ложится и снова погружается в сон, но это сон, от которого он рано или поздно пробудится. Есть только один способ успокоить его навсегда. Старфайндер на балконе знает это очень давно, но до сих пор не решался взглянуть правде в глаза.

— Да, — говорит Старфайндер на улице. — Чтобы уничтожить Монаха, ты должен уничтожить себя. Но не сейчас.

Нет, не сейчас. Сначала надо сделать еще кое-что.

Появление «Старейнджера» кладет конец этому раздвоению личности. Старфайндер поднимается на борт почти невидимого корабля. Он не сообщает киту, куда хочет отправиться. В этом нет нужды, ведь кит и так все знает. Возвращение Старфайндера на Фарстар**** подразумевалось еще при его побеге.

Лифт, этот пережиток старины, дергается, останавливается на первом этаже и открывает дверь в просторный холл. На дальней его стороне в мягком кресле сидит уборщик и наблюдает за автополотером. В сторону лифта он не смотрит. Сквозь гласситовые двери холла видна охранница у главного входа. Она тоже смотрит в противоположную сторону.

Завывания автополотера заглушают звук открывающейся двери, и уборщик не подозревает, что лифт приехал. Как и охранница у главного входа. Старфайндер торопливо закрывает дверь лифта вручную. Теперь придется рискнуть тем, что сработает сигнализация — у него нет иного выбора. Но он почти у места своего назначения и, даже если сигнализация сработает,

все равно сумеет выполнить свою задачу. Ждет его успех или нет, маловероятно, что ему удастся покинуть Фарстар**** живым, но собственное будущее его не волнует. Его заботит лишь «воскрешение» девушки, которую он гневно осудил и подтолкнул к смерти.

Он произнес в небольшой микрофон, установленный возле двери:

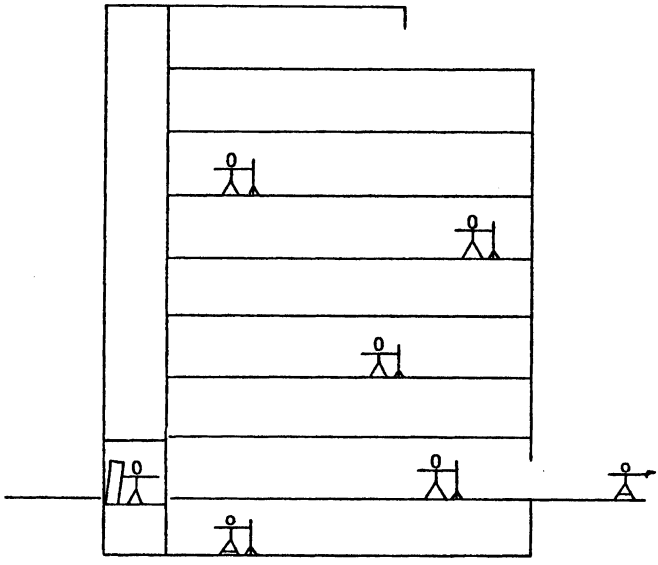
— Лаборатория декриогенизации.

Лифт и не думает ехать. Вместо этого он сообщает:

— Неуполномоченным лицам вход ниже первого этажа воспрещен. Вы лицо неуполномоченное. Следовательно вам запрещено опускаться ниже первого этажа.

Проклятье! Надо было догадаться. Вопрос теперь в том, попало ли уже его изображение в центральный компьютер, прозвучал ли сигнал тревоги. Но на самом деле это не имеет значения. Он намерен продолжать начатое, невзирая ни на немедленные, ни на отсроченные последствия.

Он срезает тонким лучом своего «Вейканцера» коробку управления, находит контакт переключателя и замыкает его вручную. И тотчас эта большая комната продолжает свое путешествие вниз. Он уже готов запросить очередную схему разреза здания, когда кит, опередив его, транслирует:

Он хмурится. Женщина-техник прошла через лабораторию-склеп и сейчас находится неподалеку от шахты лифта. Считать ли ее перемещение следствием настороженности, или оно вызвано ее служебными обязанностями?

Он адресует этот вопрос киту.

???

Кит не знает.

«Проникни в ее мозги, кит. Выясни».

Пауза. Лифт продолжает очень медленно ползти вниз. Затем появляется символ:

???

Старфайндер не удивлен. Кит может читать его мысли благодаря определенной гармонии их отношений. Естественно, подобных отношений между ним и техником нет.

Возможно, она перешла на новое место из любопытства, желая узнать, что это за ранний посетитель. Она наверняка услышала, как спускается лифта. Она не вооружена и не представляет никакой серьезной угрозы. Но было бы лучше, если бы удалось застигнуть ее врасплох. Он не может рисковать тем, что причинит ей вред — ее мастерство и квалификация жизненно необходимы для успеха его предприятия.

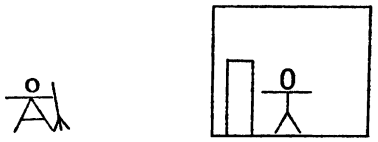
До сих пор он не задумывался о том, что будет делать после того, как Сили\Мишель подвергнется декриогенизации. Дальше этого его воображение не шло. Если ему удастся снова забрать ее на борт кита — чудесно. Если нет и его схватят... ну что ж, и это будет неплохо. Он все равно преуспеет в том, что собирается сделать — успеет вернуть Сили\Мишель те годы, которые Время с его помощью похитило у нее. Ведь стоит только возвратиться к жизни, и все ее проблемы исчезнут. На ней не будет вины ни за какие преступления, и тем самым властям Гола, которые не остановились бы ни перед чем, лишь бы воспрепятствовать ей вернуться к жизни, не останется ничего иного, кроме как позволить ей жить и покинуть Гол когда вздумается.

Самого Старфайндера, если его задержат, будут судить за убийство Глории Уиш (и «ангел» выступит главным свидетелем) и приговорят к смерти через сброс «за борт».

Казалось бы, ему лучше бы сбежать до преступления. Конечно, было бы совсем не трудно «угнать» кита с Гола раньше, чем

он похитил его. Но такое рассуждение предполагает в нем волю к жизни, а ее больше нет. Старфайндер хочет умереть.

Лифт содрогается и останавливается вровень с полом склепа. На этот раз Старфайндер удерживает дверь, не давая ей открыться. Стоит ли женщина-техник прямо перед ним, лихорадочно думал он, а если нет, то где — справа или слева? Он спрашивает у кита: *«Где она, кит?»*

Справа.

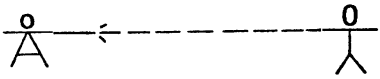
Он отпускает дверь и выходит в склеп.

Название «склеп», пусть поэтичное, в действительности неверно. Подземное помещение — это ультрасовременная лаборатория, несмотря на то, что декриогенизационные контейнеры, выстроившиеся вдоль стен, странно похожи на женскую грудь.

Он уже провел рекогносцировку с помощью ВАК кита. Тем не менее помещение приводит его в замешательство. Он не ожидал, что там так холодно. Он не предвидел, что из-за вмонтированных в потолок ярчайших голубых светильников, у стоящего под ними человека возникнет ощущение наготы. И явно не сумел предугадать отвращение, которое вызовут контейнеры, напоминающие женские груди.

Но его реакция на это помещение длится от силы долю секунды. Ведьма стоит именно там, где кит изобразил ее. Старфайндер с удивлением видит, у нее в руках метлу. Нет, не метлу — длинный блестящий стержень со множеством тонких трубочек на одном конце, напоминающих пучок серебристых соломинок. Декриогенизационный щуп. Он уже видел его и ему подобные во время рекогносцировки, но они не вызывали у него ассоциаций с метлами. Кит тоже. Но, когда Старфайндер мысленно увидел эту штуку в сочетании с метафорическими метлами, которыми кит снабдил схематических человечков, чтобы обозначить их род занятий, он затруднился провести различие. Он неправильно считал символ, а кит не заметил, что он неверно истолковал его послание.

И вот, кит, сделавший из неудачной попытки Старфайндера еще в лифте вытащить свой «Вейканцер» вывод: что-то неладно, передает ему в качестве предупреждения очередной символ:

...но то, что должно произойти согласно этому рисунку, уже происходит, декриогенизационные частицы из поднятой ведьмой «метлы» уже проникают в мозг Старфайндера. Этот инструмент сконструирован для лечения замороженных тканей; он не может не причинить вреда нормальным тканям. На сетчатке Старфайндера взрываются микроскопические сверхновые, но, когда он валится на пол, яркий блеск уступает место темноте. Его последняя безнадежная мысль — о лежащем в гробу-рефрижераторе теле Девушки со звезд, остающемся на милость чудовищ, которые ненавидят юность, потому что свою оставили очень далеко.

Глава 10. Выброшенный за борт

На Фарстар**** мужские тюрьмы скромно именуют Исправительными комплексами. Принято считать, что это — памятники женской гуманности по отношению к мужчине.

Возможно, самый выдающийся из них тот, что расположен в Грин-Белте, чуть севернее Сверца. Усеянное многочисленными окнами здание сложено из белоснежного гранита, которым Гол издавна славится наряду со своими Орбитальными верфями. Усталый утомленный путник с первого брошенного издалека короткого взгляда на эту безупречную сверкающую сложную структуру, воображает, будто перед ним нирвана. Но он поистине будет далек от правды. Здесь и внутри, и снаружи используются силовые поля, и безмятежное спокойствие окрестных земель не нарушают ни ограды, ни стены, в то время как античное изящество интерьера не ведает засовов и решеток. Каждый обитатель, независимо от природы его преступления, располагает собственной квартирой, оборудованной и обставленной, где есть все домашние удобства и комфорт. В центре корпуса расположен большой развлекательный комплекс, который может похвастать всевозможными электронными играми, а в цокольном главного

здания размещается забавный магазинчик, где каждый «сиделец» может купить дополнительные мелочи — сласти, жевательную резинку, газированную воду с сиропом, так востребованные повсюду заключенными. Разумеется, посетитель получает ошеломляющее впечатление не от тюрьмы, как таковой, а лишь от шикарной обстановки, предназначенной для обслуживания, питания и развлечения несчастных представителей мужского пола, сбившегося с пути истинного.

Тем не менее у этих отдельных квартир существует не поддающееся четкому определению свойство, которое, несмотря на роскошную обстановку и домашнюю атмосферу, наводит на мысль о средневековых темницах, вырубленных в твердой скале. Это особенно справедливо в отношении квартир, составляющих так называемый Предсбросовый сектор, или, по шутливому выражению, придуманному осужденными, Солярий. Взять, к примеру, квартиру Старфайндера. Она может не похвастать ковром «от стены до стены», удобным диваном, глубоким креслом, подобранным под пару столом и стулом, большим голографическим экраном-кубом, комодом с множеством ящиков, ночным столиком и установленной на возвышении большой кроватью с музыкальным матрацем. Незаметная дверь ведет в небольшой санузел, вмещающий мраморный умывальник, ванну с душем, и старинный функциональный стульчак. Кровать, ночной столик и комод частично отгорожены, а вторая неполная перегородка скрывает холодильник, заполненный заготовками для легких закусок, служащих дополнением к той вкусной еде, которую трижды в день «проталкивают» в маленький люк, расположенный у основания главной двери из нержавеющей стали, — вместе с невидимым силовым полем она незаметно преграждает путь к свободе. Однако, несмотря на все эти прелести, впечатление средневековой тюрьмы сохраняется. Возможно, виновата световая гамма — не только стен и потолка, но и мебели: она варьирует от угольно-серого (ковер) до голубовато-серого (потолок). И единственное окно в этом помещении бесспорно дополнительный фактор. Оно маленькое, очень узкое и расположено достаточно высоко, что вынуждает Старфайндера вставать на цыпочки, когда ему хочется выглянуть в него. По правде говоря, он не часто выглядывает в него, ведь там не на что смотреть, кроме обширного пространства похожей на японские кинжалы-кунай травы, протянувшегося до самого горизонта; тем не менее всякий раз, выглядывая в него, он вспоминает строки из байроновского *«Узника»*:

На лоне вод стоит Шильон;
Тем, в подземелье, семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет...

Осужденного убийцу, ожидающего исполнения приговора (если против него на Ренессансе и возбуждено дело о похищении, это известие еще не достигло Гола), его в его квартирке держат взаперти. Теперь вот уже десять дней он видит одни и те же стены, один и тот же потолок, одну и ту же мебель, одни и те же программы на большом голографическом экране-кубе. Да — и, разумеется, одну и ту же картину. Она висит на стене над диваном и изображает свадьбу на Голе. Скучающая жрица «окольцовывает» шею невесты «пятым ребром» жениха, на это глазеют три подружки невесты. Всякий раз, как Старфайндеру попадается на глаза эта картина, он содрогается.

Ему не придется слишком часто поглядывать на нее или долго чахнуть в своем Шильоне — его казнь уже назначена. На завтрашнее утро.

Он встретит смерть с распростертыми объятьями.

Не то, чтобы он считал себя виновным в преступлении, за которое его приговорили. В убийстве Глории Уиш. Глория Уиш жива-живехонька. Нет, он не считает себя виновным в этом преступлении. Его не признал виновным в этом преступлении даже Ареопаг, заседавший на мостике корабля-кита.

Но он считает себя виновным в другом преступлении. В убийстве Мишель Д'Этуаль.

Он не может убедить себя, что ее смерть была *свершившимся фактом* еще *до* того, как его злые слова отправили ее в тот роковой космический полет, в котором она решила было не принимать участия. Он не может убедить себя, что сказал то, что сказал, поскольку им это в определенном смысле уже было сказано им; что причина должна предшествовать следствию независимо от того, где имеет место это следствие — в чьем-то прошлом или в чьем-то будущем. И даже если бы ему удалось убедить себя в этом, он никогда бы не простил себе те слова. Не Время вложило эти злобные слова в его уста. Это сделал безумный Монах. А безумный Монах — это он сам.

Во время судебного разбирательства по делу об убийстве Глории Уиш он не произнес ни единого слова в свою защиту, ведь в том зале суда, что был в глубине его души, его судили

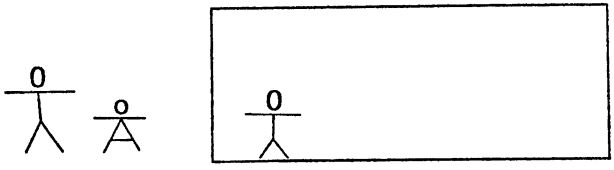
как убийцу Мишель Д'Этуаль. И когда его признали виновным в одном преступлении, он с радостью признал себя виновным в другом.

Можно поспорить вот о чем: если он считает себя ответственным за смерть Мишель Д'Этуаль, то он в ответе и за смерть звездных мальчиков. Возможно, да — но их смерть ничего не значит для него, и было бы лицемерием с его стороны утверждать обратное. Нет, он убил только Мишель Д'Этуаль, и только обвинение в ее смерти он готов с радостью принять.

Но у его победы есть изъян. Он убил Мишель Д'Этуаль дважды, а умереть может только один раз.

Но в одном отношении — в отношении безумца в его голове — одного раза вполне достаточно.

Кит, который все эти недели, если не учитывать короткие путешествия в глубины космоса за «едой», преданно оставался «при нем», сообщил, что к Старфайндеру собираются гости:

Один из них, по-видимому, великан. Второй посетитель — женщина.

Великан на поверку оказывается киборгом. Женщина оказывается Глорией Уиш.

Старфайндер ошеломлен. Он не одну неделю ждал, что она свяжется с ним по поводу кита, но полагал, что контакт будет осуществлен через третьих лиц. Ему и не снилось, что она снизойдет до того, чтобы явиться к нему собственной персоной.

Прошло много времени с тех пор, как он впервые увидел ее после своего возвращения. В ходе судебного процесса он видел ее каждый день. И, пока она занимала место свидетеля, давая показания по поводу собственного убийства, она ни разу не отвела глаз от его лица, а после он постоянно чувствовал ее ледяной взгляд на своей шее.

Сейчас ее взгляд застыл на его лице. Несмотря на его знакомство с процессом декриогенизации, он по-прежнему чувству-

ет замешательство в присутствии женщины, которую лишь немногим больше месяца тому назад убил собственными руками.

— Пожалуйста, садись, — говорит он.

Она качает головой. Высокая, холодно-красивая, на сей раз она в зеленых тонах. Зеленый лиф, сквозь который торчат соски. Зеленая полупрозрачная облегающая юбка, которая липнет к ее гибким ногам словно зеленая кожа. Зеленые туфли с чуть загнутыми носами. На голове зеленая лента со сверкающим изумрудом в центре. Волосы, только что уложенные немыслимой волокнистой копной, напоминают настоящий, желтый сноп пшеницы, доставленный с полей Юга.

Глаза ее холодны, как озера Фригидии. Взгляд остается прикованным к его лицу. Рядом возвышается вошедший вместе с ней киборг. Списанный боевой киборг, превращенный в телохранителя. Его зубы из высокоуглеродистой стали могут прокусить насквозь обычные металлы. Глаза киборга — линзы, рассчитанные на восприятие микро- и макромира и записывающие все, что он видит. Вместо рук у него покрытые искусственной плотью шарнирно-сочлененные стальные профили, способные сносить дома. Пальцы левой руки — втяжные обоюдоострые ножи. Правая рука — самозарядный «Вейканцер» .50. Покрытые искусственной плотью шарнирно-сочлененные стальные ноги приводятся в движение встроенными энергетическими установками, позволяющими ему развивать скорость до 60 миль в час. В мозгу — миниатюрный приемник, настроенный на отпечаток голоса его клиента.

— Пожалуй, возможность оказаться лицом к лицу с собственным убийцей, — вскоре говорит Глория Уиш, — стоит такого неудобства, как смерть.

— Ты сама — свой убийца.

— Я? А я-то думала, это ты совершил этот подвиг, хотя так и не смогла уяснить, почему. Как и то, зачем ты похитил космического кита.

— Я убил тебя, потому что ты убивала меня.

— Правда? Но я делала это таким приятным способом... Однако зачем ты угнал космического кита? Если бы ты попросил, я дала бы тебе одного из них. И почему ты угнал именно этого? Почему именно того, которого полностью реконструировали?

Старфайндер молчит. Она не знала тогда, и она не знает и сейчас, что похищенный им кит был живым и даже сейчас остается живым. Она-то отдала бы ему мертвого кита, наверняка. Но не того, который все еще жив. Она сначала убила бы его, а потом

отдала бы. С ее точки зрения, как и для всех жителей Гола, лучшие киты — это мертвые киты. Мертвых можно превратить в корабли, которые, в свою очередь, можно превратить в деньги. Таким образом, сознайся он, что выкрал именно этого кита потому, что тот все еще был жив, она не увидела бы никакого смысла в такой краже. А если бы он добавил, что выкрал кита, поскольку тот заключил с ним договор, Глория лишь посмеялась бы над ним. Общение между человеческим существом и космическим китом дело не просто неслыханное — немыслимое.

— Я не возбуждала дела против тебя. Даже в *отсутствии одной из сторон*. И было бы тщетно возбуждать его сейчас. Но я хочу, чтобы ты вернул мне кита.

— Полагаю, хочешь. — Он полушутливо добавляет: — В обмен на мою жизнь?

— Нет. В обмен на жизнь той девушки, которую ты пытался декриогенизировать. Той самой, чью жизнь ты просил «возвратить», обращаясь к тюремной администрации, когда тебя впервые доставили сюда.

Он ошеломлен.

— Но ведь уже поздно. К этому времени вы наверняка выбросили ее тело «за борт»?

— Нет. Я устроила так, что оно хранится в одном из криогенных шкафов.

— Почему?

— Потому что мне нужна основа для сделки.

— Но ты могла бы просто конфисковать кита.

— Могла бы... если бы знала, где он.

Он снова умолкает. Она действительно не имеет представления о том, где кит. И даже будь он мертв, как она полагает, на его поиски ушли бы недели, а то и месяцы, и это обошлось бы в целое состояние.

Тем не менее ее предложение по-прежнему не имеет смысла.

Ведь верно?

Он рассматривает его с другой стороны — с ее. Она хочет его смерти, но, что не менее важно, она хочет *видеть* его смерть. Она хочет видеть, как он отшатнется, насколько позволят его цепи, от смертоносной ампулы в руке палача. Хочет видеть страх смерти в его глазах...

Внезапно ему все становится ясно. Она использует кита как приманку — как приманку, чтобы отвлечь его внимание от своих истинных мотивов. Она хочет вернуть себе кита, да. Он стоит

определенных денег, а на Голе Деньги восседают рядом с Афродитой в Зале Богов. Но в их случае это побочное соображение. Чего действительно хочет Глория Уиш, так это преподнести Старфайндеру повод захотеть жить. Ей известно, что он рисковал жизнью в безуспешной попытке «воскресить» мертвую девушку, которую она впоследствии поместила в один из криогенных шкафов в склепе. Она знает и то, что он просил официальные власти о декриогенизации этой девушки, ничего не прося для себя. Следовательно, он должен любить эту девушку так сильно, что, пока она мертва, у него нет желания жить. И Глория Уиш *хочет*, чтобы он хотел жить. Иначе, когда палач приблизится к нему, в его глазах будет лишь облегчение, а не страх, благодарность, а не сожаление, когда игла возится в его руку.

Но, сама того не желая, эта нимфоманка-олигарх, этот ангел в глазах болванов, расписывающихся в платежной ведомости Верфей, эта размалеванная омолодившаяся ведьма назвала устрашающую цену за декриогенизацию Мишель Д'Этуаль. Ведь, когда Старфайндер откроет местонахождение кита — а он должен это сделать, — и выяснится, что кит все еще жив, его ганглий спешно разрушат.

Но согласится ли кит пожертвовать собой? Его не держат никакие силовые поля — и не смогут удержать. Он может скрыться при первом же предупреждении. Возможно, он уже сделал это. Возможно...

Нет, он не скрылся и не хочет этого. Символ изображает Сили\Мишель, сияющую новой жизнью, и утверждает, ясно как божий день, что именно этого хочет кит.

«Почему?» — гадает Старфайндер. Обращение к антропоморфизму не даст удовлетворительного ответа. Человеку свойственен эгоизм, а кит явно лишен подобной черты. Несомненно, его отношение к девушке представляет своего рода любовь, но это не та любовь, какую испытывают люди, и факторы, работающие в этом случае, — это инопланетные факторы, которые человеческий разум ввиду своей природы неспособен постичь.

«Притворись мертвым, кит, когда они придут за тобой, — «шепчет» Старфайндер. — *Им ни за что не понять разницы»*. Вслух он говорит:

— Прежде, чем я заговорю, тебе придется доказать, что ты действительно вернешь ее к жизни.

— Завтра утром, перед тем как тебя заберут в Театр, Клайк, — Глория Уиш кивком головы указывает на киборга, — доставит тебе голозапись. Когда ты воспроизведешь ее на экране, то увидишь и услышишь, что девушка ходит и разговаривает. Она сообщит тебе, что ее воскресили. После этого ты сообщишь Клайку, где кит.

— Предположим, я откажусь. Раз она декриогенизирована, даже тебе не удастся обратить вспять этот процесс. Тебе не удастся снова сделать ее мертвой.

— Нет, но я могу заставить ее жалеть, что она жива. Однако если ты будешь сотрудничать, ей будет предоставлен выбор: стать натурализованной гражданкой Гола или эмигрировать на любую из обжитых землянами планет. В последнем случае ей оплатят проезд. Когда Клайк принесет тебе эту запись, он захватит с собой и фотостатическую копию соответствующего заявления, признанного и подписанного Семью Сестрами. Две другие копии будут переданы в Бюро натурализации и эмиграционную службу на случай отзыва. Ты достаточно знаком с законами Гола, чтобы знать, что документ такого рода невозможно признать недействительным.

Она говорит правду. Закон на Голе гибкий, но до определенных пределов. Более того, Глория Уиш не меньше его хочет обеспечить будущее Мишель. С ее точки зрения, от этого смерть будет для него еще невыносимее.

Что ж, ее ждет разочарование. В его глазах не будет никакого страха, когда приблизится палач, не будет сожалений, когда смертоносная игла войдет в его локтевую вену. Его нравственный грех не смыть воскрешением женщины, которую он любил, — не больше, чем его вину перед законом смыло воскрешение женщины, которую он ненавидел. Он по-прежнему хочет умереть.

— Мне понадобится ее имя для заполнения документов, — мурлычет Глория Уиш, уверенная, что победила. — И место рождения.

— Мишель Д'Этуаль, — бормочет он. И добавляет: — Нет, ее настоящее имя Сили Блё.

Дуга бровей поднимается.

— Два имени? Хорошо, воспользуемся последним. Ее место рождения?

— Ренессанс.

— Тоже сойдет. — Глория Уиш делает две записи на небольшом планшете на запястье. Ее глаза снова находят Старфайндера. — Клайк принесет копию на рассвете. Разумеется, я исхожу из предположения, что ты будешь готов назвать нам координаты кита.

Он кивает.

— Если девушка жива и документ в полном порядке.

— Хорошо. На случай, если ты вдруг откажешься сотрудничать, у Клайка есть инструкция вырезать тебе глаза и язык.

— Мертвецу не нужны ни зрение, ни речь.

— В свое время ты с удивлением поймешь, как высоко ценишь и то, и другое.

— Все учтено, все обговорено, — говорит Старфайндер, когда она стучит по наружной двери, вызывая коридорную охрану. — Я рад, что убил тебя, когда представился случай.

Холодные глаза мечут голубые стрелы льда, которые отпечатываются в его мозгу.

— Я тоже рада, — бросает она через плечо, поворачиваясь, чтобы уйти. — Иначе мне никогда бы не пришлось увидеть твою смерть... Я, вероятно, испытаю оргазм, когда капсулу с тобой выбросят в космос. — Дверь отворяется; Глория посылает ему воздушный поцелуй и выходит сквозь отключенное силовое поле в коридор. Поцелуй, словно льдинка, опускается на его губы, поцелуй смерти.

Девушка в голографическом кубе прохаживается туда-сюда на подкашивающихся ногах. Не красавица, но в ней есть некая печальная прелесть. На ней широкая белая туника, повторяющая каждое ее движение. Глаза синие как цветы; темно-каштановые волосы плавно скользят по ее лицу всякий раз, как она поворачивает. Румянец, некогда цветший на ее щеках, еще не вернулся, но она жива, жива, жива.

Выйди в сад поскорее, Мод!
Уже ночь — как летучая мышь —
Улетела в свой черный грот...[*]

В конце концов оцепенение покидает ее члены, и она останавливается и смотрит прямо на него сквозь невидимые стенки

[*] Лорд Альфред Теннисон. Из поэмы «Мод». Пер. с англ. Г. Кружкова.

куба; уменьшенная по сравнению с живой, изящная Девушка-кукла. Он всматривается в ее глаза, стараясь отыскать прощение, которого не заслуживает; но их глубина тускла из-за ее долгого сна, и он ничего не видит.

Поздно спать;
Неужели ты спишь?

Она заговорила:

— Как видишь, Старфайндер, я жива. Меня вернули из мертвых. Вот что мне велели сказать, и это правда. А вот что я хочу добавить: я...

Она исчезла, серый сумрак заполняет куб. Киборг извлекает запись из голографической консоли, зачехленные ножи на его левой руке сейчас действуют как пальцы. Он забирает и документ, гарантирующий Мишель Д'Этуаль «жизненное пространство», то, какое есть.

— Кит на геостационарной орбите за Верфями, прямо над городом Сверц. *«Вот*, — добавляет про себя Старфайндер, — *я уже наполовину мертв»*.

Клайк вызывает охрану и удаляется.

Оставшись один, Старфайндер «говорит»: *«Они идут за тобой, кит»*.

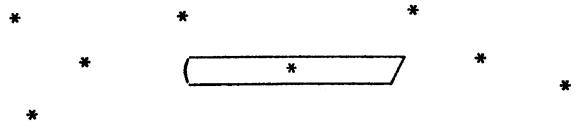
Ответа нет.

«Кит?»

И снова ответа нет. В комнате, достаточно теплой всего минуту назад, стало холодно. Что же, кит в конце концов скрылся?

Он делает очередную попытку. *«Кит!»*

На этот раз в его сознании возникает символ:

Кит не скрылся. Он ждет.

«За тобой идут, кит. Притворись мертвым».

В коридоре звучат шаги. Слышен звон цепей.

Идут за *ним*.

* * *

Театр Обреченных совсем не так велик, как намекает название. Он не слишком отличается от таких театров, приданных Предсбросовым секторам других Исправительных комплексов, какие можно отыскать на материке. Его цель, так же как и у прочих, — быстро и успешно даровать смерть и обеспечить достаточное пространство обзора для тех членов голианского общества, которые стоят на социальной лестнице достаточно высоко, чтобы оценить подобное приглашение. Ряды сидений — каждый ряд на ступеньку выше предыдущего — вызывает в памяти древнегреческий амфитеатр, и можно зайти совсем далеко и назвать возвышение, на котором, собственно, и разворачивается действие, сценой. Реквизит спартанский. Разумеется, капсула, внутри которой по прибытии цепями приковывали осужденного. С виду капсула напоминает вертикально поставленный гроб с откинутой крышкой. Слева от капсулы на переднем плане расположен металлический столик. Он служит вместилищем всего лишь двух предметов: ампулы, содержащей смертельную сыворотку, к которой нет противоядия, и резинового шланга — затянутый на правом бицепсе заключенного, он заставляет взбухать локтевую вену, делая невозможным для палача (обычно лица без медицинского образования) промахнуться, вонзая иглу.

Здесь три дверных проема: главный вход, расположенный центру за седьмым, самым высоким рядом сидений, боковой вход слева от сцены и задняя дверь сразу позади капсулы. Последняя из упомянутых ведет в грузовой отсек. После казни два техника Комплекса перевезут капсулу с запечатанным в ней телом Старфайндера в грузовой отсек, погрузят в ожидающий самолет, тот быстро доставит ее в космопорт Сверца, где к тому времени уже соберется огромная толпа, чтобы наблюдать за стартом. Там капсулу прикрепят к ракетному ускорителю, уже установленному на пусковой установке. Можно было бы подумать, что собравшиеся в театре пропустят главную часть представления, так сказать, его финальную сцену. Это не так. Над сценой в стену театра встроен голографический обзорный куб с десятифутовым ребром — и он уже демонстрирует изображение и пусковой установки, и ракетного ускорителя. Таким образом, даже не покидая своих мест, собравшаяся в театре публика может наблюдать самый настоящий сброс за борт: медленный, а затем быстрый подъем капсулы в небеса. Голографическая камера в порту транслирует ее старт,

отделение ускорителя и постепенное исчезновение из вида маленького солнечного корабля, который безошибочно следует курсом к пылающей Фарстар.

Одно время приговоренных узников выбрасывали за борт живыми, но столь жестокая практика уже давно прекращена. Большинство обозревателей галактической жизни сходятся на том, что отменили ее по единственной причине: гуманность, свойственная женщинам независимо от их общественного положения, наконец одержала победу. Но неизбежно находятся циники — можно даже назвать их женоненавистниками, — которые с ликованием указывают на тот факт, что с этой практикой было покончено лишь тогда, когда одной из выброшенных за борт жертв удалось сбежать.

Как бы там ни было, Старфайндер появляется из правой кулисы, как положено, в цепях и в сопровождении двух вооруженных охранников. Его подводят к капсуле и бесцеремонно заталкивают в нее и закрепляют там таким образом, что его правая рука повернута ладонью вперед. После этого стражи удаляются. *Уходят.*

Многолюдная толпа уже в сборе — аншлаг. Все присутствующие — женщины, не потому, что мужчинам запрещено появляться на подобных сборищах, а потому что общественное устройство Гола не позволяет им перешагнуть через первую ступень иерархической лестницы и, следовательно, не позволяет получать приглашения на казни. Часть собравшейся здесь публики — это администрация Исправительного Комплекса и представители средств массовой информации. Остальные — бизнесе-леди или чиновники высокого ранга. Все без исключения красивы. И молоды — по крайней мере с виду. Поистине, можно уподобить это сборище саду роз — семи цветникам, расположенным амфитеатром.

Даже в окружении роз роза Глория Уиш выгодно выделяется на общем фоне. Возможно, из-за розового цвета облегающего халата. Возможно, оттого что крошечные бриллианты в ее прическе напоминают капли росы. Возможно, оттого что блаженное выражение ее лица наводит на мысль о дыхании весны. Какова бы ни была причина, Глория в этот день — королева роз в розовом цветнике престарелых девиц.

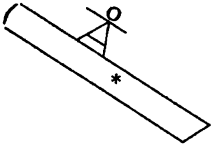
Женщина-палач уже на сцене, неподвижно стоит возле небольшого столика, на котором разложены ее инструменты. Ее черный капюшон, черная мантия и черная маска, закрывающая нижнюю часть лица, резко контрастируют с яркими, нарядными кринолинами зрительниц. Как будто Смерть вошла в сад — в ка-

ком-то смысле так и есть. Но ее присутствие не заставило розы поблекнуть; если уж на то пошло, они стали только ярче.

Она не тратит время попусту. Едва охрана удалилась, она берет резиновый шланг и направляется прямо к капсуле. Она надевает петлю шланга на бицепс правой руки Старфайндера и туго завязывает. При этом она смотрит ему в глаза. Он в ответ смотрит в ее глаза. Они как синие цветы. Вдоль ее висков идут тончайшие шрамы. Прядь темно-каштановых волос, выбившихся из-под капюшона, образует тонкий завиток у нее на лбу. Старфайндер ошеломлен.

Она молчит. Попробуй она вымолвить хоть слово, в Театре с его акустикой оно донеслось бы до самого дальнего угла. Вместо слов она говорит глазами. Но не поддающаяся анализу завеса заволакивает их, и он не может разобрать, что они говорят.

Кит, обнаружив информационный разрыв, заполняет его значком:

Мишель Д'Этуаль, она же Сили Блё, отправилась в прошлое.

Ей не пришлось бы нырять туда слишком глубоко. Возможно, не глубже дня вынесения ему приговора.

Вдруг он вспоминает о разрыве во времени, который возник, когда он связывался с китом всего несколько минут назад, когда за ним явился конвой. Разрыв равнялся времени «нырка» кита — времени, затраченному китом, когда тот возвращал ее туда, «куда бы/когда бы» она ни собиралась.

Вероятно, кит связался с ней и сообщил последние новости сразу после того, как была произведена голографическая запись нескольких последовательных эпизодов, и обеспечил ей доступ к «Старейнджеру». Скорее всего, ее охраняли не слишком строго... возможно, не охраняли вообще. Как бы то ни было, ночью кит помог ей сбежать, и она, получив доступ к «Старейнджеру», присоединилась к киту в космосе.

По-видимому, ее отсутствия так и не заметили. Или, возможно, заметили, но оставили без внимания. Вероятно, все,

что требовалось Глории Уиш, — это доказательство декриогенизации.

Женщины Гола обожают смотреть казни, — об этом свидетельствует толпа, собравшаяся сейчас. Но, за очень редкими исключениями, их не прельщает роль палача. В результате палачей выбирают из очень тонкой прослойки добровольцев, а чаще всего выбирать просто не из кого и палача назначают. Вероятно, все, что потребовалось от Мишель, чтобы стать палачом Старфайндера, — это выдать себя за гражданку Гола и добровольно взяться за эту работу.

«Но почему, кит? — спрашивает Старфайндер. — *Она так ненавидит меня, что готова убить собственными руками?»*

Кит оставляет его вопрос без ответа.

«И почему ты, кит, до сих пор скрывал от меня все это?»

Молчание.

Его до костей пробирает холод.

Кит тоже хочет его смерти.

А почему бы и нет? Если он умрет, кит получит свободу.

В конце концов любые дружеские узы рвутся.

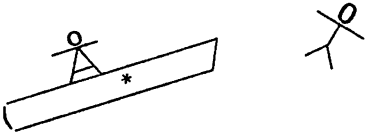
И Мишель. Почему бы ей не желать ему смерти? После того как он высадил ее на необитаемом острове и проклял за то, что она стала островитянкой? После того как он втоптал в грязь ее любовь к нему?

Почему бы ей и в самом деле не желать ему смерти?

Но желание убить его своими руками...

Она тем временем вернулась к металлическому столику за ампулой и теперь, разломив колбу, скрывавшую смертоносную иглу, вновь приближается к капсуле. Она снова говорит с ним глазами, но снова непонятная завеса скрывает все то, что она пытается сообщить ему.

Второй символ, переданный китом, рассеивает оставшиеся у него сомнения:

Да, все кончено. Он — мусор, выброшенный за борт.

Но это лишь справедливо. Справедливо, что девушка, отвергнутая им, отвергнет его. Что рука той, кого он убил, станет

рукой, которая убьет его. В конце концов не никакой разницы, чья именно рука принесет ему смерть. Он достигнет своей цели с помощью Девушки со звезд так же успешно, как с помощью кого-либо другого.

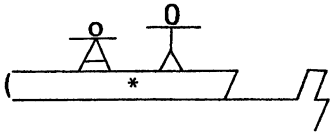
Она втыкает иглу в его взбухшую вену, и сразу начинает сгущаться тьма. Как только она заполняет подземную темницу, безумный Монах начинает вопить.

«Умри, проклятый! Умри!» — шепчет Старфайндер... и неожиданно стены темницы рушатся и хоронят Монаха под грудой пыли и щебня, и его вопли обрываются, и одновременно страшное бремя спадает с плеч Старфайндера и впервые в жизни он чувствует себя свободным. Он ликует — он свободен, а казалось бы невозможное воскрешение Девушки со звезд удалось, — но его радость омрачена горькими сожалениями. Он свободен — да, но он не может жить, потому что прикован к Смерти.

Он беспомощно вливается в черный фон, на котором разыгрываются все драмы действительности. Очень скоро наступит полное бесчувствие... и окончательный переход от света к полной тьме проходит незаметно.

Глава 11. Строительная компания

В ночи, поглотившей Старфайндера, возникает символ:

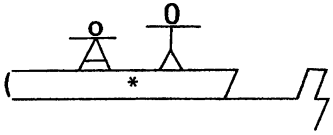
Он на некоторое время зависает в темноте его сознания, затем постепенно тает.

Для начала, ему там нечего делать.

Он ведь умер, верно?

— Попробуй еще раз, Чарлз, — слышен где-то рядом голос.

И снова темноту ночи рассеивает тот же символ:

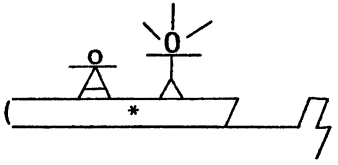
Глаза Старфайндера плотно закрыты. Он отказывается их открывать. Если, как кажется, смертельная сыворотка не подействовала в полной мере и он галлюцинирует, тьму его сознания просто заменит тьма внутри капсулы, ведь, жив он или нет, логика подсказывает, что он благополучно направляется к месту своего назначения и, возможно, уже в плену гравитационного притяжения огненной Фарстар.

Он чувствует на губах ласковый поцелуй. Мягкий, теплый и слегка влажный. Тот же голос шепчет:

— Продолжай попытки, Чарлз.

Теперь он понимает, чей это голос.

Третий символ куда более определенный:

Глаза Старфайндера открываются сами собой.

Прямо над его лицом — другое. Не вполне сердечком и не вполне овальное. Такое среднее. Когда-то это было детское лицо, лицо двенадцатилетней девочки, похитившей звездного угря. Сохраняются следы его прежней худобы, ровно столько, чтобы намекнуть на подростковую миловидность, скрытую под нынешней классической, с его точки зрения, красотой. Это же и лицо мертвой девушки, которую он обожал, которой поклонялся, мертвой девушки в белом скафандре, с замерзшими на щеках слезами, мертвой девушки, которая ненадолго восстала из мертвых и вернула к жизни умирающего кита, а потом возвратилась в свой ледяной гроб. И это лицо той самой девушки, которую он, обернувшись, увидел в ту судьбоносную ночь в «Доме безмятежности». И все-таки другое лицо: лицо, от которого отхлынула кровь, лицо той, кого он оскорбил за соглашательство с тем образом жизни, который в своей наивности она принимала за нравственный и который, несмотря на прямо обратные утверждения *так называемых* моралистов всех времен, возможно, был — нет, возможно, является — не менее нравственным, чем любой другой.

Многоликая девушка в чреве кита.

Да, он в чреве кита. Он узнает помещение, в котором находится, койку, на которой лежит. И то, и другое его. Кит, после

того как «палач» снова оказался на его борту, должно быть, догнал капсулу и, воспользовавшись психокинезом, поместил ее в причальный отсек. После чего Сили\Мишель как-то умудрилась доставить его сюда. Возможно, он пришел своими ногами, сам того не сознавая. Можно спорить, могут ли мертвецы ходить, но никто не может утверждать, что они возвращаются к жизни.

Тем ему ясно, что он не умирал.

Сили\Мишель — нет, он должен думать о ней исключительно как о Мишель, раз уж она выбрала себе это имя — Мишель уже сняла маску палача и сбросила черный капюшон, закрывавший волосы и лицо. Но она еще не избавилась от одеяния. Вероятно, у нее не было на это времени. Или, возможно, его освобождение всего лишь сон, и он по-прежнему в капсуле, летит к солнцу. Он закрывает глаза, затем снова открывает их. Нет, это не может быть сон. Она по-прежнему там, сидит около его койки, цветочно-синий взгляд мягко касается его лица.

Внезапно его охватывает ужас. Если *он* не умер, то, вполне возможно, не умер и безумный Монах.

Но взгляд цветочно-синих глаз сообщает ему, что это не так. В их мягком сиянии он видит свое нутро... Видит рухнувшие стены темницы, отмечающие могилу мертвого Монаха. *Requiescat in pace...*

— Как, — шепчет он. — Как вышло, что я все еще жив? Я знаю, ты перемещалась в прошлое. Но эта сыворотка... Я видел, ты впрыснула ее. Или ты впрыснула вместо нее наркотик? Такой, который просто заставил меня заснуть?

— Нет, это была сыворотка. У палачей не доступа в лабораторию Комплекса. Не было никакой возможности подменить яд.

— Тогда *как?* Действие сыворотки нельзя остановить.

— Нет, нельзя, а предотвратить — *можно*. — Последнее слово она выделила. — Помнишь, Старфайндер, ты когда-то был реконструктором и жил в Сверце? А помнишь девушку, которая перехватила тебя на темной улице, после того как ты вышел из кафе, и поцеловала прямо в губы?

— ...Да, помню.

— Горьковато-сладкий вкус, который оставил на твоих губах тот поцелуй, и был тем средством, что предотвратило действие сыворотки. Той девушкой была я... Так называемая смертельная сыворотка — это культура возбудителей смертельной болезни, инкубационный период которой измеряется в секундах. Синдром

Хараша. Вполне действенная бактериальная вакцина для внутреннего употребления разработана уже давно, но так и не поступила на рынок. Препарат обеспечивает девяностопроцентный иммунитет — этого недостаточно, чтобы полностью предотвратить болезнь, но вполне довольно, чтобы ограничить ее развитие самой начальной стадией, связанной с потерей сознания, и смягчить последствия. Когда я узнала о существовании такой вакцины, я отправилась в прошлое и искала, пока не нашла.

Он почему-то не удивлен. Возможно, потому что он за гранью удивления. Или, возможно, потому, что — несмотря на кончину Монаха — его ненависть к себе так сильна, что притупила почти все прочие чувства. Он садится на койке, ощущая отвратительную бодрость.

— Не следовало так далеко погружаться в прошлое. Ни тебе, ни киту. Надо было оставить все как есть. Я *хотел* умереть.

— Знаю. У нас с Чарлзом был разговор по душам. Он все рассказал. Ах, Старфайндер, если бы ты все-таки умер... если бы вакцина не подействовала... мне расхотелось бы жить!

Необъяснимая завеса по-прежнему скрывает глубину ее цветочно-синих глаз, но на самом деле это объяснимо. И всегда было объяснимо; ему она только казалась необъяснимой, а сейчас он видит, что это на самом деле...

Туман невыплаканных слез...

Затем она оказывается в его объятиях, перевернутые вверх тормашками годы водоворотом вихрятся вокруг них.

После тысячи поцелуев он говорит:

— То, что я говорил... слова, которыми называл тебя... Они никуда не исчезнут.

— Исчезнут, Старфайндер. Уже почти исчезли. Теперь я знаю, что ты так не думал. В известном смысле я знала это и тогда... Но никак не могла пробиться к тебе.

— Нет, я так думал...

— Да, какая-то твоя часть. Эта часть мертва. Чарлз сказал мне.

— Что еще сказал тебе Чарлз?

— Сказал, что ты так высоко превозносил меня, что мои волосы превратились в Волосы Вероники.

— Твои волосы и *есть* Волосы Вероники.

— Нет! Это всего лишь обычные волокна, окрашенные в коричневый цвет.

— Для тебя — может быть. Но не для меня.

— Чарлз говорил, что ты неисправимый романтик.

— А он не сказал тебе, что на самом дне Океана Пространства-Времени я нашел твою голографическую фотографию? Ту самую, на которой ты написала: «Старфайндеру с любовью»?

— Да, сказал.

— Тогда я считал, что это мои фантазии. Сейчас я уже не так уверен в этом.

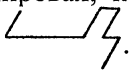
— Никакие не фантазии. Я собиралась сняться и подарить тебе фото на следующий день рождения. Чарлз сказал, что неплохая мысль — идти в ногу со Временем.

— Это единственная причина?

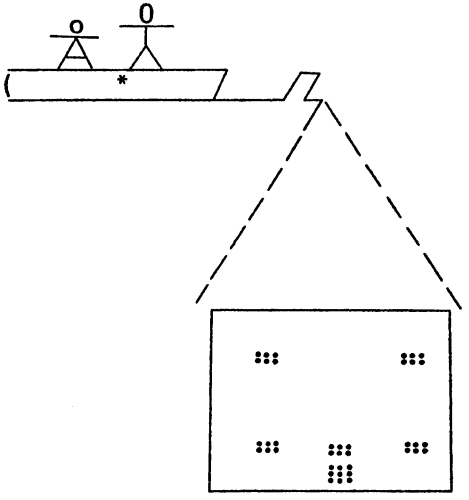
— Нет, потому что я люблю тебя. — Она выскальзывает из черной мантии. — Устав корабля позволяет первому помощнику делить койку с капитаном?

— Я как раз сейчас добавляю новый параграф: если с этой минуты первый помощник не будет делить ложе с капитаном, ее закуют в кандалы.

— Ах, *ты*! — говорит Мишель Д'Этуаль, уютно устраиваясь рядом с ним.

Много времени спустя в сознании каждого из них появляется символ. Это тот же символ, который кит транслировал, когда вместе со Старфайндером находился на дне Океана .

Да нет, не совсем тот же...

...добавился новый элемент, связанный с Мишель Д'Этуаль.

— Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь, кит.

— Я знаю, Старфайндер, — говорит Мишель. — Когда он рассказал мне о моем голографическом фото, найденным тобой на дне Океана Пространства-Времени, он рассказал мне и еще кое о чем, найденном тобой — или, вернее, не найденном. Теперь он подсказывает нам, что нам с этим делать.

— Строить дом?

— В известном смысле. Но это — буквальное толкование. Он старается объяснить нам, как уравновесить отсутствие Великого Замысла и как побороть бессмысленность бытия. Дом представляет проект, который мы, трое, можем осуществить из времени и пространства, если будем работать вместе и хорошо постараемся.

— Это экзистенциализм.

— Вовсе нет. Ну, может быть, самую капельку, — поправляется она. — Но это больше напоминает то, что имел в виду Мэтью Арнолд*, когда писал: «Любовь моя, останемся верны друг другу!». Чарлз говорит, что мы трое должны объединиться в нечто вроде строительной компании. Ведь в одиночку никому из нас не удастся построить «дом» из «строевого леса» пространства и времени, потому что такого «строевого леса» просто нет. Но вместе мы сумеем создать собственный «строевой лес», и как только мы его создадим, мы сможем возвести самое удивительное сооружение из всех, какие доводилось видеть человеку, и оно будет исключительно нашим.

— Я не могу даже определить прямизну доски, — замечает Старфайндер. — Поэтому, полагаю, тебе придется руководить этой работой.

— Хорошо, я буду Инженером-Строителем.

— Прекрасно. Начнем с фундамента?

— Мы уже заложили фундамент.

— Но мне кажется, что над ним требуется поработать еще, как ты считаешь?

— Ну...

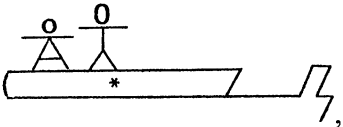
---

* Мэтью Арнолд — английский поэт и критик (1822—1888). Придавал большое значение в борьбе с мещанством образованию, литературе и критике. Утверждал социально-исторический анализ в английском литературоведении.

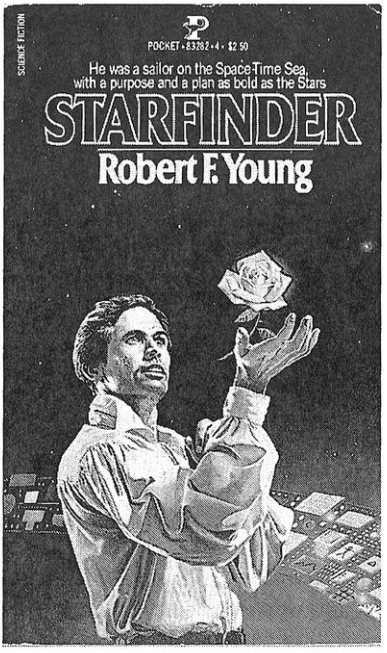

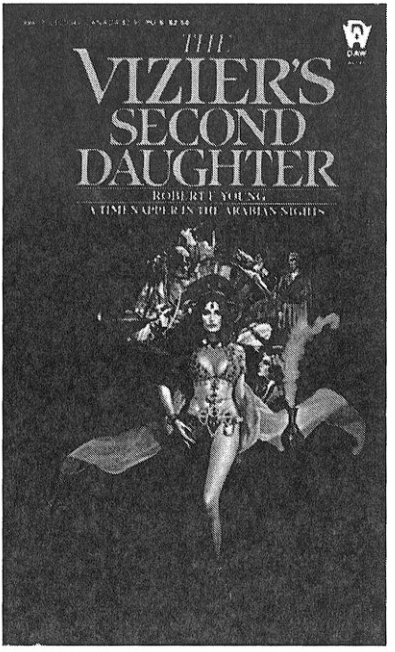
замечает кит.

— Ах, ты! — говорит «Инженер-Строитель».

, инкорпорейтед.

Младшая дочь визиря

Пролог

Глядя на то, как она полулежит в царственной позе на ложе султана, непринужденно откинув левую руку на уложенные в ряд подушки и изящно подобрав под себя ноги в шароварах, было трудно поверить, что это всего лишь искусно сделанный манекен, а никакая не настоящая Шехеразада. Почти как живая — так что, не знай Марк Биллингс этого наверняка, он мог бы поклясться: эта девушка и в самом деле из плоти и крови.

В качестве фона звучала «Шехеразада» Римского-Корсакова, начало истории о носильщике и багдадских блудницах. Казалось, султан по имени Шахрияр не пропускает ни единого ее слова, хоть и сам такой же манекен. На голове его корона из серебра, он облачен в халат белого шелка, перехваченный широким красным поясом.

Очарованный зрелищем Биллингс стоял в плотной толпе посетителей, почти касаясь мягкого шнура, отделявшего экспозицию «Тысячи и одной ночи» от остального пространства музея. На помостах позади толпы зрителей команда ТВ-операторов уже начала прямую трансляцию открытия новой экспозиции, чтобы ее увидели миллионы американцев.

Опочивальня султана тщательно скопирована с голографических снимков оригинала. В глубине ее пространства стройные, изящные тонкие колонны служат опорами для колокольчатых арок, а с высокого потолка на отполированных до блеска медных цепях свисает жаровня. Роскошные занавеси, предназначенные для того, чтобы укрывать ложе, раздвинуты с помощью золотых шнуров, украшенных кистями, черными, как волосы Шехеразады.

— А именно, был человек из носильщиков, в городе Багдаде, и был он холостой. И вот однажды, в один из дней, когда стоял он на рынке, облокотившись на свою корзину, вдруг останавливается возле него женщина, закутанная в шелковый мосульский изар и в расшитых туфлях, отороченных золотым шитьем, с развевающимися лентами; она остановилась и подняла свое покрывало, и из-под него показались глаза, ресницы и веки, а женщина была нежна очертаниями и совершенна по красоте; и, обратив-

шись к носильщику, она сказала мягким и ясным голосом: «Бери свою корзину и следуй за мной».

Экое длиннющее предложение, Шехеразада, подумал Биллингс. Но в твое время манера выражаться столь обстоятельно была делом обычным, как и манера размещать внутри одной сказки другую, а внутри той — третью. Но ведь ты, Шехеразада, рассказала султану лишь тысячу и одну сказку. А ведь есть и еще одна, тысяча вторая. В ней и джинн, и воры, и золото, и волшебный ковер, и девушка с глазами, как фиалки; и край, существовавший одновременно и в легендах, и наяву.

И еще: она непосредственно касается меня.

Он пожалел, что не остался дома. Следовало бы помнить, что даже единственный мимолетный взгляд, брошенный в сколь угодно фантастическое прошлое, может все вернуть. Он отчаянно попытался уцепиться за настоящее, но не смог, и разделявшие их столетия превратились в глубокий темный колодец, а он понесся сквозь эту тьму в тот самый дворец султана, где и началась «История о младшей дочери визиря»...

I. Появление Дуньязады

Сераль охраняли два стража, вооруженные длинными ятаганами, два огромных черных евнуха в набедренных повязках, очень напоминавших подгузники. Один из них стоял на карауле в освещенном лампой коридоре неподалеку от укрытого занавесом входа, куда четверть часа назад прошла девушка, за которой Биллингс следил от самой опочивальни султана. Второй страж стоял у самой двери.

Биллингс внимательно наблюдал за ними из-за колонны, где прятался, поджидая, когда сон одолеет его дичь. Его одежда, за исключением материала, полностью соответствовала духу времени: белое одеяние-халат, широкая рубашка, на голове легкий тюрбан, на ногах персидские туфли.

Наконец, уверившись, что девушка уже должна бы уснуть, он извлек из кобуры, вшитой в левый рукав халата, морозитель, направил его на евнуха, преграждавшего путь к проходу, в миг заморозил черного великана и не мешкая бросился вперед, чтобы предотвратить резкое падение человека на пол.

До сих пор, с момента проникновения во дворец султана, он не привлек к себе ничьего внимания: слуг в столь ранний утрен-

ний час было совсем немного, а те, что видели Биллингса, наверняка принимали его за гостя султана, поднявшегося ни свет ни заря. Но сейчас у него не оставалось иного выбора, кроме как предстать в обличье незваного гостя (кем он и был). И все по той простой причине, что морозители (та единственная разновидность оружия, которую разрешалось иметь таким, как он — пришельцам из будущего, похитителям важных особ) успешно действовали лишь на очень малых расстояниях, а Биллингс притаился слишком далеко, чтобы незаметно обезвредить второго евнуха.

Страж, охранявший другое направление, все еще пребывал в неведении по поводу участи, постигшей его приятеля. Биллингс быстро двинулся по коридору в его сторону. Его туфли бесшумно скользили по устилавшим пол коврам. Но он не успел приблизиться к своей цели на достаточное расстояние: евнух, что-то почуяв, повернулся в его сторону, и через долю секунды в его руке сверкнул ятаган. Понимая, что совершенно бесполезно придумывать оправдания своему незаконному пребыванию на территории, закрытой для всех добропорядочных мужчин за исключением самого султана и — что было бы верхом нелепости — доказывать, будто именно султан разрешил ему пройти через эту дверь, Биллингс, не замедляя шага, направил морозитель прямо в грудь стражнику.

— Клянусь, — вскричал евнух, принимаясь грозно размахивать своим ятаганом, — если ты сию минуту не уберешься отсюда, я выпотрошу тебя, а твои внутренности брошу собакам!

Биллингс только ускорил шаг, опасаясь лишь, как бы страж не поднял тревогу. Но ничуть не бывало; напротив, откровенно презирая Биллингса, тот шагнул вперед и замахнулся ятаганом, прочертившим зловещую дугу — доведись клинку завершить ее, он разрубил бы незваного гостя пополам. Но в этот миг морозитель превратил евнуха в сосульку — или привел его в состояние, настолько близкое к этому, насколько вообще можно лишить живое существо способности дышать, — и евнух неминуемо грохнулся бы ничком, если бы Биллингс не помог ему медленно опуститься на пол. Ятаган, выскользнувший из пальцев евнуха, бесшумно приземлился на ковер.

Раздвинув занавес, Биллингс вошел в скрытую за ним опочивальню. Он слегка тревожился из-за стражей — оттаяв, тем предстояло испытать некоторое недомогание — но работа есть работа, и он намеревался похитить легендарную рассказчицу сказок

«Тысячи и одной ночи», не считаясь с тем, сколько живых сосулек придется оставить за собой.

На самом деле он собирался лишь ненадолго позаимствовать девушку и, как только Большой Пигмалион — электронный чародей из «Анимейкинс инкорпорейтед» — изготовит ее движущуюся факсимильную копию для готовящейся экспозиции на тему «Тысячи и одной ночи», вернуть ее обратно. Она будет потрясена, но пострадать нимало не должна.

Справа от входа бок о бок стояли два ложа под балдахинами. На ближайшем, купаясь в неярком свете утренней зари, льющемся из расположенного прямо против двери широкого зарешеченного окна, лежала девушка. Должно быть, после изложения очередной, самой новой истории силы оставили ее, поскольку она успела лишь сбросить туфли и улеглась в постель не снимая одежды.

Соседнее ложе пустовало. Несомненно, оно принадлежало султану.

Биллингс убрал морозитель в кобуру и приблизился к девушке. Аромат ее духов коснулся его ноздрей. Нет, не просто коснулся — ошеломил. Биллингс полагал, что здесь этот аромат столь же популярен, сколь в его дни популярен аромат духов «Весенний каприз номер пять». Как ни странно, он нашел этот запах более приятным, но это не отвратило его от поставленной цели, и, вытащив пропитанную снотворным губку, он сорвал пластиковую упаковку и поднес губку к лицу девушки, закрыв ей нос и рот. Девушка мгновенно проснулась и начала сопротивляться, но наркотик в считанные секунды сделал свое черное дело, и вскоре Шехеразада затихла. Отбросив губку, он подхватил ее туфли и сунул за пазуху, а затем взвалил девушку на плечо. Удивляясь, какая она невесомая, Биллингс вышел в коридор. Но тут удача изменила ему: он увидел, что к поверженным стражам спешит сам султан Шахрияр!

Биллингс действительно никогда раньше не видел султана во плоти, зато видел его анимированный манекен: Шахрияра уже похищали и успешно возвратили назад. И то, и другое проделал похититель-ветеран по имени Джед Морс, чье место и занял Биллингс, когда Джеда свалил грипп. Биллингс прошел через серию тренировочных путешествий в прошлое и долгие месяцы ждал, когда «манекенщики» предложат ему работу. Если теперь его

миссия завершится удачно, он сможет из внештатного резерва перейти на постоянную работу.

Все, кто вносили свой вклад в образ Синей Бороды, были ненавистны ему. И поэтому Биллингсу не приходило в голову ничего лучше, чем превратить в ледяной столб и этот только что возникший перед ним экземпляр. Он был готов на это, пусть даже Общество изучения истории и доказало, что хотя Шехеразада и в самом деле рассказала султану тысячу и одну сказку, он никогда не рубил голов своим многочисленным женам и по этой причине никак не мог считаться Синей Бородой. Но он, этот султан, *выглядел* определенно как Синяя Борода, и Биллингс с радостью поддался бы искушению, если бы тот, увидев его с девушкой на плече, не поднял крик, сзывая стражу, а также своих черных рабов, слуг, визиря и знатных вельмож. Застигнутый врасплох Биллингс сделал единственно возможное: метнулся обратно в комнату и, по-прежнему с девушкой на плече, бросился кратчайшим путем к окну.

Интересно, деревянная или металлическая эта решетка? — подумал он. Он ударил по ней, и украшения из арабесок моментально разлетелись. Взобравшись на подоконник, он спрыгнул во внутренний двор, даже не попытавшись прикинуть высоту, с которой ему предстояло упасть.

Высота оказалась гораздо большей, чем думал Биллингс, и, приземляясь, он вывихнул правую лодыжку. Растяжение было не слишком сильным, но создавало значительные трудности при ходьбе и полностью исключало бег. Он разглядел заросли финиковых пальм, как раз то место, где спрятал «сани», свой вездеход, с невообразимой легкостью скользивший по коридорам времени. Деревья росли за самым дворцом, и чтобы добраться до них, ему предстояло пересечь наискось весь внутренний двор. Биллингс решительно двинулся вперед, морщась при каждом шаге.

К этому времени уже пробудился весь дворец. Султан высунулся из окна, из которого только что выпрыгнул Биллингс, и яростными воплями оглашал двор, который вдруг заполнился вооруженной ятаганами стражей, черными невольниками и слугами, размахивающими метлами и другими заменяющими оружие предметами. Усугубляя сложность положения, откуда ни возьмись сбежались десять тысяч собак и принялись лаять у самых ног Биллингса, а в довершение всех бед действие средства, которым он усыпил девушку, начало ослабевать, отчего та принялась дрыгать ногами, извиваться и визжать, не переставая при

этом молотить по его спине кулаками. Кое-что из ее выражений заставило уши Биллингса запылать. На древнем арабском (он прошел краткий курс при подготовке) слова эти звучали не так отвратительно, как звучали бы на английском, но все равно достаточно скверно, и будь у него третья рука — достаточно длинная — он бы с удовольствием отшлепал девушку.

Стражники, слуги и черные невольники начали наседать на него, но ни от их ятаганов, ни от их метел толку не было, поскольку все нападающие боялись причинить вред его пленнице, так что Биллингс получил возможность без разбора превращать их в ледяные столбы. Вскоре двор уже походил на выставку скульптур, по которой только что пронесся безжалостный снежный буран. Нечего и говорить, что в тот миг, когда Охотник Востока набросил свой аркан из солнечных лучей на минареты султана, на его плечи лег непосильный труд — оттаивать невиданную массу льда.

Добравшись до пальмовой рощи, Биллингс направился прямиком к своим «саням». Несмотря на их значительную ширину, гораздо уместнее было бы называть это транспортное средство «тобогган»* из-за более близкого внешнего сходства. Если поднять сиденье, под ним обнаруживался фотонный ускоритель в цилиндрическом титановом корпусе. За сиденьем, жестко привинченные к широкой «палубе» тобоггана, находились два металлических ящика: один с инструментами и запасными частями, другой с оборудованием для устройства стоянки, запасом продуктов и множеством других вещей, жизненно необходимых путешествующим во времени. Впереди, перед самым сиденьем, скрытые панелью управления размещались антигравитационный генератор, инерционный регулятор времени внутри исторических эпох и батарея аккумуляторов.

Ширины сиденья было вполне достаточно для двоих. Уложив на него девушку, Биллингс надежно закрепил ее с помощью одного из двух ремней безопасности, затем уселся рядом и, пристегнувшись вторым ремнем, установил шкалу регулятора высоты на цифру 200 и нажал кнопку свободного полета. Тобогган немедленно поднялся вверх, проворно уклоняясь от пальмовых ветвей, и завис в двухстах футах над землей.

Тут девушка как по команде прекратила сопротивление и закрыла рот, уставившись через борт тобоггана на верхушки пальм. Затем она повернулась и уставилась на Биллингса, округлив гла-

---

* Длинные узкие сани, имеющие плоскую скользящую поверхность.

за, которые, как подтвердили первые лучи восходящего солнца, были цвета распустившихся фиалок.

— Волшебный ковер! — задыхаясь, едва выговорила она.

Это были именно те слова, которые, по мнению, высказанному Биллингсу Алоизиусом Смитом, советником «Анимейкинс инкорпорейтед» по вопросам истории, должна была произнести арабская девушка из девятого столетия, поднятая над землей на палубе путешествующего во времени тобоггана. Тот же Смит, подготовивший целый научный доклад об арабских девицах, советовал Биллингсу, если тот захочет успокоить свою пленницу, непременно выдавать себя за эмира. Каждая арабская девица девятого столетия, утверждал Смит, тайно мечтает о том, что однажды ее увезет эмир на волшебном ковре. Даже если она жена султана? — поинтересовался Биллингс. А жена султана особенно, со знанием дела заметил Смит.

Так что Биллингсу оставалось только сказать:

— А я к тому же эмир.

Некоторое время пленница молча смотрела на него, а затем спросила:

— Надеюсь, ты явился, чтобы увезти меня отсюда?

Ее голос, легкий и веселый, казалось, был наполнен звоном далеких колокольчиков. Биллингс протянул ей ее туфли.

— Да, — сказал он, — далеко-далеко.

Крики и проклятья, оглашавшие дворец, едва доносились сюда. Стараясь не слушать, он внимательно разглядывал девушку, пока та надевала туфли. У нее были черные волосы, стянутые сзади заколкой, так что оставались открытыми уши, прямой, чуть закругленный на конце нос, полные щеки, выразительный рот и округлый подбородок. Глаза ее цвета фиалок не имели права быть больше, как не имели права оказаться голубыми. И никаких украшений, только заколка в волосах да большое кольцо на среднем пальце левой руки. Ее верхняя одежда напоминала сильно укороченный, доходивший лишь до бедер халат. Он был распахнут, демонстрируя ее обнаженное тело от самой шеи до широкого пояса шаровар, которые сидели на ней значительно выше, чем это принято в двадцать первом веке, но все же слегка прикрывал груди. Биллингс заметил, что прикрывать-то и нечего.

И тут ему пришло в голову, что ей всего-то лет пятнадцать.

Пятнадцать лет, а уже замужем за султаном!

Ну, такой факт он еще мог бы принять. В ту эпоху цари и султаны не брали в жены зрелых женщин, поскольку могли обла-

дать любой из понравившихся молодых. Но Биллингс с трудом мирился с тем фактом, что она — автор тысячи и одной захватывающей сказки, и его раздражала мысль о том, что приходится просиживать ночь за ночью, пересказывая их Синей Бороде, который годился ей в отцы, а то и в деды!

Ему хотелось бы увезти ее отсюда навсегда, но он, разумеется, не мог этого сделать. Важные особы из глубин истории принадлежали прошлому, как и самые заурядные личности. В его силах было лишь забрать ее в короткое путешествие с возвращением, то есть, с его точки зрения, он ничего не мог.

Собственная беспомощность тревожила и мучила Биллингса, и он понимал, что чем быстрее закончит эту работу, тем лучше. Запустив фотонный ускоритель, он начал набирать на клавиатуре диапазонов исторических эпох командное слово «НАСТОЯЩЕЕ». Затем, в тот миг, когда он добрался до буквы «А», его посетила странная мысль. Нет, она не просто ошеломила его... она сразила его наповал. Он перевел взгляд на свою пленницу.

— Ведь ты Шехеразада, не так ли?

— Разумеется, нет. Я ее сестра, Дуньязада. Она старшая дочь визиря, а я младшая.

Биллингс обалдел.

— Ведь наверняка ты не явился бы сюда, чтобы выкрасть Шехеразаду, — сказала Дуньязада.

— Нет, нет, нет.

— Шахрияр бы сильно разгневался, будь у тебя такие намерения. Он безумно влюблен в нее. Знаешь, — продолжала Дуньязада, — я очень довольна, что ты проник сюда ради меня. Мне нравится жить во дворце султана, но он очень строг и взыскателен и никогда не разрешил бы мне отправиться куда-нибудь одной. Он не доверяет мне. Но ты, должно быть, знаешь о его строгости, иначе не похитил бы меня вот так. Он относится ко мне, как относился бы к дочери, если бы у него была дочь. Я бы ни за что не осталась в этом дворце, если бы не сестра. Когда султан взял ее в жены, она обманом добилась от него согласия взять с собой и меня. Она каждую ночь развлекает его, рассказывая самые разные сказки, и каждую ночь, дабы побудить ее к продолжению рассказа, я должна сидеть около их ложа и просить: «О сестрица, поговори с нами и расскажи что-нибудь, дабы скоротать бессонную ночь». А затем она рассказывает сказку, только не до конца, а обрывает ее на самом интересном месте и заставляет султана ждать следующей ночи, чтобы дослушать оконча-

ние. Но мне кажется, что некоторое время она могла бы обходиться и без меня. Тем не менее, как только мы доберемся до твоего дворца, я должна буду послать и ей, и султану весточку, что со мной ничего не случилось. А если ты хочешь считать меня своей невестой, то должен получить согласие самого султана, а также моего отца.

— Безусловно, — сказал Биллингс.

— Но я уверена, — продолжила она, и ее глаза приобрели еще более густой фиолетовый оттенок, — что у тебя может и не быть подобных намерений. Хотя бы потому, что если эмир увозит девушку на волшебном ковре, то это никак не означает, что он влюблен в нее. Любовь слишком неуловима, чтобы так легко ее поймали, и только время покажет, будет ли она частью наших надежд и мечтаний.

— Как ты догадалась, — нерешительно спросил он, — что я *действительно* эмир?

— Как же ты можешь не быть эмиром, если владеешь волшебным ковром? И, кроме того, — добавила она, — ты похож на эмира.

Возможно, он и походил на эмира, но уж никак не ощущал себя им. Похитить младшую сестру Шехеразады вместо нее самой! Как же он дал такого маху?

Однако при всей беспристрастности к себе он не считал свой промах законченной глупостью. Откуда он мог знать, что девушка, за которой он крался от спальни султана до самого сераля, не Шехеразада? Требовалось проверить все очень быстро, при слабом искусственном освещении, а Общество изучения истории никогда не показывало ему голографических снимков Дуньязады и не сообщало, что обе девушки спят в одной спальне.

Но факт оставался фактом: Биллингс опростоволосился, и некоторое время будущее рисовалось ему в самых мрачных красках. Однако вскоре перед ним забрезжил слабый луч света. Наверняка «Анимейкинс инкорпорейтед» нуждается в воссоздании копии Дуньязады; в противном случае экспозиция «Тысячи и одной ночи» не будет достоверной. А значит, его путешествие не так уж бесполезно. Надо всего-навсего доставить Дуньязаду в будущее, объяснить причину своей ошибки куратору музея, а затем, вернув девчонку назад, спокойненько умыкнуть Шехеразаду. Правда, это будет гораздо труднее, поскольку он поднял во дворце такой тарарам, но он не сомневался, что справится.

Он снова вернулся к панели управления, намереваясь завершить набор команды «НАСТОЯЩЕЕ». И тут все пошло наперекосяк. Биллингс забыл о своей правой лодыжке и неосторожно повернул ее, когда хотел поудобнее поставить ногу. Его реакция на неожиданную острую боль оказалась пагубной: пытаясь унять ее, он вытянул поврежденную ногу — и зацепил кабель, идущий от фотонного ускорителя к аккумуляторам. Последовал взрыв, сильный крен, вспышка тьмы, а затем снова возник дневной свет и совершенно новый, незнакомый ему пейзаж.

Глядя на него, Биллингс не сомневался: окружающее никак не относится к девятому столетию.

И был так же уверен, что и не к двадцать первому.

Зато сомневался, что это вообще земной пейзаж.

II. Ифрит

Внизу, под тобогганом, там, где минуту назад зеленела роща финиковых пальм, был небольшой оазис. Но он не походил ни на один из оазисов, когда-либо виденных Биллингсом. Пальмы росли идеальными концентрическими кругами, а в середине внутреннего круга стояло дерево выше и толще всех прочих. На верхушках почти у всех деревьев виднелись в изобилии гроздья плодов размером с арбуз, а на вершинах пальм, где плоды отсутствовали, виднелись столь же пышные гроздья желтых цветов.

Раскинувшуюся под ними пустыню на севере, на юге и на западе усеивали похожие оазисы, которые тянулись вплоть до цепи возвышений, напоминавших пологие холмы. К востоку, в той стороне, куда смотрел нос тобоггана, пустыня уступала место холмам, окаймленным с тыла невысокой цепью горных вершин. Солнце, обычно служившее Биллингсу ориентиром, только что появилось над седловиной между двумя горными пиками.

На переднем плане голубело небольшое озеро, а за ним белела куполообразная конструкция, нарушавшая однообразную картину оазиса. Вдали на севере, на юге и на западе виднелись такие же купола.

Биллингс взглянул на Дуньязаду, желая посмотреть, каким образом резкая смена окружающей обстановки повлияла на нее. Казалось, что девочка ни капельки не испугалась. На самом деле на ее лице отражалось лишь восхищение.

Отключив фотонный ускоритель, он занялся обследованием кабеля, который случайно зацепил ногой. Обрывки трех жил кабеля торчали из соединительного разъема ускорителя. Подключить их не составляло труда, но для того, чтобы иметь возможность отправиться назад, в будущее, требовалось прежде всего вернуться туда, где они были до аварии, а это уже представляло настоящую проблему.

Солнце, во всяком случае, занимало на небосклоне примерно прежнее положение, и это обстоятельство слегка успокаивало. Но солнечный свет казался необычным. Он имел легкий красноватый оттенок. Бросив короткий взгляд на само солнце, Биллингс заметил, что и оно имело все тот же красноватый оттенок и к тому же казалось значительно более крупным.

Да солнце ли это было? Почем знать, может быть, в небе горела совсем другая звезда. Фотонный ускоритель, непредсказуемо откликнувшись на частичную потерю питания, мог забросить тобогган в совершенно другую часть вселенной. Единственное иное возможное заключение состояло в том, что ускоритель, каким-то образом, перенес тобогган в еще более далекое будущее.

С наступлением ночи он сможет точно определить, какое из двух заключений единственно верное. И не по наличию созвездий, поскольку созвездия далекого будущего будут знакомы ему не более, чем созвездия чужой планеты, а по присутствию или отсутствию луны. В «предыдущую» ночь, когда луна поднялась над дворцом султана, она казалась полной. И если этой ночью луна будет в какой-либо из фаз, в которых она видна, он поймет, что они с Дуньязадой все еще на Земле.

Кто-то тянул его за рукав халата, и Биллингс понял, что Дуньязада что-то говорит ему. Он повернулся к ней.

— Ты все-таки должен мне сказать, — повторила она, — как тебе будет угодно, чтобы я обращалась к тебе?

— Мое настоящее имя — Марк, но обычно меня называют Билл.

— Ты хочешь, чтобы я называла тебя *Билл*?

— Да, «Билл» было бы неплохо.

— Какое странное имя для эмира!

— Если хочешь, можешь звать меня Марком.

— Нет. Билл мне нравится больше. А большой у тебя дворец, Билл?

Ее умозаключение, что он самый настоящий эмир, было вполне естественным, тем более что он сам сказал ей об этом, а посему Биллингс продолжал поддерживать эту иллюзию. Если честно, подлил масла в огонь, соврав, что дворец у него вполне приличный. На самом деле он жил в большом автофургоне неподалеку от свалки. В колледже он учился на программиста, но такой подготовкой мог похвастать почти каждый представитель его поколения, и на рынке труда программистов было куда больше, чем компьютеризированных рабочих мест. Однако существовали вакансии в других, менее престижных сферах, и, вместо того чтобы сидеть на шее у родителей, он пошел в посудомойки и снял под жилье автофургон. Наконец, устав от житья впроголодь, Биллингс предложил свои услуги компании «Анимейкинс инкорпорейтед», прошел подготовку к путешествиям в прошлое и вошел в число внештатных работников.

— А он больше, чем дворец султана? — продолжала расспрашивать Дуньязада.

— Давай пока забудем о моем дворце. Мне нужно подумать о куда более важных вещах.

Она вдруг схватила его за руку и показала куда-то за озеро.

— Смотри, Билл... джинн!

Он взглянул в ту сторону, но увидел только что-то вроде песчаного смерча. Он так и сказал ей.

— Но как может кружиться песок, — спросила Дуньязада, — если нет ветра? Нет, это джинн. И полагаю, что, скорее всего, из злых. По меньшей мере ифрит. А то и марид.

Ему пришлось согласиться, что ветра действительно не было. Если честно, не было даже легкого ветерка. И как будто для того, чтобы еще больше сбить наблюдателей с толку, столб песка, круживший вихрем у самого берега озера, начал перемещаться прямо над водой. Поскольку казалось, что «смерч» движется в сторону их оазиса, Биллингс решил: неважно, что это, лучше поскорее убраться с дороги. И, установив инерционный регулятор на внутренний диапазон исторической эпохи, он взял курс на соседний оазис, в полумиле от озера, и приземлился на окаймлявший его ковер из трав. Затем он повернулся к Дуньязаде, готовый произнести все те слова утешения, каких требует столь поспешный перелет от оазиса к оазису.

Но обошлось без утешений. Она сидела выпрямившись, с горящими глазами, и походила на ребенка, который только что впервые прокатился на американских горках в парке аттракционов и теперь не может сдержать восторга.

— Почему ты спустился вниз, Билл? Давай полетаем еще!

— Ты же потеряла голову от страха!

— С какой стати?

— Да ведь тебе, наверняка, не приходилось носиться на таких штуковинах.

— Нет, но я сотни раз мечтала о полете на волшебном ковре, мечтала пережить что-то вроде того, что мы сделали сейчас.

— Могу поспорить, что ты никогда прежде не видала волшебных ковров.

— Нет, не видала. Но всегда знала об их существовании. Давай прокатимся к самому небу!

— Только не сейчас.

Он отстегнул свой ремень безопасности и осторожно сошел на землю. Стянул с правой ноги туфлю и заметил, что лодыжка начала опухать. Биллингс достал из кармана большой складной нож, усевшись на землю, снял с головы тюрбан, частично размотал его и отрезал полоску ткани длиной около двух футов. К этому времени Дуньязада справилась со своим ремнем и оказалась рядом с ним.

— Я не знала, Билл, что ты повредил ногу! — Она взяла у него нож и материю и сама наложила повязку. Затем втиснула его ногу в туфлю и велела встать. Поднявшись, он почувствовал, что может свободно переносить весь свой вес на правую ногу, не ощущая ни малейшей боли, и несколько первых шагов доказали ему, что он может ходить ничуть не хромая.

Он открыл ящик с инструментами, отыскал там отвертку и с ее помощью снова подсоединил к разъему три болтавшихся жилы кабеля. Закончив работу, он положил отвертку на место. Дуньязада во все глаза смотрела на множество предметов, лежавших в ящике.

— Что это за странные вещи, Билл?

— Инструменты. Ведь волшебные ковры иногда ломаются, и тогда приходится их чинить.

— А вот те маленькие металлические стержни? Похожие на свинец.

— Это припой. — Он использовал английское слово. — Но полагаю, ты правильно сравнила их со свинцом, ведь припой в основном состоит из него.

— А что это за маленькая глиняная чашка?

— Самонагревающийся тигель. Если тебе нужно немного свинца, ты кладешь туда несколько этих стержней и щелкаешь

вот этим маленьким выключателем сбоку. Вскоре они расплавятся. — Он указал ей на небольшую ложку. — Этим можно черпать свинец.

— О-о-о.

Биллингс закрыл ящик. Взглянув на Дуньязаду, он заметил, что та склонила голову к плечу.

— Я слышу журчание воды, Билл.

Он тоже прислушался. Вскоре и он услышал журчание. Оно доносилось из оазиса.

— Должно быть, среди деревьев бежит ручей, — сказала Дуньязада. — Пойду взгляну.

Он отправился следом за ней в глубину оазиса. Они нашли не один, а несколько ручьев... небольшие заводи чистой воды с бьющими в их середине ключами. Присутствие воды указывало на то, что оазис орошаемый. Вполне вероятно, такими же были и остальные. Под белыми куполами, должно быть, скрывались насосные станции.

Дуньязада опустилась на колени у ручья. Биллингс хотел крикнуть, *«не смей пить эту воду»*, но она уже набрала влаги в сложенные ковшиком ладони и поднесла ко рту. Ну хорошо, подумал он и, опустившись на колени, зачерпнул в ладони воды. Привыкшему к воде двадцать первого века Биллингсу на миг показалось, что он пьет шампанское. Такой водой нельзя было отравиться. Он набрал еще и выпил. Больше шансов отравиться водой из-под крана. Здесь, под деревьями, была настоящая идиллия. Он вернулся к тобоггану и принес две коробки с припасами. Затем открыл мини-банку с сыром для девочки и мини-банку с солониной для себя, и, сидя около ручья, они занялись завтраком.

Дуньязада дивилась сыру:

— Как хороши должны быть твои овцы!

— Ты даже не представляешь, — сказал Биллингс.

Должно быть, в пустыне поднялся ветер, потому что он слышал его завывания. Дуньязада тоже прислушивалась.

— Не стоит беспокоиться, — заверил Биллингс. — Это просто ветер.

Она покачала головой.

— Нет. Если бы это был ветер, то верхушки деревьев качались бы, а они неподвижны. Это джинн. Может быть, тот самый, которого мы уже видели, а может, другой.

Ее замечание вывело Биллингса из себя.

— Если это джинн, — с вызовом заметил он, — тогда почему ты не боишься?

— *Боишься?* — В ее глазах, придавая им цвет колокольчиков, сверкнуло возмущение. — Это джинн должен бояться меня! — Она подняла левую руку, чтобы он смог разглядеть кольцо на ее среднем пальце. — Печать, сделанная из железа и меди, как тебе следовало бы знать, Билл, наводит благоговейный страх на джиннов. А эта печать — точная копия той, которой много веков назад пользовался Сулейман ибн Дауд, заточая джиннов в медные бутылки. Как я могу бояться какого-то джинна, или даже ифрита, или марида с таким кольцом на пальце?

Биллингс лишь мельком взглянул на кольцо.

— И все-таки мы слышим просто ветер.

— Давай пойдем и узнаем.

Он следом за ней прошел между деревьями к травянистой границе оазиса. Теперь завывания стали значительно более громкими, и он увидел почему. Все тот же столб песка, который они видели чуть раньше, или похожий на него, вихрем мчался к оазису. Зловещий, серый, местами чернеющий, высотой около десяти футов, он напоминал небольшой ураган.

Пока Биллингс разглядывал его, столб удвоил скорость. Биллингс инстинктивно выхватил морозитель.

— Видишь, Билл? — сказала Дуньязада. — Видишь?

Да, он все хорошо видел. А еще видел, что они чересчур далеко от тобоггана, чтобы успеть добраться до него — ради собственного блага. Он, не веря своим глазам, наблюдал. Столб долетел до края лужайки и остановился. Вой утих, и песок, если только это был песок, стал уплотняться. Через минуту Биллингс смог разглядеть пару огромных неуклюжих ног и две крючковатые руки. В конце концов ему удалось различить и голову существа. Она напоминала большущий перевернутый медный котел. Вот в фокусе появилось и лицо. Глаза были как мельничные жернова, нос походил на сплющенную картофелину, а огромный открытый рот являл два ряда зубов, напоминавших скорее надгробные камни. Пока Биллингс разглядывал пришельца, они сомкнулись. Брызнули искры.

Он нацелил морозитель в область солнечного сплетения великана, стараясь свободной рукой успокоить Дуньязаду, обхватив ее за плечи. Если бы чертова тварь подошла ближе, он превратил бы ее в огромный ледяной столб. Но существо не приближалось. Вместо этого, еще несколько раз щелкнув зубами,

оно снова превратилось в миниатюрный смерч, который понесся вокруг оазиса. *Жи-мм-жи-мм-жи-мм*. Биллингс наблюдал, пока деревья не скрыли смерч из вида.

— Это был ифрит, — сказала Дуньязада, — и он шпионил за нами.

Он убрал руку с ее плеч.

— В чем разница, — скорее из желания вернуть себе уверенность, чем из любопытства, спросил он, — между джинном и ифритом?

— Ты никогда раньше не видел ифрита?

— Нет.

— И марида?

— Нет.

— Ну, вообще-то они оба джинны, как ты должен знать, Билл. Но ифрит — это могущественный злобный джинн, а марид — сам дьявол, даже еще более могущественный. Кое-кто верит, что есть еще шайтаны и они-то самые могущественные из всех. Но я не думаю, что они существуют.

— Как ты догадалась, что джинн, которого мы только что видели, ифрит? — спросил Биллингс.

— По его лицу. Разве ты не видел, какое в нем было презрение?

— Да, согласен.

— Но нам не следует бояться. Джинны бессильны перед печатью Сулеймана. Я так рада, Билл, — продолжила она, — что ты избрал путь к своему дворцу сквозь Занавес! Мне всегда хотелось увидеть горы Каф.

— Горы Каф?

Она указала в сторону горной цепи на востоке.

— Да. Вон те вершины. Они окружают Землю.

— Дуньязада, так значит, ты знаешь, *где* мы?

— Разумеется. В стране джиннов. — Она недоуменно воззрилась на него. — Разве ты не знал?

Он покачал головой.

— Но почему ты отправился сквозь Занавес, — спросила она, — если не знал, что лежит по другую его сторону?

— Дуньязада, я не знаю даже, что такое этот Занавес.

— Ну, в точности этого не знает никто. Мне известно о нем немного больше, чем прочим, из-за того, что случилось со мной в ту пору, когда я еще жила в доме моего отца. — Она не сводила с его лица глаз-фиалок. — Хочешь я расскажу тебе об этом?

Он видел, что ей до смерти охота рассказать. А почему бы и нет? — подумал он. Пусть прольет хоть какой-то свет на их затруднительное положение, это вовсе не помешает.

— Давай, Дунни, — сказал он.

— Это очень длинная история, поэтому мне кажется, что нам лучше присесть. Вряд ли ифрит вернется.

Биллингс уселся на траву, она напротив.

— Начну с самого начала, — сказала она.

III. Занавес

— Однажды пришел в дом моего отца, визиря, бедный рыбак и предложил за скромную плату купить у него медный кувшин. Он вытащил его из своей сети и обнаружил, что горлышко его запечатано свинцом, на котором стоит оттиск перстня господина нашего Сулеймана. Отец мой дал бедняку сдобный хлеб в обмен на кувшин, а затем поставил этот кувшин в самой отдаленной части нашего двора. На следующее утро, обнаружив его там, я подошла ближе, чтобы хорошенько рассмотреть. Мое любопытство разгорелось, когда я подвигала кувшин и нашла его тяжелым. Затем я стала разглядывать печать, но так как не знала ее истинной природы, то мое любопытство разыгралось пуще прежнего и я отправилась на кухню, взяла нож и трудилась над свинцом, пока не сорвала его с кувшина. Тут же из кувшина пошел дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался, и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий. Я была так напугана, что не знала, что делать.

В тот момент, когда ифрит увидел меня, он воскликнул: «Нет Бога, кроме Аллаха, Сулейман — пророк Аллаха!» Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» «О ифрит, — сказала я, — ты говоришь: «Сулейман — пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живем в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошел в этот кувшин?» И, услышав мои слова, ифрит воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха!

Радуйся, о девушка!» — «Чем же ты меня порадуешь?» — спросила я. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью». — «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха! — вскричала я. — О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободила тебя из кувшина и спасла со дна моря и подняла на сушу?» — «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью казнена!» — сказал ифрит. И я воскликнула: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» — «Послушай мою историю, о девушка», — сказал ифрит, и я сказала: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о девушка, — сказал ифрит, — что я один из джинновероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда, — мир с ними обоими! — я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего визиря, Асафа ибн Барахию, и он привел меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха и предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин, и заточил меня в нем, и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшее из имен Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и те понесли меня и бросили посреди моря. И я провел в море сто лет и сказал в своем сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки. Но прошло еще сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И надо мною протекло еще четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какою смертью умереть! И вот ты освободила меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

— Когда я услышала его рассказ, то ощутила приближение своей смерти. Но затем подумала, что это всего лишь джинн, а я девушка, и Аллах наградил меня разумом. Подумав так, я сказала ему: «О, ифрит, прежде чем ты убьешь меня, позволь мне задать тебе всего лишь один вопрос. Готов ли ты ответить на него?» — «Хорошо, — сказал ифрит, — спрашивай и будь кратка!» И я сказала: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» — «Так ты

не веришь, что я был в нем?» — вскричал ифрит. «Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами». И тогда ифрит встряхнулся и стал дымом над морем, и собрался, и малопомалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. Я быстро схватила свинцовую пробку и заткнула горло кувшина, а затем сказала, обращаясь к ифриту: «Выбирай, какой смертью хочешь умереть!» Услышав такие мои слова, ифрит пытался было выбраться наружу, но я уже знала, что тщетно, ибо теперь поняла истинную силу печати. «Что ты собираешься сделать со мной?» — кричал он. «Я собираюсь сбросить тебя назад в море, — сказала я, — и ты будешь лежать там, пока не настанет судный час». «Нет, нет! — воскликнул ифрит. — Освободи меня, и ради собственной свободы я расскажу тебе про Занавес, что отгораживает землю людей от земли джиннов». «Я слышала про Занавес, — сказала я, — но я не поняла, что это такое». «Я расскажу тебе о нем и объясню его истинную силу, как только ты освободишь меня», — сказал ифрит. «Нет, — сказала я, — сначала ты расскажешь мне и все объяснишь, а затем, если твой рассказ удовлетворит меня, я освобожу тебя». «Хорошо», — сказал джинн и поведал о следующем.

«Знай же, о девушка, что неподалеку от города Эль-Марас один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. Бык чрезвычайно завидовал ослу, потому что у того было более просторное и более ухоженное стойло. Бык, будучи слишком гордым, считал для себя недостойным спать в таком убогом месте, в то время как осел блаженствует, словно царь. По этой причине бык начал спать в стойле осла, занимая львиную долю пространства и подминая под себя всю солому, которую каждый день настилал на пол приставленный к стойлу раб.

Купец, узнав про поведение быка, впал в гнев и приказал рабу удлинить на пять локтей стену, разделявшую стойла. Стена эта была длиной в четыре локтя, так что, будучи удлиненной, она не позволила бы быку, чья привязь насчитывала девять локтей, свободно обходить ее. Раб исполнил все, как ему было приказано, и удлинил стену на пять локтей, но на следующее утро он со всех ног бросился к купцу с криком: «Хозяин, прошлой ночью бык перепрыгнул через стену и снова спал в стойле осла, потому что есть следы тяжелого тела на соломе, и совершенно немыслимо, чтобы бык мог просто обойти стену, имея длину привязи все-

го в девять локтей». Услышав это, купец отругал раба за вранье и сказал: «Стена, разделяющая стойла, имеет высоту в четыре локтя, и бык не мог прыгнуть так высоко». Раб умолял его пойти в стойло и посмотреть на все это самому, и купец, чувствуя смятение раба, согласился так сделать. И вот, как и говорил раб, на соломе в стойле осла оказались заметные следы, которые могло оставить только такое крупное животное, как бык.

Увидев это, купец взволновался и сам, и сказал, обращаясь к себе: «Бог наградил меня возможностью понимать язык зверей и птиц, и я держал ее при себе, не разглашая никому, ни зверям, ни людям, полагая, что это слишком священный дар, чтобы распространяться о нем. Следовательно, я не должен обнаружить ее и сейчас, расспрашивая этого быка, как ему удалось проявить подобную ловкость». Так что вместо того, чтобы потребовать объяснений от быка, купец вознамерился защитить права осла, приказав рабу увеличить высоту стены на шесть локтей, с тем чтобы даже при всей ловкости быка, способного совершить столь гигантский прыжок, привязь помешала бы ему. Раб исполнил приказание и увеличил высоту стены на шесть локтей, но на следующее утро он прибежал к купцу, взволнованный до того, что едва мог говорить. «Хозяин! Хозяин! — закричал он. — Прошлой ночью бык перепрыгнул через стену и по-прежнему спал рядом с ослом, потому что на соломе остались следы тяжелого тела!» Купец, услышав эти слова, поторопился в стойло и увидел, что раб снова говорит правду. Тогда купец понял, что больше не может скрывать свое умение понимать язык зверей и птиц, и, отпустив раба, тут же направился в стойло к быку.

И вот с какими словами он обратился к животному: «Знай же, о несчастное созданье, что бог наградил меня знанием языка зверей и птиц, и знай, что его именем я задаю тебе вопрос: за счет чего ты можешь перепрыгнуть через стену высотой в десять локтей, если длина твоей привязи всего девять?» После чего бык, испытывая благоговейный страх от знакомства его хозяина с языком зверей и птиц и дрожа от его присутствия, сказал: «Хозяин, есть четыре, а не три способа проникнуть по другую сторону стены: обойдя ее вокруг, пройдя под ней, пройдя над ней и *пройдя сквозь нее*. Знай же, что если я не мог пройти ни вокруг стены, ни под стеной, ни через стену, значит, я выбрал четвертый путь и прошел сквозь нее».

Услышав такие слова, купец пришел в ярость, будто он был свидетелем собственного воскрешения из мертвых. «Зачем ты

лжешь мне, презренное животное? — воскликнул он. — Ты знаешь не хуже меня, что то, о чем ты говоришь как о совершенном тобой, может быть совершено лишь одним джинном!» «Нет, хозяин, — сказал бык, — это может сделать любой, кто знает секрет, а секрет вот какой: сквозь стену следует проходить по кривой». После чего бык двинулся вперед, к стене, слегка повернулся налево и прошел через стену наклонно к ее поверхности. Затем он прошел назад, вернувшись в свое стойло точно таким же способом. Купец, сильно подавленный и наконец-то уверовавший в то, что животное говорит ему правду, воскликнул: «То, что совершил ты, истинное чудо. И поэтому уж совсем непристойно, чтобы существо с таким даром проживало в условиях хуже, чем у презренного осла!» И купец крикнул раба и приказал ему сделать стойло быка в два раз просторнее, чем стойло осла, и каждый день насыпать на пол большие горы свежей соломы. И бык был польщен, и с тех пор спал в своем собственном стойле».

«А теперь, о девушка, — сказал ифрит, — тебе лишь остается уяснить следующее сходство, чтобы понять истинную природу Занавеса: стойло осла — это земля джиннов, стойло быка — это земля людей, а стена, разделяющая их, и есть Занавес». А затем ифрит продолжил: «Поскольку я выполнил свою часть договора, теперь ты должна выполнить свою. Выпусти меня из кувшина, и, клянусь, я не причиню тебе никакого вреда».

— Прежде чем открыть кувшин, я заставила джинна поклясться именем Аллаха, что он будет правоверным джинном. Затем вытащила пробку, и дым поднимался из сосуда, пока не вышел весь, затем он сгустился и принял, как и раньше, отвратительный облик ифрита. Тот подхватил кувшин, повернулся и пошел своим путем, и я поняла, что он никогда не вернется. Затем у меня появилось вот это кольцо, сделанное позднее из печати Сулеймана ибн Дауда, которая сохранилась на пробке, так что, если я когда-нибудь пройду сквозь Занавес в страну джиннов, они не посмеют причинить мне вреда. Но я не знала, где находился этот Занавес, и даже не думала, что он может быть так близко к дворцу султана. Я очень рада, что мы прошли сквозь него, Билл, потому что теперь получила возможность преподать джиннам урок с помощью своего кольца.

IV. Джон Д. Рокфеллер и тридцать девять разбойников

Некоторое время Биллингс не мог вымолвить ни слова. Он просто сидел на траве, глядя на Дуньязаду.

Как он ни старался, он не мог обнаружить и тени обмана в ее фиолетовых глазах.

На самом деле его больше сбивало с толку то, как она описывала ифрита, чем пересказ того, что тот предположительно говорил ей по поводу Занавеса. Мысль о существе столь высоком, что голова его терялась в облаках, тревожила его рассудок.

Разумеется, это была лишь гипербола. Девушка не стремилась достоверно описать ему облик джинна.

Он достаточно много читал из «Тысячи и одной ночи», чтобы понять: многие входящие туда сказки полным полны подобной чепухи. Однако Дуньязада весь этот вздор считала сущей правдой, и, видела ли она на самом деле ифрита, или нет, слушала ли его байки или лишь воображала это, она свято верила, что все так и было. Что полностью подтверждало выражение ее лица.

Впрочем, как бы ни было, а она представила ему весьма искусное описание природы пространственно-временных аномалий. Но если Занавес на самом деле и был именно этим, Биллингс никак не мог понять, что произошло, когда они прошли сквозь него: совершили ли они скачок вперед только во времени или оказались к тому же на чужой планете.

— Дунни, а доводилось ли тебе встречать кого-нибудь, кто проходил бы сквозь Занавес и возвращался обратно?

— Нет. Но я слышала рассказы о таких людях. Вот почему я сразу поняла, где мы оказались.

— А... эти... джинны? Должно быть, они проходят через Занавес постоянно.

— Со времен господина нашего Сулеймана большинство их не отваживается на это, ибо владыка Сулейман посадил всех неверных джиннов в медные кувшины и приказал бросить их в море Эль-Каркар. Этому предшествовала Великая Битва, о которой ты наверняка слышал. Сулейман, пришедший в ярость от такого обилия джиннов в стране людей, собрал войско из людей, из птиц и змей и двинул вперед свою армию, поднявшись во главе ее на своем ковре, и напал на своих недругов. Джинны, трепеща от страха, попытались скрыться, но он настиг их, и они пали перед ним на колени, умоляя пожалеть их. Но господин наш Сулейман,

все еще пребывая в ярости, послал за медными кувшинами, в которые и посадил их, и только тем, кто поклялся служить ему верой и правдой, было позволено вернуться сквозь Занавес в свою страну.

И снова Биллингс заглянул ей в глаза, и снова не смог найти ни единого признака обмана. Но черт возьми! В Обществе изучения истории ему ни разу не говорили о таком сражении! Впрочем, они никогда не говорили ему ничего подобного ни о джиннах, ни о Занавесе, а теперь он знал, джинны существуют, потому что уже видел одного, и знал о существовании Занавеса, потому что прошел сквозь него. Поэтому он понял, что поскольку и джинны и Занавес существуют, то и сказочное описание битвы, данное Дуньязадой, хотя бы частично должно основываться на фактах.

Понял он и кое-что еще: он никогда не попадет обратно, в настоящее Земли, где бы и когда бы оно ни существовало, если будет рассиживаться под пальмой и слушать девчонкину болтовню. Поднявшись с земли, он направился к тобоггану, снова достал из ящика с инструментами отвертку и начал возиться с кабелем. Дуньязада, следуя за ним по пятам, спросила:

— Что ты собираешься делать, Билл?

— Узнать, сможем ли мы вернуться сквозь Занавес обратно.

— Но ведь мы только что прилетели!

— Я знаю, Дунни. Но мне не кажется, что задерживаться здесь надолго благоразумно.

Кабель состоял из четырнадцати разноцветных проводов, замысловато переплетенных между собой. Если ему не изменяла память, он заново соединил красный, черный и зеленый. Биллингс поспешно отсоединил их.

— Садись, Дунни, — сказал он, устраиваясь поудобнее за панелью управления, — попробуем запуститься.

Она с явной неохотой поднялась на тобогган и села рядом. Он показал ей, как застегнуть ремень, а затем, застегнув свой, поднял тобогган над землей и направил к предыдущему оазису, который они недавно оставили. Солнце поднялось по небосводу еще выше, но его лучи лишь слегка пригревали Биллингсу спину. На подлете к оазису он привел в действие ускоритель и набрал на клавиатуре символы Н и А. Ну, поехали, подумал он.

Тобогган миновал оазис, но окружающая обстановка не изменилась.

— Дунни, — сказал он, — а этот Занавес, он всегда в одном и том же месте?

— Этого я не знаю. Мы определенно не пересекли его.

— Уверен, что отсоединил не ту жилу.

Биллингс выключил ускоритель, снова пролетел над оазисом и посадил тобогган. Теперь он был почти уверен, что вместо зеленого следовало использовать коричневый провод. Он быстро исправил положение, поднял тобогган и направил обратно к оазису, затем снова активировал ускоритель и набрал начальные символы командного слова. Он снова пролетел над оазисом, и снова окрестный пейзаж остался без изменений.

Может быть, он ошибся с красным проводом. Может быть, вместо него следует отключить оранжевый. Он поменял их и предпринял очередную попытку.

И никуда не попал.

Черный провод! Вместо него должен быть синий!

Новая попытка — все с тем же результатом.

Тут Биллингс начал пробовать самые разные комбинации. Желтый, рыжевато-коричневый, оранжевый. Белый, лиловый, коричневый. Красный, белый, синий. Зеленый, оранжевый, желтый. Бесполезно. В конце концов Дуньязада заявила:

— Я проголодалась, Билл.

Он отметил, что солнце в зените.

— Хорошо, сейчас перекусим. — Он опустил тобогган на лужайку и открыл две новые банки консервов. Дуньязада уже видела утром, как он открывал такие банки, и теперь справилась с этим сама. На ее лице отразилось глубокое огорчение, когда она увидела, что сыра там нет. В одной оказалась фасоль, в другой маленькие сосиски. К банкам прилагались пластиковые ложки для фасоли и пластиковые вилки, чтобы есть сосиски. В дополнение к основному блюду к каждой упаковке было добавлено по конфете. — Никогда не пробовала ничего подобного! — воскликнула она, откусив от своей. — Что за дивный у тебя повар, должно быть, Билл!

В полдень Биллингс начал записывать различные комбинации проводов, чтобы не использовать их повторно. Проходил час за часом, и он начал сознавать, сколько времени еще пройдет, прежде чем он отыщет верное сочетание. Не теряя присутствия духа, он продолжал экспериментировать... а тобогган висеть над оазисом.

Стало жарко. Он снял халат, скатал его и сунул в металлический ящик с оборудованием для стоянки и продуктами. Теперь на очереди были черный, зеленый и белый.

— Хоть я и не понимаю, что ты там делаешь, Билл, — сказала Дуньязада, когда солнце начинало клониться к западу, — мне становится ясно, что это не приблизит нас к переходу сквозь Занавес.

Биллингс промолчал и занялся зеленым, оранжевым и белым.

И снова ничего не изменилось.

Он больше не приземлялся среди деревьев, а продолжал работать в зависшем над землей тобоггане. Он только что отсоединил оранжевый провод и уже готов был попытать счастья с синим, когда заметил, что с востока через пустыню движется черное облако. Он повернулся и начал внимательно разглядывать его.

Дуньязада тоже заметила это движение.

— Думаю, это рух, Билл! — воскликнула она. — Нужно спасаться!

То, что приближалось к ним, походило на грозовое облако. Затем он рассмотрел крылья и лапы. Он стремительно погнал тобогган к восточной границе оазиса и посадил под деревом. Пока они с Дуньязадой наблюдали за небосклоном, рух коротко спикировала вниз, к другому оазису, скользнула над вершинами деревьев, захватила полные когти плодов и взмыла в небо.

Он видел, таких «облаков» много. Все они начали налетать на деревья и хватать когтями плоды. От взмахов их крыльев раскачивались верхушки деревьев и покрывался мелкой рябью песок. С жадностью разделываясь с плодами прямо в воздухе, птицы бросались вниз по второму, а затем и по третьему разу. Наконец, в последний раз наполнив когтистые лапы, они улетели в сторону гор.

Обед был закончен.

— Дунни, — сказал Биллингс испуганно, — но ведь птица рух не существует...

— Я тоже не верила, Билл. Стихотворцы часто писали о том, что эти птицы живут на вершинах гор Каф. Теперь я понимаю, что это, должно быть, правда.

— А я знаю кое-что еще, — сказал Биллингс. — Эти оазисы — не настоящие. Это фруктовые сады. И кто бы ни возделал их, они предназначены для этих птиц.

— Возможно, это сделали джинны.

Он не стал спорить. На это просто не хватало сил. И к тому же, вполне вероятно, она была права.

К этому времени солнце успело сесть, и он решил отложить свои попытки пройти сквозь Занавес до утра. Он расстегнул ремень безопасности и сошел на землю.

— Ну-ка, давай, Дунни, спускайся. Будем устраиваться на ночлег.

— Под открытым небом?

— Да. Я поставлю шатер, и мы будем спать в ней прямо под звездами.

Она расстегнула ремень и спрыгнула с тобоггана, хлопнув в ладоши.

— Прямо как бедуины, Билл! Прямо как бедуины! Погоди, я еще расскажу об этом Шехеразаде! Она будет потрясена! А можно я помогу тебе ставить палатку, Билл?

— Конечно. Ну, давай, сразу и начнем.

Палатка была размером с собачью конуру, с надувными стенами. Девушка помогла ему разостлать палатку на земле, затем он подключил к входному клапану пневмокартридж, и прежде чем в набежавших сумерках в ее глазах смогло отразиться удивление, палатка, обретая форму, выросла перед ней словно из-под земли. Он закрепил надувное сооружение с помощью кольев на тот случай, если поднимется ветер, а затем достал из ящика с оборудованием работающий на батареях бивачный костер, установил его перед входом и включил.

— Волшебный огонь, Билл! Волшебный огонь!

— Не подходи к нему слишком близко, он бывает очень горячим.

Вернувшись к тобоггану, он взял кофейник, банку кофе и небольшой металлический треножник. Установив треножник над костром, он уменьшил «пламя», а затем отошел к ближайшему ручью и наполнил кофейник водой до половины. Вернувшись к костру, он засыпал в сетчатый фильтр две порции кофе, закрыл крышку и подвесил кофейник на треножник над «пламенем». Дуньязада, восхищенно наблюдавшая за ним, едва не задохнулась от восторга, когда вода начала закипать.

Запас продовольствия в тобоггане был рассчитан на десять дней для одного человека, им с Дуньязадой этого запаса хватило бы только на пять дней. Но это не беспокоило Биллингса — к тому времени они должны были покинуть это место. Поскольку вариантов меню было всего два, он снова выбрал просоленное мясо с сыром. Из ящика с запасами продуктов он также извлек две пластиковые чашки, две пластиковые ложки и контейнер со сливками для кофе.

Когда кофе был готов, он доверху наполнил обе чашки. Добавил в чашку Дуньязады ложку сливок, размешал и протянул ей. Сам он всегда пил только черный кофе. Она поднесла чашку к губам, попробовала и тут же скривилась. Он понял, в чем дело, и, быстро прихватив из тобоггана пакет с сахаром, положил ей в чашку целых две ложки. Поразмыслив секунду, добавил и третью.

— Размешай, Дуньязада. — Она размешала, и когда снова попробовала кофе, то засветилась от счастья.

Когда они закончили ужин, на землю уже спустилась ночь. Биллингс обратил внимание на то, что небо над вершинами гор приобрело серебристый оттенок.

— Взгляни, Билл, — сказала Дуньязада, — поднимается луна.

Усевшись рядышком, они наблюдали ее восход. Луна была полная, точь-в-точь как в ту «последнюю ночь», когда она поднялась над дворцом султана. Но в ней было два несоответствия: во-первых, она была слишком большая, во-вторых, человечек с Луны бесследно исчез.

— Это совсем другая луна, — сказала Дуньязада.

— Да, верно. Она стала ближе и изменилась.

— А почему она стала ближе и почему изменилась?

— Потому что мы попали в будущее, Дунни.

Она помолчала и сказала:

— Ты считаешь, что Занавес — это вход в завтрашний день?

— Вход в завтрашний день, который на многие тысячи лет отстоит от дня вчерашнего.

— Никто раньше и не подозревал об этом, Билл. Но я не в силах понять, как ход времени может заставить Луну измениться. Непонятно мне и то, как будущее может опоясывать Землю.

Он припомнил, что согласно легенде Землю окружают горы Каф, и с тревогой засомневался, а нет ли в этом утверждении доли истины. В эту минуту он не поручился бы, что такого не может быть.

— Да и небо стало другим, — сказала Дуньязада.

Он взглянул на звезды. Из-за яркого света луны их почти не было видно, и поэтому он не сумел отыскать ни одного хоть сколько-нибудь знакомого созвездия.

«Сколько лет? — спрашивал он себя. — Сколько веков? Сколько тысячелетий?»

Сомневаться не приходилось лишь в одном: он впутал бедную Дуньязаду в хорошенькое дельце. По ошибке выкрал из-под

носа у султана, а затем отправил, хотя и ненамеренно, в будущее, совершенно недосягаемое как для него, так и для нее. А она сидит тут, рядом с ним, нимало не встревоженная их неприятностями, твердо уверенная, что он эмир, хозяин дворца, не уступающего дворцу султана, и выкрал ее с твердым намерением сделать своей невестой, если бы только они полюбили друг друга.

Ему было стыдно за себя.

Может быть, если бы им удалось пройти сквозь Занавес, он взял бы ее в двадцать первый век… а может, и нет. Его работа перестала казаться ему такой уж важной.

До сих пор Занавес преграждал ему дорогу, но он был уверен, что такое не может длиться слишком долго. И было еще одно, что Биллингс пока не проверил в попытках пройти сквозь занавес: насосные станции. Если ими управляют человеческие существа, то они наверняка должны знать про Занавес и, следовательно, могли бы рассказать, как сквозь него пройти. С его места Биллингсу была видна одна из таких станций близ озера. Тусклое пятно, слабо различимое в лунном свете. То, что там не горел свет, ничуть не обескураживал его: на станции могло не быть окон.

Он отправится туда завтра. А пока соснет. Он устал и понимал, что и Дуньязада, должно быть, устала не меньше. Однако они не могли оба проспать целую ночь. Одну часть ночи придется бодрствовать ему, а другую Дуньязаде. И не из-за какой-то птицы рух — он был уверен, что те по ночам не летают, — и не только потому, что Дуньязада могла бы вернуться домой, но, главным образом, потому, что они очутились в чужой стране, о которой она не знала почти ничего, а он — вообще ничего.

Он предложил, что подежурит первый.

— Дунни, — сказал он, — думаю, тебе пора отдохнуть.

— Вряд ли я смогу сейчас уснуть, Билл.

— Не понимаю почему. Ведь ты не спала всю прошлую ночь.

— А вот почему. Я бодрствовала почти еженощно, слушая, как моя сестра рассказывает султану сказки, и поэтому обычно спала днем.

— Я объясню тебе, в чем дело. Каждый из нас должен отстоять на часах половину ночи… тогда давай так: подежурь первая, а потом, может быть, сумеешь уснуть. — Он забрался в палатку. У него не было часов, а даже если бы и были, Дуньязада вряд ли смогла бы определить по ним время. Но в любом случае оставались самые большие часы — на небе. — Когда луна будет прямо над головой, Дунни, разбудишь меня.

— А где мне стоять, Билл?

— *Стоять* ты не должна. Просто сядь у входа в шатер. Если заметишь в темноте какое-нибудь движение, или услышишь что-то, кроме стрекота насекомых, сразу буди меня. Становится прохладно, но костер тебя согреет. Она уселась на землю и обхватила колени руками. Тусклый огонь отбрасывал на ее лицо розоватый отсвет. Когда она подрастет, то наверняка будет хорошенькой. Да девочка и сейчас очень недурна.

— Я знаю, что сейчас сделаю, Билл, — сказала она. — Сейчас я расскажу тебе одну из сказок моей сестры.

Он был твердо уверен, что это очень быстро его усыпит.

— Тогда начинай.

— Я расскажу тебе первую из сказок, рассказанных ею султану. — Дуньязада умолкла и задумалась. — Я знаю, она, должно быть, беспокоится обо мне. И султан... он, должно быть, тоже беспокоится.

— Я верну тебя к ним, Дунни, не сомневайся.

— А я думала, ты возьмешь меня к себе во дворец.

— О да. Возьму. Я хотел сказать, что отпущу тебя повидаться с ними.

— В этом нет необходимости, ибо первое, что я должна сделать, когда мы окажемся в твоем дворце, это написать им и успокоить, что со мной все в порядке. Но даже если они и обеспокоены, Билл, я не тороплюсь покинуть эту страну джиннов. Джинны знают, что мы здесь — тот ифрит, которого мы с тобой видели, был шпионом — но я нисколько не боюсь их.

Она вытянула левую руку, и кольцо на ее среднем пальце сверкнуло в свете костра.

— Едва они увидят печать Сулеймана ибн Дауда, они падут на колени и будут умолять, чтобы я не заточала их в медные кувшины и не приказывала бросить в море.

— А сказка, Дунни... Ты собиралась рассказать мне сказку.

— Да, это сказка о купце и джинне.

Все было так, будто ему отведена роль султана, а ей — роль Шехеразады.

— Рассказывают, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вел большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И, съев финик, он кинул косточку — и вдруг видит: перед ним

ифрит высокого роста, и в руках у него обнаженный меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» — «Как же я убил твоего сына?» — спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту». — «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — воскликнул купец. — Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» — «Я непременно должен тебя убить», — сказал джинн и потянул купца и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его...

Чуть погодя Биллингса сморил сон, возможно, тайно навеянный той сказкой, что рассказывала Дуньязада, и он проделал собственный волшебный путь в иную, совсем непохожую на другие, арабскую «ночь». Сон его начался вполне невинно: он высаживал у себя во дворе ранние помидоры. На самом деле в настоящей своей жизни он высаживал помидоры каждый год, так что имел возможность только посмеиваться, проходя мимо овощных рядов, где фермеры продавали их по доллару за штуку. Тут во двор заехала его знакомая девушка, с которой он обычно проводил время, вышла из своего «фиэйс-хэбли» и обошла со всех сторон его передвижной дом, чтобы взглянуть, чем это Биллингс занят. Она была высокой блондинкой и работала в школе. «Кто бы мог подумать, — сказала она, — что такой интеллигентный молодой человек не нашел лучшего времяпрепровождения! Выращивать помидоры!» «Ты говоришь так, — заметил Биллингс, глядя на нее снизу вверх, оттуда, где он, стоя на коленях, копался в свежевзрыхленной земле, — поскольку никогда не могла оценить по достоинству несравненный вкус ранних помидоров, а при своих высоких доходах никогда не волновалась по поводу тех фантастических цен, что ломят за них в овощных рядах». «Ей-богу ты всегда был идиотом, — сказала девушка по имени Джун, которая на самом деле никогда не любила его. — Делать самому на таком крохотном клочке то, что машины могут сделать в десятки раз лучше, и на бóльших площадях, и только ради того, чтобы сэкономить несколько пенни!» «Такие, как ты, — сказал ей Биллингс, — презирают разговоры о пенни и не желают понимать, что, когда экономишь каждый день, капитал растет по экспоненте». «Я преподаю математику, — сказала Джун, — и знаю, что

рост этот отнюдь не экспоненциальный, да и вообще, пенни не способны размножаться сами по себе». «Ты рассуждаешь так, — заметил Биллингс, — потому что никогда не читала про Джона Д. Рокфеллера. Он создал свою империю, экономя пенсы и раздавая при этом толпе целые десятицентовики». «Я знаю все о Джоне Д. Рокфеллере, — сказала Джун. — Я многое узнала о нем, когда училась в колледже. Он был обыкновенным вором... Вот как он заполучил все свои деньги. Обычно, он прятал свою добычу в финансовых пещерах. И еще на него работало тридцать девять разбойников, и однажды, когда они все вместе с грузом награбленных денег заявились в свою главную пещеру, агент ФБР по имени Али Баба выследил их и укрылся на соседнем дереве. Он слышал, как Джон Д. сказал у дверей пещеры: «Сезам, открой дверь», и увидел, как дверь пещеры открылась. Депонировав там свои деньги, они вышли из пещеры, и Джон Д. сказал: «Сезам, закрой дверь», и дверь закрылась, после чего эти сорок разбойников удалились. Али Баба тут же подошел к пещере и сказал: «Сезам, открой дверь», а когда дверь открылась, он зашел и стянул мешок тысячедолларовых купюр. Когда он вышел из пещеры, то сказал: «Сезам, закрой дверь», и дверь закрылась, и он со всеми деньгами отправился домой. Брат его, которого звали Касим и который был налоговым инспектором, узнал от Али Бабы про пещеру и про волшебные слова. На следующее утро, как можно раньше, пока Али Баба еще спал, он поехал к пещере на грузовике. После того, как он сказал: «Сезам, открой дверь», он вошел в пещеру, а дверь тут же сама закрылась за ним. Он до того разволновался при виде такого количества денег, которые вскоре могли стать его, что никак не мог вспомнить нужную фразу и не сумел выйти из пещеры. Когда сорок разбойников вернулись с новой кучей денег, они нашли его, разрезали на куски, а куски повесили у дверного проема, чтобы отпугивать других налоговых инспекторов. Затем они умчались прочь продолжать грабежи. В скале, где находилась эта пещера, было отверстие, и когда днем поднялся ветер, он завывал над этим отверстием: *жимм-жимм-жи-мм*, но, разумеется, бедный Касим этого уже не слышал. *Жи-ммжи-ммжи-мм*...».

Когда Биллингс проснулся, все еще выл ветер, что показалось ему очень странным, потому что кругом все было спокойно. Он увидел, что совсем светло. Дуньязада по-прежнему сидела рядом с палаткой, обхватив колени руками. Уронив голову на колени, девочка крепко спала.

Ему следовало бы знать, что значит оставить пятнадцатилетнюю девочку за сторожа. Однако ночь прошла прекрасно, так что ничего страшного. Он приподнялся и разбудил ее:

— Дунни, уже утро.

Она сонно взглянула на него, когда он выбирался из палатки. Затем наконец встал и потянулся. Он хорошо спал ночью и теперь чувствовал себя на миллион долларов. Но, тем не менее, что-то было не так. В воздухе стоял странный едкий запах, а проклятое жужжание не исчезало. Вскоре он понял, почему. Медленно двигаясь вдоль оазиса, вращались и вихрились столбы песка, похожие на тот, что они видели с Дуньязадой, — на тот, который в конце концов превратился в джинна. *Жи-мм-жи-мм-жи-мм.*

V. Птица-мать

— Отойди, Билл! — крикнула Дуньязада. — Сейчас я прогоню их!

Она вскочила и встала рядом с ним, готовая привести в действие свой перстень. Сосчитать эти столбы не удавалось, но они определенно взяли оазис в кольцо. Биллингс вытащил морозитель.

Дуньязада задиристо выпятила подбородок, что при сложившихся, весьма опасных, обстоятельствах придавало ей несколько комичный вид. Он подтолкнул ее в гущу деревьев.

— Дунни, здесь их целая армия!

Но гнев сделал ее безрассудной.

— Мне неважно, сколько их! Я их не боюсь! — Затем она заметила: — Посмотри, один перевоплощается!

Столб песка, на который она указывала, вращаясь, выделился из общего ряда и двинулся к краю травянистой лужайки, окружавшей оазис. Появились руки-крючья, вывернутые ноги, похожая на котел голова. Существо выглядело точь-в-точь, как тот джинн, которого они видели вчера, за исключением одного: этот был еще больше. Он поглядел на людей похожими на мельничные жернова глазами. Скрипнул камнеподобными зубами. Затем снова обернулся песчаным столбом и присоединился к своему войску, оставив после себя чудовищно едкий запах.

— Кажется, они не слишком-то интересуются нами, — заметил Биллингс. — И вряд ли собираются вредить нам.

— Ага!

— Да ты у нас со щитом!

Она взглянула на правую, а затем на левую руку.

— У меня ничего нет. Но ты не это имел в виду, Билл.

— Я имел в виду, что ты напрашиваешься на неприятности.

— Нет, на неприятности напрашиваются они.

— Я так не думаю... послушай, они собираются уходить.

Столбы песка перестали опоясывать оазис и направились прямо к озеру. Он начал считать их, когда они кружили у воды. И насчитал всего двадцать. А ему казалось, что вначале их было больше. Наконец последний скрылся за одним из оазисов.

— Они возвращаются в горы, — сказала Дуньязада. — Полагаю, там их город.

— Откуда ты знаешь, что они живут в городе?

— Не знаю, но слышала. Его называют Медным Городом. Билл, давай последуем за ними на твоем волшебном ковре и отыщем его.

— Дунни, мы не собираемся никого преследовать. Мы попытаемся пройти обратно сквозь Занавес. — Биллингс указал на купол за озером. — Хотя сначала мы отправимся навестить насосную станцию, узнать, есть ли кто-нибудь внутри.

— Насосную станцию?

— Думаю, вот этот и другие купола — это сооружения для подкачки воды.

— Куда?

— В оазисы.

— Из озера?

— Да. Полагаю, озеро — это основное хранилище, и вода под землей подается в оазисы.

— Но, может быть, вода просто течет под землей.

Он должен был признать, что такая возможность вполне реальна, потому что озеро располагалось несколько выше оазисов.

— Думаю, это крепость, в которой сидит джинн, — заметила Дуньязада.

— Мы пойдем и посмотрим. Мне кажется, что птицы рух не будут докучать нам, потому что вчера мы не видели ни одной до самого заката. Сначала позавтракаем, а затем свернем лагерь.

Они умылись в ручье, и он одолжил Дуньязаде расческу. Она расчесала волосы, и он тоже причесался, а затем сварил свежий кофе и открыл еще две коробки просоленного мясо с сыром. Дуньязада положила в свою чашку сразу четыре ложки сахара.

Покончив со своей порцией просоленного мяса и сыра, она заглянула в свою коробку, надеясь найти там конфету, и тогда он специально для нее достал конфету из другого комплекта, куда входили фасоль и сосиски.

Биллингс выпустил воздух из палатки, Дуньязада свернула ее и убрала в ящик с оборудованием и продуктами. Он вымыл в ручье кофейник и тоже убрал вместе с пакетом сахара, банкой кофе, треножником и походным костром. Пустые коробки, банки, пластиковые чашки и ложки он забросил под куст. Провел в стране джиннов всего лишь день и ночь и уже намусорил.

— Идем, Дунни.

Они пристегнули ремни, и он поднял тобогган над землей. После бесполезных вчерашних полетов воздушное путешествие должно было бы стать для нее обыденным делом, но лицо девочки по-прежнему излучало радость и восторг. Казалось, она вся светится, а ее черные волосы, подхваченные ветром, неслись в каком-то стремительном танце. Он вспомнил свою подружку, ту, что снилась ему прошлой ночью. По сравнению с Дуньязадой она была просто деревянной куклой.

Когда они пролетали над озером, он вгляделся в проносившуюся внизу воду, такую прозрачную, что просматривалась до самого дна. Он сумел разглядеть даже стайку рыб и пожалел, что у него нет с собой рыболовной снасти.

Купол находился от них почти в половине мили и оказался значительно меньше, чем ожидал Биллингс. Его изумила идеально гладкая поверхностью купола. В нем не было не только окон: Биллингс не смог найти и никаких признаков двери. Возможно, дверь была с другой стороны.

Когда они с Дуньязадой подлетели ближе, он увидел, что постройка имеет форму яйца и, вообще говоря, не может быть классифицирована как купол. Стены не поднимались от земли под прямым углом; вместо этого они были закруглены, как и крыша. Дуньязада едва не задохнулась.

— Билл! — воскликнула она. — Это яйцо!

— Ты хочешь сказать, что это сооружение имеет *форму* яйца.

— Нет, я хочу сказать, что это и есть яйцо! Яйцо рух!

— Даже рух не может снести *такое* большое яйцо, — сказал Биллингс.

Он начал опускать тобогган, чтобы лучше рассмотреть яйцо. Но едва он снизился, как к ним через пустыню со стороны горных вершин метнулась огромная тень. Когда он поднял глаза,

ему показалось, будто гигантский реактивный лайнер собирается заходить на посадку.

— Это птица-мать! — закричала Дуньязада. — Улетай, улетай отсюда, Билл! Улетай!

Лайнер был темно-коричневым, а шасси оборудовано когтями вместо колес. Нос грязно-желтого цвета напоминал ястребиный. И еще были два иллюминатора для пилота золотистого цвета, а в центре каждого по черной точке. Распростертые крылья заслоняли почти весь горизонт.

Или, по крайней мере, так казалось.

Теперь Биллингс понимал, как, должно быть, чувствуют себя чайки, когда настоящий реактивный лайнер с шумом движется в их сторону. Но он не был чайкой. Он был человеком разумным и находился на борту тобоггана, способного двигаться сквозь время. На клавиатуре перемещения между веками имелась кнопка пятнадцатиминутного скачка, основным назначением которой было выводить путешественника во времени из катастрофических ситуаций. Биллингс нащупал ее указательным пальцем и надавил. И ничего не случилось. Ну еще бы! Как совершить прыжок вперед во времени, когда этот чертов кабель частично отключен? Биллингс застонал. Чешуйчатые когти огромнейшей лапы вцепились в тобогган, и рух взмыла в небо.

«Где же я оказался?» — недоумевал Биллингс, уносимый над едва различимыми точками оазисов в обществе арабской девочки-подростка из девятого века в неизвестность птицей такой огромной, что по сравнению с ней многометровый удав выглядел бы ничтожным червем!

Без сомнений, все это ему снилось. И поэтому, проснувшись, он снова окажется в своем доме на колесах. Встанет, поставит на огонь кофейник с сетчатым фильтром, а потом будет поглядывать из кухонного окна на автомобильную свалку, которая граничит с его участком, и радоваться, любуясь грудами обветшалых автомобилей.

Но сон продолжался, и наконец он заставил себя посмотреть правде в глаза. Тюрбан слетел с его головы, а Дуньязада обхватила руками его шею, поскольку перепугалась еще больше, чем он. Зато тобогган пока находился в правильном положении, не имел сколько-нибудь заметных повреждений, а морозитель оставался в кармане у Биллингса.

Но положение могло ухудшиться.

Рух держала тобогган всего двумя когтями. Биллингс направил морозящий луч на ближайший коготь и, удерживая морозитель в таком положении, расслабился, дожидаясь, когда коготь потеряет чувствительность, и это заставит птицу ослабить хватку и выпустить тобогган.

Птица неслась на юго-восток. Потоки воздуха от ее крыльев ритмично раскачивали тобогган, а гигантская птичья лапа загораживала небосклон. Дуньязада убрала руки с шеи Биллингса, но он видел, что она по-прежнему напугана.

— Ну, Дуньязада, не печалься. Мы обязательно вернемся. Видишь, я стараюсь заморозить ее лапу.

Она выдавила подобие улыбки.

— Это... это делает вот эта маленькая трубочка?

— Она производит луч отрицательной тепловой энергии, которая рассеивается в теле того, на кого направлена. — Он говорил то по-английски, то по-арабски, понимая, что ей невдомек, о чем речь, но надеялся, что, может быть, сами слова убедят девочку, неважно, ясен ей их смысл или нет. — Очень скоро рух «выронит» нас, и, когда это случится, она может и не заметить, что мы исчезли.

— Уж лучше пусть сбросит нас поскорее, ведь мы приближаемся к горам. Когда она доберется до гнезда, то, скорее всего, съест нас.

Взглянув вниз, Биллингс увидел, что они над самыми вершинами. И хотя те походили скорее просто на большие холмы, некоторые пики торчали вверх подобно грубовытесанным заостренным столбам, а рух летела теперь так низко, что тобогган едва не столкнулся с одним из них. Кое-где на вершинах сидели другие птицы, не сводя глаз-телескопов с отложенных в пустыне яиц. Эта пустыня, помимо всего, была еще и просторным инкубатором.

Тобогган слегка накренился. Птичья лапа слабела.

— Держись, Дунни... через минуту мы будем свободны.

Внизу, прямо под собой он заметил гнездо с птенцами. Они были очень большие, размером с дом, и у всех были разинутые клювы. Гнездо вместе с путаницей сваленных в нем как попало деревьев напомнило ему тайгу после падения Тунгусского метеорита.

— Они... должно быть, они приносят сюда своих вылупившихся из яиц птенцов, — сказала Дуньязада ослабевшим голо-

сом, а затем обхватила руками шею Биллингса и поцеловала его. — О, Билл, нам конец! Теперь мы никогда не узнаем, могли бы мы полюбить друг друга или нет!

Все это время он не оставлял надежды заморозить коготь птицы, и в итоге та выпустила тобогган в свободное падение. Однако он не упал, потому что инерционный регулятор все еще работал, и Биллингс с Дуньязадой аккуратно проплыли над развернутыми, словно пещеры, ртами птенцов. Он поскорее направил тобогган вверх, чтобы тот не врезался в очередную вершину, а затем, выжимая из регулятора всю мощность, взлетел еще выше, облетая пик фантастической высоты. На севере он заметил широкую зеленую долину.

Рух на бреющем полете унеслась еще на пару миль в сторону от гнезда, абсолютно уверенная, что Биллингс и Дуньязада уже пошли на корм птенцам, и не оглядывалась до тех пор, пока не начала новый разворот. В тот миг, когда она заметила, что тобогган вспугнул других птиц рух и те поднялись со своих мест, раздался пронзительный клекот. Плавно набирая высоту, они присоединились к ней, чтобы принять участие в преследовании. Биллингс мчался к долине.

Дуньязада, убрав руки с его шеи, сидела рядом и смотрела назад.

— Одна из них прямо позади нас, Билл!

Он не нуждался в подсказках. До его слуха уже доносились повергающие в трепет удары мощных крыльев, а долина казалась безнадежно далекой. Биллингс различал и заросли деревьев, и зеленеющие поля, а вдалеке, на заднем плане, и нечто напоминающее город. Если бы удалось добраться до одной из рощиц, та укрыла бы их от птиц, но он понимал, что и до ближайшей из них не удастся долететь вовремя. Бросив быстрый взгляд через плечо, он заметил тянущиеся к ним лапы. Выпущенные когти были готовы вцепиться в тобогган. Биллингс старался выжать из батарей дополнительную мощность. Но не мог. На этот раз они с Дуньязадой действительно оказались на краю гибели. Он не переживал из-за себя. В известном смысле он заслуживал смерти. Выкрасть девушку по ошибке, врать ей и по недосмотру перенести ее в далекое будущее само по себе недостойно, не говоря уж о том, чтобы напрочь изменить ее судьбу, ошибочно приняв яйцо рух за насосную станцию. Да, по всему он заслуживал смерти.

— Пещера! — воскликнула Дуньязада. — Смотри, Билл... смотри! Пещера! Вон там, на склоне горы!

Среди камней виднелся проход, достаточно широкий, чтобы пропустить тобогган. Биллингс так резко развернулся, что, если бы не ремни, и его, и Дуньязаду выбросило бы за борт. Рух, висевшая у них на хвосте, тоже попыталась заложить вираж, но ей это удалось хуже. Биллингс до последнего не сбрасывал скорость, а затем ловко вписался на тобоггане в пещеру.

VI. Форт Нокс

— Пахнет лошадьми. Они где-то здесь, — сказала Дуньязада.

Биллингс тоже чувствовал этот особый запах, но в пещеру через вход падало достаточно света, чтобы видеть: никаких лошадей здесь нет.

Все еще взбудораженный погоней, он выключил регулятор и достал из ящика с оборудованием электрический фонарь. Включив его, он расстегнул ремень, вышел из тобоггана и, шаря лучом по сторонам, обследовал гранитный пол пещеры. Он обнаружил то, чего ожидал: засохшие следы навоза.

Дуньязада тоже спустилась на землю.

— Дикие лошади в пещерах не живут, — сказала она, — значит, тех, что были здесь, кто-то сюда загнал.

— С той стороны Занавеса?

— Возможно. Но, может быть, лошади есть и в стране джиннов. Посвети еще раз своим волшебным лучом, Билл. Может быть, этот кто-то оставил здесь что-нибудь после себя.

Биллингс еще поводил фонарем по пещере, но обнаружил лишь новые катышки навоза. Тогда он поднял фонарь повыше, высвечивая дальние уголки пещеры. Та оказалась гораздо просторнее, чем он думал. Верхняя точка свода отстояла от пола по меньшей мере на пятнадцать футов. Стены были относительно гладкими, пол — без россыпи камней. Вероятно, его привели в порядок те, кто превратил эту пещеру в денник. Он увидел также, что это, переднее, пространство — всего лишь часть пещеры. Прямо против входа темнел туннель, ведущий в толщу горы.

Интересно, жил ли там кто-нибудь или что-нибудь? Он от души надеялся, что нет.

Дуньязада подошла ко входу и выглянула наружу.

— Эй, Билл, да они оставили здесь следы.

Он выключил фонарь и присоединился к ней. След тянулся наискось по склону горы на запад. Уверенный, что рух и ее сородичи

прекратили преследование, он, пригнувшись, выбрался из пещеры, чтобы рассмотреть все как следует. Отпечатки копыт подсказали ему, что всадники (он не сомневался, что это были всадники-люди, поскольку трудно представить скачущего на лошади джинна), должно быть, бывали здесь уже не раз. А значит, могли вернуться.

Дуньязада перевела взгляд со следов на долину.

— Полагаю, именно там и живут джинны, Билл.

Джинны или нет, но было ясно одно: кто-то там жил. Аккуратно возделанные поля и едва различимый вдалеке город указывали на то, что долина обитаема. Зелень полей тонкой нитью прорезала река, от нее во все стороны разбегались еще более тонкие нити, ветвясь между полями. Оросительные каналы. А скопление деревьев, скорее всего, были фруктовыми садами.

Он задумался, стараясь припомнить, нет ли среди его оборудования бинокля. Порывшись в ящике, он отыскал на самом дне небольшой бинокль. Высвободив его из футляра, Биллингс подошел к выходу из пещеры и навел окуляры на ближайшие деревья. Да, это был сад. Деревья слегка походили на яблони. Вдруг он едва не задохнулся. Но не деревья были тому причиной. Он увидел людей, снимавших с веток плоды!

Дуньязада, которая, разумеется, никогда не слышала о биноклях, а тем более никогда их не видела, догадалась, однако, что странный предмет в руках Билла способен приближать далекие предметы.

— Позволь мне взглянуть, Билл! Позволь!

Он протянул ей бинокль.

— Наведи его на ближайшие деревья и скажи, что ты видишь.

Она так и сделала. Через мгновение она сказала:

— Джинны! Я вижу джиннов!

— Ради бога! — сказал Биллингс. — Это люди, а не джинны!

— Я вижу и людей. Они собирают фрукты и укладывают их в коробки. Но их стерегут два джинна. — Она вернула ему бинокль. — С каждой стороны сада по джинну. Посмотри получше, Билл, и, может быть, на этот раз ты их тоже увидишь.

Он послушался. Действительно, девчонка была права. Оба джинна, приняв «человеческий» облик, явно охраняли сборщиков фруктов.

— Да, я вижу их, — сказал он. — Только если даже они охрана, то это еще не значит, что люди в саду — их пленники. Может быть, джинны защищают их от птиц рух.

— Ха!

Он не видел смысла спорить. Если она считает, что это джинны, — пусть так и будет.

Он направил окуляры на другой, совсем уж дальний сад. Ему удалось разглядеть нескольких сборщиков фруктов и еще двух джиннов. Тогда он попробовал рассмотреть одно из полей. Видно было не слишком хорошо — например, он не мог сказать, что именно там растет, — но и здесь он заметил несколько крохотных фигур, двигавшихся среди моря зелени.

Он продолжил осмотр долины и уделил особое внимание реке, стараясь, насколько позволяло расстояние, отыскать ее истоки. Она так искрилась на солнце, что малейший взгляд на нее вызывал у Биллингса жажду. Начало свое река брала, должно быть, в горном озере. Водный поток змеился среди садов, затем нырял в небольшую зеленую рощу, раскинувшуюся у самого подножия гор, окружавших долину с запада, и исчезал.

Биллингс осмотрел другие поля, но не заметил там никаких признаков жизни. Вскоре он углядел узкую грунтовую дорогу, запруженную выстроившимися вдоль нее грубыми повозками. Другая дорога была совершенно пуста.

Наконец он направил бинокль на город. Расстояние было очень велико, что затрудняло обзор. Он сумел разглядеть только большую стену и устремленную к небу высокую башню. Башня поблескивала в солнечном свете, и его посетила нелепая мысль, что она из золота.

Дуньязада потянула его за руку.

— Позволь и мне взглянуть на город, Билл! Позволь мне увидеть город!

Он отдал ей бинокль. Минуту спустя она с трудом выговорила:

— Билл, да это ведь Медный Город!

— Откуда ты знаешь, что это Медный Город, если ты никогда не видела его?

— Из-за башни. Она медная!

Он должен был согласиться, что в медь гораздо легче поверить, чем в золото, но по-прежнему считал такое заключение нелепым.

— Дунни, ты хоть представляешь, как трудно было бы расплавить и отлить такую массу металла, не говоря уже о том, как сделать такую литейную форму?

Она опустила бинокль. Ее фиалковые глаза светились от восторга.

— Башня не сверкала бы так, если бы не была сделана из меди!

— Ее могли выкрасить под медь.

— Нет. Это медь!

— Дунни, не следует объяснять очевидное небылицами!

Она недоуменно смотрела на него.

— Я хочу сказать, — пояснил он, — что ты так долго слушала сказки, которые сочиняла твоя сестра, что стала считать их явью.

— А вот и нет! У моей сестры столь необузданное воображение, что того, кто поверит ее словам, можно считать безумцем. А еще она всегда преувеличивает. Ты и представить не можешь, как! Но даже если бы я верила в ее россказни, Билл, то, даю слово, она ни разу не рассказывала султану о Медном Городе.

Биллингс смутно помнил, что такую сказку он видел в учебном микрофильме «Арабские ночи», который накануне его путешествия ему выдали для просмотра в Обществе изучения истории, но не стал спорить. Возможно, Дуньязада просто отлучилась, когда сестра рассказывала султану эту сказку, или, может быть, Шехеразада еще не успела рассказать ее. Сам он ее не читал. И сейчас пожалел об этом.

— Идем, Дуньязада, попробуем осмотреть остальную часть пещеры.

Биллингс убрал бинокль на место. Но прежде чем они приступили к осмотру, он переключил зеленый и белый провода на входе ускорителя. Просто на всякий случай. Туннель был достаточно широк, и они с Дуньязадой могли бы шагать рядом, но все равно Биллингс старался идти в нескольких шагах впереди, держа в одной руке морозитель, а в другой фонарь. В некоторых местах туннель расширяли, поддерживая его ширину почти постоянной. В противном случае он оставался бы всего лишь естественной расщелиной в граните. Сначала ход загибался в одну сторону, потом в другую. Пол имел легкий уклон и был основательно расчищен от случайно осыпавшихся камней. Там, где скопилась пыль, кое-где виднелись следы ног. Они были едва различимы, поэтому трудно было сказать, давно ли они оставлены, но в то же время их наличие говорило о том, что свое главное прибежище хозяева лошадей устроили в глубине пещеры.

Наконец над головой забрезжил дневной свет. Это обстоятельство ничуть не обрадовало Биллингса, потому что второй выход лишь увеличивал их уязвимость. Но вместо того, чтобы направиться ко второму выходу, туннель вел ко второй, более

просторной, чем первая, пещере. Источник света являл собой широкую недоступную трещину в верхнем своде и напоминал скорее слуховое окно. Льющийся оттуда дневной свет озарял внутреннее пространство пещеры.

Когда Билл разглядел, что там, он замер, впившись в увиденное изумленным взором.

Оцепенела и Дуньязада.

Нарушив несколько затянувшуюся благоговейную тишину, Биллингс сунул в карман морозитель и положил фонарь на пол. Дуньязада рядом с ним не переставала шептать:

— Мы богаты, Билл.

Не то слово, подумал он. Такое богатство ни Крезу, ни даже Джону Д. Рокфеллеру и не снилось!

Там были горы золотых слитков. И горы серебряных. И груды драгоценных камней. И тюки шелка. Рулоны персидских ковров. Множество всевозможной домашней утвари, какую только можно встретить в девятом веке на арабских базарах. Пещера была музеем сокровищ.

Он понял: перед ним добыча, награбленная за долгие годы и укрытая здесь всадниками, чьи следы они видели снаружи. И поскольку все это было, скорее всего, арабского происхождения, эти всадники знали, как проходить сквозь Занавес.

Без сомнения, они пересекают пустыню ночью, когда птицы рух спят, и через проход в горах пробираются к своей пещере.

Он взял в руки золотой слиток. Тот весил приблизительно фунтов двадцать. В последнем отчете о состоянии рынка, который Биллингсу довелось просматривать, цена на золото составляла 1002,03 доллара за унцию.

Дуньязада подняла с пола лампу. Медную, похожую на приплюснутый чайник.

— Я слышала, что если потереть лампу вот такой формы, то появится добрый джинн.

Он едва слушал. В мыслях он только что купил дом... особняк в стиле Греческого Возрождения, с портиком о шести колоннах... а теперь присматривался к автомобилям. Он приобрел два «фиэйс-хэбли» и старинный «мерседес-бенц» 1960 года, с откидным верхом. И, раз уж оказался в городе, купил три костюма по шестьсот долларов, десяток рубашек по семьдесят пять долларов, три тридцатидолларовых галстука, пять пар носков по пятнадцать

долларов и четыре пары туфель. Затем он отправился в Новую Англию, где купил себе второй *клочок земли* на Майне, после чего помчался во Флориду и купил огромный дом на побережье. Может быть, еще частный самолет? Да, разумеется. Он купил новенькую «Сессну». И, конечно, будет брать уроки пилотирования. Он увидел выставленную на продажу площадку для игры в гольф — и купил и ее. Он истратил порядочную сумму. А в багажнике его «фиэйс-хэбли» лежало еще три больших чемодана, набитых тысячедолларовыми банкнотами, так что до разорения было далеко.

— Билл?

Он заметил, что Дуньязада положила лампу обратно, в ту гору предметов, из которой только что взяла ее, и пристально смотрит на него.

— С тобой все в порядке, Билл?

— Да, все хорошо.

— Тот слиток, что у тебя в руках, наверное, очень тяжелый.

— Я лишь прикинул его вес, — сказал он и положил слиток назад, в ту же кучу. И снова вернулся к земным делам, чувствуя неимоверную тяжесть на сердце. Это сокровище, хоть они и нашли его, не принадлежало ни ему, ни Дуньязаде. Оно принадлежало людям и общинам, у которых было украдено. С другой стороны, вряд ли оно когда-нибудь вернется к прежним хозяевам, а значит, оно принадлежит похитителям. А ведь вовсе не грех обчистить вора.

Он оставил эти проблемы на потом и приступил к обследованию остальной части пещеры. Вдоль задней стены выстроилось в ряд несколько больших глиняных кувшинов, два из них были наполнены маслом. Он заметил, что в стене пещеры через определенные промежутки выдолблены ниши, где помещались лампы, освещавшие пещеру по ночам. Лампы были очень простые, ничуть не похожие на ту, что разглядывала Дуньязада. Помимо больших кувшинов там же стояло бесчисленное множество маленьких, широкогорлых пустых сосудов — они идеально подходили для воды. Ночью он мог бы слетать к реке и наполнить такой кувшинчик водой, а еще несколько можно наполнить фруктами (если они съедобны), поскольку они с Дуньязадой очень скоро могут остаться без пищи, если не пополнить запасы. А завтра спозаранок он бы слетал в пустыню. Может, там не окажется рух. А если птицы все-таки появятся, он легко избежит встречи с ними, совершив небольшой прыжок во времени. И, кроме то-

го, он мог бы возобновить попытки пройти сквозь Занавес, а если те окажутся тщетными и повторится вчерашняя неудача, то они с Дуньязадой могут стать постоянными обитателями страны джиннов.

С той самой минуты, как он вошел в пещеру, полную сокровищ, Биллингса не покидало ощущение *дежа вю*. И наконец он понял почему. Это место в точности походило на пещеру, которую он видел во сне прошлой ночью, ту самую, где Али Баба нашел сокровище «сорока разбойников». А сокровище, которое нашли они с Дуньязадой, было точно таким же, как сокровище в сказке Шехеразады.

Разумеется, чистое совпадение.

— Я проголодалась, Билл, — сказала Дуньязада.

Глядя на расселину в потолке, он заметил, что теперь солнечные лучи падают вертикально.

— Я тоже, Дунни. Давай вернемся к «ковру». — И тут у него в голове пронеслась неожиданная мысль. Она долгое время пряталась где-то в глубине его памяти. — Дунни, ведь считается, что ты должна обращать лицо к Мекке и молиться пять раз на дню, а я до сих пор ни разу ничего такого не видел. Почему?

— Потому что в стране джиннов нет Мекки. А почему этого не делаешь ты, Билл?

Он угодил в собственную ловушку. Но поскольку уже увяз во вранье, то не видел большого греха в том, чтобы соврать еще раз. Тем более что для этого требовалось лишь кивнуть.

Дуньязада получила просоленное мясо с сыром, он — сосиски и фасоль. И еще он отдал ей конфету из своей коробки. Жаль, не было воды, чтобы приготовить кофе. Да и просто попить воды было бы неплохо.

Обед проходил на борту тобоггана, а когда он был закончен, Биллингс снова достал бинокль. Теперь они уселись бок о бок у входа в пещеру, время от времени передавая бинокль друг другу. В садах все еще работали люди — вероятно, и в полях тоже, а джинны по-прежнему сторожили их.

Наконец он отложил бинокль, и они принялись обсуждать сокровища относительно их происхождения. Дуньязада пришла к тому же выводу, что и он.

— Жаль, — заметила она, — что твой волшебный ковер не очень-то велик. А то мы могли бы забрать с собой все золотые и серебряные слитки и все драгоценные камни.

— Дунни, ничто из этих сокровищ не принадлежит нам!

— Но ведь они не принадлежат и разбойникам, пусть никогда уже и не вернутся к владельцам. Поэтому если мы украдем краденое, то на самом деле не совершим кражи, потому что заберем это у воров.

Ее мысли следовали в точности параллельно его собственным.

— Ну, может быть, мы и сможем взять... немного.

— Немного! Нужно забрать столько, сколько выдержит волшебный ковер!

— Посмотрим!

— Я просто вижу, какие лица будут у разбойников, когда они вернутся и увидят, что большая часть их сокровищ исчезла!

— Будем надеяться, — сказал Биллингс, — что они вернутся не раньше, чем мы исчезнем отсюда.

Казалось, послеобеденные часы тянутся бесконечно долго, и через некоторое время Биллингсу стало ясно, что день стал длиннее. Вчера, поглощенный попытками пройти сквозь Занавес, он этого не заметил. Не заметил он этого и утром из-за его насыщенности событиями. Но простейшая логика подсказывала, что если солнце «состарилось», это же должно было случиться и с Землей, а ее осевое вращение замедлиться.

Его очень интересовал город, и с каждой минутой этого бесконечного дня интерес возрастал. Ему хотелось для удобства обзора подлететь поближе, но, разумеется, он не решался на это до наступления ночи. Конечно, у него была возможность ускорить ход времени, используя тобогган в режиме «прыжка», но он был достаточно терпелив, чтобы воздержаться от этого.

К концу дня люди, работавшие в садах, начали укладывать собранные фрукты в ящики и грузить на повозки. Вероятно, и в полях, и в других садах люди занимались одним и тем же, хотя даже в бинокль не позволял достаточно ясно видеть, чем именно они заняты. Но не вызывало сомнений, что наступила пора сбора урожая.

После того, как погрузка завершилась, повозки, подталкиваемые людьми, которые только что загрузили их, начали движение в сторону города. Без сомнений, процессия была длиннющая, хотя ему был виден только ее хвост. Два джинна превратились в смерчи и отправились следом.

Как ни горько, но Дуньязада не ошиблась. Люди были пленниками.

А долина — фермой, устроенной по образу и подобию настоящей тюрьмы.

Тогда город мог быть собственно тюрьмой.

После ужина они с Дуньязадой снова уселись у входа в пещеру наблюдать за восходом луны. Она казалась такой же круглой, как и предыдущей ночью. Раскинувшаяся под ними долина теперь отливала серебром, и только город вдали приобрел странный синий оттенок.

Биллингс не видел смысла ждать дольше и, поднявшись, сходил в пещеру и взял шесть горшков с широким горлом. Дуньязада, сопровождавшая его, помогла отнести их к тобоггану.

— Что ты собираешься с ними делать, Билл?

Уложив и свои, и ее горшки на «ковре», он сказал:

— Спуститься вниз и набрать воды, а может быть, нарвать фруктов.

— Ты хочешь оставить меня здесь одну?

Должно быть, с ним она чувствовала себя в большей безопасности, решил он, чем оставшись одна в пещере, даже несмотря на возможный риск, связанный с его затеей облететь вокруг города.

— Нет, можешь отправиться со мной.

И опешил: прежде чем подняться на тобогган, она порывисто обняла его и поцеловала. Положив бинокль на место, он уселся рядом с Дунни, застегнул ремень и проверил, застегнут ли ремень у нее. Лунный свет, падавший через вход в пещеру, ложился на лицо девушки серебристым узором, и некоторое время Биллингс любовался ею. Однако она по-прежнему оставалась для него загадкой. То немногое, что Смит, консультант Общества изучения истории, сообщил ему относительно арабских девушек девятого столетия, попросту не годилось для использования, если выбрать в качестве объекта исследования именно Дуньязаду. При условии, что легенда, по которой он выдавал себя за эмира, работала, а девица ничуть не возражала против полета на «волшебном ковре». Но Смит говорил и о том, что арабские девушки девятого столетия чувствуют себя без чадры чуть ли не голыми, и что они обычно замкнуты и молчаливы в присутствии мужчин. В Дуньязаде было столько же замкнутости, сколько в типичной девчонке-студентке из двадцать первого века, вдобавок — капитане команды болельщиков, а если Дунни и носила чадру, то, кажется, не заметила ее пропажи. И еще он вспомнил, что на кратком инструктаже в Обществе упоминали о том, что Шехеразада происхо-

дила из Персии, а значит, Дуньязада была родом оттуда же. Но и это ничего не проясняло: он был уверен, что и юные персиянки из девятого столетия тоже не будут вести себя как юные предводительницы болельщиков из колледжа двадцать первого века и что они тоже, скорее всего, чувствуют себя без чадры голыми.

Впрочем, Смит ни слова не говорил о подростках, он говорил лишь о взрослых девицах. Может быть, именно тут и крылся ответ.

Но Биллингс так не думал. Он склонялся к тому, что истинная причина такого поведения Дуньязады в том, что она именно Дуньязада, а не часть неведомой иссохшей страницы прошлого.

Сейчас она глядела на него, без всякого сомнения, желая знать, почему он сидит и так смотрит на нее. Он запустил регулятор внутренних перемещений, нажал кнопку подъема, развернул тобогган и повел его над долиной.

VII. Демон

Он пустил тобогган вниз по широкой спирали и приземлился на берегу реки, неподалеку от садов. В лунном свете вода казалась серебром, а журчание потока напоминало пение и танец.

Спрыгнув с тобоггана, Дуньязада тотчас стала на колени у самого берега и, набрав полные пригоршни воды, поднесла ее ко рту. Биллингс присоединился к ней и сделал то же самое, потому что другого способа определить, подходит ли эта вода для питья, не было. Как и вода, которую они пили в оазисе, эта тоже походила на шампанское.

Он наполнил три кувшина и пристроил их между ящиками на «палубе» тобоггана. Дуньязада сбросила туфли, закатала шаровары и ступила в воду.

— Как бы мне хотелось искупаться, Билл, — сказала она.

Ему тоже хотелось искупаться, и он подумал: а почему бы нет? Вся долина как будто бы принадлежала сейчас только им, а не оскорбить мораль — по меркам двадцать первого и девятого столетия — удалось бы без труда, если бы он отошел по берегу чуть дальше.

— Можешь начинать, Дунни. А я зайду вон за тот поворот и тоже окунусь.

Излучина реки оказалась несколько дальше, чем ему представлялось. Обойдя ее, он разделся и вошел в рябящую воду. Ко-

гда он пил ее, она казалась не такой холодной. Он дошел до середины реки, но уровень воды все еще не превышал двух футов. Тогда Биллингс лег на воду и едва не задохнулся, но все-таки вытерпел холод, объявший его тело. Лунный свет падал ему на лицо, словно серебряный дождь.

Так, лениво двигаясь в воде, он пролежал достаточно долго. Наконец блаженная слабость охватила его целиком, проникая внутрь. Он приписывал это массажному действию воды и только потом узнал, что причина была совсем иной. Ему казалось, что он способен пролежать здесь целую вечность, и только усилием воли он заставил себя наконец подняться. Но и тогда с трудом опомнился. Кое-как натянув одежду, Биллингс сунул ноги в туфли, словно все еще в полусне. И тут заметил, что лунный свет отбрасывает на бегущую воду чью-то тень. И почти не удивился, когда, подняв глаза, обнаружил на противоположном берегу женщину.

Она протягивала к нему руки. Черные волосы, посеребренные луной, обрамляли лицо и причудливым узором спадали на белые плечи. Хотя незнакомка стояла спиной к свету, ему удалось ясно разглядеть ее лицо. По сравнению с ним лицо Дуньязады было всего лишь мордашкой маленькой шалуньи. Широко посаженные глаза, большие и чуть раскосые, бровями, напоминающие крылья птицы, нос Джоконды и губы, алые даже в ночном полумраке. Золотистые чаши прикрывали грудь, а голый живот посередине был украшен драгоценным камнем. Белая прозрачная юбка доходила едва до колен, подчеркивая длину ног и безупречный изгиб бедер.

Алые губы шевелились — ему казалось, он отчетливо слышит слова:

— Иди ко мне, в мой дворец, в обитель бесконечного восторга и наслаждений. Мы устроим пир. Будем есть *сикбадж*, я же беспрестанно стану наполнять твою чашу вином.

Он отправился через реку вброд. Когда он поднялся на противоположный берег, женщина взяла его за руку. Ее аромат обволакивал Биллингса густым облаком, голова кружилась, и, как несмышленый ребенок, Биллингс отправился следом за ней. Волосы, влажные от воды, липли ко лбу и щекам, но ему было все равно. И тут он увидел дворец. Почему же он не заметил его раньше? Дворец высоко взметнулся в небо, казалось, окна ему заменяют звезды, а луна превратилась в купол крыши.

Они приблизились к каменной стене, и женщина провела Биллингса под арку, в раскинувшийся вокруг дворца сад. Мно-

жество цветов добавило свое благоухание к ее собственному, многократно усиливая его, и Биллингс почувствовал, что пьянеет. На небольшой поляне журчал фонтан и возле большого каменного стола сидели три дивных ребенка, девочка и два мальчика. Их одежды были сшиты из такого же прозрачного материала, что и юбка женщины. Дети улыбнулись ему. У всех троих были длинные острые зубы.

— Вот мои дети, — сказала женщина. — Посиди с ними, пока я принесу вино и *сикбадж*, который только что приготовил повар.

Он сел между девочкой и одним из мальчиков. Другой мальчик сидел по другую сторону стола. Женщина скрылась в темноте. Он не переставал дивиться красоте детей. По их лицам было заметно, что они голодны. Он и сам слегка проголодался. Этот *сикбадж*, что приготовил повар... он был бы особенно вкусным после фасоли и просоленного мяса с сыром. Если Биллингс правильно помнил, это блюдо готовилось из мяса, пшеничной муки и уксуса.

Вдруг он услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел, что женщина возвратилась. Она несла серебряный поднос, который поблескивал в лунном свете. Женщина одарила его теплой страстной улыбкой, и эта страсть и тепло затронули самые тайные струны в его душе. Затем краем глаза он заметил Дуньязаду. Она тоже пришла на эту вечеринку! Он уже собрался пригласить ее, но, к его удивлению, она сама выскочила из тени и вцепилась в женщину. Поднос выпал у той из рук, и продолжил свое стремительное движение, только теперь Биллингс разглядел, что это не поднос. А нож мясника.

— Билл! — закричала Дуньязада. — Это *галех!*

Галех? Поначалу он не мог уяснить значения этого слова. Затем обнаружил, что девочка и мальчик, меж которыми он сидел, схватили его за руки. Их лица уменьшились, губы стали тонкими. Волосы, прежде аккуратно причесанные, превратились в слипшийся от грязи колтун. Вместо одежды на детишках оказались лохмотья. Девочка вознамерилась впиться длинными острыми зубами в его руку. Он вскочил и рванулся, освобождаясь. Отбросив пинком девочку, он отступил. Мальчики кинулись к нему, но он уже выхватил морозитель и поспешно заморозил их. Девочка же вскочила на стол, чтобы оттуда прыгнуть на него. Он заморозил ее прямо в воздухе.

«Дунни! — подумал он. — Дунни!» Обернувшись, он увидел, что женщина придавила Дуньязаду к земле и подхватила нож.

Сейчас он в первый раз увидел ее настоящую, без прикрас. Свалявшиеся волосы падали на высохшее сморщенное лицо. Тело было изможденным и костлявым, сухопарые ноги покрыты язвами. И на ней тоже, были лохмотья. Едва она занесла нож, Биллингс заморозил и ее, рванулся вперед и выдернул из-под нее Дуньязаду. Та вцепилась в него. Тут он заметил, что и сад и дворец исчезли, а стол превратился в прямоугольную глыбу гранита, покрытую пятнами грязи. Они с Дуньязадой стояли среди развалин.

Ее волосы тоже были мокрыми и спутались еще больше, чем его. Не говоря ни слова, он протянул ей расческу. Она так же молча взяла ее и причесалась. Влажные волосы плотно облегали ее голову, и от этого щеки казались полнее, а лицо более округлым. После нее и он занялся своей прической.

Тем временем оба они успокоились.

— Я видела, как она увела тебя, — сказала Дуньязада, возясь с заколкой, — поскорее оделась и отправилась следом. Она — *галех*, Билл, а может, и вампир. Они с детьми наверняка съели бы тебя!

Биллингс вздрогнул. Он все еще не мог произнести ни слова.

— Я знаю, ты не убил их, — продолжила Дуньязада, — нельзя убить того, кто уже мертв. Долго ли они могут оставаться такими?

В очередной раз сказка вторглась в реальность, но теперь он не столь пренебрежительно отнесся к этому. Наоборот, оценил в полной мере.

— Мертвы? Нет, иначе морозитель не подействовал бы. Так что оттаять им удастся, но не скоро. Она... околдовала меня. Казалась такой красавицей! И ее дети тоже.

— Меня она не видела, поэтому и не смогла околдовать, так что, едва заметив ее, я сразу поняла, что она — *галех*.

— *Галех* — это тоже джинн?

— Не знаю. Может быть, вампир или упырь. Они тоже живут по другую сторону Занавеса. На развалинах... Вот на таких. Не понимаю, Билл, почему ты ничего не слышал о них раньше. И почему ничего не слышал о джиннах. Возможно, ты еще и поэт, хоть и эмир, и тратишь все свое время на запись стихотворных строк где-нибудь в крохотной комнатке под самой крышей башни, обманывая себя тем, что иного мира вовсе не существует?

В этот миг, он едва не сказал ей всей правды, — а пожалуй, и сказал бы, если бы Дунни дожидалась его ответа. Но она не стала ждать, а заявила:

— От купания я проголодалась, Билл. Давай отправимся туда, куда собирались, и наберем фруктов. — Вот так беззаботно она отмахнулась от правды.

VIII. Медный город

Они пересекли реку, направляясь к ближайшему из садов, и как только деревья оказались рядом, Биллингс ощутил аромат плодов. Этот запах заставил его вспомнить о мускусных дынях, но он знал, что дыни не растут на деревьях.

Сад оказался тем самым, который он в самый первый раз разглядывал в бинокль, но при ближайшем рассмотрении окружавшие их деревья обнаружили очень мало сходства с яблонями. Они были слишком большие, и даже при лунном свете он заметил лапчатые листья.

Нижние ветки поднимались над землей почти на десять футов. Кое-где на них виднелись гроздья плодов, но большинство были пусты. Скорее всего, сборщики фруктов пользовались лестницами, но если так, то они хорошо спрятали их.

— Иди-ка сюда, Дунни, — сказал он, останавливаясь под гроздью плодов, — лезь-ка мне на плечи.

Она сбросила туфли, забралась ему на спину и заняла устойчивое положение. Ее шаровары все еще не просохли после прогулок по воде, и холодные капли влаги стекали ему за воротник.

— Рви скорее, хоть несколько штук, — сказал он. — Хватит с меня водных процедур!

Девочка захихикала и сбросила ему в руки плод. На вид и на ощупь он напоминал дыню, так отчего было так его и не назвать?

— Сможешь поймать еще один, Билл?

— Бросай.

Она сбросила ему в руки второй плод и спрыгнула на землю, словно голливудский каскадер. Сквозь листву проходило достаточно света, и Биллингс разрезал одну из дынь пополам. Внутри, как и положено, были облепленные сочной мякотью семена. Он вытряхнул их, разрезал половины на кусочки и попробовал. Аромат и вкус были значительно лучше и насыщеннее, чем у обычной дыни. Дуньязада уже доедала свой кусок и готова была приняться за второй.

— Билл, позволь мне снова забраться тебе на плечи и сорвать еще!

— Сначала прикончим эти две!

Это не заняло много времени, и, устроившись у него на плечах, Дунни сбросила еще пару дынь. Биллингс разрезал лакомство, и они продолжили трапезу, усевшись рядышком на земле, а лунный свет расписывал их затейливыми серебристыми узорами. Тут Биллингс заметил, что с одного из деревьев на них глядит сова. Несомненно, на ее памяти это был первый случай такого «уничтожения» дынь. Дуньязада тоже заметила птицу.

— А знаешь, Билл, когда сова следит за мужчиной и женщиной, это означает, что они могут влюбиться друг в друга.

— Думаю, она выслеживает мышей, — сказал Биллингс.

— Нет. Она следит за нами.

— Но ведь ты же не женщина.

— А я считаю, что почти.

— Полагаю, — заметно нервничая, сказал Биллингс, — нам лучше вернуться к волшебному ковру.

Он забыл захватить кувшины (хотя от них было бы мало проку — уж очень они были малы), но ничто не мешало им с Дуньязадой прихватить с собой несколько дынь и разместить их на тобоггане. Девочка снова вскарабкалась ему на плечи и сбросила еще две дыни ему в руки, а затем еще две прямо на землю. После этого она принялась искать свои туфли, а Биллингс стал помогать. Фонарь он оставил в пещере и теперь пытался обойтись при поисках одним лишь лунным светом.

— Зачем только ты их сняла? — спросил он. — Ведь не на дерево же ты их зашвырнула!

— Я не швыряла их на деревья!

— Тогда где же они?

И тут он споткнулся о туфлю. Недалеко от первой Дунни нашла и вторую. Неся в руках по две дыни, они молча вернулись к тобоггану. Он уложил дыни в ящик с оборудованием, а Дуньязада уселась на свое место, пристегнула ремень. Биллингс опустился рядом с ней, пристегнулся, поднял тобогган в ночное небо и взял курс на город.

Под ними проплывали поля и сады. Там же причудливо вилась река, в которой они купались. Он не сказал Дуньязаде, что собирается пролететь над городом, и ему было интересно, о чем она думает, пристально вглядываясь вперед. Но она не спешила сообщать ему об этом.

— Дунни, я не хотел тебя рассердить.

— А я и не сержусь!

Разумеется, нет. Ему следовало бы оставить ее в пещере.
Но тогда к этому времени упыри уже съели бы его.
Он ощутил леденящий ужас.

Башня располагалась в ближайшей к ним части города и составляла часть стены. Именно она оказалась источником синего сияния, которое Биллингс заметил еще из пещеры. Яркий голубой свет веером струился с ее верхушки и заливал весь город. Очевидно, других источников света там не было.

Он приблизился к башне настолько, насколько хватило смелости. Голубой свет лился из горизонтальной прорези. Казалось бы, это должен быть широкий луч, не более. Однако он не просто разворачивался веером, а производил целое озеро света.

Было еще только одно узкое отверстие. Оно помещалось с другой стороны башни, чуть ниже прорези, и скорее напоминало окно. В нем брезжил свет, довольно тусклый, так что Биллингс не замечал его, пока не присмотрелся. В известном смысле эта башня напомнила ему маяк, но одна деталь не укладывалась в сравнение. Поверхность сооружения мягко сияла в лунном свете. Он понял, что перед ним металл и, хоть не мог определить, какой именно, уверился, что Дуньязада права: башня сделана из меди.

Он живо представил себе висящий в небе огромный ковш, льющий расплавленный металл в гигантскую коническую форму, в то же время прекрасно понимая, что явно преувеличивает трудности такой операции, поскольку башню могли отлить и по частям. Это не было заметно, но ведь он рассматривал ее при лунном свете.

— Видишь, Билл, — сказал Дуньязада, — это и есть Медный Город.

— Но ведь город не из меди. Медная здесь только башня.

— Должно быть, он получил такое название именно из-за башни. Это город, где живут джинны.

— Откуда ты знаешь?

Тобогган пролетел над стеной, и Дунни указала вниз, на темные дома и пустые узкие улицы, лежавшие под ними на самом дне озера голубого света.

— Думаешь, там могут жить джинны?

Дома напоминали коробки и образовывали прямоугольные кварталы, при этом каждый квартал был точной копией соседнего. Пролетая над стеной, Биллингс заметил, что она сложена из

гранитных плит. Вероятно, из гранита же были сложены и дома, хотя он видел их недостаточно отчетливо, чтобы утверждать наверняка. Но, гранит это был или нет, жить в столь мрачных постройках было мало радости.

— Нет, думаю, там живут не джинны, — сказал он.

— Думаю, Билл, это тюрьма, — сказала Дуньязада, вторя мысли, которая промелькнула у него днем.

Но если это тюрьма, зачем понадобилось освещать ее таким вот голубым светом вместо обычного?

Он полетел над домами и улицами дальше, держась выше заливавшего город света. Город был небольшой; по стандартам двадцать первого века его бы и городом не сочли. В самом центре посреди большой площади можно было заметить нечто, напоминавшее колодец. Здания отличались унылым однообразием. Те, что протянулись вдоль стены, скорее походили на склады. Повозки, которые Биллингс видел на узкой дороге, стояли тесными рядами. В стене, огораживавшей город, был только один проход. Широкий, со сводчатым верхом, загороженный едва различимой решеткой.

Он сделал несколько кругов над городом, стараясь отыскать хоть какие-то признаки жизни, но так ничего и не заметил.

— Должно быть, они боятся выходить по ночам из дома, — предположила Дуньязада. — Я рада, что я здесь, на волшебном ковре, рядом с тобой, Билл.

До его сознания дошло, что она больше не сердится. Обычно, когда девушки дулись на Биллингса, он впадал в уныние на целый день, а иногда и на неделю. Разумеется, Дуньязада была всего лишь ребенком, но что поделаешь — Биллингс чувствовал, что она все больше нравится ему.

Поскольку город ничем не выдал свою принадлежность к земному будущему, Биллингс решил расширить круг исследований и направил тобогган к перевалу у оконечности долины. Перед ними раскинулось широкое плоскогорье, и он пролетел над ним, стараясь отыскать внизу хоть какие-то признаки жизни.

Плоскогорью здесь неоткуда было взяться, но принять факт его существования было гораздо легче, чем, скажем, присутствие гор. Они возникли и состарились за время, прошедшее от эпохи султана и Шехеразады. Простая мысль об огромном количестве прошедшего с тех пор времени заставила Биллингса содрогнуть-

ся от пронизавшего его холодка. С тех пор как он обнаружил, что они с Дуньязадой по-прежнему на Земле, он тешил себя надеждой, что Занавес удастся обойти, предприняв путешествие во времени назад. Теперь он впервые осознал, как смехотворна эта мысль.

Был только один способ организовать возвращение: отправиться назад тем же путем, каким они попали сюда.

Эта мысль испугала его: он знал, что даже отыскав, какие именно провода следует отключить, он не обязательно добьется успеха — из-за возникновения неких неведомых обстоятельств.

Ведь может статься, он уже отсоединил все что нужно.

Или Занавес сдвинулся.

Среди пленников, что томились в этом городе, наверняка должны быть люди. Земляне. Если бы удалось найти небольшое селение или настоящий город, то кто-то из жителей наверняка знал бы про Занавес. А раз так, то наверняка знал бы и как пройти сквозь него. В Занавесе обязательно должна быть своего рода прореха — а иначе как разбойники могли бы без конца проходить сквозь него?

Он летал, летал, летал — но так ничего и не нашел, ни намека на жилище. Он видел только голые скалы, глубокие овраги и открытые пространства камней и песка. И никаких признаков живности, хотя Биллингс знал, что уж насекомые-то должны быть и земля не может считаться абсолютно голой и мертвой.

Дуньязада не спрашивала, что он пытается отыскать: она знала. В лунном свете ее лицо было печальным.

— Думаю, Билл, мы здесь одни.

— И я так думаю, Дунни.

Но он не отказался от поисков. Теперь он устремился к показавшимся вдали неясным очертаниям холмов. Пока он приближался, они росли, но, оказавшись рядом с ними, Биллингс увидел, что они такие же голые и мрачные, как и все плоскогорье. Сразу за холмами земля резко опускалась, переходя в равнину, сплошь занятую бескрайней пустыней. Но он упрямо продолжал полет.

Наконец Дуньязада сказала:

— Я проголодалась, Билл.

— Да что ты!

— Мы летаем слишком долго.

Он с изумлением увидел, что луна стоит прямо над головой. Тогда он посадил тобогган на песчаный бархан, и они съели че-

тыре дыни, запивая водой из кувшина. Позади расстилалась пустыня, казавшаяся бесконечной, и его пронзила мысль, что, возможно, в этом настоящем мертва вся планета за исключением долины и вот этой усеянной оазисами пустыни. Он хотел прогнать ее, но мысль не желала сдаваться, и ему ничего не оставалось, кроме как принять ее в качестве предположения.

Он снова взглянул на луну. Та уже успела изрядно удалиться от зенита. Особых причин продолжать ночное путешествие не было: чем скорее они отправятся в обратный путь, тем лучше. Они вернутся в долину, и он обязательно полетает над горами, попробует найти тот оазис, где они с Дуньязадой побывали ранее. Отыскать его несложно — рядышком озеро. Оттуда можно было бы возобновить атаки на Занавес. Однако прежде чем отправляться в пустыню, следовало заглянуть в пещеру. Вряд ли он сумеет заставить себя взять хоть что-нибудь из сокровищ, но отчего мешать Дуньязаде?

Подняв тобогган, Биллингс развернулся и отправился обратно. Он не был полностью уверен, что взял точное направление, но в памяти бортовых приборов хранился весь маршрут предпринятого ими ночного путешествия, так что он обратный путь доверил автопилоту.

Луна села раньше, чем они вернулись в долину. Биллингс снова перевел тобогган на ручное управление. Когда они пролетали над городом, восточный край неба уже стал тускло-серым. Бросив взгляд вниз, Биллингс увидел, что на дне «голубого озера» появились признаки жизни. Люди выходили на улицы и шли к площади. Но он не обнаружил никакого присутствия джиннов. Вскоре кто-то должен выключить голубой свет. Если только джинны по каким-то своим загадочным причинам не жгут его постоянно.

— Посмотри, Билл! — воскликнула Дуньязада. — Рух!

Птица мчалась со стороны гор через долину, с шумом приближаясь к ним. Интересно, подумал он, не та ли это пташка, которая вчера сцапала тобогган? Неважно. Он надавил на клавишу «прыжок во времени», и тут же на тобогган обрушился солнечный свет. У Дуньязады захватило дух. Птица рух, должно быть, уже вернулась в гнездо: теперь в небе было пусто.

Биллингс высмотрел вход в пещеру и тут же устремился прямо к ней. Минутой позже он пожалел об этом, потому что услышал негромкое ржание, но менять траекторию тобоггана или тормозить было поздно. Очевидно, разбойники появились только

что, и если бы не прыжок во времени, Биллингс с Дуньязадой могли бы увидеть, как они спускались по склону горы. Вот так, избежав Сциллы, он незамедлительно наскочил на Харибду.

В отчаянной попытке избежать столкновения с лошадьми, он провел над ними тобогган на бреющем полете, прежде чем сумел отыскать подходящее место для приземления. Его палец завис над аварийной кнопкой «прыжка», но нажать ее так и не пришлось: в этот миг двое разбойников набросились на него. Биллингс полез в карман за морозителем, но ему мешал ремень безопасности. Разбойники уже схватили Дуньязаду, и то, что она кричала им, превращало все то, что она кричала ему, когда он тащил ее через двор султана, в сравнительно мягкие упреки. Он предпринял последнюю отчаянную попытку достать из кармана морозитель. И преуспел бы, если бы что-то твердое и тяжелое не стукнуло его по макушке, тем самым неожиданно положив конец всем его усилиям.

IX. Али Баба

У Биллингса болела голова, а глаза, когда он в первый раз открыл их, отказывались четко видеть. Но он неплохо слышал и так же хорошо различал запахи. Звуки же и запахи, достигавшие его ушей и носа, в первый миг убедили его в том, что он попал на съезд добровольных пожарных дружин.

Постепенно двоящееся перед его глазами изображение слилось в одно, и он получил возможность разглядеть пожарных. Все были одеты в грязные бурнусы с откинутыми капюшонами, и все пили из больших глиняных кружек, которые время от времени наполняли, опуская в большой глиняный кувшин, стоявший неподалеку. Нос Биллингса, между тем, уже подсказал ему, что пьют лихие люди пиво. И даже соорудили подобие стойки, выстроив в ряд тюки шелка. По обе стороны от нее они и стояли.

Биллингс насчитал четырнадцать человек.

Один из них, видимо, рассказывал очередную сальную шутку. У него был длинный нос и подлые маленькие глаза. Когда он закончил, остальные разразились бурным смехом.

— Клянусь Аллахом, ты и верблюда заставишь смеяться, Ибрахим! — воскликнул кто-то из них.

Ибрахим зачерпнул кружкой из кувшина и продолжил выступление.

«Дунни! — вспомнил Биллингс. — Где же Дунни?»

И обнаружил ее рядом с собой. Они, связанные по рукам и ногам, сидели у задней стены пещеры, где хранились сокровища. К их компании присоединился и некто третий. Он сидел по другую сторону от Дуньязады, и сперва Биллингс принял его за одного из пожарных, потому что он тоже был в бурнусе, но затем увидел, что это всего лишь мальчик, не намного старше Дуньязады, и тоже связанный по рукам и ногам.

— Дунни, — спросил Биллингс, — с тобой все в порядке?

Он увидел, что она плачет.

— Ах, Билл, я боялась, что ты умрешь!

Заколка из ее волос исчезла, и пряди спускались девочке на лоб. Он попытался дотянуться и отвести их с лица, но лишь узнал, что не может освободить руку.

— Не стоит плакать, Дуньязада. Я в порядке.

Тут он заметил, что третий пленник разглядывает его. У мальчика были большие, светившиеся изнутри карие глаза, округлое лицо и длинные, словно глянцевые, черные волосы. — Дунни, кто это?

— Али Баба. Он выследил их, когда они украли одну из его коз, и хотел остановить, а они схватили его и бросили сюда. Они собираются держать его здесь ради выкупа, его отец богатый человек.

— Если отец не заплатит им, сколько они требуют, — сказал Али Баба, — меня четвертуют.

«Али Баба», — подумал Биллингс. Имя было свежо в его памяти, ведь совсем недавно он видел сон, где присутствовал Али Баба... Али Баба из сказки Шехеразады о сорока разбойниках... Али Баба, который произнес те самые волшебные слова, что открывали дверь в пещеру, полную сокровищ.

Несомненно, чистое совпадение. Вероятнее всего, имя Али Баба у арабов в девятом веке было самым распространенным, как Джон Смит в Америке двадцать первого.

— И я... меня тоже держат ради выкупа, — сказала Дуньязада.

— Но почему, Дунни?.. Ведь они не знают, кто ты?

— Я... я рассказала им. Я очень злилась, когда меня связывали, и сказала, что я дочь визиря и что мой отец служит султану, и что султан отрубит им головы, когда поймает.

— Ничего себе, — только и заметил Биллингс.

— Мою козу звали Бедр-эль-Будур, — сказал Али Баба. — И я... я очень привязался к ней, и она ко мне тоже. Они... убили и съели ее.

— Дьяволы! — сказала Дуньязада. — Отрубить им головы и то было бы слишком мало!

— Каждое утро, — продолжал Али Баба, — она подходила к моей двери, а я угощал ее чем-нибудь вкусным. Это была удивительная коза.

Биллингс заметил:

— Раз уж разбойники привезли тебя сюда, значит, они должны были пройти сквозь Занавес.

— Да, хоть я и не знал, что мы прошли сквозь него, до тех пор, пока кто-то из них не сказал, что мы в стране джиннов. Ведь они завязали мне глаза.

— Но разве никто из них не упоминал про Занавес?

— Нет. Но один раз кто-то из них сказал: «Сезам, откройся», и вскоре после этого упомянули о стране джиннов.

Биллингс уставился на Али Бабу, вглядываясь в его добродушные карие глаза.

— *«Сезам, откройся»?*

— Да, именно так.

— И Занавес *открылся*?

— Поскольку глаза мои были завязаны, то этого я не знаю.

— Сезам — это капелька масла, — сказала Дуньязада. Биллингс видел, что она в восторге. — Но может быть, оно же и волшебное слово.

— А о чем они говорили до этого, Али Баба? — спросил Биллингс.

— О ячменном пиве, а потом о ячмене.

— Если они говорили об одной разновидности зерна, то легко могли перейти к другой.

— Но почему тогда один из них сказал: *«Сезам, откройся»?* — не сдавалась Дуньязада.

— Не знаю, — сказал Биллингс.

Он очень сильно подозревал, что Али Баба сам выдумал это слово или просто ослышался. Но если даже слово и прозвучало, то фраза целиком не имела в реальном мире никакого смысла. Только в сказке можно открыть вход в пещеру, сказав: «Сезам, откройся». В реальной жизни такие слова не окажут никакого действия на пространственно-временную аномалию.

В этот миг один из разбойников, который с кружкой в руке кружился, отплясывая бурный танец, развернулся среди груды золотых и серебряных слитков и остановился прямо перед плен-

никами. Лицо у него было такое, будто давным-давно на него наступила лошадь.

— Смотри-ка! — сказал он, глядя на Биллингса. — Этот пес очухался!

К нему присоединились еще трое. Тот, что угощал собравшихся у «стойки» непристойными шутками (по имени Ибрахим), другой одноглазый, а третий с желтыми, как репа, зубами. Судя по вызванному шутками Ибрахима смеху, льстивому и бурному, тот был у них вожаком.

Он вышел вперед и взглянул на Биллингса своими подлыми маленькими глазками.

— Сегодня ночью, собака, ты покажешь нам, как летает твой волшебный ковер.

Биллингс уже смекнул, почему с ним не разделались сразу. Комментарии были излишни.

— А после, Ибрахим, мы можем скормить его птицам? — спросил Желтозубый.

— Возможно, вместо этого мы его четвертуем, — предложил Битая Копытом Рожа.

— А не отдать ли его *вампирам?* — предложил Кривой.

Дискуссия затянулась. Ее течение направляло ближайшее будущее Биллингса в самые разные русла, и каждое было гибельным и кровавым. Прислушиваясь к вдохновенному обмену идеями, Биллингс выяснил, что Желтозубый звался Бедави, Битая Копытом Рожа — Джафаром, а Кривой — Аджибом.

Дуньязада тоже прислушивалась. Наконец она рванулась вперед, и Биллингс заметил, что ее лицо обрело такое же выражение, как в тот раз, когда она хотела разделаться с джиннами.

— Если вы хоть раз дотронетесь до него, я скажу султану, чтобы каждого из вас подвесили за большие пальцы — висите до тех пор, пока не начнете молить Аллаха о том, чтобы султан отрубил вам головы! Вонючие бедуины! Собачьи дети! Пожиратели мертвечины! Никчемные негодяи! Верблюжий помет!

Она говорила, говорила, говорила. Некоторым из ее заявлений Биллингс ужасался. Что касается разбойников, они стояли, разинув рты. Первым дар речи обрел Ибрахим.

— Джафар! — крикнул он в отчаянной попытке обрести былую самоуверенность, — отправляйся за новым кувшином пива! Этот уже почти пуст!

Джафар стрелой метнулся к туннелю, а Ибрахим, Бедави и Аджиб вернулись к бару.

Они были еще не настолько пьяны, чтобы связываться с Дуньязадой.

Но это было не за горами.

Хотя никто его не просил, Али Баба вкратце описал образ жизни разбойников, как он уяснил его из их разговоров и собственных наблюдений, до того как ему завязали глаза.

— Они не крадут у бедняков, — сказал он, — и это понятно, что можно у них украсть? Но они называют себя их защитниками, и бедные люди любят их и отдают им по их выбору самых красивых из своих дочерей. Когда они не грабят, то прикидываются купцами или ремесленниками. У Ибрахима есть торговые ряды в Багдаде, а Джафар — преуспевающий портной. Вдобавок он торгует рабынями. Награбленное они прячут в пещере. Когда они отправляются в такое путешествие, то передвигаются ночью, а днем спят а шатрах. У них специально для этого восемь лошадей. Шесть, чтобы перевозить награбленное, и две для кувшинов с пивом. По богатствам, окружающим нас, понятно, сколько они раздают бедным, — подвел итог Али Баба.

— Бесчестные, грязные собаки! — сказала Дуньязада.

Биллингс, чья головная боль не проходила, промолчал.

Али Баба снова вернулся к рассказам о своей козе, как он растил ее и как брал с собой в деревню, когда ходил покупать еду. Люди, по его словам, считали его сумасшедшим, но он не обращал на это внимания. Бедр-эль-Будур была самой красивой козой на земле, и другой такой никогда не будет.

Когда он умолк, Дуньязада поведала ему о себе, и о Биллингсе, и о том, как Биллингс выкрал ее из дворца султана, и как они отправились на его волшебном ковре к его дворцу и случайно прошли сквозь Занавес. Она поведала ему о джиннах, и о том, как птица рух, думая, что они хотят погубить ее яйцо, утащила их высоко-высоко, к самым вершинам гор, и о том, как им удалось спастись от нее и найти вот эту пещеру. Рассказала она ему и о долине, и о Медном городе. Затем она пустилась пересказывать Али Бабе ту самую историю про Занавес, которую рассказывала Биллингсу, а затем приступила к подробному описанию своего кольца, которое разбойники, к счастью, не смогли стащить с ее пальца. Затем пришла очередь Великой Битвы, которую Сулейман вел с джиннами и о которой Али Баба, вероятно, ничего не слышал. И того, как Сулейман посадил всех непокорных джин-

нов в медные кувшины и велел бросить их в море Эль-Каркар, а тем, кто признал его веру и его власть, позволил вернуться в страну джиннов. Али Баба сидел, вбирая каждое ее слово, и глядел на нее так (заподозрил Биллингс), как когда-то смотрел на свою любимую козу Бедр-эль-Будур — с обожанием, которое было написано на его лице и светилось в глазах.

Тем временем разбойники все больше пьянели, а солнечные лучи, которые сначала падали через отверстие в потолке пещеры вертикально, теперь, с угасанием дня, становились все более наклонными.

Дуньязада не умокала, Али Баба слушал. Теперь она принялась рассказывать ему одну из сказок своей сестры, «Сказку о рыбаке». Как и следовало ожидать, в ней тоже присутствовали джинны. Биллингс почувствовал досаду. Понимала ли она, понимал ли Али Баба, в какую беду они попали? Как у нее хватает сил болтать без передышки, если за весь день она не выпила ни капли воды? Он понимал, что Дуньязада рассказывает эти сказки, чтобы развлечь не только его, но и Али Бабу, ведь она то и дело поглядывала в сторону мальчика, но ему казалось, что она должна знать, где следует остановиться.

Наконец стемнело, один из разбойников зажег расставленные в стенных нишах лампы, и попойка столь же бурно продолжилась. Вскоре Ибрахим и Джафар покачиваясь, направились в глубь пещеры. В руках у Джафара был длинный нож, и на миг Биллингсу показалось, что разбойники собираются развязать его, чтобы он показал Ибрахиму, как летать на волшебном ковре. Он очень надеялся, что правая рука занемела не настолько, чтобы не дать ему воспользоваться морозителем. Он знал, что тот по-прежнему лежит в кармане шаровар, потому что тот больно впечатался в ногу. То ли разбойники его не заметили, то ли, если и заметили, приняли за какой-то полудрагоценный камень. Но на уме у Ибрахима был вовсе не волшебный ковер. А Дуньязада. Сейчас он был уже достаточно пьян, чтобы заняться ею. Или так ему казалось. Он ткнул в ее сторону пальцем и велел Джафару срезать с нее веревки.

Предвкушая удовольствие, Джафар исполнил приказание. Ибрахим склонился над ней.

— Поднимайся, дочь собаки! Защитникам бедных нужны танцы!

Дуньязада взглянула на него так, будто посмотрела в выгребную яму.

— Ты хочешь, чтобы я *танцевала?*

— Животом, — причмокивая губами, произнес Джафар.

Она терла запястья и лодыжки, пока не восстановилось кровообращение, а затем встала, оттолкнув Джафара и Ибрахима.

— Ну что ж, потанцуем, — сказала она и, к полному смятению Биллингса, да и Али Бабы, если судить по страдальческому выражению его лица, закружилась, направляясь к «стойке».

X. Добрый джинн

Пещера, если забыть о нагромождении сокровищ, походила теперь на ночной бар двадцать первого века, с танцовщицами и прочими атрибутами, после загула пожарных. Все «пожарные» теперь сгрудились у одной стороны «стойки», чтобы лучше видеть танцовщицу, их свисты и крики между очередными глотками пива свидетельствовали, что у них сейчас разрядка от умственного напряжения.

Золотые и серебряные слитки, сваленные в глубине пещеры, не полностью скрывали происходящее в «баре» от взора пленников. Биллингс был просто потрясен, когда увидел, что Дуньязада, непрестанно двигавшаяся по полу пещеры, вращала животом, словно профессиональная танцовщица. Затем, к его ужасу и под одобрительные крики разбойников, она сбросила туфли и принялась стаскивать шаровары. Ужас его слегка ослаб, когда он увидел под ними изящное нижнее белье. Но вдруг бы она рассталась и с ним?

Продолжая двигаться в танце около одной из груд домашней утвари, Дуньязада подхватила сплюснутую лампу, на которую еще вчера обратила внимание Биллингса, и использовала, как бубен. Затем Биллингс заметил, что вместо того, чтобы ударять по ней, Дунни принялась тереть бок лампы.

Один из разбойников выбежал из-за «стойки» и попытался схватить девочку, но тут же получил лампой по голове, да так что осел на колени. Остальные грубо загоготали, когда их приятель ползком вернулся к «стойке».

Дунни же продолжала тереть лампу.

Но ведь она определенно не могла быть такой наивной, чтобы верить, будто откуда ни возьмись явится добрый джинн и всех спасет! — подумал Биллингс. Вполне довольно и ее вздора насчет кольца!

Затем он заметил в «баре» нового «посетителя». Высотой около десяти футов, он напоминал скорее футбольного полузащитника-великана. Широкие плечи, большое квадратное лицо и мощная челюсть — все выглядело отлитым из бетона. А в глубине его серых глаз, казалось, кружатся вихри. Он был одет в широко распахнутой на груди рубашке из темно-красного шелка, небесно-голубых шаровар и длинных, почти в ярд, персидских туфлях на высоких каблуках. При каждом выдохе из его носа вырывался дым.

Ужас, отразившийся в глазах разбойников, многократно превосходил тот, что испытывал Биллингс. Всех поразило оцепенение. Дуньязада прекратила тереть лампу и тоже уставилась на огромного полузащитника. По ней было ясно, что она и сама верила своим глазам, не больше, чем Биллингс — своим. Он не ошибся: на самом деле девочка не верила, что джинн все-таки появится. Она лишь надеялась на это.

— Ты... ты, должно быть, раб Лампы, — пролепетала она.

Громадный полузащитник прошел через все помещение и приблизился к ней. Для этого ему потребовалось сделать всего два с половиной шага, и теперь он возвышался над Дуньязадой, точно высокое дерево. Его ноздри подрагивали, а миниатюрные вихри в глубине глаз вдруг умножились, и он буквально затрясся от ярости:

— Так знай же с самого начала, о девушка, — громогласно объявил он, — что в отличие от того, что говорится обо мне в твоих недостойных сказках, я не раб. Я один из Совершеннейших Джиннов, и зовут меня Дахиш. По доброте сердечной я сам взялся помогать простым смертным, вроде тебя, которые случайно заполучили эту лампу и, оказавшись в крайнем затруднении, посылают сигнал отчаяния, потирая ее. Проще говоря, я — Суперджинн, способный сдвинуть и Небо, и Землю, стоит лишь произнести нужное слово.

Дуньязада побледнела, но не отступила ни на дюйм.

— Ты способен сдвинуть и Небо, и Землю, стоит лишь произнести нужное слово, — сказала она, — но я — хозяйка Лампы и могу *приказывать* тебе.

Огромный джинн скрипнул зубами, однако искры не посыпались. Он вздохнул и сказал:

— Это, как я понимаю, и есть моя основная работа. Так что ты хочешь?

Она указала на четырнадцать разбойников.

— Эти вонючие бедуины удерживают меня и Али Бабу, чтобы получить выкуп, и у них есть дьявольское намерение сделать что-то ужасное с Биллом, после того как он научит их летать на волшебном ковре. Я хочу, чтобы ты прогнал их отсюда.

Суперджинн повернулся к разбойникам. Все они разом упали на колени.

— Она врет! — выдавил Ибрахим. — Мы схватили ее и двух других, чтобы они не смогли украсть богатства, ради которых мы надрывались всю свою несчастную жизнь! Наше же намерение заключалось в том, чтобы освободить их, прежде чем мы вернемся в свою страну. Мы почтенные люди, у нас есть жены и дети. Это ее и ее приятелей надо изгнать отсюда!

Дахиш пожал плечами.

— Она, — указал он, — хозяйка Лампы.

— Но лампа наша! — закричал Ибрахим. — Мы выкр... купили ее в Багдаде и принесли сюда! Она наша, наша, наша!

— Это разбойники! — разъярилась Дуньязада. — Все, что находится в этой пещере, они украли!

Дахиш снова пожал плечами.

— Меня не интересует, кто они. Ты приказала мне изгнать их отсюда. Поэтому...

— Подожди, — сказала Дуньязада и, подбежав к Джафару, схватила его длинный нож и разрезала веревки у Биллингса и Али Бабы. Затем сунула нож назад, за пояс Джафару, и вернулась к Суперджинну. — Все в порядке, Дахиш, — сказала она, — можешь продолжать.

Дахиш поднял руку, и четырнадцать разбойников тут же исчезли.

Дуньязада, не веря глазам своим, смотрела на то место, где они только что были. Биллингс и Али Баба, поднявшиеся на ноги, уставились туда же.

— Куда... куда ты отправил их? — спросила Дуньязада.

— Я отправил их вместе с лошадьми в гнездо рух.

И снова она пришла в ярость.

— Но ведь я не просила тебя убирать отсюда лошадей!

— Они бы только загадили пещеру.

— А я *хотела*, чтобы ты только прогнал! И когда я просила тебя избавить нас от разбойников, я не имела в виду, что ты выставишь их отсюда вместе с лошадьми в гнездо рух!

— Девушка, нужно приказывать точнее!

— Тогда убери их и лошадей из гнезда!

Дахиш вздохнул.

— Хорошо. Сделано.

— И где они теперь?

— В пустыне, за тысячи миль отсюда.

— Но ведь они там умрут!

— Я думал, ты хочешь именно этого.

— Я не хочу, чтобы умерли лошади!

— И они, и их лошади смогут найти и пищу, и воду.

Биллингс, который ни в малейшей степени не верил в происходящее, тем не менее подошел к Дуньязаде, взглянул на высоко вознесенное лицо Дахиша и произнес:

— Скажи нам, как пройти сквозь Занавес.

Если Дахиш и осознавал присутствие Биллингса или слышал его слова, он не подал виду. И продолжал стоять, как огромная глыба гранита, из которой какой-то безумный скульптор сделал статую.

— Дунни, — сказал Биллингс, — спроси его, как нам пройти сквозь Занавес.

Дуньязада сказала:

— Объясни нам, Дахиш.

— Объяснить что?

— Как пройти обратно сквозь Занавес!

— Не могу.

— Ты не знаешь?

Дахиш скрипнул зубами.

— Разумеется, знаю!

— Тогда скажи.

— Совершеннейшим Джиннам запрещено обсуждать вопросы о Занавесе. Более того, никому не позволено проходить сквозь Занавес, кроме нас.

— Но ведь мы *прошли* сквозь него! И разбойники всякий раз проходили! Даже обычный джинн может пройти!

— Считается, что никто, кроме нас, не умеет этого!

— Я *приказываю* тебе сказать!

— Я отказываюсь. Если ты веришь, что это может знать обыкновенный джинн, то отправляйся в Медный Город и спроси там ид-Димирьята.

— Кто такой ид-Димирьят?

— Предводитель земных джиннов. Могу я теперь покинуть тебя, о девушка?

— Предположим, что ид-Димирьят знает, но он откажется рассказать?

Дахиш воздел руки к небу.

— О девушка, ты должна уговорить его. Могу я покинуть тебя?

Дуньязада вздохнула.

— Отправляйся. Но я могу снова тебя вызвать.

Суперджинн исчез.

— Ну и ну, — сказал Биллингс, опускаясь на пол.

Дуньязада отложила лампу и принялась разглядывать все, что принесли разбойники из очередного набега. Али Баба присоединился к ней. Еще золото, еще серебро, еще шелк, еще драгоценные камни.

— Дуньязада, — сказал Али Баба, — если бы только мы сумели переправить все это в Багдад, какие торговые ряды мы могли бы раскинуть!

— А зачем нам торговые ряды, Али? Мы использовали бы богатство, чтобы получить новое богатство, а ведь на самом деле у нас и так есть все необходимое.

— Это верно, — согласился Али Баба.

Дуньязада направилась туда, где сидел Биллингс. Али Баба следовал за ней по пятам.

— Как твоя голова, Билл? Сильно болит?

— Пустяки. — Вновь обретя способность воспринимать реальность, он поднялся на ноги. — Дунни, ну-ка надень шаровары!

Она подхватила их, начала натягивать.

— Я совсем забыла про них.

— Вообще не понимаю, зачем тебе понадобилось их снимать!

Она закончила свой туалет.

— Для того чтобы разбойники больше пялились на мои ноги и не заметили бы, как я потираю лампу. Между прочим, под ним и у меня было кое-что надето!

— Эти розовые штучки всего лишь нижнее белье!

— Но разбойники этого не знали, Билл.

— Розовый цвет тебе чрезвычайно идет, — заметил Али Баба.

Биллингс одарил его выразительным взглядом.

— Не имеет значения, идет он ей или нет! У разбойников было с собой хоть немного воды?

— Я уверен, что они принесли с собой только пиво.

— Можно выпить и пива, Билл, — сказала Дуньязада. — Ведь это лучше, чем ничего. У меня до того пересохло во рту, что я едва могу говорить.

Биллингс ушам своим не верил.

— Мы не только утолим жажду, но и немного расслабимся, — сказал Али Баба.

Биллингс был непоколебим.

— Нет. — От одного только запаха ячменного пива (пропитавшего каждый кубический дюйм пещеры) ему делалось тошно, и он не сомневался — точно так же пиво подействует и на Дуньязаду, и на Али Бабу. — Вот что мы сделаем: слетаем в долину и напьемся из реки. А может быть, только может быть, те кувшины, что я наполнял водой вчера, не перевернулись, и в таком случае мы сможем утолить жажду сейчас же.

Он отыскал свой фонарь, который разбойники проглядели, Али Баба взял из ниши лампу, и все они отправились через тунель в первую пещеру. Дахиш не обманул их насчет лошадей: кроме тобоггана, в пещере ничего не было.

Прежде всего Биллингс занялся проверкой тобоггана. Поскольку Ибрахим планировал учебный полет, вряд ли разбойники рискнули повредить тобогган, и чуть позже выяснилось, что так оно и есть. Батареи аккумуляторов тоже были в порядке — автоматический прерыватель режима работы отключил инерционный регулятор через пятнадцать минут после посадки. Но все кувшины оказались перевернуты вверх дном, и в них не осталось ни капли воды. Он проверил содержимое обоих ящиков и обнаружил, что оттуда тоже ничего не пропало. Возможно, разбойники не смогли открыть стопорные засовы на крышках.

Теперь едоков стало трое. Он достал из ящика с сухим пайком просоленное мясо с сыром для Дуньязады и сосиски с фасолью для себя и для Али Бабы. Трапезу устроили у самого входа в пещеру, при горящей лампе, и у их ног плескался лунный свет.

— А когда мы отправимся к ид-Димирьяту, Билл? — спросила Дуньязада.

— Сегодня ночью.

— Он обязательно скажет нам, как пройти сквозь Занавес. Я заставлю его.

— С помощью кольца? — спросил Али Баба.

— Да, с помощью моего кольца.

«Опять это проклятое кольцо!» — подумал Биллингс. Но не стал выказывать свое раздражение и сосредоточился на предстоящей работе. Хотя у него и были сомнения насчет ид-Димирьята, был шанс, что этот джинн, если он существовал — и если бы им удалось отыскать его и пообщаться с ним — все-таки

рассказал бы им, как пройти сквозь Занавес. Стоящий шанс — даже если бы для этого потребовалось войти в башню. Но он не собирался ставить Дуньязаду в известность, что, отправляясь в башню, не возьмет с собой ни ее, ни Али Бабу. Он подождет и скажет ей об этом позже, когда они доберутся до города.

Он бы предпочел оставить их обоих в пещере, но не отважился на это. Конечно, Дахиш избавил их от разбойников, но где гарантии, что те не вернутся? Он не мог подвергать двух подростков риску снова попасть в лапы к негодяям.

Ужин закончили одновременно. Он встал.

— Пожалуй, пора.

— Да, но ведь мы еще не погрузили сокровища, Билл, — заметила Дуньязада.

— Мы вернемся за ними.

— И волшебную лампу. Мне хотелось бы взять и ее.

— Ты сможешь взять ее, когда мы вернемся.

Она заняла место в тобоггане.

— Али, тебе придется сесть вот на этот ящик, позади нее. Крепче держись за спинку ее сиденья.

При свете лампы было заметно, как побледнело лицо Али, когда он ступил на «палубу» тобоггана.

— Тебе нечего бояться, Али, — убеждала Дуньязада. — На волшебных коврах очень интересно и весело.

— Я нисколько и не боюсь, — сказал Али, усевшись сзади нее и так вцепляясь в сиденье, что чуть не лишился ногтя.

Биллингс оставил лампу в пещере и занял свое место рядом с Дуньязадой. Пристегнувшись, он проверил, хорошо ли застегнут ремень у нее. Удовлетворенный проверкой, он нажал кнопку подъема и запустил инерционный регулятор.

— Итак, вперед, — сказал он, разворачивая тобогган и направляя его в море лунного света.

XI. Круглый зал

Он посадил тобогган у самого берега реки, почти в том самом месте, где приземлялся прошлой ночью.

— Следи за упырями, Али, — сказала Дуньязада, спрыгивая на землю. — Особенно за упырками.

— Упыри? О, я их не боюсь.

— Все равно следи, — сказал Биллингс.

После того как они напились из реки, он наполнил кувшины. На этот раз все шесть.

— А может быть, искупаемся еще разок, Билл? — спросила Дуньязада, когда он разместил кувшины на тобоггане.

— Не сейчас.

— Одолжи мне свой гребень, я причешусь.

Пока она причесывалась, Али Баба подошел к Биллингсу и сказал:

— Ее брови темны, как ночь, а лоб сверкает, точно блеск луны.

— Ты имеешь в виду Дунни?

— Никогда прежде судьба не даровала мне возможность встретить такую красавицу.

Биллингс лишь бросил на него короткий взгляд.

— А может быть, нарвать плодов, Билл? — спросила Дуньязада, подходя к нему и возвращая расческу.

— Хорошо.

Когда они вошли в сад, Дунни забралась Биллингсу на плечи точно под веткой, где виднелись «дыни». Биллингс видел, что Али Бабе отчаянно хотелось, чтобы она забралась на плечи к нему. Вот чего мне не хватало в довершение всего, подумал Биллингс. Томящийся от любви школьник!

— Ну-ка, лови, Али, — крикнула Дуньязада, бросая вниз дыню, но та выскользнула из рук мальчика. Она сбросила еще несколько плодов. Их он сумел поймать, не давая им долететь до земли. — Ну как, этого хватит, Билл?

Биллингс разглядывал ветки, торчавшие над ее головой.

— Дунни, не та ли это сова, что мы видели прошлой ночью?

Птица сидела среди листвы и глядела на них сверху вниз круглыми выпуклыми глазами.

— Очень похожа на ту.

— Ты можешь до нее дотянуться?

— А вдруг она ударит меня клювом, Билл.

— Я так не думаю. — Он вздернул плечи, чтобы еще чуть-чуть поднять девочку. — Попробуй-ка схватить ее.

Ее вытянутые пальцы коснулись птичьей лапы. Сова немедленно взмахнула крыльями и исчезла. Дуньязада спрыгнула на землю.

— Зачем тебе было нужно, чтобы я схватила ее?

— Думаю, это не *настоящая* сова.

— Но она была похожа на самую *настоящую* сову.

— Думаю, это сова механическая. А джинны наблюдают за нами ее глазами и подслушивают нас ее ушами.

И Дуньязада, и Али Баба изумленно уставились на него.

— Вероятно, джинны используют ее, чтобы шпионить за людьми, которые работают в саду, и, может быть, эти люди думают, что сова настоящая. Но это не так. Это специальный управляемый на расстоянии прибор с линзами вместо глаз и с передатчиками вместо ушей, а вместо мозга жуткое переплетение тонких трубочек и проводов.

— Такого не может быть, — сказала Дуньязада.

— Ни-ни, — поддакнул Али.

Биллингс пришел в бешенство:

— Почему вы двое спокойно относитесь к существованию джиннов и даже упырей или вампиров и не способны признать существование такого простого прибора, как механическая сова? Идемте, идемте из сада. На деревьях может быть еще великое множество таких сов.

Они отнесли дыни к тобоггану, и Биллингс, который уберег от разбойников свой складной нож, разрезал три из них на кусочки. Они ели дыню, сидя у реки. Биллингс все вглядывался в противоположный берег, но упырь, обманом завлекший его прошлой ночью, не появлялся.

«Может быть, эти проклятые существа действительно вампиры?» — подумал он.

Вполне возможно. Да и глупо было бы утверждать, что такого не бывает, когда вокруг так и кишат джинны обыкновенные, джинны необыкновенные и птицы величиной с реактивный лайнер.

Когда они наконец покончили с едой, Биллингс убрал остатки дынь в ящик. Дуньязада тут же подскочила к нему.

— Теперь мы отправимся в город, Билл?

— Как только вы с Али займете свои места.

— И ты думаешь, джинны могут узнать от совы, что мы направляемся к ним?

— Мне кажется, ты не веришь тому, что я сказал о сове.

— Очень трудно поверить в это. Но я понимаю, что, возможно, это правда, хотя и не представляю, как такое может быть.

— Все, что они узнали с помощью совы, — сказал Биллингс, — так это где мы. А поскольку никто из нас не сказал ни слова о городе, они не могут знать точно, что мы направляемся туда. Но это вовсе не означает, что они не следят за нами. Давай, Али, поднимайся на борт.

* * *

Он поднял тобогган над землей. Вдали с серебристым светом луны соперничало голубое сияние Медного Города. Он направил тобогган в сторону этого свечения и перевел регулятор скорости пространственного перемещения на максимум. Он надеялся, что ид-Димирьят окажется общительным джинном, а не ифритом.

Тем временем Али Баба переборол страх перед полетом и теперь оживленно беседовал с Дуньязадой, а тобогган плыл над серебристыми полями и вьющейся лентой реки. Очень скоро он вернулся к предмету своего обожания, козе, и Дуньязада издавала сочувственные возгласы, пока он снова и снова вспоминал, как воспитывал козу чуть ли не с ее младенчества. После этого он перешел к описанию дома своего отца и выразил надежду, что после того, как они вернутся из-за Занавеса, Дуньязада посетит их жилище. Он понимает, говорил Али Баба, что Дуньязада принадлежит эмиру Биллу, но она обязательно станет его невестой, ибо любви не укажешь, а она, несомненно, вспыхнет между ними. Любовь нелегко укротить, продолжал юноша, и зачастую она ловко ускользает от своих преследователей и прячется в ежевичных кустах у дороги жизни. И он надеется, что когда-нибудь Дуньязада бросит взгляд своих прекрасных глаз и в его сторону.

Биллингс покосился на него, но ничего не сказал.

Едва они приблизились к городу, он сбавил скорость. Казалось, ненадолго прервала свой ночной вояж, задержавшись над самой верхушкой башни, и ее свет, ни в малой степени не заглушенный голубым излучением, омывающим городские здания, придал башне холодное металлическое сияние. Как и прошлой ночью, нигде не было никаких признаков жизни. Кроме голубого свечения, в единственном окне башни горел все тот же тусклый свет, который он заметил прошлой ночью.

Он еще сбавил скорость и медленно подлетел к самому окну, а затем перешел в режим парения. Окно представляло собой вертикальную щель в толще стены. Он попытался разглядеть, что за ним, но тусклое освещение внутренних помещений не давало такой возможности. Отстегнув ремень, он повернулся к Дуньязаде.

— Дунни, я собираюсь проникнуть внутрь, но сперва хочу показать тебе, как летать на волшебном ковре, если что-то пойдет не так.

Глаза ее недоверчиво округлились:

— *Ты собираешься пойти туда без меня*?

— Дунни, я не могу рисковать, взяв тебя с собой. Я уверен, что ничего не случится, но...

— Но послушай, Билл, ведь у меня есть кольцо!

Он похлопал себя по карману.

— У меня тоже есть свой талисман, и...

— Без печати Сулеймана ты бессилен перед джиннами!

— Нет, я тебя не возьму. — Он указал на панель управления. — Видишь вот эту маленькую зеленую кнопку? Когда захочешь полететь вперед, нажмешь. А вот эти две маленькие кнопки, прямо под ней, меняют направление. Если требуется повернуть налево, нажимаешь кнопку у левой руки — легонько, если нужно развернуться чуть-чуть, и сильнее, если нужен крутой поворот. Точно так же пользуешься правой кнопкой, если требуется поворот направо. Маленькая красная кнопка под ними — кнопка остановки. Вот этот рычаг, справа от кнопок, регулирует скорость. Двигаешь его вперед — летишь быстрее, двигаешь назад — медленнее. — Он замолчал. Она же, сложив на груди руки, смотрела перед собой. — Дунни, слушай, что я говорю!

— Я не желаю знать, как летает твой волшебный ковер, и если ты не возьмешь меня в башню, я перестану с тобой разговаривать!

— Но я не могу взять тебя с собой!

— Очень даже можешь!

В отчаянии он повернулся к Али Бабе.

— Как ты думаешь, ты сможешь летать на нем?

— Несомненно, — сказал Али Баба.

Биллингс с мрачным видом снова повторил свои инструкции и, сверх того, объяснил Али Бабе все, что тому необходимо было знать для управления инерционным регулятором и антигравитационным устройством. Закончив объяснения, он спросил, все ли Али Баба понял, в глубине души удивляясь тому, как можно было понять все это при таком количестве использованных английских слов. Но Али Баба лишь коротко кивнул и сказал:

— Да, теперь я могу летать на нем.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы с Дунни ждали здесь моего возвращения. Но если я не вернусь к заходу луны или если джинны нападут на вас, вы немедленно должны улететь. Я так хочу.

— Куда... куда улететь, эмир Билл?

— Возвращайтесь в пещеру. Но вам не придется лететь одним, потому что я вернусь очень быстро, а если кто-нибудь из джиннов нападет на вас, я превращу их в ледяные столбы. — Он

взглянул на Дуньязаду. Она по-прежнему сидела, устремив взгляд вперед и сложив на груди руки. Ничего, пусть позлится! Его это не беспокоило. Он достал из кармана морозитель, шагнул с тобоггана на край окна и вошел в башню.

Он знал, что отважился на безумный шаг и что в этом мраке его могли поджидать по крайней мере дюжина джиннов... слишком много, чтобы вовремя заморозить их всех и избежать опасности. Но громадная комната, в которой он оказался, как будто бы пустовала. В ней не было никаких предметов, кроме большого медного кувшина, подвешенного к потолку на трех медных цепях в семи футах от пола. Потолок был таким высоким, что комната напоминала скорее шкаф, чем жилое помещение. И стены, и пол, и потолок, все было сделано из меди, а если не из меди, то из очень похожего сплава.

Против окна виднелась чуть приоткрытая дверь. Подойдя к ней, Биллингс отметил, что в ней добрых пятнадцать футов высоты, и всего примерно три фута ширины. Она тоже была из меди и, если судить по толщине, весила, должно быть, полтонны. Но достаточно легко подалась вперед, когда Биллингс толкнул ее, и даже не скрипнула.

За дверью оказалась площадка, которая чуть поодаль, слева от Биллингса, переходила в спуск. Прямо перед ним высилась полированная медная стена, в которую была врезана еще одна, столь же огромная, дверь, делившая пополам внутреннее помещение верхней части башни. Справа от Биллингса такая же стена загораживала изнутри наружную стену башни.

На площадке, как и в комнате, было пусто.

Он почувствовал едкий запах. Этот запах витал и в комнате, откуда Биллингс только что вышел, но в тот миг, это не отложилось в его сознании. В известном смысле запах напоминал резкую вонь горящих при коротком замыкании электрических проводов.

Запах немытого тела?

Теперь он заметил и еще кое-что: тусклый свет, наполнявший и комнату, и площадку не имел явного источника. Но это было не так уж важно. Фотонная дисперсия была обычным способом освещения со времен двадцать первого века.

Но если такое возможно, отчего же джинны не воспользовались ею для освещения города? Почему они взамен заливали здания и улицы светом столь глубокой синевы, что он больше скрывал, чем выявлял?

Источник этого света, был уверен Биллингс, скрывался за стеной, перегораживавшей площадку. Он прошел вперед и попытался открыть громадную дверь. Но та даже не шелохнулась.

«Выходит, за ней стоят джинны?» — подумал он.

Он рискнул предположить, что их там не было, и, согнув правую руку под нужным углом, позволявшим удерживать морозитель в правильной позиции на тот случай, если придется быстро воспользоваться им, двинулся вниз по наклонному пандусу.

Вскоре он оказался перед очередной огромной дверью. Он толкнул ее, и она распахнулась так легко, будто весила лишь полфунта вместо полутонны. Он оглядел комнату за ней. Если исключить отсутствие окна, она точь-в-точь походила на ту, которую он только что покинул, и свисавший с высокого потолка на трех медных цепях большой медный кувшин был точной копией того, который он только что видел.

Он испытывал соблазн спустить кувшин и заглянуть внутрь, но тот висел слишком высоко, чтобы до него дотянуться.

Таких дверей оказалось много, и, несомненно, не все они были заперты (хотя ни замком, ни засовов он не заметил). Но после того, как, открыв еще три двери, он обнаружил еще три одинаковые комнаты и еще три одинаковых медных кувшина, свисавших с потолка, он пришел к выводу, что только зря тратит время и потерял к дверям интерес.

Биллингс заспешил дальше, вдоль длинной однообразной вереницы похожих друг на друга дверей, и когда пологий спуск перешел в прямой коридор, он понял, что оказался на самом нижнем этаже, и сбавил шаг. Поскольку до сих пор он так и не столкнулся ни с одним джинном, можно было предположить, что они еще спали, а этот коридор, вероятно, вел к спальням.

Дойдя до конца коридора, он обнаружил перед собой дверь столь громадную, что по сравнению с ней остальные казались теперь маленькими. Но она, тем не менее, легко подалась, и, распахнув ее, Биллингс очутился в громадной комнате.

Нет, не в громадной... а в очень широкой и просторной. Самая верхняя точка куполообразного потолка находилась по крайней мере в пятидесяти футах над уровнем пола, а подвешенный к центру потолка на трех массивных медных цепях медный кувшин был вдвое больше тех, что Биллингс видел в других комнатах.

Тут он понял, что он уже не в башне, а перешел в примыкавший к ней купол, который, скорее всего, не заметил в голубом свете, осматривая город с тобоггана.

Воздух здесь был чересчур теплым и сухим. Будто ветер пустыни залетел в этот круглый зал и не сумел выскользнуть обратно. Неприятный едкий запах, который Биллингс заметил еще в башне и который, как он теперь вспомнил, исходил от джиннов, круживших около оазисов, здесь казался более сильным.

Как и в комнатах, в этом круглом зале не было никакой мебели. Зато здесь присутствовало непонятное оборудование. Оно было представлено массивной консолью у противоположной стены, над которой располагался гигантский дисплей, составленный из рядов небольших, размером с почтовую марку, экранов, образующих квадрат. Консоль отблескивала медью, и круглый зал, если забыть про пол, напоминал изнутри огромный медный пузырь. Света здесь было больше. Биллингс прошел на середину комнаты, чтобы лучше рассмотреть экраны. Ему показалось, что он видит на них изображения людей, но он все еще был слишком далеко, чтобы утверждать это с уверенностью. Он подошел к консоли вплотную, чтобы ее верхний край не мешал обзору.

Передняя панель консоли была пустой — ни кнопок, ни рычажков, ни верньеров. Встав поудобнее, Биллингс подпрыгнул и, ухватившись за край, подтянулся. На верхней площадке консоли располагались небольшой экран и клавиатура. Он понял, что обнаружил панель управления. С этой позиции он смог более отчетливо рассмотреть несколько вертикальных экранов. Сосредоточив внимание на одном из них, Биллингс увидел крохотную комнату с двумя дверями, небольшой кроватью, небольшой кушеткой, небольшим столом и стулом. На стуле, положив руки на стол, сидел крошечный человечек с лысой куполообразной головой. Бесспорно, он был живой, бесспорно, погружен в мысли. С потолка каморки спускались провода, тянувшиеся к электродам, которые были подключены к его макушке. Все его одеяние составляла рубашка из грубой ткани.

Биллингс взглянул на два других экрана. Оба показывали такие же комнаты, с такой же мебелью, но заселена была только одна из них. Обитателем комнатки этой оказалась женщина. Тоже лысая и одетая в такую же рубашку. Женщина лежала на кушетке, закрыв глаза, и к ее голове также был подключен свисавший с потолка провод.

Комнатки напоминали камеры. Разумеется — чем еще они могли бы быть в городе-тюрьме? Но Биллингс понимал, что только очень небольшой процент узников содержали в таких камерах, только тех, кто был по-своему уникален.

Он слез на пол, отошел от консоли и снова повернулся к экранам. Ему еще никогда не приходилось видеть «человеческий компьютер», но он был уверен, что перед ним именно он.

Что это? В комнате стало теплее, или это игра его воображения? И что это жужжит за спиной?

Повернувшись, он увидел джинна.

XII. Ид-Димирьят

Стоявшее перед ним существо было по меньшей мере тридцати футов росту. Его ноги походили на пару медных колонн, а ступни напоминали скорее угловые опоры большого здания. Руки казались парой гигантских поршневых штоков. Таковы были его самые общие физические характеристики. Если вдаваться в подробности, то голова его походила на медный купол, глаза светились, как газовые фонари, нос был сродни валторне, уши торчали как телеантенны, а рот заставил Биллингса вспомнить о камнедробилке.

Как это он подкрался ко мне, не издав ни звука?

Нет, звук был. Джинн жужжал.

Несколько минут назад он был лишь столбом дыма, или пыли, или того, что используют джинны в процессе трансформации. Но он не входил в круглый зал. Он просто уже был в нем.

Истина превосходила его воображение, но он стоял лицом к лицу перед совершившимся фактом: джинн вышел из медного кувшина.

А это означало, что каждый медный кувшин в этой башне должен заключать в себе джинна.

Они что, спят в этих проклятых сосудах?

— Позволь представиться, — сказал тот, кто стоял перед ним. Он говорил на английском образца двадцать первого века, и хотя говорил внятно, во рту у него словно пересыпался гравий. — Я — ид-Димирьят. Мы взяли на заметку тебя вместе с девицей с тех самых пор, как вы прошли сквозь Занавес, а затем необъяснимым образом исчезли. Но я был уверен, что рано или поздно вы нанесете нам визит. Мы уже выяснили через наших сов, что твое имя Билл. Быстрота, с какой ты разгадал их истинную природу, удивила меня.

К этому моменту Биллингс снова обрел уверенность в себе. Впрочем, утратил он ее не полностью, поскольку джинн стоял в зоне действия морозителя и его легко было обезвредить.

— Это же было совершенно очевидно, — произнес он достаточно громко, чтобы его слова достигли «ушей» великана.

— Я то самое существо, которое прошедшая с тобой сквозь Занавес женщина называет «марид», — продолжил ид-Димирьят, — но позволь заверить, что все зло, которое приписывают джиннам этого вида, чистейшие домыслы. Ты, без сомнения, заметил, что я обращаюсь к тебе на твоем родном языке, но это справедливо лишь в том смысле, что слова, произносимые мною, прежде чем покинуть мой рот, фильтруются через поле речевой трансляции. Мои уши оборудованы аналогичным устройством, и я могу понимать все, что ты скажешь, независимо от того, на каком из древних земных языков тебе вздумается общаться со мной... Ты так и будешь смотреть на меня, как на какое-то чудо-юдо? Мы, джинны, пытаемся, насколько возможно, привести себя в человеческий вид, но это чрезвычайно трудная задача.

— А не мог бы ты сделаться чуть-чуть меньше? — спросил Биллингс, переходя на крик.

— Я действительно могу слегка уплотнить мою теперешнюю форму... да. — Марид тут же потерял почти десять футов роста. Теперь он достигал в высоту всего лишь двадцати футов. — Хотя и это, должно быть, много по сравнению с твоими габаритами.

— Как же вышло, что Суперджинны могут принимать почти человеческий облик, а вы не можете?

— А ты видел кого-то из Суперджиннов?

— Да. По имени Дахиш. Он...

— Почему ты говоришь «он»? Джинны бесполы.

— Потому что он похож на футбольного полузащитника. Мы спросили его, как пройти обратно сквозь Занавес, но он заявил, что Совершеннейшие Джинны не имеют права обсуждать что-либо, связанное с Занавесом, и что нам лучше спросить тебя.

— Совершеннейший, — презрительно произнес ид-Димирьят, — это всего лишь эпитет, который они присвоили. Они полагают, что умение появляться и исчезать дает им превосходство над остальными. Они не могут ничего сделать с нами, обыкновенными джиннами, а совсем недавно кое-кто из них попросту бросил жизнь джиннов. И Дахиш — худший из них. Чтобы показать свое презрение к нам, обыкновенным джиннам, он даже унизился до статуса раба, и позволяет помыкать собой любому человеческому существу, которое случайно завладело Лампой. Так называют тот замаскированный сигнальный прибор, который он ос-

тавил в стране людей и который, должно быть, заполучил кто-то из твоей компании. Готов спорить, что это женщина!

— Дахиш очень четко дал понять, — сказал Биллингс, — что он не раб.

— Естественно, он не откроет такое обстоятельство обычным смертным. Но я рискну предположить, что он делает точно то, о чем его просят.

— Делал — пока мы не спросили его, как пройти сквозь Занавес. Тогда он велел нам отправляться в Медный город и спросить об этом тебя.

— Очень странно, — сказал ид-Димирьят, замечательным образом обходя вопрос о Занавесе, — что ты до сих пор не выказал никакого интереса к источнику происхождения таких существ, как Дахиш и я сам.

— Уже некоторое время назад я понял, что вы попали сюда с другой планеты.

— Это шестнадцатая планета в системе звезды, которой ваши астрономы дали имя «Алиот». Джинны пребывают на Земле уже многие сотни лет, и за это время преобразили и отправили в молодые миры множество обитателей Земли. Этот город — особый Центр Реабилитации, последний в своем роде. Все остальные джинны, за исключением тех, что находятся в этом Центре, и тех немногих «совершеннейших», вроде Дахиша, которые куда-то запропастились, давно уже дома. Как только реабилитация землян, содержащихся в Центре, завершится, их отправят в один из молодых миров и, таким образом, наша задача на Земле будет выполнена.

— Так это и есть Центр *Реабилитации*?

— Лучшего названия для него я просто не мог придумать.

Биллингс в отличие от него мог и уже придумал, но не видел особого смысла затевать спор.

— А почему все-таки вы вбили себе в головы, что вам необходимо «реабилитировать» людей с Земли?

— В их прежнем состоянии они представляли угрозу для нашей цивилизации. Но не только поэтому: их планета умирала. Ты и сам можешь видеть, что сейчас она почти мертва. Участок, который мы занимаем, это последняя из обитаемых зон. Ближайший Центр Реабилитации — за сотни миль от этого, но практически он уже опустел.

— Вы завезли сюда рух?

— Это наши любимцы.

— Но вы должны были создать для них целую экосистему!

— Это не составило для нас большого труда, поскольку мы располагали значительными трудовыми и человеческими ресурсами.

— А упыри... вы и их захватили с собой?

— Упыри, — сказал ид-Димирьят, — это жалкие продукты экспериментов с человеческим бессмертием, проводившихся задолго до нашего прибытия. Мы не только не завозили их сюда, мы ничего не можем с ними сделать.

— А где же ваши звездные корабли?

Смех марида многократным эхом разнесся по залу, и некоторое время Биллингсу казалось, что он на цементном заводе.

— Джинны покончили с космическими кораблями миллионы лет назад!

— Тогда как же вы оказались здесь?

— Сворачивали пространство... и время, так как невозможно свернуть одно, не затронув другое... и проходили сквозь образующиеся аномалии, или искривления.

Биллингс испытывал ужас.

— А эта аномалия... она еще существует?

— Разумеется. Мы не собираемся ликвидировать ее, пока не покинем Землю.

Биллингс понял, что его собеседник способен на многое. Он сам принадлежал к расе людей, которые покорили время... но не сказать, что это завоевание кому-нибудь пошло на благо, если не считать историков-исследователей и владельцев компаний вроде «Анимейкинс инкорпорейтед». А тут перед ним стояло существо, чья раса покорила пространство *и* время, сгибая их, словно булавку!

Он сменил тему, чтобы в голове прояснилось.

— А эти люди камерах, — сказал он, указывая на экраны. — Они тоже часть вашей программы реабилитации?

— Это гении, которых мы отобрали среди обитателей Земли. Мы используем их, главным образом, для поддержания вычислительных процессов, но, кроме того, и для решения текущих проблем, неожиданно возникающих в процессах совершенствования как их самих, так и их менее интеллектуальных собратьев.

— Это гении, а вы держите их под замком в *камерах*?

— Это не камеры! Это комнаты для развития мышления! Люди, сидящие в них, имеют все составляющие домашнего уюта. Им подается пища и через определенные интервалы предоставля-

ется возможность общаться друг с другом. И не только. Есть дни, когда мы разрешаем им отправиться на прогулку в долину.

— Но они похожи на узников.

— Возможно, — сказал ид-Димирьят с ноткой досады в голосе, — но уверяю тебя, они не узники, хотя, должен признаться, они ограничены в передвижении. Однако если пренебречь тем, что остальные обитатели Земли имеют возможность в течение дня выходить на улицы, то живут наши подопечные ничуть не хуже. Обязательное постгипнотическое внушение заставляет всех наших пациентов подчиняться надзирающим лучам голубого света, омывающего все пространство территории поселения. Для таких ограничений есть веская причина, — продолжил ид-Димирьят, — даже обитатели Центра Реабилитации склонны к побегу. Побег же в данном случае равносилен самоуничтожению, так как беглецы немедленно падут жертвами рух, которые в принципе не плотоядны, но не откажутся от легкодоступной плоти, или упырей. Расставленные же в долине стражи нужны скорее для того, чтобы защищать обитателей Земли, нежели удерживать их от побега. Но по отношению к знаменитостям... мыслителям... есть еще более важная причина держать их на короткой цепочке. Высокий интеллект вывел их на вершину человеческой зрелости, но, к несчастью, он же усугубил атавистические элементы, присущие человеческой психике вообще. Проще говоря, в какой-то миг эти люди предстают гениями, в другой — проявляют агрессивность, мстительность и детскую несерьезность, и если мы не будем осуществлять подобающего контроля за ними, вся наша программа утонет в хаосе и неразберихе.

— Именно поэтому вы ведете за ними теленаблюдение? И таким образом можете держать их под постоянным контролем?

— Нет. С тех пор, как действует излучатель голубого света, они неизменно послушны. Эти экраны нужны нам, чтобы видеть: действительно ли эти люди сосредоточенно размышляют или только притворяются.

— Я едва могу разглядеть их с такого расстояния.

— Это все потому, что ты не джинн. А теперь, — продолжил ид-Димирьят, — *я сам* хотел бы задать тебе вопрос. Судя по типу твоего средства передвижения, ты прибыл из того периода земной цивилизации, который значительно отстоит во времени от того, где ты прошел сквозь... э-э... Занавес. Так какова эта разница?

— Двенадцать веков. Я совершил переход во времени, чтобы похитить Дуньязаду. У нас есть направление в бизнесе, занятое

производством движущихся копий с широко известных персонажей прошлого. Люди платят большие деньги за то, чтобы прийти на выставку, увидеть эти копии и послушать их разговор.

— Можно спросить, почему ты выкрал именно *ее?*

— Я... я выкрал ее по ошибке. Вообще-то я должен был выкрасть ее сестру.

— А почему ее сестра так популярна?

— Она рассказывает султану сказки, которые очень нравятся людям моего времени. Разумеется, сами сказки записаны на пленку, но создается впечатление, будто ее копия в самом деле рассказывает их. А копии бывают столь правдоподобны, что их трудно отличить от оригинала.

— И ты хочешь вернуть эту... э-э... Дуньязаду за Занавес, чтобы вместо нее забрать в будущее ее сестру?

— Да, но не совсем. Сначала я хочу и ее отправить в будущее, чтобы и с нее сделали копию.

— Интересно, кому же в этом мире понадобилось делать копию с такой особы?

Почему-то марид определенно затаил зло против Дуньязады, и Биллингс с трудом сдерживал раздражение.

— Потому что она тоже очень важная персона! — отрезал он. — Но главное в том, как вернуть ее назад сквозь Занавес, в тот же день и век. Я уже пытался вернуться по тому пути, каким мы прошли сюда в первый раз, но до сих пор терпел неудачи. Вот почему я пришел просить у тебя помощи.

Ид-Димирьят пристально посмотрел на него сверху вниз своими глазами-лампами.

— А что такое, на твой взгляд, Билл, этот Занавес?

— Еще до того, как ты упомянул о сжатии времени и пространства, я считал его пространственно-временной аномалией.

— А что ты думаешь сейчас?

— Что граница раздела — одновременно и область взаимодействия. Что, когда вы производили сжатие времени и пространства между Землей и Алиотом XVI, образовалась складка во времени, которая сблизила прошлое и будущее в этой части Земли. Я уверен, что мой тобогган перенес нас через эту границу из-за того, что у меня внезапно уменьшился, управляющий фотонным ускорителем, и тем самым я потревожил зыбкое равновесие между прошлым и будущим.

— Ты абсолютно прав, Билл... это действительно граница раздела, — сказал ид-Димирьят. — Знаешь, как только я тебя

увидел, я распознал в тебе очень высокий интеллект, и понял, что ты прекрасно подходишь для компьютера.

— Для *компьютера?*

— Да. Ты будешь там совершенно счастлив, и...

— Подожди-ка минутку, — воскликнул Билл. — Я пришел сюда не за работой... я пришел спросить, как мне пройти обратно, сквозь Занавес. Скажи, и я уйду. И не притворяйся, будто ничего не знаешь: от Дунни мне известно, что джинны постоянно проходят сквозь Занавес туда и обратно... или проходили когда-то. Даже разбойники знают, как это делается, не говоря уж об упырях.

— Разбойники никогда не беспокоили нас, поэтому мы не обращали на них внимания.

— Вот и я тоже не буду больше беспокоить вас.

— Принимая во внимание, что *ты* и в самом деле нас не беспокоишь, мы склонны тебе верить. Но женщина, которую ты прихватил с собой, — совсем другое дело. Она возмутительница спокойствия, смутьянка, и если она узнает, как проходят через границу раздела, то сможет вернуться и...

— Она всего лишь ребенок! Не тебе ее бояться!

— Она угроза нашему обществу.

— Ха-ха-ха!

— Ты не заметил сову на крыше этой башни, верно? Она очень мала и сидит в нише над самым окном. Если у джиннов и были сомнения во враждебности этой женщины, они переросли в уверенность, когда она намекнула, что обладает печатью Сулеймана. Нет у нее никакой печати, даже копии нет — печать была утеряна в глубокой древности. Не думай ни минуты, будто нас пугает такого рода амулет. Он нам не страшен. Но мы просто-напросто не можем допустить, чтобы эта женщина бегала то по эту сторону границы раздела, то по другую и хвасталась превосходством над джиннами. А кроме того, она намеревается причинить нам физический вред. Не успел ты войти в башню, как она принялась шарить по ящикам твоего летательного аппарата в поисках оружия, желая использовать его против нас. Все мы видели каждое ее движение, но, поскольку передатчики не дают четкого изображения, так и не сумели определить, какие именно предметы она достала из ящика. Некоторое время назад женщина вошла в башню, а по пятам за ней следует твой второй компаньон, но, разумеется, мы подготовились к ее приходу. Большинство других джиннов притворяются спящими, чтобы заманить ее понадежнее в наши сети. В нужный момент два ифрита бросятся на нее. Еще

секунда, и ты услышишь ее крики. На самом деле, — слегка нервничая, добавил ид-Димирьят, — пора бы ей уже кричать.

Биллингс навел морозитель примерно туда, где, по его мнению, у марида должно было находиться солнечное сплетение.

— Вы, сборище пугал, должно быть, гордитесь собой, охотясь за маленькой девочкой, которая рядом с вами — пылинка! Или ты скажешь мне, как пройти сквозь Занавес и оставишь ее в покое, или я превращу в хлопья снега тот дым, в который превращаетесь вы.

Рот, похожий на камнедробилку, изогнулся в жутковатой усмешке. К Биллингсу протянулась громадная рука.

— Пожалуй, лучше я сейчас же посажу тебя в компьютер, Билл, и позволю тебе немедленно приступить к новой работе.

Отступив на шаг, Биллингс выпустил низкотемпературный луч и стал ждать, когда же марид превратится в ледяной столб. Раздалось громкое шипение и вырвался большой гейзер пара. Когда пар рассеялся, марид был невредим, точно слон после удара горошиной.

Биллингс выпустил еще пару лучей, чем породил еще пару гейзеров, но ни снега, ни льда не дождался. На этот раз ид-Димирьят рассмеялся — если можно назвать смехом скрежет дробящихся камней.

— Знаешь ли ты, как строились этот купол и эта башня, Билл? Джинны поедали цинк, медь и свинец, а потом выдували все это!

Смеясь, он выхватил морозитель из рук Биллингса, швырнул себе в пасть и сглотнул. Затем великан снова потянулся к Биллингсу. Тот проворно пронырнул меж громадных ног джинна и метнулся к двери, забыв о растянутой ноге. Как только он в очередной раз подвернул ее, та немедленно и резко дала о себе знать, заставив его неуклюже растянуться на полу. Перекатившись на спину, он увидел, что громадная рука снова начала опускаться в его сторону — и застыла в воздухе. Знакомый голос произнес:

— Именем Сулеймана ибн Дауда приказываю тебе остановиться, жалкий марид!

С трудом садясь, он увидел, что в комнату, выбросив вперед левую руку, вошла Дуньязада. Позади нее стоял Али Баба. В одной руке он держал самонагревающийся тигель, о котором Дуньязада так расспрашивала Биллингса, с торчавшей из него маленькой ложкой, назначение которой ей тоже было известно, а в дру-

гой — частично использованную пачку стержней припоя. Дым, поднимавшийся из тигля, говорил о том, что внутри — расплавленный металл.

XIII. Печать Сулеймана

Биллингс поднялся на ноги и заковылял туда, где стояла Дуньязада.

— Отойди, Билл! — крикнула она, не сводя глаз с ид-Димирьята. Ее подбородок был выпячен, а на лице застыло воинственное выражение. — Я хочу преподать урок этому жалкому мариду!

— Нет, Дунни! Вы с Али должны бежать отсюда. Я постараюсь задержать этого монстра сколько смогу и, может быть, вы успеете вернуться к ковру. Прежде всего, тебе не следовало его бросать!

Но она прошла мимо него, а Али Баба последовал за ней и остановился совсем близко от огромной ноги великана. Не зная, что еще можно сделать, Биллингс отправился за ними. Горящий взор джинна впился в кольцо, поблескивавшее у девочки на пальце. Она подняла руку так, чтобы марид мог лучше видеть ее.

— Это печать Сулеймана ибн Дауда, марид!

— Не может быть! — закричал ид-Димирьят, и теперь его слова звучали по-арабски. — Печать была утеряна в глубокой древности. Не существует никакого способа получить ее копию!

Дуньязада без малейшего страха смотрела, не отрываясь, в лицо марида.

— Сними с цепей свой медный кувшин и поставь его на пол, — велела она.

К изумлению Биллингса, марид подчинился. Его глаза-лампы замерцали, как будто в них кончался керосин. Их взгляд был прикован к кольцу.

— Уплотнись, — приказала Дуньязада, — и отправляйся в кувшин, так, чтобы я могла поставить свинцовую пробку и приложить сверху печать Сулеймана!

Марид встал перед ней на колени и молитвенно сжал руки.

— Пожалей меня, о девушка, — воскликнул он. — Ведь я один из добрых джиннов. В великой Битве, которую вел Сулейман, я выступал на его стороне!

— Я не верю, что ты добрый джинн.

— Но это так! После того как все джинны-отступники были посажены в кувшины и брошены в море Эль-Каркар, Сулейман сказал мне: «Ты свободен, ид-Димирьят. Забирай с собой других добрых джиннов, и отправляйтесь в свою страну».

— Я все еще не верю, что ты добрый джинн, — сказала Дуньязада. — Полезай в кувшин!

— Нет, нет! — умолял ид-Димирьят. — Сжалься надо мной, пожалуйста, прошу тебя! Я сделаю все, что ты попросишь! Я сделаю тебя богатой на всю жизнь! Построю тебе дворец из меди! Исполню три твоих желания! Буду твоим вечным рабом!

Дуньязада же была непреклонна.

— Полезай в кувшин, жалкое создание! Полезай немедленно!

— Но ты сожжешь меня горячим свинцом!

— Как может сгореть тот, кто сделан из огня? Делай, как я приказываю!

Ни разу не оторвал марид взгляда от кольца. Его глаза, заметил Биллингс, утратили значительную часть своего блеска. Пока он наблюдал, гигантское туловище превратилось в дым. (Он знал, что это не настоящий дым. Но как еще, можно было его назвать? Безусловно, та субстанция, из которой возникали джинны, не была и песком, как представлялось ему вначале. Не была она и пылью). Затем «дымом» стали руки, после — колонны-ноги и напоминавшие камни фундамента ступни и наконец походившая на купол голова. *Жи-мм, жи-мм, жи-мм*, — и вонь горелых проводов наполнила круглый зал.

Все тоньше и тоньше становилось облако дыма, редевшее, пока не достигло самой высокой точки потолка. Затем оно опустилось к кувшину и начало медленно втягиваться в его горло. Когда наконец исчез последний завиток, Дуньязада взяла у Али Бабы тигель и ложку и, подойдя к кувшину, начала лить в горлышко расплавленный припой. Горлышко было очень узким, и ей понадобилось всего три полных ложки, чтобы запечатать его. Она подождала, пока припой начал застывать, а затем, встав на цыпочки, приложила печать на своем кольце к пробке кувшина.

— Вот тебе!

Али Баба восхищенно смотрел на нее.

— Ну разве она не чудо, эмир Билл? Разве она не самая замечательная девушка из всех, кого вы видели в жизни?

— Я... я думаю, да, — сказал Биллингс.

Дуньязада присоединилась к ним и протянула Али Бабе тигель и ложку.

— Теперь мы спасены, Билл.

— Но, Дунни, башня полна джиннов! Они прятались в кувшинах, когда я спускался, и теперь, скорее всего, готовят для нас ловушку.

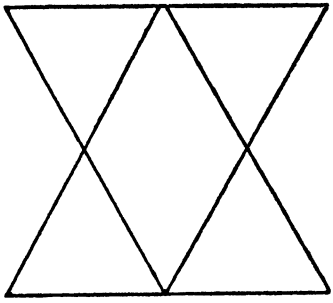
— Нет, они по-прежнему в кувшинах, Билл, и теперь вряд ли выйдут оттуда, потому что я, стоя на плечах у Али, залила все кувшины припоем и запечатала печатью Сулеймана. Хотя два ифрита пытались схватить нас на наклонном спуске, я заставила их первыми отправиться в кувшины. Так что джинны больше не будут беспокоить нас, Билл. «Долго они ели и пили; но вот, после вкусного обеда оказались сами съеденными».

Биллингс лишь стоял и изумленно смотрел на нее. Не удивительно, что ид-Димирьят так перепугался!

— Дунни, позволь мне взглянуть на это кольцо!

Когда она протянула руку, он взял ее в свою и взглянул на кольцо. Как и говорила девочка, оно было выковано из железа и меди, железо образовывало нимб вокруг медной массы. На медной же поверхности виднелась выпуклая тонкая вязь арабских букв. Нет, не выпуклая — буквы, казалось, были отлиты из железа. Кто бы ни делал это кольцо, он должен был вплавить их в медь. Слова, которые они составляли, скорее всего, означали веления Сулеймана злым и добрым джиннам, но он знал арабский не настолько хорошо, чтобы прочитать их, да и сами буквы были столь малы, что глаза отказывались различать их.

Но значение этих слов интересовало его гораздо меньше, чем геометрическая фигура, которую они образовывали. Он выпустил руку Дуньязады из своей и попросил девочку держать ее вытянутой, подогнув пальцы, чтобы была видна печать. Затем отошел на несколько шагов. Теперь фигура была видна очень отчетливо даже на расстоянии: два перекрывавших друг друга равносторонних треугольника —

подлинная же фигура, с которой, по словам Дуньязады, была снята эта копия, вполне могла быть предшественницей Звезды Давида.

Он ощутил ее гипнотическое воздействие даже на себе. Но ее действие на джиннов заключалось не в гипнозе. Она доводила их до состояния страха. Как бы ни было, он понял, что сами по себе перекрывающиеся равносторонние треугольники не могут так действовать и что в значительной мере эффект создавался самой железной вязью или просто железом, из которого они сделаны. Дуньязада говорила, что джинны страшатся железа, и теперь он знал, что это, возможно, правда. На деле они до того боялись его, что не могли взломать даже хрупкую пробку, запечатанную железной печатью.

Теперь было понятно, почему джинны в башне не напали на Дуньязаду и Али Бабу, когда те еще оставались на тобоггане. Хотя тобогган был сделан в основном из легких металлов, он содержал много стальных деталей.

Морозитель был изготовлен из алюминиевого сплава, наверняка именно поэтому ид-Димирьят и проглотил его.

Невероятно, но какой-то древний царь открыл ахиллесову пяту джиннов еще в те времена, когда они пытались покорить прошлое Земли. Нет никаких сомнений, что он сделал не одно, а несколько колец, хотя и Дуньязада, и ид-Димирьят упоминали лишь об одном. Но Дуньязада знала только легенду, а ид-Димирьят мог просто забыть.

Ведь с тех пор прошло много тысяч лет.

Биллингс никак не мог смириться с тем, что марид так стар. Возможно, тот просто врал, что участвовал в Великой Битве. Биллингс подошел к Дуньязаде.

— Как ты думаешь, Дунни, ид-Димирьят *действительно* мог участвовать в Великой Битве?

Тут она в первый раз заметила, что он хромает.

— Билл, ты опять повредил ногу!

— Пока ничего страшного. Ну, как по-твоему, ид-Димирьят *действительно* мог участвовать в Великой Битве?

— Все джинны участвовали в ней.

— Но ведь это было жутко давно.

— Должно быть, джинны живут очень долго.

Должно быть, подумал Биллингс, нам только кажется, что все было очень давно, потому что мы живем очень мало.

— А почему ты так уверена, что ид-Димирьят не из добрых джиннов?

— На самом деле я не вполне в этом уверена, Билл. Но ведь он нападал на тебя, и этого мне достаточно.

— В кувшине ему самое место. Тем не менее, — продолжил, Биллингс, — я хотел попросить тебя заставить его сказать нам, как пройти через Занавес, прежде чем ты отправишь его в кувшин.

— Он может слышать и через кувшин. Сейчас я заставлю его объяснить нам это. — Она взглянула на громадное поле экранов. — Что это за оконца, Билл?

— Идем, покажу. И тебе тоже, Али. Поставь тигель и все остальное на пол.

Он подтянулся к верхнему краю консоли и помог подтянуться им.

— Отсюда гораздо лучше видно некоторые экраны.

Дуньязада едва не задохнулась.

— Люди! Какие крошечные! Неужели они живые? Но как они могут быть такими маленькими, Билл?

Он пытался объяснить ей, что в действительности люди не здесь и что и они, и их комнаты — лишь телевизионное изображение, но, естественно, зашел в тупик. Пришлось сказать, что джинн прибегнул к особому колдовству, чтобы и люди, и их комнаты казались такими крохотными.

— А что это за тоненькие ниточки у них на головах? — спросил Али Баба.

— Они думают, — пояснил Биллингс. — Все вместе. А провода передают их мысли вот в этот большой ящик, на котором мы стоим. Эти люди чрезвычайно сообразительны и умны. По сути, они умнее всех узников, потому и сидят в этих окнах. К ним джинны обращаются, когда хотят что-нибудь подсчитать или когда не знают ответа на какой-нибудь вопрос. И вот, Дуньязада и Али, что мы сделаем: освободим их, а вместе с ними и всех остальных узников.

У Дуньязады заблестели глаза.

— Билл, прежде чем мы освободим тех, что видим в окнах, нужно спросить у них, как пройти сквозь Занавес. Если они такие умные, то они должны быть умнее, чем ид-Димирьят. И будут так благодарны нам за свое освобождение, что не соврут, как мог бы сделать этот ничтожный марид.

«Интересно, почему я не подумал об этом?» — пробормотал про себя Биллингс.

Была только одна сложность: каким образом обратиться с вопросом к группе людей, когда нет способа задать его?

Но, может быть, он сумеет найти способ.

— Чтобы выпустить их, — сказал Али Баба, — нам нужно только разбить эти окна, а затем ловить узников, когда они посыплются вниз. А смогут они, эмир Билл, стать людьми обычного размера или нет?

Биллингс взглянул на мальчика. Ну и ну, подумал он.

— Сейчас, Али, наша главная проблема заключается в том, как связаться с ними.

— Может быть, если кричать достаточно громко, они услышат нас?

— Но их комнаты могут быть очень далеко, — сказала Дуньязада. — То, что кажется, будто они на стене, не означает, что они действительно там.

— Но ведь видно, что они действительно там.

Биллингс опустился на колени и осмотрел панель управления. Логика подсказала ему, что небольшой обособленный экран должен быть средством считывания данных. Она же натолкнула его на мысль, что интеллектуалы, а не джинны создали всю внутреннюю электронную структуру консоли. Фактически, они сами выкопали себе яму и теперь сидели в ней.

Понял он и то, что «гении» и остальные узники, «реабилитируемые» джиннами, выстроили и весь этот город, и окружавшую его стену, за исключением башни и купола.

Не вставая с колен, он изучал клавиатуру панели управления. Она имела две группы никак не промаркированных клавиш. Слева от них виднелось несколько узких щелей длиной около фута, разнесенных на восьмую долю дюйма. Скорее всего, решил он, это встроенный микрофон. Он склонился над ним и произнес:

— Привет, — и взглянул на экран считывания данных. Тот оставался пустым.

Биллингс снова принялся за изучение клавиатуры. Но была ли это клавиатура в обычном смысле? Может быть, эти клавиши были выключателями? Он нажал на одну из левого ряда и снова произнес в микрофон:

— Привет. — Экран оставался пустым.

Тогда он нажал клавишу справа и опять сказал в микрофон:

— Привет. — На этот раз на экране появилось сообщение:

«ЗАПРОС НЕПОНЯТЕН».

Дунни тоже прочла слова на экране.

— Билл, они ответили по-арабски.

Слова, на которые глядел он, были английскими. Но не было смысла ломать голову над такой странностью попавшего ему в руки «человеческого» компьютера.

— На каком языке вы говорите? — спросил он.

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

— Как такое возможно?

МЫСЛЕННЫМ ЧТЕНИЕМ СЛОВ. КТО ВЫ?

— Мы те трое из страны людей, кто запечатал ид-Димирьята и всех остальных джиннов в медные кувшины. Теперь мы собираемся освободить вас.

НАЖМИ СИНЮЮ КНОПКУ! НАЖМИ СИНЮЮ КНОПКУ! НАЖМИ СИНЮЮ КНОПКУ! ЭТО ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ ГОЛУБОГО СВЕТА!

— Где она?

НА ПАНЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАД САМЫМ ЭКРАНОМ ЕСТЬ СКРЫТЫЙ ЗАПОДЛИЦО КОЛПАЧОК. ПОДНИМИ ЕГО.

Биллингс отыскал крышку-колпачок и поднял его. Под ним оказалась синяя кнопка.

— Нашел.

НАЖМИ ЕЕ, НАЖМИ ЕЕ, НАЖМИ ЕЕ!

Дуньязада смотрела на экраны дисплея.

— Они просто в восторге, Билл. Один постоянно подпрыгивает.

— Прежде чем я нажму кнопку, — сказал в микрофон Биллингс, — я хочу, чтобы вы оказали нам любезность.

КАКУЮ, КАКУЮ, КАКУЮ?

— Когда я и один из моих спутников прошли сквозь Занавес... границу раздела... мы сделали это случайно и теперь не знаем, как пройти назад. Объясните нам как, и мы освободим вас.

МЫ НЕ ВЕРИМ ТЕБЕ! ПРЕЖДЕ ТЫ ДОЛЖЕН НАС ОСВОБОДИТЬ!

— Так вы *можете* объяснить как или не можете?

РАЗУМЕЕТСЯ, МОЖЕМ! МЫ ГЕНИИ! НЕТ НИЧЕГО, ЧЕГО БЫ МЫ НЕ ЗНАЛИ! НО ПРЕЖДЕ, ЧЕМ МЫ СКАЖЕМ ТЕБЕ, ТЫ ДОЛЖЕН ОСВОБОДИТЬ НАС. НАЖМИ СИНЮЮ КНОПКУ, НАЖМИ СИНЮЮ КНОПКУ!

— Как так, Билл? Свет может сделать их свободными? — спросила Дуньязада.

— Это волшебный свет, и пока он есть, они не могут освободиться... ни они, ни все остальные узники города. — Он снова

наклонился к микрофону. — Так вы *обещаете* сказать нам, как пройти сквозь Занавес?

ПРОВАЛИТЬСЯ НАМ НА ЭТОМ МЕСТЕ! ПРОВАЛИТЬСЯ НАМ НА ЭТОМ МЕСТЕ!

Он взглянул на Дуньязаду, заинтересованный тем, как эти мысли-слова выражены по-арабски. Но ему не пришлось ни о чем спрашивать, потому что она сказала:

— Они клянутся именем Аллаха, Билл.

— Ты считаешь, мы можем довериться им?

— Я не знаю этого наверняка. У тех, кого я видела сквозь эти окна, были гадкие лица.

— А каково твое мнение, Али?

— Я считаю, мы должны освободить их, эмир Билл.

— Ну что ж, они люди, и мы тоже люди, — сказал Биллингс, — и поэтому я полагаю, что мы, в известном смысле, обязаны помочь им вернуться на родину.

— А мне кажется, что выбор у нас не велик, Билл, — сказала Дуньязада.

Он снова заговорил в микрофон.

— Когда освободитесь, приходите в купол.

МЫ БУДЕМ ТАМ. МЫ БУДЕМ ТАМ. НАЖМИ КНОПКУ, НАЖМИ КНОПКУ, НАЖМИ КНОПКУ!

И Биллингс нажал. У него было ужасное чувство, что он совершает ошибку, и возникло оно еще до того, как первые из интеллектуалов медленно и неуклюже вошли в круглый зал.

Отдавая должное хорошим манерам, Биллингс спустился с консоли и захромал навстречу, чтобы приветствовать вновь прибывшего. Интеллектуал был по меньшей мере семи футов ростом, с широкими плечами, мышцами как у Геркулеса и неприятными карими глазками. Он миновал Биллингса, будто пустое место, и, приблизившись к медному кувшину, в котором томился ид-Димирьят, пнул его.

За ним в комнату хлынули и другие интеллектуалы. Коричневые, белые, черные и желтые. И все они, даже женщины, были примерно одинакового роста: около семи футов, и все походили на участников соревнований по бодибилдингу. Каждый проходил вперед, не обращая внимания на Биллингса, и пинал медный кувшин.

— О, Аллах, какие они большие! — донеслось до Биллингса восклицание Али Бабы.

Тем временем круглый зал полностью заполнился освобожденными. Они образовали большой круг, в центре которого рас-

полагался медный кувшин, взялись за руки и пустились отплясывать вокруг него, будто это была новогодняя елка.

Танцуя, они пели коротенькую песенку. В переводе выходило приблизительно следующее:

Димирьят, наш господин,
Ты в кувшине вновь один,
Уйдет твое Царство к нам,
Ты же задохнешься там!

Биллингс снова забрался на верхнюю плоскость консоли.

— Я... Мне не кажется, что они страстно любили ид-Димирьята, — сказала Дуньязада.

— Полагаю, они имели на него большой зуб.

Али Баба побледнел.

— Ему... ему просто повезло, что он в кувшине.

Из дверей круглого зала донесся крик; вскоре он повторился. Очевидно, улицы заполнила очередная партия освобожденных узников. Биллингс потрясенно глядел на хоровод танцующих: даже женщины сбрасывали рубашки.

А с улицы неслись новые и новые крики.

Было самое время вспомнить о ящике Пандоры!

— Эй! — крикнул он танцующим. — Эй!

Постепенно их ритмичный, боковой шаг замедлился, и один за другим они начали поворачиваться в его сторону.

— Вы обещали! — сказал он, обращаясь к ним по-арабски, с тем, чтобы Дуньязада и Али были в курсе происходящего. — Или вы не собираетесь сдержать слово?

Интеллектуалы переглянулись. И вскоре начали смеяться. Их хохот эхом гулял по круглому залу и звучал почти так же, как и хохот ид-Димирьята, пробирая до мозга костей. Затем беспорядочной толпой бывшие узники двинулись к консоли.

— О каком обещании ты говоришь? — громко спросил один из них.

— Вы знаете, о каком! — прокричал Биллингс. — Вы согласились рассказать нам, как пройти обратно сквозь Занавес, если мы освободим вас! Так скажите!

— Занавес? — пронеслось среди лысых голов. — Какой Занавес?

— Вы знаете какой!

— Вам запрещен даже вход сюда, жалкие пигмеи! — неожиданно выкрикнул один из интеллектуалов. — Это *наше* здание!

— Скормим их вампирам! — закричал другой.

— Нет, пусть их съест рух!

— Нет! Вышвырнем их на улицу, и пусть ими займутся дикари!

Один из интеллектуалов потянулся вперед, пытаясь ухватить Биллингса за лодыжку. Тот отступил на полшага. Толпа приблизилась к консоли. Она на глазах превращалась в банду.

Что ему было делать?

— Выбросим их на улицы! Выбросим их на улицы!

Тут Дуньязада вышла вперед. Подбоченясь, она сказала:

— И как это вы, такие большие, уместились в таких маленьких комнатках? Да в них не влезут даже ваши руки или ноги... как же они могут вместить вас целиком?

Вернись на место, Дунни, хотел уже сказать Биллингс, но тут же заметил, что интеллектуалы уставились на нее.

— Ты *не веришь*, что мы там были? — спросил кто-то.

— Никогда не поверю, пока снова не увижу вас там!

— Но ведь ты *уже видела*!

— Я видела только человечков — маленьких, как мыши. А вы огромные, как слоны!

На лицах интеллектуалов проступило самодовольство. Подумать только, здесь, среди них объявился чудовищно низкий интеллект, который не мог понять, что изображение можно передавать с помощью радиоволн и принимать в виде маленьких картинок на экранах электронных трубок! Прекрасный случай показать девчонке, какие они мудрецы и какая она тупица!

Как бы то ни было, но Биллингс ни на секунду не поверил, что они заглотнут наживку, подсунутую Дуньязадой. Интеллектуалы были гениями и, даже если вели себя как орава мстительных детей, глубоко внутри оставались холодными и расчетливыми мыслителями. Нет, они никогда...

«ПОКАЖЕМ ЕЙ, ПОКАЖЕМ ЕЙ, ПОКАЖЕМ!» — понеслось со всех сторон, и у него на глазах «гении» начали длинной цепочкой покидать круглый зал.

— Помашите нам рукой, чтобы мы точно знали: вы там, — крикнула им вдогонку Дуньязада.

Через несколько минут она, Биллингс и Али Баба получили в свое распоряжение огромную комнату.

Они разом повернулись и взглянули на нижний ряд экранов. Биллингс не поверил своим глазам, когда увидел крошечных мужчин и женщин, входящих в крошечные комнаты и прикреп-

ляющих электроды и провода к своим макушкам. Затем все эти лилипуты уселись за свои столы и замахали руками. Очень скоро мелькание рук заполонило почти все экраны. Глядя на экран консоли, Биллингс увидел сообщение:

ВОТ ВСЕ МЫ И НА МЕСТЕ, СНОВА В НАШИХ МАЛЕНЬКИХ КОМНАТКАХ. ТЕПЕРЬ ТЫ ВЕРИШЬ, ДЕВОЧКА? ТЕПЕРЬ ВЕРИШЬ?

И Биллингс нажал синюю кнопку.

На город опустилась тишина.

Восхищение, которое почти не покидало мягких карих глаз Али Бабы, смешалось с благоговейным страхом. Он еще ближе подошел к Биллингсу.

— Ну, разве она не замечательная, эмир Билл? Разве она не самая замечательная девушка в мире?

— Э... думаю, да, — сказал Биллингс.

XV. Молодость и любовь

— Я надеюсь, ты понимаешь, Дунни, — сказал Биллингс, — что придется освободить джиннов.

Она кивнула.

— Прежде чем мы сделаем это, я заставлю марида сказать нам, как пройти сквозь Занавес. Но сперва позабочусь о твоей лодыжке.

Все трое спустились на пол круглого зала. Дуньязада заставила Биллингса сесть, развязала и затем снова перевязала его ногу, стараясь наложить повязку потуже.

— Попробуй, сможешь ли ты теперь наступить на нее всей тяжестью, Билл.

Он убедился, что может, и они присоединились к Али Бабе, который перешел к медному кувшину и теперь рассматривал его с близкого расстояния.

— Невероятно! Как такой громадный джинн мог уместиться здесь, эмир Билл?

Для Биллингса же ничего невероятного не было: он знал, что цельность и твердость всех предметов, движущихся или неподвижных, лишь иллюзия. Зато он до сих пор не мог понять, как живому существу удавалось уплотнять свою молекулярную структуру, а после восстанавливаться, и осознал, что никогда этого не поймет.

Дуньязада постучала по кувшину.

— Ид-Димирьят?

— Я здесь, о девушка.

— Мы решили освободить и тебя, и остальных, потому что поняли, что люди в городе еще презреннее джиннов, и нуждаются в присмотре. Но сначала ты должен кое-что сделать для нас.

— Думаю, я знаю, о чем ты хочешь просить меня, о девушка.

— На тот случай, если не знаешь, сообщаю: мы хотим знать, как нам вернуться обратно сквозь Занавес.

— На границе раздела существует разрыв, через который вы сможете пройти.

— Что?

— Дыра, Дунни, — сказал Биллингс. — Где она? — спросил он джинна.

— К западу от гор.

— К западу от гор раскинулась целая пустыня!

— Точнее, прямо к западу от вершины, которая стоит у начала долины. От той самой горы, где пещера разбойников. Разумеется, вы не увидите этот разрыв, но он достаточно широк, и, следуя точно на запад от пика, вы получите великолепную возможность пройти границу раздела с первой попытки.

— Так джинны проходят сквозь Занавес?

— Нет. Благодаря полному отсутствию молекулярной структуры они могут проходить сквозь него в любой точке.

— И еще один вопрос, — сказал Биллингс. — Зачем джинны пытались завоевать Землю в прошлом?

— Никогда не пытались! Это придумал тот бестолковый царь, которому взбрело в голову, что нам нужна ваша планета! А мы появились только ради меди. Но в те времена на Земле ее не было ни грамма. Мы же собирались построить большой медный город, в котором время от времени могли бы отдыхать и заниматься реабилитацией землян. Но этот глупый царь собрал целую армию и откуда-то узнал о нашей единственной слабости. Однако большинству джиннов удалось бежать, и чтобы он ни говорил после, ему удалось посадить в медные кувшины всего одного или двух.

— Перед этим ты говорил, что ты добрый джинн и воевал на стороне Сулеймана! — воскликнула Дуньязада. — И ты отваживаешься называть Сулеймана ибн Дауда глупым царем!

— Прекрати, Дунни, — сказал Биллингс. — Перед этим он попросту пытался утихомирить тебя с помощью легенды. По

крайней мере сейчас он говорит правду. Чем вы будете заниматься, когда закончите реабилитацию последней партии людей? — спросил он марида.

— Отправимся домой! Мы уже достаточно натерпелись на этой несчастной планете. Мы отдадим ее упырям!

Биллингс взглянул на Дуньязаду.

— Пожалуй, мы узнали все, Дунни. Можно вынимать пробку?

— Но что имел в виду марид, когда сказал, что они собираются домой, Билл? Я думала, это и есть их дом.

— Нет. Они совсем из другого мира. Тебе придется чуть-чуть напрячь ум, Дуньязада, чтобы понять. И тебе тоже, Али. Там, высоко в небе, есть другие миры. Джинны пришли с одного из них.

Некоторое время они почтительно разглядывали его. Затем Али Баба спросил:

— Как?

— Укоротили расстояние между своим миром и этим, искривив пространство.

— Но пространство нельзя искривить, — сказал Али Баба. — А если и можно, то как же тогда удержать его в таком положении?

— Ведь оно, — сказала Дуньязада, — лишь пустой воздух.

— Ты им этого не объяснишь! — воскликнул ид-Димирьят. — Позволь это сделать мне, прямо отсюда!

— А ты пока помолчи! — сказал Биллингс. — Я пытаюсь сказать вот что, Дунни: если искривить пространство между двумя различными точками, расстояние между ними можно покрыть в один шаг, вместо того чтобы идти мили, мили и мили. Но даже когда пространство искривлено таким образом, подлинное расстояние остается для наблюдателя тем же самым, а значит, их мир по-прежнему будет достаточно далек от нашего, как и раньше. Ты понимаешь, что я имею в виду, Дунни? А ты, Али?

Два напряженных внимательных взгляда. Наконец Дуньязада сказала:

— Неужели мир джиннов гораздо дальше, чем прибитые к небу звезды?

Биллингс припомнил, что в девятом столетии тон в астрономии все еще задавал Птолемей. Космография по Птолемею включала восемь сфер, восьмая из которых и удерживала «прибитые» звезды, но позже астрономы добавили к ним еще две. Десятая сфера... главная движущая сила... захватывала уже и край вселен-

ной, так что он решил, что лучше остановиться на «прибитых» звездах.

— Нет, не дальше.

— Но если их мир также велик, как этот, то отчего мы не видим его? — спросил Али Баба.

— Билл, ты зря тратишь время! — закричал из кувшина ид-Димирьят. — Позволь же мне выйти отсюда!

— Он достаточно далек, чтобы мы не могли видеть его, Али.

— Но ведь мы видим прибитые к небу звезды, — сказала Дуньязада.

— Полагаю, — сказал Биллингс, чувствуя, что приходит в отчаяние, — его скорее всего загораживает одна из них.

— Но они такие маленькие, эмир Билл! Как же может за звездой спрятаться целый мир?

— На самом деле они не такие маленькие. Маленькими они кажутся нам отсюда. — По выражению юного лица было ясно, что парнишка ничего не понял. — Просто поверьте мне на слово, что он где-то там, ладно?

— Мы понимаем, что он где-то там, раз вы так говорите, эмир Билл.

— Хорошо. Давайте займемся делом и освободим джиннов.

Он достал из кармана складной нож, раскрыл его и с некоторым трудом извлек пробку из кувшина, где томился ид-Димирьят. Затем Али собрал разложенные на полу тигель, ложку и связку припоя... чудесным образом сохранившиеся там — слава Аллаху, интеллектуалы не растоптали ни один из этих предметов... и они перешли в башню, предоставив мариду возможность посидеть и поразмышлять в круглом зале. В каждой из комнат башни Дуньязада становилась на плечи Биллингсу и уничтожала плоды собственных трудов. Должно быть, джинны, как один, были полностью деморализованы, потому что ни один из них так и не вышел из кувшина.

Тобогган «висел» на том же месте, где его «припарковал» Биллингс. Он в два счета очутился на борту и помог Дуньязаде и Али сделать последний шаг с окна на палубу тобоггана. Али уложил тигель, ложку и припой в ящик с инструментами, закрыл его и уселся на крышку. Дуньязада и Биллингс пристегнули ремни, и тобогган пришел в движение.

— Сначала мы отправимся за сокровищами в пещеру, верно, Билл? — спросила Дуньязада.

Биллингс перестал обманывать себя. Всю свою жизнь он провел в бедности. В бедности жили и его родители, а так же бабуш-

ки и дедушки с обеих сторон. И вот наконец ему представилась возможность раз и навсегда изменить столь несчастную семейную преемственность.

— Я убежден, что в своем праве, — сказал он.

Луна уже села, и лишь мягкий свет звезд озарял долину. Сады и поля напоминали слабые тени, а река — призрачную ленту.

Приключение подходило к концу. Скоро Биллингс сможет забрать Дуньязаду в круиз в двадцать первый век, и сознание ответственности, камнем лежащее на сердце, исчезнет. Ему следовало бы чувствовать облегчение, но вместо этого он ощущал смутный страх. Горы вранья, которые он нагородил ей, свинцовой тяжестью давили на душу, и с каждой проходящей минутой эта тяжесть лишь возрастала. Ему бы хотелось стряхнуть ее, рассказать правду, но он не отваживался. И не потому, что боялся потерять работу, если «Анимейтингс инкорпорейтед» узнает о его измене. Он боялся взглянуть девочке в глаза. То, что она спасла его и от разбойников, и от джиннов, делало признание еще более затруднительным.

Да и как он мог рассказать Дуньязаде правду, когда Али Баба наклонялся к ним со своего ящика с инструментами так близко, что едва не утыкался носом ей в волосы, и слышал бы каждое сказанное им слово?

— Пахнет цветами! — неожиданно воскликнула она. — А, Билл?

Он и сам сообразил, что вокруг чем-то пахнет. Этот запах заглушал даже аромат ее волос. Биллингс определил его как запах жасмина, четко сознавая при этом, что жасмин тут лишь преобладающая нота, сочетающаяся с другими оттенками.

Он бросил взгляд за борт тобоггана. Дуньязада и Али Баба тоже. Они летели над полем, которое отличалось от всех прочих полей в долине. Его покрывал цветочный ковер, среди цветов петляли едва заметные тропинки.

Возможно, это цветник, подумал Биллингс.

— Должно быть, эти цветы очень красивы, раз они так замечательно пахнут, — сказала Дуньязада. — Мне хочется нарвать немного.

— И мне, — сказал Али Баба.

Биллингс не возразил... неизвестно почему. Спешить к пещере не было причин, так почему бы не уступить такому порыву?

Он ослабил антигравитационный регулятор, в глубине сознания отмечая, что сделал бы это и без их просьбы.

Тобогган устремился вниз, и благоухание обступило его со всех сторон. Раскинувшаяся внизу картина теперь казалась столь восхитительной, что воспринималась как самое вожделенное место в мире. Он направил тобогган к дорожке между двумя цветниками и мягко посадил посреди цветников, источающих чарующий запах. Но никаких цветов так и не сумел разглядеть.

Зато увидел упырей.

Они выскочили из «цветников» прямо на тобогган. Их было пятеро, нелепых, распространявших зловоние, с телами в темных отметинах шрамов. Создание иллюзий, должно быть, истощило их гипнотические силы почти без остатка. Двое упырей бросилось на Али Бабу и стащило его с тобоггана. Двое других вцепились в Дуньязаду и в Биллингса, но никак не могли отцепить их тех ремней безопасности. Али Баба яростно сопротивлялся, но вырваться так и не смог. Биллингс тем временем пытался сбросить нападавших с тобоггана. Он оценил свои возможности с точки зрения настоящего и будущего и, быстро приняв решение, нажал на аварийную кнопку «прыжка».

Вспыхнули звезды, упыри и Али Баба исчезли, а Дуньязада и Биллингс оказались вдвоем на тобоггане посреди поля, кое-где поросшего кустарником.

— А где же Али, Билл? Где же Али? И где эти упыри?

— Все в порядке, Дунни. Я «перебросил» нас вперед во времени. Точно так же, как сделал это вчера утром, когда нас догоняла рух, а мы пытались укрыться в пещере.

— Но ведь они убьют и съедят его? — В ее голосе зазвучали истерические нотки, и в свете звезд в глазах заплескалось смятение. — Нам не следовало убегать! Надо было остаться и сразиться с ними!

— Успокойся, Дунни... сейчас мы «прыгнем» назад и спасем его.

Он расстегнул ремень, открыл ящик с инструментами и отыскал там двенадцатидюймовый, изогнутый полумесяцем гаечный ключ, кляня ид-Димирьята за то, что тот проглотил морозитель. Еще он выбрал широкий округлый рихтовочный молоток и протянул его Дуньязаде. Затем, наклонившись над панелью управления, оценил показания светящейся шкалы долготы аварийного

«прыжка» и определил, что указатель все еще стоит на пятнадцати минутах, которые он задал, когда их преследовала рух. Он вернул его в минутный диапазон и изменил направленность с *плюса* на *минус*. Вернуться в ту же самую точку не получится, потому что поток времени препятствует повторению реальности.

— Мы окажемся там снова, Дунни, потеряв всего минуту, и наше появление удивит упырей не меньше, чем исчезновение. Я кинусь в погоню за теми, что схватили Али... им не убежать далеко... и пока они и все остальные будут приходить в себя от удивления, я освобожу его. А ты оставайся на ковре и используй вот этот молоток, если кто-нибудь из них попытается напасть на тебя. И ни при каких обстоятельствах не расстегивай ремень!

Теперь она немного успокоилась.

— Хорошо, Билл.

— Ну что, полный назад?

— Полный!

Он нажал кнопку возвращения.

Мираж с цветниками уже растаял, и поле теперь отличалось от того, которое они только что «покинули», только тем, что здесь были Али Баба и упыри. Как и предвидел Биллингс, на упырей, подминая их, накатила вторая волна удивления. Она захлестнула и Али Бабу, судя по величине и форме его глаз.

Упыри, схватившие мальчика, сейчас недалеко ушли от того места, где были раньше, и тащили Али Бабу за собой. Остальные тоже были неподалеку. Спрыгнув с тобоггана, Биллингс со всех ног бросился к тем, что держали Али. Ударом ключа он бросил одного из них на колени, вырвал Али из рук второго и начал подталкивать мальчика к тобоггану. И уже собирался последовать за пареньком, но второй упырь прыгнул ему на спину и потянул к земле. Биллингс развернулся и снова взмахнул ключом. Упырь упал, а Биллингс, прокатившись по земле, поднялся на ноги. И вдруг обнаружил, что стоит перед красивейшей из женщин — такой красотки он никогда еще не встречал.

— Иди, — шептала она, протягивая руки. — Иди ко мне.

Ее губы ярко алели даже при свете звезд. Длинные черные волосы спадали на обнаженные плечи. Прозрачное платье, широкими складками спускавшееся от груди до середины бедер, лишь чуть-чуть уступало в прозрачности звездному свету. Биллингс почувствовал, что тонет в прозрачных омутах ее глаз.

— Иди ко мне, — снова прошептала она. — Иди же.

Он сделал шаг вперед. И готов был сделать второй, но не смог: Дуньязада, которая подкралась к красавице сзади, размозжила ей голову рихтовочным молотком. И на землю грянулась отвратительная злая старуха.

Последняя пара упырей бросилась бежать. *«Дунни,* — собрался было сказать ошеломленный Биллингс, — *ведь я велел тебе оставаться на ковре!»* И увидел, что она, раскинув руки, бросилась на шею Али Бабе.

— Али, Али... с тобой все в порядке?

— О да, со мной все хорошо. — Али Баба обнял ее.

Молодость и любовь! Что может быть прекраснее на этой Земле — или на Земле много веков назад. Волосы Али были такими же длинными, как у нее, и такими же красивыми. А свет звезд нежно ласкал их лица, как будто понимал: эти два удивительно прекрасных подростка стали одним целым. И ночь словно бы ластилась к их ногам.

Биллингс яростно пнул тобогган. К счастью, он помнил, что для этого надо воспользоваться левой ногой.

— Ну, хватит, сладкая парочка, — сказал он. — Заканчивайте с этим, и трогаемся!

XVI. Дунни уходит

Масло в лампе, оставленной Биллингсом в наружной пещере, еще не успело выгореть, и вход в пещеру напоминал большое окно на темном склоне горы. Проводя в него тобогган, он не снимал пальца с кнопки аварийного «прыжка», указатель направления которого переустановил с *минуса* на *плюс*, но вокруг не было признаков ни разбойников, ни их лошадей.

Он проделал путь через туннель, освещая пространство впереди электрическим фонарем. Лампы в пещере с сокровищами тоже еще горели. Скоро масло в них кончится, но к тому времени «три разбойника» будут уже далеко. Биллингс легкостью отказался от золотых слитков и велел Дуньязаде и Али тоже забыть о них — как и о серебряных. Сколь ни соблазнительно золото, слитки явно были слишком тяжелы, чтобы свалять такого дурака, тобогган же не рассчитан на транспортировку больших тяжестей, да и вообще глупо возвращаться в двадцать первый век с грудой золотых слитков — музей мигом присвоит их себе, с ходу.

Так что вместо золота «три разбойника» сосредоточили внимание на украшениях, набив ими карманы. Али Баба спросил Биллингса, можно ли наполнить драгоценностями еще и несколько малых кувшинов с широким горлом, и Биллингс разрешил. Сам он натолкал в карманы уже довольно самоцветов, чтобы чувствовать себя богатым. По большей части это были камни в оправах из золота или серебра: золотые и серебряные браслеты на ноги и на руки, украшенные рубинами или бриллиантами, изумрудами или лазуритом, золотые кольца, тоже с драгоценными камнями, золотые и серебряные серьги и жемчужные ожерелья. В двадцать первом столетии те из них, что отобрал Биллингс, будут стоить в десятки раз больше своей истинной цены, поскольку сделаны в девятом столетии.

Дуньязада закончила набивать карманы шаровар. Кроме прочего, она взяла еще и изделие художественного творчества, ту самую Лампу. И теперь они с Биллингсом ждали, пока Али Баба наполнит кувшины. Он поставил их в ряд и сыпал внутрь драгоценности, зачерпывая их одной из тех больших глиняных кружек, из которых разбойники пили пиво.

— Он действительно хочет разбогатеть, — сказал Биллингс.

— Это все потому, что он уже богат. Богатым нравится быть еще богаче.

— Но ведь ты тоже богата.

— Да, отец мой не беден.

— Судя по тому, что ты говорила раньше, ты была готова загрузить весь ковер.

— Тогда я думала о золотых и серебряных слитках, а ты сказал, что лучше их не брать. Между прочим, — продолжила она, — с этой изящной Лампой мне не нужно много сокровищ. Все равно, я получила кое-что даже более ценное.

— При мне ты клала в карманы лишь драгоценные камни.

— Сокровище, которое я подразумеваю, это моя голова. И история нашего приключения, которую я собираюсь поведать Шехеразаде, едва увижу ее. Только подумай, сколько разных мыслей и сюжетов она получит для сказок, которые рассказывает султану! Она уже сочинила множество историй о джиннах и даже одну историю про упырей. Но теперь ее кругозор расширится, Билл. Например, только подумай, какой удивительный рассказ она могла бы сочинить об этой пещере, сорока разбойниках и Али Бабе!

— Но ведь их было всего четырнадцать.

— О, их явно было гораздо больше!

Биллингс решил не спорить. В конце концов, теперь он знал, откуда Шехеразада подцепила сюжет для сказки «Али Баба и сорок разбойников». Вероятно, когда она увидит Лампу, а Дуньязада расскажет ей о Дахише, появится «Волшебная лампа Алладина».

— А ты когда-нибудь помогала сестре сочинять сказки, Дунни? — спросил он.

— Иногда.

— Должно быть, это очень увлекательно.

— Да. Но чаще я все-таки, — продолжила Дуньязада, — стараюсь заставить ее придерживаться истины всякий раз, когда рассказ основан на подлинных событиях.

Биллингс лишь взглянул на нее.

Али Баба закончил наполнять кувшины.

— Ну вот, теперь, полагаю, достаточно, эмир Билл.

— На ковре есть еще шесть кувшинов, — с долей цинизма заметил Биллингс.

— Достаточно. Я не хочу казаться жадным.

— Тогда пошли.

Дуньязада погасила лампы и вместе с Биллингсом помогла Али вынести кувшины через туннель и погрузить их на тобогган. Снаружи уже появился первый сероватый отблеск нового дня и начал разгонять темноту. После того как Дуньязада и Али забрались на тобогган, Биллингс погасил последнюю лампу и занял свое место. Он вывел тобогган в занимающийся рассвет, обогнул склон горы и взял курс строго на запад от горного пика.

До сих пор не было видно ни одной птицы рух, а если они где-то и были, Биллингс их не заметил. Он вел тобогган над холмами, горами и оазисами и прошел через разрыв с первой попытки, но не знал об этом до тех пор, пока испещренная оазисами пустыня внезапно не превратилась в голую равнину с видневшимися вдалеке холмами.

Перед ними лежали развалины.

— Я знаю, где мы! — воскликнул Али Баба. — Эти развалины — мертвый город Бардур. А дом моего отца как раз за этими холмами.

— Прежде чем мы отправимся в твой дворец, Билл, — сказала Дуньязада, — нужно доставить Али домой.

Что, она все еще хочет попасть в мой «дворец» или боится сказать, что они с Али влюбились друг в друга? Этот вопрос не

должен был бы беспокоить его ни в малейшей степени, поскольку у него не было дворца, куда он мог бы ее привезти, — но, тем не менее, беспокоил. Вероятно, потому, что Биллингс устал и не мог сохранять ясность мысли.

— Показывай «дорогу», Али.

Хотя теперь Али Баба был богат, ферма его отца не свидетельствовала, что он был богат и раньше. Домик был маленький, сложенный из глиняных кирпичей. Еще два строения, тоже из глиняного кирпича, и хлев для скота. Хотя было множество цыплят и коз.

Когда родители Али увидели «волшебный ковер», они едва не потеряли дар речи. То же случилось и с Касимом, старшим братом Али. Все они пали ниц перед Дуньязадой и со страхом смотрели на Биллингса. Их глаза еще пуще округлились при виде кувшинов с драгоценными камнями, и родственники бросились помогать Али переносить их в дом. Биллингс освободил от воды еще шесть кувшинов и тоже отнес их в дом, чтобы избавиться от них. Дуньязада же перенесла в дом дыни, чтобы добавить их к завтраку, который уже готовила мать Али.

За завтраком Али повествовал об их приключениях в стране джиннов. Девять десятых его рассказа были посвящены Дуньязаде. Он подробно описывал, как она танцевала, чтобы отвлечь внимание разбойников, и как терла Лампу и вызвала Дахиша, чтобы освободить их. Он описал, как она загнала джиннов в кувшины и как обманула «сидящих в окнах», уговорив их снова вернуться в свои крохотные комнаты. Все время рассказа он поглядывал на Дуньязаду, и глаза его светились, как у идолопоклонника, тем самым блеском, который рано или поздно появляется в глазах у всех молодых мужчин.

После завтрака он вывалил содержимое кувшинов на пол и добавил к этой горе то, что было у него в карманах. Его родители и брат уселись вокруг нее и принялись за инвентаризацию, и глаза их горели точь-в-точь как сваленные грудой драгоценные камни. Али Баба оставил их за этим занятием и отправился с Дуньязадой и Биллингсом на экскурсию по ферме. Он позволил Дуньязаде покормить цыплят, а затем показал ей и Биллингсу своих коз. И опять он вспомнил, как растил Бедр-эль-Будур, и слезы снова засверкали в его глазах. Слезы были и на глазах у Дуньязады. Биллингс прикусил губу. Меньше всего на свете он хотел ус-

лышать очередное краткое изложение жития Бедр-эль-Будур. Он не только устал, но еще хотел побриться и вообще чувствовал себя ужасно. А та чудовищная ложь, которую он сочинил для Дуньязады, выросла в его душе настолько, что стала тяжелая как золотой слиток.

— Дунни, — сказал он наконец, — думаю, нам пора.

Он не мог понять по ее глазам, полным слез по Бедр-эль-Будур, хочет она покинуть этот дом или нет, но не сомневался, что его «дворец» утратил свою прелесть и что она предпочла бы остаться на ферме и кормить цыплят. Но она сказала лишь:

— Как только ты будешь готов, Билл.

Они попрощались с Али, и с его родителями, и с его братом. И снова в глазах Али заблестели слезы, но на этот раз не из-за козы.

— Теперь ты знаешь, где я живу, Дуньязада, — сказал он, — и, возможно, навестишь меня.

— О, непременно, Али. Обещаю.

Он взглянул на Биллингса. Взглянул на тобогган — и вздохнул.

— Почему-то я так не думаю.

Она протянула ему Лампу, это изделие художественного творчества.

— Вот доказательство того, что я вернусь. Но ты должен беречь ее до моего возвращения, и обещай мне, что не будешь ее тереть.

— Обещаю, Дуньязада. Глядя на нее, я всякий раз буду вспоминать твое лицо. — Он повернулся к Биллингсу. — До свиданья, эмир Билл. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня. Если бы не ты, меня уже не было бы в живых... До свиданья, Дуньязада.

А девочка просто находка, подумал Биллингс. Дунни не могла выдумать ничего лучше. Здорово, что они полюбили друг друга.

Но почему его так огорчает эта мысль?

Он поднял тобогган и развернул его в сторону холмов. Ферма скрылась из вида. Биллингс мог совершить прыжок в «настоящее» в любой момент и (думал он) чем скорее, тем лучше, потому что и так задержался на три дня. Тогда почему он медлит?

Он отлично знал почему.

Он перевел тобогган в режим парения.

— Дунни, — сказал он, — у меня нет дворца.

— Ну, возможно, твое жилище достаточно велико, чтобы называться дворцом, ведь множество людей называет свое жилье

дворцами, хотя оно ничуть не похоже на дворец. Тут нечего стыдиться, Билл.

— Да и вообще я не эмир.

Она взглянула на него, но промолчала.

Он указал вниз, на поле, где стоял и внимательно смотрел на тобогган человек в белом бурнусе.

— Видишь вон того старика? Я еще беднее, чем он.

Она вглядывалась через борт тобоггана.

— А дом его видишь? — продолжал Биллингс. — Он даже больше моего.

Дом, величиной с курятник, казался еще меньше.

— Но, Билл...

— Дунни, выслушай меня и постарайся быть внимательной. Я скажу тебе нечто такое, что ты должна до конца осознать.

— Я вся внимание, Билл.

Он был с ней откровенным. Откровенным до такой степени, что и сам почувствовал облегчение. Он рассказал ей про манекены, сравнивая их с движущимися и говорящими куклами. Путешествие во времени стало для него не столь тягостным моментом, как он думал раньше, потому что ему уже довелось совершить двойной прыжок во времени вместе с Дуньязадой. Тот временной интервал, который он перекрыл при возвращении в девятое столетие, должен был произвести на девочку впечатление и подготовить ко всему остальному, но если так, она не подавала виду. Он рассказал ей, что большинство американцев двадцать первого века так пленяют важные персоны прошлого, что те готовы часами наблюдать за говорящими и движущимися куклами, которые выглядят точь-в-точь как настоящие персонажи той жизни, и платить динары без счета за такую честь. Он рассказал, что это было его первое задание. Рассказал, что она первая особа из прошлого, кого ему довелось выкрасть, и о том, что по инструкции он обязан врать ей что угодно, лишь бы до поры успокоить. Он сознался в том, что с султана уже сделана соответствующая кукла-копия, и что выстроено точное подобие той комнаты, где ее сестра рассказывает сказки, и что музей кукол ожидает несомненный успех, когда люди пойдут на эту новую выставку.

— Но я не такая уж важная птица, — сказала она. — Зачем я тебе понадобилась? — И продолжила: — Я знаю, что случилось. Ты явился в прошлое, чтобы выкрасть Шехеразаду, а по ошибке выкрал меня!

— Я... я думал, что ты — это она. Но ты нам тоже нужна, Дунни, потому что ты тоже очень важная особа. Я намерен, во-первых, забрать тебя в будущее — пусть изготовят твою копию. Это не причинит тебе никакого вреда, лишь займет немного времени. Во-вторых, я верну тебя обратно и на время позаимствую твою сестру.

— Но султан ничего не говорил о том, что его забирали в будущее.

— Для него это было столь необычное переживание, что он принял его за сон. — (Биллингс не видел смысла упоминать о том, что султан так бурно сопротивлялся, что пришлось угомонить его). — Хотя если ты решишь отправиться туда, для тебя это сном не будет, потому что сейчас ты все знаешь и будешь понимать, что происходит.

Дуньязада продолжала сидеть, не произнося ни слова. Биллингс вглядывался в ее лицо. Она смотрела прямо перед собой, и ему был виден только ее профиль. Застывший профиль. Наконец она сказала:

— Если я откажусь отправиться с тобой, ты заставишь меня силой?

— Нет. Отправляться или нет — решать тебе.

— Но если я откажусь, ты можешь потерять работу.

— Это меня не очень волнует.

— Но ты можешь потерять ее.

Ее тон сказал ему не больше, чем профиль. Биллингсу хотелось бы заглянуть ей в глаза. Он был уверен, что они подсказали бы ему, презирает она его или просто ненавидит.

— Да, могу и потерять, — сказал он в конце концов.

— Тогда я отправляюсь.

— Только не делай этого, если не хочешь, Дунни.

— Путешествие может оказаться забавным. Вот, положи мои камни себе в карманы, Билл, на тот случай, если один из тех мошенников попытается украсть их.

И она начала выкладывать камни. Те драгоценности, которые уже были у него в карманах, утряслись за время пути, поэтому там нашлось место и для ее камней.

— Мы поделим их, когда я отвезу тебя обратно, Дунни.

Она снова промолчала, но на этот раз смотрела в его сторону, и он смог заглянуть ей в глаза. Они напомнили ему о лесных фиалках, но ничего не сообщили о ее мыслях. Он вздохнул.

— Держись, Дунни, вот мы и на месте.

* * *

Минуту спустя, когда тобогган с двумя пассажирами исчез в хронокамере музея, два техника увели Дуньязаду в секцию, где находился Большой Пигмалион. Это был последний раз, когда Биллингс видел ее, а пятнадцать минут спустя хранитель музея вызвал его по внутренней связи и объявил, что в его услугах больше не нуждаются. Когда Биллингс спросил почему, хранитель сказал, что он потратил на выполнение задания три дня, хотя большинству сотрудников хватило бы и одного, и что в довершение всего привез не ту девушку. На это Биллингс возразил, что музей заинтересован в копии Дуньязады так же, как и в копии Шехеразады. И поскольку выставка не откроется для посетителей по меньшей мере еще месяцев шесть, то потерянные три дня — лишь капля в море. Однако с таким же успехом он мог бы взывать к ночной луне. В конце беседы он вышел из себя и даже пытался пнуть дверь в сектор Большого Пигмалиона. Тут появившаяся охрана вытолкала его из здания, а вслед была выброшена его повседневная одежда. Он оцепенело подобрал ее и, перейдя через улицу, направился к стоянке. В карманах позвякивали драгоценные камни. Его и Дунни камни. Должно быть, теперь она считает его вором, а поскольку ей уже известно, что он лжец и обманщик, она будет презирать его всю свою жизнь. Он грустно уселся в свой битый старенький автомобиль и отправился домой. Но, поскольку не видел причин оставаться сразу и *печальным*, и *бедным*, вывесил во дворе громадный плакат с короткой надписью: «Только для коллекционеров» (хотя даже не мог внятно объяснить, что собирается продавать)... И стал ждать, когда человечество проторит тропу к его дому. Когда слова наконец-то донесли до человечества истинную сущность его предложения, оно исполнило свой долг.

Эпилог

Шехеразада окончила рассказ о носильщике и багдадских блудницах и приступила к первой из сказок, к которым подошла по ходу сюжета, к истории о первом календаре.

Биллингс опять пожалел, что не остался дома. Но он знал, что если бы и остался, то наверняка включил бы телевизор и смотрел передачу с выставки.

Его путешествие в прошлое стало постоянным.

Он больше не был тем Биллингсом, что полгода назад. Он стал настоящим бездельником, прожигателем жизни. Но следует отметить, что в этой новой роли он коренным образом отступал от нормы. Посещая бары, он неизменно заказывал лимонад вместо виски. А когда пытался бодрствовать по ночам, то всегда сидел в одиночестве и обычно засыпал еще до одиннадцати. Отправляясь покупать обувь, он частенько ограничивался лишь теннисными туфлями. А когда девицы толпой сбивались вокруг его красного кабриолета «мерседес-бенц», образца 1960 года, он неизменно съеживался за рулем. Подъехав же к своему особняку в стиле Греческого Возрождения, он каждый раз крался к дверям черного хода, вместо того чтобы воспользоваться парадным. И, проводя уик-энд в своей новой квартире, не выходил за порог до утра понедельника.

Всякий сказал бы, что это скорее плейбой-отшельник.

Можно было бы добавить: хотя Биллингс больше не был беден, он по-прежнему оставался печальным.

Девушка, проскользнувшая между ним и мягким шнуром, отгораживавшим выставку от остального пространства музея, теперь стояла впереди него и слегка загораживала обзор. Люди грубеют с каждым днем! Он притворился, что ее вовсе там нет, и попробовал вслушаться в рассказ Шехеразады и в ее напевную речь, но по каким-то причинам и слова и их напевность входили в одно и выходили в другое ухо.

Под давлением толпы он поневоле приблизился к девушке. В первый миг, ощутив аромат, он решил, что декораторы специально распылили его в выставочном павильоне, чтобы добавить ощущение сценам прошлого реальности. Но потом понял, что аромат исходит от девушки.

Почему она пользуется этими духами, когда «Весенний каприз номер пять» гораздо более популярен в наше время?

Такой анахронизм раздражал его. Вот уж чего он никак не собирался делать, так это предпринимать еще одно путешествие в прошлое.

У девушки были черные, коротко подстриженные волосы, и она была одета в черное платье без пояса. Несомненно, она знала о его присутствии, потому что, чуть повернув голову, сказала:

— Эта девочка, что сидит около самого ложа... наверняка, вы никогда не видели более неуклюжего и неловкого существа?

Она имела в виду Дуньязаду. Биллингс не отваживался смотреть на нее, но теперь пришлось. Должно быть, специалисты, работавшие над экспозицией, дали той, настоящей, Дуньязаде новую одежду, перед тем как Большой Пигмалион приступил к копированию: новые шаровары, новый халат и новую накидку на голову. Ее копия казалась им выполненной просто замечательно.

— Разве не так? — снова спросила девушка.

Биллингс начал злиться.

— Она прекрасна! — в конце концов сказал он.

— *Прекрасна!* Должно быть, у вас что-то не в порядке с глазами.

— Послушайте, — сказал Биллингс, — я не собираюсь стоять здесь и...

Он примолк. Этот голос... Такой воздушный и такой легкий, окутанный звоном далеких колокольчиков... Затем девушка повернулась к нему, и он увидел ее лицо. Те же мягкие овалы щек, хотя и не такие полные. Те же фиалковые глаза, но более глубокого оттенка, чем прежде. Тот же выразительный рот, но более жесткий, чем он помнил. Малышка выросла...

Она улыбнулась ему.

— Привет, Билл.

Она была почти одного с ним роста. Серьги сверкали подобно крошечным звездам на самой границе черных как ночь волос, губы были чуть подкрашены, но розы на щеках цвели ее собственные.

— Дунни, не может быть! Неужели это ты?!

— Да, я. Я надеялась, что застану тебя здесь.

— Но как такое возможно? Как *возможно*, чтобы это была ты?

— Помнишь, как исчезают Совершеннейшие Джинны? Перемещаясь туда-сюда во времени. Фактически они путешествуют во времени, как это делали мы, путешествуя на твоем «волшебном ковре».

— И Дахиш перенес тебя в будущее? Но...

— Я и не надеялась снова встретиться с тобой. Забрав у Али Бабы свою Лампу, я спросила Дахиша о том, что меня занимало, и он сознался, что может путешествовать во времени. Я понимала, что если бы ты увидел меня все той же пятнадцатилетней девочкой, это не решило бы моей проблемы, и заставила его перенести меня в ту точку времени, которая на четыре года отстояла от момента, когда ты доставил меня в музей. Иначе ты опять увидел бы меня маленькой девочкой и притворялся бы

перед собой и передо мной, что нисколько не влюблен в меня. Но я не могла отправиться немедленно — нужно было помочь сестре подготовить новые сказки для султана. Я пыталась объяснить ей, и моему отцу, визирю, и самому султану, куда я отправляюсь, но вряд ли они поняли хоть что-нибудь. У отца случился припадок, то же произошло и с матерью, и они изо всех сил пытались меня остановить, но, разумеется, ничего не знали про Лампу. Только Шехеразада знала о ней и, пряча улыбку, сказала, что очень бы хотела, чтобы ее увезли вместо меня. Я рада, что вышло иначе.

— Но...

— Когда владеешь Лампой, Билл, все проблемы исчезают. Появившись здесь в первый раз, я оказалась в стране до того незнакомой, что перепугалась, но у меня под рукой был Дахиш. Он защищал меня и всегда делал так, чтобы у меня были деньги, учил вашему языку и помогал приноровиться к варварским обычаям вашей чудно́й страны.

— Но ведь вы с Али любили друг друга! — наконец выговорил Биллингс. — А если ты и влюбилась в меня, то должна была забыть об этом, когда я сказал тебе, что беден.

— Любовь не измерить в динарах. Между прочим, — весело добавила Дуньязада, — сейчас тебя нищим не назовешь.

— Отчасти потому, что я украл твои камни.

— Я знаю, что ты не крал их, Билл. Тот путешественник во времени, который отвозил меня назад, сказал мне, что тебя выставили с работы.

— Но Али Баба!..

— Да наплевать на него. Он мне нравился, но не более. И только ты, Билл, был единственным с самого начала. Я влюбилась в тебя в ту самую минуту, как взглянула на тебя, поднявшись в воздух на «волшебном ковре», и хотя я была всего лишь ребенком, я поняла, что влюбилась по-настоящему. Считается, что пятнадцатилетние девочки не влюбляются во взрослых мужчин, а взрослые мужчины не влюбляются в пятнадцатилетних девочек... Почему бы тебе не пригласить меня пообедать, Билл?

— Сейчас?

— Разумеется, сейчас. Я проголодалась.

Они начали пробираться сквозь толпу.

— Я все еще не могу поверить, что это ты, — сказал Биллингс.

— Но это так, Билл. Это я. Говорящая по-английски, одетая и воспитанная как современная американская девушка. Но мой Суперджинн уволился, а мне еще нужно столько выучить.

— Почему он уволился?

— От отвращения. — Они выбрались из толпы и теперь подходили к дверям музея. — Он сказал, что не может тратить свое пребывание на Земле, обслуживая единственное человеческое существо, и что вообще устал служить. Он потребовал назад Лампу, а когда я отдала ему ее, бросил ее на пол и растоптал. Хотя, сказать по правде, он не оставил меня на бобах, потому что перед своим окончательным уходом принес мне полную тысячедолларовых купюр корзину размером с бочку.

Биллингс бросил на нее косой взгляд.

— Ну, не с бочку, — поправилась она, — но очень большую.

У самых дверей он задержался, и она остановилась рядом с ним.

— А что заставило тебя поверить, что я влюблен в тебя? — спросил он.

— Я точно не знала до тех пор, пока не заметила, как ты пнул свой «волшебный ковер», когда я вешалась на шею Али, после того как мы спасли его от упырей.

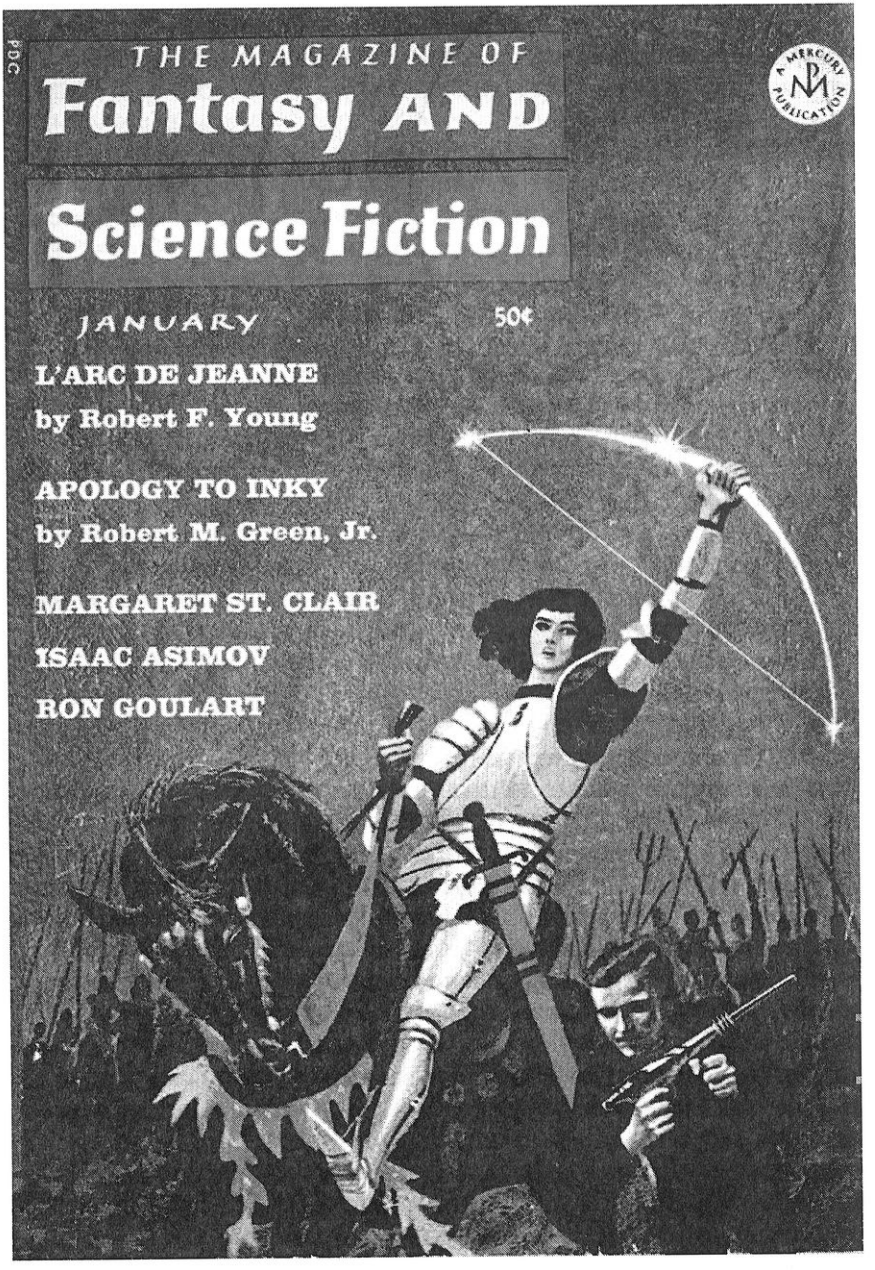
Биллингс улыбнулся.

— Я как бы жертвовал собой.

— Ради меня, да, но не ради себя.

В этот ранний вечерний час движение на улицах было плотным, а в небе проклюнулась первая звезда. Они спустились по ступеням музея и направились к стоянке неподалеку. Там никого не было. И, остановившись рядом со своим автомобилем, он поцеловал ее, а она обхватила его руками за шею и поцеловала в ответ. Свет ближайшего фонаря коснулся ее лица, и Биллингсу, заглянувшему ей в глаза, почудилось, будто весенний ветерок качнул фиалки в лесной чаще, придавая им равномерный голубой оттенок.

— Этот красный кабриолет твой, Билл? — воскликнула она. — Вот это да! — Они забрались внутрь, и он выехал со стоянки, направляясь в один из шикарных ресторанов, где был завсегдатаем... в бытность свою плейбоем... и они жили вместе за пределами счастья много-много дивных и благодатных лет, до тех пор, пока их не посетила завершительница восторгов и разлучительница сердец.

PDC
THE MAGAZINE OF
Fantasy AND
Science Fiction
A MERCURY PUBLICATION
JANUARY
50¢
L'ARC DE JEANNE
by Robert F. Young
APOLOGY TO INKY
by Robert M. Green, Jr.
MARGARET ST. CLAIR
ISAAC ASIMOV
RON GOULART

L'Arc de Jeanne[1]

97-й пехотное подразделение XVI-го десантного полка высадилось на северном берегу *Le Fleuve d'Abondance*[2] и рассредоточилось вдоль подножия аллювиального склона — подступа к Провансу. Как только 97-е укрепится на возвышенности, падение *Fleur du Sud*[3], ключевого города южного полушария *Ciel Bleu*[4], будет делом решенным.

Командующий 97-м, ликуя ввиду успешной высадки десанта, радировал свои координаты на корабль галактического правительства «Посланница», висящий на орбите флагманский корабль, с которого О'Риордан Реорганизатор наблюдал за первой фазой десятой и последней кампании так называемой Второй гражданской войны. О'Риордан чрезвычайно обрадовался новостям и распорядился безотлагательно взять город. Вскоре, раздумывал он, *Ciel Bleu* ляжет к его ногам, как и остальные девять сепаратистских планет-государств, а он достигнет того всемогущества, к которому устремлял свои политические амбиции еще шесть лет тому назад на Земле, когда разрушил ядро религиозно-политической Психофеноменалистской церкви и создал Галактическое правительство.

С автоматами наготове, 97-е двинулось вверх по склону. Похожие на береты голубые шлемы были лихо сдвинуты набекрень; алая полевая форма на утреннем солнце отливала багрянцем крови. Стояла весна, с юга дул свежий ветер. Казалось попросту невозможным, что *Fleur du Sud* сумеет собрать довольно сил для обороны.

Тем не менее, преодолев склон, 97-е обнаружило перед собой армию защитников. Однако это поистине была армия оборванцев, и даже расстояние не могло скрыть то обстоятельство, что состояла она главным образом из стариков, домохозяек и мальчишек. Раньше этим же утром основной контингент XVI-го десантного полка высадился далеко на севере, отманивая войска,

---

[1] Лук Жанны (*фр*).

[2] Река изобилия (*фр.*).

[3] Цветок юга (*фр.*).

[4] Голубое небо (*фр.*).

размещенные близ *Fleur du Sud*, от города. Похоже, исход сражения был предрешен.

97-е предпоясалось и приготовилось к нападению. И тогда потрепанные ряды защитников разделились, и нападающие увидели, что к ним через плоскогорье приближается всадник верхом на великолепном вороном жеребце. Всадник оказался всадницей в сияющих белых доспехах, державшей в левой руке сияющий лук, а в правой — сияющую стрелу. Ее голова была не покрыта, а светло-каштановые волосы развевались за спиной на утреннем ветру. Лицо, белое и смутно различимое на расстоянии, походило на цветок.

97-е остановилось. Подразделение состояло из ветеранов девяти планетных войн, и все же по рядам прошелестел слабый шепот, словно ветер потревожил листву.

В двухстах метрах от начала склона вороной конь остановился. Девушка вложила сияющую стрелу в сияющий лук и натянула тетиву. Тетива запела в мертвой тишине, и стрела пронзила небо. Она воспарила в безупречной голубизне — высоко, потом еще выше, — чтобы наконец замереть в вышине над 97-м. Но на землю она не упала. Вместо этого она превратилась в ярко-синюю молнию. Грянул гром, и небо над склоном стало черным, как смерть. Полил дождь.

Остальная часть неба оставалась ясной, голубой и безоблачной, а солнечный свет ложился на плоскогорье подобно золотой пыли.

Дождь усилился. Он лил как из ведра, потоками. Превратился в стену низвергающейся воды. Офицеры 97-го зычно приказывали своим людям атаковать, однако те уже погрузились в грязь по щиколотку. Край плоскогорья подмыло, и весь склон заскользил вниз.

В отчаянии 97-е попыталось выбраться из оползня, но теперь это была река грязи — мстительный, безжалостный поток, в котором люди могли лишь барахтаться, пока он неотвратимо нес их во вспенившиеся воды другой реки — *le Fleuve d'Abondance*. Офицеры, сержанты, рядовые — все разделили общую бесславную участь; но *le Fleuve d'Abondance*, даже вздувшись, была чем угодно, только не бушующей стремниной, и всем удалось выбраться на безопасный противоположный берег.

Похожие на мокрых крыс, они выстроились в шеренгу на берегу и принялись благодарить судьбу и вести учет сухих сигарет. Командир по рации связался с КГП «Посланница», находящимся

на орбите, и описал постигшую их катастрофу и ее виновницу; затем отступил вместе со своими людьми за ближайший холм, дал команду «разойдись!» и в ожидании инструкций от О'Риордана закурил сырую сигарету.

О'Риордан уже слышал подобные истории. Он тотчас нашел аналогию случившемуся. Именно аналогия вкупе с угрозой метеорологической войны заставили его притормозить. Он знал, что способна сделать современная Орлеанская Дева для сравнительно примитивного населения *Ciel Bleu* — знал, что даже без оружия, воздействующего на погоду, она запросто способна вдохновить их на такое сопротивление, что добиться от них покорности он сможет только бомбардировками, в процессе нанеся ущерб собственности, которую уже считал своей. Поэтому он распорядился забрать и вернуть на висящий на орбите флот не только 97-е, но и остальные части XVI-го десантного полка, а ведение кампании временно передал Смиту-Колгозу, начальнику своей разведслужбы.

Менее чем через неделю Смит-Колгоз приготовил ему донесение — и план.

Раймонд Д'Арси, шифровальщик 2-го класса корабля галактического правительства «Сторожевой пес», еще ни разу не бывал на военном совете. Ни разу он не бывал на борту «Посланницы». Он чувствовал себя неуверенно и немного робел.

«Посланница» представляла собой целый город в небе. В этом городе, помимо команды, обитали сам О'Риордан, его советники, его судьи, его телохранители, его военный министр, его начальник штаба, его тайная полиция, его войска, контролирующие гражданских лиц, его корпус переустройства, его разведка, его личный повар, его любовницы, слуги, маникюрши, парикмахеры и врачи.

Формой и цветом флагманский корабль походил на чудовищный апельсин. Тем не менее оранжевый цвет апельсина не был истинным. Так лишь казалось благодаря отражению звездного света, падающего на специальный сплав, из которого был сделан корпус корабля. Палуб было семь; центральная, самая большая, состояла из нескольких секций, где размещались исполнительный, административный и юридический отделы и относя-

щиеся к ним каюты персонала. Эти секции располагались вокруг просторной открытой зоны, так называемой «зеленой», где росли настоящие деревья и трава, а в ее центре, в свою очередь, располагалась асфальтированная площадь.

Палубы соединялись трапами и лифтами, и на каждом этаже были скоростные движущиеся ленты в коридорах. Кроме того, на каждом этаже имелись шлюпочные отсеки, куда любой мог успеть добраться в случае чрезвычайной ситуации; количество и размер спасательных шлюпок соответствовали размерам палубы. Благодаря встроенным магнитным спиралям на всех палубах постоянно поддерживалась искусственная гравитация, а на палубе № 1 размещался двигательный отсек, куда никогда не входил никто, кроме корабельных механиков.

Зал Военного совета представлял собой часть исполнительного блока и выходил на Зеленую зону. Д'Арси стоял возле одной из открытых оконных створок, задумчиво взирая на деревья, траву и золотистые лужицы искусственного солнечного света. В гидропонных цветниках росли цветы, а спрятанные динамики обеспечивали ностальгический фон мелодичного пения птиц. Он попробовал различить разнообразные трели и щебет, но голоса в комнате позади него значительно осложняли задачу. Вскоре он понял, что один из голосов обращается к нему.

— Д'Арси, идите сюда. — О'Риордан идет.

Д'Арси подошел к длинному столу, за которым собирался совет, и занял место, которое указал ему координатор совета. Перед ним стоял стакан воды, и он отпил небольшой глоток. Но в горле по-прежнему было сухо. Он ощущал себя неуютно из-за ряда важных лиц напротив; его лицо вносило диссонанс в такой ряд лиц на его стороне стола. Стало слышно, как открылась, а затем закрылась дверь. Затем в помещении воцарилась оглушительная тишина.

— Всем встать! — скомандовал координатор совета.

Все повиновались.

Д'Арси не раз видел О'Риордана по телевидению, но никогда лично. Он оказался подвижным невысоким человеком с плоским лицом и блестящими карими глазами. Ему ни за что нельзя было дать его шестьдесят с лишним лет. Румяное лицо почти без морщин, если не считать резких «гусиных лапок» в уголках глаз. Рыжеватые волосы были чуть тронуты сединой. Даже в великолепном синем с золотом парадном мундире высшего командного состава он все же умудрялся выглядеть тем, кем был — бывшим

бедняком, который благодаря крестьянской сметке и решимости стал крупным политическим деятелем.

В сопровождении телохранителей с каменными лицами — один справа, другой слева — он вошел в помещение и уселся во главе стола.

— Всем сесть! — громко приказал координатор совета.

Все сели.

О'Риордан раскурил сигару и осмотрел оба ряда лиц. В его глазах вспыхнула слабая искра, когда они встретились с глазами Д'Арси, и наконец они остановились на угловатом лице главы разведслужбы.

— Отлично, Смит-Колгоз... Давайте послушаем, что вам удалось узнать.

Смит-Колгоз встал.

— По-моему, ваше великолепие, нам лучше услышать это донесение непосредственно от человека, который его готовил, — от Леопольда Макгроски, начальника отдела полевых операций.

Со своего места поднялся дюжий мужчина в штатском. Смит-Колгоз сел.

Макгроски: Ваше великолепие, мы успешно проследили за девушкой, и я поручил трем опытным агентам класса «корабль-земля», высадившимся на планете, расследовать этот случай. Они установили, что ее зовут Жанна-Мари Валькури и что она живет в полном одиночестве в пещере в *Le Bois Féerique*[1]. *Le Bois Féerique* — это значительный лесной массив, расположенный близ буколической деревни под названием Бодлер, которая находится на Прованском плоскогорье примерно в пятидесяти километрах к северу от *Fleur du Sud.* Среди местных жителей девушка известна, как *La Pucelle du Bois Féerique*, или «Дева Волшебного леса», и если бы не решение вашего великолепия временно отложить военные действия, сделав тем самым невозможным ее появление на других полях сражений, это прозвище к настоящему времени стало бы упоминаться по всей планете, и она заняла бы надежное место в умах сельских жителей как героиня движения антиденационализационной психофеноменалистики. Согласно существующему положению дел религиозно-политическое рвение, которое она может пробудить, пока дремлет.

Как и большинство селений на *Ciel Bleu*, Бодлер — деревня глухая, отсталая и упорно поддерживает антипрогрессивный дух

---

[1] Волшебный лес (*фр.*).

французских колонистов, занявших планету триста лет назад. Мать Жанны-Мари умерла при родах, а отец скончался девять лет спустя, и тогда Жанну-Мари определили в небольшой казенный приют для сирот на окраине этой деревни. До двенадцати лет она вела себя как обычный ребенок, а потом невесть почему убежала оттуда и укрылась в *Le Bois Féerique*. В конце концов представители приюта обнаружили ее — она жила в естественной пещере и как будто бы пребывала в здравии; однако, когда ее хотели забрать обратно в приют, она сделала нечто, перепугавшее их настолько, что они бежали из леса и после никогда уже не беспокоили ее. Нам не удалось точно установить, что именно она сделала, но, похоже, даже до сражения при *Fleur du Sur* жители Бодлера считали ее злой колдуньей. После этой битвы они изменили точку зрения и теперь считают ее доброй колдуньей, но все равно весьма неохотно заходят в *Le Bois Féerique*.

Похоже, их отношение вполне оправданно. Целый ряд местных утверждает, что подслушали ее разговоры с деревьями и цветами, а нескольким хватило смелости, чтобы усомниться в ее заявлениях, что она-де разговаривала не с цветами и деревьями, а с «голосами в моей голове». Они...

— С голосами? — перебил О'Риордан.

— Совершенно верно, ваше великолепие. Очевидно, она страдает своего рода аудиовизуальными галлюцинациями, возникающими в основном от острого голодания. Нам известно, что она воспитывалась как строгая психофеноменалистка, и, полагаю, можно смело заключить, что она — фанатичка и иногда постится неделями. При подобных обстоятельствах было бы странно, если бы она *не* слышала голосов и ей не было бы видений.

— Но лук, — сказал О'Риордан. — Где она достала лук?

Макгроски: С прискорбием сообщаю, ваше великолепие, что нам не удалось разузнать. Она носит его собой везде, куда бы ни отправилась, а за плечом у нее всегда колчан, полный стрел. Поскольку оружие, устроившее внезапный ливень в отдельной узкой области, может оказаться способным на что угодно, я проинструктировал наших наземных агентов ни в коем случае не попадаться ей на глаза, за исключением случаев чрезвычайной необходимости, и никоим образом не провоцировать ее. Возможно, если бы в ее отсутствие им удалось войти в пещеру, они смогли бы разузнать побольше, но...

О'Риордан: Но почему же они не вошли? Что их остановило?

Смит-Колгоз (торопливо поднимаясь из-за стола): Я воспретил им это, ваше великолепие. Когда эту девушку обнаружили, я разработал план ее похищения, связанный минимальным риском, и мне не хотелось спугнуть ее. Кроме того, для успешного осуществления нашего плана, мне необходимо как можно больше знать о личности этой девушки, поэтому я приказал агентам сосредоточиться на деревенских жителях, знакомых с ней ее до ее побега из сиротского приюта, и дотошно расспросить о ее привязанностях и антипатиях, о ее привычках и отношении к жизни. Вы же *хотите* похитить ее, не так ли, ваше великолепие?

О'Риордан: Разумеется.

Смит-Колгоз: Отлично. Итак, ваше великолепие, вот что мною сделано на текущий момент. Сперва я ввел в компьютер «Посланницы» данные, добытые агентами, вместе со следующей командой: «Описать тип мужчин, которые наиболее симпатичны женщинам данного типа — физически, эмоционально и интеллектуально». Затем я сопоставил полученное компьютерное описание с досье всех мужчин флотилии — задача не масштабная, смею уверить, ваше великолепие, но себя оправдавшая. Естественно, руководствуясь только данными, я не смог бы сузить возможность выбора до одного человека — параметры людей не настолько математически точны. Однако опираясь на другие свойства и качества мне удалось точно определить того, кто весьма вероятно преуспеет, осуществляя похищение. По моему мнению, у него лучшие шансы внушить этой девушке расположение, затем любовь, а затем — доверие. И как только он добьется этого, ему будет легче легкого завладеть ее луком и даже, возможно, уговорить ее добровольно сопровождать его на «Посланницу». Если он не сумеет уговорить ее пойти с ним добровольно, то всегда сможет применить силу.

Смит-Колгоз умолк. Это навело Д'Арси на мысль о щенке, который только что принес палочку, брошенную его хозяином, и ждет, что его погладят за удаль. Однако О'Риордан и бровью не повел.

— Ну так кто этот неотразимый самец? — холодно осведомился он, буравя Д'Арси взглядом с явным презрением.

— Д'Арси, встаньте, — сказал Смит-Колгоз.

Д'Арси нерешительно поднялся с места.

— Раймонд Д'Арси, ваше великолепие. Шифровальщик второго класса с КГП «Сторожевой пес», — продолжал Смит-Колгоз. — Он не только обладает уже упомянутыми мною необхо-

димыми качествами, но еще и потомок иммигрантов с *Ciel Bleu* и в совершенстве владеет всеми идиомами этого языка. Если мы снабдим его достоверной «легендой», предоставим необходимые указания, как обнаружить пещеру, и ночью высадим его в *Le Bois Féerique*, то я уверен, что в течение двух недель он сумеет доставить Жанну-Мари Валькури с ее луком и стрелами в наши руки.

О'Риордан покачал головой.

— О нет, Смит-Колгоз, — произнес он. — Девушку — да, но без оружия. Оружие забирать не нужно. Потому что, видите ли, Смит-Колгоз, все это может быть устроено с единственной целью одурачить нас, а когда мы заберем лук и стрелы на «Посланницу», их приведут в действие и смогут, например, обездвижить нас или превратить в кучку безмозглых марионеток. Не сомневаюсь, что вы слышали о троянском коне, Смит-Колгоз, и, разумеется, не стоит напоминать вам, что «Посланница» — не Троя, и ее «падение» будет означать конец галактического правительства по той простой причине, что мы и есть галактическое правительство.

Угловатое лицо Смита-Колгоза побагровело.

— Эта... эта аналогия, увы, не пришла мне в голову, ваше великолепие, — неловко произнес он и добавил: — Но что же тогда делать с луком и стрелами, сэр?

— Закопать где-нибудь, где их не найдут. После сдачи *Ciel Bleu* их выкопают и подвергнут анализу.

За все это время О'Риордан так и не оторвал взгляда от лица Д'Арси. Теперь он сказал:

— Вам не приходило в голову, Смит-Колгоз, что вы посылаете мальчика выполнить задание, более подходящее для зрелого мужчины?

Смит-Колгоз вкрадчиво улыбнулся.

— Должен признаться, ваше великолепие, что поначалу это заставило меня задуматься. Но потом я осознал, что это будет задача не для мужчины, а для юноши, и что на самом деле я столкнулся с новым прочтением старого как мир любовного сюжета. Юноша знакомится с девушкой; юноша спит с девушкой; юноша забирает девушку с собой.

У Д'Арси был черный пояс по карате. Он мог поднять и перебросить через себя вес, вдвое превышающий его собственный. Он мог десять раз подряд подтянуться и на левой, и на правой руке. Трижды его награждали Полосатой Спиралью за храбрость при выполнении служебного долга. Ребра его ладоней были тверды, рубящие удары он проводил мощно, словно бил шестна-

дцатифунтовой кувалдой. Он почувствовал, что его лицо постепенно заливает жаркий румянец, но промолчал.

Наконец О'Риордан сказал:

— Малыш, как по-твоему, ты сможешь доставить ее сюда?

Д'Арси кивнул. Он не рискнул выразить это словами, поскольку не доверял своему голосу.

Взгляд О'Риордана прошелся по двум рядам лиц.

— *Я* считаю, нужно задействовать этот план. Есть несогласные?

Все замотали головами — со смехотворной слаженностью. Затем послышался хор лизоблюдов:

— Нет, сэр!

О'Риордан хмыкнул и поднялся.

— Всем встать! — крикнул координатор совета. Все встали.

Смиту-Колгозу О'Риордан сказал:

— Пусть заберется в этот лес до следующего рассвета. — И тотчас повернулся к Д'Арси: — Даю тебе десять дней. Если ты к тому времени не радируешь, чтобы за тобой прилетели, я пойду и все сделаю сам. — Он снова повернулся к столу. — Посмотрим, что там у нее за голоса, — пробормотал он. — Хочет стать Жанной д'Арк — что ж, это мы ей устроим!

И тяжелыми шагами вышел из помещения.

Впервые Жанна-Мари Валькури услышала голоса в двенадцать лет.

Голосов было два; некоторое время спустя они поведали ей, кто они. Мягкий и ласковый голос принадлежал святой Рахили Огненной; а властный — Иосифу Благотворителю Милостивому, покровителю раздающих милостыню. Иосиф Благотворитель был основателем Психофеноменалистской церкви и почил в возрасте ста двадцати лет. Рахиль Огненная стала первой психофеноменалистской святой. Скончалась она семьдесят шесть лет назад.

Поначалу голоса были бесплотными, однако вскоре приобрели лица. Поскольку Жанна никогда не видела изображений ни Рахили, ни Иосифа, то вовсе не удивительно, что ни одно из лиц не имело ни малейшего сходства с оригиналом. Жанна-Мари «увидела» лицо Рахили округлым и ласковым, с добрыми голубыми глазами и улыбчивыми губами. Лицо Иосифа увиделось ей молодым и красивым — и мальчишески удалым. У него были вьющиеся черные волосы и волнующие темные глаза. Кожа была

смугловатая, но очень-очень чистая. Порой Жанне-Мари было трудно сказать, какое из лиц ей нравится больше.

«Ступай в *Le Bois Féerique*, — «сказал» Иосиф, когда они познакомились получше, — а мы с Рахилью подыщем для тебя пещеру, где ты будешь жить, и поможем превратить ее в небольшой домик, а потом покажем, как делать разные удивительные вещи».

Жанна-Мари не стала медлить. Ей не нравилось жить в сиротском приюте. Никогда не нравилось. Ей очень не хватало отца, и, постоянно думая о нем, она не могла сосредоточиться на уроках. Поэтому она ушла в лес, а Иосиф с Рахилью отыскали для нее пещеру и показали ей, как своими руками, но посредством мысли, превратить ее в обычный небольшой домик. Они называли этот процесс «психомагнетизмом», однако она считала его «воздействием мысли». Это была способность, которую внутрицерковные иерархи развили незадолго до того, как О'Риордан Реорганизатор подавил мощь Психофеноменалистской церкви и зверски расправился с ней с помощью лучевых ружей, как пояснила Рахиль Огненная. О'Риордан, услыхав об этом процессе, с издевкой сказал, что не верит, будто хоть *кто-то* способен создавать материальные объекты одной лишь силой интеллекта, не говоря уж о полутвердых объектах, способных воздействовать на человеческие чувства; тем не менее, добавила Рахиль, Жанна-Мари должна пообещать, что никому и никогда не расскажет о том, что *она* наделена этой способностью.

Показав, как силой мысли сделать из пещеры дом, они научили ее, как силой мысли создать обстановку: стулья, столы, шкафы, ковры, шторы, лампы, телевизор, секретер, саморегулирующуюся кухонную плиту, печку-камин для гостиной, стиральную машину с сушилкой для подсобки — а, самое главное, как силой мысли создавать себе еду. О, это был самый чудесный опыт в ее жизни! Как будто ее пальцы становились разумными, а руки превращались в крошечные фабрики, производящие все что угодно. Рахиль сказала, что дело вовсе не в этом, что работает энергия, которую они с Иосифом передают ей. Эта психическая энергия, пояснила Рахиль, вытягивает из земли и воздуха необходимые элементы, соединяет их и превращает в то, что хотелось бы создать Жанне-Мари.

Когда представители приюта отправились в *Le Bois Féerique* и попытались вернуть Жанну-Мари обратно, Рахиль с Иосифом помогли ей сотворить клубы дыма самых устрашающих форм,

какие только можно вообразить. Они появились внезапно, ниоткуда, при этом из ее пальцев выстреливали искры, а уши изрыгали огонь. Представители настолько перепугались, что улепетывали во весь дух — Жанна-Мари отродясь не видела, чтобы кто-нибудь удирал так быстро. После этого люди оставили ее в покое и стали называть колдуньей. Ей было совершенно все равно, а если она действительно была колдуньей, это ее только радовало. Ведь она впервые в жизни так веселилась.

Когда ей исполнилось пятнадцать, Рахиль с Иосифом научили ее делать лук и стрелы. Лук оказался невообразимо красивым. Он походил на сноп солнечных лучей, который кто-то согнул и натянул на него тетиву, свитую из утреннего тумана. Стрелы были едва ли менее красивы и еще более удивительны. Серебристые и такие тонкие, что пришлось бы долго вглядываться, чтобы их увидеть. Она обязательно должна брать с собой этот лук, куда бы ни отправилась, сказал Иосиф, и стрелы тоже. Она изготовила маленький колчан из дневного света, тьмы, песка, пыли, надежд, снов, дерева, металла и еще дюжины разных вещей и постоянно носила его, перекинув через плечо, снимая только на ночь; тогда она неизменно подвешивала его на стойку кровати у головы, рядом с золотистым луком.

Когда ей исполнилось шестнадцать, Рахиль с Иосифом усадили ее трудиться над еще более удивительной штукой — куклой. Жанна-Мари была очарована; ведь прежде она ни разу не видела кукол, и ей больше всего на свете хотелось, чтоб у нее была кукла. День за днем кукла создавалась — неспешно, очень медленно, ибо это была чрезвычайно сложная работа. Жанна-Мари понятия не имела ни о том, до чего трудно изготовить куклу, хоть бы и такую большую, ни о том, сколько в нее входит разнообразных частей, великое множество. Перечень элементов — а девочка понимала назначение лишь некоторых из них — рождал головокружение. И какая же получилась кукла! Ни у одной девочки никогда не было куклы, которая могла бы даже отдаленно сравниться с этой! Ее полнейшая уникальность, вероятно, и стала причиной того, что Рахиль Огненная приказала Жанне увеличить пещеру и устроить чуть в стороне особое тайное место. Жанна-Мари сделала лучше: она устроила обычную комнату, обставила ее кроватью, двумя стульями, туалетным столиком, комодом и застелила пол маленьким ковриком. К тому времени, как это проект завершили, ей исполнилось семнадцать и потребность в куклах она переросла.

Ее следующим изделием стали доспехи, относительно простые по сравнению с куклой. Иосиф «сказал», что назначение доспехов двоякое: защищать ее от повреждений и оказывать на врага психологическое воздействие. Она изготовила их из звездной пыли, металла и сотен других вещей, а когда закончила, попробовала в них облачиться. Они были яркими как солнце и невесомыми как облако.

«Итак, — в один голос «сказали» Иосиф с Рахилью, — время пришло, ступай в селение Бодлер и возьми с собой один из золотистых гребешков, которые создала для своих волос, и обменяй его на самого красивого вороного коня, какого сможешь отыскать. И Жанна-Мари сделала это и назвала коня в честь св. Германа О'Шонесси, второго психофеноменалистского святого. Затем силой мысли создала для коня стойло чуть дальше по холму, где находился еще один вход в пещеру, и ежедневно, кроме дождливых дней, верхом каталась по лесу.

«Итак, — «сказал» однажды Иосиф Благотворитель, — *время настало*»; и Жанна-Мари, отлично понимая, что он подразумевал, облачилась в доспехи, села на Св. Германа О'Шонесси, гордо проскакала по Прованскому плоскогорью и въехала в город *Fleur du Sud*. В лучах зари она скакала по улицам и громко кричала:

— Следуйте за мною, и я приведу вас к победе над войсками О'Риордана, которые угрожают с юга. Идите и помогите мне спасти Психофеноменалистскую церковь от сил тьмы!

И Св. Герман О'Шонесси гарцевал и плясал, а люди выходили на улицы и приветствовали ее, а когда она направилась к *Fleuve d'Abondance*, они сформировали довольно потрепанный авангард; а когда пробил час, она выехала вперед и выпустила в небо сияющую стрелу — хлынул жуткий ливень и смыл неприятеля. А Жанна-Мари возвратилась в свою пещеру в *Le Bois Féerique*, дожидаться там следующего Призыва.

Общеизвестно, что весенний лес красив, однако этот лес оказался невероятно прекрасен. Одетый в крестьянское платье жителей *Ciel Bleu* Д'Арси, все еще дрожа от предрассветной сырости, радовался. Покинув поляну, где его перед самым рассветом высадил пилот шаттла «корабль-земля», он углубился в чередование приятной тени и столбов теплого солнечного света. Одни деревья походили на отцов, другие — на матерей, а третьи — на маленьких детей. Все жили одной большой счастливой семьей,

их зеленые руки переплетались, соприкасаясь зелеными пальцами. Утренняя роса на зеленом ковре казалась бриллиантами, в ветвях пели настоящие птицы.

Он шел все прямо, пока не добрался до ручья; там он повернул направо и пошел вверх по течению. Ручей тек с холмов, и именно в холмах на этот небольшой поток выходила пещера Жанны-Мари. Трое агентов класса «корабль-земля», проводившие здесь разведку, коротко проинструктировали Д'Арси перед отправкой и рассказали ему все, что следовало знать.

То есть о местности.

Нет, они, конечно, также рассказали ему и о Жанне-Мари Валькури, однако он подозревал, что еще многого о ней ему не сказали, поскольку просто не сумели разузнать. Она любит гулять, сказали они, бегать и играть. Ей нравилось, оседлав коня, скакать по лесу. Совсем юной она читала запоем. Ее оценки в приютской школе были примерно как у всех, хотя, вероятно, могли бы быть выше, если бы она проявила интерес к занятиям. Ей нравилось носить яркие одежды, и еще она любила щетки и гребешки и вечно расчесывала волосы. Она была очень религиозна и все то время, что проводила в сиротском приюте, читала свои мистические молитвы утром, в полдень и ночью.

Д'Арси никак не мог понять, почему все это должно было сделать ее психически, эмоционально и интеллектуально восприимчивой по отношению к нему, однако ему ли спорить с компьютером «Посланницы»?

Этот вопрос медленно ускользнул от его внимания, не в силах состязаться с дивными картинами, открывавшимися вокруг. Вдоль берега ручья росли цветы нежных оттенков, эфемерно обрисовывая поступь игривого утреннего ветерка. Ручей, напевая, бежал по белым как мел камешкам, а там и сям мелькали блестящие чешуйки рыбок, проносящихся в прозрачной воде. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, рассыпали по земле золотые блики, подобные россыпи пиратских сокровищ.

Он прошел уже километр. Пройдя еще с полкилометра, он услышал грохот копыт. Тот быстро нарастал, гремело повсюду — на просеках, под сенью ветвей и на тенистых тропинках. Вскоре ручей вырвался на большую поляну, и Д'Арси вышел на солнце. В тот же миг на противоположной стороне поляны появились конь с всадницей.

Он остановился, даже не пытаясь спрятаться. Конь оказался вороным, а всадница — девушкой в синей юбке и красной блузе

в белую полоску. Золотой лук висел на ее правом плече, пучок стрел выглядывал поверх левого. Она была босая, с непокрытой головой, а светло-каштановые волосы, убранные назад с лица, удерживала красная лента. При виде ее лица он сразу подумал о цветке, только что раскрывшем на солнце лепестки.

Она подъехала прямо к нему и произнесла:

— *Bonjour, monsieur* [1].

— *Bonjour, mademoiselle*[2], — ответил он. — Должно быть, вы — *La Pucelle du Bois Féerique*[3].

Она улыбнулась, и в ее глазах заплясали крохотные искорки. Глаза были карие, того оттенка, что и волосы, а на левой щеке — симпатичная ямочка. Она только-только начинала утрачивать спелую полноту юности и вот-вот должна была стать женщиной.

— Меня зовут Жанна-Мари, — представилась она, — и я — колдунья.

— Да, я слышал, — отозвался он.

— И вам не страшно?

Он усмехнулся.

— Зачем же мне бояться доброй колдуньи? Могу понять, почему нужно бояться злой колдуньи — да. Она способна превратить меня в тритона или жабу; но добрая колдунья может превратить меня только во что-нибудь лучше того, что я есть на самом деле, и я стану лучше хуже.

Жанна-Мари рассмеялась. Потом притихла, а внимательное выражение ее лица говорило о том, что она прислушивается, хотя к чему прислушивается, он не мог себе представить. Наконец она сказала:

— Голосам ты нравишься. Я рада, поскольку мне ты тоже нравишься.

— «Голосам»? — переспросил он.

— Иосифа Благотворителя и Рахили Огненной, — пояснила она. Затем соскочила с вороного и легко приземлилась босыми ступнями на траву. — А это — Св. Герман О'Шонесси. По-моему, ему ты тоже нравишься.

Св. Герман О'Шонесси заржал. Д'Арси погладил его черную гриву.

— Приятно знать, что у тебя столько друзей, — промолвил он.

---

[1] Здравствуйте, мсье (*фр.*).

[2] Здравствуйте, мадемуазель (*фр.*).

[3] Дева Волшебного леса (*фр.*).

Вспомнив слова Макгроски о галлюцинациях, вызываемых недоеданием, он хорошенько присмотрелся к лицу девушки. Подобно ее телу, оно свидетельствовало о хорошем и здоровом питании этой женщины, которая если и постилась, то по меньшей мере месяц назад. Голосам требовалось найти иное объяснение.

Однако не это было задачей Д'Арси. Ему вменялось в обязанность похитить Жанну-Мари, а не вызнавать, чем она живет и что дает ей силы.

— Меня зовут Раймонд Д'Арси, и я заблудился, — продолжал он, каким-то образом умудрившись сделать так, что вторая часть фразы прозвучала не менее правдиво, чем первая. — Но даже если бы я не заблудился, большой разницы не было бы — потому что я все равно никуда не могу пойти. Прошлой ночью, когда я ждал воздушный дилижанс до Мольера, меня оглушили и ограбили, а очнувшись, я обнаружил, что лежу на поляне в этом лесу.

Это придумал Смит-Колгоз, который настаивал на том, что подобный штамп вызовет у крестьянской девушки вроде Жанны-Мари меньшую охоту расспрашивать, чем оригинальная ложь. Судя по всему, он не ошибся — она даже не попробовала потрогать шишку на голове у Д'Арси, которую «организовал» ему пилот, доставивший его в лес. С другой стороны, похоже, ее чрезмерно заинтересовало лицо Д'Арси. Она буквально не сводила с него глаз. Откуда же ему было знать, что его лицо удивительно похоже на лицо Иосифа Благотворителя — во всяком случае так казалось Жанне-Мари, — а также что в эту самую минуту Рахиль Огненная говорит: «Безусловно, он кажется приятным молодым человеком, дитя, — отчего бы тебе не помочь ему?»

Жанне-Мари не потребовалось повторять это.

— Пойдемте, Раймонд, — сказала она, — я приготовлю вам что-нибудь поесть у себя дома. Тут совсем недалеко.

Она двинулась вдоль ручья, ведя на поводке Св. Германа О'Шонесси. Д'Арси шел рядом.

— У меня очень красивый дом, подожди, вот увидишь, — промолвила она. — Кое-кто назвал бы его пещерой, однако они удивились бы, оказавшись в нем. Конечно, — добавила она. — Я еще ни разу никого туда не приглашала.

Он воспользовался тем преимуществом, что они идут совсем рядом, и внимательно осмотрел лук. За исключением того, что тот был из какого-то странного сплава, который Д'Арси не сумел определить, и от попыток всматриваться в который рябило в глазах, Ничего узнать ему не удалось. Внимательное изучение стрел

дало ему и того меньше. Виднелись только зазубрины у концов древка да серебристые хохолки на них, и у него почему-то сложилось впечатление, что он и того не видел.

Ему хотелось расспросить ее о необычном оружии, но он решил отложить это на потом.

Уже некоторое время земля по сторонам ручья, за вычетом заросших цветами террас вдоль границы воды, поднималась. Вскоре появились заросшие деревьями гряды холмов, чьи склоны становились все более обрывистыми. Когда наконец девушка, Д'Арси и Св. Герман О'Шонесси оказались напротив пещеры, Д'Арси даже не понял, что она здесь есть. Деревья к этому времени уступили место зарослям, похожим на виноградные лозы, и только когда Жанна-Мари раздвинула этот природный занавес, он увидел отверстие. Она раздвинула другой занавес, и Д'Арси увидел пещеру-стойло для Св. Германа О'Шонесси. Пол был устлан сеном, и он заметил ясли, из которых ел и пил конь. Тут даже был свет, позволяющий видеть, испускаемый бессменной встроенной в стену лампой с розовым абажуром.

Она оставила Германа на террасе пастись — он такой домосед, объяснила она, что она даже не привязывает его, только ночью — и проводила Д'Арси в свой дом-пещеру. Увидев, что внутри, он изумился. Четыре комнаты и маленькая кладовая — по крайней мере, он решил, что это дверь в кладовую, хотя та больше походила на стенной шкаф — и каждая комната была полностью меблирована. Стены и потолки были сделаны из тщательно обструганного и отшлифованного естественного дерева; плиточные полы устланы ковриками. Освещение было самоподдерживающимся, у каждого электрического устройства — собственный самообеспечивающийся двигатель. Вода поступала в дом из ручья по трубам, нагнетаемая сжатым воздухом.

Жанна-Мари усадила его за кухонный стол и поджарила яичницу с беконом. Яйца она достала из маленького холодильника, смахивающего на сундук с приданым, а когда бекон зашипел на сковороде, сварила кофе. Когда Д'Арси поел, она выпила с ним за компанию чашечку, а когда он спросил ее, как такой девушке удалось превратить обычную пещеру в дом, больше подходящий для принцессы, с улыбкой ответила:

— Не могу рассказать — это секрет. — И добавила, удивляясь: — Вам бы не хотелось жить здесь со мною?

Он постарался не вылупить глаза, но это ему не вполне удалось. Да нет же, подумалось ему, она не может быть *такой* наив-

ной. Ему казалось чуть ли не бесстыдством воспользоваться этим преимуществом.

— А что думают по этому поводу голоса? — осведомился он.

— О, они полностью за! Я могу устроить вам спальное место на софе. Она достаточно велика, и я уверена, что вам будет на ней удобно. К тому же мне думается... Сошью-ка я вам пижаму, брюки и несколько рубашек. Хотите еще чашечку кофе?

— Спасибо, — еле слышно ответил Д'Арси.

Жить с Жанной-Мари в *Le Bois Féerique*, вскоре обнаружил он, было все равно, что вновь стать немного ребенком, и жить — взаправду жить — в одном из выдуманных миров, изобретенных умом девяти или десятилетнего дитяти.

Жанна-Мари задолго до его прихода напридумывала разнообразных игр для своего развлечения и теперь внесла в правила необходимые изменения, чтобы можно было играть вдвоем. Втроем, если считать Св. Германа О'Шонесси, ибо он был незаменим в большей их части. Помимо игр, они устаивали пикники на идиллических полянах и подолгу лениво, бесцельно гуляли по лесистым холмам. Утро неизменно начиналось в семь, и склоны холмов столь же неизменно бывали покрыты перламутровой росой; и по крайней мере в небесном раю Жанны-Мари все было благополучно и мирно.

Вечера они проводили сидя у нижнего края завесы из лиан, закрывающей вход в дом-пещеру, рассматривали звезды и время от времени высказывались по поводу разных событий минувшего дня. Среди звезд, на которые они смотрели, одни были планетами — у *Ciel Bleu* было одиннадцать сестер, а некоторые — кораблями флотилии О'Риордана. Эти очень просто было отличить от прочих не только по их заметному перемещению, но по строгому следованию экваториальным маршрутом. Они походили на бриллианты, редко нанизанные на невидимую нить. Флагманский корабль походил на подвеску и отличался от остальных бриллиантов размерами и оранжевым оттенком. Порой он напоминал Д'Арси луну и в некотором смысле был ею — искусственной луной с человеком, возжелавшим завоевать космос.

Жанна-Мари то и дело поглядывала на флагманский корабль — с той минуты, как он восходил на северо-востоке, до его захода на северо-западе. Однако когда Д'Арси отметил ее инте-

рес к кораблю, она сказала, что ее не интересует ничто и никто, кроме Иосифа и Рахили.

— Я их глаза и уши, — пояснила она. — Поэтому всякий раз, как их что-нибудь заинтересует, я даю им смотреть или слушать сколько душе угодно.

Он пристально посмотрел ей в глаза, выискивая признаки обмана, но не увидел ничего, кроме крошечных звезд — звезд не менее прекрасных, чем те, что плыли высоко-высоко над ними. Его сильно смутило, что это он вызвал их к жизни. Да, она уже влюбилась в него, Жанна-Мари. Компьютер оказался прав. Однако по иронии судьбы сам он чувствовал к ней лишь братскую привязанность. Он решил, что так даже лучше — будет гораздо проще сделать то, что он должен сделать.

Куда бы она ни шла, лук и колчан со стрелами всегда были при ней. Однажды он спросил, почему она никогда не расстается с ними, и подчеркнул, что она ни разу не пыталась убить ничего из мелкой дичи, которая водилась в этих местах, а она ответила, что это Иосиф с Рахилью приказали ей всегда держать их при себе, ведь у них множество магических свойств, причем каждое из них способно защитить ее от вреда.

На Д'Арси снизошло внезапное озарение.

— Так это Иосиф с Рахилью помогли тебе сделать лук и стрелы? — осведомился он.

Она неохотно кивнула.

— Да.

Он ни на секунду не поверил ей, но вполне допускал, что сама она верит в то, что говорит.

— А дом в пещере и мебель?

Еще один неохотный кивок.

Он усмехнулся.

— Что случится, если я дотронусь до лука? — спросил он. — Превращусь в кузнечика?

— Конечно, нет, — рассмеялась она. — Но если я выпущу в тебя стрелу, неизвестно, что с тобой станет. Не то чтобы, — поспешно добавила она, — мне приходило в голову что-то подобное.

Однажды днем, прогуливаясь по лесу, они разделились, и Д'Арси никак не мог отыскать ее. Посчитав, что, вероятно, она возвратилась в пещеру, он двинулся в ту сторону. Однако, хотя он шел очень быстро, он не догнал ее. К тому времени, как он добрался до пещеры, он был почти уверен, что с девушкой что-то произошло.

Он вошел внутрь и позвал ее по имени. Ответа не последовало. Может быть, она спряталась от него? Она частенько проделывала подобные вещи; прятки действительно были одной из их забав. Он заглянул под софу. Прошел на кухню и заглянул за плиту. Внимательно обыскал кладовку. В конце концов он вошел в спальню и заглянул под кровать Жанны-Мари. Там не оказалось ничего, кроме пары туфель, которые она очень не любила надевать.

Выпрямившись, он обнаружил, что пристально смотрит на дверь ее шкафа. Он щелкнул пальцами. Он готов был поспорить на любые деньги, что она прячется там, внутри, затаилась, вероятно, среди разноцветных платьев, блузок и юбок. С усмешкой он схватился за ручку дверцы, намереваясь быстро повернуть ее и распахнуть шкаф. Но ручка отказывалась поворачиваться. Внимательно приглядевшись, он увидел, что на ней установлен замок, открывающийся по отпечатку пальца, и этот замок заперт.

Хмурясь, он покинул комнату. Ни одна из прочих дверей Жанны-Мари не была снабжена таким замком — почему, в таком случае, она сделала это единственное исключение? Потому что хранит в кладовке свои доспехи и не хочет, чтобы он их увидел? Тут ему вспомнилось, что она никогда не упоминала о своей роли в Битве при *Fleur de Sud*. Возможно, стыдясь того, что сделала.

Ему это казалось сомнительным, а значит, ему предстояло искать ответ еще где-нибудь. Затем, выбравшись из пещеры, он увидел выходящую из леса Жанну-Мари и при виде ее, целой и невредимой, испытал такое облегчение, что начисто забыл об этом происшествии.

В другой раз, гуляя по лесу — на этот раз один, — он забрел в глубокий мрачный грот, где обнаружил два скелета. Они лежали бок о бок под гранитным выступом, вытянувшись, и один из них, судя по тонким изящным костям, принадлежал женщине. Еще он увидел несколько истлевших клочков одежды, а рядом с мужчиной лежал небольшой латунный диск. Д'Арси поднял его. Диск был сильно испорчен, но соскоблив карманным ножом ярь-медянку, он узнал в нем идентификационную бирку психофеноменалистов. Если верить ей, этого человека звали Александр Кейн. Это имя звякнуло колокольчиком в памяти Д'Арси, но он не сумел припомнить, когда и при каких обстоятельствах оно ему попадалось.

Он понял лишь, что есть какое-то несоответствие. На *Ciel Bleu*, как на всех национальных планетах, обитатели носили име-

на, строго укладывающиеся в культурные традиции, а «Александр Кейн» был именем явно не французским.

Прежде чем покинуть грот, Д'Арси спрятал диск в карман, а когда возвратился в пещеру, увидел Жанну-Мари и рассказал ей о скелетах.

— Я их видела, — отозвалась она. — Они там уже много лет. Но я никогда не подхожу к ним близко.

— Боишься?

Она покачала головой.

— Я... Нет, не думаю. Но Рахиль с Иосифом недвусмысленно запретили мне ходить в ту часть леса, пока мне это настоятельно не потребуется.

«Почему?» — подивился Д'Арси. Но не спросил об этом вслух. С одной стороны, он сильно сомневался, что Жанна-Мари знает ответ, с другой же — он все еще отказывался принимать эти голоса всерьез и не хотел показать, что верит в них, если станет их обсуждать. В любом случае это были проблемы Смита-Колгоза, не его. А не Смита-Колгоза, так О'Риордана.

Но загадка не давала ему покоя, особенно этот новый ее аспект. Почему бы, гадал он снова и снова, этим двум голосам, звучащим в голове Жанны-Мари (если допустить их существование), бояться двух безвредных кучек костей?

Ночью, когда он спал на софе, его разбудил низкий голос. Это оказался голос О'Риордана, а его источником — или по крайней мере видимым источником — был миниатюрный радиопередатчик, спрятанный в наручных часах Д'Арси.

— До ухода осталось два дня, Д'Арси. Просто подумал, что надо напомнить.

Д'Арси не верил своим ушам, и не только потому, что О'Риордан соизволил с ним связаться по рации лично, а потому что потерял счет времени. С одной стороны, ему казалось, что он провел в *Le Bois Féerique* считанные дни; с другой, ему казалось, что он живет там всю жизнь.

— Ты меня слышишь, Д'Арси? — требовательно вопросил О'Риордан.

— Да... да... сэр.

— Что ж, отрадно слышать, — произнес человек с луны. — Все идет согласно расписанию?

— Да, сэр.

— Хорошо. Тогда жду связи в течение последующих сорока восьми часов. Если не свяжешься со мной, я сам выйду на связь. И помни: прежде чем уйти, закопай этот лук и стрелы. Глубоко! Там, где их никто не найдет.

Человек с луны завершил передачу.

Больше в ту ночь Д'Арси не спал. На рассвете он все еще боролся со своей совестью, однако он отлично умел с собой справляться. В каком-то смысле он сделает Жанне-Мари одолжение, похитив ее. Молодой девушке не пристало жить в лесу, идиллическом или нет. Прелестная или нет, пещера — неподходящее жилище для юной женщины. Советники О'Риордана, шесть подхалимов, одетых в длинные черные мантии, делающие их похожими на медведей, когда О'Риордан приказывал им: «Плясать!» — плясали, но согласно правилам, принятым на Деймосской конференции, с Жанной-Мари нельзя было поступать как с военной преступницей, и хотя О'Риордан наверняка потребует привлечь ее за что-нибудь к суду, приговор ей вынесут не слишком суровый. А когда *Ciel Bleu* завоюют, — то есть примерно через месяц — ее передадут соответствующему департаменту при новом правительстве, который перевоспитает ее, переобучит и подыщет ей подходящее место в новом обществе.

Днем он радировал на «Посланницу»: передал координаты пещеры и условился, что его заберут за два часа до того, как рассвет коснется *Le Bois Féerique*. Они с Жанной-Мари провели время, гуляя по лесу, поочередно ездя верхом на Св. Германе О'Шонесси или прогуливаясь бок о бок, а Св. Герман шел сзади. Она упаковала еду для пикника, и они перекусили в горной долине в нескольких километрах от пещеры. С самого начала дивившийся, как и где она раздобывает еду, Д'Арси наконец решился спросить об этом без обиняков. Он ожидал, что она улыбнется и скажет, что это — секрет, и в точности так она и поступила.

Если бы не два соображения, он бы присягнул, что она владеет психомагнетизмом. Но, как и О'Риордан, он считал психомагнетизм попросту мифом, который иерархия психофеноменалистов придумала, чтобы запугивать врагов Церкви; и, даже если бы он верил, что это не просто миф, он по-прежнему не счел бы Жанну-Мари способной к чему-то подобному, ибо первым необходимым условием психомагнетизма был гениальный уровень IQ, а вторым — наличие «парасинтетического разума» с таким же уровнем IQ, с которым можно было бы достичь и поддерживать «идеальные дружеские отношения».

Когда они вернулись в пещеру, начинало смеркаться. Отправив Св. Германа О'Шонесси спать, они сели на склоне холма и стали смотреть, как появляются звезды. «Луна» встала над горизонтом четко по расписанию. Во время следующего прохода лунный луч должен был соскользнуть по темному, жуткому склону пространства и унести Д'Арси с Жанной-Мари прочь.

Д'Арси старался не думать об этом — только чтобы обнаружить, что это не в его силах. Ночью, перед тем как лечь в кровать, он установил мысленный будильник на два часа пополуночи. Поднявшись, он оделся в темноте, затем прокрался в комнату, где, забывшись сном, лежала Жанна-Мари в бледном сиянии ночника, висящего над ее кроватью. Он проворно снял лук и колчан со стрелами со столбика кровати. Когда он это сделал, она пошевелилась и повернулась на бок, лицом к нему. Он остановился, напрягшись, не осмеливаясь шелохнуться, ожидая, что она вот-вот откроет глаза. Однако она не размыкала век и вскоре тихо вздохнула, словно все еще глубоко спала. Почувствовав облегчение, он на цыпочках вышел из комнаты, прошел через гостиную и вышел в ночь.

Он закопал лук и стрелы в гроте, где лежали скелеты, разумно полагая, что никто и никогда сюда не явится. К тому времени, как он вернулся в пещеру, «Посланница» снова поднималась над горизонтом. Он сел перед завесой из лиан, дожидаясь прибытия лунного луча.

Вскоре луч появился. Он походил на падающую звезду. Он падал и падал вниз, плывя в сторону *Le Bois Féerique*, двигаясь по полученным координатам. Наконец он приземлился у ручья на террасе, усыпанной цветами.

Открылась прозрачная гондола, и из нее вылез пилот. Обнаружив Д'Арси, он подошел к нему и спросил, нужна ли помощь.

— Нет, — ответил Д'Арси, встал, прошел в конюшню к Св. Герману О'Шонесси и отвязал его. — Прощай, приятель, — произнес он, похлопывая животное по крупу. — Мы с Жанной-Мари уезжаем и, боюсь, больше не вернемся.

Выйдя из конюшни, он вошел в дом-пещеру. Едва он вошел в спальню, ему показалось, что он слышит приглушенное рыдание, но, наверное, это ему почудилось, ибо Жанна-Мари, судя по всему, крепко спала. Он нежно потряс ее за плечо, изумляясь прохладной гладкости кожи.

— Вставай и одевайся, Жанна-Мари, — произнес он, когда она открыла глаза.

— Что-нибудь случилось, Раймонд? — спросила она. И спохватилась: — Где же мой лук? А стрелы?

— Ты не должна задавать вопросов, Жанна-Мари. Надо довериться мне и делать, как я говорю. Ты же доверяешь мне, правда?

Ее лицо казалось непроницаемым в тусклом сиянии ночника.

— Да, Раймонд, я полностью тебе доверяю.

Ненавидя себя, он ждал, пока она оденется; затем вывел ее из пещеры. Только увидев корабль, она поняла, в чем дело, но он крепко держал ее за руку, и когда она попыталась высвободиться, у нее ничего не получилось. Он силой отвел ее в челнок и сел рядом.

— Прости меня, Жанна-Мари, — промолвил он. — Надеюсь, когда-нибудь ты *сможешь* меня простить.

Она не смотрела на него и не проронила ни слова. Пилот уселся за панель управления, закрыл гондолу, и маленькое судно взмыло над *Le Bois Féerique* и снова превратилось в лунный луч.

СЛУШАЙТЕ ВСЕ / СЛУШАЙТЕ ВСЕ / СЛУШАЙТЕ ВСЕ!!!!

КГП «ПОСЛАННИЦА»:
10 9/МЕСЯЦ, 2353

ТЕМА: СУД НАД ЖАННОЙ-МАРИ ВАЛЬКУРИ, ОБВИНЯЕМОЙ В ПРИЗЫВАНИИ СИЛ ПРИРОДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИХ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА НЕЗАКОННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ ПРИ ВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ, И ПРИГОВОР.

УСТАНОВЛЕНО, ЧТО: 1) СИЛЫ ПРИРОДЫ, БУДЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА, ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ, И ПОДОБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ПРОТИВОРЕЧАТ ЗАКОНАМ, УТВЕРЖДЕННЫМ ДЕЙМОССКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ; 2) ТАКОЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСКУПЛЕНО ПОСРЕДСТВОМ ПРОЦЕДУРЫ ОБЫЧНОГО НАКАЗАНИЯ; 3) ЖАННА-МАРИ ВАЛЬКУРИ СОВЕРШИЛА ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНО И НЕСЕТ ЗА НЕГО ПОЛНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; И 4) ГОЛОСА, КОТОРЫЕ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ЖАННЫ-МАРИ ВАЛЬКУРИ ОНА СЛЫШИТ, АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ИМИТАЦИЯ, АНАЛОГИЧНАЯ ОПИСАННОЙ ФРЭНСИСОМ ГАЛЬТОНОМ ПРИМЕРНО В 1883 ГОДУ ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА, И НЕ ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЯ К ЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЮ.

ПРИГОВОР: ЖАННУ-МАРИ ВАЛЬКУРИ ВВИДУ ЕЕ УПОРНОГО ОТКАЗА ОТКРЫТЬ СУДУ ИСТИННУЮ ПРИРОДУ ОРУЖИЯ, ПРИМЕНЕННОЕ ЕЮ ПРОТИВ 97-ГО ПЕХОТНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ XVII ДЕСАНТНОГО ПОЛКА, И НАЗВАТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ЛЮДЕЙ, СОЗДАВШИХ ЕГО, НАДЛЕЖИТ В 9:45 УТРА 11/9 2353 ГОДА ПРЕПРОВОДИТЬ С БРИГА «ПОСЛАННИЦА» В ЗЕЛЕНУЮ ЗОНУ, ГДЕ ПРИВЯЗАТЬ К ДЕРЕВЯННОМУ СТОЛБУ, ЗАБЛАГОВРЕМЕННО УСТАНОВЛЕННОМУ НА ПЛОЩАДИ, И СЖЕЧЬ ЗАЖИВО ПЕРЕД ШЕРЕНГОЙ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЬНЫХ ПЕРЕДАТЧИКОВ, КОТОРЫЕ ДОНЕСУТ ЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ И КРИКИ ДО КАЖДОЙ ГОСТИНОЙ НА CIEL BLUE.

ПРИСУТСТВИЕ ВСЕГО ПЕРСОНАЛА, НАХОДЯЩЕГОСЯ НЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Д'Арси пришел в ужас. Четыре часа прошло с тех пор, как он передал Жанну-Мари Смиту-Колгозу, и он провел их, блуждая по Зеленой зоне в ожидании кого-нибудь, кто вспомнил бы о его присутствии и договорился о его возвращении на «Сторожевого пса». Когда на экране телетайпа площади появилось невероятное заявление, он уселся под ближайшим деревом, думая о *Le Bois Féerique*.

Его первым порывом было ворваться в усиленно охраняемые комнаты О'Риордана и убить того голыми руками. Он страшно ошибся в своей оценке жестокости Реорганизатора и его изобретательности и забыл, что законы войны, как и законы, можно подогнать под любые обстоятельства и добиться того, чего хочет манипулятор. Жанна-Мари дала О'Риордану идеальную возможность поставить жителей *Ciel Bleu* на колени, и он твердо намеревался сжечь ее у столба, откроет она ему тайну лука и стрел или нет.

Но Д'Арси не стал действовать под влиянием порыва. Сделай он так, в результате погиб бы не О'Риордан, а он сам, и Жанне-Мари не стало бы от этого лучше. Единственным логичным путем действий было сосредоточить все силы на ее спасении, и именно к этому он приступил.

Он уже находился в нужном месте. Все, что от него требовалось, это спрятаться и потом улучить момент. День и ночь на «Посланнице» строго различались, и каждый вечер в 18:00 искусственный солнечный свет, заливавший Зеленую зону в течение дня, автоматически тускнел до бледного свечения, похожего на звездный свет, и каждый вечер в одно и то же время записан-

ное на пленку пение птиц, создающее звуковой фон в дневные часы, автоматически уступало место записанным на пленку зудению и стрекотанию насекомых. Он дождался этой метаморфозы, нашел уединенную беседку и устроился там на ночь, молясь, чтобы по крайней мере еще шестнадцать часов на «Посланнице» не вспомнили о его существовании.

Он не пытался заснуть, а сидел в каменной тишине, недоумевая, почему ему понадобилось так много времени, чтобы понять, каков на самом деле О'Риордан. Недальновидность Д'Арси была непростительной, ведь он прочел множество исторических трудов, а в истории встречалось полным-полно О'Риорданов. Некоторые из них ходили в оленьих шкурах, некоторые — в туниках, другие — в восточных одеяниях, третьи — в форме, а кое-кто носил костюмы от братьев Брукс, но все эти люди возводили на пьедестал только власть, а безжалостность, с какой они стремились на этот пьедестал, можно было сравнить только с безжалостностью, проявляемой ими, чтобы удержаться на пьедестале власти.

Ближе к «рассвету» Д'Арси выбрал стратегически расположенное дерево, забрался в его крону и укрылся в листве на ветви, выгибавшейся над дорожкой, по которой через три часа сорок пять минут поведут Жанну-Мари. Он планировал вырвать у них девушку, ринуться к ближайшему шлюпочному отсеку, захватить одну из спасательных шлюпок, рвануть к поверхности *Ciel Bleu* и высадиться в *Le Bois Féerique*. Там он выкопает лук и стрелы и использует их для защиты Жанны-Мари. Как минимум амбициозный план, но другого шанса не было.

В 7:00 утра появились корабельные плотники и начали устанавливать на площади деревянный шест. Они обложили его вязанками синтетических прутьев, которые будут гореть в десять раз сильнее обычного дерева. Когда плотники ушли, явились техники с радиотелевидения и установили свое передающее оборудование. Наконец пришла группа материально-технического обеспечения, врезала прямо над столбом воздушный клапан, уходящий в «небо», установила мощную вытяжку и протянула двухсотфутовую вентиляционную трубу к ближайшему выпускному клапану. Теперь все было готово для аутодафе.

Примерно в 9:00 утра Зеленая зона стала заполняться советниками О'Риордана, его юристами и телохранителями; прибыли его военный министр, его начальники штабов, его тайная полиция, его сотрудники, занимающиеся контролем за гражданскими лицами, его сотрудники Реорганизации, его агенты разведки, его

персональные повара, его любовницы, слуги, маникюрши, парикмахеры, доктора и члены экипажа «Посланницы», находящиеся в данное время не при исполнении. Над этим сборищем должен был витать ужас. Ничего подобного. Звучал смех и царила неуместная веселость, сальные шутки и хамские тычки локтем в бок. Мужчины из реорганизационных войск щипали женщин из группы контроля за населением; парикмахер украдкой целовал за плакучей ивою маникюршу; медик-гомосексуалист о чем-то мило беседовал с геем-начальником отдела кадров. Агент разведки разделывался с бутылкой скотча. Блаженны лизоблюды и «стукачи», подумалось Д'Арси, ибо наследуют космос.

Он был голоден и устал, а руки и ноги сводило от длительного сидения на ветке. Однако он едва чувствовал все это. Он знал только ненависть и отвращение.

Чуть позже 9:00 явился сам О'Риордан с телохранителями, шедшими с боков от него. Двое охранников принесли обитое парчой кресло, после чего группа прошла через толпу к краю площади. Охранники поставили кресло на землю, и О'Риордан уселся. Он был в белоснежном мундире с эполетами цвета крови и курил длинную сигару.

Руки Д'Арси автоматически расправились и превратись в смертельное оружие. Он заставил их расслабиться, заставил себя остаться на дереве. Его единственной, последней в жизни миссией было спасти Жанну-Мари, а вовсе не убить О'Риордана.

Над лужайкой воцарилась полная тишина, и, посмотрев вдоль дорожки, он увидел, как она приближается. Ее светло-каштановые волосы в беспорядке падали на миловидное личико, яркое крестьянское платье было живой вспышкой цвета на фоне зелени. Как всегда, она была босиком. Ее сопровождали три дюжих тюремщика, вооруженных ружьями-шокерами. Д'Арси подобрался и, когда эти четверо оказались прямо под ним, прыгнул.

Приземлившись на плечи тюремщику, замыкавшему шествие, он нанес ему мощный удар ребром ладони по шее. Потом набросился на второго и, не успел парень обернуться, сокрушительным ударом ног в затылок поверг его наземь.

К этому времени третий тюремщик уже вытаскивал свое оружие. Д'Арси ребром ладони треснул его по руке, сломав кость, и оружие выпало. Свободной рукой Д'Арси схватил Жанну-Мари за запястье.

— Идем! — крикнул он. — Бежим, быстро!

К его изумлению, она отступила.

— Почему ты еще здесь? — выдохнула она. — Почему ты не вернулся на свой корабль?

Он смутно удивился — откуда ей известно, что он не с этого корабля? Однако разбираться с этой загадкой он не стал.

— Неважно! — крикнул он. — Пойдем!

— Нет... нет... ты не понимаешь!

Взъярившись, он подхватил ее и перекинул через плечо. Она оказалась на диво тяжелой для такой хрупкой девушки, но ему мешал не столько ее вес, сколько попытки высвободиться.

— Ради бога, Жанна-Мари, — вскричал он. — Ты *хочешь*, чтобы тебя сожгли?

— Да, да! — Она резко бросила сопротивляться и обмякла. — Но ты не понимаешь, а я не смогу объяснить тебе за столь короткое время! О, это безнадежно!

Он уже бежал. Позади, слева и справа от него кричали и вопили люди. Тайная полиция выскочила на дорожку, чтобы преградить им путь, но он выстрелил в них из парализующего ружья, не дав им возможности применить свое оружие. Деревья поредели, и он выбежал на эспланаду, окаймлявшую административный сектор. Свернув направо, он, тяжело топая, устремился к освещенному красным светом входу в коридор, ведущий к шлюпочному отсеку. Пробежав в него, он со своей ношей быстро очутился в пункте своего назначения. В отсеке он закрыл тяжелые двери запасного выхода и заблокировал их. Наконец они с Жанной-Мари очутились в безопасности.

В отсеке стояло восемнадцать спасательных шлюпок. Они стояли бок о бок на автоматическом пусковом столе, первая — наготове перед самоотпирающимися замками. Он уложил Жанну-Мари в кабину, затем забрался туда сам и закрыл гондолу. Он наклонился вперед, осматривая панель управления. Краем глаза Д'Арси увидел опускающийся гаечный ключ. Где она его раздобыла, он не знал. Вероятно, нашла на сиденье. Еще до того, как попробовал увернуться, он осознал, что уже поздно, и не ошибся. В его глазах вспыхнули звезды, почти такие же яркие, как те, что горели в ночи, а затем он погрузился во тьму, черную, как космос.

Д'Арси вырубили, и потому, когда через объективную секунду он снова пришел в себя, то догадался, что объективно оставался без чувств куда дольше.

Он бегло осмотрелся и укрепился в своем мнении.

Лодка, точно крошечное украшение, висела на огромной рождественской елке космоса. Позади — в доброй сотне километров, — висело более крупное украшение: «Посланница», а позади флагманского корабля он увидел самый большой — и самый красивый — шар: *Ciel Bleu.*

Трудно было понять, что произошло. После того, как Жанна-Мари треснула его гаечным ключом, она запрограммировала курс, выбралась из шлюпки и отправила ее в космос.

Зачем? И как простая крестьянская девушка умудрилась проделать такую сложнейшую операцию?

У него жутко болела голова, а мысли то и дело спотыкались одна о другую; тем не менее он нашел ответ на первый вопрос. Жанне-Мари хотелось убрать его с дороги, чтобы она могла позволить себя снова поймать... и сжечь.

Теперь ему предстояло иметь дело еще с одним «зачем» — весьма значительным и жутким.

Как все спасательные шлюпки, та, на которой его выбросили, была оборудована телерадиоприемником. Тот уже был настроен на канал «Посланницы»; Д'Арси оставалось лишь активировать экран. Трясущимися пальцами он сделал это.

Он отпрянул. Огонь уже горел.

Он лихорадочно остановил удалявшуюся спасательную шлюпку и развернул летательный аппарат, сознавая при этом, что действует, руководствуясь слепым инстинктом, и что никакая земная помощь Жанне-Мари уже не нужна.

Внезапно изображение с экрана пропало. Д'Арси стал настраивать приемник — не потому что хотел и дальше смотреть на ужасную картину, а потому что ему отчего-то казалось — это его долг. Однако экран отказывался повиноваться и не показывал ничего, кроме помех.

Вскоре он осознал, что света слишком много. Он заливал всю кабину, но его источник находился не в ней. Подняв глаза, он всмотрелся через полупрозрачную гондолу... И быстро отвел взгляд.

Там, где раньше находилась «Посланница», рождалась новая звезда.

Потрясенный, он изменил курс шлюпки. Шок прояснил его сознание, и, когда это прошло, он обнаружил у себя небывалую ясность мысли. Он вспомнил два скелета в *Le Bois Féerique* и связал их с голосами, звучавшими в голове Жанны-Мари. Затем, чтобы провести дедукцию, предположил не только что психофеноменалистские иерархи в действительности развили психомаг-

нетизм, но что они пользовались им как ступенькой для перехода к какой-то иной интеллектуальной вехе: к способности сгущать сознание и волю в интеллект и добиваться своего рода трансцендентальной экзистенции, или бытия, и отделять бытие от плоти.

Было общеизвестно, что, когда О'Риордан уничтожил земную Психофеноменалистскую церковь, он применил лучевые ружья, чтобы убить ее иерархов. Также было общеизвестно, несколько иерархов, получив губительные ожоги, умудрились сбежать на окраинные планеты дореформенной империи, где Психофеноменалистская церковь удерживала надежный, пусть и примитивный, плацдарм. О'Риордан не стал преследовать их по той простой причине, что фактически они были уже мертвы.

И вот, зайдя так далеко, Д'Арси теперь с легкостью вспомнил, кто такой Александр Кейн — или, скорее, кем он был. Он был одним из сбежавших иерархов, а вместе с ним бежала его жена Присцилла Кейн.

Теперь можно было сложить цельную картину того, что произошло. Прибыв на *Ciel Bleu*, Александр с Присциллой поняли, что жить им остается несколько дней и поэтому единственный способ помешать О'Риордану и вызвать его окончательное поражение можно только посредством своих сущностей. Это означало, что им придется найти хозяина, поскольку их сущности могли перемещаться в пространстве только на ограниченное расстояние и даже при способности к телепатии не в состоянии были успешно действовать без глаз и ушей. То ли Александр, то ли Присцилла вспомнили легенду о Жанне д'Арк, и так родился их план. Жанна-Мари представляла собой идеальный организм-хозяин, и после превращения в сущности Александр с Присциллой покинули свои тела, гнившие в *Le Bois Féerique*, и нашли пристанище в ее сознании. Прикинувшись ее защитниками, они приступили к осуществлению своего плана. Лук и стрелы, которыми они снабдили Жанну-Мари, стали приманкой, чтобы отвлечь внимание О'Риордана от истинного Троянского Коня — Жанны-Мари; и когда на борту «Посланницы», Александр с Присциллой дождались нужного психологического момента, превратили свои сущности в чистую энергию и отправили «Посланницу», себя и Жанну-Мари в лучший мир.

Д'Арси согнулся и положил голову на панель управления. В таком положении он оставался долго. Время от времени все его тело сотрясала дрожь. Когда наконец реакция закончилась, он выпрямился и задал с помощью карты координаты *Le Bois Féerique*. И вывел двигатель в режим «Полный ход».

* * *

Зачем Д'Арси вернулся в *Le Bois Féerique?*

Кто знает? Возможно, его все еще интересовали луки и стрелы, и он немного сомневался, что именно «Иосиф Благотворитель» и «святая Рахиль Огненная» вызвали ливень и смыли 97-е пехотное подразделение в *Le Fleuve d'Abondance.* Возможно, ему хотелось зайти в дом-пещеру Жанны-Мари и привести в порядок ее вещи?

В любом случае ему лучше было вернуться на *Ciel Bleu*, ведь в считанные минуты после уничтожения «Посланницы» остатки деморализованного флота отбыли от Земли.

Сначала он выкопал лук и стрелы. Затем, оставив шлюпку на поляне, где приземлился, он прошел по лесу к дому-пещере. Перед тем как войти, он увидел конюшню Св. Германа О'Шонесси. Там было пусто.

Дом-пещера тоже стоял пустой. Он ожидал этого, и все же у него что-то сжалось в груди, когда он проходил по причудливым маленьким комнаткам.

Он тихо вошел в спальню. Посмотрел на пустую постель.

— Прости меня, Жанна-Мари, — прошептал он.

Внезапно он заметил, что дверца, которую он тщетно пытался открыть неделю назад, не заперта. Однако оказалось, что это не шкаф. Проход в другую комнату.

Изумленный, он прошел в дверной проем. Комната почти точно повторяла ту, откуда он только что вышел. Там стояли кровать, туалетный столик, комод с ящичками; на полу лежал коврик... Неужели у Жанны-Мари была сестра-двойняшка?

Нет, не *сестра*-двойняшка...

Уже зная правду, Д'Арси вышел из дома-пещеры на утренний свет и увидел девушку верхом на коне, появившуюся из леса на противоположном берегу ручья. Когда она увидела его, ее лицо засветилось, точно маленькое солнце; она послала вороного жеребца форсировать поток и соскользнула с его спины в тот же миг, когда Д'Арси подошел к берегу. Св. Герман О'Шонесси приветственно заржал, а Жанна-Мари воскликнула:

— Раймонд, ты вернулся! Пре... прежде чем Иосиф с Рахилью ушли с тобой, они сказали, что, наверное, ты вернешься, но я боялась, что, может быть, нет, и... о... о, Раймонд, как я рада видеть тебя снова!

Голос Д'Арси звучал не так твердо, как ему хотелось бы.

— Значит, ты не сердишься на меня за то... за то...

— За то, что ты украл мою куклу? Конечно нет! Иосиф с Рахилью сказали, что все это — часть замысла; вот почему ты уложил меня той ночью спать, а сам спрятался в соседней комнате. Я тогда не знала, что такое на самом деле эта кукла или что они задумали. Они... они вернутся, как ты думаешь?

Д'Арси покачал головой.

— Нет, Жанна-Мари.

В уголках ее глаз задрожали слезы, а одна покатилась по щеке.

— Как жаль! Они были очень добры.

— Да, — произнес Д'Арси, — и очень смелые.

Смелые, да — но не настолько всесильные, как ему показалось. Бомбой оказалась кукла, в которую они вдохнули жизнь, а не они сами. Они просто послужили детонатором.

— Прежде чем уйти из моих мыслей, — сказала Жанна-Мари, — они настояли, чтобы я кое-что пообещала. — Она выбрала из колчана стрелу и вложила ее в правую руку Д'Арси. — Мне сказали, что, если ты вернешься, я должна заставить тебя выпустить эту стрелу в воздух. И еще сказали, что это тоже часть плана... только они сказали не «плана»... они сказали «замысла».

— Отлично, — сказал Д'Арси. — Я так и сделаю.

И он выпустил стрелу. Она взлетала все выше и выше... а потом развернулась и полетела обратно, прямо на них. Он отпрыгнул в сторону, но лишь внес необходимую поправку, чтобы стрела попала точно в предопределенную цель. Когда стрела попала ему в грудь и пронзила сердце, он не почувствовал ничего. Даже не смог схватиться за нее.

Лук внезапно растворился и исчез. То же самое случилось и со стрелой, пронзившей его сердце. То же самое произошло и с остальными стрелами.

Когда в следующий миг он посмотрел на Жанну-Мари, то вместо юной девушки увидел красивую женщину — ту самую, кого искал всю свою жизнь, но так и не сумел найти. Он еще не понял, что случилось, а она уже оказалась в его объятиях, и он целовал ее.

«Иосиф Благотворитель» и «Святая Рахиль Огненная» верили в счастливые концы.

Святая Джулия и висги

Висги были завоевателями, но не обладали ни одной из обычно приписываемых завоевателям черт — ни жестокостью, ни мстительностью, ни алчностью. Они не грабили, не мародерствовали и никого не эксплуатировали. В их словаре даже не было слова «насилие». Они были завоевателями, ибо завоевание представлялось им смыслом жизни с точки зрения веры.

Висги завоевали Землю в последние годы двадцатого столетия, и оккупационные власти почти сразу заняли все руководящие должности. Первым делом они издали традиционное для висги воззвание — которое, в сущности, устанавливало, что с этого момента планета находится под властью висги, а жители вышеуказанной планеты незамедлительно должны разработать проект ландшафтного редизайна планеты с целью изменения всех особенностей рельефа, принципиально отличающихся от особенностей рельефа планеты Висге. Согласно убеждениям висги, их планета была Моделью, Первообразцом, а желание Первоуправителя заключалось в том, чтобы переделать все остальные планеты в космосе по образу и подобию этой Модели. Вот для чего он создал висги, и вот почему технологии висги шли рука об руку с религией.

К счастью, Висге не очень отличалась от Земли. На ней были моря и материки, реки, равнины, озера, горы и возвышенности. У нее были северный и южный полюса и линия перехода дат. На одном из ее северных континентов был полуостров, весьма похожий на Флориду. По сути, между Висге и Землей было только одно принципиальное различие.

На Висге не было деревьев.

Джулию разбудил металлический визг множества пил и громкие крики людей. Выглянув из окна спальни, она увидела в зеленой листве огромного клена движение одетых в джинсовку тел, а вниз медленно сыпались опилки, похожие на желтые снежинки. Она быстро оделась и сбежала по лестнице. На заднем крыльце стояла мама с очень странным лицом.

В деревне у подножия холма, где жили Джулия с мамой, клены, дубы и вязы гибли, как храбрые солдаты, одну за другой ро-

няя на землю ветви в утреннем солнечном свете. Однако Джулия смотрела только на своего «солдата».

На одном из нижних сучьев все еще висели ее качели. Высоко от его головой от дерева отходила ветвь с особенным изгибом, чьи заросшие листвой тоненькие веточки ободряюще поглаживали оконное стекло комнаты девочки ветреными ночами, когда ей не спалось, а прямо под ней росла ветвь, «предназначенная» для зарянок, которые каждую весну улетали на север.

— Мама, — спросила девочка, — что они делают с моим деревом?

Мама взяла ее за руку.

— Ты должна быть мужественной, детка.

— Но, мамочка, они же делают дереву больно!

— Тихо, милая. Они просто выполняют свою работу.

Со свистом рассекая воздух, упала первая ветка. Утренний ветер развеивал желтые опилки. Джулия вскрикнула и вырвала руку из рук матери. Она увидела здоровенного мужчину в бриджах и высоких башмаках; стоя в ярде от нее, он смотрел вверх на других мужчин и кричал, чтобы те поторапливались. Джулия подбежала к нему с воплем.

— Оставьте мое дерево в покое! — кричала она. — Оставьте! — И забарабанила маленькими, сжатыми в кулачки руками по его ремню.

Он схватил ее за запястья и отпихнул. У него было серое лицо, под блекло-голубыми глазами — темные грязные пятна.

— Черт подери! — заорал он поверх головы Джулии. — Разве у нас и без того недостаточно тяжелая работа? Уберите ее отсюда! Да уберите же!

Джулия почувствовала на плечах ласковые руки мамы.

— Извините, — сказала мама. — Она не хотела вам мешать. Видите ли, она не понимает.

— Чего это — не понимает? — заорал здоровяк. — Она же ходит в школу, а? Висги во всех школах планеты читают ликвидации деревьев. Теперь дети должны *ненавидеть* деревья.

— Но она не ходит в школу. Понимаете, она не вполне...

Мама умолкла. Здоровяк внимательно посмотрел на Джулию. С его глазами случилось нечто очень странное. Зимнюю стужу в его взгляде сменило летнее тепло. Взгляд стал ласковым, глубоким и затуманенным. Он снова посмотрел на маму.

— Простите, — извинился он. — Я не знал.

— Разумеется, не знали, — сказала мама. — Все в порядке.

— Ненавижу рубить деревья. Вы понимаете, да?

— Понимаю, — ответила мама. Она крепче сжала руку дочери. — Пойдем, Джулия, вернемся домой.

Здоровяк порылся в карманах бриджей. Потом протянул Джулии четвертак.

— Вот, возьми, — произнес он. — Ты будешь храброй девочкой, не так ли?

Джулия не обратила на четвертак никакого внимания. Снизу вверх она посмотрела здоровяку прямо в глаза.

— Пожалуйста, не обижайте мое дерево.

Здоровяк беспомощно замер.

— Пойдем, Джулия, — повторила мама. — Нельзя мешать этим людям работать.

Джулия с явной неохотой пошла вместе с ней к дому.

— Сейчас мы войдем и позавтракаем, — говорила мама. — Съедим яичницу-болтунью, такую, как ты любишь.

— Нет!

— Да, Джулия.

Джулия заплакала, но мама заставила ее вернуться в дом и сесть за кухонный столик. Свист падающих ветвей и стук их падения на землю то и дело проникали в открытое окно кухни. Металлическим голосом пели пилы. Мама взболтала яйца и поджарила тост. Затем налила Джулии стакан молока. Джулия прислушивалась к звуку пил. Вот опять зазвенела пила — другая, громко, визгливо.

Внезапно кто-то крикнул: «Берегись!», и сразу после этого раздался тяжелый удар, от которого екало сердце. Джулия хотела подбежать к окну, но мама обхватила ее обеими руками и очень крепко прижала к себе.

— Ничего, дорогая, — приговаривала мама. — Ничего. Не плачь, детка, не плачь.

Однако Джулия плакала и плакала.

Ночью ей снилось дерево. Снилось таким, каким бывало зимой, — темное и одинокое, а его ветки казались нарисованными углем на мрачных металлических небесах. Оно снилось ей таким, каким бывало весной, когда новые почки окутывали его ветви бледно-зеленой дымкой. Но больше всего оно ей снилось таким, каким становилось летом — зеленое облако над головой, когда она сидела на качелях, прекрасное облако, в

котором вздыхал ветер, а вокруг — небо, голубое, как яйцо малиновки.

Маленькая девочка и облако кроны вольно плыли над вершиной холма.

На следующий день вернулись люди, изменяющие местность. Джулию разбудило пыхтение гигантского подъемного крана. Выглянув в окно, она увидела, как огромная когтистая лапа крана вцепилась в оставшийся от дерева пень и стальные тросы натянулись. Пень с треском вырвался из почвы, все вокруг осыпало землей. Он выскочил из земли, как гнилой зуб, отчаянно размахивая корнями. Кран резко развернулся и сбросил его в поджидающий мусоровоз, и мусоровоз с ревом покатил с холма в долину. Другой грузовик задним ходом подъехал к зияющей на месте пня темной глубокой ране и вывалил туда красноватую почву Висге; затем запыхтел бульдозер, ярд за ярдом выравнивая землю, подобно механическому динозавру.

Джулия медленно одевалась. Мама была на кухне, сидела за белым столиком, глядя себе на руки. Когда Джулия вошла, мама подняла глаза.

— Доброе утро, милая, — сказала она. — Ты хорошо спала?

— А они посадят новое дерево? — спросила Джулия.

— Нет, Джулия. Они посадят траву. Такую траву, какая растет на Висге.

— Но почему, мамочка?

Мама снова посмотрела себе на руки.

— Потому что они должны, дорогая. Потому что они такие... Хочешь болтунью?

— Я не голодна, — ответила Джулия.

Бульдозер работал все утро. К полудню земля, где некогда росло дерево, стала ровной, а после перерыва на обед люди, занимающиеся местностью, достали из грузовика-пикапа длинные грабли и стали разравнивать ими почву Висге. (Почву Висге насыпали только на вершинах холмов, где опасность эрозии была максимально высокой.) Они разравнивали граблями почву до тех пор, пока в ней не осталось комочков, а потом посадили траву с Висге. Они сажали ее так, как велели висги: таким толстым слоем, чтобы длинные корни образовали густые сплетения и защитили почву от воздействия дождя и ветра. Они закончили работать уже под вечер, влезли в грузовик и поехали с холма в деревню.

Вечером Джулия сидела на ступеньках крыльца, уставясь на голый дворик. Она сосредоточилась на том месте, где росло ее дерево, мысленно вспоминая его и рисуя взглядом. Она сидела там очень долго после заката, наблюдая, как тени крадутся вверх по холму. Рядом с ней в кресле-качалке сидела мама. Вокруг в сгущающейся темноте запели сверчки, а с болот на краю долины донесся нестройный хор лягушек. В темных пятнах кустов на границах заднего дворика замерцали светлячки. Наконец мама произнесла:

— Пора в кроватку, Джулия.

— Хорошо, мама.

— Не хочешь выпить стакан молока?

— Нет, мама.

— Ты, должно быть, очень голодна. Ты едва притронулась к ужину.

— Нет, мама, я вовсе не голодная...

В доме царили тишь и ночная сырость. Джулия очень тихо лежала в постели, притворяясь, что спит. Она лежала так долго, пока мама не задышала ровно и глубоко, а тогда встала и на цыпочках спустилась по лестнице. Осторожно открыла дверь, медленно вышла на крыльцо и спустилась с него. В небе стояла полная луна, и теперь голый дворик казался серебряным.

Джулия не думала, что они заметили маленькое деревце. Она не сомневалась, что она — единственный человек в мире, кто знает о нем. Она достала из своего ведерка для песка крошечную детскую лопатку и зашла за стену дома. Деревце никуда не делось. Оно росло совсем рядом с фундаментом, прижимаясь к бетону, будто чего-то боялось. Оно было толщиной с мизинец Джулии, фут в высоту и с один листочком.

Джулия бережно выкопала его и отнесла за дом, к тому месту, где прежде росло большое дерево. Она старательно посадила его и ладошкой охлопала почву вокруг его тонюсенького ствола, чтобы саженец встал прямо в лунном свете.

— Ну вот, — промолвила девочка, закончив, — теперь дворик выглядит намного лучше.

И на цыпочках вернулась в постель.

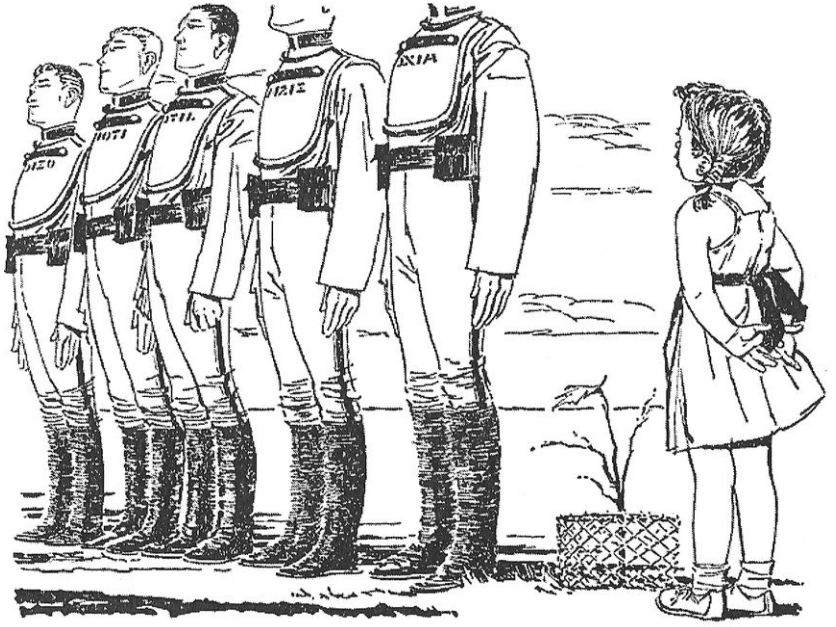

На другой день рано утром местный наместник, пыхтя и отдуваясь, поднялся на холм. Джулия уже была на ногах и поливала новое деревце из любимой красной лейки. Мама еще спала.

Висги не доверяли землянам. Они не доверяли никому. В обязанность каждому наместнику вменялось следить, чтобы жители вверенной ему зоны жили согласно букве эдикта висги, а эти зоны были достаточно небольшими, чтобы каждый наместник мог лично проверять работу землян своей бригады ландшафтников.

Наместник был типичным представителем своей расы и ментально, и физически. Плоское лицо с плоскими серыми глазами, плоские уши, почти вплотную прижатые к вискам. На голове — кепи с плоским верхом. Увидев деревце, он остановился, как вкопанный, словно его плоские ступни приросли к месту.

Он ненавидел деревья. Он ненавидел все растения, не произраставшие на Висге. Таков такой у него выработался религиозный условный рефлекс. В начале Первоуправитель создал Висге; потом Он создал остальной космос. Он намеревался все планеты сделать как Висге, однако в бурные дни Творения безалаберно творил их как придется по старым образцам. Поэтому, как только создание космоса завершилось, Он сотворил висги и дал им *Слово*, дабы они понесли его на кораблях дальше и наставили на путь истинный прочие планеты.

Разумеется, если бы Ему было угодно, чтобы на планетах росли деревья, Он посадил бы некоторое их количество и на Висге.

Наместник возмущенно прошагал по вновь засеянной почве и зловеще навис над крошечным деревцем. Потянулся к нему большой рукой. Кончики его пальцев почти коснулись тоненького ствола, и тут его внезапно поразила — как это впоследствии было отражено в священной книге висги — Мысль. Затем его поразило еще кое-что. Лейка Джулии отлетела от его плеча и окатила его водой.

— А ну оставьте в покое мое дерево! — крикнула девочка.

Наместник едва ли заметил и лейку, и воду. Он встал на карачки, приблизил лицо к земле и стал пристально изучать почву. Но его глаза лишь подтвердили то, о чем он уже и так знал: когда на вершинах холмов выкорчевывали крупные деревья, сверху всегда насыпали почву Висге.

Он медленно поднялся. Его плоские серые глаза обрели третье измерение.

— Ты посадила? — спросил он, показывая на деревце.

— Да, — ответила Джулия, — и не смейте его ломать!

Наместник уставился на нее. Мысль запускала свои щупальца все глубже в его мозг висги. Он вдруг развернулся и побежал с холма в деревню. Джулия еще ни разу не видела, чтобы висги бегали, и

с нескрываемым интересом наблюдала за ним. Она все еще смотрела, когда мама окликнула ее из окна наверху и поинтересовалась, в чем дело. К этому времени наместник достиг подножия холма и теперь спешил по деревенской улице к своей штаб-квартире.

Вопрос выходил за пределы компетенции простого наместник, поэтому, добравшись до штаба, он первым делом связался с губернатором-висги и объяснил тому характер своего озарения. Сначала мрачное и грозное лицо губернатора, напоминавшее глыбу осадочной породы, отразило скепсис, но в конце концов губернатор согласился немедленно рассмотреть этот вопрос и велел наместнику подготовиться к его официальному визиту.

Наместник безотлагательно известил обо всем начальника охраны, а тот в свою очередь собрал церемонный отряд в алых мундирах. Незадолго до полудня отряд с наместником во главе воинственно промаршировал на холм. К этому времени наместника начинали обуревать сомнения, а перед глазами стояло внушающее ужас лицо губернатора. Возможно, он действовал чересчур поспешно. Вероятно, ему почудился религиозный мотив там, где ничего такого не было. Вне всякого сомнения, пути Первоуправителя сложны, однако разве их сложность не делала их тем более трудными для толкования? И вообще, разве наместнику истолковывать их?

К вершине холма наместник добрался весь потный, но не из-за трудного подъема. Однако он изучил картину внешне спокойно, а тем временем начальник охраны выстраивал отряд в две параллельные алые шеренги вдоль края засыпанной почвой зоны.

Джулия с матерью стояли на ступеньках крыльца. Крошечное деревце в полном одиночестве торчало посреди дворика, его единственный листок отважно трепетал на летнем ветерке. Внезапно над холмом проплыла тень, и наместник поднял глаза. В голубом небе показался корабль губернатора в форме ласточки и начал снижаться.

— Живее! — заорал он начальнику охраны. — Схватить земную девчонку и поставить ее рядом с деревом, чтобы губернатор смог увидеть их вместе!

Сперва Джулия испугалась, и, похоже, мама — тоже. Но когда начальник охраны объяснил, в чем дело, мама сказала Джу-

лии, что та может пойти с ним. Как ярко блестят мамины глаза, подумала Джулия, они так не блестели с тех пор, как папа улетел на серебристом корабле, да так и не вернулся. Джулии нравилось видеть мамины глаза такими, и она радостно, вприпрыжку пошла рядом со здоровенным начальником охраны.

Пока огромный, похожий на ласточку корабль опускался, она стояла возле деревца и наблюдала, как висги с лицом, точно высеченным из скалы и внушающим благоговейный трепет, спускается по изогнутому спиралью пандусу. За ним следовала свита. Их было столько, что Джулии подумалось: они никогда не перестанут выходить из корабля, но в конце концов вереница людей закончилась. Они образовали группу за спиной губернатора, переговариваясь и размахивая руками. Казалось, они ужасно взволнованы чем-то.

Губернатор какое-то время разговаривал с наместником. Затем нагнулся, зачерпнул пригоршню красноватой почвы и внимательно ее рассмотрел. После этого он посмотрел на Джулию и дерево; его лицо по-прежнему напоминало скалу, но скалу, которую только что осветили первые лучи солнца. Затем двинулся к дереву. Наместник шел рядом, а за ними — свита губернатора.

— Посмотрите, какое крепенькое, — произнес наместник. — Какая зеленая у него листва.

— Зеленая, как холмы Висге, — заметил губернатор.

— Только на почве Висге могло вырасти такое дерево.

— Воистину, неисповедимы пути Первоуправителя!

Ибо почва Висге была почвой Висге, неважно, куда ее занесло, и, что бы ни выросло на почве Висге, оно автоматически становилось рожденным Висге. Пути Первоуправителя, пусть окольные, лежали, однако, за пределами разумения простых смертных, даже простых смертных висги. Если Он избрал такой косвенный метод добавления деревьев в Модель, значит, несомненно, за его логикой стояла веская мотивация. Отныне на Висге будут высаживаться деревья, и их будет разрешено выращивать по всему остальному космосу.

Губернаторская свита не могла больше сдерживаться. Все старались приблизиться к губернатору и наместнику, отпихивая друг друга в страстном желании увидеть первый висгеанский клен. Но губернатор не отчитал их за это. Он пристально смотрел на Джулию. Его лицо больше не внушало трепет — напротив, оно было исполнено благоговения. Ибо его внезапно осенило, что он стоит лицом к лицу с первой святой висги.

Проект «Высотка»

Как только прошел слух о начале забастовки, мы ушли с работы. Было 10:40 утра. Те, кого первыми поставили в пикет, отправились к воротам и начали там расхаживать взад-вперед. Остальные некоторое время болтались рядом — курили и прикидывали, сколько продлится простой. Потом мы побрели домой.

Едва Дебби меня увидела, лицо у нее вытянулось. Когда в прошлом месяце профсоюз проголосовал за забастовку, ее чуть удар не хватил, и с тех пор она до ужаса боялась стачки. На что мы теперь будем жить, спросила она меня, стоило мне появиться на пороге, с такими-то ценами и без зарплаты? Я велел ей не расстраиваться, мол, Проект уже почти достроен, Царь теперь не слезает с Компании ни днем, ни ночью, и все быстренько разрешится. Она ответила, мол, надеюсь, что так, ведь у нас со дня на день появится новый рот, который так же нужно будет кормить, а на счету у нас меньше сотни, и что я хочу на ужин, печеную рыбу или жареные фиги? Я сказал, печеную рыбу.

Женщины ничего не смыслят в забастовках, в том, как важно для рабочих, чтобы все поняли, что они не просто так требуют прибавки жалованья. Конечно, я знал, что Проект — важное предприятие, но строительным рабочим нужно жить, они такие же люди, как все, какой бы важной ни была их стройка. Как сказал нам Организатор, в наши дни человек человеку волк и рабочие должны сами о себе печься — никто другой о них не позаботиться.

Днем заглянул Айк с полудюжиной, и мы просидели с ним до вечера — пили пиво и разговаривали. Айк идет в пикет на ночь, моя очередь — только завтра утром. Это неплохо, потому что я могу сходить сегодня на вечернее собрание профсоюза. Айк велел мне слушать внимательно и потом рассказать все ему, а я пообещал — будет сделано.

Собрание началось с того, что все кричали и говорили одновременно; потом появился Организатор, и все притихли. Он взобрался на помост, небрежно как обычно, и стоял там, глядя на нас сверху вниз большими золотыми глазами, а его лицо сияло, как всегда в таких случаях, словно внутри у него зажглась лампа и ее свет пробивался сквозь поры.

— Братья, — сказал он своим гулким звучным голосом, и мгновенно стал центром общего внимания. Неудивительно, что

мы сразу же согласились, чтобы он представлял нас за столом переговоров, когда он великодушно предложил это.

— Братья, — повторил он. И продолжил: — После того как сегодня утром мы покинули место работы, в городе и окрестностях много говорят о Гневе Божием, намекая, что мы, друзья, остановившие Проект, навлекли его на себя. Нет, не верьте этому, товарищи строители участка № 209, не верьте ни минуты! Нельзя навлечь на себя Божественный Гнев только тем, что ты хочешь видеть у себя на столе достаточно хлеба и иметь в кармане после получки пару монет, чтобы пропустить с ребятами кружечку-другую пива. Если кто-то этого и заслуживает, то только Компания. Я слышал из заслуживающих доверия источников, и вы можете повторить мои слова где угодно, что кое-кто наверху *не желает* завершения Проекта.

Все зааплодировали. Именно это мы и хотели услышать. Когда аплодисменты утихли, Организатор повторил перечень наших требований, и я слушал очень внимательно, чтобы потом передать Айку. Выходил довольно неплохой набор: пятнадцатипроцентная прибавка к почасовой оплате всем; полная оплата больничной страховки; выход на пенсию через двадцать пять лет; девять оплачиваемых выходных; три недели оплачиваемого отпуска каждые четыре года и ножная клиника, содержать которую будет Компания, чтобы месильщики глины могли получать немедленную помощь в случае обморожений, артрита или плоскостопии.

После собрания мы с ребятами пошли в «Фиговый лист» пропустить по паре пива. Я еще был там, когда забежал Айк из пикета. Я рассказал ему о наших требованиях, и он согласился, что перечень неплохой. К тому времени посиделки набирали обороты, и между одним месильщиком и одним каменщиком вспыхнул спор о бесплатной ножной больнице. Каменщик сказал, что раз уж устраивают бесплатную ножную больницу для месильщиков, то неплохо было бы попросить и ручную больницу для каменщиков, мол, у каменщиков руки скрючивает артритом так же, как у месильщиков ноги, и кроме того, каменщики выполняют гораздо более важную работу. Месильщик спросил его, как он будет выполнять свою работу без кирпичей, которые делают месильщики, и сказал, что хотел бы посмотреть, как *каменщик* будет месить ногами глину с соломой по восемь часов в день, а еще хотел бы знать, каково после этого будет *его* ногам. Каменщик сказал, что видел месильню в том месте, откуда у баб выходят дети, а месильщик ответил, что только бездельники вроде такого вот ка-

менщика оттуда и выходят. Кто-то очень вовремя вмешался и разнял их.

Вскоре после этого я ушел. Не хотел отправляться на свое первое дежурство в пикете с похмелья. Ночь была прохладная, на небе густо высыпали звезды. Шагая по узким улочкам, я время от времени мельком видел в небе силуэт Проекта. Тот нависал над городом. Нависал над всей равниной, чего уж. В звездном свете Проект казался серым, расплывчатым и призрачным, шесть его законченных уровней почти сливались, а незаконченный седьмой зубцами рисовался на фоне неба. Мы работали там каждый день и как-то позабыли, до чего Проект высоченный и насколько выше станет после того, как мы вернемся к работе. Самое высокое сооружение с начала времен, говорят. Я не стал бы с этим спорить. Рядом с Проектом пальма кажется травинкой, а человек — муравьем. Глядя в эту ночь на Проект, я был горд тем, что я — один из его строителей. Словно бы я выстроил все это здание сам, единолично. Иногда у каменщиков бывает такое чувство. Прекрасное чувство. Жаль месильщиков. Ни за что не пойду месить ногами глину в яме восемь часов подряд.

Дежурить в пикете оказалось не так плохо, как я ожидал. Ходили слухи, что Компания наймет штрейкбрехеров, но, думаю, это только слухи. Как бы там ни было, никто не пытался прорваться на территорию. А если бы попытался, ничего бы у них не вышло. Площадка была просто идеальная. Казалось, Компания возвела вокруг Проекта стену специально для того, чтобы забастовщикам было удобнее устраивать пикет, а не для того, чтобы уберечь кирпичи от воров. Ворота приличной ширины, однако четыре пикетчика без труда могут их охранять, а стена такая высокая, что никто не решится на нее взобраться.

Происшествие было всего одно: в розовом паланкине прибыл богатый купец, выбрался из него и стал расхаживать перед воротами. Он ничего не говорил, только поглядывал на незаконченный седьмой уровень и качал головой. Заметил он меня или других пикетчиков — Зика, Бена или Эли, не знаю. Наконец торговец прекратил расхаживать, забрался обратно в паланкин, задернул занавески, и носильщики унесли его прочь.

Вечером в зале профсоюза Организатор сообщил нам, что есть договоренность о новой встрече между Компанией и проф-

союзом и что эта встреча назначена на послезавтра. На сей раз на ней будет присутствовать Посредник — которого назначил сам Царь. Может быть, на этот раз мы куда-то продвинемся. Надеюсь. Мы бастуем всего неделю, а кажется, что в два раза дольше, ведь делать-то нечего, только шататься по дому да слушать, как Дебби громко вопрошает, что мы будем делать, когда наши сбережения закончатся. Сказать по правде, я и сам начинаю тревожиться. Наш профсоюз новый, и у нас нет забастовочного фонда, а нам предстоит продержаться еще шесть недель, прежде чем мы официально сможем получить пособие по безработице. Счета тем временем продолжают приходить.

Второе собрание назначено на сегодня, после обеда. Все наши зажимают кулаки.

С утра я опять дежурил в пикете. Айк дежурил вместе со мной, он договорился с Организатором, что поменяется с Беном. Со старым приятелем дежурить было веселее, и время пролетело быстро.

Ближе к полудню снова заявился давешний богатый купец. Выбравшись из паланкина, он, как и в первый раз, принялся расхаживать вперед-назад, только теперь, вместо того чтобы посматривать на седьмой недостроенный уровень, он поглядывал на нас — на Айка, Эли, Зика и меня. В конце концов он выбрал меня и подошел туда, где я болтал с Айком. У купца были розовые щеки, рыжеватая бородка и большой нос картошкой. Стоило разок взглянуть на его руки, и вы понимали, что он в жизни палец о палец не ударил.

— Вы кажетесь мне смышленым молодым человеком, — сказал купец. — Как вас зовут?

— Джейк, — ответил я.

— Джейк. Что же, Джейк, я, видите ли, состоятельный купец, торгую ладаном и миррой. Но здесь я лишь как обычный гражданин — как гражданин, который пытается понять, почему отдельные другие граждане пытаются ставить свои личные интересы выше общественных и бросают общественный проект.

— Я полагал, это проект Компании, — ответил Айк, ввязываясь в разговор.

— Но Компанию нанял Царь, а Царь — *официальное* лицо общества. Таким образом, Компания, выполняя желания Царя, представляет и Царя, и общество в целом и неотделима от общества.

— Я так не считаю, — отозвался я. — Но понимаю, почему вы такого мнения. После того как Царь выпустит свою стрелу, такие как вы со всем своим баблом первые подниметесь по лестнице.

Богатый купец замер.

— Вы намекаете, что мое беспокойство по поводу Проекта рождено моим желанием оказаться среди первых, кто пройдет через Врата?

— Он не намекает, он прямо говорит, — сказал Айк. — Вы, ребята, ждете не дождетесь, чтобы подмазать старика Яхве. Ждете не дождетесь, чтобы рассказать ему, какой болван наш Царь.

Розовые щеки богатого купца налились таким румянцем, что стали краснее его бороды. На лбу у него начало сгущаться лиловое облако.

— Молодой человек, — сказал он, — вы определенно говорите как язычник. Разве *вы* не хотите попасть на Небеса?

— Нет, если жирные коты вроде вас пролезут туда первыми, — ответил Айк.

Лиловое облако прорвалось.

— Что ж, можете успокоиться — вы туда не попадете! — заорал богатый купец. — Не вижу для вас никакой возможности.

Он по очереди указывал на меня, на Эли и на Зика.

— И вам, и вам, и вам Небес не видать!

Он протопал к своему паланкину, забрался в него и с треском задернул занавеску. Носильщики утащили его прочь. Мы стояли и смеялись.

Вечером на собрании Организатор посоветовал нам затянуть пояса, потому что днем на переговорах Компания наотрез отказалась идти на уступки и отступиться от своего первоначального предложения поднять жалованье на пять процентов, а он ответил, пусть подотрутся этим, в результате чего, несмотря на убедительные просьбы Посредника, стороны разошлись.

После собрания мы с Айком зашли в «Фиговый лист» на пару пива. Айк казался обеспокоенным.

— Как считаешь, Джейк, этот парень правда отстаивает наши интересы? — спросил он.

— Конечно!

— Надеюсь, ты прав. Но иногда мне вдруг начинает казаться, что он использует нас в каких-то своих целях.

— В каких целях?

— Не знаю. Просто чувство такое, и все.

Остановку в «Фиговом листе» сделало много других членов нашего профсоюза, и народу было полно. Некоторые парни уже брали выпивку в кредит, и лица у всех были мрачные. Я почти не удивился, когда между каменщиком и месильщиком снова начался спор — с того, на чем прервался в прошлый раз. На этот раз никто не бросился их разнимать.

Домой я пришел поздно. Весь вечер я ужасался при мысли о том, как предстану перед Дебби с плохими новостями. Но, когда я заглянул в спальню, она крепко спала.

Прошло довольно много времени, прежде чем Посреднику наконец удалось уговорить обе стороны согласиться на новую встречу. Встреча намечена на завтрашнее утро. Думаю, Организатору надо бы слегка осадить назад — скажем, попросить надбавку в десять процентов и забыть о дополнительных льготах. Да, конечно работу мы прекратили всего две недели назад, но после того как мы с Дебби оплатили приличный счет из продуктовой лавчонки «У мамы и папы» на углу, сбережений у нас осталось ровно столько, чтоб оплатить квартиру, и я уже курю «Баглер» вместо «Винстона». А со дня на день, то и дело напоминает мне Дебби, у нас в семье прибавится новый рот. Но кормежка волновала меня меньше счета за больницу и врача.

Мы с Айком были в пикете, когда услышали, что последние переговоры закончились большим пшиком. С нами были еще Эли и каменщик по имени Дэн. Уже стало ясно, что Организатор так и не предложил пакет требований поскромнее, а на большой пакет Компания и не думала соглашаться.

Но Эли смотрел на все иначе:

— Черт возьми, Джейк, Компании придется согласиться на все! — сказал он. — Мы держим их за яйца!

Я ответил, мол, надеюсь, что он прав.

— Эй, — подал голос Дэн, — у нас гости.

Четыре черных носильщика несли большой, длинный черный паланкин. Они поставили паланкин прямо у ворот. Я уже догадался, что в таком длинном паланкине не может приехать обычный богатый купец, но я не был готов увидеть того, кто вышел из паланкина и встал, устремив взгляд черных блестящих глаз на Проект. Их взгляд прожег насквозь Айка, Дэна и меня, словно нас там и не было вовсе, потом метнулся вверх, окинув разом

весь Проект. Наконец взгляд спустился вниз и остановился на мне, как раз когда я разглядел в темных кудрях маленькую золотую корону, брови вразлет, раздутые ноздри и решительные скулы и понял, что вижу Царя.

Наша четверка стояла и смотрела на него. Он поднял взгляд еще выше, и чернота его глаз стала такой пронзительной, что они словно бы полыхнули. Через долю секунды Царь отвернулся, забрался в паланкин и хлопнул в ладоши. Четверо черных носильщиков понесли паланкин прочь. Мы молча провожали его глазами.

— О как! — выдохнул Айк.

Я свернул и прикурил сигарету — и обнаружил, что руки у меня ходят. Я глубоко затянулся и выдохнул дым.

— Интересно, чего ему было надо, — сказал я.

— Не знаю. Но не хотел бы я быть в шкуре Организатора.

— Организатор за себя постоит.

— Надеюсь.

На этом обсуждение закончилось.

Все-таки надо отдать Посреднику должное. Каким-то образом он сумел снова свести стороны.

Организатор принес протокол встречи, размноженный на ксероксе, и раздал членам профсоюза. Вот что я читаю в своем экземпляре:

ПОСРЕДНИК: Представитель Компании сообщил мне, что среди населения существует серьезное недопонимание истинной природы Проекта, и перед началом переговоров он хотел бы внести ясность в этот небольшой вопрос.

ОРГАНИЗАТОР: Цель Проекта не имеет никакого отношения к разумным требованиям, предъявленным Компании Строительному участку № 209.

ПОСРЕДНИК: Тем не менее, я полагаю, что справедливости ради, дабы не обидеть ни Царя, ни Компанию, это недопонимание следует устранить.

ОРГАНИЗАТОР: Хорошо. Но прошу учесть, что строителей участка № 209 более всего заботит то конечное благо, которое их труды принесут им, а не итоговое использования плодов их труда.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОМПАНИИ: Буду краток. Простые люди и даже люди не простые склонны романтизировать реаль-

ность, нередко привнося фантастический элемент, и в последнее время подобная романтизация неизбежно приобретает религиозные черты. Например, текущий совершенно практический проект толкуется, с одной стороны, как попытка Царя подняться над землей так высоко, чтобы можно было пустить стрелу в Небеса, а с другой — как попытка местных жителей, особенно богатых, проложить себе торную дорогу на Небеса. Эти два толкования каким-то образом смешались и породили новое, единое. Нелепость второго истолкования самоочевидна и не заслуживает тщательного рассмотрения. Нелепость первого столь же очевидна, но для протокола я бы хотел бы привести насколько релевантных фактов.

По самым точным оценкам наших астрономов Небеса находятся на высоте 1432 локтей над миром. В случае своего завершения Проект достигнет высоты 205 локтей. Это означает, что стреле Царя придется пролететь 1227 локтей вертикально вверх. Общеизвестно, что Царь — выдающийся охотник... *великий* охотник. Никто не может натянуть лук так, как он. Но *1227 локтей? Вертикально вверх?*

Таким образом, факты говорят о том, что у Царя нет подобных намерений. Истинная цель строительства Проекта — создание убежища. Убежища, где люди смогут укрыться в том случае, если новые затяжные дожди приведут к очередному разливу Рек-Близнецов и вся Равнина будет полностью затоплена. Проживая на этой Равнине, строители участка № 209 наравне с другими людьми смогут использовать Проект к своей выгоде. То, что они в сущности саботируют столь благородное предприятие, честно говоря, лежит за гранью моего понимания, если только их мотивы не суть нерассуждающее принятие популярной интерпретации цели Проекта.

ОРГАНИЗАТОР: Если истинная цель Проекта — создание убежища, почему об этом не поставили в известность ни их, ни весь народ?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОМПАНИИ: Я, разумеется, не могу говорить от имени Царя. Но я бы предположил, что Царь, возможно, не счел нужным распространять столь очевидную информацию.

ОРГАНИЗАТОР: Мне эта информация никогда не была очевидна. И до сих пор не очевидна. Во-первых, со времени Потопа имели место лишь небольшие наводнения; во-вторых, Яхве совсем не обязательно вновь изберет именно эту кару, если в будущем прегрешения людей потребуют новых мер наказания; а в-

третьих, даже если Он выберет Второй Потоп, то этот Потоп будет таких масштабов, что единственными, кто сможет укрыться в Проекте, станут рыбы. Но я буду играть по правилам: я прослежу, чтобы строители участка № 209 ознакомились с этим протоколом; если по прочтении протокола они решат продолжать забастовку, я не стану им мешать. Пакет наших требований остается прежним.

В Зале профсоюза сегодня вечером состоялось внеочередное собрание. Организатор поинтересовался, все ли прочитали розданный им протокол, и когда все подняли руки, спросил, хотим ли мы еще раз проголосовать за забастовку. Ответом был хор «нет» и «не надо», ни единого «ага». Вот как единодушны братья-профсоюзники, когда запахнет жареным.

Однако должен признаться, что, прежде чем проорать свое «нет», я пережил сложный момент. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил. Предположим, что Представитель Компании говорил правду и Проект действительно предназначен для простых людей вроде нас. Если так, мы действуем не в наших интересах; мы просто пилим сук, на котором сидим.

Компания ушла!

Эту новость принес Зик, когда мы были в утреннем пикете. Он вбежал в ворота, чуть прихрамывая, как все месильщики, и заорал:

— Слыхали? Слыхали? Компания ушла! Они свернули палатки и ушли!

Я стоял как громом пораженный. Айк тоже. И Эли с Дэном. Айк первым сумел вдохнуть.

— А где Организатор? — спросил он Зика чуть ли не шепотом.

— Тоже пропал. Нигде не можем его найти.

Наступила тишина. Потом Зик сказал:

— Нужно сказать ребятам.

И беспомощно огляделся по сторонам.

— Думаю, в пикете больше смысла нет.

— Да, наверное, — отозвался я.

После того как Зик ушел, мы долго молчали. Потом Айк прошептал:

— Я же говорил, что так и будет. Организатор нас использовал.

— Но зачем? — спросил Дэн.

Айк покачал головой.

— Не знаю.

— Мы не одни, — подал голос Эли.

Мы оглянулись. Это снова был длинный черный паланкин. Из паланкина вышел Царь.

На сей раз Царь принес с собой лук. Лук висел накрест. В правой руке он держал стрелу.

И снова взгляд его горящих черных глаз вобрал Проект от нижнего до самого верхнего кирпича. На этот раз в облике Царя сквозила целеустремленность, которой не было раньше; яростная, почти устрашающая решимость, и от этого он казался колоссом. Его черные брови были подобны крыльям ястреба; губы — словно отлиты из битума. Царь был в лиловой водолазке с большой буквой N на груди, голубых «Ливайсах» и замшевых башмаках на толстой подошве.

Царь пошагал к воротам. Наша четверка стояла у него на пути, но мы молча расступились, и Царь прошел мимо. Если бы мы не уступили дорогу, он бы просто сбил нас с ног.

Царь прошел в ворота и, приблизившись к массивной громаде Проекта, начал подниматься по лестнице на первый ярус. Мы с Айком, встрепенувшись, последовали за Царем. Не для того чтобы следить за ним или остановить, а для того чтобы помочь или поддержать, если он вдруг оступится.

Добравшись до площадки второго яруса, он решительно пересек ее и начал подниматься по лестнице на третий. Мы шли по пятам. В этот миг я заметил, что Царь что-то негромко бормочет себе под нос. Я старательно прислушался, но не разобрал ни слова.

Царь забрался на третий ярус. Потом на четвертый. Мы с Айком не отставали. На пятый. Мы забрались высоко. Оглянувшись через левое плечо, я увидел крохотные городские постройки и махонькие глинобитные хижины окраин. Взглянув вправо, я увидел Равнину — бесконечные поля проса и ячменя, сверкающие оросительные каналы. Вдали на востоке Реки-Близнецы сияли на утреннем солнце словно золото.

На шестом ярусе вдоль стен еще стояли леса, и Царь, сообразив, что по лесам можно подняться на седьмой ярус напрямик и гораздо быстрее, решительно начал карабкаться по ним. Царь оказался гораздо проворнее и меня, и Айка, и к тому времени, как мы добрались до площадки лесов, он уже одолел половину пути по лесам, окаймлявшим незавершенный седьмой ярус.

Я вдруг понял, что дует ветер — ровный, с юга. Он нес запах моря. Проект раскачивался, совсем чуть-чуть. Но я не боялся. Инженеры учли и ветер. Я много раз чувствовал, как Проект раскачивается, да и ветер был моим давнишним знакомцем. Верхний помост лесов приходился вровень с зубчатым гребнем незаконченной стены седьмого яруса. Ухватившись за край площадки, Царь подтянулся и перемахнул на узкие мостки. Он выпрямился, ветер трепал его кудрявые волосы, выбивающиеся из-под золотой короны.

Мы с Айком оставались внизу, на последней площадке лесов.

Царь погрозил кулаком голубому безоблачному небу.

— С самого начала я знал, что проклятый Организатор работает на тебя! — закричал он. — Ему не удалось меня одурачить, ни на секунду! Но он напрасно старался, я все равно сделаю то, что обещал, прямо сейчас, на этом самом месте!

С этими словами Царь снял со спины лук, вложил стрелу, натянул тетиву и выпустил стрелу прямо в небо.

Стрела взвилась прямо вверх, словно никакого ветра не было, и, казалось, набирала скорость с каждым локтем, который пролетала. Мы с Айком затаили дыхание. Для нас в мире не осталось ничего, кроме этой стрелы. Стрела представлялась нам молнией — молнией, пущенной безумцем в небеса в величественном, пусть и бессмысленном, желании их оскорбить.

Стрела не думала останавливаться или замедлять полет. Казалось, в любой момент она пролетит через невидимые Врата и исчезнет. Она взлетела уже достаточно высоко, *иначе* и быть не могло. Но стрела не влетела во Врата. Внезапно из небесной тверди появилась огромная длань, протянулась вниз и схватила крохотную стрелу. Огромный большой палец прижал стрелу к указательному. Далеко вверху раздался слабый треск, едва слышный из-за ветра. Потом рука втянулась обратно, а обломки стелы упали к ногам Царя.

Царь уставился себе под ноги и так стоял.

Минули миллионы лет. Не было слышно ни звука, кроме воя ветра в перекладинах лесов. Потом мы услышали громкий всхлип. Он повторился. Мы развернулись и как могли быстро начали спускаться — по лесам, потом по ступеням и так до самой земли. Мы не оглянулись — ни разу. Можно подумать, что видеть плачущего Царя приятно, но на самом деле ничего приятного в этом нет. Это все равно, что увидеть, как гора обращается в муравейник, город рассыпается в пыль или могучее королевство обращается в прах.

* * *

Ну что ж, Строительный участок № 209 исчез, как только уехала Компания. Мы знали, что на Равнине больше не будет работы для таких, как мы. Так что мы разъехались кто куда. Ребята отправились на все четыре стороны. Я двинул на юг. Нашел неплохую работу в зернохранилище. Платят немного, но мне хватает, чтобы прокормить Дебби, маленького Джейка и себя, пока не подучу язык. Как только я выучу язык, снова поищу место на стройке. На востоке как раз намечается большой проект. Судя по тому, что я слышал, это какие-то гробницы. Строительство займет не меньше года, и потребуются квалифицированные рабочие вроде меня. Думаю, каменщику там легко найдется место.

Вниз по лестнице

В Дом Джефф чаще всего ходил летом. «Мама, я, наверно, схожу в Дом», — говорил он матери, и та всегда знала, о каком доме речь, ведь только туда Джефф всегда и ходил.

Сама мать в Дом ходила редко, и ей Дом всегда был не очень-то нужен. Он уже в ту пору был довольно старым и ветхим. Говорили, будто Дом не красили со времен Гражданской войны, хотя это наверняка было преувеличение. Но Дом *определенно* очень нуждался в покраске. Доски были почти голые, многие покоробились, а нижние уже начинали плесневеть.

Первоначально Дом представлял собой квадратную двухэтажную постройку с двускатной крышей. Потом к нему пристроили одноэтажное крыло с открытой террасой по всей его длине. Шли годы, и вторая дверь, дающая прямой доступ в заднюю часть Дома, вытеснила парадный вход — непредвиденная случайность, повысившая задний двор до ранга парадного двора. Полностью заросший ковром колокольчиков и затененный густыми кустами сирени, это был самый необычный парадный двор на Главной улице.

На крыльце всегда стояло несколько стульев и удобное кресло-качалка. В кресле-качалке обычно сидел и качался дядя Джеффа. Дядя любил это дело — сидеть и качаться. Люди говорили,

мол, ничем больше он и не занимался. Очередное преувеличение. Тем не менее, отправляясь летом к Дому, Джефф почти всегда обнаруживал, что дядя на крыльце качается в кресле-качалке. И через равные промежутки времени длинно сплевывает коричневую табачную слюну через перила террасы.

Внутри Дома всегда было чисто и прибрано, все так и сияло — если не считать коробок со старой заброшенной домашней утварью, громоздящихся в углах. Бабушка Джеффа, когда была жива, никогда ничего не выкидывала. В прихожую и на верхний этаж — двери туда постоянно, и зимой, и летом, были закрыты, — гости не допускались; они были завалены кипами старых газет, да такими, что приходилось бочком протискиваться вдоль стен, чтобы добраться до лестницы. Помимо старых газет в прихожей хранились бесчисленные пачки журналов, на которые бабушка Джеффа подписывалась годами, вроде «Дамский журнал Годи», или «Друг леди», а кроме того, имелись ящики, доверху заполненные любимыми бабушкой викторианскими романами. Обо всем этом Джефф узнал, пробираясь в прихожую в те минуты, когда дядя отлучался в амбар, а дедушка дремал в качалке в гостиной у печки. В ту пору дедушка Джеффа был еще жив. Дедушка, обеспеченный фермер, отошедший от дел, поздно женился, а еще владел в городке кое-какой недвижимостью. Когда дедушка умер, все отошло к старшему сыну, дяде Джеффа, за исключением старого дома на улице Вязов — его дед оставил отцу Джеффа, но они уже и так там жили. В каркасном доме на улице Вязов Джефф родился.

Иногда дядя Джордж отправлялся в прихожую и приносил оттуда Джеффу старые журналы с «забавными картинками». Однажды дядя поднялся наверх и принес оттуда игрушку, которую, по его словам, в то утро нашел в своем шкафу. Более потрясающей игрушки Джефф не видел по сю пору. Игрушка состояла из двух частей. Одна часть представляла собой дощечку длиной в ярд, толщиной три четверти дюйма и шириной два с половиной дюйма. Дощечка была выкрашена ярко-красной краской, и по всей ее длине двумя параллельными рядами были вбиты гвозди на расстоянии примерно двух дюймов один от другого. Гвозди располагались вертикально через равные интервалы. Гвозди были вбиты в дощечку где-то на половину в шахматном порядке друг от друга, с таким расчетом, чтобы те, что слева, оказывались приблизительно на три восьмых дюйма ниже тех, что справа.

Другая часть игрушки представляла собой маленького человечка, выпиленного из четвертьдюймовой фанеры. Его руки тор-

чали в стороны, и он был чудно раскрашен, как будто одет в забавный костюм. Условно намалеванное личико человечка было комичным, уголки крошечного рта приподняты в вечной улыбке. Чтобы заставить человечка «спуститься» по «лестнице» вниз, требовалось расположить его так, чтобы он цеплялся ручонками за пару верхних гвоздей, а потом отпустить. Сначала соскальзывала с гвоздя одна его ручка, потом другая, и он скатывался вниз, *клики-клик-клик-клик*, до самого пола, раскачиваясь из стороны в сторону.

Все время, пока Джефф возился с игрушкой, дядя Джордж вроде как нервничал. Он словно жалел, что принес игрушку вниз. И после того, как опять унес ее наверх, он больше никогда не приносил ее вниз. Но Джефф не забыл об игрушке и через несколько лет, во время поминок по дедушке, когда все были слишком заняты, чтобы обращать на него внимание, прокрался наверх, вытащил игрушку из шкафа дяди Джорджа, и тайком вынес из Дома и унес к себе домой. Часами потом он играл в ней у себя в спальне, спуская болванчика вниз по лестнице и всякий раз дивясь, как же у того не отваливаются ручки. Наконец ему надоело, и Джефф поднял лестницу на несколько футов над полом, прежде чем пустить по ней человечка. Когда болванчик соскользнул с самой нижней «ступеньки», он перекувырнулся в воздухе и приземлился точнехонько на макушку. Довольный Джефф поднял лестницу еще выше, и снова пустил человечка вниз. На этот раз, ударившись о пол, человечек раскололся на три куска. В ярости Джефф сломал лестницу пополам и выбросил вместе с останками человечка в мусорное ведро. Он боялся, что дядя Джордж может хватиться человечка и станет винить его. Но дядя Джордж так и не сказал ни слова. Лишь странно посмотрел Джеффа, когда тот в следующий раз пришел в Дом.

За Домом большой участок земли тянулся до самого ручья. Каждый квадратный дюйм этой земли принадлежал деду Джеффа (а впоследствии — его дяде). Если зайти за амбар, вы попадали на травянистую полосу, которая раньше была фургонной дорогой; дальше по этой полосе вы шли между двумя рядами ветхих сараев, где хранился старый фермерский инвентарь, утративший полезность в связи с неприменением. Вскоре вы попадали в длинную неглубокую низину, которая когда-то была мельничным прудом. Посередине пруд пересекала дамба, а за дамбой можно было пройти по пологому склону в большой яблоневый сад. Уже в те дни деревья никто не подстригал, и идти по саду было все

равно, что идти через джунгли. За садом земля резко уходила вниз. Когда-то здесь был берег ручья — в ту пору, когда ручей был гораздо шире. Теперь там, где когда-то текла вода (текла и сегодня, иногда, во время весенних разливов), выросли платаны, ивы и тополя. Пробравшись между платанами, ивами и тополями, вы наконец выходили к ручью. Джефф провел множество летних дней, разгуливая по его неглубоким водам. Иногда он брал с собой самодельную удочку, но рыбу удил редко. Гораздо интереснее было голыми руками ловить раков. Обычно он отрывал ракам клешни, бросал увечных обратно в воду и глядел, как те барахтаются там. Один раз он видел водяную змею. Потом ему говорили, что ему показалось. «Галлюцинация» — так это назвал потом доктор. Но они ошибались. Змею он видел *до того*, как упал и рассадил колено — а не наоборот.

Снова начали стучать в заднюю дверь, и Джефф снова поднялся с дивана в гостиной, где он удобно сидел, пил пиво и смотрел «Ангелов Чарли», отправился на кухню, открыл дверь и выглянул наружу через сетку. После первого раза он оставил свет на заднем крыльце включенным, но опять никого не увидел. В досаде он захлопнул заднюю дверь, слегка вздрогнул от холода и сырости ночного воздуха, который запустил в дом, вернулся в гостиную и снова уселся на диван. Какой-то стук в дверь не испортит ему настроение, сказал он себе. Скоро Хэллоуин, и, само собой, соседние ребятишки уже начали свои штучки, а что начали с него, вполне понятно. Сегодня он ночевал в Новом Доме в первый раз, а это означало, что для соседей он новичок, новосел и в силу этого — самая логичная жертва.

Новый Дом стоял на месте Старого. Это был дом в духе Кейп-Кода, с пристроенным двойным гаражом. В одной половине гаража стоял его старый шевроле «Бискейн», с которым он пока еще был не в силах расстаться, в другой части — его новенький кадиллак «Эльдорадо».

Он забрал свое пиво с кофейного столика и почти донес бутылку до рта, но увидел, что она пуста. Он отправился на кухню, достал из холодильника новую бутылку, и вернулся на свое место перед телевизором. На экране Фарра Фосетт-Меджорс саданула коленом одного из троих наседавших на нее мускулистых молодцов, вырубила ударом карате второго и красиво перебросила через себя третьего.

Джефф залпом осушил треть новой бутылки и поставил ее на кофейный столик. Он пил больше обычного, с тех пор как его жена Долорес развелась с ним, обвинив в жестокости, и случайный сторонний наблюдатель мог бы на этом основании прийти к заключению, что он перешел грань, отделяющую «выпивку в компании» от полноценного и регулярного «закладывания за воротник», к которому он медленно, но целеустремленно приближался всю жизнь. Ничто не могло бы быть дальше от истины. Джефф тщательно держал свои возлияния под контролем, до восьми вечера не позволял себе ни капли и никогда не пил ничего крепче пива. И каждое утро ровно в 7 часов появлялся в своем ресторане, аккуратно одетый и тщательно выбритый, шел в кофейню и заказывал яичницу с ветчиной и кофе.

Собственный ресторан был его гордостью и отрадой. Он всегда хотел открыть свое дело, но удача всю жизнь отворачивалась от него, и все его попытки проваливались — пока он не получил наследство. Теперь ему наконец удалось реализовать свой потенциал и занять надлежащее место в деловом мире.

Его столь ранее появление в кофейне имело целью держать персонал в тонусе, но были и другие причины. Ресторан существовал для обслуживания проезжающих путешественников (в миле от него был выезд из города), а кофейня зависела от местного спроса. В основном это были продавцы, помощники водопроводчиков и младшие муниципальные служащие. Ежедневное поглощение хозяином завтрака рабочего человека, его присутствие с клиентской стороны стойки и неизменная традиция здороваться с каждым пришедшим, называя того по имени, служили неопровержимым доказательством того, что, несмотря на внезапный подъем Джеффа в высшее общество, он не считал, будто чем-то лучше других, и оставался все тем же «просто Джеффом». Кроме того, такое времяпрепровождение позволяло ему неизменно быть в курсе всех последних городских новостей — кто в чьей кровати спал, чья жена оступилась или чей муж сбился с пути истинного. С самого своего возникновения кофейня стала неофициальным новостным центром, где можно было изучить подноготную кого угодно и чего угодно.

В заднюю дверь опять начали стучать. На сей раз Джефф решил не обращать на стук внимания. Тот некоторое время продолжался, потом стучать перестали.

Он снес Старый Дом вскоре после того, как умер дядя Джордж. Господи! — да он не мог иначе. Отремонтировать Дом было равносильно тому, чтобы его перестроить. Дом был чертовски, невероятно стар. Надо признать, большая часть домов на Главной улице тоже были старые, но эти дома содержали в порядке и перекрашивали раз в три или четыре года. С недавних пор многие дома стали обшивать алюминиевым сайдингом, и они выглядели новехонькими. Но Дом давно миновал ту пору, когда обшивка его сайдингом могла оправдать затраты на материал и работу. Единственным решением был только снос. Но даже в этом случае Джефф не стал действовать под влиянием момента. Он не торопясь прошелся по всему Дому, проверил все балки пола, осмотрел фундамент, простучал стены. Потом разок переночевал. Одного раза хватило. Из-за поскрипываний, постукиваний, побрякиваний и шорохов, доносящихся из гостиной, кухни, столовой, и бог весть откуда еще, он глаз не сомкнул. Чертов Дом, должно быть, кишел крысами. Как дядя Джордж его терпел, Джефф не понимал.

В итоге он нанял аукциониста и избавился от всего содержимого Дома — от мебели, кухонной плиты, посуды, кастрюль и горшков, от викторианских книг, старых журналов и старых газет, от ящиков и коробок с хламом, распиханных по углам (люди, словно обезумев, скупали эту дрянь по фантастическим ценам; купили даже старые газеты). После этого Джефф привел подрядчика и сровнял Дом с землей. Он не сомневался, что дядя Джордж перевернулся в гробу, но тут уж ничего не поделаешь. Старик все равно никогда не чувствовал веяний времени, вечно сидел сиднем. Посиживал себе на крыльце, покачиваясь в кресле-качалке, пока Дом покрывался плесенью; пока сирень перед домом разрасталась так густо, что крыльцо нельзя было увидеть с дорожки; пока амбар не завалился и не рухнули стены сараев, где хранился сельхозинвентарь. Пока бывший мельничный пруд не превратился в рай для сумаха; пока яблоневый сад не превратился в бескрайнюю чащу; пока лес возле ручья не превратился в заповедник для ворон и граклов обыкновенных... Джефф со всем этим разобрался. После того как он снес Дом, он продал инвентарь в утиль, привел бригаду с бульдозером, бензопилами и корчевателями для пней, снес сараи и то, что осталось от амбара, наполнил мельничный пруд и проредил яблоневый сад и лес, а потом устроил симпатичное искусственное озерцо, а также фервец, грины и лунки... Когда работы закончились, получилось красиво. Просто прекрасно!

* * *

Беда с воспоминаниями в том, что как только одно из них прокрадется в голову, за ним у дверей выстраивается очередь. Другая беда в том, что плохие воспоминания порой отпихивают локтями хорошие. «Ладно, — говорит Джефф матери, — схожука я в Дом». А мать отвечает: «Только недолго, я хочу, чтобы ты вернулся к ужину», и он берет в сарае удочки, и выходит в летний денек, и шагает по улице Вязов к Главной улице, и переходит Главную к Дому. Он идет по тропинке между кустов сирени и коврами колокольчиков, поднимается на крыльцо, где сидит да качается в качалке дядя Джордж, и здоровается: «Привет, дядя Джордж», а дядя Джордж отвечает: «Привет, Джефф. На рыбалку собрался, ага?», а Джефф заходит в Дом и здоровается с дедушкой, который сидит у печки (он сидит там и зимой и летом), и дедушка отвечает ему теплой улыбкой, которую бережет для своего единственного внука, и тоже здоровается с Джеффом, и Джефф радостно проходит через Дом, спускается по ступенькам заднего крыльца и топает по тропинке мимо амбара и покосившихся сараев, через дамбу, и дальше через яблоневый сад к берегу, а там через платаново-ивово-тополиную чащу — к ручью.

Летом ручей мелеет и почти везде становится по щиколотку глубиной. Джефф снимает ботинки и гольфы и закатывает штаны сильно выше колен и бредет по воде. Начинает он с того, что пытается удить пескарей при помощи загнутой булавки, которая заменяет ему крючок, но потом бросает это неблагодарное занятие и принимается выискивать раков, которым так здорово отрывать клешни. Он пугается, когда что-то длинное, похожее на веревку, внезапно змеясь проскальзывает мимо его ног. Но затем его охватывает невероятное волнение — водяная змея! Он идет за змеей вниз по течению, но та исчезает раньше, чем он успевает сделать хотя бы дюжину шагов. Раздосадованный, он выбирается на берег. Там он решает оставить раков в покое и пойти на разведку в лес. Он будет Даниелом Буном; удочка станет его ружьем. Он снова надевает гольфы и башмаки и углубляется в чащу. Крадется от дерева к дереву, остерегаясь медведей, волков и рысей. Через некоторое время он выходит на берег старого ручья. В этом месте берег крутой, однако неподалеку свалка старых консервных банок и пустых бутылок заменяет довольно пологий подъем к самой вершине. Джефф осторожно начинает карабкаться по нему, избегая острых рваных краев жестянок и бутылочных

осколков. У самой вершины он вдруг поскальзывается и падает, но быстро выпрямляется — и через секунду спасен. Но он чувствует странное покалывание в правом колене. Посмотрев вниз, он обнаруживает, что на колене его гольф разорван наискось, словно разрезан острыми как бритва ножницами. Он раздвигает ткань и содрогается при виде розовых половинок мяса и виднеющейся между ними серой кости...

— Дядя Джордж!

Он ковыляет через сад, подволакивая правую ногу и стараясь как можно меньше наступать на нее.

— Дядя Джордж! — Теперь он орет, а по щекам текут слезы ужаса.

— ДЯДЯ ДЖОРДЖ! — кричит он снова, хотя знает, что дядя Джордж, который далеко и, скорее всего, качается в качалке на крыльце, не может его услышать.

Смеркается. Какая нелепость! Да, уже клонится к вечеру — но до ночи все еще очень далеко. Вместе с сумерками появляется туман, выползает из-за кривых деревьев. Он больше не смотрит на свое колено. Духу не хватает. Он знает, что колено вовсю кровит, что, наверное, из рассеченных вен и артерий выплескиваются целые ведра крови.

Тьма сгущается, туман тоже. Внезапно его охватывает слабость, он, всхлипывая, опускается на землю. Вокруг в траве он слышит таинственное шуршание; тонкие, писклявые голоса. Он знает, что они не могут быть настоящими, что они ему чудятся. Постепенно голоса исчезают. Тьма мстительно надвигается. Когда снова наступает день, его куда-то несут. Вверх по склону на дамбу, через дамбу по лужайке. Мимо амбара, через Дом и дальше, по Главной улице к дому врача. Несет его дядя Джордж. Который не мог услышать его криков, но, видимо, все-таки услышал.

— Дядя Джордж!

— Джефф, господи, а ты стал тяжеленький. Быстро растешь, верно?

— Дядя Джордж, я...

— Я думал, ты удишь рыбу. Где твоя удочка?

— Я... я, наверно, уронил ее, дядя Джордж. Дядя Джордж, я не умру?

— Конечно, не умрешь. Док наложит пару швов на колено, и будешь как новенький.

— Я люблю тебя, дядя Джордж.

— Вот еще...

* * *

В заднюю зверь снова стучат. Разъяренный Джефф поднимается, идет в кухню, рывком распахивает внутреннюю дверь и кричит:

— Не знаю, кто вы или кем себя мните, но лучше проваливайте отсюда, да побыстрее, а то нафарширую вам задницы дробью! — Он захлопывает дверь с такой силой, что кухонная утварь из нержавейки над плитой качается и звенит на своих хромированных крюках. Раз уж он на кухне, он берет из холодильника новую бутылку пива, и по пути к дивану откручивает крышку.

«Ангелы Чарли» закончились, продолжение обещано на другой день, начались новости. Джефф наполовину смотрит, наполовину слушает, потягивая пиво. Ему бы пить скотч, а не пиво. Только работяги пьют пиво! Но он ведь «просто Джефф» и должен был им оставаться. К тому же если пить скотч, можно спиться. Пиво — напиток умеренности. Верно? Верно!

«Да в чем дело, в конце-то концов? Я должен пить скотч, потому что живу в Кейп-Коде, а не в щитовой халупе, и вожу кадиллак, а не битый «Бискейн»?» К тому же ему наверняка посоветуют подписаться на «Уолл-стрит джорнал» и прекратить читать «Нэшнл инквайрер», «Нэшнл экзаминер» и «Полночь».

Щитовой «халупой» был дом на улице Вязов, где он родился, вырос и — после смерти матери (отец умер раньше на пять лет) — стал хозяином. К тому времени Джефф уже жил в этом доме со своей женой Долорес (детей у них никогда не было). Он никогда не уезжал отсюда, если не считать послевоенных лет, когда он служил в оккупационной армии в Западной Германии. Когда старая хозяйка умерла, он просто продолжал жить в своем доме, и единственное отличие состояло в том, что теперь он платил налоги и оплачивал счета за свет и воду, и когда он говорил: «Пойду-ка схожу в Дом», он говорил это только Долорес.

С тех пор как умер дедушка, дядя Джордж жил в Доме один. Он до сих пор не женился, а теперь уже, конечно, поздно думать о женитьбе. Он довольно сносно готовил, содержал кухню в чистоте и порядке, и, если не считать груд мусора в углах столовой и

гостиной и старья, наваленного в коридорах, в остальном доме было прибрано. Но, когда бы Джефф ни пришел, он ни разу не застал дядю Джорджа за уборкой, со шваброй в руках или за мытьем посуды. В теплое время дядя Джордж неизменно покачивался в кресле-качалке на крыльце, а в холодные месяцы — в гостиной у печки, в старом кресле деда.

Волосы дяди Джорджа постепенно редели и со временем обратились в серый пух на затылке; сам он высох, стал хрупким и ветхим, словно осенний лист. Это заняло долгие годы. Дядя Джордж уже давно перевалил за возраст, в котором умер его отец, и уже почти вдвое пережил Джеффову мать.

Однажды зимой, придя в Дом, Джефф обнаружил, что дядя Джордж скорчился в своем кресле, которое впервые за все время не качалось. Поначалу Джефф решил, что дядя умер, но оказалось, что тот всего лишь дремлет. Дядино лицо так усохло и съежилось, что напоминало лицо эльфа. Беззубый рот был словно маленькая дырочка, шея — тонкой, словно у цыпленка, и такой слабой, что едва удерживала голову прямо. Когда дядя Джордж говорил с вами, ему приходилось откидываться на спинку кресла, чтобы видеть ваше лицо.

— Джефф, — сказал дядя Джордж, — наверное, ты знаешь, что я оставлю тебе Дом и Землю, но я хочу, чтобы сначала ты мне кой-что пообещал.

— Конечно, дядя Джордж, — ответил Джефф.

— Обещай мне, что никогда не снесешь Дом и не продашь его. Я знаю, что Дому очень нужен ремонт, но у тебя будет много денег, и ты справишься. Все, о чем я тебя прошу, — не сноси Дом. Обещай мне, Джефф. Можешь ты дать мне слово чести, что не снесешь Дом и что никто другой этого не сделает?

— Да, дядя Джордж.

С недавних пор ум у дяди Джорджа стал не таким ясным, он часто забывал, о чем начинал говорить, и потому часто и внезапно перескакивал на что-то другое. Поэтому Джефф не особенно удивился (хотя мало что понял в услышанном), когда старик сказал:

— Они смешные тварюшки. Обращайся с ними хорошо, и они все для тебя сделают. Но не стоит их злить. У них есть силенки и всегда найдется туз в рукаве на случай, если ты их взбесишь. Матушка — она привела их. Она никогда не любила мыть посуду, подметать и все такое — любила сидеть да читать свои книжки и журналы. Папа — он с ними поладил, да и я потом.

Удобно, когда они под рукой, и едят они немного — по крошке разок другой. Но мало-помалу они выросли из своих штанишек. Так что не советую обижать их, Джефф.

— Что за тварюшки, дядя Джордж?

Но к тому времени ум дяди Джеффа вернулся из тех мест, где странствовал, и, вместо того чтобы ответить на вопрос Джеффа, дядя повторил:

— Обещай никому Дом не продавать и не сносить, хорошо, Джефф?

— Хорошо, дядя Джордж, — мрачно отозвался Джефф. — Обещаю.

— А теперь, пожалуй, я еще вздремну. Хорошо, что ты время от времени заходишь ко мне повидаться, Джефф. Заходи еще.

Джефф вдруг подумал, не пора ли отвезти дядю в больницу. Похоже, тот собрался помирать. Но, если дядя в больнице не умрет, придется отвезти его в дом престарелых; и то, и другое проделает чересчур большую дыру в семейном бюджете. Да и самому дяде Джорджу такая мысль вряд ли пришлась бы по душе. Поэтому Джефф попрощался и ушел домой. А когда пришел в Дом в следующий раз, то нашел старика в кресле-качалке: он сидел в той же позе, в какой Джефф его оставил. Только на этот раз дядя Джефф умер на самом деле.

Болван-синоптик сообщил, что ночью ожидается дождь, а утром местами туман. Вероятность осадков ночью — 60 %, а завтра — 30 %. Относительная влажность 82 %. Минимальная температура ночью 50 градусов, максимальная завтра — 70 градусов; в настоящее время температура 59 градусов. Ветер юго-восточный 3-5 миль в час.

Джефф допил пиво и отправился на кухню за новой бутылкой. Он сказал себе, что эта бутылка будет последней: назавтра он наметил вечеринку по случаю новоселья и хотел быть в форме.

Когда он открыл холодильник, стук в заднюю дверь возобновился.

— Сукин сын! — сказал он и быстро прошел через кухню к двери, слегка пошатываясь, потом рывком распахнул внутреннюю дверь и широко раскрыл наружную. На этот раз вместо того, чтобы смотреть вперед, он посмотрел вниз.

— Приветствуем! — пропищал первый из стучавших. — Наконец-то ты сумел нас разглядеть, и потому пора перейти к делу.

Ввиду того, что тридцатого числа в прошлом марте ты разрушил домициль, каковой более полувека являлся нашим обычным местом проживания и ввиду того, что домашние обязанности, выполняемые нами там в указанный период времени, дают нам право на частичное владение данным домицилем, мы теперь, в силу упомянутых трудов, заявляем свои права на долю во владении домицилем, выстроенным на том же месте — а именно на этот, — и намереваемся безотлагательно въехать в него согласно договоренности с вашей бабушкой, в изменении к которой значится: «Домашние дела, выполняемые Первой Стороной в Домициле Номер Один, будут выполняться Первой Стороной и в Домициле Номер Два, в обмен на что Вторая Сторона обязуется предоставлять достаточное место для проживания, достаточный обогрев и достаточное питание». А теперь, если вы соблаговолите подвинуться...

— Выметайтесь из моей собственности, маленькие гнусные приживалы! — завизжал Джефф и захлопнул дверь.

Он не сразу узнал комнату — она стала огромной. Потом он разглядел, что это его старая детская. Он лежал на полу на спине, а над ним, огромная и ужасная, высилась красная лестница. Когда великан поднял его с полу и расположил так, что его окостенелые вытянутые руки легли на два верхних гвоздя, он хотел закричать, но, конечно, не смог, потому что был сделан из дерева. Он мог только глупо улыбаться — улыбка была нарисована на его лице. Он улыбался всю дорогу до самого низа. *Клики-клики-клик-клик-клик!* Улыбаясь, он раз за разом проделывал свой последовательный спуск по лестнице, изо всех сил стараясь закричать и внутренне сжимаясь от зловещего выражения на лице великана.

Через некоторое время великану, видимо, надоело, и, прежде чем пустить Джеффа снова, он поднял лестницу выше. *Клики-клик-клик!* Джефф рухнул на пол головой вниз, и искры посыпались у него из глаз. Зловещее лицо великана стало еще более зловещим, и он поднял лестницу еще выше. *Клики-клик-клик!* Это был последний спуск Джеффа.

Голодевушки

Приглашаем девушек с Зовом, Задором и Загаром для рекламы товаров наших клиентов на Три-ви...

«Содействие Талантам»
Здание «Сеспол», офис 1400
Идеалия

Я вернула газетную вырезку посетителю. Перед тем как бросить эту вырезку на мой прозрачный письменный стол, посетитель сообщил мне: у него есть веские причины подозревать, что Амос Курилман, вместе с женой руководящий агентством, на самом деле сутенер.

— Полагаете, это прикрытие для девушек по вызову?

Сеспол кивнул головой в парике, не сводя взгляда с того места, на котором тот остановился, когда он уселся передо мной, — с моих ног.

— Вопиющее прикрытие, мисс Райнхарт. Девицам даже хватает наглости проживать в самом здании. И их сотни! В вестибюле установлена электронная система наблюдения, которая включается сразу как стемнеет, и в записях ни одно лицо не попадается более двух раз. «Сеспол скай-райз» — респектабельное офисное здание, предназначенное исключительно для респектабельного бизнеса. В течение дня девушки поднимаются в офис 1400, где предположительно проходят собеседование; после этого девушки спускаются вниз и отбывают. Целые-невредимые. Но если мои другие арендаторы когда-нибудь хоть мельком увидят *других* девушек, которые уходят и приходят в эту контору, эти арендаторы не просто не станут продлевать новый договор аренды, они потребуют аннулировать существующий!

— И вам нужны доказательства того, чем эти другие девушки занимаются, чтобы лишить Курилмана лицензии.

— Доказательства уровня «пойман с поличным». Нечто осязаемое, что я смогу предъявить ему и что заставит его позорно бежать в ночь, поджав, так сказать, хвост (ха-ха!), но так, чтобы об этом ни в коем случае не пронюхала пресса. Иными словами, порно-фото, хардкор.

— Я беру 300 долларов в день плюс расходы, — сказала я с бесцеремонностью Филлипа Марлоу, которую приберегаю для подобных случаев. — Семьсот баксов аванс.

— Многовато за то, чтобы нащелкать грязных картинок.

— Все не так просто. Прежде чем сделать снимок, мне придется разведать обстановку, а это означает работу ногами. Кстати, треугольный рубец на колене, которое вас так пленило, остался мне на память об одном полуночном происшествии, когда я была совсем мелкой и упала на пивную банку.

Он поднял на меня бледно-голубые глаза и взглянул в лицо. Хихикнул. Затем, внезапно перейдя к делу, поднялся, достал из висевшей через плечо сумки и отсчитал четырнадцать пятидесяток и выложил их на мой стол.

— Надеюсь, вы оправдаете свою репутацию.

— С лихвой.

«Д. Д. Райнхарт. Частный сыск, — значилось на двери моего офиса. — Если я не сумею выяснить то, что вы хотите знать, не сумеет никто».

Небоскреб «Сеспол» вздымается подобно стеклянному фаллосу между двумя куполами-стоянками электромобилей, напоминающими тестикулы. Я в одном из последних нашла, где с грехом пополам припарковать мой «Блю-Джей», вошла в собственно здание и поднялась в главном лифте на четырнадцатый этаж. Психоделические стены, огромный ковер с ворсом по колено, позолоченные двери с выдавленными надписями, настоящий антикварный пожарный топор, висящий в утопленном в стену стеклянном шкафу... Дверь, которую я искала, оказалась двустворчатой. «Содействие», значилось на одной створке, «талантам» — на другой. Двери отворились от моего прикосновения, и я ступила в обширную приемную.

Очередной ворсистый ковер. Убойные кресла, художественно расставленные вдоль светлых стен. Длинный и низкий центральный стол в чешуе популярной периодики. Письменный стол красного дерева, за ним — крупная темнокожая женщина. Табличка с именем: «Сесилия Сторми Курилман». Слева от стола — внутренняя дверь.

Час был ранний (9:30 или около того), однако почти все кресла были заняты кандидатками с заполненными заявлениями в

руках или еще заполняющими заявления. Я взяла из стопки на столе бланк заявления и под холодным взглядов Сесилии Сторми Курилман, упертым мне в спину, направилась к одному из свободных кресел.

Заполняя форму, я одновременно заполняла лакуны, касающиеся других кандидаток, бросая на них *coups d'oeils*, мимолетные взгляды. *Soi-disant*[*] Зов, Задор, и Загар были представлены в различных пропорциях и сочетаниях. У одной из кандидаток были ножки как у носорожки; у других — лица как пицца. У третьей было пузцо, и она напоминала отставную уличную девку. Однако на трех или четырех телок мой клиент Сеспол клюнул бы с ходу. Закон средних чисел.

Ряд вопросов в анкете озадачил меня: «Как вы коротаете вечера? Вы часто выходите прогуляться? Имеете ли вы какое-то отношение к следующему: “Объятия Амура”, отель “Халкион”, “Трист-Инн”».

Я ответила так: «Смотрю Три-ви», «Нет, никуда» и «Нет» соответственно. Далее я вписала свой профессиональный псевдоним — Нэнси Дрю — и сообщила адрес квартиры, которую снимала под этим именем. Номер телефона не требовался — довольно странно в эпоху ежемесячной доставки почты. Заполнив анкету, я отдала ее мисс Курилман. Та свернула листок в трубочку, вложила в цилиндр и отправила цилиндр в зев пневмотрубы.

— Пожалуйста, посидите еще, мисс Дрю, мистер Курилман примет вас в порядке очереди.

Я убивала время, пытаясь мысленно разделить 700 сеспуловских долларов аванса между моими кредиторами таким образом, чтобы осталось на комплект новых шин для моего «Блю-Джея». Тем временем кандидатки, стоявшие в очереди передо мной, одна за другой проходили в кабинет к мистеру Курилману. Через некоторое время я заметила, что те, что входили во внутреннюю дверь, всякий раз выходили оттуда после кого-то, а не сразу, из чего я сделала вывод о существовании некой промежуточной ожидальни между комнатой, где сидела я, и комнатой, где Курилман проводил собеседования (по словам Сеспула, в этом офисе было целых шесть комнат). Эта ожидальня оказалась уютным маленьким вестибюлем с единственным комфокреслом и трельяжем вроде тех, что можно найти в бутиках. Когда я невольно встала перед створками трельяжа, зажегся неяркий, но всюду

---

[*] Так называемые (*фр.*).

проникающий свет, идущий непонятно откуда, и осветил меня со всех возможных углов. В этом льстивом сиянии я грациозно повернулась, пригладила челку и убедилась, что соски, которые я ради такого случая подкрасила оранжевым, торчат из своих глазков точно под углом 90 градусов.

Наконец внутренняя дверь внутрь отворилась, и появилась кандидатка, которая вошла передо мной. Маленький человечек лет сорока с хвостиком в розовом парике, поманил меня, приглашая войти. («Нэнси Дрю, верно? Приятно познакомиться, Нэнси». — «Благодарю вас, сэр. Мне тоже очень приятно познакомиться с вами», и т. д.) Осмотрев меня со всех сторон и сглотнув (те, кому от 16 до 60, сглатывают, а те, кому за 60, пускают слюни), он как будто бы наугад открыл затрепанный экземпляр «Герцогини Амальфи», подал мне и попросил меня читать за графиню.

«Герцогиня:
— «Хочу я, чтобы ты свою Фортуну
Повел на ложе брачное сейчас...»[*]

За чтением я заметила, как он украдкой вытащил у меня из сумочки носовой платок и спрятал в карман.

Когда я закончила, он сказал:

— Прекрасно читаете, мисс Райнхарт.

И забрал у меня книгу.

— Ваша осанка мне также очень нравится.

Еще раз сглотнул, еще раз окинул меня взглядом.

— Мы с вами свяжемся.

«Как? — подумала я. — Голубиной почтой?»

Официально базы мастер-данных, содержащей все актуальные сведения обо всех частных лицах старше 21 года и подсоединенной, точно огромная сеть, к каждому компьютеру в каждом полицейском участке страны, не существует. Но любой частный сыщик, который не даром ест свой хлеб, знает, как обстоят дела на самом деле, и имеет в своем ближайшем окружении служаще-

[*] Дж. Уэбстер. Герцогини Амальфи. Пер. П. Мелковой.

го полицейского участка, который за нужную сумму охотно представит ей или ему требуемые сведения о некоем интересующем сыщика лице.

Мой контакт, белый мужчина (кличка «Глория») работал в полицейском участке № 2. Он добыл мне следующие данные о Курилмане (сведения, не имеющие отношения к делу Курилмана, опущены):

Род.: Уичита (Канзас), 2 января 1978.

Обр.: диплом Университета Грэй по специальности «Торговые и деловые связи».

История супружеских отношений: заключен брак с Сесилией Сторми 6 февраля 2008, детей нет.

30 марта 2009: образовал совместное предприятие с Томом Вентвортом; регистр. серт. «Производство голографического оборудования». Предприятие ликвид. 10 февраля 2017; мебель, оборуд. проданы с аукц. 14 февраля 2017.

16 сентября 2017: открыл агентство по поиску талантов, регистр. серт. «Содействие талантам».

20 мая 2018: перевод «Содействие талантам» из Уичиты (Канзас) в Цинциннати (Огайо).

6 января 2019: перевод «Содействие талантам»» из Цинциннати в Идеалию.

Полицейское досье: отсутствует.

Парапсиходиагноз: фетишизм; циклотимия.

Я получила от Глории еще два слива данных (и вновь материалы, не относящиеся к Курилману, опущены):

Сторми, Сесилия

Род.: Уичита (Канзас), 11 июля 1980.

Обр.: среднее образование (12 кл.), выпущена 19 января 1998. Прошла интенсив «Скоростное преподавание» в марте–августе, 2017.

История супружеских отношений: муж — Амос Курилман, брак заключен 6 февраля 2008; детей нет.

30 марта — 10 февраля 2017: секретарь-помощ. в компании «Производство голографического оборудования».

16 сентября — 2 января 2019: секретарь-помощ. в агентстве «Содействие талантам».

Полицейское досье: арест за нарушение норм морали, Уичита (Канзас), 4 декабря 2001; оштрафована и освобождена. Арест за

сводничество, Уичита (Канзас), 17 августа 2005; оштрафована и освобождена. Арест за содерж. публ. дома, Уичита (Кан.), 20 ноября 2007; оштрафована и освобождена.

Парапсиходиагноз: вероятна личностная психопатия.

Вентворт, Том.

Род.: Уичита (Канзас), 11 июля 1977.

Обр.: диплом инж.-механик., Халгерский технологический институт.

Увлечение: собиратель произведений искусства.

История супружеских отношений: нет.

30 марта 2009: образовал совместное предприятие с Амосом Курилманом; регистр. серт. «Производство голографического оборудования». Ликвидировано 10 февраля 2017.

19 июня 2018: переезд из Уичиты (Канзас) в Цинциннати (Огайо).

21 февраля 2019: переезд из Цинциннати (Огайо) в Идеалию. Последний известный адрес: Сикамор-стрит, 161. Местопребывание в настоящее время неизвестно.

Полицейское досье: отсутствует.

Парапсиходиагноз: шизоидный тип; вероятен прогрессирующий алкоголизм.

На парковке полицейского участка я забралась в свой «Блю-Джей» и закрыла дверцу. В тот же миг кто-то забрался в мою машину с другой стороны и закрыл дверцу. Золотой парик с локонами до плеч; глаза, синие, как Средиземное море; кривоватый нос; широкие скулы; щеки, только начинающие дрябнуть. Пастельная рубашка, обтягивающие слаксы из блестящего материала «акулья шкура», ботинки со стразами.

— Позвольте представиться, мисс Райнхарт, я, Джино Одрусси.

В зеркало заднего вида я заметила троих здоровенных качков, облокотившихся на капот «Хоука».

— Представляться не обязательно, — ответила я Джино. — Я видела вашу фотографию в отделе светской хроники «Идеалии сегодня» как минимум тысячу раз. Мне нравится, как вы сидите на пони — на том, которую ваши девочки подарили вам на день рождения.

Обезоруживающая улыбка не дрогнула ни на миллиметр.

— Рад, что вы упомянули моих девочек, мисс Райнхарт. Ведь это из-за них я здесь. Я оберегаю их и забочусь о них как отец, и мне не нравится, когда в это вмешиваются посторонние.

До меня начало доходить.

— Продолжайте.

— По своим каналам я узнал, что вас наняли, чтобы вы предприняли шаги, которые могут разрушить непреходящее финансовое благосостояние некоего Амоса Курилмана. Это было бы хорошо, мисс Райнхарт, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что Амос Курилман — мой поганец, исключительно мой.

— Почему это он исключительно ваш?

— *Его* девушки работают на территории *моих* девушек. Это плохо. Очень плохо. Но еще хуже их демпинг. Мои девушки берут 600 долларов за ночь, из которых я получаю лишь скромные 33 и 1/3 процента. А вот его девушки берут всего 400 долларов за ночь, и это означает, что либо он работает себе в убыток, либо забирает у них 50 процентов их заработка. Не думаю, что девушки позволяют ему так с собой обращаться, значит, остается только один ответ: он работает себе в убыток, чтобы выдавить меня из бизнеса.

— Всем известно, — сказала я, — что все девушки по вызову в Идеалии присягнули на верность вам. А если так, откуда он берет девиц?

Красноречивое всплескивание рукой. Печально качнулся пудреный парик. Я мгновенно поняла, что он врет, когда Джино ответил:

— Понятия не имею.

На смену обезоруживающей ухмылке пришла мрачная косая ухмылка.

— Но, откуда бы он их ни брал, — продолжил он, — я намерен раздавить его. Собственноручно. Вот почему мне не хотелось бы, чтобы хорошенький частный сыщик вроде вас вставал у меня на пути — тогда мне придется раздавить и ее.

Джино тайком сглотнул, кривая ухмылка растаяла, вернулась обезоруживающая улыбка. Его рука подобралась ко мне, словно щеночек и сжала мое правое бедро.

— Пожалуйста, не заставляй бедного Джино уродовать такое великолепное произведение искусства. Разве недостаточно того, что одна Венера уже лишилась обеих рук?

Я прогнала щеночка.

— Выметайся из моей машины, чертов калабрийский ублюдок! — велела я.

Улыбка словно примерзла к лицу Джино, пока он выполнял мое указание. В зеркало заднего вида я увидела, как он присоединился к Трем Медведям. Когда я выехала со своего места на стоянке, улыбка все еще была на месте — широкая, во все зеркало. Солнечный свет позднего утра лился на парик Златовласки, создавая над ним ореол. Иллюзия была столь же эфемерной, сколь идиотской. Я выбросила ее из головы и влилась в поток машин, направляющихся к району Фруктовый Сад.

Здесь есть заповедные уголки для птиц, ведь правда? И для коал, тюленей и гиппопотамов. Тогда почему бы тут не устроить приют для алкоголиков?

Так определенно рассуждали про себя дизайнеры и проектировщики Идеалии, когда решили сохранить в центре своего образцового города кусок земли для тех его обитателей, которые могут в один прекрасный день ощутить себя неуютно в реальном мире и решат из него удалиться. Участок земли оказался яблоневым садом — отсюда и народное название этого района, — и именно поэтому, проехав силовое поле ворот и припарковав свой «Блю-Джей», я ощутила запах яблок.

Гнилых.

Тропинка поневоле петляла между деревьями; я зашагала по ней. На деревьях было столько боковых побегов, что едва виднелись ветви, из которых они росли. Гнилые яблоки, еще висящие на деревьях или усеивающие землю, были величиной с желудь.

Я шла мимо редких лачуг, слепленных из рубероида и деревяшек, подобранных на мусорной свалке, с батареями винных бутылок, выставленных перед дверями. Первый местный житель, на которого я наткнулась, крепко спал, лежа поперек тропинки. Я перешагнула через него и продолжила свой путь. Следующий абориген сидел под деревом. Этот был живой.

— Добрый день, — вежливо приветствовала его я. — Я ищу местного жителя по имени Томас Вентворт. Можете направить меня в место его обитания?

Местный житель мигнул. Он был трезв, однако отсутствующий взгляд безошибочно указывал на то, что остатки его мозгов спеклись уже довольно давно.

— Гврк, — ответил он.

Я пошла дальше. Еще один местный. Идет своими ногами. Шляпа с обвислыми полями, пальто, вьетнамки. Пальто кое-где поросло мхом.

— Любезный господин, — обратилась к нему я, — не знакомы ли вы случайно с джентльменом сорока лет, питающим склонность к механике, по имени Томас Вентворт?

Он пялился на мою сумку со свинцовыми прожилками так, словно чуял укрытые там две пинты мускателя, купленные мной после того, как я уехала с парковки участка № 2.

— Томас... э?

— Неважно, — отозвалась я и прошествовала вглубь Фруктового Сада.

С четвертым встреченным мной местным мне повезло больше.

— Его дом в лежбине, — сказал он мне.

Я понятия не имела, что значит «лежбина», но решила, что если пойду дальше по тропинке, то когда-нибудь туда приду, так и вышло. По гальке и битому стеклу журчал ручей, на усыпанных осколками берегах сидели на корточках аборигены различных габаритов и вида. Идя вдоль ручья, я набрела на местного, стиравшего носки, однако он не был тем, кого я искала. Это был новичок (кто, кроме новичка, даст себе труд стирать носки?) и относительно молод для алкоголика. Довольно молод и пал еще не столь низко, чтобы не сглотнуть при виде меня. Когда я проходила мимо, он хотел меня схватить, и пришлось двинуть его по руке сумочкой. Когда он кинулся на меня, я ударила его еще раз — по голове. И оставила его всхлипывать, сидя посреди реки.

Не слишком люблю алкашей.

У Вентворта не было почтового ящика с его именем, но, набредя на однокомнатный сборный домишко с цветочными ящиками под окнами, я не усомнилась, что этот дом его. В ящиках росли только винные бутылки, однако это обеспечивало некоторую индивидуальность, а Вентворт, не сомневалась я, не был обычным пьяницей.

Я поднялась по трем кривым ступенькам на шаткое крыльцо и заглянула внутрь сквозь дверь-ширму без москитной сетки.

— Томас Вентворт здесь живет?

Сгорбленная фигура на единственном в комнате стуле пошевелилась.

— Томас Вентворт умер. Упокоился с миром.

Я вошла, открыла сумку и быстро бросила ему на колени бутылку мускателя (как ни удивительно, ни одна не разбилась). Потом тихо присела у ближайшего окна. Вентворт открыл брошенную ему бутылку и разом опорожнил ее на треть. Когда он утер рот рукавом, я сказала:

— Через пять минут я уйду. Оставлю я вам или нет вторую пинту зависит от того, насколько откровенно и быстро вы станете отвечать на вопросы, которые я собираюсь вам задать. Всего несколько вопросов. Готовы? Вопрос первый: вы с Курилманом расстались друзьями?

В скудном свете, пробивавшемся сквозь листву и сочащемся в окна и дверь, я не могла отчетливо разглядеть его лицо. У пьяниц нынче не бывает лиц — только комья глины, которая упрямо оседает, сколько бы ее ни пытались вернуть на старое место.

Через некоторое время Вентворт отозвался:

— Курилман заплатил мне — столько, сколько я просил. Он знал, что я собираюсь сделать с деньгами. И знал, что через год или два я паду чересчур низко, чтобы построить другую машину, и что до тех пор я не буду пытаться это сделать. Нет, не скажу, что мы расстались друзьями, но и врагами мы тоже не расстались.

— Вы, конечно, шантажируете его.

— Постоянно. Но каждый раз беру понемножку.

— Машина, о которой вы говорили, — как она называлась?

— Голопликатор.

— И для чего она?

Вентворт прикончил вино и швырнул бутылку в угол.

— Неважно, что машина делает, потому что она делает это только временно, а в плане того, для чего я ее придумал, она вовсе ничего не делает. Я облажался.

— Курилман, похоже, так не думает. Он выкупил у вас бизнес. Почему?

— Не знаю.

— Прекрасно знаете.

— Ладно. Теперь я знаю почему. Но тогда я этого не знал.

— И поэтому вино?

— Юная леди, вино не бывает почему-то. Бывает просто вино.

— Я знаю, — сказала я. — Но вы лишь второй пьяница, который мне в этом признался.

— А х-хто был первый?

— Мой отец, — сказала я, вышла и закрыла дверь.

— Ди Ди Райнхарт, вот те на, — сказал один из типов, похожих на чиновников, тот, что повыше, когда на следующее утро я вышла из кафешки-автомата «Завтрак».

— Или это Нэнси Дрю? — спросил тот, что ниже ростом, и, взяв за руку, проводил меня к «Спэрроу», припаркованному позади моего «Блю-Джея».

Я чую агентов РБИ за милю. Может, из-за пудры, которую они сыплют на свои парики.

— Поехали кататься?

— В парк.

Зажатая между агентами на узком переднем сиденье, я смотрела на то, как улицы и проспекты разворачиваются передо мной в зелени кленов, платанов, лип и ясеней. Идеальный город, задушенный зелеными ветвями. Вокруг сомкнулся парк: пение птиц; по пятнистым от солнца газонам прыгают малиновки; влюбленные держатся за руки на скамьях, вырастающих из деревьев. «Когда я бодрствую и во мне брезжит свет — тогда и утро»*.

Набравшись, отец, обычно глядел на задний двор и говорил эти слова, даже если уже стемнело.

Мой высокий конвоир припарковал «Спэрроу» напротив скамейки под дубом, мы втроем выбрались наружу и присели на скамью, я в середке.

— Мисс Райнхарт, — заговорил коротышка, — у нас есть ваш номер.

— Вы слишком много смотрите старых фильмов по Три-ви, — сказала я.

— Прикуси язык, сестренка, — сказал высокий.

Снова цитата из старого фильма.

— Что за шухер? — спросила я.

— Никакого шухера, дорогуша. Просто совет. Районная безопасность Идеалии уже занимается Курилманом, и нам не нужны посторонние, которые суют свой нос куда не надо. Один сознательный гражданин Идеалии — весьма видный — дал нам знать, что «Содействие талантам» — это прикрытие для торговли живым товаром, и мы уже вот-вот возьмем нашего парня.

— Левые доходы, верно?

— Можешь не сомневаться, и левые доходы тоже! Да, мы вот-вот его сцапаем! Верно, Берни?

— Точно, Сэм!

---

* Генри Торо. Уолден, или Жизнь в лесу. Пер. З. Александрова.

Меня ничто не обязывало рассиживаться здесь. Я это знала, и они это знали. Я встала.

— Не сомневаюсь, что сцапаете, — сказала я. — Сцапаете точно так же, как ваши пращуры, БРИ, сцапали Аль Капоне. Вы сцапаете его за то, что он не оставил чаевых официантке, но не поставите ему в вину неоплаченную пасту. А потом еще будете ходить и повсюду этим хвастаться.

С этими словами я направилась к обочине и остановила проезжающее электротакси.

— Мы еще устроим тебе аудит! — проорал мне в спину Сэм, когда я забиралась внутрь.

Я захлопнула дверцу.

— Валяйте! — рявкнула я в окошко.

«ДОМОХОЗЯЙКА ВИДЕЛА ДВОЙНИКА: *якобы она своими глазами видела, как та выходит из отеля.* Сегодня утром миссис Ральф Коммингер рассказала корреспонденту «Ровинг апдейтс репортер», что, проезжая мимо отеля «Халкион», «заведения с сомнительной репутацией, куда сама бы никогда ни ногой», увидела, как она сама выходит из этой гостиницы», и т. д.

«ДЕВУШКА ПО ВЫЗОВУ, АРЕСТОВАННАЯ ЗА РАБОТУ БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ, ИСЧЕЗЛА ИЗ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ, *оставив там платье, трусики, туфли.* Сегодня рано утром полиция, прибыв по вызову обеспокоенного гражданина, арестовала эскорт-девицу, работающую без лицензии, когда та выходила из номера клиента в «Трист-Инн»; у нее также не оказалось и удостоверения личности. Конфисковав находящийся при ней конверт, полиция обнаружила в нем три стодолларовые и две пятидесятидолларовые банкноты».

«ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ДЕВУШКА ПО ВЫЗОВУ НАЧИНАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЬ: ОНА ОТКАЗАЛАСЬ ПРОДОЛЖАТЬ ОТНОШЕНИЯ С КЛИЕНТОМ, ОТ КОТОРОГО РАНЕЕ ПОЛУЧАЛА ДЕНЬГИ, *заявив, что она — почтенная домохозяйка.* Вчера вечером Джеймс П. Роуи, арестованный вчера вечером за приставания к Марианне Мори, настаивает на том, что та — девушка по вызову, которой он три дня назад заплатил за ее услуги 400 долларов в отеле «Объятия Амура» и т. д.

Я не стала утруждать себя тем, чтобы полностью прочесть отобранные для меня автоматическим селектотроном статьи из

«Идеалия апдейтс». Картина была ясна. Пришла пора заработать свои 700 долларов.

Поскольку сделать это я могла только вечером, я решила взять до тех пор выходной.

И не слишком удивилась, когда, вернувшись к себе, обнаружила в квартире Златовласку и Трех Медведей (замки, считывающие отпечаток пальца, при всей их хваленой невзламываемости не представляют большой проблемы для профи). Златовласка сидел в одном из моих любимых кресел; напротив него, тесно прижавшись друг к другу, уместилась на диванчике троица «медведей».

— Кто-нибудь хочет пива? — спросила я.

Глаза у Трех Медведей загорелись, но Джино покачал головой.

— Мы пришли по делу Курилмана, мисс Райнхарт, как вы, без сомнения, догадались. По непонятным причинам вы не захотели оставить нам разборку с поганцем. Отлично; значит, теперь у вас два выхода. Можете по праву занять место рядом с Венерой Милосской (минус обе руки) или можете сказать, где Курилман берет своих девочек, что очень волнует меня, уважаемого городского налогоплательщика, и озадачивает — тайна, которую вы, прекрасный частный сыщик, несомненно не могли к этому времени не раскрыть.

Я присела на диванницу.

— Может, на Марсе?

— Он берет их, как вам отлично известно, — сказал Джино (на его лице боролись обезоруживающая улыбка и оскал, причем последний понемногу одерживал верх), — заманивая домохозяек, фабричных девушек, официанток из пиццерий и тому подобных простушек в свой офис при помощи хитрого объявления в разделе рекламы «Идеалия сегодня». Там он запускает магическую метаморфозу, позволяющую домохозяйкам, официанткам, фабричным работницам и прочим простушкам уйти через ту же дверь, через которую они вошли, и одновременно позволяющую тем, кто прошел отбор как девушки по вызову, приносить потом прибыль Курилману, обслуживая клиентов по сниженному тарифу за 400 долларов. Я хочу знать одно: как ему удается проворачивать такие фокусы?

Моя квартира — на самом верхнем этаже, а значит, снабжена световыми люками и получает львиную долю солнечного света. Комната сияла от солнца, и над париком Джино уже формировалось проклятое сияние. Славься, Юпитер. *Capo di tutti capi*. На-

следник добычи Кастелламмарской войны, наследник сменявших одна другую империй Массерия, Маранцано, Лучано, Дженовезе, Гамбино, Луччи и Бомбастино. Бог в блестящем костюме из акульей кожи и в парике, высокомерно шагающий по мазохистам, пресмыкающимся у его ног...

Нет, Джино, нет. Это не обо мне.

— У Курилмана, — сказала я, — есть машина вроде большой мясорубки. Его жена закладывает внутрь девицу, добавляет по вкусу сахар, соль и разные пряности — все что нужно, Курилман крутит ручку. И из каждой заложенной девушки получаются две, одна для его бизнеса, а другая идет восвояси обратно к своему Три-ви, на фабрику или к подносам с пиццей и спагетти...

В секретном ящичке диванницы, так, чтобы я могла удобно достать его правой рукой, лежал полностью заряженный пистолет-разрушитель, но он не понадобился. На лице Джино еще некоторое время боролись мрачная ухмылка и обезоруживающая улыбка, но ни одна не одержала победы. Исчезли обе. Обе. Он поднялся и молча прошел к двери. Три Медведя двинулись следом, косясь на меня, когда проходили мимо. Не то чтобы не веря в такой исход, но с облегчением. Поскольку, если бы Джино отдал им приказ, они не смогли бы его исполнить. Это была и его, и их ахиллесова пята.

Проведя день в хлопотах и приятном отдыхе (устроила постирушку и перечитала «Чуму» Камю), я приготовила легкий ужин и съела его при свечах за маленьким обеденным столом, накрытым дамасской скатертью. Я пока не трогала сеспуловские 700 долларов (мой принцип — не тратить деньги клиента до тех пор, пока я их по-настоящему не заработаю); когда это случится, я куплю себе стейк, который вожделела не одну неделю, и, может быть, добавлю к нему картошку-фри и зеленый салат с огурцами и помидорами.

В одиннадцать вечера я припарковалась напротив главного входа в небоскреб Сеспула; моя камера «Лазероид» лежала в сумочке на сиденье рядом со мной. Освещение в Идеалии не идеальное; как во всех обычных городах, тут разрешается оставлять в жилых и деловых районах маловаттные лампы, а фонари ставят только на углах улиц. Идея примерно такова: «Общегосударственный переход на солнечную энергию не за горами, но до тех пор, пока мы к нему не пришли, нам придется поэкономить». Подобные доводы имели бы смысл, если бы: (1) экономия распространялась и на Три-ви, (2) если бы экономия применялась и к

беспорядочному использованию энергии в дневные часы. По сути, идея в целом сводится к психологическому фокусу, чтобы успокоить граждан, пока Рим горит.

Большая часть окон в небоскребе Сеспула не горела, но в нескольких в эти ночные часы брезжил слабый свет; одно из таких окошек находилось на четырнадцатом этаже. Был ли это офис 1400, я не знала.

Электромобилей было мало, пешеходов еще меньше. Время ожидания я коротала, пытаясь разыскать выпавший из истории Курилмана параграф. Я знала, чем он занимается и где — где-то в офисе 1400. Правда, я, не имея технической жилки, понятия не имела о том, *как* именно он это делает, но он это *делал*, а если так, почему он не проделал это со мной? Я ведь видела, как он сглотнул, верно? И где в этой схеме место Сесилии Курилман? Наверняка ей отводится более значительная роль, чем просто секретарь, кем она представляется?

К главному входу подъехало электротакси, из дверей вышла девушка в платье и села в такси. Голодевушка? Фонарь на углу был слишком далеко, чтобы хорошо освещать происходящее. Разглядеть что-то было сложно, и сказать что-либо с уверенностью я не могла.

На всякий случай я решила дождаться повтора и не села на хвост такси.

Через некоторое время подъехало новое такси, из дверей небоскреба вышла другая девушка, села в машину и уехала. На этот раз я поехала следом.

Я знала Идеалию как свои пять пальцев, и не успело такси проехать три квартала, как я уже поняла, что направляется оно в «Прист-Инн». Поэтому я обогнала такси и припарковалась на другой стороне улицы в тот самый миг, когда оно подъехало к главному входу. Девушка в платье вышла из такси, расплатилась с водителем, достав деньги из туфли (сумочки у нее не было), и побежала по обсаженной кустами дорожке к дверям. Когда она входила, я более-менее разглядела ее в тусклом свете гостиничных фонарей и что-то в ней — что именно, я так и не смогла понять — испортило мне настроение. Ощущение напоминало *дежавю* — по крайней мере было таким же кратким и неуловимым, и я не успела понять, в чем дело.

К тому моменту, как я вошла в холл, девушка уже поднималась на лифте. Указатель остановился на цифре 5. В холле никого не было — само собой, в такой-то поздний час. Возле лифта на-

ходилась кнопка вызова ночного портье. Рядом с кнопкой висел список гостей гостиницы «Прист-Инн».

По правилам Идеалии такие списки полагалось обновлять каждый день. Читая его, я знала, что просматриваю фамилии гостей не десятилетней с хвостиком давности.

Только три номера на пятом этаже были заняты: 502 — Джоном Олмсом, 507 — Клинтоном Адамсом и 510 — Чарлзом Провено. Вычислять псевдоним несложно, а я искала именно псевдоним. Почему? Потому что псевдопрестижные отельчики вроде «Прист-Инн» предназначаются для обслуживания иногородних постояльцев со средним достатком, а иногородние постояльцы со средним достатком, любящие покувыркаться с девушками по вызову, как правило пекутся о своем добром имени.

Я остановила выбор на «Клинтоне Адамсе». От него тянуло как раз тем самым псевдопрестижным душком.

Прежде чем подняться, я немного подождала. Этикет — *de rigueur* — требовал, чтобы девушки по вызову немного поболтали с клиентом, прежде чем прыгнуть к нему в постель, и вряд ли голодевушки Курилмана стали бы нарушать эти правила. Клиента тоже следовало учитывать. Иногда они зажаты и их требуется расслабить.

Откуда я знаю? Вращалась в близких кругах, вот откуда.

Ожидая, я проверила «Лазероид» и убедилась, что тот полностью заряжен. Через десять минут я вошла в лифт, который должным образом вернулся в вестибюль, и велела поднять меня на пятый этаж. Узкий коридор с кричаще-пестрым ковром. В концах коридора по сорокаваттной лампе. Стены в неряшливых, словно вырастающих из них, розах. Остановившись напротив номера 507, я положила «Лазероид» на пол, достала из сумочки пузырек и выдавила в замочную скважину несколько капель жидкой отмычки (по очевидным причинам в гостиницах никогда не использовались замки, распознающие отпечатки пальцев). Потом убрала пузырек и вооружилась «Лазероидом»

Планировка псевдопрестижных гостиничных номеров — сама простота: кровать у одной стены, напротив на стене Три-ви; два стула: один напротив арки, ведущей в душевую кабинку, другой у кровати; столик. Освещение обеспечивает единственная лампа на потолке, один включатель помещается на панели в изголовье кровати, другой — слева от двери.

Я выждала шестьдесят секунд, необходимые для того, чтобы жидкая отмычка сделала свое дело, потом повернула ручку две-

ри, вошла и включила свет. «Лазероид» я заранее нацелила в нужную сторону. Когда в видоискателе появилась кровать, я повернула записи, и недолгая вспышка лазерного луча явила моему правому глазу то, что записывала голокамера: клиент Курилмана яростно трахал...

Меня!

Маленькая шлюшка дематериализовалась без пятнадцати восемь на следующее утро. Всю ночь я простояла у двери на страже, чтобы эта штучка не улизнула и еще больше не опорочила мое доброе имя.

Я затолкала ее пошлую одежонку под кровать (а до того заставила ее снова одеться). «Клинтон Адамс» давно уже сделал ноги. Не знаю, что потрясло его больше — то, что, оглянувшись на дверь, он увидел через плечо меня, или выражение моего лица. В любом случае он оделся и спешно отбыл.

Когда я снова уселась за руль своего «Блю-Джея», меня еще потряхивало, и, чтобы успокоиться, я прокатилась по парку. Ближе к десяти я поднялась на лифте на четырнадцатый этаж сеспуловского небоскреба. Первым делом я треснула с размаху сумочкой по стеклянной двери ящика, в котором лежал старинный пожарный топор. Стекло разлетелось, я схватила топор и вошла в приемную «Содействия талантам». Златовласка и Три Медведя уже были там, а еще Берни и Сэм. Мисс Сесилия Сторми Курилман сидела за своим столом красного дерева, спокойная, точно смуглый военный крейсер, и пристально смотрела в точку пространства прямо над головой Златовласки. Ее муженек метался по ворсистому ковру, заламывая руки, и твердил: «Что за другие девушки? Что за другие девушки?»

Все разинули рты, когда вошла я с топором.

Я пошла мимо них, пинком выбила внутреннюю дверь, вошла во внутреннюю комнатку ожидания и вдребезги разбила там чертово зеркало. За зеркалом стояло нарядное, словно рождественская елка, многоярусное сооружение из кристаллов, трубочек, проводков и прочих деталек. Его я тоже грохнула. За устройством открылись, отделенные от меня звуконепроницаемым парастеклом, сливки вчерашнего урожая голодевушек — они в поношенных пижамках полулежали на студийных кушетках, не отрывая глаз от экрана обучающего внушителя. Бракованных не было ни одной.

* * *

Никто не пытался помешать мне уйти. Я вернула топор в его держатели в разбитом ящике, спустилась вниз, села в «Блю-Джей» и укатила домой.

По дороге я остановилась возле городской публичной библиотеки и предприняла кое-какие запоздалые поиски.

— В лазерной голографии, — объясняла я на следующее утро Сеспулу, — лазерный луч разделяется посредством зеркал. Один из двух результирующих лучей используется для освещения объекта, а отражение объекта проецируется на фотографическую пластинку. Второй луч зеркало отражает прямо на пластинку. Это опорный луч. На пластине опорный луч встречается с отраженным от объекта лучом; происходит интерференция, создающая рисунок. При направлении на пластину одного только опорного луча, проходящие через нее лучи создают на основе интерференционной картинки точную трехмерную копию объекта. От этого и отталкивался Томас Вентворт, когда взялся изобретать свой «голопликатор».

Для разнообразия взгляд Сеспула был направлен не на мои колени, а поверх стола мне в лицо.

— И вы ее разбили — эту машину?

— Вы отлично знаете, что да. Вы же меня покрываете, верно?

— Да. Но не ради вас. А ради «Сеспул билдинг»... Но *зачем* вы разбили машину? Явно не для того, чтобы помешать Одрусси наложить на нее лапу? Он не смог бы это сделать — не в присутствии РБИ.

— В присутствии Сесилии Курилман все-таки мог. Машина Вентворта, — продолжила я, — использовала только основные принципы лазерной голографии. И выходила за их рамки так же далеко, как четырехмерная геометрия выходит за рамки планиметрии. Машина могла создавать полноразмерные 3D-образы в пространстве, причем такие убедительные, что они обретали собственную реальность. Для неодушевленных объектов продолжительность такой реальности столь мимолетна, что практически равна нулю. По причинам, о которых мы никогда не узнаем, только объекты, состоящие из живых клеток, существовали в собственной реальности в течение заметных промежутков времени — для человека это около сорока шести часов. Но целью Вентворта не была голопликация людей — он не *любит* людей. Ему хотелось собирать неисчезающие голокопии *objects d'art*.

После того как выяснилось, что голокопии отказываются быть реальными дольше мгновения, он разочаровался в своем устройстве, и когда Курилман предложил выкупить ее — машина, созданная во время существования компании, принадлежала компании — тот ухватился за этот шанс. Благодаря своей милой натуре, жена Курилмана мгновенно увидела возможности нового аппарата. По заключении сделки она прошла интенсив по ускоренному преподаванию. Через шесть месяцев они создали «Содействие талантам».

— А зачем ускоренное преподавание? — спросил Сеспол.

— Голопликатор, ясное дело, не мог голоплицировать разные тонкости вроде индивидуальности черт характера, полученного образования и т. д. Вероятнее всего, все, что доставалось копии, была телесная оболочка и пара-тройка основных физических возможностей. Сесилия Сторми Курилман располагала чересчур малым временем, даже при наличии внушителя, чтобы многому обучить голодевушек, но ей это и не было нужно. Какое образование нужно ходячей говорящей развратной кукле?.. Теперь вы все поняли, мистер Сеспол?

— Теперь понял.

Сеспол улыбнулся мне. Злобно.

Он знал! *Он знал!*

— А теперь, мисс Райнхарт, — сказал он мне, протягивая руку, — поскольку я платил вам не за расследование деятельности Курилмана, то если вы просто передадите мне порнофото, за которые я вам заплатил, обещаю не держать на вас зла, забыть о негативной атмосфере, которую вы создали вокруг Небоскреба Сеспула, и с легким сердцем уйти своей дорогой.

Я вытащила из сумочки полученные от него четырнадцать пятидесяток и положила на стол.

— У меня нет порнофото. Я забыла зарядить «Лазероид».

Не переставая улыбаться, он расстегнул свою сумку, вытащил и отсчитал еще четырнадцать пятидесяток и положил рядом на стол.

— *Думаю*, фото есть.

— Забирайте ваши грязные деньги и проваливайте!

Он хихикнул. Потом медленно поднялся, собрал со стола все двадцать восемь пятидесяток и засунул в сумку. Когда он еще раз усмехнулся, я повернулась к нему спиной. Я услышала, как

он вышел в дверь. Смеялся, смеялся и смеялся, удаляясь по коридору...

Нэнси Дрю, девушка-детектив.

Ди Ди Райнхарт, частный сыщик.

Иногда по ночам я поднимаюсь на крышу своего дома и сижу там в шезлонге, смотрю на звезды. На свою звезду. На Арктур, если вам интересно. Красно-оранжевый, холодный, далекий. И все же он вовсе не моя звезда. У виноградной лозы множество лиц, вино получают тысячей способов. Мое тело — весенний сад, вокруг которого я воздвигла стену. Когда я пишу, я подражаю Чандлеру, Хэммету и Спиллейну, но все это время мне дико хочется написать нечто прочувствованное в духе бедняги Скотта.

Я сижу в шезлонге под звездами и плачу.

Ди Ди Райнхарт, частный сыщик...

Крутая Нэнси Дрю.

Принцесса Аккира

Гарри Вествуд, веривший в чудовищ (он убил семерых), остановился на ночевку у извилистого ручья, стекавшего по склону Алого Холма. Надув палатку, он включил переносной походный очаг; потом открыл термоупаковку с ужином и термобанку кофе и присел у очага. Ужинал он под звездами.

Ружье Гарри держал под рукой. Это был новенький «Фольц-Хедир», собранный так мудрено, что ствол, спусковой механизм и обтекаемый приклад казались единым целым. Ружье он предпочитал держать поближе, потому что сразу за холмами был замок Папсукила и огр мог бродить неподалеку. Вествуд на это и рассчитывал. Если бы сегодня ночью ему удалось убить Папсукила, половина работы была бы сделана. Вторая половина — освободить принцессу — тогда бы стала пустячной.

Не требовалась объяснять, что, убив огра, Вествуд должен будет убить и его верхового зверя, поскольку в контракте значилось «истребить обоих чудовищ». (Офис Галактического управления никогда не употреблял слова «убить», ведь в биологиче-

ском смысле невозможно убить создание, которое никогда не рождалось. Тем не менее Вествуд знал, что из умирающего Папсукила хлынет настоящая кровь, и из Морги, его скакуна, тоже, и лично для него слово «убить» было самым подходящим).

Когда дошло до кофе, он закурил сигарету. Солнце село, и похолодало градусов на десять. Ночи в Аккире были холодные, несмотря на то, что эта крохотная страна находилась в экваториальной зоне планеты Благослови-Господи-Сей-Мир. Но пока что он грелся у походного очага; потом, отправившись спать, он включит в палатке встроенный обогреватель. Настоящий домашний уют. Но уют его не радовал, и он поймал себя на том, что думает об аккирских девушках, которых видел утром в маленькой местной деревушке, откуда отправился в путь. Аккирцы, примитивный народ, физически были одной из самых красивых рас в Галактике, и теперь девушки резвились в его памяти, словно нимфы. Он так увлекся приятными легкими воспоминаниями, что, когда к его костру из темноты вышла аккирская девушка из плоти и крови, он вздрогнул от неожиданности.

Вествуд вскочил на ноги, сжимая ружье. Он напряженно вглядывался в тьму у нее за спиной и напрягал слух, силясь расслышать даже самый слабый необычный звук. Но он никого больше не увидел, а слышно было только журчание ручья, тихое стрекотание насекомых, да вполне настоящее потрескивание костра.

— Я Хайсидра, — сказала девушка.

Принцесса!

— Как ты убежала?

— Он иногда дает мне убежать, чтобы потом поймать снова. Такая игра.

Они говорили на аккирском, который Вествуд выучил ускоренным методом. У девушки были глубокие темные глаза. Черные волосы были влажными и липли к лицу, и Вествуд подумал, что она, наверное, искупалась в ручье. Ее легкое одеяние из цельного куска ткани походило на саронг; пришла она босиком. Ростом она была почти с Вествуда, а ее узкое лицо с чистыми линиями лба, носа и подбородка вполне подходило принцессе. Вествуд вспомнил, что она никакая не принцесса, что деревенские называли ее так просто потому, что она живет в замке. В представлении этих людей в замках жили только принцессы, по своей ли воле или по принуждению. До того как Папсукил ее похитил, Хайсидра была простой молочницей. И, вопреки производимому впечатлению, молочницей оставалась.

— Если он позволил тебе сбежать, то, наверное, теперь тебя ищет.

— Да. Сейчас наверное ищет.

— Он обижал тебя?

— Нет.

— Есть хочешь?

— Нет. Я хорошо поела. Я ем не то, что ест он, — быстро добавила она. — Он охотится на небольших зверьков, и я их готовлю.

— Подождем его.

— Зачем ты — убивать чудовищ, которых создают люди вроде аккирцев.

— Мы не создавали Папсукила. Однажды он въехал в нашу деревню и забрал двоих детей. Наши воины выследили его до замка и попытались убить из луков, когда он вышел из ворот, но стрелы отскакивали от его железного одеяния, а он только смеялся. Он снова и снова приезжал в деревню и забирал детей, а потом стал ездить и в другие деревни. Но наши воины так и не могли с ним справиться. Однажды он приехал в деревню, увидел меня и забрал. Видите, это не мы создали его.

— Но когда он появился в первый раз, все уже знали, кто он такой.

— Конечно. Родители рассказывали нам о нем, а им рассказывали их родители. Мы знали, что когда-нибудь он появится.

Вествуд рассмеялся.

— Вот потому он и появился.

— Потому что мы знали?

— Потому что вы его создали.

Он увидел, что она все еще не понимает. Он и не ожидал, что поймет. Примитивные люди были не способны уразуметь, что если достаточное их число достаточно долго будет верить во что-то, то оно станет правдой и их невежество — секрет «успеха».

Над холмами раскатился гром. Звук нарастал, и Вествуд понял, что это стук копыт Папсукилова скакуна.

— Он ищет меня, — сказала Хайсидра. — Мне пора.

— Нет, — сказал Вествуд. — Оставайся у костра, где он сможет заметить тебя. Я спрячусь за деревьями, и, когда он появится, убью его и его скакуна.

— Нет! Это он убьет вас!

Девушка развернулась и убежала во тьму.

Вествуд со всех ног бросился за ней, но увидел только, как она исчезает в роще у подножия ближайшего холма. Он понял, что ему не поймать ее, и вернулся к костру. Грохот копыт стих, и, взглянув на холмы, он увидел на фоне ночного неба силуэт всадника. Он вскинул ружье к плечу, но не успел прицелиться — всадник исчез. Он задумался, заметил ли его Папсукил. Опять послышался стук копыт, теперь более медленный, и Вествуд понял, что огр спускается с холма. Внезапно донесся слабый крик, а через мгновение Папсукил на скакуне появился на другом холме. Вествуд увидел, что девушка уже у него.

Силуэт исчез. Гром загремел снова, на этот раз затихая, и окончательно затих вдали. Вествуд выругался. Если бы Хайсидра не запаниковала, он бы уже свалил и Папсукила, и его скакуна.

«Видел ли меня людоед?» — подумал Вествуд. Вряд ли. Но огр мог заметить костер.

«Достану его завтра, — сказал себе Вествуд. — Повешу его скальп в своей берлоге. Рядом со скальпами Тиска, Удона, Матери Маграб, Читцена, Мимба, Дижлеи и Дива».

Он допил остывший кофе. Вспомнил Хайсидру. По правде сказать, он не переставал думать о ней. Такая девушка озаряла его поход светом романтики. Он представлял себя старинным рыцарем, прямо со страниц Мэлори.

Погасив «костер», он включил и расширил защитное поле палатки, закрыв им и «костер»; потом забрался с ружьем в палатку и застегнул клапан. Внутри он включил обогреватель, скинул сапоги и растянулся на надувном полу. Чтобы отвлечься от Хайсидры, он принялся думать о богах, оградах-людоедах и драконах, и о великанах, которых человек создавал в прошлом. О пантеоне, водворенном греками на гору Олимп. О Гренделе и о матери Гренделя, которых таны создали за хмельным медом в чертоге Хротгара. О каннибале Вендиго. Драконе Фафнире. Отвратительном Снежном Человеке и о Бигфуте. О Поле Баньяне. Хотя на самом деле Пол Баньян не входил в этот список, потому что так и не материализовался. Люди, которые выдумали Пола, были полуцивилизованными и никогда не считали Пола Баньяна реальным. Земля давно освободилась от богов и драконов, людоедов, и великанов. Но межзвездные перелеты вновь вывели их на первый план, и, прежде чем ступить на поверхность новой планеты, требовалось очищать ее от чудовищ, подсознательно вызванных к жизни ее аборигенами-мазохистами. Нельзя было допустить, чтобы Читцен или Мать Маграб требовали жертвоприно-

шений или охотились на колонистов. Нельзя было допустить, чтобы Папсукил продолжал похищать у колонистов детей.

Вествуд повернулся на бок и ощупал правую руку, проверя, на месте ли та. Этот ритуал он повторял всякий раз перед сном. Рука была полнофункциональным протезом со всеми качествами оригинала. Настоящую руку ему откусила Дижлея-людоедка. Уже много лет ему снились об этом кошмары. Во сне он снова и снова видел, как жуткие ярусы подобных скалам зубов Дижлеи смыкаются на его правом запястье. Ему пришлось пожертвовать рукой, чтобы загнать пневмокартридж Дижлее в глотку. Да, его часто мучили кошмары. Но сегодня ночью кошмаров не было. Он спокойно проспал до утра.

Наутро, выйдя из палатки, он понял, почему Команда подготовки планеты назвала эти холмы Алыми — лучи восходящего солнца окрасили вершины холмов кровавым багрянцем. Словно бы Папсукил всю ночь носился по холмам и поверг там тысячи недругов. Но это окрашивание долго не продержалось, и к тому времени, как он допил утренний кофе, холмы уже снова были зелеными.

Он свернул лагерь — выключил защитное поле, выпустил воздух из палатки и скатал ее, превратив в небольшой цилиндрический сверток, который легко поместился в рюкзак. Потом он упаковал переносной очаг. Он не торопился. По природе он был человек спокойный, хладнокровный.

Перед тем как застегнуть рюкзак, он достал две термоупаковки с пайком и сунул в карманы штанов. Потом спрятал рюкзак в ближайшей роще. Наполнил флягу из ручья и бросил в воду очищающую таблетку. Потом удостоверился, что на ремне закреплены запасные заряды для его «Фольц-Хедира», вскинул ружье на плечо и неспешно отправился в путь. Он был высоким и худощавым. Многочисленные солнца до срока выдубили его узкое лицо, на щеках виднелась сетка лопнувших мелких сосудов. Он поднялся по склону того холма, где впервые встретил Папсукила. Там он отыскал следы его скакуна. Следы были глубже, чем Вествуд ожидал, но он не удивился. Папсукил не был великаном, хотя аккирцы придали ему более крупные, чем у обычных людей, пропорции, значит, и Морга был крупнее лошадей.

Он больше не стал взбираться на холмы, а пошел между ними. От деревни к холмам он шел целый день. Большую часть Ак-

кира покрывали леса, что исключало использование наземного транспорта, а на форпосте Галактического управления, куда его доставил портовый флаер, не было ни одного собственного летательного аппарата. В любом случае он не стал бы охотиться на Папсукила с воздуха, поскольку из собственного опыта знал, что настоящий Беовульф охотится на земле.

Выйдя из ложбины между холмами, он увидел замок. Он высился примерно в миле от него посреди травянистого плато, протянувшегося до самого подножия. Давным-давно замок принадлежал прототипу и тезке Папсукила, феодалу, который правил большей частью Аккира. Не в силах выносить жестокость своего господина, крепостные восстали и после кровавой схватки на плато убили и первого Папсукила, и остальных обитателей замка. После чего бежали в лес. Первый Папсукил наверняка был жесток, но вряд ли он был людоедом. Но страшные сказки, которые поколения крепостных рассказывали своим детям, а те — своим, описывали его именно так и со временем скорее приукрасили, чем умерили его предполагаемый каннибализм. Как всегда в таких случаях, массовая вера в конце концов извратила реальность, и вот теперь замок, простоявший пустым десятки лет, уже не пустовал, а мир и свобода крепостных, за которые те сражались и которые обрели, были втоптаны в грязь копытами могучего скакуна нового Папсукила.

Вествуд — страх ему внушали только соплеменники на безопасной Земле — решительно вышел на равнину и направил свои стопы к замку. Время от времени он проходил мимо обвалившихся стен хижин, в которых когда-то обитали крепостные. Там, где те когда-то сеяли и жали, теперь росла только трава. Изредка по дороге ему попадались скелеты. Некоторые принадлежали крепостным, некоторые — рыцарям. В последнем случае кости частично скрывали ржавые доспехи.

Замок смотрел на холмы. Это была квадратная, незамысловатая, скучная постройка с четырьмя башнями. Башни слагали четыре угла замка, но были ненамного выше самого строения. Часть крыши провалилась. Подойдя ближе, он разглядел, что ворота закрыты. Солнце стояло уже довольно высоко, и тень замка наискось протянулась по равнине. Теперь он явственно видел фасад. На нижнем этаже окон не было, а в двух передних башнях всего по одному окошку почти под самыми остроконечными крышами. Но, возможно, были другие окна, которых он просто не видел из своего нынешнего положения.

В окошке башни справа от себя он разглядел крохотную фигурку. Хайсидра. Смотрит, как он идет к замку по равнине. Он понадеялся, что Папсукил тоже. Ему хотелось, чтобы огр вышел из замка, вскочил на своего скакуна и помчался к Вествуду через равнину, потом он подумал: «А где же Морга? Где Морга?» Морге полагалось ждать на привязи перед замком, у ворот. Но скакуна нигде не было видно. Тут он услышал грохот копыт и, оглянувшись, увидел, что Морга несется к нему во весь опор и огр на нем.

Вне всяких сомнений, вчера вечером Папсукил заметил его, и либо догадался о причине его появления, либо выведал у Хайсидры. Людоед прятался в холмах, выжидая, и как только Вествуд вышел на равнину, решил застать его врасплох. Вествуд улыбнулся. Он уже поднял ружье к плечу. Предохранителя у ружья не было, он велел его убрать. Одного заряда хватит. Вторым он прикончит Моргу. Морга, аккирский конь неопределенного пола, был уродлив по земным понятиям, что лишь усугубляла его огромность. Всадник приблизился, и Вествуд с удивлением обнаружил, что глаза у лошади нежно-карие. Папсукил скакал без узды и седла.

Папсукил был в доспехах от шеи до пят и в латных рукавицах. На шлеме развевался алый султан. Поднятое забрало шлема не скрывало его лица. Это было красивое лицо, хотя нос несколько длинноват, а глаза красные, как у крокодила. Они неотрывно следили за Вествудом и были полны презрения. Вествуд ожидал, что всадник выхватит меч, но ничего подобного тот не сделал. Вместо этого, когда Вествуд готов был нажать на курок, людоед резко развернул скакуна и взмахом длинного бича выбил ружье из рук Вествуда. Оно куда-то улетело, кувыркаясь в воздухе.

Вествуд нырнул в развалины ближайшей хижины. Копыта Морги пронеслись в нескольких дюймах от его ног. Останки стен нигде не поднимались больше чем на два фута, но он нашел проем между наружной и внутренней стеной, присел и вжался в него. Стук копыт замер. Он осторожно приподнялся над внешней стеной и увидел, что Папсукил поворачивает скакуна. Оглянувшись на замок, Вествуд заметил, что Хайсидра не ушла от окна.

Папсукил начал носится в развалинах, щелкая бичом. Кончик бича чуть не задел спину Вествуда. Он пригнулся еще ниже в свою расселину. Он слышал, как скрипят латы Папсукила. Бич снова свистнул, щелкнув прямо у него над головой. Он услышал смех людоеда. С таким звуком камни катятся по склону холма.

У Вествуда было другое оружие, древний револьвер 22 калибра, который он носил с собой на счастье. Заряженный, но запасных патронов к нему не было. Вествуд знал, что этим пулям не пробить латы людоеда, но, возможно, ему удалось бы попасть огру в лицо.

Он снова выглянул — и едва не лишился глаза. Использовал свою фуражку как приманку, и когда бич разрубил ее надвое, быстро выстрелил из револьвера. Пуля прошла мимо.

Вествуд снова скорчился в своем убежище. Краем глаза он заметил змею. Команда подготовки планеты предупредила его, что почти все змеи на Аккире ядовиты. Он схватил змею возле головы протезной рукой. Из крохотного рта выскочил красный зуб и глубоко впился в искусственную плоть. Вествуд рассмеялся, потом живо поднялся и швырнул змею в сторону приближающегося всадника. Змея упала прямо под копыта скакуна, и Морга резко свернула, чуть не сбросив Папсукила. Не сгибаясь, Вествуд расстрелял патроны, целясь в лицо людоеда, но Морга без конца вставал на дыбы, не давая возможность прицелиться. Но несколько пуль угодили в латы чудовища, и Вествуд услышал рикошет.

Он снова присел, скрывшись из виду. Людоед справился со своим скакуном и вновь защелкал бичом. Вествуд заметил, что Папсукил пытается бить с вывертом так, чтобы кончик рассек ему голову или спину, но людоед ни разу не преуспел. Игра продолжалась все утро. Солнце восходило в зенит, и по спине Вествуда потек пот.

Послеполуденные часы. Папсукил без устали продолжал скакать среди руин, равномерно щелкая бичом. Но близко к Вествуду он больше не подъезжал; звук пистолетных выстрелов и визг отскакивающих от лат пуль определенно напугали Папсукила.

Время от времени Вествуд унимал жажду из фляги. Ему хотелось есть, но, чтобы вытащить термопаек из бокового кармана, пришлось бы подняться на колени. Очень нескоро солнце начало садиться. Вествуду показалось, будто стук копыт стихает, и, осторожно приподнявшись, он увидел, что Папсукил скачет к замку. Перед замком людоед соскочил с Морги, привязал его, подошел к решетке ворот, поднял ее с такой легкостью, словно это были автоматические подъемные двери гаража, вошел в замок и опустил решетку за собой.

Людоед ушел ужинать? Вествуд не знал.

Эта мысль заставила его содрогнуться.

Он поднял взгляд на окно, в котором видел Хайсидру. Окно было пусто.

Размяв ноги, он отправился на поиски ружья. На небе уже проклюнулись звезды, равнина начинала погружаться в их призрачное бледное сияние. Замок превратился в серую груду камня. Вествуд достал из заднего кармана фонарик и включил. Через некоторое время ружье отыскалось. Оно завалилось за стену одного из рухнувших домов. Вествуд осмотрел оружие и убедился, что оно в полном порядке, дивясь тому, что от удара оно не выстрелило. Курок срабатывал очень легко, и малейшего нажатия было достаточно, чтобы оружие выпустило заряд.

Он гадал, почему Папсукил не пытался разыскать ружье. Но ответ напрашивался сам собой: Папсукил не понимал, что это ружье. Людоед не знал, что такое ружье, и, вероятно, принял «Фольц-Хедир» за копье. Ружья были достоянием далекого будущего Аккира, и чудовище знало о ружьях не больше, чем его создатели.

Хотя людоед был закован в латы, сидел на скакуне, жил в замке и считался здесь аристократом, он оставался крестьянином.

На первый взгляд это могло показаться недостатком, но Вествуд не обманывался на этот счет. По собственному опыту он знал: невозможно понять, что крестьянин подумает или сделает, если ты сам не крестьянин.

В окнах замка было темно. Возможно, Папсукил отправился спать. С Хайсидрой. Вествуд обнаружил, что думать об этом невыносимо. Наверняка Хайсидра ляжет в постель с людоедом! Но разве у несчастной девушки был выбор?

Если бы только прошлой ночью она не убежала, опасаясь за его безопасность! Он легко пристрелил бы Папсукила, если бы тот выехал на свет костра, а вторым выстрелом прикончил бы Моргу, и вернулся с девушкой в деревню, и ее кошмар закончился бы.

Присев на разрушенную стену хижины и не сводя глаза с замка, он достал и открыл одну из термоупаковок с пайком, которые взял с собой. Снова он ужинал при звездах. Покончив с едой, он закурил, жалея, что не запасся фляжкой кофе.

Похолодало, а у него не было ни палатки, ни очага, чтобы согреться. Он поежился. Вытерпеть холод он мог. Он по-прежнему не сводил глаз с замка. Ведь Папсукил снова мог по-

зволить Хайсидре убежать. Но время шло, и эта слабая надежда постепенно таяла.

Вествуд задремал и резко проснулся. Вокруг ничего не изменилось. Он опять задремал, как ему показалось, всего на минуту, но, когда он проснулся, небо на востоке уже начинало сереть. Он поднялся и принялся расхаживать туда-сюда и через некоторое время разогнал в руках и ногах кровь и снова согрелся. Через некоторое время он остановился и вперил взгляд в замок. Он знал, что Папсукил никуда не уезжал в течение ночи, иначе стук копыт Морги разбудил бы его, и был уверен, что людоед ни за что не пойдет пешком. Крестьяне из деревни сказали, что чудовище всегда появляется верхом на своем скакуне. Таким образом, Вествуду оставалось два варианта действий: либо остаться и ждать, когда людоед выедет из замка, либо наведаться в замок.

За него решило время суток. Если хочешь застать неприятеля врасплох, явись на рассвете. Вествуд закинул «Фольц-Хедир» на плечо и зашагал по равнине к замку.

Небо постепенно светлело, и приближающийся замок обрастал подробностями. Подойдя ближе, Вествуд обнаружил, что замок окружен густой живой изгородью невысокого терновника. Перед воротами в терновник зияла широкая брешь. Он разглядел Моргу. Скакун был привязан к одному из терновых деревьев возле бреши. Издалека терновник казался частью замка.

Морга заметил его приближение и повернулся, но не издал ни звука. Привязь, сплетенная из лозы, тянулась к задней ноге скакуна. Вествуд храбро направился прямо к скакуну, заходя сбоку. Морга тихонько заржал, его карие глаза казались нежнее прежнего. Из-за огромных копыт, широкой груди и плеч и мощного крупа Морга был больше похож на ломовую лошадь, чем на верховую. Вествуд погладил Моргу по шее. Подумал, стоит ли убивать его сейчас. Но на таком близком расстоянии заставить себя сделать это было нелегко, а кроме того, выстрел мог разбудить Папсукила.

Вествуд прошел в прогал изгороди и двинулся вдоль каменной стены замка. Он решил обойти вокруг здания в надежде, что боковые или задние окна могут располагаться ниже. Кроме того, могла найтись и задняя дверь. Вскоре он подошел к башне, в окне которой видел Хайсидру. Каменные глыбы были уложены так неровно, что хороший скалолаз смог бы подняться к ним к окну,

но Вествуд никогда в жизни не лазил по скалам. Потом он увидел свисающую из окна веревку и, подняв голову, обнаружил, что на него смотрит Хайсидра. Когда их глаза встретились, она поманила его, и он взялся за веревку и начал подъем.

Веревка тоже была сплетена из виноградной лозы. Если такая веревка могла удержать Моргу, то выдержала бы и его вес. Но что если это Папсукил заставил девушку спустить ему веревку? Что если людоед сейчас ждет в комнате, готовый наброситься на него? Вествуд остановился, и взглянул наверх. Похоже, девушка почувствовала, о чем он думает.

— Я одна, — тихо проговорила она. — Папсукила здесь нет.

Спокойствие ее голоса ободрило его, и он продолжил подъем.

Окно находилось в добрых шестидесяти футах над землей. Когда он наконец добрался до него, то тяжело дышал. Хайсидра помогла ему перевалиться через каменный подоконник в комнату. Свет зарождающегося дня, проникающий в комнату через единственное окно, сказал ему, что Папсукила здесь нет.

Он увидел, что комната круглая, а единственный предмет мебели в ней — лежанка. В центре пола был квадратный проем.

Вествуд подошел к проему и увидел, что за ним начинается пролет каменных ступеней. Он вернулся к Хайсидре. В рассветных сумерках она еще больше походила на принцессу, чем в свете его искусственного походного костра. Черные волосы прямо ниспадали на плечи, а в розовом свете, возвещавшем о восходе солнца, в ее лице появилось нечто необыкновенное. В деревне ее считали самой красивой. Вествуд знал, что это правда.

Хайсидра втянула веревку обратно.

— Это Папсукил сплел для меня, чтобы я могла убегать, — сказала она. — Но вчера ночью он запретил мне убегать.

— Все равно не понимаю, — сказал Вествуд. — Зачем ему, чтобы убегала?

— Ему нравится ловить меня. Он знает, что ему это не составит труда. Он ничем не рискует. Иногда он разрешает мне прокатиться на Морге, но держит Моргу на длинной веревке, чтобы я не смогла ускакать.

— Где он сейчас?

— Спит.

— Отведешь меня в его комнату?

— Отведу... Он сказал, что кроме копья у тебя было и другое оружие.

— Оно отказало.

— Папсукил сказал, что другое оружие бросалось мелкими камнями. Он слышал, как эти камешки ударяли в его доспехи.

— Камешки закончились.

— Тогда тебе придется воспользоваться копьем. Идем.

Вслед за Хайсидрой Вествуд подошел к люку и принялся спускаться по каменной лестнице. Он снял с плеча ружье. На лестнице почти сразу стало темно, и, держа ружье в левой руке, правой он достал и включил фонарик. Он полагал, что внезапный поток яркого света испугает Хайсидру, но та не выказала удивления. Лестница была винтовой и спускалась вниз сквозь череду комнат, подобных верхней, только в этих комнатах не было окон. Вествуд почувствовал запах сырости и плесени — запах замка. И другой запах. Мускусный запах, исходящий от Хайсидры. Он прогнал от себя мысль, которая по лестницам вен поднялась в его сознание.

Четырьмя этажами ниже они вышли к комнате, откуда коридор вел во внутренние покои замка. Вслед за Хайсидрой Вествуд пошел по коридору. На пыльном полу было множество следов, больших и маленьких. Они обогнули груду ржавого железа. Это были доспехи павшего рыцаря. Из-за щитка на Вествуда взглянула пара пустых глазниц. Рядом лежал скелет крепостного, без лат. Однообразие стен через равные интервалы нарушали ржавые железные двери.

Впереди показался свет. Вествуд выключил фонарик, убрал его в карман и переложил «Фольц-Хедир» из левой руки в правую. Он не сомневался, что они приближаются к центральному залу замка. Хайсидра замедлила шаг. Вествуд соразмерял свои шаги с ее, стараясь держаться у девушки за спиной. Через несколько шагов он увидел дверь, из-за которой пробивался свет.

Когда они подошли к этой двери, Хайсидра без колебаний вошла внутрь. Вествуд мгновение промедлил, прежде чем последовать за ней. Шестое чувство? Так он потом думал. С того места, где он стоял, ему была видна большая часть огромного зала. Потолком ему служила крыша замка, а сумрак рассеивал только свет раннего утра, льющийся в дыру там, где часть крыши провалилась. В центре огромного зала стоял длинный стол на трех ножках. Вокруг по пыльному полу были разбросаны обломки прочей мебели. Обвалившиеся балки перекрытий никто не удосужился убрать. Наверху зал по краю обегала верхняя галерея. Вествуд полагал, что туда из зала ведет лестница, но с порога этой лестницы не было видно. У стола высилась груда мелких

белых костей. В ноздри проникла стоящая в комнате вонь, и к горлу подступила тошнота.

Пренебрегая шестым чувством, он шагнул в комнату. Едва он оказался внутри, Хайсидра быстрым движением ухватилась за «Фольц-Хедир» и вырвала его из рук Вествуда. Потом отбежала на несколько шагов, размахивая ружьем, и выкрикнула: «Его другое оружие сломалось!» Вествуд увидел лестницу, до тех пор скрытую от его глаз дверью. Опустив меч, к нему спускался по ней Папсукил.

Первым побуждением Вествуда было броситься обратно в коридор, но он тут же понял, что, даже если ему удастся обогнать Папсукила, людоед успеет обрубить веревку, когда Вествуд будет на полпути к земле. Из других доступных выходов оставалась только арка в стене слева от него, но прямо за ней виднелась опускная решетка. Вествуд знал, что ему не хватит сил поднять решетку вручную и что даже если бы механизм, поднимающий ее, остается в рабочем состоянии, эта операция займет слишком много времени.

О том, что Папсукил настигнет его раньше, чем он сумеет вырвать «Фольц-Хедир» у Хайсидры, даже говорить не стоило.

Она с самого начала водила его за нос. Она рассказала Папсукилу, что за ним пришел охотник, и когда засада не удалась, придумала свой надежный план. И Вествуд с открытыми глазами вошел прямо в западню. Он забыл, что девица — тоже крестьянка. До того, как Папсукил ее похитил, жить ей приходилось в убогой хижине и звалась она просто молочницей. А теперь она жила в замке, и в своих глазах и в глазах других поселян была принцессой. Неважно, что Папсукил II находит вкус в плоти детишек. Важно лишь ее новое положение в обществе. Став принцессой, она твердо намеревалась остаться ею.

Вествуд попятился от чудовища, вознесшего эту молочницу над простыми крестьянами. Людоед успел снять доспех — возможно из презрения к неприятелю, и на нем были только грязная красная куртка и еще более грязные синие панталоны. Длинные темные волосы Папсукила были тронуты сединой и никогда не знали гребня. Он был самое малое на фут выше Вествуда, а его мышцы были сухими и длинными.

Папсукил улыбнулся, и Вествуд впервые увидел, что зубы у людоеда острые.

Это отлично подходило к красным крокодильим глазам.

Прекрасная дама, ради спасения которой Вествуд явился сюда, стояла в стороне, и, затаив дыхание, ждала начала предстоящей схватки.

Людоед взмахнул мечом. Вествуд отпрянул и уклонился от клинка. Отступая, он едва не упал, споткнувшись об одну из рухнувших балок. Балка была не менее десяти футов в длину, толщиной и шириной два фута на четыре. Вествуд подхватил балку и наставил на Папсукила. Разозленный людоед замахнулся мечом, но Вествуд рывком увел балку в сторону, снова наставил на людоеда и атаковал. Конец балки ударил чудовище в живот. Папсукил охнул и согнулся пополам, выронив меч. Бросив балку, Вествуд прыгнул людоеду на спину. Зажав шею людоеда левой рукой, он сцепил пальцы обеих рук в борцовском захвате и принялся душить. Добавочная тяжесть свалила Папсукила на пол.

Руки людоеда нашли пальцы Вествуда и попытались их разжать. Когда это не удалось, Папсукил шатаясь поднялся. Вествуд догадался, что за этим последует, и постарался расслабиться: людоед нарочно повалился спиной на пол. Пришла очередь Вествуда задохнуться, но он не ослабил захват, хотя знал, что падение стоило ему по крайней мере одного сломанного ребра.

Папсукилу удалось перекатиться на живот, и он снова попытался подняться. Но не смог. Его лицо посинело. Вествуд уже готовился праздновать победу, но поторопился — мгновением позже он почувствовал острую боль в спине. Повернув голову, он увидел, что Хайсидра стоит над ним с «Фольц-Хедиром» в руках. Все еще уверенная, что держит в руках копье, она снова впечатала Вествуду в спину. Он едва не вскрикнул от боли, но не разжал рук. Потом он увидел, что палец Хайсидры находится в опасной близости от спускового крючка. В любую секунду она могла случайно нажать на него. Сейчас? Вествуд рискнул: разжал захват и откатился в сторону. Удар дулом, предназначавшийся ему, пришелся Папсукилу между лопатками. В тот же миг ружье выстрелило. Гулкая пустота зала многократно усилила утробный кашель выстрела, и из дыры, зияющей в спине Папсукила, поднялся едкий дым. Поднявшись на ноги, Вествуд нагнулся и перевернул тело. Грудь людоеда представляла собой ужасную кашу из раздробленных костей и крови. Он оглянулся на Хайсидру. Отдача едва не сбила ее с ног. В ее вселенной осталось два объекта. Сна-

чала она посмотрел на тело Папсукила, потом на ружье. Вествуд шагнул вперед и забрал у нее ружье. Тогда Хайсидра бросилась к опускной решетке.

Вествуд взглянул на тело Папсукила. Посмотрел на кучу мелких костей. Услышал скрип старого механизма — Хайсидра подняла решетку. Он опять взглянул на Папсукила и перезарядил «Фольц-Хедир», вогнав в ствол новый патрон.

Одного свалил, один остался.

Хайсидра подняла решетку ровно настолько, чтобы проползти под воротами. Вествуд поднял ее выше и прошел под воротами, пригнувшись. Каждый вдох отдавался болью.

Солнце уже поднялось, и равнина блестела от росы. Хайсидра отвязала Моргу и пыталась забраться ему на спину. Вествуд наблюдал за происходящим. Наконец, Хайсидре удалось ухватиться за гриву скакуна, забраться и усесться как следует, а в следующий миг Морга уже тяжело скакала по равнине к холмам. Вествуд поднял ружье к плечу и взял жертву на прицел. Грянул выстрел. Отдача прошила его болью. Хайсидра не сразу упала с Морги. Некоторое время она еще ехала, голова на частично перебитой шее свесилась на бок под странным углом. Наконец ее тело медленно соскользнуло со спины скакуна и упало на землю. Морга повернул влево и по кругу поскакал к горам. Вествуд опустил ружье. На солнце скакун отливал золотом. Золотой блеск напомнил ему о призе, с которым он распрощался. Вествуд смотрел вслед скакуну до тех пор, пока тот не скрылся из виду позади замка, а потом забросил ружье на плечо и начал долгий путь к дому.

Икс-фактор

Закон об Импорте инопланетных товаров, принятый Международным конгрессом на исходе двадцать первого века, предоставлял всем инопланетным расам возможность беспошлинной конкуренции на Общем Земном Рынке. В ту пору этот закон казался безопасным способом протянуть «братьям по разуму» руку помощи, ведь все эти «братья» все еще оставались на уровне ка-

менного века или лишь недавно вышли из него. Кто же мог предвидеть, что кучка тупиц из бронзового века, царившего у рунян на Ригеле-2, сумеет буквально за ночь разработать технологию и наладить производство аккумуляторов для электрокаров, или мини-батарей, которые продавались за треть цены по сравнению с брэндами, производимыми Союзом, и к тому же вовсе не нуждались в подзарядке?

Когда эта новость получила огласку, владельцы электрокаров во всем мире восторжествовали. Одновременно на небосводе экономики сгустились четыре темные тучки — по одной над головой каждого из трех главных производителей мини-батарей, и еще одно над зданием Объединенного союза, лишь недавно отстроенным в Нью-Йорке.

Нет лучшего времени, чтобы прищипнуть нарождающуюся промышленность, чем пока та еще в бутоне. Соответственно Большое Братство созвало экстренное совещание, на котором было решено, что вопиющее неуважение Руны к бедным труженикам — основание для найма работающего по старинке инструктора, и этот инструктор должен быть лучшим из лучших. Приведите Энтони Хили. Ему в помощь Большое Братство отрядило двух многопрофильных профессионалов — бывшего мастерового и гравера, ныне инструктора по карате по имени Альберт Чжиюмэй и бывшего водопроводчика по имени Адольф О'Пызикевич. Хили было приказано отправляться на Ригель-2, добыть там образец «Икс-фактора» (электрохимики Земли окрестили таинственный аккумулятор с Руны), а также проследить за тем, чтобы тамошнее производство остановилось навсегда.

Хили обрадовался новой работе. Своим делом он не занимался со времен очистки от штрейкбрехеров сборочного производства «Интернешнл моторс» на Альдебаране-9. В последнее время он начал поколачивать жену и детей — верный признак того, что он застоялся. Ригель-2 казался симпатичной планетой с белыми полюсами и трехцветным лесным поясом на экваторах. Заранее запрограммированный автопилот посадил небольшой космический корабль прямо посреди космопорта Руны — вернее, посреди пятачка, выжженного выхлопами частных грузовиков, зафрахтованных новой промышленностью Руналенда.

Если рассуждать логически, рунянская фабрика батареек не могла быть где-то далеко. Сунув в карман мини-маузер (обитате-

ли Руны считались людьми миролюбивыми, но как знать), Хили включил корабельный маяк и вместе с двумя помощниками отправился пешком по лесной дороге, глубокие колеи свидетельствовали о ее первостепенном значении. Денек стоял отличный, полуденный воздух был чист и свеж, сквозь красную, белую и зеленую листву виднелся причудливый лимонно-желтый узор — небо. Между изящными ветвями порхали голубые волнистые попугайчики. Вскоре они пришли к деревне, где обнаружилось, что их уже ждут. Встречающую сторону представляли пять старцев в набедренных повязках из листьев вроде банановых. Прочие деревенские в подобной же одежде выстроились по сторонам улицы. Хили уже видел фотографии рунян, но фото не передавали выдающегося уродства этих людей. Они были небольшие и горбатенькие, с лиловатой пигментацией, с лемурными глазами и зубами, как у кроликов. У женщин были груди, но размером с грушу и такой же формы.

От группы встречающих выделился оратор. Он вышел вперед и сказал:

— Мы давно ждали вас, о Благородные Земляне! Добро пожаловать в наше новое промышленное государство.

Ни то, что старик отлично владел английским, ни то, что на Руне ждали гостей с Земли, не удивило Хили. Сегодня можно было отправиться куда угодно и наткнуться там на типа, который разговаривал на твоем родном языке лучше тебя; что касается долгожданных гостей с Земли, нужно было быть идиотами, чтобы их не ждать, особенно ввиду того, что здешняя экономика кастрировала земную.

Хили уже бегло оглядел деревню; теперь он присмотрелся к ней внимательнее. Хижины из бамбукоподобного дерева, проконопаченные сухой травой; узкие улочки и тесные переулки; нигде никаких примет энергии, даже такой примитивной, как электричество... Как, черт возьми, соотнести сложный, высокотехнологичный аккумулятор, лежащий в его кармане, с такой примитивной, технологически отсталой дырой?

Хили достал аккумулятор и показал его группе встречающих. Длина аккумулятора составляла два с половиной дюйма, ширина два дюйма и толщина дюйм, у него был корпус, перфорированный с обеих сторон, и такие крохотные разъемы, что их едва можно было разглядеть.

— Я ищу, где делают эти маленькие черные коробочки, — сказал он.

— На Земле! — с искренним удивлением отозвался оратор.

— На *Земле!*

— Да, мы покупаем их у фирмы под названием «ДжобШопКо».

Хили осенило, что речь идет о корпусах аккумуляторов, а не об их начинке. Ему давно следовало это понять. От производства пластмассы нынешнюю Руну отделяло лет пятьсот, но здесь, по-видимому, случайно наткнулись на способ волшебной зарядки аккумуляторной начинки, с виду обычной глины.

Хили постучал ногтем по крышке аккумулятора.

— Ладно, корпуса вы привозите с Земли, но энергией их накачиваете здесь — верно? Где?

— Наше стремительно развивающееся юное производство находится дальше в лесу, — гордо ответил оратор. — Я пошлю с вами проводника, и вы сможете пройти короткой дорогой и сэкономить довольно времени, чтобы увидеть ночную смену за работой.

Ближе к ночи проводник вывел троих сотрудников Объединенного союза на большую поляну. В центре поляны стояло длинное приземистое здание из бамбукоподобного дерева, проконопаченного сухой травой. Вокруг здания на расстоянии, равном в среднем пятидесяти ярдам, стояли хижины, как две капли воды похожие на те, что они видели в деревне. На пороге каждой хижины сидела на корточках старуха и курила трубку с длинными чубуком.

Рабочие трущобы?

Хили внимательнее присмотрелся к длинному приземистому зданию. В здании не было окон, но в ближнем торце имелась дверь. На другой стороне здания поднимался примитивный дымоход из голубой глины.

Чжиюмэй рассмеялся. Смех шел из его живота, от мышц *шитахара*.

— В Японии в таких сараях гадят.

Проводник вошел в строение. Вскоре он вышел, в сопровождении рунянина средних лет и среднего роста, с нарисованными вокруг глаз белыми кругами и в халате из «банановых» листьев.

— Добро пожаловать в «РунКо», — заговорил он тонким певучим голосом. — Меня зовут Кренч, я директор первой очереди того, что когда-нибудь превратится в настоящий комплекс фабрик, которые опоясут нашу планету.

Наружу вышел другой рунянин, одетый точно так же.

— Это Пи, начальник производства. Именно ему во время обучения в ремесленном училище на Земле пришла в голову эта

блестящая идея. Он же придумал и способ реализации этой идеи, благодаря чему мы сумели вывести нашу бедную страну на путь к техническому процветанию. Я наблюдал за посадкой вашего корабля и очень рад и горд, что земные ученые пожаловали к нам для осмотра нашей скромной фабрики.

«Если этот болван хочет считать нас учеными, пусть», — подумал Хили. Вслух он сказал следующее:

— Меня зовут Хили, а это Чжиюмэй и О'Пызикевич. Скоро ли заработает фабрика?

— Скоро, доктор Хили. Ввиду особенностей нашего производства фабрика работает только в ночное время; тем не менее у нас две ночные смены, и первая приступит к работе совсем скоро. Через несколько минут работа закипит. А пока прошу пройти в мой офис. Чувствуйте себя как дома.

Офис занимал крохотную выгородку сразу за порогом. От фабрики его отделяла хлипкая стенка из прибитых горизонтально бамбучин и дверью из того же материала. Освещали офис три толстые свечи, горящие в трех стеклянных шарах, подвешенных к потолку, — наверное, привезенные, с Земли. В офисе было четыре стула (один стоял перед столом), все из «бамбукового» дерева. Письменный стол, без сомнения, привезли с Земли, хотя зачем и кому вздумалось везти сюда такой стол, Хили не мог понять. Стол был родом из 1950-х, сварен из листовой стали и пестрел дырами с ржавыми краями. На гнилом линолеуме столешницы были расставлены разнообразные предметы, одни земного происхождения, другие местные: флакон зеленых чернил, птичье перо для письма, блокнот для заметок, сделанный из якобы пергаментных листов, пластиковый лоток полный обычных кнопок разного размера, карандаш с надписью «ДжобШопКо», плексигласовый стакан, наполненный синей глиной, сплетенные из узких полосок «бамбукового» дерева корзинки для входящей и исходящей корреспонденции и обычная земная мисочка со скрепками. Полом служила настоящая земля Ригеля-2.

На внешней стене у двери между парой ящичков (один был полон пергаментных карточек, другой пуст), висели часы.

— Как вы живете без компьютера? — саркастически спросил О'Пызикевич, располагаясь на втором по удобству стульев.

На самом удобном стуле уже сидел Хили. Чжиюмэй разместился на третьем удобном стуле, а Кренч удалился за письменный стол. Проводник остался на улице.

Хили взглянул на стенные часы. Механизм часов был отрегулирован так, чтобы компенсировать несколько более быстрое вращение Ригеля-2, а на оригинальный циферблат наклеили пергаментный с рунскими цифрами. Минутная стрелка указывала на (, а часовая на)-(.

— Пора заводу загудеть, — сказал Пи и, открыв дверь, свистнул в свисток похожий на ивовый прутик, отчего из зарослей взмыли и заорали попугаи на милю вокруг. Он закрыл дверь, пересек офис и вошел через внутреннюю дверь на фабрику.

Через несколько минут наружная дверь открылась, и в нее шаркая вошла пожилая женщина, вытащила из левого ящичка карточку, пробила и засунула в правый ящичек, прошаркала через офис и вошла в помещение фабрики.

Вслед за первой появилась вторая старушка, пробила карточку и ушла на фабрику. Потом третья. Четвертая. У всех были длинные носы и кривые зубы.

— Кренч, а почему вы не нанимаете молодых девушек? — резко спросил Чжиюмэй.

— Им недостает определенного... э... определенной квалификации. Мужчины тоже редко обладают нужным навыком, вне зависимости от возраста. Пи и я — исключение.

Через офис друг за дружкой прошествовали тринадцать старух, отметили карточки под часами и удалились на фабрику. Внезапно изнутри фабрики, из-за отделяющей офис от фабрики «бамбуковой» перегородки, донесся второй пронзительный свисток Пи.

— Производство вот-вот начнется, — объявил директор «РунКо» и привел в действие невидимый механизм под своим столом, отчего перегородка, дверь и все прочее поднялись к потолку.

Теперь стала хорошо видна собственно фабрика. В держателях на стенах пылали факелы, и по длинному узкому помещению плясали тени. Посреди помещения стоял длинный стол с рядом табуреток по сторонам; у дальнего конца стола пылал огромный очаг, а над ним на треножнике висел большой бронзовый котел. Вдоль правой стены были составлены друг на друга картонки с напечатанной на них надписью «ДжобШопКо». Вдоль левой стены высились очень похожие коробки с напечатанной надписью «РунКо». Пол был земляной, беспримесная почва Ригеля-2.

Пи стоял на коленях перед котлом, раздувая примитивные меха. Около дюжины старух сидели за столом, по шесть с каждой

стороны. Тринадцатая старуха стояла у котла, мешая его содержимое большой деревянной поварешкой. Вскоре Пи оставил меха в покое, поднялся, прошел к правой стене и взял одну из картонок «ДжобШопКо». Потом отнес картонку в офис, открыл, и принялся вытаскивать из картонки корпуса аккумуляторов. Корпуса он складывал у конца стола. Опустошив картонку, он отставил ее, достал деревянную рукоять, вставил в отверстие под столом и начал проворачивать. Заскрипели деревянные шестерни; стол задрожал. Внутренняя часть столешницы задвигалась.

— Вот бы эту технику увидел Генри Форд VIII, — подал голос О'Пызикевич.

— Не говори, — отозвался Чжиюмэй.

Кренч нахмурился.

— Я полагал, это произведет на вас впечатление. Конечно, этот конвейер — лишь маленький шаг вперед, но это шаг в нужном направлении, и этот шаг есть демонстрация того, что «РунКо» уверенно идет к модернизации.

Хили молча взглянул на Кранча.

Вращая рукоять одной рукой, другой рукой Пи установил два аккумуляторных корпуса на конвейерную ленту. Одновременно старухи загудели. Гу-гу-гууу-гу. Гу-гуууу-гу-гу-гу. Более странного звука Хили в жизни не слышал. Гудение напоминало монотонную молитву без слов. Пи поставил на ленту еще два аккумуляторных корпуса. Два первых корпуса доползли до первых двух старух. Старухи аккуратно разделили половинки корпусов и так же аккуратно положили рядышком. Гу-гу-гууу-гу. Гу-гуууу-гу-гу-гу. У следующей пары старух под рукой стояли глиняные горшки с синей глиной. Старухи зачерпнули понемногу глины и заполнили ею нижние половины корпусов. Гу-гу-гууу-гу. Гу-гуууу-гу-гу-гу. У следующей пары стояли под рукой глиняные горшки с коричневым порошком. Они взяли из горшков по щепотке порошка и посыпали на глину. Гу-гу-гууу-гу. Гу-гуууу-гу-гу-гу. Тем временем Пи продолжал доставать из картонной коробки и выкладывать на ленту новые корпуса, одновременно вращая рукоять.

Хили следил за происходящим, но не принимал ничего за чистую монету. У Руны было достаточно времени, чтобы подготовиться к приему любых гостей, и тут явно не ударили в грязь лицом. То, что ему демонстрировали, было затейливым представлением с целью обесценить настоящее содержимое котла. Он ни минуты не сомневался, что это содержимое и есть искомый Икс-фактор.

— Эй, Кренч, — подал голос Чжиюмэй. — Одна из твоих работниц спит на рабочем месте. Вон та старушенция в конце стола.

— Отлично, — отозвался Кренч, — я надеялся, что мне представится возможность продемонстрировать, как мы тут в «РунКо» взбадриваем своих работников, или, как вы выражаетесь на Земле, держим их «в тонусе»...

Запустив руку в пластиковую чашку, Кренч выудил оттуда кусок синей глины размером с кулак и с удивительной быстротой вылепил фигурку рунянской женщины.

— Надо понимать, что особое сходство не требуется, — объяснял он, — и что материал только служит проводником. Определяющий фактор — интенсивность проецируемого недоброжелательства.

Кренч поставил глиняную статуэтку на стол и на подносе сбоку от себя выбрал маленькую булавку. Потом мгновение посидел без движения, и нарисованные вокруг его лемурьих глаз круги посинели. Потом он ловко воткнул булавку в ягодицу глиняной фигурки.

Из глубины комнаты донесся пронзительный крик, задремавшая старушка вскочила с табурета и начала отчаянно ощупывать правую ягодицу. Мгновением позже она выудила булавку по меньшей мере в два дюйма длиной. Отбросив булавку, она попробовала сесть, потом передумала и осталась стоять.

Кренч небрежно скатал фигурку в комок и бросил глину обратно в пластиковую чашку.

— Если б я не знал, в чем фокус, — сказал Хили, — я бы решил, что вы колдун.

— А я и есть колдун, — ответил Кренч. — Как и работницы моей производственной линии. Как и Пи. Я думал, на этот раз вы все поняли, доктор Хили.

— Так ты хотел, чтобы я все понял, а? Чтобы я поверил в это твое представление с булавкой? Чтобы мы решили, будто какой-то рунянский барабашка заряжает эти аккумуляторы?

— Можете думать как вам угодно, доктор Хили. Я и сам до конца не понимаю, кто или что заряжает аккумуляторы. Я недолго жил на Земле, и мне не так уж много удалось там узнать. Однако Пи пробыл на Земле дольше и смог многое узнать, особенно о науке. Среди наших людей колдовство не практиковалось давным-давно, однако у многих из нас — в особенности у женщин постарше — присутствует некая затаенная сила, и именно Пи подал идею применить эту силу в научных целях. По его теории

микрокосм и макрокосм пересекаются где-то в четвертом измерении; и потому, когда я, колдун, втыкаю булавку в фигурку, то же намерение и моя злоба работает как мостик между реальностями и такие систематизированные ритуалы, как тот, который вы наблюдаете сейчас, открывают обмен макро-микро- и микромакроэнергии. По словам Пи, планета и камешек с точки зрения микромакрокома — одно и то же.

— А как же, — отозвался Хили. — А завтра будет славный денек, если не пойдет дождь.

Тем временем первая пара аккумуляторных корпусов, а за ними все новые пары, которые Пи продолжал ставить на конвейер, добралась до конца ленты и оказались напротив четвертой пары старушонок, которые проделали над ними серию сложных пассов, потом напротив пятой пары — эти сложили верхние и нижние половинки и заклеили черной густой пастой, потом шестой и последней пары (в одну из этих двух Кренч тыкал булавкой с помощью глиняной фигурки). Шестая операция оказалась простейшей: старушки сняли аккумуляторы с ленты и опустили в котел.

— Ага! — сказал Хили. Он поднялся. — Если не возражаете, Кренч, я, пожалуй, взгляну, что там у вас в котелке.

— Прошу, доктор Хили.

Хили прошел по земляному полу цеха к очагу. Старушка, заведовавшая котлом, при его приближении задрожала. Реквизировав у нее деревянную поварешку, Хили заглянул в котел. Там он увидел булькающую мутноватую жидкость, похожую на борщ и вонявшую старыми башмаками, тухлой рыбой и сыром романо. На минуту он растерялся, потом напомнил себе, что Икс-фактор *должен* быть необычным; в противном случае электрохимики смогли бы воссоздать его по воздействию на глиняные аккумуляторы. Хили достал из внутреннего кармана куртки маленький многоцелевой контейнер, зачерпнул немного жижи деревянной ложкой, залил в него, бросил ложку тринадцатой старухе и вернулся в офис.

Убрав контейнер обратно в карман, он уставился на Кренча поверх заваленного хламом стола.

— С твоим секретом в кармане, Кренч, все, что мне нужно, чтобы вышибить тебя из бизнеса, — вернуться на Землю и передать это профсоюзу производителей аккумуляторов. Но...

— Боюсь, вы не понимаете, сэр, — перебил Кренч. — У нас нет секрета как такового — только нестандартный метод зарядки обыкновенной глины, который мы и сами не до конца понимаем. Отвар, образец которого вы взяли, составлен по старинному рецепту, но погружение аккумулятора в него составляет лишь заключительную часть ритуала. Сам по себе отвар бесполезен.

— Но даже с твоим секретом, — раздраженно продолжил Хили, — профсоюз аккумуляторщиков останется в пролете. Они не смогут даже близко конкурировать с тобой и твоим дерьмовым заводиком, где работают за гроши. Даже если профсоюзы перевезут свои заводы сюда, они по-прежнему не смогут конкурировать с тобой, потому что тебе не приходится платить налоги, платить по счетам или устанавливать очистные сооружения для защиты окружающей среды.

Он стукнул по столу здоровенным, как у каменщика, кулаком.

— А знаешь, что это значит, Кренч? Это значит, что, если ты и дальше тут будешь клепать аккумуляторы, наши парни начнут терять работу. Это значит, что честные трудяги из профсоюза, с семьями и детишками, которых надо кормить, получат выходное пособие, и пособие по безработице, и профсоюзную страховку. И все потому, что тебя с твоим дружком Пи вдруг обуяла жадность и вы решили запустить свои грязные пальцы в чужой горшок с медом!

Хили кивнул О'Пызикевичу и Чжиюмэю.

— Давайте-ка приберем в этом домишке, ребята!

Чжиюмэй шагнул к Кренчу, поднял его за шкирку из кресла и выбил рунянину передние зубы тычком указательного пальца. О'Пызикевич зашел в цех, изловил там Пи, отнес в конец помещения и швырнул в котел. Чжиюмэй бросил Кренча, прошел вслед за О'Пызикевичем в здание фабрики и перевернул стол, отчего производственный процесс с отчаянным скрипом замер. А наемные работницы бросились врассыпную по двенадцати различным направлениям. Откровенно говоря, за гида им платили, но Хили все равно вышел из фабрики и избил его. После этого он вернулся в хибару и принялся топтать Кренча. Когда ботинки Хили покраснели от крови, он присоединился к О'Пызикевичу и Чжиюмэю. Втроем они подняли стол и, используя его как таран, вышибли два дальних угловых столба здания. Задняя стена обрушилась, труба свалилась наземь, комната осела. Сухая трава с крыши дождем посыпалась в комнату, часть ее попала в очаг и загорелась. Пламя быстро распространилось и начало пожирать

правую стену. Фабрику заволокло дымом. Пи каким-то образом сумел выбраться из котла и через дыру в задней стене, шатаясь, вывалился наружу и растворился в ночи. С визгом и криком тринадцать наемных работниц последовали за ним.

Хили дал им уйти. Фабрика весело пылала. Вместе с подручными он прошел в офис, сорвал со стены часы и последовательно разломал четыре стула. Потом Хили при помощи наручного передатчика взял пеленг на место стоянки своего корабля. Шагая вслед за Чжиюмэем и О'Пызикевичем к двери, он оглянулся на Кренча. Опираясь рукой на крышку стола, рунянин пытался подняться на ноги.

— Через месяц мы вернемся, Кренч. Лучше больше не строй фабрики.

Хили вертикально поднял компактный корабль, один раз облетел планету по орбите и ввел программу обратного полета. О'Пызикевич открыл кварту «Катти Сарк», и троица, удобнее устроившись в кают-компании, начала обмывать успех своей миссии. В середине третьего тоста нечто вроде гигантского дротика пронзило правый борт и воткнулась в носовую переборку. Древко было по крайне мере три дюйма в диаметре и добрых двадцать футов длиной. Корабль содрогнулся, и давление воздуха начало падать. Чжиюмэй пронзительно закричал. Мгновение спустя носовую переборку пронзил второй дротик, насадив по дороге, точно на вертел, О'Пызикевича. Корабль начал рыскать.

— Булавки! — снова заорал Чжиюмэй. — Это *булавки!*

Третий дротик оборвал его крик на середине и пришпилил Чжиюмэя к правому борту, словно большого жука.

— Микро-макро... — начал было Хили.

Заметив четвертый дротик, он попытался увернуться. И чуть-чуть не успел.

Красавица и чудовище

Мисс Браун была корабельным секретарем и потому не выполняла ежедневные обзорные полеты на флаере с остальной командой, поэтому каждый день после обеда она выносила свой складной письменный столик на воздух и ставила его в тени ко-

рабля. Под летним ветерком ее изящные пальцы легко вытанцовывали буквенный ригодон, а иногда, в особенно теплые дни, когда небо было необычайно синим, даже по меркам Проциона-IV, ее взгляд украдкой отрывался от однообразных отчетов и солидных официальных формуляров и отправлялся в самоволку к безжизненным досужим холмам, вздымающимся за равниной.

Это были прекрасные предвечерние часы, хотя по-своему одинокие. Но мисс Браун была знакома с Одиночеством. Она встретилась с ним на выпускном балу в школе. Они сидела у стенки, и Одиночество подошло к ней и присело рядом. Разумеется, танцевать Одиночество не умело, и они просидели вдвоем весь вечер, слушая музыку и анализируя состояние счастья. Счастье в аналитической форме оказалось столь же ускользающим, как счастье в любой другой форме, и, не дожидаясь окончания последнего танца, мисс Браун встала (никто ее не остановил) и беспрепятственно вышла через большие застекленные двери. Одиночество следовало за ней до самого общежития, но она даже не оглянулась. Ни разу. Была июльская ночь, в небе сияла луна, пахло летними цветами...

У ветра была скверная манера выворачивать из-за бока корабля, когда она меньше всего этого ждала, и каждый день часть послеобеденного времени мисс Браун проводила в погоне за улепетнувшими отчетами и беглыми официальными формулярами. Она каждый раз обещала себе, что на следующий день принесет самое тяжелое пресс-папье, какое только удастся найти, но так и не осуществила это свое намерение. В беготне на ветру, в поворотах, наклонах и изгибах что-то было, а самое лучшее — за всем этим стояла важная причина, и, если бы корабельный как прервал свою сиесту и выглянул из раскрытого шлюза, он вряд ли решил бы, что мисс Браун сошла с ума. Ни за что — ведь она гонялась за бумагами. Ему бы и в голову не пришло, что на самом деле она танцует.

Но Шарж сразу все понял. В один прекрасный день он появился рядом со столом мисс Браун и уставился на нее своими чудны́ми круглыми глазами. «Шарж» — другого имени для него так и не нашлось, потому что это имя вполне подходило ему. Шарж напоминал условный набросок человека на прозрачной бумаге, вот только набросок этот был выполнен — вещь, конечно, совершенно невозможная — прямо в воздухе. Его голова представляла собой простой, немного несимметричный овал. Вытянутое «S» начиналось как бровь над его левым глазом и изги-

балось, образуя намек на нос; косая черта под оконечностью «S» означала рот, а под ней лежащее на спине «С» символизировало подбородок. Из грубого квадрата тела росла пара длинных, тонких прямоугольников — ноги и пара более коротких прямоугольников рук.

— Вы прекрасно танцуете, — сказал он, хотя мисс Браун точно знала, что на самом деле он *ничего не сказал*. Она только что нагнулась за последней официальной формой, подняла глаза и увидела его. Его рот не шевелился, его комичное лицо ничуть не меняло выражения.

Она резко выпрямилась.

— Эта планета необитаема! — ни к селу ни к городу проговорила она.

— В определенном смысле, да, — ответил Шарж. — Зависит от точки зрения.

Она на миг испугалась. Странно — ведь она сначала должна была испугаться, а уж потом сделать свое парадоксальное замечание по поводу планеты. Но она так перепугалась, так смутилась...

— Не нужно стыдиться того, что вы танцевали, — продолжил Шарж. — Вы очень красиво танцуете.

— Но я не танцевала, — сказала она. — Я собирала бумаги.

— Это как посмотреть... Ну, мне пора. Завтра вы потанцуете еще?

— Возможно, мне снова придется собирать бумаги, если вы об этом, — ответила мисс Браун.

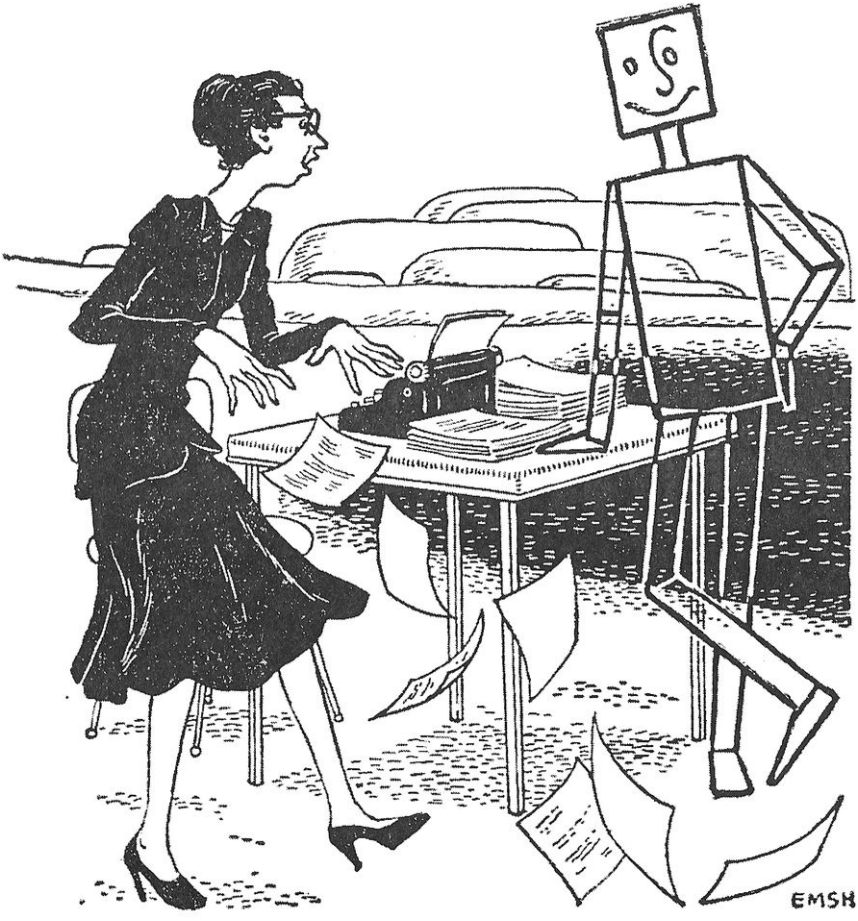
— Тогда завтра я опять приду.

Он начал исчезать: сначала абрис его головы, потом руки и квадратный торс и наконец прямоугольные ноги. Словно кто-то стер его резинкой. По крайне мере мисс Браун так казалось.

Она машинально отнесла бумаги на свой стол и села.

— Наверное, я схожу с ума, — громко сказала она. Ее слова прозвучали в тишине неуместно, и ветер немедленно унес их прочь.

На планете просто *не могло* быть жизни. Мисс Браун лично перепечатывала все отчеты экспедиции; длинные изнурительные отчеты, охватывающие все от геологических слоев возрастом сотни миллионов лет до вездесущих следов последнего отступления ледников. И среди педантичных узоров слов ей не встретилось ни единого предложения, которое хоть как-то намекало бы хоть на какую-то животную жизнь.

Планета была парадоксом. Ее гидрологический цикл соответствовал земному, климат на выбранном для исследования материке приблизительно напоминал климат в Иллинойсе, да и местность была похожая. Здесь должна была быть жизнь...

Но ее не было. Если, конечно, не назвать жизнью шарж на человека, набросаный в воздухе.

Она попробовала снова начать печатать, но все было напрасно. Ее взгляд не мог удержаться на бумаге. Он то и дело отправлялся странствовать по равнине и далеким холмам. Она прислушивалась к ветру. «Вы прекрасно танцуете, — пел ей ветер. — Прекрасно, прекрасно, прекрасно, прекрасно...»

* * *

Она хотела рассказать остальным, но почему-то не могла. Остальные вернулись перед закатом, и она присоединилась к ним в корабельной кают-компании: капитан Фортескью, доктор Лэнгли, мистер Смизерс, мисс Стонтон и мисс Помрой. Мисс Стонтон была брюнеткой и экологом, а мисс Помрой — блондинкой и картографом. Обе вполне могли сойти за трехмерное воплощение богинь любви и обе это знали.

Много говорили о типичном распределении массивов суши и характеристиках горных цепей. Большая часть сказанного проносилась мимо головы мисс Браун, не причиняя вреда. Доктор Лэнгли, экспедиционный геолог, прочел импровизированную лекцию о законе распределения вероятностей применительно к сложившейся ситуации: где-то обязательно должна быть планета, аналогичная Земле, но не сумевшая породить животную жизнь, и совершенно очевидно, что теперь они нашли именно такую планету. После нескольких мартини, все перешли в столовую.

Ей следовало все рассказать капитану. В каком-то смысле это была ее обязанность. Но, глядя на капитана — огромный, плотный и бесчувственный, с лицом как грозный край ледника, — он сидел во главе стола, полностью сосредоточенный на тарелке горохового супа, она не сумела выдавить ни слова. Да и все равно она знала, что он громко, раскатисто рассмеется и отпустит какое-нибудь ехидное замечание по поводу ее мечтательности, неуместной в то время, когда она должна каталогизировать экспедиционные данные.

Она могла бы поделиться с мистером Смизерсом — и почти поделилась. Экспедиционный археолог был довольно молод — примерно ровесник мисс Браун. Он смотрел на нее довольно отстраненно, словно одновременно ее видел и не видел; поначалу это ее немного смущало, пока она не обнаружила, что он смотрит так на всех — даже на мисс Стонтон и мисс Помрой. Его место за столом случайно оказалось рядом с ее местом, и за время длительного перелета между ними даже возникло нечто вроде дружбы; она произрастала лишь из потребностей момента и целиком состояла из таких бытовых мелочей, как «Пожалуйста, передайте соль, мисс Браун. Спасибо», или «Хлеб, пожалуйста, мистер Смизерс. Благодарю вас». Между этим и более близкой дружбой лежала пропасть, но это было все, что она имела.

— Сегодня со мной произошла глупейшая вещь, — начала она, сразу после того как подали главное блюдо.

— Неудивительно, мисс Браун. Это глупейшая планета... Передайте, пожалуйста, картошку.

Мисс Браун передала картошку.

— Да, наверное, — отозвалась она. — Так вот, сегодня днем я...

— Можно попросить соль, мисс Браун.

Мисс Браун передала соль. Она посмотрела, как мистер Смизерс режет свою отбивную на аккуратные квадратики, подождала, убедилась, что ему совершенно не интересно, о чем она собиралась рассказать, потом отрезала скромный квадратик от своей отбивной и притворилась, что голодна.

На другой день она, как обычно, забыла пресс-папье. Ветер, дождавшись, когда ее взгляд отправится в самоволку, быстро обогнул корабль. Возник неожиданный вихрь из официальных форм и экспедиционных данных, и она снова бегала на ветру, подпрыгивала, кружилась и выделывала пируэты.

Когда она вернулась, Шарж ждал возле стола. Ждал — и сказал, ласково, ободряюще:

— Прелестно. Прелестно на ветру...

Потом он приходил каждый день. Он никогда не задерживался надолго, всего на несколько минут, чтобы сказать ей что-нибудь приятное о том, как она танцует. Иногда он выглядел немного иначе, словно тот, кто нарисовал его, немного подзабыл, как рисовал его вчера. Но основные черты оставались всегда одними и теми же: глазки в духе «Сиротка Энни», смешная «S» из брови и носа, дефис рта и горизонтальная «С» подбородка; удлиненные прямоугольники рук и ног.

— Я не мастер рисовать, — с сожалением сказал он однажды.

— Вы действительно так выглядите? — спросила мисс Браун.

— Не совсем. Но это лучшее, как я могу себя изобразить, чтобы оставаться в диапазоне вашей реальности.

— В диапазоне *моей* реальности?

— Как ваше восприятие цвета ограничено узостью видимого спектра, так и ваше восприятие реальности ограничено узостью вашего опыта. Поскольку формы жизни на этой планете никак не соотносятся с вашим прошлым опытом, трансцендентная фаза ваших логических выкладок отрицает их существование. Вот по-

чему ваша экспедиция никак не может найти жизнь на планете, которая кишит жизнью.

— Но на этой планет *нет* жизни!

— Конечно, нет — с точки зрения вашего ограниченного опыта. Ваш диапазон реальности так же абсолютен, как мой... Но что вы думаете обо мне, мисс Браун?

— Я... ничего не думаю.

— Но вы верите, что я реален?

— Да. В каком-то смысле.

— Тогда я реален. Хотя видеть меня вы можете только в виде грубого наброска... завтра вы придете танцевать снова, мисс Браун?

— Вероятно, мне снова придется собирать бумаги, — ответила мисс Браун.

Теплые летние дни неторопливо сменяли один другой. Каждое утро члены экспедиции, встав пораньше, решительно отправлялись в челноке на раскопки, и каждый вечер возвращались поздно, усталые, расстроенные и не в духе. По кают-компании проносились короткие шквалы недобрых слов; между мисс Стонтон и мисс Помрой вспыхнула тактическая холодная война; ледник капитанского лица продолжал отыскивать в море зазевавшийся корабль.

Но в мире мисс Браун небо было голубым и безоблачным. Иногда она ловила себя на том, что поет душой. Минуты, которые она проводила перед своим походным туалетным столиком, незаметно растянулись в часы. За ужином, когда мистер Смизерс просил ее передать соль или масло, у нее всегда находилось какое-нибудь остроумное замечание, хотя мистер Смизерс, как обычно, ничего не замечал.

И вот однажды вечером капитан наконец сказал:

— С меня довольно. Если до завтрашнего вечера мы не найдет тут никаких доказательств жизни, улетаем!

В ту ночь мисс Браун не могла уснуть. Она ворочалась и металась в темноте; включила свет, села на край койки и выкурила несколько сигарет подряд. К утру она забылась зыбкой дремой, но рано вставшие члены экспедиции, шедшие по коридору, разбудили ее.

Сначала раздался приглушенный металлический стук их подошв, а потом, когда они поравнялись с ее каютой, она услышала через вентиляционное отверстие голос доктора Лэнгли:

— Скажите, что в последнее время нашло на наше чудище?

— Не могу понять, — отозвался голос мисс Помрой. — Иногда она даже *улыбается*. Знай ее хуже, я бы сказала, что она влюбилась.

Доктор Лэнгли рассмеялся. Мисс Стонтон рассмеялась. Кто-то рассмеялся.

— *Она? Влюбилась?* — проговорил голос доктора Лэнгли.

Снова смех. Удаляющиеся шаги.

Тишина...

Она очень тихо лежала на своей узкой койке. Лежала, заложив руки за голову и неотрывно глядя на маленький белый квадрат потолка. Посреди потолка голая флуоресцентная трубка жутко улыбалась ее некрасивости.

Она долго лежала так, с сухими глазами, неподвижно. Потом встала и оделась. Как обычно, оделась тщательно, но зачем? Все это было совершенно бесполезно.

Когда после обеда она вынесла на улицу свой письменный столик, то не забыла прихватить пресс-папье — самое тяжелое, какое нашла, — и аккуратно положила его точно по центру верхнего листка. И очень сосредоточенно принялась печатать.

Сначала она разобралась с заметками мистера Смизерса, потом доктора Лэнгли. И только оказавшись в гуще несвязных почеркушек мисс Помрой, она подняла взгляд от машинки, и тот пустился в странствие по равнине и манящим холмам.

За самым дальним холмом в зеленой долине пряталась деревня. Прелестная деревня с розовыми домиками и алебастровыми улицами, с высокими иглистыми шпилями церквей. В такую деревушку можно войти без страха. В такой деревушке, кем бы ты ни был и что бы ни искал, тебя никогда не прогонят, никто не станет над тобой смеяться...

Она сердито заставила себя вернуться к несвязным заметкам мисс Помрой. Поначалу она не заметила, что пресс-папье исчезло. А когда заметила, было уже поздно. Она хотела схватиться за бумаги, но ветер уже ждал и торжествующе вынырнул из-за корабельного бока. И вот уже она снова танцевала, ее тело было свободно на ветру, мягкие волосы развевались у лица.

Когда она вернулась к столу с бумагами, Шарж уже был нарисован на обычном месте, а пресс-папье появилось снова.

— Мне хотелось еще раз увидеть, как вы танцуете, — сказал он.

Она положила бумаги на столе и прижала их пресс-папье. Потом взглянула в круглые глаза.

— Я вас ненавижу, — сказала она. — И больше не желаю вас видеть! Никогда!

Кружки глаз загадочно взглянули на нее. Гротескный человеческий контур, казалось, дрожал на ветру.

— Не понимаю, зачем вы вообще ко мне подошли, — продолжила мисс Браун. — Вы только все испортили, стало еще хуже. Зачем вы это сделали? Зачем?

— Потому что мне хотелось посмотреть, как вы танцуете.

— Но вы же и так видели, как я танцую... собираю бумаги. Вам не нужно было для этого рисовать себя в дурацком виде. Не нужно было заговаривать со мной!

— Мне хотелось сказать вам, как прекрасно вы танцуете.

Она беспомощно стояла там.

— Я вообще не умею танцевать, — наконец проговорила она. — Я знаю, что не умею. Никто никогда не хотел смотреть, как я танцую. Никто никогда не хотел танцевать со мной. Никто никогда не приглашал меня.

— Еще я хотел сказать вам, как вы прекрасны.

Она вдруг расплакалась. Оставила свое тело стоять на летнем ветру, а сама вернулась на Выпускной с Одиночеством. Потом — в апрельский вечер на свое первое свидание, посидела в парке на скамейке под апрельским дождем и все ждала, ждала, ждала, а ледяной дождь промочил ее светлое выходное пальто, а холодный страх прокрадывался в ее сердце. Наконец она улеглась на свое узкое ложе и услышала голос доктора Лэнгли: «Чудище». Голос доктора Лэнгли раздавался снова и снова: «Что нашло на чудище?»

— Я не удосужился сказать вам, — сказал Шарж, — что в своем обществе я эксперт.

В его голосе — если это был голос — появилось что-то, чего не было раньше.

Она не ответила, и он продолжил:

— Я эксперт по красоте. Это моя функция в моем обществе, как ваша функция в вашем обществе — превращение крошечных символов в вашей машине в осмысленные последовательности на бумаге.

Ее глаза высохли, но на щеках блестели следы слез. Ей было муторно и стыдно и хотелось убежать и спрятаться на корабле в своей каюте; хотелось запереть дверь и...

— Не уходите, — сказал Шарж. — Прошу вас, не уходите. Я хотел бы рассказать вам о красоте.

— Хорошо, — ответила она.

— Красота — результат восприятия симметрии. Результат меняется пропорционально полноте восприятия. Ведь само собой разумеется, что истинный результат дает только полное восприятие.

Незрелые расы еще не могут распознавать тонкие отличия, существующие между симметрией объектов и симметрии разумных существ. Объекты обладают трехмерной симметрией; разумные существа наделены четырехмерной симметрией.

Объекты обладают толщиной, высотой и шириной; разумные существа обладают высотой, толщиной, шириной *и* характером. Невозможно полностью воспринять симметрию разумного существа в трех измерениях, так же как невозможно воспринять симметрию объекта в двух измерениях.

Вы понимаете меня, мисс Браун?

— Наверно, — ответила она. — И могу логически обосновать.

— Не нужно логически обосновывать... я эксперт в области красоты, ее знаток и ценитель. Я не сказал вам, что вдобавок я создатель красоты. Но я создаю ее субъективно, давая другим способность видеть ее. Концепция красоты — одна из высших ступеней в процессе взросления любой расы, и каждая раса в младенчестве совершает одну и ту же трагическую ошибку: винит результат за неполноту собственного восприятия.

Я создатель красоты и все-таки не могу сделать вас красивой. Но я могу заставить ваших соплеменников разглядеть, что вы и бесчисленные вам подобные *прекрасны*.

В тени корабля повисла тишина. Даже ветер успокоился и ровно дул с далеких холмов над летней равниной. Мисс Браун тоже притихла. Она стояла очень неподвижно перед смешным наброском в воздухе, стараясь разглядеть что-то в его пустых круглых глазах.

— Жаль, — сказал Шарж. Потом примолк. — Жаль, что между вашей и моей реальностями нет промежуточной реальности. Реальности, в которой вы могли бы увидеть меня таким, каков я есть. Я довольно плохой художник. Если честно — карикатурист.

— Нет! — воскликнула мисс Браун. — Я думаю, что вы прекрасно рисуете.

— Спасибо, — поблагодарил Шарж. — Теперь мне пора.

— Вечером мы улетаем. Вы больше не увидите... как я танцую.

— Знаю. Я буду очень по вам скучать, мисс Браун.

Он начал стирать себя.

— Подождите! Не уходите!

— Надо. Мне нужно исправить дефект — восприятийный ответ целой цивилизации. Это огромная работа, даже для меня. До свидания, мисс Браун.

Глаза он оставил напоследок, а перед тем, как стереть их, нарисовал в углу каждого глаза слезинку.

Перед отлетом подали ужин.

Капитану было непросто сосредоточиться на супе. Всякий раз, как он поднимал ложку, его взгляд устремлялся к мисс Браун.

Мистер Лэнгли был сбит с толку. Он поглядывал то на мисс Помрой, то на мисс Стонтон, то на мисс Браун. Через некоторое время он уже не сводил с мисс Браун глаз.

Мистер Смизерс еще доедал суп, когда подали главное блюдо. В конце концов он отказался от супа и занялся тушеным мясом. Своевременно подали картофельное пюре, и он положил себе скромную порцию. По непонятным причинам подливка запаздывала. Его взгляд прошелся по столу и обнаружил подливку перед тарелкой мисс Браун.

— Пожалуйста, передайте мне подливку, мисс Браун? — сказал он.

Она передала, весьма грациозно.

Она улыбалась.

Она была прекрасна!

Мистер Смизерс едва не уронил подливку. В последний миг он спас положение и подхватил соусник, но спасти себя уже не успел.

— Вы сегодня прелестны, мисс Браун, — сказал он.

Каждое утро по дороге в школу Нэнси проходила мимо угла, и каждое утро ее там ждали дети — жестокие слова, писклявый смех. «Эй, лупоглазая, куда идешь, лупоглазая?»

Этим утром они тоже стояли на углу. Она оцепенело прошла мимо, не глядя на них, внутренне сжавшись, как всегда. Она беспомощно ждала их криков, чувствуя униженно, она ждала их смеха.

Вдруг к ней подбежал маленький мальчик. Его недавно умытое личико сияло, глаза светились теплом и дружелюбием. «Донести твои учебники, Нэнси?»

Мисс Бриггс успела на аэробус, но, как обычно, все места были заняты. Она привыкла стоять и даже привыкла к головокружению, которым мучилась каждое утро, летя на работу. Это стало частью ее личного status quo, и она мирилась с этим, как мирилась со своей каморкой, мартовским ветром, и неоспоримым фактом собственной некрасивости. Никто никогда не уступал ей места и вряд ли когда-нибудь уступит в будущем.

«У вас усталый вид, — обратился к ней молодой человек, поднимаясь. — Не хотите присесть?»

Тени, даже если они трехмерны, остаются тенями, и иллюзии физической глубины недостаточно, чтобы обратить мелодраму в драму. Мисс Мерритт отошнело Три-ви. Три-ви надоело ей до смерти.

По пути домой она заглянула в аптеку, чтобы выпить колы и выкурить сигарету. Симпатичный молодой человек в костюме из серого габардина снова был здесь, разглядывал корешки книг в мягких обложках. Она небрежно потягивала колу и делала маленькие затяжки, потом в тысячный раз представила, что молодой человек выбирает одну из не самых аляповатых книг, листает, на мгновение задумывается и наконец наклоняется к ней через стойку, и говорит: «Прошу прощения. Никак не могу понять вот этот кусок. Не поможете?» Обычно книга оказывалась Стейнбеком, или Фолкнером, или Хемингуэем, но чем бы она ни оказывалась, мисс Мерритт всегда удавалось дать блестящий ответ.

Сегодня она вдруг поняла, что габардиновый рукав почти касается ее локтя.

«Прошу прощения, — обратился к ней молодой человек. — Эта книга. Никак не пойму. Интересно...»

Это была книга в аляповатой обложке, очень далекая от Стейнбека и Фолкнера и за миллион миль от Хемингуэя.

Но и она была достаточно хороша.

WORLD'S FIRST SCIENCE FICTION MAGAZINE
August
1978
$1.25
UK:60P
ICD 08025
AMAZING
science fiction
First in Science Fiction Since 1926
wheels by Robert F. Young
Richard C. Meredith
74820 08025

Победа Глории Грандонуиллз

1

Садясь в шаттл «Королевы Галактики», Билл Хардинг даже не догадывался, что его уже опередил еще один пассажир до Грузовесочной — особь женского пола, и что они с ней обречены разделить приключение, которое ни одному из них и не снилось.

У нее были холодные голубые глаза, черные волосы полуночного оттенка и лицо римской императрицы, каждой черточкой говорившее: *богатая сучка*. А сложена она была, как кирпичный fitzenframmerhouse на Бетельгейзе-VI.

Удобно усевшись на одном из двух стоящих друг против друга лож, она пристально вглядывалась в экран, встроенный в пол шаттла, ожидая момента, когда откроется подфюзеляжный люк двигающейся по орбите «Королевы» и шаттл начнет по спирали снижаться в разреженной атмосфере планеты.

Билл Хардинг никогда с ней не встречался, но видел ее один или два раза на прогулочной палубе «КГ». Тогда стюард назвал ему ее имя: Глория Грандонуиллз.

Когда он уселся напротив нее, она одарила его единственным надменным взглядом и снова уставилась на экран. В следующую минуту вошел пилот шаттла, сел за панель управления и резко передвинул пару небольших рычажков. Центральный люк открылся, и шаттл по спирали устремился к планете, точно обтекаемое яйцо птицы рух с Ватумби-IV. Вскоре на экране в полу появилась поверхность Грузовесочной — необыкновенно серая и суровая, с единственным искупающим все это зеленым пятнышком, расположенным на полпути между ее экватором и тропиком Рака.

Билла Хардинга весьма интересовало, зачем богатой сучке вроде Глории Грандонуиллз захотелось посетить подобное место. Если не считать зеленого пятнышка, которое представляло собой изобильную плодоносящую долину, где ее владелец — Смотритель-Псишеэктомист[1] — проживал вместе со своими «призраками» и воспоминаниями, местная топография ограничивалась каменистыми степями, ледниками, вялыми речушками и мертвыми морями.

---

[1] От «псише» — душа и «эктомия» — удаление.

Внезапно Билл Хардинг ахнул. Не может ли быть так, что она летит на Грузовесочную по той же причине, что и он?

Хотя атависты встречались крайне редко, это вовсе не означало, что два таких человека не могут отправиться на Грузовесочную в одно и то же время и на одном и том же корабле. В конце концов, где еще атавист может избавиться от души?

Тут он решил до поры отставить протокол. В конце концов, нельзя сказать, что Глория Грандонуиллз была ему совершенно незнакома; ведь он уже *видал* ее, и они *летели* одним рейсом.

— Вы тоже летите, чтобы увидеться со Смотрителем-Псише-эктомистом? — осведомился он.

— Да, — ответила Глория Грандонуиллз, не отрывая взгляда от напольного экрана.

— Меня зовут Билл Хардинг, — представился он. — Я с Передовой.

Она окинула его одним-единственным синим ледяным взглядом.

— Гм! — хмыкнула она и снова сосредоточилась на экране.

Уязвленный Билл Хардинг тоже посмотрел на экран. Вблизи Грузовесочная выглядела еще менее приветливой, нежели с орбиты. Шаттл приближался по спирали быстро к планете, курсом, который вероятно, означал посадку посреди зеленой долины, но вскоре Билл Хардинг осознал, что шаттл вовсе не собирается садиться рядом с долиной.

Он обратил внимание пилота на это обстоятельство.

— Вы чертовски правы: мы вовсе не собираемся садиться рядом с долиной, — отозвался пилот. — Я не намерен приближаться к этому безумному месту! Может быть, то, что я слышал о нем — сущая правда, а может быть, и нет, но рисковать я отказываюсь. Мне надо думать о жене и детишках, а если со мной что-нибудь стрясется, кто о них позаботится, а? Кто будет выплачивать ренту, покупать продукты, отгонять от дверей волков? Кто? Я вас спрашиваю — кто?

— Ладно, забудьте, — сказал Билл Хардинг. — Просто, забудьте.

— Я сяду во-он там, у высокой скалы. Оттуда до того места, куда надо вам обоим, рукой подать. В конце концов, нельзя же требовать, чтобы человек с женой и детьми рисковал, верно? В нашем совместном контракте прямо говорится, что пилоты шаттлов не обязаны идти на ненужный риск... Ну-ка, как вам это местечко для мягкой посадки?.. Не то, чтобы я боялся этого психа и тех призраков, ну, вы понимаете. Боже, если бы я рисковал

только собой, то, призраки или не призраки, запросто приземлился бы прямо посреди этой крошечной старой долины! Но мне надо думать о жене и детках. Ведь если со мной что-то стрясется, кто бу...

Билл Хардинг подхватил рюкзак и вышел. Глория Грандонуиллз взяла свой и последовала за ним. Обидевшийся пилот с грохотом захлопнул люк и отправил шаттл по спирали обратно в атмосферу.

Два атависта исследовали местность. Песок... Еще песок... Скалы, камни, галька... Солнечный свет и тень... А высоко над головой — немного зелени.

Сухопутный краб выбежал из-за камня и исчез за другим.

— Ох! — выдохнула Глория Грандонуиллз.

Памятуя о том, как презрительно она отвергла его попытку завязать дружеские отношения, Билл Хардинг, не обращая на нее внимания, направился к небольшой полоске зелени.

Через некоторое время он оглянулся, чтобы посмотреть, не идет ли она за ним. Она шла. Почти по пятам. В сущности, так близко, что ему удалось определить, какой тушью для ресниц она пользуется. Этот сорт туши изготавливали, размалывая и смешивая корни болотоцвета с Йогенуорта-VI и привозимого с Груса-III чашелистика шарники, и стоила такая тушь целое состояние. Сотрудник ведущего концерна Передовой «Косметика и парфюмерия» Билл Хардинг отлично разбирался в подобных вещах. Но он бы не сказал, что эти знания смогли принести ему много пользы. Именно неспособность подняться выше по корпоративной карьерной лестнице стала причиной его визита на Грузовесочную. По совету психоаналитика компании он добровольно подвергся психоанализу, и когда обнаружилось, что у него есть душа, компания настояла на том, чтобы он немедленно посетил псишеэктомиста или отправился к ближайшей электронной кассе за выходным пособием.

Постепенно смутное зеленое пятно превратилось в траву и деревья — причем первая оказалась тимофеевкой, а последние — финкго, хайльго, кленами, сферго, виртами и почти всеми прочими породами тенистых деревьев, с какими согласна была мириться глинистая почва Грузовесочной.

Остановившись у края долины, двое атавистов изучали владения Смотрителя: сперва они увидели зеленый, затененный де-

ревьями склон. Затем речку в тени деревьев, пенящуюся, как шампанское, между зелеными мшистыми берегами. Потом зеленые геометрически правильные поля, пестрые от более ярких оттенков многолетних фруктов и овощей. Потом парк, похожий на лес. Потом на лесной поляне — приземистое здание, занимавшее по меньшей мере два акра земли, с башней, похожей на маяк, возвышавшейся над беспорядочной мешаниной крыш. Потом опять лес; потом — другую реку (или рукав первой); потом другой засаженный тенистыми деревьями склон и, наконец, зеленую бесконечную степь.

Они бок о бок спустились по ближайшему тенистому склону и подошли к первой реке. Чуть ниже по течению через похожую на шампанское воду был переброшен вычурный пешеходный мостик, и Билл Хардинг первым двинулся к нему. В нескольких футах от мостика он резко остановился: путь преграждал стоявший перед пешеходным мостиком один из грузовесочников.

2

Несомненно, читатель гадает, отчего Билл Хардинг, поглядев на мостик, не заметил тотчас же и грузовесочника и отчего ему потребовалось буквально натолкнуться на это существо, чтобы осознать его присутствие. Нижеследующая выписка из новой «Энциклопедии базовых знаний Бланта и Граймса» должна прояснить этот небольшой вопрос, а заодно пролить свет на другие интригующие характеристики этих странных и малоизученных обитателей Грузовесочной:

> ГРУЗОВЕСОЧНИК (подотряд 4, галакт. *мелкая сошка*; копатель): парагуманоидное существо родом с Раднакришнан IV (*см.*), более известной как Грузовесочная из-за своей первоначальной функции телеметрической грузоизмерительной станции для рудовозов класса B-IX. Грузовесочники — это почти прозрачные транспротоплазматические (*см.*) высокоинтеллектуальные существа, уступающие в остальном человеку (*см.*). Рядовые астронавты суеверно именуют их «призраками», поскольку эти уникальные существа обладают примечательной способностью менять форму, размер, консистенцию и цвет применительно к любой си-

туации. Благодаря своей гиперчувствительной природе они способны при общении точно угадывать, какую личность, существо или вещь хочет видеть его собеседник, и благодаря явно выраженному комплексу неполноценности вынуждены становиться этой личностью/существом/вещью и черпать его/ее/его лексику из мозга собеседника. Часто, когда между грузовесочниками и человеком (*см.*) устанавливаются длительные отношения, грузовесочник остается избранной личностью до тех пор, пока отношения не прекратятся.

Бдительно выискивая первые признаки какого-нибудь подвоха, Билл Хардинг приближался к грузовесочнику, стоящему перед мостиком. За ним, бледнея аристократическим лицом, но решительно глядя льдисто-голубыми глазами, шествовала Глория Грандонуиллз.

Грузовесочник походил на прозрачную простыню, которую кто-то оставил висеть на несуществующей бельевой веревке, после чего кто-то другой изрешетил ее залпом картечи. Он висел примерно в двух футах от земли и непрерывно гудел — «гм-м-м-м, гм-м-м-м, гм-м-м-м». Остановившись в полуярде от него, Билл Хардинг произнес:

— Мы с этой молодой леди оставили позади много парсеков, преодолевая пространство и время, чтобы нанести визит Смотрителю-Псишеэктомисту. Поэтому не будете ли вы любезны отойти в сторону и не позволите ли нам перейти этот мост?

Грузовесочник тотчас превратился в мать Билла Хардинга.

— Сынок, — произнес он. — Не хочу совать нос в твои дела, но не будет ли разумнее, если ты чуть дольше подумаешь над этим? Если и в самом деле, как, несомненно, кажется, у тебя есть душа, ты, разумеется, должен в итоге избавиться от нее, чтобы сохранить Работу и достичь Большого Успеха. Но не лучше ли будет подольше пожить со своим несчастьем, чтобы разобраться и понять, как жили в старину, когда у каждого была душа и считалось, что она необходима, чтобы прожить свою жизнь достойно и обрести жизнь после Смерти? И еще одно, сынок — эта девица, с которой ты тут разгуливаешь. Мне известно, что это Судьба свела вас, но на твоем месте я бы остерегалась ее. От таких всего можно ждать, сынок, всего!

— Я знала! — воскликнула Глория Грандонуиллз. — Знала! Знала с самого начала!

— Что знала? — осведомился Билл Хардинг.

— Что вы — регрессировавший вследствие Эдипова комплекса психодормитальный подпороговый паранормал! Я знала, я так и знала! — Надменно тряхнув головой, Глория Грандонуиллз на пол-ярда приблизилась к грузовесочнику и сказала: — Ну, уйдешь ты с моей дороги или нет? Думаешь, я приперлась в такую даль к псишеэктомисту только для того, чтобы в самую последнюю минуту мне загородила дорогу какая-то паршивая дряхлая простыня, побитая молью?

И тотчас грузовесочник из матери Билла Хардинга превратился в высокую худощавую женщину с бородавкой на самом кончике носа. Она была одета в форму медсестры, лиловую с горизонтальными полосками коричного цвета, а на голове у нее возвышалось нечто вроде шлема с надписью «МАТЬ МАККЭЙ: инструктор по сексу».

— О, Глория, Глория, — воскликнула она. — Ты *всегда была* своенравной девочкой! Меня очень огорчает, что после всего того, чему я научила тебя, я вижу, как ты разгуливаешь с регрессировавшим на почве Эдипова комплекса психодормитальным паранормальным представителем мужского пола, которого ты впервые увидела полчаса назад и по сути совсем не знаешь. Но, полагаю, твой случай неотложный, и, следовательно, в подобных обстоятельствах девушка может обойтись без обычных мер предосторожности. Поэтому неохотно скажу: ступай, дитя мое, но будь начеку каждую секунду и бдительно охраняй свою девственность!

Грузовесочник снова превратился в дырявую простыню и, колыхаясь, сдвинулся в сторону. С лицом, пылающим, как огневые леса на Болоте-IX, Глория Грандонуиллз протопала по мостику. Билл Хардинг последовал за ней.

О полях, по которым в тот вечер шли Билл Хардинг с Глорией Грандонуиллз, можно написать поэму, как и о деревьях, под чьей сенью они шли, и о грузовесочниках, возделывавших круглогодично плодоносящие помидоры, старые добрые виноградники и неизменную кукурузу. Фактически, Билл Хардинг *сочинил* поэму, или, скорее, набросал ее в уме, чтобы когда-нибудь потом записать ее для потомков:

зеленые деревья
податели орехов
простыни, висящие
на
не
существующих
бельевых веревках
помидоры
виноград
початки кукурузы
...золотые...
надгробный плач древесных лягушек
предсумеречный блюз
становящщщиийся
истинной
печалью
истинной...

В должное время — и без дальнейшего вмешательства грузовесочников (которые хотя и меняли кое-как облик, когда люди проходили рядом, но были слишком заняты тяжкими трудами, чтобы делать это как следует) — они пришли к похожему на парк лесу, где стояло расползшееся здание, которое они еще давно видели с края долины. После случая на мостике ни Билл, ни Глория не проронили ни слова, и это обоюдное молчание было прервано, только когда они вышли из зарослей на открытое место. Тогда они остановились как вкопанные, и Глория Грандонуиллз воскликнула:

— Ох ты ж, он и в самом деле, должно быть, чокнутый!

Билл Хардинг был склонен согласиться с ней. Смотреть на эту постройку издалека — одно; видеть ее вблизи — совершенно другое.

Он задумался о том, как ее строили — изнутри наружу или снаружи внутрь?

Он решил, что здесь не применялся ни тот, ни другой способ, поскольку оба подразумевали заранее составленный план, а это здание представляло собой растянувшийся на огромное расстояние памятник бесплановости. Очевидно, Смотритель строил его по ходу дела, добавляя крылья и пристройки по мере надобности. Несомненно, он начал строительство с похожей на маяк башни, которая теперь была скрыта от глаз нагромождением крыш остального сооружения.

Почти таким же несообразным, как само здание, был неоднородный материал, из которого оно возводилось: древесина филка с Оттаваты-XL, эбеновый камень с Глика-I, вечноглина с Одинокой Звезды (Регулус-III) и голубой кирпич с Рабадабдаба (Дхаб-XVII), а вдобавок без счета других материалов, которые Билл Хардинг не сумел опознать.

Окон нигде не было видно, однако напротив пятачка, где стояли два атависта, имелся прямоугольный проем, отдаленно напоминавший дверной проем. Таких проемов было множество, но этот казался им наиболее многообещающим. Билл Хардинг пошел первым, и вскоре они с Глорией Грандонуиллз оказались в тускло освещенном коридоре, поворачивающем то в одну сторону, то в другую. Она шла за ним так близко, что до него доносился аромат ее духов. Теперь это была смесь жидкости, выделяемой любовным мешочком болотного бобра с Грампуса-XVIII, с очищенным соком ягод баклушии с Локаса-XXIII.

Наконец он увидел впереди яркий свет и пошел быстрее. Глория Грандонуиллз тоже прибавила шагу, и вскоре они вступили в огромное пятно позднего солнечного света. Это оказалось то же самое пятно, из которого они ушли от силы две минуты назад.

— Будь я проклят! — пробормотал Билл Хардинг. — Мы пришли туда, откуда ушли!

— Это лабиринт — вот почему так случилось, — взволнованно произнесла Глория Грандонуиллз. — Лабиринт, похожий на тот, что некогда существовал на острове Крит на Солнце-III. В нем жил Минотавр. Инте... интересно, а что если и в этом живет Минотавр.

Билл Хардинг раздраженно посмотрел на нее.

— Идемте. Попробуем еще раз.

3

Заходя в это странное жутковатое здание во второй раз, Билл Хардинг уже отлично понимал, что в полумрак его диковинных извилистых коридоров вполне возможно таятся такие опасности, с какими он никогда еще не сталкивался, и что в любую секунду ему придется дать бой неведомым ужасам, которые ему никогда и не снились. Предупредив свою спутницу, что следует сохранять спокойствие, и приказав ей держаться как можно ближе к нему, он внимательно вглядывался вперед в необычный тусклый

свет, проникавший в каждый уголок и трещинку извилистого коридора и не имевший никакого видимого источника; затем, когда все его чувства настроились на то, чтобы уловить малейшее движение, звук или легчайший запах, он бесстрашно красться вперед.

Довольно нескоро он достиг ответвления коридора, которое, очевидно, раньше пропустил. Он свернул туда, Глория — за ним. От второго коридора ответвлялся третий. Они повернули в него. Затем в четвертый. Спустя некоторое время они пришли в какую-то комнату. Это оказалась ванная. Они пошли дальше. Очень скоро они вышли к следующей комнате. Тоже ванная.

Та же самая?

Снова они двинулись вперед. Тусклый свет становился все тусклее. Внезапно Глория Грандонуиллз прошептала:

— Вы ничего не слышите, Билл Хардинг?

— Например что?

— Например... например, цокот копыт.

Билл Хардинг резко остановился. Он уже хотел сказать ей, что сейчас не до фантазий о том, как исполняются желания, и что она, вероятно, никоим образом не подходит в качестве жертвы, но сам услышал звук: *цок-цок, цок-цок, цок-цок. Цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок.*

Он снова пристально вгляделся вперед во тьму. Тут Глория Грандонуиллз резко вздрогнула.

— Ай! — вскрикнула она и резко обернулась. Билл Хардинг тоже. Там — а как же! — стоял Минотавр. Он смеялся.

— Хе-хе-хе! Вас обманула акустика, не так ли? Так и должно быть.

Он снял голову. Потом — шкуру и копыта. Билл Хардинг с Глорией Грандонуиллз увидели малюсенького человечка с седой козлиной бородкой, которому было лет восемьдесят, а то и девяносто.

— Хе-хе-хе, — снова рассмеялся он. — Хе-хе-хе!

Глория Грандонуиллз размахнулась и дала ему пощечину.

— Да как ты смеешь подкрадываться ко мне сзади и... Да как ты посмел?!!

Старик, казалось, не обратил на пощечину никакого внимания.

— Позвольте представиться, — промолвил он. — Я — не кто иной, как Смотритель-Псишеэктомист. Или, пожалуй, следует сказать «экс-псишеэктомист», ибо еще в расцвете меня, к несчастью, ввиду психических изменений, происшедших с человеческой расой, и, как ни печально, я лишился профессии, которая

принесла мне славу и богатство, своего единственного способа добывать средства к существованию. Поистине, человеку, трудящемуся не покладая рук на избранном им поприще, очень трудно внезапно оказаться невостребованным, нужным разве что случайным атавистам — и что же остается ему, кого человечество более не признает Великим Человеком (а ведь он истинно велик!), кроме как отринуть блуждания человеческие и удалиться в Убежище, и там писать Мемуары, созидая себе достойный памятник? Посему в один прекрасный день некогда великий и знаменитый человек сидит в своей башне, обрабатывает, не покладая рук одну из множества жемчужин, которые он создает для потомков, — и видит приближающихся издалека двух посетителей, а поскольку один из посетителей, оказывается, женщина, сложенная, как кирпичный fritzenframmerhouse на Бетельгейзе-VI, он решает оказать ей радушный прием, подобающий одной из девственных красавиц Былого, которыми жители Микен платили дань царю Миносу.

Билл Хардинг ощутил легкое головокружение.

— Сэр, — произнес он. — Поскольку я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как атавист в последний раз пользовался вашими услугами, должен задать вам не вполне уместный вопрос: вы еще способны выполнять псишеэктомию?

Смотритель выпрямился в полный рост. Он повернул круглую ручку на соседней стене, зажег свет, затем поднял сжатую в кулак руку и растопырил пальцы.

— Видите эти пальцы, молодой человек? А вы, юная леди? Видите, какие они изящные? Какие чувствительные? Какие симметричные? Как можно хотя бы усомниться в том, что...

— Я не говорил, что сомневаюсь, — поспешно перебил Билл Хардинг. — Я только спросил. В любом случае, сэр, для псишеэктомии требуются не только чувствительные пальцы, не так ли? Вы пользуетесь какой-нибудь машиной?

— Машина лишь второстепенна, — высокомерно произнес Смотритель. — Однако, естественно, она у меня есть. — Он пристально посмотрел на Билла Хардинга. — А, *вы-то*, кстати, атавист?

— Да, — ответил Билл Хардинг, — и прибыл с Передовой, чтобы воспользоваться вашими услугами. Психиатр компании сообщил мне, что вы — последний псишеэктомист, способный проделать то, что нужно, поэтому вы — моя единственная надежда. Меня... меня зовут Билл Хардинг.

Смотритель с любовью взглянул на свои пальцы.

— Что ж, превосходно — просто превосходно! У меня давным-давно не было пациентов. Порой по ночам мои пальцы трепещут, славно горят желанием выполнить свое предназначение! Исцелять, спасать, вылечивать! — Псишеэктомист повернулся к Глории Грандонуиллз. — А вы, юная леди, — вы тоже атавист? Возможно ли, что Госпожа Удача, которая столь подло обходилась со мной в мои преклонные годы, позволила явиться ко мне *двум* атавистам сразу?

— Меня зовут Глория Грандонуиллз, — произнесла девушка, — и если ты, старый козел, хотя бы на несколько минут перестанешь тут ломать комедию, перейдем к делу! Сколько?

Билла Хардинга потрясло столь неуважительное обращение к такому прославленному человеку, однако Смотритель, похоже, ничуть не обиделся. Вероятно, он уже имел дело с богатыми сучками.

— 1054298 долларов, — ответил он спокойно.

— 1054298 долларов! — выдохнул Билл Хардинг. — Это же больше, чем я зарабатываю за неделю!

— Не сомневаюсь, молодой человек, не сомневаюсь. Но я не сказал, что я потребую эту сумму с *вас*. Я назначаю цену пациентам сообразно тому, сколько они могут заплатить, а мне совершенно ясно, Билл Хардинг, что вы бедны, как церковная мышь, в то время как мисс Грандонуиллз богата, как Херстенбург. И в ее случае не надо быть снисходительным, ведь так уж вышло, что я не настолько отрешился от людских блужданий, чтобы не помнить имя Грандонуиллз. Не ваш ли папаша скупил за бесценок все виски на Скотче-IV, мисс Грандонуиллз? Или это были противозачаточные таблетки со вкусом вишневого ликера? Никак не могу точно вспомнить, что именно.

— Таблетки со вкусом вишневого ликера, — с гордостью ответила Глория Грандонуиллз. — Вишневочки.

— Ах да. Безусловно, он сколотил на этом неплохое состояние для семьи. — Смотритель повернулся к Биллу Хардингу. — Вы мне кажетесь едва сводящим концы с концами химиком, или биологом, или кем-то в этом роде. Так что для вас мой гонорар составит ровно 1000 долларов. — Смотритель поднял костюм Минотавра и перекинул через плечо. — Сейчас мы все вместе отправимся в мой дворец, и я покажу вам кой-какие редкие произведения искусства и, может быть, прочту кое-что из моих стихов.

— Ты сочиняешь *стихи?* — с недоверием спросила Глория Грандонуиллз. — Ты *поэт?*

Смотритель отвесил еле заметный скромный поклон.

— Пока лишь весьма незначительный, Мисс Грандонуиллз, однако надеюсь, что однажды поднимусь на более высокий уровень.

Глория Грандонуиллз простонала:

— Сперва чокнутый, регрессировавший на почве Эдипова комплекса, а теперь Шекспир-маразматик! — воскликнула она. — За что мне все это?!

4

Поскольку зенит моей жизни пройден, моим современникам может показаться странным, что мне вздумалось в столь преклонные лета направить свои усилия на поэзию и что я не сделал этого намного раньше. Что ж, во-первых, я никогда не посещал Сколледж, хотя это может изрядно удивить моих былых друзей и знакомых, которые слышали, как я беседую на старофранцузском. Во-вторых, меня не сразу осенило, что я могу стать Великим Поэтом, и потому я взамен решил стать Великим Псишеэктомистом. Но теперь, так сказать, оставшись не у дел, ибо нет у них долее душ (sic) для псишеэктомии, я решил поведать миру в ритмической форме толику мудрости, накопленной мною посредством учения и опыта, и на языке лирики дать Человечеству понять, что я чувствую касательно некоторых аспектов человеческой природы.

Предисловие к «Полному собранию стихотворений Смотрителя-Псишеэктомиста» из Мемориальной библиотеки Смотрителя.

Билл Хардинг с Глорией Грандонуиллз прошли следом за Смотрителем-Псишеэктомистом по извилистым, петляющим коридорам лабиринта. Какую еще шутку сыграет с ними Судьба? Какие новые опасности подстерегают их во тьме и таинственной тени, чтобы сделать смехотворными их попытку обрести счастье единственным способом, какой оставила им холодная, жестокая галактическая цивилизация?

Дождавшись, пока Смотритель спрячет свой костюм Минотавра в потайном шкафу, они вскоре вышли из лабиринта и попали в переполненную людьми комнату, почти такую же огромную, как Пенсильванский космодром. Сначала Билл Хардинг подумал, что это *и есть* Пенсильванский космодром и эти люди дожидаются своих кораблей; затем он понял, что это своего рода музей, и догадался, что эти люди ничего не ждут, а разглядывают предметы в витринах, стоящих вдоль стен, и саркофаг, окруженный оградой из кованого железа, под полом в самом центре комнаты.

Некоторые люди были ему знакомы. Он узнал Джорджа Вашингтона, Флоренс Найтингейл, Марка Аврелия, Дэвида Бринкли[1], Теодора Рузвельта, Оноре де Бальзака (*двух* Оноре де Бальзаков), Джо Намата[2], Наполеона Бонапарта, Альфрагара Бума, Бенвенуто Челлинни, Чета Хантли[3], сенатора Тропвейта Смита-Джонса-III, Мэри Пикфорд, Филлипа Абабского, Клиффорда Ирвинга[4], Нефертити, Уильяма Шекспира, Мухаммеда Али, Джима Джеммерсена и Лоренса Велка[5]. Возможно, он узнал бы и остальных, однако в основу материала, которым Смотритель мысленно снабжал разнообразных грузовесочников, устанавливая постоянное общение с ними, были взяты бюсты, почтовые марки, дагерротипы, фотоснимки, портреты и художественные замыслы, а, что еще хуже, память ему то и дело изменяла. Еще больше сбивало с толку то, что псишеэктомисту то ли не нравились костюмы соответствующих эпох, то ли он забыл, что мода менялась. В любом случае все эти выдающиеся люди, и мужчины, и женщины, сейчас были одеты так же, как и он сам: в голубовато-сиреневые полукомбинезоны и берцы электротехников.

— Вы не подозреваете об этом, — произнес псишеэктомист, вошедший в комнату раньше Билла Хардинга и Глории Грандонуиллз, — но вы находитесь в недавно открытой Мемориальной библиотеке Смотрителя. Позвольте показать вам кое-что из хранящихся здесь памятных вещей и уникальных предметов, которые по прошествии веков обретут величайшую галактическую славу, благодаря постоянному паломничеству в это благосло-

---

[1] Председатель Ирландской королевской академии.

[2] Известный футболист.

[3] Американский радио- и телекомментатор.

[4] Знаменитый актер.

[5] Руководитель джаз-оркестра.

венное святилище, где он некогда ходил, дышал и говорил, убеждая его в надежности его места в рядах Великих Людей Всех Времен.

Глория Грандонуиллз сказала:

— Я прилетела сюда, чтобы сделать псишеэктомию, а не чтобы пялиться на паршивую дряхлую библиотеку богатого самовлюбленного эгоманьяка с комплексом Великого Человека. И вообще, ты еще не совсем умер — умер на 99,99%.

— Принимая во внимание, что этот человек собирается для нас сделать, ты не очень вежлива, Глория, — заметил Билл Хардинг.

Та парировала:

— Принимая во внимание, что он уже мне сделал и сколько собирается запросить с меня за что-то еще, *я* считаю, что с ним еще не так надо бы разговаривать.

— Вот там, Билл Хардинг, моя коллекция курительных трубок, — произнес Смотритель. — Среди них есть редчайшие пеньковые трубки с Оттисбаги-XIII и одна из настоящего бриара «тукка фрутта» с Халпа-XXII. Идемте-ка.

Билл Хардинг поставил на пол свой рюкзак и вместе со Смотрителем протиснулся через толпу посетителей, оставив Глорию Грандонуиллз стоять у стены рядом группой беседующих людей, среди которых были Бенджамин Франклин, Федор Достоевский, Анна Болейн, Леонардо да Винчи и Уолтер Кронкайт.

Показал Хардингу коллекцию трубок, Смотритель повел его на большую экскурсию по остальной части огромного помещения. Здесь были коллекции почти всего на свете: монеты, марки, колорадские жуки с Грооса-III, бабочки с Болота-IX, туманные моли с Солнца-III, примитивные шариковые ручки и окаменелые земные ивовые сережки.

Судя по толпе посетителей вокруг, коллекция ивовых сережек пользовалась наибольшей популярностью.

— Великолепно! — воскликнул один из них восхищенно.

— Превосходно! — светясь от радости, вторил ему другой.

— Делать шарман! — выкрикнул третий (Билл Хардинг узнал в нем одного из Бальзаков). — Жамэ я не видать похожий чьючесс! Волшебн! Волшебн! Волшебн!

По завершении обхода цокольного этажа Смотритель провел гостей по узкой лестнице на галерею, окаймлявшую комнату примерно в двадцати футах от потолка. Она была отдана исключительно портретам, для которых он позировал в разные периоды

жизни. Их насчитывались без преувеличения тысячи, и на каждом он был с бородкой. Даже в возрасте шестнадцати лет, на самом раннем из портретов, он все равно отчасти смахивал на козла.

— А теперь, — театрально произнес он, останавливаясь перед дверным проемом, за которым неведомо куда поднималась изящная винтовая лестница, — главное!

Следом за псишеэктомистом двое людей взобрались по ступеням в маленькую круглую комнату со сводчатыми окнами, откуда была видна вся долина. Посреди комнаты стояли стол и стул, а на столе — чернильница с торчащим из нее пером. Рядом лежала стопка бумаги, а близ нее — издание «Анатомии поэзии» Мухаммада Али с серебряным тиснением на переплете.

Верхний лист бумаги покрывал тонкий неразборчивый почерк. Смотритель взял его. Откашлявшись, он прочел:

Песнь Шестнадцатая

Деньги — главная причина
Большей части преступлений,
Зол, чинимых ежедневно,
Деньги, — в этом нет сомнений.

Билл Хардинг заморгал.

Изо всех, кем полон космос —
Без учета цвета кожи,
Наиболее презренны
Те, кто выбрал в боги доллар.

— Не думаете ли вы, — сказал Билл Хардинг, немного нервничая, — что пора присоединиться к мисс Грандонуиллз?

Похоже, Смотритель его не слышал.

Деньголюбы все бесстыжи,
Суть ничтожества они,
Я считаю, они ниже
Чуждой расы «кирафунч»...

— Вы сказали — мисс Грандонуиллз? Кто это такая?

— Ну как же — та молодая леди, которая прилетела вместе со мной... разве вы не помните?

— Ах, да! *Глория* Грандонуиллз. Я хорошо ее помню. Ее отец занимался таблетками, регулирующими рождаемость, верно? Да, нам надо немедленно присоединиться к ней.

Глория Грандонуиллз тем временем успела пройти к середине большой комнаты, где находился саркофаг, и теперь, опираясь на ограду из кованого железа, глядела на медную пластинку, вделанную в каменную крышку. В нескольких футах от нее стоял Зейн Грей[1], на таком же расстоянии справа — доктор Спок[2].

Подойдя к ней и проследив за ее взглядом, Билл Хардинг увидел выбитые на медной пластинке слова. Они гласили:

Здесь покоится Великий Смотритель,
Хоть он очень был богат,
Часто думал он о бедных,
Кто и солнцу не был рад.

Глория Грандонуиллз уже прочитала эту эпитафию.

— Старый ханжа! — воскликнула она. — Да он знать не знает, что такое «бедный»!

— Ш-ш-ш, — прошептал Билл Хардинг. — Он стоит прямо за вами.

Глория Грандонуиллз тяжело вздохнула, увидев, как близко от нее Псишеэктомист.

— Не сметь, старый козел! — вскричала она.

— Не сметь что? — осведомился Смотритель.

— *Ты* знаешь. И вообще, чего это мы тут встали, как кучка тупых грузовесочников? Почему ты не готовишься к моей псишеэктомии? Я не могу ждать неделю — завтра за мной приедет чартерный корабль!

— Всему свое время, мисс Грандонуиллз, всему свое время. Псишеэктомию не делают вечером — она делается только утром. Вы же не можете ожидать от псишеэктомиста с моей репутацией, что я хоть на йоту отойду от традиции? Я прикажу Флоренс подготовить помещение и завтра утром приму вас как амбулаторную

---

[1] Зейн Грей (1882—1938) — очень плодовитый писатель.

[2] Известный педиатр, чьи книги о детях переведены более чем на 30 языков.

больную. Вас, Билл Хардинг, ожидает такая же псишеэктомия — в порядке очереди. Пока же я препровожу вас обоих в апартаменты с балконом, где вы сможете полюбоваться моим Пелепополинезийским садом. Там же вы сможете переодеться к ужину, который подадут в восемь.

Глория Грандонуиллз бросила на него злобный взгляд. Затем взяла свою дорожную сумку и пошла вместе с ним к аркообразной двери в дальнем конце комнаты. Билл Хардинг тоже взял вещи и последовал за ними.

5

Отведав ужин из девяти блюд, изобилующий экзотическими кушаньями и редкими винами, поданный такими разными и колоритными грузовесочниками, как Диоклетиан, Бард Боденбунк и Дорогая Эбби[1], Глория Грандонуиллз удалилась в свои покои, а Билл Хардинг — к себе.

Он намеревался хорошенько выспаться, чтобы встретить предстоящее ему испытание на свежую голову.

Однако он обнаружил, что не может заснуть.

Ощущая странное беспокойство, он вышел на балкон своих апартаментов и посмотрел вниз, на залитый солнцем Пелепополинезийский сад. Он увидел маленькие, почти игрушечные, деревья руттенбуги; среди них вились посыпанные щебнем дорожки. Дерн блестел, точно бледные озерца. Билл вдыхал острый аромат шикарных цветов и крошечных цветочков. Он слышал внушающее любовное томление позвякивание ритуального фонтанчика дождевого дерева. Внезапно опьяненный красотой этого зрелища, он спустился по ближайшей лозе расселиной адис-адибы и легко соскочил на землю.

Пелепополинезийский сад располагался где-то внутри лабиринта — где именно, не знал даже сам Смотритель. Он был полностью окружен апартаментами с балконами, один из которых — вероятно, по меньшей мере один — принадлежал Псишеэктомисту, один только что покинул Билл Хардинг, спустившись по лозе, а еще на один выходили комнаты Глории Грандонуиллз. Последний располагался напротив балкона Билла Хардинга, над

---

[1] «Дорогая Эбби» — обращение читательниц в колонку добрых советов, которую в 1956 г. начала вести Полин Филипс.

звенящим ритуальным фонтаном дождевого дерева — и именно к нему он вскоре направил свои стопы.

Почему же Билл Хардинг направил свои стопы не куда-нибудь, а именно туда — к будуару с балконом богатой девицы, относившейся к нему как к молочному жучку, которого бестрепетно раздавит? Разумеется, не потому, что он влюбился в нее, и уж точно не потому, что влюбился в деньги Грандонуиллзов. Он не был ни неверным в Любви, ни алчным до Денег. Нет, настоящая причина того, что он направил свои стопы в будуар Глории Грандонуиллз, заключалась в том, что он ощутил внезапное необъяснимое стремление искупаться в ритуальном фонтане дождевого дерева, росшего прямо под ее балконом.

Оказавшись у фонтана, он без колебаний нырнул в него. Фонтан был большой и, не в пример всем прочим таким фонтанам, вода в нем била из множества скоплений маленьких форсунок, расположенных через одинаковые промежутки вдоль его круглой кромки, а также одной сильной струей из центра. Эта струя исходила из патрубка, служившего ртом статуи бога Пелепополинезийского дождевого дерева, а поскольку этот бог был полигермафродитом, у статуи было двенадцать грудей и по шесть мужских и женских половых органов. Статуя была такая большая, что загораживала собой существенную часть противоположной стороны фонтана.

Вода оказалась Биллу Хардингу по колено. Он улегся в нее, чтобы вода впиталась в его поры, затем встал и подошел к статуе, намереваясь на удачу омыться потоком воды, льющейся изо рта бога.

И тут он увидел Глорию Грандонуиллз.

И тут Глория Грандонуиллз увидела его.

Она тоже стояла в фонтане, почти голая, если не считать розовой сорочки, и тоже приблизилась к статуе, намереваясь хорошенько вымокнуть в несущем удачу потоке.

Она уставилась на Билла Хардинга.

Билл Хардинг уставился на нее.

Тонкий налет цивилизации — странная штука. Хотя он никоим образом не сводится к тому, во что человек одевается, ни к его или ее окружению, нельзя опровергнуть тот факт, что человек, стоящий в ритуальном фонтане дождевого дерева в его/ее трусах/ночной сорочке, чувствует себя и выглядит так же, как если бы он/она стоял/а в обычной одежде на углу столичной улицы.

Из глаз Глории Грандонуиллз исчез ледяной холод. Исчезла ее надменность. Теперь рядом с Биллом находилась нежная изголодавшаяся по любви девственница, до сей поры скрывавшаяся под жестоким кринолином цивилизации. Он сейчас видел *истинную* Глорию Грандонуиллз.

— Билл Хардинг, — прошептала она.

— Глория Грандонуиллз, — прошептал он в ответ.

Они жадно бросились друг к другу. В своем рвении они поскользнулись и упали. Смеясь, как двое играющих ребятишек, они с трудом поднялись и наконец сумели выйти из фонтана. В роще руттенбуги они нашли лужайку...

Великая буря разразилась в Пелепополинезийском саду Смотрителя виллы в ту памятную ночь. Скандализованные звезды глазели с неба, не веря тому, что видят. Деревья руттенбуги сотрясались от крон до корней, ночные цветы дрожали на стебельках. Шикарные цветы и крошечные цветочки отворачивались. На миг Грузовесочная запнулась в своем движении вокруг солнца.

Но, лежа на земле, усталые и утомленные, любовники познали не любовь, то была беспримесная первобытная страсть. Они устало посмотрели друг другу в глаза.

— Билл Хардинг, — тихо промолвила Глория Грандонуиллз.

— Глория Грандонуиллз, — пробормотал в ответ Билл Хардинг.

— Ах, сынок, сынок, — простонал знакомый голос, — как ты мог так поступить со мной! — Подняв глаза, Билл Хардинг с изумлением увидел свою мать. Стоя неподалеку, она обвиняюще указывала на него пальцем. — После всего, что я для тебя сделала! После того, как я рассказала тебе о Жизни! *Она* не для таких, как ты, Билл Хардинг. Неужто ты настолько слеп, что не видишь таких простых вещей? Она богата. Она задавака. Она тщеславна. Она жестока. Удовлетворив свою мимолетную страсть, она выбросит тебя как использованную салфетку и никогда не вспомнит о тебе снова. Ах, сынок, сынок, сынок!..

Глория Грандонуиллз села. Теперь она смотрела на Била Хардинга мрачно и зло.

— Так *вот* что ты думаешь обо мне, регрессивный паранормал с Эдиповым комплексом! Мужик. Чертов деревенщина! Я отдала тебе свое все! Пожертвовала девственной чистотой, только чтобы удовлетворить твои низменные желания! После того как...

Ее голос затих. На поляну забрел другой грузовесочник и превратился в ту самую высокую строгую женщину с бородавкой на кончике носа, в которую днем уже превращался грузовесочник у моста.

Глория Грандонуиллз принялась лихорадочно нашаривать ночную рубашку.

— Нет, нет, мать Маккэй! Это не то, что вы думаете. Это...

Мать Маккэй обвиняя нацелила свой перст на нее.

— Ох, Глория, Глория, Глория! Ты всегда была упрямицей! Если я сказала об этом твоему отцу однажды; я сказала ему об этом сотни раз! «Мистер Грандонуиллз, — сказала я, — это не доведет вашу дочь до добра. Она слишком независима, и в ней ощущается врожденная роковая тяга к нимфомании». «Постарайтесь сделать все, что в ваших силах, мать Маккэй, — отвечал он. — Сделайте все, что от вас зависит». И я делала. Я втолковывала тебе, как важна твоя девственность, и объясняла, почему, оставаясь атависткой и обладая душой, ты едва ли сумеешь сохранить ее, ведь душа лишь мешает человеку поступать с другими так, как ему не хотелось бы, чтобы поступали с ним. И еще я постоянно объясняла тебе, что девственность — это оборотный актив и расстаться с ней в порыве первобытной страсти — все равно что бросаться Деньгами. И что же? Ты пала жертвой первого попавшегося мужчины, знакомого тебе не дольше пяти минут, а ведь ты наследница богатства Грандонуиллзов, а он — паранормал, регрессировавший на почве Эдипова комплекса. Да к тому же деревенщина! И теперь твоей девственности больше нет! Ох, Глория, Глория, Глория!

Билл Хардинг отыскал камень и швырнул его в бродячих грузовесочников; те снова превратились в прозрачные простынки из протоплазмы и медленно улетели с поляны. Однако когда он стал искать глазами Глорию Грандонуиллз, той уже не было.

6

«Выразительные, вызывающие головокружение своим непринужденным сиянием, эти перлы, эти чистейшего блеска безмятежности безусловно найдут свое особое место в поэтических анналах».

Макджордж Кэшдоллар. «Нью-Йорк. Эпоха XXIII».

«Еще один ужасающий пример того, как человек, прославившийся в одной сфере, может добиться немедленного признания в другой, просто помахав пластиковым флажком и заорав: «А вот и я!» Положительное доказательство того, что жалкая унция ассоциативности ценнее десяти фунтов таланта».

Патрик Хосе Тентентенков. «Курьер Рюкзака-I».

«Ура! Ура! Ура! Наконец-то новый свет пробился в литературное окно! Се — восток, и Смотритель — солнце.

Барбрабриггз. «Обозрения Дела-IX».

«Честному, сознательному обозревателю (критику), когда он столкнется с таким ужасающим сборником, как «Полное собрание стихотворений Смотрителя-Псишеэктомиста» *(Хилл энд Бургунди, 1066 стр., $98.50), остается только в полном отчаянии воздеть руки и вскричать "помогите!". Каждое из этих асимметрических мелких бесчинств посвящено Деньгам, а их мессидж неизменен, как танец дождя на Раббадабдабе:* люди, которые любят Деньги и у которых их много — это Зло; люди, которые не любят Деньги и не имеют их в достатке — Благородны. *Уму непостижимо, как Смотритель, который в свое время нажил приличный капитал, сумел выработать подобное отношение к ним — разве что постулировать, что в последние годы он обрел истину, резко противоречащую Этике, на которой зиждились его карьера и состояние (а именно, что только в загробной жизни человек может распознавать ложь, таящуюся в умах его последователей, и что, следовательно, душа — это нечто лишнее, создающее помеху в обществе конкуренции); что он превратил Деньги в своего рода в мальчика для битья, дабы искупить то, что накопил их столько.*

Бенджамэн Стритхаукер. «Страж Скотча-IV».

Из «Альбома для вырезок Смотрителя-Псишеэктомиста», любезно представленного Мемориальной библиотекой Смотрителя.

Билл Хардинг вновь увидел Глорию Грандонуиллз, когда на следующее утро Флоренс Найтингейл препроводила ее в палату для псишеэктомии. Ранее его уже приводил сюда этот же грузовесочник. Войдя, богатая девушка даже не взглянула в его сторону, однако огненные языки, выстреливающие по ее изящной шейке, и зардевшиеся мягкие щеки однозначно указывали на то, что она даже чересчур хорошо осознает его присутствие.

Комната для псишеэктомии казалась тесноватой, в основном из-за огромного псишеэктомического аппарата, занимающего три четверти пространства. Больше, чем на что бы то ни было, аппарат походил на большой канцелярский шкаф из хромопластика, с четырьмя ящиками. Два ящика были выдвинуты и напоминали теперь столы, оборудованные электронной сеточкой Шлотца-Фебли и псишесакционными трубками. Когда Глория Грандонуиллз вошла, Билл Хардинг уже лежал на одном из столов, одетый в розовую больничную рубашку из цельного куска ткани.

Флоренс Найтингейл потянула вниз с потолка небольшую ширмочку, увела новую пациентку за нее, сняла с нее одежду и переодела в такую же розовую рубаху. Как и следовало ожидать, Глория Грандонуиллз в таком одеянии оказалась вполне достойной созерцания, но Билл Хардинг тут не годился в качестве доказательства. Когда она улеглась на второй стол, он одарил ее одним-единственным полным ненависти взглядом — больше, чем получил от нее.

Смотритель вошел в палату, одетый в парусиновые брюки, белый смокинг и белую шапочку, подошел к раковине и тщательно мылся добрых пять минут. Потом он поднял руки, и Флоренс Найтингейл натянула на них белые резиновые перчатки.

— Надеюсь, операция пройдет успешно, доктор, — проговорила она.

— Мои операции всегда проходят успешно, Флоренс. А теперь, если ты соизволишь передать мне восьмидюймовый разводной ключ, приступим.

Флоренс Найтингейл хромированными щипцами взяла с курящегося паром подноса инструмент и вложила в протянутую правую руку Смотрителя. Он целенаправленно прошелся между двумя операционными столами и остановился напротив «канцелярского шкафа». Билл Хардинг впервые в жизни ощутил беспримесный страх, а у Глории Грандонуиллз от ужаса округлились глаза.

Наклонившись вперед, псишеэктомист изучил лицевую часть псишеэктомического аппарата. Вскоре он обнаружил искомое — почти незаметную, но выступающую на четверть дюйма глухую гайку. Он ловко раскрыл разводной ключ до нужной ширины, захватил гайку и повернул на пол-оборота против часовой стрелки. Как только он это сделал, сеточка Шлотца-Фебли и псишесакционные трубки жадно присосались к нервным окончаниям Билла Хардинга и Глории Грандонуиллз.

В ушах Билла Хардинга резко зазвенело. Он услышал, как тяжело вздохнула Глория Грандонуиллз. Он увидел, что псишеэктомический аппарат светится ярко-красным.

Смотритель подождал пять секунд, затем опять повернул гайку на четверть круга против часовой стрелки, возвращая ее в исходное положение. Ярко-красный свет полностью погас, а сеточка Шлотца-Фебли и псишесакционные трубки отсоединились от пациентов и втянулись в операционные столы.

Псишеэктомист повернулся лицом к Флоренс Найтингейл. Она ловко вынула разводной ключ из его руки и стянула со Смотрителя резиновые перчатки.

— Превосходная работа, доктор, — сказала она. — Действительно превосходная.

— Благодарю, Флоренс.

Флоренс Найтингейл ушла, а Смотритель осмотрел пациентов:

— Ну-с, как вы себя чувствуете? — осведомился он.

— Так же, как и прежде, — ответил Билл Хардинг, садясь.

— Я тоже, — сказала Глория Грандонуиллз и тоже села.

Внезапно их глаза встретились. Надолго. Билл Хардинг ощутил, что тает. Он еще ни разу не видел у женщины такого выражения лица, какое было у Глории Грандонуиллз. Он увидел в ее глазах страсть и желание. Любовь. Обожание. Сострадание. Униженность. Он не сознавал, что те же чувства читаются и в его взгляде. Он знал одно: она самая прекрасная, самая желанная, самая благородная из всех женщин, каких он встречал на жизненном пути. Он бы с радостью отдал за нее жизнь. Он сделал бы ради нее *все, что угодно!*

— Я с радостью умер бы за тебя, — произнес он. — Я сделал бы для тебя *все что угодно!*

— Я с радостью умерла бы за тебя, — робко промолвила она.

Внезапно она ахнула, словно что-то вдруг вспомнила, и выражение лица, которое он видел у женщины впервые, сменилось острым раскаянием.

— О нет! — вскричала она. — Как я могла так унизиться в его глазах! Как я могла!

И, к изумлению Билла Хардинга, она спрыгнула со стола, собрала одежду и выбежала из палаты.

Он похватал свою одежду и уже собрался бежать за ней, когда Смотритель цепко схватил его за руку.

— Нет, Билл Хардинг — еще нет. Сначала тебе надо кое-что узнать.

— Я знаю, что она любит меня, а я — ее, и это все, что мне нужно знать! — выкрикнул Билл Хардинг. Потом вдруг он ахнул: — Да это потому, что ты вынул у нас души, верно? Должно быть, они представляли своего рода психический блок, который мешал нам видеть друг друга в истинном свете. Пустите руку — я иду за ней!

— Успокойся, — сказал Смотритель. — И оденься. Догонишь ее потом — она не уйдет очень уж далеко. А мы пока не спеша прогуляемся по Мемориальной библиотеке Смотрителя, и я ознакомлю тебя с кое-какими фактами жизни в том понимании, к какому пришел со временем я, Смотритель-Псишеэктомист, позднее Поэт.

— Ладно... хорошо... — согласился Билл Хардинг.

Некоторое время после ухода из псишеэктомической палаты Смотритель молчал. А потом произнес:

— В известной степени обладать душой не так уж плохо, — сказал он. — По крайней мере с точки зрения нравственности душа в основном удерживает человека на правильном пути, хотя она же удерживает его от продвижения в Мире. Однако в этом и есть существенный недостаток помимо того, что душа мешает успешно мыслить, ведь она внушает человеку, что тот должен и чего не должен делать *только ради своего блага* — а не ради блага чужого. Она не заставляет его любить других и не заставляет его меньше любить себя. Скорее напротив, она заставляет его больше любить себя. И если человек с самого начала склонен много думать о себе, он думает о себе еще больше. Нет, псишеэктомист не может корить себя за то, что удаляет злокачественную опухоль, которая так влияет на людей, — я и *не* корю. Меня беспокоит другое — должное истинное применение науки псишеэктомии я понял чересчур поздно. Сообрази я это вовремя, я мог бы преображать пациентов, превращая лицемеров в истинных гуманистов, даруя им возможность любить не только себя. Всякий

раз, выполняя свои профессиональные обязанности, я мог бы применять «псевдотомию». Что ж, по крайней мере, — печально подвел итог Смотритель, — я заработал уйму денег.

— Не понимаю, — сказал Билл Хардинг. — Каково может быть истинное применение псишеэктомии, кроме удаления душ?

Они между тем подошли к Библиотеке и теперь протискивались сквозь толпу грузовесочников к арке в дальнем конце помещения, через которую несомненно прошла Глория Грандонуиллз, чтобы забрать остальные свои вещи из апартаментов с балконом.

— Когда вы с Глорией Грандонуиллз явились для псишеэктомии, — продолжал Смотритель, — я обрадовался даже больше, чем показал, поскольку вы нечаянно предоставили мне возможность хотя бы отчасти исправить большую ошибку, к которой свелась вся моя жизнь. А «отчасти» означает «очень много», когда человек оставил позади зенит своей жизни. Я не просто вынул из вас и Глории Грандонуиллз душу, Билл Хардинг, я... я поменял ваши души местами, и даровал тем самым хотя бы отчасти вам обоим возможность любить не только себя... любить друг друга!

Билл Хардинг оцепенел.

— Вы... вы... *поменяли их местами*? Ах ты мошенник...

Он осекся. Где-то возле арки он услышал шум, и источником его была не кто иная, как Глория Грандонуиллз. Вновь одетая в дорогу, неся рюкзак, она вошла в комнату и проталкивалась через кишащих там грузовесочников к выходу из лабиринта.

К горлу Билла Хардинга подкатила такая тоска, что чуть не задушила его.

— Глория! — закричал он. — Глория Грандонуиллз!

Не удостоив его даже единственным взглядом, она не остановилась; лицо ее пылало, как огненные леса Болота-IX. В полном отчаянии он хотел бежать за ней, но на пути густо роились грузовесочники, и он никуда продвинулся.

— Чек пришлю на следующей неделе почтой! — бросила она через плечо Смотрителю, а в следующий миг вошла в извилистые, петляющие коридоры и исчезла из виду.

Билл Хардинг повернулся к псишеэктомисту.

— Что ж, надеюсь, вы довольны, — произнес он. — Теперь я ее никогда не отыщу. Она потеряна для меня навсегда. Как она могла полюбить меня и тут же возненавидеть?

— Она не испытывает к вам ненависти, — ответил Смотритель. — Не сможет, даже если захочет. Она любит вас и будет

любить вас так же, как вы любите ее и всегда будете любить. Теперь вы — часть ее, Билл Хардинг, а она — часть вас.

Наконец Билл Хардинг понял.

— Тогда почему она убегает? — спросил он, когда они остановились перед входом в лабиринт. — Почему даже не посмотрела на меня?

— Потому что ей до того стыдно за свое поведение прошлой ночью в моем Пелепополинезийском саду, что она не может смотреть вам в глаза. Неужели вы так *ничего* и не поняли, Билл Хардинг?

— Но что же мне делать? Я ни за что не сумею отыскать ее в этих безумных коридорах, и рано или поздно она выберется наружу, и поднимется на корабль, который прибудет за ней, и...

— Вы слишком беспокоитесь, Билл Хардинг. — Смотритель зашел в лабиринт, открыл потайной шкафчик и достал костюм Минотавра. — В голове, чуть выше глаз, — продолжал он, — есть небольшая лампочка. Когда вы приближаетесь к тому, за кем гонитесь, он станет зеленым; а когда пройдете мимо, загорится красным. — С этими словами он протянул Биллу Хардингу костюм. — Наденьте и ступайте за ней.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок, цок-цок...

— О! Что еще ты, старый козел... надо было... Ба, да это ты, Билл Хардинг!.. Мммммммммммммммммм!.. Осторожнее, Билл Хардинг! — тут все, возможно, напичкано «жучками». Флоренс сказала мне утром, что в ветвях каждого дерева руттенбуги в Пелепополинезийском саду спрятана скрытая 3Д-камера!

Ну и пусть они напичканы «жучками» — кого это волнует? Мммммммммммммм!.. Ооохххххх... Из-за тебя я опять... веду себя, как самая обыкновенная... девка с панели...

— Я люблю... когда... ты ведешь себя... как самая обыкновенная девка с панели!

— Мммммммммммммммммммммм! Мммммммммммм!

— М м м м

Обезьяний Шекспир

Лоури просыпается: воскресное утро. Снизу доносятся звуки, свидетельствующие о приготовлении завтрака, но он встает не сразу. Он лежит под сбитой, измятой муслиновой простыней, равнодушно прислушиваясь к слабому звяканью кухонной посуды, к журчанию воды, льющейся из крана, к приглушенным шагам Норы по плитке кухонного пола. Спальню заливает яркий летний солнечный свет, благоухающий свежестью утренней зелени.

Стены моей тюремной камеры — ткань времени. Дверь — шахматная доска из ночей и дней. Напротив двери небольшое оконце выходит в Завтра, но оно чересчур высоко, чтобы я мог смотреть в него. Всей мебели — единственный стул и небольшой столик. На столе — стопка бумаги, рядом из давно засохшей чернильницы торчит перо...

Пахнет кофе. Будет яичница в западном стиле и тост с беконом. Он отбрасывает ногами простыню, быстро спускает ноги на пол, нашаривает тапочки, в которых выходил из дома прошлой ночью. Сунув ноги в мягкий войлок, он шлепает в ванную, где с облегчением опорожняет разбухший мочевой пузырь и моет лицо и руки. Зачесывает назад прядки темных волос, во сне сползшие на куполообразный лоб, и проверяет, не нужно ли побриться. Не срочно, однако в скором времени; следует также привести в порядок крошечные усики. Хотя они — всего лишь дань манерности: они придают ему надлежащее сходство с ученым.

В рыже-коричневом халате он спускается по застланным ковром ступеням, проходит через просторную гостиную, она же столовая, и входит на кухню, где пахнет кофе. Его апельсиновый сок сияет в небольшом покрытом изморозью стакане на пластиковом столе-стойке; он осушает его в три аккуратных глотка. За его спиной Нора говорит:

— Сразу после мессы зайдут мама с папой.

Лоури не отвечает. Нора, сходившая на пятичасовую субботнюю мессу, сует в автоматический тостер два ломтика хлеба. Завтрак накрыт для двоих; она выкладывает на тарелки яичницу с бе-

коном и разливает кофе. В свои тридцать восемь она вовсе не такая неказистая, какой ее делают всклокоченные волосы и бесформенный халат. Ее движения выдают природную гибкость, приятную полноту бедер и ляжек. Волосы, которые она забрала назад, после того как она вымоет и уберет тарелки, будет расчесаны и лягут на плечи темными неподвижными волнами, этот водопад прядей, расступаясь, откроет узкое, но приятное лицо; глаза под карнизами выщипанных темных бровей синие, как дикие цветы.

— Сделав ее женой, я выбрал не самое худшее. Да, она чуть менее чувственна, чуть менее прагматична, нежели остальные из ее племени; зато она надежна и долговечна, причем куда больше, чем ее генетические сверстницы. Представительницы женского пола моей родной хроностраны изнашиваются еще до своих тридцати. В этом нет ничего страшного — тогда. Но здесь, в прошлом, *comme il faut*[1] — это долго жить с вазой, после того как цветы завянут и погибнут; поэтому вазе неплохо быть крепкой.

Надо включить это глубокое наблюдение в текст романа, который я никогда не напишу...

Картина 2. Дом выходит окнами на восток. На заднем дворе в исчезающей тени на траве бриллиантами поблескивают капли росы. Стоя во дворике-патио под брезентовым навесом, одетый в шорты для прогулки, с десятифунтовой сумкой с брикетами в руках, Лоури озирает свои владения. Неподалеку от патио возвышается клен Шведлера. Справа от Лоури вспомогательная дверь — черного хода — обеспечивает доступ в примыкающий к дому гараж, приют его «Бонневилля». Между Шведлером и патио стоит кирпичный очаг, который он соорудил прошлым летом своими руками. Он примечательно похож на тот очаг для барбекю, который соорудил своими руками на соседнем заднем дворе его сосед Голодный Джек (прозвище дал ему Лоури).

Лоури не может возжечь священное пламя так рано, но он может высыпать — и высыпает — туда священные брикеты. Несколько лет назад в конце знойного лета, потакая непонятному мазохистскому капризу, он велел своим ученикам (Лоури преподает английский) написать сочинение под названием «Как мой отец

[1] Хороший тон (*фр.*).

проводит воскресенья». Его мазохизм ублажили с лихвой: 90% отцов носили тот же ярлык «жрец», что и он, и проводили такие же угольные ритуалы.

Косить лужайку не требовалось — он косил вчера. Но трава вокруг ствола Шведлера и на границах патио избежала вращающегося лезвия, клочковатая и неприятная для глаза. Он послушно берет в гараже ножницы для подрезки и приступает к работе.

Рядом его сосед Голодный Джек запускает свою красную газонокосилку; воскресная тишина (между прочим, неестественная) испаряется. Джек управляет косилкой так, словно это бульдозер, грузно возвышаясь на маленьком игрушечном сиденье. Один из его семерых сыновей выходит из дома, протирая глаза. Он принимается бегать за маленьким красным бульдозером.

— Пап! Можно, я покошу? Можно?

— Нет! — ревет Джек, перекрывая рев косилки. — Ступай обратно в дом и доешь овсянку!

Делая первый проход, Джек машет Лоури. Лоури машет в ответ, поднимая взгляд от подножия Шведлера. Семеро сыновей...

В отличие от Парнасского Блока, который психохирурги Четырех Сторон поместили между моим личным бессознательным и моей эндопсихической областью, последующее электрохирургическое удаление четырехсторонскими техмедами моих семявыносящих протоков было скорее рутиной, нежели карательной мерой. Хронологические ошибки, вызванные импортом в прошлое и повторной сборкой на клеточном уровне, создают лишь незначительные помехи течению времени, ими спокойно можно пренебречь (например, задумайтесь о том, сколько КРР задействуется, чтобы поместить в камеру прошлого всего одного политзаключенного); тем не менее даже одна-единственная хроноошибка, вкравшаяся в эволюцию вида, способна создать достаточно мощную турбулентность, чтобы повернуть временной поток в иное русло. Следовательно, яснее ясного, что ни одна диктатура в здравом коллективном уме не станет рисковать тем, что заключенный ею в прошлом политический противник сделает ребенка женщине, стоящей позже его на лестнице Времени, а уж о том, что от него случайно забеременеет одна из его собственных прапрапра, и речи быть не может.

Но я бы в любом случае решительно не захотел семерых сыновей. Мне и одного не хотелось бы...

* * *

— Вик, — доносится с кухни голос Норы, — принесли воскресную газету.

Лоури заканчивает подстригать траву вокруг подножия *Acer platanoides Schwelderi*, откладывает на потом «педикюр» стен патио и снова входит в дом. Налив себе вторую чашку кофе, он уходит в гостиную, где на приставном столике у мягкого кресла его ожидает «*Sunday Journal*». Он лежит на краю стола, стоящего рядом с его креслом. Картина 3. «*Journal*» весело обернут в яркие комиксы; он снимает их, усаживается и поглощает ту же пищу для ума, которую уже доставили к порогу Джека и Дика с Гарри дальше по улице.

Обновив свои данные о мздоимстве, коррупции, изнасилованиях, убийствах, драках и погоде, он переходит к литературному обзору. «*Journal*» посвящает ему целую страницу. Вышел новый роман Набокова, очередная трилогия Барта. В маленькой рамочке ближе к центру страницы — забавный анекдот о Марке Твене. С тех пор, как «*Journal*» впервые тряхнул литературными вожжами, здесь была опубликована по крайней мере тысяча таких анекдотов в рамочках, и половина их — о том же литераторе. Лоури, прочитавший большинство из них, с отвращением бросает читать сегодняшний на половине первой фразы.

— «Твенофилия» (скромно изобретаю я термин) — обычный недуг нынешних обезьяноподобных. Как ни смешно, Клеменсом пуще всего восхищаются те, кто его не читал; для тех же, кто читал, его репутация зиждилась главным образом на том, что этот ныне почивший американский литератор отвлекся от нескончаемой кампании, которую он вел против собственного бессилия, и объявил «Гекльберри Финна» лучшей книгой Америки. Да, что Режим Сарна зарезервирует нишу для Твена/Клеменса, но она будет поистине скромной в сравнении с Набоковым и еще парочкой гигантов двадцатого века, которых в их времена закрывала эта троглодитская тень прошлого, она же будет обязана своим существованием в большей степени ностальгии, нежели сколько-нибудь подлинному литературному мастерству.

Сам существуя в этой вездесущей тени, я иногда задавался вопросом, не покарал бы меня Четырехсторонский Трибунала куда строже, если бы, вынося мне приговор, постановил вместо того,

чтобы помещать между моим личным бессознательным и моей эндопсихической областью парнасский блок, позволить огню творчества, некогда сжигавшему меня, пожрать меня вот каким образом: писать с той же безумной дисциплинированностью, с какой я писал «раньше» — только для того, чтобы на моих глазах блеск отчеканенного мною золота затмевало ностальгическое сияние, исходящее от этого чрезмерно отполированного надгробия...

Рев игрушечного бульдозера Джека сменяет более тихий рев другого бульдозера, дальше по улице. Он приятно оттеняет пронзительные крики ребятни, отмечающей воскресное утро поездкой на велосипедах через весь квартал круг за кругом, круг за кругом. Лоури тихо чертыхается и отбрасывает в сторону «*Journal*». Нора вглядывается в него сквозь водопад темных локонов.

— Мама с папой будут с минуты на минуту, Вик. Ты не думаешь, что тебе надо переодеться?

Наверху Лоури принимает душ, бреется, подправляет усики «ученого». Надевает чистые летние брюки и свежую рубашку с короткими рукавами. Пока он надевает ботинки, родители Норы уже въезжают на своем «Империале» на дорогу к дому, и он слышит, как Нора здоровается с ними у парадной двери. Тем не менее он не сразу спускается к ним; вместо этого он заходит в свой кабинет на другой стороне холла и усаживается за письменный стол. Картина 4.

Столешница пуста, если не считать местного телефона и пепельницы. Под столом в нескольких дюймах от его ног стоит большая пыльная картонная коробка. В ней дюжина блокнотов, заполненных аккуратными записями, сделанными наклонным почерком, пара блокнотов линованной бумаги формата А4, тоже заполненных, 10-страничный машинописный набросок под названием «3984», два машинописных черновика с таким же названием — один сырой, второй очень сильно откорректированный, с таким количеством правки, что слов, содержащихся в добавлениях и вставках, намного больше, чем в исходном тексте. Достаточно сносной копии нет.

У стола на специальном металлическом столике стоит портативная «Смит-Корона». Ее прозрачная крышка треснула в трех местах. Она окутана такой густой аурой неупотребления, что хоть режь ее ножом.

Лоури невидяще смотрит на пишущую машинку. Одна из стен от пола до потолка целиком заставлена книжными полками. Он закуривает сигарету и выпускает дым на «Эмму», «Тома Джонса» и «Молль Флендерс»; на «Бекки Шарп», «Джейн Эйр» и «Лорда Джима»...

— Милые мама и папа,

посылаю вам весточку, чтобы вы знали: здесь, в далеком прошлом, я чувствую себя прекрасно. Мои тесть с тещей только что приехали на еженедельный племенной ритуал, на котором жертвоприношение жареного мяса проведет ваш сын Виктор. Жить среди человекообразных обезьян Технической Эры поначалу было трудно, но с тех пор я изучил их образ жизни и создал своего рода место для себя в их обществе. Даже, как вы уже знаете, женился на одной из них. Конечно, крупный недостаток — парнасский блок, о котором я много раз писал вам прежде. Но этого следовало ожидать. Как вы знаете из моих предыдущих эпистол, в первые годы моего заточения я тщетно пытался расстроить эти планы; однако с тех пор я недурно вошел в роль бесхитростного директора школы, вливал по капле ошибки и неправильные представления в умы своих учеников и откровенно лгал им в лицо. Чтобы не создать впечатления моего полнейшего ничтожества, позвольте поспешно добавить, что я научился довольно сносно прыгать по ветвям и даже до определенной степени радоваться обычному здесь времяпрепровождению, заключающемуся в собирании всяких пустяков на лесной почве. Что ж, повторюсь, — снова пришла Ритуальная Пора; поэтому я должен завершить это последнее из длинной вереницы писем, которых я никогда не напишу.

Надеюсь, вы благополучны —

Ваш любящий сын,
Виктор.

— Вик, — зовет Нора от подножия лестницы. — Они уже здесь.

Больше медлить нельзя. Он деревянно спускается в гостиную. Картина 5. Мезоморфное тело папы облачено в двубортный серый клетчатый пиджак; мама, тонкая как тростинка — в зеленовато-голубом костюмчике. Папин одеколон наполняет комнату густыми

миазмами; мамины духи — прозрачным туманом. Как всегда, она очень расположена к Лоури и целует его в щеку. Она считает себя его второй матерью. Папа стоит в сторонке. Нора предлагает сесть, и все садятся. Нора между мамой и папой на софу, Лоури — в свое кресло. Папа довольно долго и подробно распространяется о том, как ему удалять простату, потом переходит к более веселым темам, например, что у мамы постоянно болит бок, а доктор Келп говорит, это нервы. Разговор неизбежно переходит на Тома, старшего брата Норы; у папы как раз есть с собой полароидные фото троих обожаемых детей, Тома и Барбары, сделанные на прошлой неделе. С сознанием выполняемого долга Нора с Лоури изучают многоцветные снимки; Нора передает их Лоури, Лоури складывает снимки на коленях, а потом возвращает папе.

Самое время, чтобы папа помянул, как хорошо у Тома идут дела в Строительстве. Папа — каменщик на пенсии, и когда-то у него тоже отлично шли дела в Строительстве. Свидетельство тому — его двухуровневый загородный дом в провинции; свидетельство тому — его «Империал» '74 модели на подъездной дороге. Лоури ерзает в кресле. Нора закуривает. Папа сердито смотрит на нее. Папа бросил курить шесть лет назад. Мама говорит: «Если бы все были каменщиками, мы ездили бы на автомобилях из кирпича!» Это ее излюбленная шутка, всегда в запасе для подобных ситуаций.

Нора встает и включает телевизор. Как раз начались 12-часовые новости. В Чили потерпел крушение воздушный лайнер. Пока что лишь 102 пассажира считаются погибшими, но это число не окончательное и может в любой момент увеличиться. Под тем предлогом, что ему надо уйти, чтобы взять древесного угля, Лоури извиняется, встает и выходит из гостиной. За спиной он слышит мамино замечание:

— Бедняга. Каждый раз, когда разбивается самолет, он обо всем вспоминает.

Она имеет в виду катастрофу самолета двадцатилетней давности: среди 114-ти погибших находились его предполагаемые родители.

Картина 6. Поварской передник Лоури висит в кухонном шкафчике. Его стирали после прошлого Дум-Дума, на котором Лоури председательствовал, но, хотя сальные пятна и пятна от сажи сошли, избитые остроты остались («ШЕФ-ПОВАР, МОЙЩИК БУТЫЛОК, ХВАТАЙ, ПОКА ГОРЯЧО!», «ЭЙ, СОСЕД! МЕСТО ЗАКАЗАНО!»). Он надевает передник — мазохист! К переднику

прилагается смешной поварской колпак. Он нахлобучивает и его, натягивая так глубоко, что ободок больно врезается в его куполообразный лоб.

Он добывает в гараже банку жидкости для розжига, откупоривает ее и совершает возлияние; потом отступает назад и бросает зажженную спичку на пропитанные горючим брикеты. Над ним взвивается священный огонь, он на миг охватывает их все, потом уменьшается. Вскоре брикеты начинают краснеть, как тускло тлеющие угли По[1].

На заднем дворе Джека семеро его сыновей играют в бейсбол. Сам Джек, по профессии воскресный коп, уехал на патрульной машине на вечернюю подработку. В патио выходит папа в рубашке с короткими рукавами, несет банку «Шлитца». Он усаживается на диван-качели, а банка покоится у него на колене. В кухне мама с Норой готовят тушки цыплят к пропариванию. Солнце достигло зенита и его резкий золотой свет заливает каждый квадратный дюйм заднего двора, кроме зоны, занятой пятнистой тенью Шведлера. Небо безоблачное и должно быть голубым. Но нет: оно приобрело тусклый металлический отлив.

В окружном суде мой день рождения официально записан, как 10-е июля 1932 года. Я, который не будет рожден две тысячи лет! Четырехсторонские несоответствия охватывают без счета районов, но они так ловко умеют предвосхитить физические и метафизические возражения, что это просто бесподобно.

Тем не менее фальсификация даты моего рождения составляет только вступительную фразу сомнительной инструкции касательно моего псевдопрошлого, так действенно используемой их агентами. Измышления, связанные с моим фиктивным существованием в 1932—1958 гг. можно в изобилии найти в школах, которые я предположительно посещал и в памяти учителей и профессоров, которые предположительно меня учили. «Одноклассники» несут внедренные воспоминания обо мне в своей коре головного мозга, а «старые добрые подружки» — мнимые фаллические воспоминания обо мне в утробах. «Соседи из родного города» помнят меня как единственного сына бездетной пары, сго-

[1] От сылка к «Ворону» Эдгара По: «...Ясно помню... Ожиданье... Поздней осени рыданья... / И в камине очертанья тускло тлеющих углей...» (пер. К. Бальмонта).

ревшей в пламени сотого бензина. Каждое Рождество я получаю открытки и/или подарки от совершенно незнакомых людей, которые претендуют на то, что они — мои тети и дяди, и которых я якобы считаю таковыми. В каком-то военном архиве подшит служебный рапорт о некоем Викторе Лоури в связи с «полицейской операцией», в которой он никогда не участвовал. Где-то среди моих бумаг похоронена пугающе реалистичный документ о Почетной Отставке.

Когда в последние годы Режима ученые Сарна разработали путешествия во времени, им и не снилось, как в конце концов станут использовать их открытие в своем окончательном виде. Равно как психохирургам Сарна и не снилось, когда они изобрели парнасскую связь, что та может впоследствии превратиться в парнасский блок.

Подобное отсутствие предвидения равноценно измене. Ибо как надежнее всего диктатуре можно избавиться от гения солженицынского толка, если не заточить его в прошлом? И как эффективнее диктатуре можно наказать человека, порочащего государство, если не погасить пламя, которое тот раздул?

Иногда в своей муке я громко сетую не только на силы зла, укравшие у меня день рождения, но и на силы добра, которые сделали такое ограбление осуществимым...

Угли По пылают вовсю. Папа идет на кухню за второй банкой. Нора выносит ошпаренных цыплят, и Лоури раскладывает их на гриль при помощи большой двузубой вилки. Мама накрывает стол для пикника. Послеполуденное марево усиливает тусклый металлический блеск неба. Старший сын Джека отбивает мяч за пределы поля.

«Шлитц» естественно ложится в папину квадратную ладонь каменщика. Мама приносит Лоури мисочку с приправой «Катализа»[1], поливать жаркое. Поверх синего костюма на ней один из Нориных ситцевых пестрых фартуков. На губах — теплая материнская улыбка. Соседка, жена Джека, вываливает брикеты из сумки в уличную жаровню Джека и пропитывает их той же жидкостью для розжига, которую использовал Лоури.

— После обеда, — заявляет мама, — мы все отправимся в Приятную Поездку.

---

[1] Приправа на основе кетчупа.

Папа мелкими глоточками пьет «Шлитц». Куриный жир и приправа «Каталина» брызжут на бедные угли По; вверх поднимаются небольшие клубы дыма. Мама забирает у Лоури вилку.

— Почему бы тебе не пойти в патио и не составить компанию папе?

Пойманный в ловушку, Лоури избавляется от колпака и передника; папа и «Шлитц» на диване-качелях дают место еще одному человеку. Нора ставит кипятиться воду, чтобы сварить кукурузу в початках. Папа на некоторое время возвращается к воспоминаниям о том, как ему удалять простату, затем воскрешает в памяти свои каменщицкие дни. Время от времени он украдкой поглядывает на бледные, изнеженные руки Лоури. На середину подмостков неизбежно возвращается сын Том.

— На прошлой недели он заработал чистыми $666,75.

Лоури молчит.

— У него вычеты и то больше, чем у большинства — зарплата.

— Больше, чем у *меня*, — отзывается Лоури.

— Может, и так. Но не сказать, что сейчас вам, учителям, не доплачивают. Да и твоя библиотечная летняя работа не лишняя.

Прямо перед глазами у Лоури — Шведлер. Он пристально разглядывает арабески из небесного серого «металла», образованные темно-красными пучками листьев. От их медной яркости болят глаза, и он опускает взгляд. Некоторое время арабески остаются на его сетчатке, потом постепенно пропадают.

Пора есть. Пара приносит еще один «Шлитц», запивать еду. Нора, мама, Лоури и папа усаживаются за стол для пикников, Лоури на одном краю, папа на другом. Папа накладывает себе в тарелку гору картофельного салата, половина его цыпленка свисает на скатерть. Под рукой он держит до окончания трапезы дополнительный початок кукурузы. Лоури ковыряет еду в своей тарелке. Из соседнего квартала еле слышно доносится рев мощной сенокосилки: последний из поздно просыпающихся соседей атакует свою лужайку. Возникает едва заметная тряска — воскресенье переключается на вторую передачу.

— Иногда мне очень хочется искренне считать фактами фальшивки, так действенно запускаемые в обращение моими тюремщиками; хочется суметь полностью отождествиться с обезьянообразными, на берегах их темного хрономатерика, куда меня

выбросило. Но нельзя. Одно дело обезьяничать, притворяясь обезьяной, и совершенно иное — быть ею. Посему я должен бродить в одиночестве, вспоминая зеленые земли Арго, желтые моря Танта, непреодолимые города Гуитриджеса, построенных до падения Режима Сарна; стоически снося насмешки и оскорбления, лавиной обрушившиеся на меня, когда в бессмертной поэзии-прозе я осмелился обнажить перед всеми прогнившие столпы чудовищной структуры, восставшей из руин Режима. Я шел, великан среди пигмеев, расхваливая их потомкам литературные заслуги других пигмеев, которые ему и в подметки не годятся...

«Империал» с папой за рулем едет по грунтовкам вдоль побережья. Под зелеными арками из сахарных кленов, мимо виноградников, домов и риг; Лоури сидит рядом с папой на переднем сиденье, мама с Норой — на заднем. Лоури предложил поехать на его «Бонневилле», но папа даже слушать не захотел. У «Империала» — Атмосфера, у «Бонневилля» — нет. Папа верит в Атмосферу. Окна плотно закрыты; «Империал» медленно проезжает мимо рядов виноградных лоз, которые словно бы поворачиваются, как огромные зеленые спицы массивного горизонтального колеса. Сорт винограда — созреет к осени — «Конкорд»[1]. Здесь — Страна Конкордия.

Папа не уезжает далеко. «Империал» заразился лентецом, род PCV, и стрелка датчика бензина зримо падает с каждой милей. А бензин ныне дорог. Пораскинув умом, Лоури радуется, что они не взяли «Бонневилль». Ведь «Бонневилль» тоже заражен ленточным червем.

Что ж, по крайней мере воскресенье прошло не зря. Установлено, что осенью (если не будет ранних заморозков) винограда будет полно. Миссия выполнена. Папа останавливается в «Тейсти фризи стэнд», чтобы отведать сегодняшнее *piece de resistance*[2], мама съедает пломбир с сиропом и орешками, папа — вафельный стаканчик с двумя шариками мороженого, Нора — «сплит»[3], а Лоури выкуривает сигарету.

---

[1] Сорт темного столово-винного винограда с хорошими десертными качествами.

[2] Основное блюдо (*фр.*).

[3] Сладкое блюдо из разрезанных пополам фруктов с орехами и мороженым сверху.

Картина 7.

Папа говорит:

— Вик, мне бы хотелось, чтобы ты не курил в машине.

— Почему? — спрашивает Лоури. — Она не загорится. Ведь она из кирпича, верно? Как ваши мозги.

Воцаряется зловещая тишина. Папа включает мотор.

— Тебе повезло, что ты Норин муж, иначе я бы...

— Это *вам* повезло, что я Норин муж. Кому еще, кроме нищего дурака-учителя, вы бы ее сбыли с рук?

— Вик! — говорит мама.

Нора начинает плакать.

Папа возвращается на шоссе, держа руль одной рукой. Лоури гасит сигарету в девственно чистой пепельнице.

— Держу пари, что когда вы ходили в школу, то вместо книг носили в ранце кирпичи.

Поездка завершается в полной тишине. Холод в машине мало связан с Атмосферой. Даже мама не прощается с Лоури, когда папа выпускает их с Норой перед домом. Лоури варит на кухне кофе, наливает в чашку и выходит с ней в патио. Картина 8. Небо все еще сохраняет тусклый металлический отлив. Пока нет даже намека на вечер. Вскоре к нему присоединяется Нора, но она молчит. Она не будет разговаривать с ним несколько дней. В прошлый раз он, когда он торпедировал папу, она не разговаривала с ним целую неделю.

Наконец металлический блеск начинает смягчаться. Некоторое время за Шведлером полыхает красным огромный солнечный костер. Пучки листьев слабо дрожат — воскресенье переключается на третью и последнюю передачу.

Нора с Лоури входят в дом. Нора включает телевизор, и они смотрят «Шоу Лоренса Уэлка». Картина 9. Кино на канале ABC начинается часом раньше. Оба уже видели его дважды, но ни один не собирается переключить канал. И снова Алек Гиннесс благородно умирает за дело касты. И снова престарелый Билл Холден ведет коммандос Джека Хокинса через густые заросли. И снова Мост взрывается к чертям собачьим.

— Тупость! Тупость! — кричит начальник медслужбы, огромными шагами спускаясь по склону...

Начинаются новости. Они смотрят их, потом ложатся спать. Лоури неподвижно лежит в темноте, пока Норино размеренное дыхание не убеждает его, что она спит... Тогда он бесшумно подо-

двигает к стене под тюремным оконцем единственный стул в хронокамере и взбирается на сиденье. Стоя на цыпочках и вытянувшись, насколько позволяет его рост, ему удается ухватиться за подоконник кончиками пальцев. Он подтягивается с приобретенной на практике легкостью, затем ставит на подоконник локоть, потом второй. Он медленно, дюйм за дюймом, продвигается вверх, вон из статического поля, и выбирается к подножию лесистого холма. С трудом вытягивает сюда свое настоящее тело. От того, чтобы выбраться вывернутым наизнанку, его удерживает встроенный в поле коррелятор пространственных измерений.

После того как оно занимает свое место вокруг него, он начинает подъем на холм. Ночь, но кромешную тьму отчасти рассеивает свет звезд, и он без труда идет по знакомой тропинке, которая ведет наверх сквозь хвойный лес к шале. Попав внутрь шале, он сразу звонит знакомому психохирургу, по-прежнему лояльному Режиму Сарна, который ушел в подполье. Может ли психохирург приехать сейчас же и удалить парнасский блок Лоури? Психохирург не только может, но будет рад помочь преданному соотечественнику вроде Лоури. Он прибудет через несколько минут.

Лоури расхаживает по шале и курит сигарету за сигаретой. Он притушил свет и опустил жалюзи, поскольку здесь повсюду агенты Четырех Сторон. Наконец на площадку напротив шале опускается летательный аппарат психохирурга. Лоури выбегает наружу, чтобы его встретить, и двое старых друзей рука об руку идут в шале. Психохирург уже в годах, но остается лучшим в своей профессии. Он приказывает Лоури лечь на диван. Лоури подчиняется. Психохирург открывает небольшой черный саквояж и достает прямоугольный хромированный ящичек. Подсоединив его к ближайшей розетке у плинтуса, он держит его ровно в одиннадцати дюймах надо лбом Лоури и включает. Из днища ящичка вылетают три голубых луча толщиной с карандаш и сходятся в одной точке посреди лба Лоури.

— Это не займет много времени, — успокаивает психохирург, наклоняясь над пациентом, чтобы удостовериться, что лучи сходятся в нужном месте. — Мы выжжем его в мгновение ока.

Дыхание психохирурга сильно отдает «Франко-американскими спагетти». Тайна раскрыта: только люди, преданные Четырем Сторонам, едят «Франко-американские спагетти». Лоури отталкивает в сторону ящичек и резко вскакивает.

— Я понял, что вы задумали! — кричит он. — Четыре Стороны *хотят*, чтобы блок удалили! Вот они и послали вас!

— В сущности, да и да, — холодно отвечает психохирург. Из его левой ноздри вылетает муха, она ползет по чисто выбритой верхней губе и останавливается возле уголка рта. — Они поняли, что, лишив вас вашего огня, зашли слишком далеко, и теперь хотят исправить ошибку. Если вы будете так любезны, что вернетесь в прежнее положение на диван, то я...

— Нет! — орет Лоури. — Я не доверяю вам! Я возвращаюсь в прошлое!

Помещение немедленно наводняют агенты Четырех Сторон.

Каким-то образом Лоури удается увернуться от их скрюченных пальцев и протиснуться в дверь. Он бежит вниз с холма, ловко уворачиваясь от жадных рук, тянущихся к нему из-за каждого дерева, мимо которого он пробегает. У подножия холма он кидается к хроноокну и лезет обратно в дом сквозь поле стазиса, втягивая за собой свое тело и стряхивая агента, ухватившего его за пятки. Тело мягко летит в темноте и приятно проваливается в пружинистый матрас. Он лихорадочно нашаривает парнасский блок. Тот на месте, нетронутый. Он глубоко вздыхает. Лоури засыпает.

На кольцах Сатурна

1

Лето жизни Мэттью Норта было сном в столь глубоком его прошлом, что иногда он сомневался, а действительно ли оно ему приснилось. Казалось, что осень установилась несколько эонов тому назад, а теперь подступала зима. Ему ничуть не нравилось ее холодное, горькое дыхание.

Вновь на встречу с ним являлся бледный Гиперион. Вновь приближался ослепительный Сатурн в льдисто-голубом одеянии. Сколько раз до этого в конце путешествия его с радостью приветствовали эти планеты, мать и дочь? Сколько раз до этого они видели, как его глянцевитый реактивный тягач с черным яйцом, насаженным ему на нос, выныривает из бескрайних просторов.

Чересчур много.

Что ж, этого больше не будет. База «Бимини» исчезла, а таинственный источник многочисленных коммерческих грузов, который он вместе с остальными пилотами реактивных тягачей возили в Дом Христопулоса через века, был похоронен под бурными во-

дами новообразованного моря. В считанные часы после того, как он стартовал с маленькой планеты в системе Проксимы Центавра (с планеты, которую Грек Ник несколько сот лет назад окрестил «Бимини»), началась непредвиденная тектоническая революция.

Довольно долго Мэттью не мог оправиться от потрясения. Наконец, опомнившись, он по радио передал эту новость дальше. Хотя спокойно мог подождать и сообщить ее лично, ведь хотя скорость распространения радиоволн превышала близкую к световой скорость его тягача, она превышала ее ненамного. По всей вероятности сообщение опередило его прибытие всего на несколько недель.

Так и вышло. *«Послание получено на прошлой неделе*, — информировали его слова, которые внезапно сами собой написались на светящейся панели для сводок. — *Установить капсулу на орбиту, запоминать, а не записывать показатели, затем произвести посадку, переместиться на базу и ожидать дальнейших инструкций. — Зевс Христопулос IX»*.

— Приказ подтвержден, сэр, — сказал Мэттью Норт. — Будет исполнено.

Исполнено в точности. Никто не обсуждает приказы бога, и неважно, насколько они необычны. А для Мэттью Норта Зевс Христопулос был богом, точно так же, как были богом предыдущие потомки Ника Грека по мужской линии. Тот факт, что Мэттью ни разу в глаза не видел ни одного из этих богов, скорее свидетельствовал об их божественности, а не против ее, а то, что ему ни разу не позволили войти в Дом Христопулоса, скорее укрепляло, чем подрывало его уважение к ним.

Выбрав полярную орбиту максимальной высоты, он гасил инерцию реактивного тягача, пока не достиг нужной скорости. Затем, мысленно записав показания приборов, отцепил капсулу и врубил тормозные двигатели. Он посмотрел, как огромный яйцеобразный контейнер постепенно уменьшается в темно-синем пространстве и исчезает из виду. В конце концов Норт лег на орбиту.

Сатурн вставал у него перед глазами всякий раз, как Норт пересекал пояс сумерек, однако всякий раз он видел не Сатурн, а роскошный, ослепительный самоцвет, висящий на бробдингнегской щеке эфиопской богини Космос — черной стервозной богини неизмеримых пространств и пылающих солнц, к чьим холодным и бесчувственным ногам он сложил лучшие годы своей жизни.

— Я сделал это ради тебя, Зевс, — произнес он, бессознательно сминая в вереницу наследников в единую сущность. — Ради тебя я возложил свои годы на этот алтарь, лишь бы твой Дом не оставался без драгоценных грузов, которые я доставлял к его порогу и которых я никогда не видел и знать не знаю, что они такое. А теперь их больше нет. Теперь я должен лететь домой умирать.

Однако у него не было права сожалеть, и он знал это. Да, он бросил свои годы на алтарь — но никто не принуждал его к этому, и он пустил их с молотка не за просто так. Они купили ему безопасный островок неизменности в стремительно несущемся вперед потоке времени.

Прошла ночь, и наступил день; бледный день с холодным далеким солнцем, с тусклыми холодными звездами.

Скользя по вечно сокращающейся нисходящей орбите, врубая тормозные двигатели, каждый в полосе рассвета старина Мэтт Норт снова стал Молодым Мэттом Нортом — Молодым Мэттом Нортом, который стоит в людном баре, совершенно сбитый с толку, бок о бок со странно одетыми жестикулирующими людьми, пугающими его; Молодым Мэттом Нортом, который недавно вернулся из полета с Гипериона-Сириуса-XXI, и дрейфует по цивилизации, которая благодаря сокращению Лоренца-Фитцжеральда, обогнала его почти на два десятилетия.

Рядом стоял человек из Дома Христопулоса, заметивший его с другого края зала. Он подошел и купил ему выпить, а потом, сияя, поведал ему о Великой Возможности.

— Вы рисуете весьма заманчивую картину, — отозвался Молодой Мэтт. — Надо отдать вам должное.

Мужчина был молод — почти ровесник Молодого Мэтта Норта. Щеки гладкие и пухлые, а дыхание припахивало деньгами. Зевс I был пастырь его — и он ни в чем не нуждался.

— Картину столь же правдивую, сколь привлекательную, Мэттью Норт, — сказал тот. — Дом Христопулоса заботится о своих космонавтах. Между полетами он не бросает их на произвол судьбы, как делают коммерческие перевозчики. Зевс I когда-то сам был космонавтом — он знает, каково это — быть брошенным на произвол судьбы. Вот почему он не скупился, когда строил Гавань. Вот почему скопировал здоровую и разумную обстановку прошлого вместо того, чтобы создать современную. Вот почему он гарантирует своим пилотам реактивных тягачей работу на жизнь. До

сих пор их всего двое и нужен еще только один, но Гавань достаточно велика, чтобы удобно устроить сотню. И так будет всегда. Убежище всегда будет ожидать вас, когда бы вы ни вернулись, и в течение вашего полугодового постоя там будут бесплатные девушки и всегда открытые для вас двери таверны.

2

Оказалось, что это правда — каждое слово. И с тех пор ничего не изменилось...

Старый Мэтт Норт пришвартовал свой реактивный тягач, с рюкзаком выбрался через шлюзы наружу и обошел здоровенный лифт-платформу, на котором опустил так много капсул в подземную пневмотрубу, ведущую в тайные помещения под Домом Христопулоса. Небольшой проход вел прямо на единственную улочку Гавани, и он пошел по ней к большому каменному сооружению в ее противоположном конце. Как всегда, вид Убежища подбодрил его. У камня было постоянство, которое нельзя скопировать, прочность, которой недоставало прочим материалам. Внутри ждали тепло и радушие, и больше еды, чем можно съесть, и больше вина, чем он может выпить. И еще девочки. Если он по-прежнему захочет.

И он задумался — а хочет ли он девочек?

Была середина утра, с окружающих ледников дул холодный ветер. От этого космоткань облепляла худую грудь Норта, и он покрывался гусиной кожей. За Убежищем возвышалась массивная громада Дома Христопулоса, силуэт на сером, почти беззвездном небе. Дом строили по образцу Парфенона, но в ослабленном далью солнечном свете ее благородные дорические колонны и величественный антаблемент приобретают бледный оттенок, который совершенно не вязался с этой балочной архитектурой. И хотя мрачно играющее между колоннами силовое поле пропускало внутрь то малое количество света, какое было, оно не отдавало ничего взамен. Создавалось общее впечатление готического мрака.

Обычно Дом пробуждал в глубине существа Мэттью Норта смутные желания. Сегодня нет — вероятно, потому что на самом деле Норт его не видел.

Вместо этого он видел знакомых девушек — девушек, с которыми спал в прошедшие десятилетия; некоторые из них теперь состарились и поблекли, а другие уже несколько веков покоились

в могилах. Симпатичные девушки по вызову, которых он брал со сладкой печальной быстротой полета колибри и никогда больше не видел... а теперь место, которое лето одевает новым цветением, было пусто, и только беспорядочное трепетание оконных занавесок выдавало присутствие их призраков.

Возможно, оно и хорошо — как знать? Мэттью Норт вздохнул и, разинув рот, прошел мимо дверей таверны.

Он избегал выжидательных взглядов селян — селян, чья работа заключалась в том, чтобы бесплатно обслуживать его во время простоя и отслеживать его желания, а в их груди пульсировали не сердца, а крошечные моторчики, и за их радушными взглядами скрывались не воспоминания, а банки памяти. Только девушки были настоящими. Остальное — лишь технологическая фантазия.

Внутренняя обстановка Убежища ничуть не изменилась. Поистине, он мог бы поклясться, что в огромном каменном камине горит то же самое бревно, которое горело в день его отбытия. Хотя управляющий был не тот. Мэттью уставился на него, низенького, тучного и бесспорно человека — когда тот вышел из-за стойки бара приветствовать его. Заметив замешательство Норта, мужчина улыбнулся.

— Зевс IX решил, что люди лучше подходят для работы, — пояснил он. — Таверны — одно дело, а вот гостиницы требуют человеческой руки. Он предложил мне это здание и содержание для моей жены, дочери и меня самого, если мы обучимся традициям середины двадцать второго века и научимся жить как в начале века двадцатого, что и символизирует это Убежище. Я согласился, и вот я здесь. Добро пожаловать домой, Мэттью Норт!

Очевидно, управляющему еще не сообщили, что базы «Бимини» больше не существует.

Мэттью не потрудился просветить его на этот счет и позволил управляющему отвести его к большому деревянному столу перед очагом. Вскоре появилась жена управляющего — рослая, крепкая женщина с глазами цвета портвейна. Она внесла блюда с дымящейся едой и высокую пыльную бутылку венерианского Кьянти. У Мэттью разыгрался аппетит, какого у него не бывало многие годы, и он наелся до отвала. Вина он тоже выпил предостаточно. Оно было огненно-красным, жгучим и прогрело его до костей. На него нашло приятное оцепенение.

— Пойду-ка я спать, — сказал он.

* * *

Жена управляющего нажала на кнопку зуммера в конце стойки, и мгновение спустя в большой холл, где потолок опирался на стропила, вошла высокая девушка с каштановыми волосами до плеч. Она была в обтягивающих брючках, коротких сапожках, отороченных овчиной, и в белом пластиковом жакете, который, закрывая руки и плечи, свободно спускался на бедра. Из ее голубых туманящихся глаз кричала юность.

— Фаустина покажет вам ваш номер, — сказала жена управляющего. — Просите ее о чем угодно, и она все для вас сделает.

Девушка прошла вперед, подняла его рюкзак, без видимых усилий вскинула его на плечо и направилась через боковой вход к старинной наружной лестнице. На втором шаге она остановилась и обернулась к нему.

— Может быть, прислать еще девушек?

Ее веселый взгляд унижал. Он опустил глаза, уставившись в пол.

— Нет, — ответил он. — Не сейчас.

Она пожала плечами и продолжила подниматься по лестнице. Он следовал за ней, дивясь плавным движениям ее ног и рук, ее грациозной силе и юности, которая чувствовалась в каждом ее движении. «Боже, вот бы снова стать молодым!» — подумал он. Внезапно он почувствовал, что его страшно обманули — отняли у него жизнь и любовь. Ему страстно захотелось припасть к ее плечу, похитить немного ее молодости и силы. Захотелось увидеть желание в ее глазах. Вместо этого она на миг задержалась в дверном проеме номера, приготовленного для него управляющим. Он заметил в ее глазах жалость

Она поставила его рюкзак на пол.

— Кнопка около кровати, — сказала она. — Если вам что-нибудь понадобится, нажмите ее.

С этими словами она прошла по коридору на лестничную площадку.

Он услышал ее шаги на лестнице. Затем воцарилась тишина.

Комната оказалась просторной. Все комнаты в Убежище были просторными. Просторными и пустыми.

За десятилетия ему доводилось ночевать в дюжине подобных номеров. Теперь ему предстояло спать в одной из таких комнат — спать мертвым сном и забыть о звездах, космосе и одиночестве. Он забудет жалость, которую заметил в глазах девушки, забудет,

что единственная любовь, какую он когда-либо знал, — это любовь, оплаченная Домом Христопулоса твердой наличностью и внесенная на тот же счет, что хлеб и вино. Он забудет — по крайней мере ненадолго — о том, что, хотя замедленные часы обеспечивают ему относительное бессмертие, он уже очень стар.

Он подкинул дров в большой каменный очаг и откинул одеяло на огромной кровати с четырьмя столбиками. Разделся, принял душ, взобрался на старинную кровать и дал усталому телу погрузиться в перину, набитую гагачьим пухом.

Он подумал о Беттингере и Флинне, двух других пилотах реактивных тягачей. Сейчас, наверное, Беттингер уже подлетел к Бимини и увидел бушующее темное море там, где когда-то находилось поселение андроидов и обнесенное изгородью озеро. А Флинн прибудет туда через несколько месяцев — а то и лет, если объективно рассчитывать время. Оба возвратятся с пустыми капсулами.

Мэттью вздохнул и повернулся на бок.

Он ничего не мог поделать. База «Бимини» перестала существовать, и говорить тут было не о чем. Он вскользь вспомнил капсулу на орбите и задумался, почему Зевс IX не захотел сбивать ее; однако пути Господни по природе своей неисповедимы и не подвергаются сомнению, и вскоре Мэттью Норт перестал размышлять и уснул.

Стук в дверь вырвал его из навязчивого сна о его погубленной юности.

— Да? — отозвался Мэтт Норт, садясь в постели. — В чем дело?

— К вам посетитель, мистер Норт.

— Посетитель? Кто?

В голосе Фаустины звучало благоговение.

— Гера Христопулос. Она ожидает вас внизу. Пожалуйста, скорее, мистер Норт.

Удаляющиеся шаги. И снова тишина.

Некоторое время он пребывал в полном оцепенении. Наконец, вырвавшись из него, Норт выбрался из кровати и вытащил из рюкзака свой лучший костюм. Облачившись в него — все это время его била дрожь, — он смочил и расчесал седые редеющие волосы. Его расстроила темная щетина на щеках — следовало бы побриться перед тем, как лечь. Но теперь было слишком поздно.

Гера Христопулос. Жена Зевса IX...

Высокая, красивая холодной красотой. Темные глаза смотрели из-под тонких черных четких бровей, и в них было нечто, напоми-

навшее о глубоком космосе. Темные волосы, зачесанные наверх и свернутые жгутом, рассыпаясь, ниспадали, подобно водам киммерийского источника, и вспыхивали микроскопическими звездочками, отражая огонь очага, перед которым она стояла, как изваяние. Алый саронг, держащийся на серебряной цепочке, обнимавшей шею трижды, обвивал ее статное тело и заканчивался серебряной полосой прямо над ее правом коленом.

Она отстегнула замочек на горле, удерживавший ее горностаевую мантию, и белоснежный мех мягко упал на плитки пола; в нем, словно в снегу, наполовину утонули ее ноги в сандалиях. Она высокомерно стояла в этом снегу, а отблески огня подчеркивали дерзость ее обнаженных рук и плеч и полуобнаженных ног.

Мэттью вошел, и на миг ему показалось, что он видел ее прежде. За этой нелепой мыслью тотчас пришло воспоминание, которое объясняло ее. Очень часто потомки копировали физические черты и особенности давно умерших предков. Здесь как раз и был такой случай. Это не Геру он уже видел раньше, а Диону Христопулос — жену Зевса IV, прапрабабушку Геры.

Стоило воспоминанию вырваться на волю, и оно принялось буйствовать у него в голове. Снова вокруг него сомкнулась давняя ночь — ночь, вино и смех, девушки и синтетический джин. Снова ему было сорок пять, и он чего-то боялся. Снова странное беспокойство овладело им, и внезапно прошедших с тех пор лет как не бывало: он вынырнул из душного бара Гавани на продуваемую ветром улицу.

Холод ночи ошеломил его, однако он не вернулся за своим пальто. Его радовал этот холод. Он наслаждался, позволяя ледяному ветру омывать себя, словно валуном посреди потока, упивающимся чистотой и прозрачностью этих вод. Высоко наверху виднелся Сатурн, огромный сверкающий бриллиант, повисший в небесах, омывающий ледяные равнины голубоватым светом, придающий Дому Христопулоса царственное величие, которое разрушит только дневной свет. Его беспокойство было как-то связано с легендарной постройкой. Он пошел к ней через равнины, по реке ветра.

3

Здание отделяло от Гавани меньше мили, но ветер и лед сделали путь туда очень тяжким. Только повышенное содержание са-

хара в крови позволило ему добраться до ряда искусственных кипарисов, растущих параллельно задней линии колонн.

Задыхаясь, он рухнул на подветренную сторону корявого дерева и долго растирал онемевшие ноги. Когда дыхание восстановилось, он выглянул из-за дерева и — увидел расселину.

Она появилась вследствие дефекта цепи силового поля, и, очевидно, ни Александр Великий, ни еще трое роботов-охранников этого не заметили. Расселина была небольшая, но достаточная, чтобы смотреть через нее. Беда была в том, что она находилось высоко на стене силового поля — прямо под антаблементом. Однако неподалеку стоял высокий кипарис. С его верхних ветвей предприимчивый человек, если бы очень захотел, мог мельком взглянуть на здание изнутри.

Что и сделал Мэттью Норт.

В считанные секунды он очутился у подножия дерева. Еще через несколько минут он очутился на высокой ветке, в объятиях ветра. В груди теснило после подъема, руки одеревенели и кровоточили. Теперь расселина приобрела розоватый оттенок. Розовой была и комната за ней.

Ванная.

В свой наивности он полагал, что, поскольку Дом строили по образцу Парфенона, в нем всего один этаж. Сейчас он понял, что это не тот случай. При всей высоте потолков в доме ванная, куда он смотрел, несомненно была частью второго этажа.

Очевидно, расселина в стене силового поля была только в визуальном контуре, поскольку три женщины, находившиеся в комнате, похоже, не чувствовали холодного ветра.

Две вообще не могли его чувствовать, поскольку не были настоящими. Это были служанки-андроиды. Первая повторяла образ Елены Троянской, вторая — Гекубы. Однако их сделали столь совершенными, что он не мог догадаться бы, в чем дело, если бы не имена, вышитые у верхнего края их хитонов.

А вот женщина в ванне была настоящей. Она посрамила пылающий факел Елены Троянской и почти погасила мерцающий факел Гекубы. Монограмма на одном из огромных белых полотенец, которые держали служанки, открыли ее имя: Диона Христопулос.

У Мэттью захватило дух.

Темна глазами и волосами, ала и страстна пухлыми губами, белокожа и мягка под ручьями воды, покоилась она в мраморной ванне. Он увидел налитые груди, алые соски, точно того же цвета,

что и губы, грациозно колышущиеся ягодицы, неподвижные крутые блестящие от воды бедра. Словно осознавая его присутствие и жаждая выставить напоказ свои райские кущи, где ему не суждено было побывать, она целую минуту стояла, повернувшись лицом к расселине, прежде чем отдать себя в руки служанок. Тогда он заметил родимое пятно: пурпурный кинжал между грудями, его лезвие, казалось, пронзало ее белую плоть...

В это же время он подметил какое-то движение у подножия дерева.

Опустив взгляд, он увидел там охранника. Льдисто-голубой свет Сатурна блёстел на македонской броне, на длинном смертоносном копье со встроенным лазером, способным испарить целую гору. Мэттью прижался к ветке, стараясь скрыться из поля зрения.

Зря старался. Антигон, Селевк или Птолемей — кто бы ни был этот робохранник из военачальников Александра Великого — смотрел в расселину, совершенно не сознавая присутствия любопытного Тома на дереве над его головой. Вскоре он отошел от дерева и скрылся за углом здания, направляясь ко входу, где располагался Александр Великий. Путь был свободен.

Мэттью в мгновение ока очутился на земле и побежал по напластованиям льда. Добравшись до Убежища, он был совсем изможден и, трясясь от холода, запрыгнул в постель. Все долгую ночь Диона Христопулос бродила по его лихо закрученным снам, а образ ее, стоящей в ванне, он пронес через годы вплоть до этого момента.

Сходство между Дионой и красивой молодой женщиной, стоявшей сейчас перед ним в Убежище, было поразительным. Он слышал, будто междусемейные браки стали законом Дома Христопулоса с тех пор, как Ник Грек взял в жены крепостную служанку — крестьянскую девушку по имени Антония Анзалоне — и таким образом основал династию. Мэттью никогда не верил слухам, но сейчас подумал: а что, если в этом что-то есть?..

Приволакивая ноги, он прошел через комнату и смиренно остановился перед гостьей, глядя в пол, на горностаевый снег, лежащий вокруг ее ног. Должен ли он низко поклониться? Или преклонить колени? В своей нерешительности он не сделал ни того, ни другого и стоял перед ней — ошарашенный и напуганный старик.

Гера Христопулос смерила его взглядом. Ее голос оказался холодным, как ветер ледяных равнин.

— Где последняя капсула? — вопросила она. — Почему не доставлена в Дом?

Сперва он не мог думать, только стоял перед ней, болван болваном. Когда он наконец заговорил, из его рта вылетели нечленораздельные звуки.

— Что ты сказал? — спросила Гера Христопулос.

Он сжал кулаки, тщетно пытаясь унять дрожь в пальцах. Робко появилась Фаустина и остановилась возле его локтя, держа поднос с двумя чашками кофе, и он в волнении схватил одну из них и залпом осушил. С опозданием он вспомнил, что первым делом должен был предложить кофе гостье. Его охватило острое чувство неловкости. В полном отчаянии он поставил пустую чашку на поднос.

Гера, презрительно глядя, отказалась от кофе, и Фаустина поспешно ушла. Затрещало полено в очаге, и этот треск разнесся по всей комнате.

— Ты глуп? — презрительно спросила Гера. — Или просто на время лишился дара речи?

Гнев вернул ему способность говорить, и он поднял взгляд.

— Капсула находится на орбите согласно распоряжению вашего супруга.

Она отступила на шаг, и пушистый слой горностаевого снега превратился в сугроб. Тьма глубокого космоса в ее глазах сгустилась.

— Он *приказал* тебе отправить капсулу на орбиту? Зачем?

— Он не сказал.

— Когда ты с ним связывался?

— Сегодня утром, прямо перед высадкой на спутник.

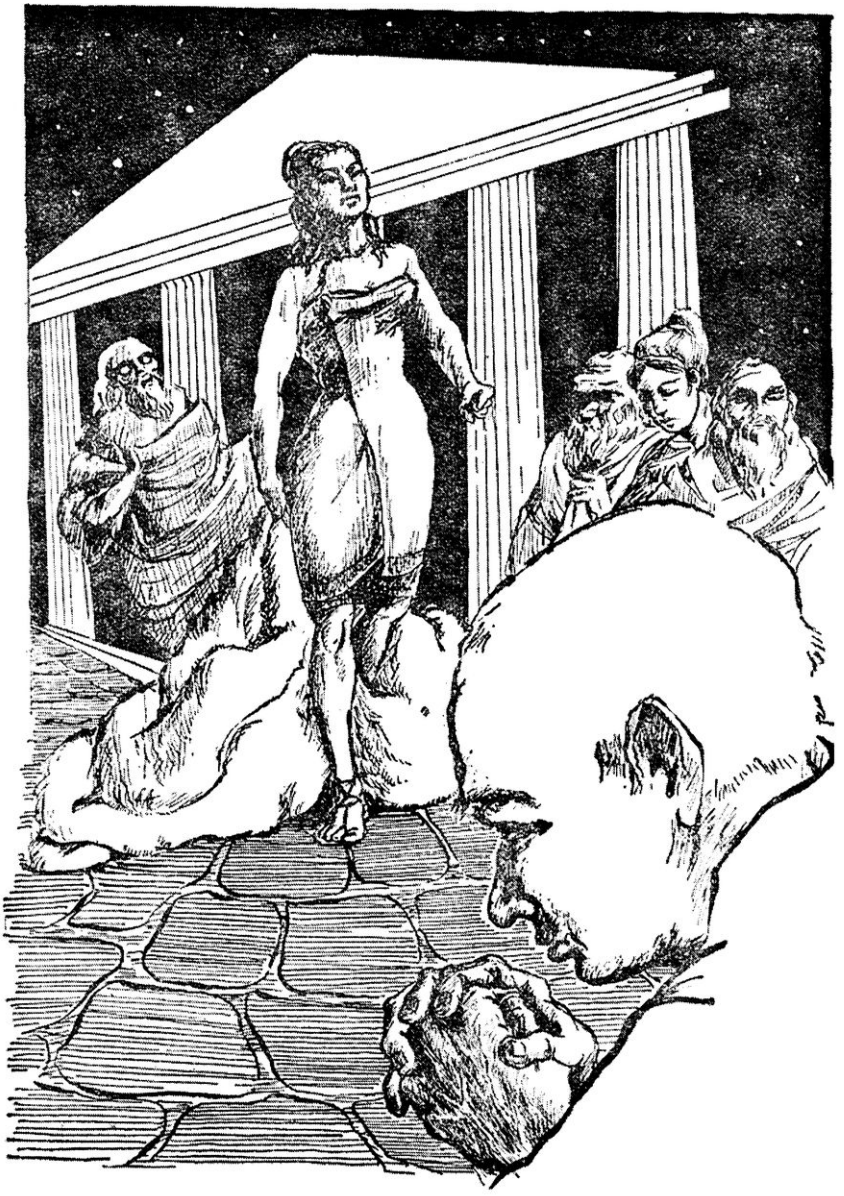
— Приказываю тебе отправить ее вниз.

— Я не могу этого сделать, пока Зевс IX не даст добро.

— Зевс IX отсутствует по делам. Я, что совершенно естественно, уполномочена говорить и приказывать за него. Таким образом я отменяю его приказ своим приказом: верни капсулу и позаботься, чтобы ее немедленно доставили в Дом. — С этими словами она кошачьим движением подняла свою мантию. Выпрямившись, она набросила ее на плечи. — Немедленно, — повторила она. Повернулась и направилась к двери.

— Нет, — произнес Мэттью Норт. — Я не могу.

Она развернулась — вихрь белоснежной женственности.

— Я *приказываю* доставить ее сюда!

Человек низкого происхождения в Мэттью трепетал, слуга в нем трясся, однако преданность Зевсу IX мешала ему отступить.

— Когда ваш муж отправит мне уведомление и отдаст необходимый приказ, я верну капсулу, — ответил он, — но не раньше. Мне очень жаль, но я не имею права действовать иначе.

— Ну, хорошо же. Передайте мне орбитальные данные, и я прикажу кому-нибудь другому доставить капсулу.

Мэттью мотнул головой.

— Мне очень жаль, — повторил он. — Я и этого не могу. Видите ли, — продолжал он, — Зевс Христопулос IX означает для меня больше, чем просто девятый Зевс в роду. Он олицетворяет для меня всех своих предшественников. Я... я работал на Дом Христопулоса почти всю жизнь. И отношусь к своим обязанностям как к своего рода священному доверию — доверию, которое никогда не позволю себе предать. Я готов умереть за Дом Христопулоса. Я готов умереть за вас. Но я не могу выполнить ваш приказ.

Она некоторое время рассматривала его; киммерийский фонтан волос темным водопадом ниспадал на ее белые плечи. В ее глазах, таивших в себе глубокий космос, теперь поселилось раздумье, а не гнев. Наконец она промолвила:

— Верю, что так и будет. — И наконец: — Такую преданность нельзя оставить без вознаграждения.

Удивленный до глубины души, Мэттью произнес:

— Она не осталась без награды.

— Но не была вознаграждена в полной мере. — Она взглянула на большой циферблат своих наручных часов. — Сейчас половина седьмого. В половине восьмого вы прибудете в Дом Христопулоса на ужин. Это приказ. Вы выполните его?

Колени Мэттью ослабли, ноги задрожали.

— Да... да... выполню. И... благодарю вас.

— Тогда буду ждать.

Она вышла из Убежища; мантия летела за ней. Она села в глайдер, на котором приехала; машина тихо загудела и через мгновение исчезла из виду.

4

Александр Великий, робохранник, стоявший перед многоколонным входом в Дом, был продуктом «реалистической школы» в производстве андроидов. Он был чуть выше, чем его давно почивший прототип из плоти и крови, однако в прочих отношениях

представлял собой его точную копию. Ему достался не только характер прототипа, но и его особые знания.

Во взгляде, которым он наградил Старину Мэтта Норта, искусно сочетались аристократическое высокомерие и презрение военного. Когда Мэттью сказал: «Я Мэттью Норт, миссис Зевс Христопулос IX ожидает меня», — робохранник притворился, что ничего не слышал. Тем не менее он передал эту информацию через крошечный радиоприемник, прикрепленный к его шлему.

Спустя несколько секунд властный голос Геры Христопулос, потрескивая, прозвучал в ночном воздухе:

— Ну-ка, впусти его, синтетический сноб! Я же сказала тебе днем, что ты должен пропустить его.

Не проронив ни слова, Александр Великий отошел в сторону и указал лазерным копьем на многоколонный фасад Дома Христопулос.

Все еще дрожа после перехода под ветром через ледяные равнины, Мэттью приблизился к лестнице из пентелийского мрамора, то и дело нервно поглядывая наверх, на фриз, украшенный барельефами с изображением божественных жен настоящего Зевса — Метиды, Майи, Лето, Мнемозины, Дионы, Деметры, Фемиды и Эвриномы. (Гера). Барельеф над карнизом, в середине, под козырьком фронтона изображал Геру, поразительно похожую на Геру из плоти и крови, с которой он собирался преломить хлеб. С обеих его сторон красовались барельефы, изображавшие различных смертных в позах униженного благоговения, тех, кто внес свой вклад в славу Греции. Некоторых он узнал по бюстам и скульптурам, которые видел в записанной на пленку библиотеке в своем реактивном тягаче: Фукидид, Гераклит, Аристотель, Платон, Эпикур, Софокл. Одна из фигур возлежала у ее ног. Это был Гомер.

Час назад наступила ночь — в соответствии с новым вращением Гипериона, установившемся около пяти веков тому назад по прихоти Ника Грека. Теперь в небо поднимался Сатурн. Отведя глаза от фронтона, Мэттью начал подниматься по широким мраморным ступеням.

Дорические колонны, возвышавшиеся над ним, казалось, становились все выше. Чувство собственной незначительности, охватившее его с тех пор, как он вышел из Убежища, усиливалось. Он чувствовал себя очень маленьким, когда наконец переступил порог, временно оказавшись в черной занавеси силового поля, и вошел в огромную комнату за ним, и пожалел, что пришел.

Комната занимала всю переднюю половину прямоугольного здания.

Строго говоря, это был скорее громадный зал, нежели комната. С трех сторон в ней величественные дорические колонны поддерживали архитрав; с четвертой стороны — той, что напротив входа, — лестница из пентелийского мрамора царственно поднималась к огороженному перилами мезонину, за которым виднелись дюжины разукрашенных дверей. Обстановка в зале тоже была из пентелийского мрамора: и скамьи, и стулья, и столы. В центре комнаты фонтан из пентелийского мрамора вздымал затейливые «букеты» сверкающей воды. Высоко над фонтаном, казалось, парила в воздухе неуместная здесь люстра в форме туманности, источавшая мягкий, но сильный свет. Силовое поле между колонн, столь успешно скрывавшее от посторонних глаз интерьер здания, здесь ослабло до прозрачной дымки. Сквозь эту дымку ослепительный костер города Сатурния, находившегося в миле отсюда, казался мягким огоньком свечи.

Вперед вышел обутый в сандалии робот-дворецкий, относящийся к той же самой «школе», что и Александр Великий, одетый в греческую тунику, на груди которой было вышито его имя «Пиндар». Он принял у Мэттью пальто и шапку-ушанку и провел его через комнату к круглому мраморному столу у подножия лестницы. Проходя мимо фонтана, Мэттью прибавил шагу, когда увидел серебристые вспышки, означавшие присутствие там венерианских пираний.

Их были сотни. Нет, не сотни. Тысячи. «Любимцы Геры?» — мелькнуло у него в голове.

Усадив его за стол, Пиндар удалился к ряду колонн. Тогда Мэттью увидел других андроидов.

У каждой колонны стояло по одному из них. Все были в туниках и сандалиях, похожие на Пиндаровы, и стояли неподвижно, как статуи. Исключение представлял «старик» с деликатным бородатым лицом, который пристально разглядывал Мэттью.

На глазах у Мэттью андроид отошел от своей колонны и приблизился к столу. Он нагнулся, крошечные трубочки, из которых состояли его глаза, то потухали, то вспыхивали. Мэттью вспомнил, как встретился с подобной реакцией у одного из роботов-барменов в Гавани. Тот робот-бармен был продукт той самой «школы», которая поставляла «персонал» Дому Христопулоса, и так же, как

другие андроиды с «характером», мог эффективно функционировать только до тех пор, пока порядок вещей, под которой он был создан, хотя бы в разумных пределах соответствовал его «личным» представлениям о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Его представление о хорошем и плохом было достаточно определенным. Однако в том-то и заключалась слабость. Бармен считал, что во время своих остановок все три пилота реактивных тягачей должны хоть раз напиться в стельку в его баре, а когда Мэттью отказался выпить даже каплю спиртного (тогда его мучила язва двенадцатиперстной кишки), у робота случилась механическая поломка, первым симптомом которой стало попеременное затухание и блеск его глаз.

Мэттью прочитал имя «старика» на тунике:

— Эсхил?

Тот с чувством кивнул.

— Да. Эсхил. Я надзираю за банями и спальнями, — произнес он и добавил: — Поутру, мрачные лелея замыслы, у спящего царя под боком; все она...

— Ты *осмелился* оставить пост во внеурочное время?

Это была Гера. Гера в платье, напоминающем саронг и сверкающем бриллиантами. Гера, высокая и властная, с глазами черными от ярости как бездна.

Эсхил отступил. Его глаза трубочки неистово вспыхивали.

— Старый увалень, дурак! — продолжала она. — Ступай обратно к своей колонне! А завтра пойдешь в утиль — и вообще я всегда терпеть не могла твои пьесы. Дурацкие пьесы!

«Старик» повернулся и, шаркая, отправился обратно, чтобы застыть как изваяние возле колонны, которую недавно покинул. Гера повернулась к Мэттью, который поднялся с колен.

— Прошу прощения за его наглость, — сказала она. — Пожалуйста, садись.

Мэттью повиновался, и Гера села рядом с ним на скамью. В уголках ее глаз виднелись морщинки усталости — или, возможно, беспокойства, трудно было сказать — а лицо казалось немного тоньше, чем прежде.

Она хлопнула в ладоши. Через несколько мгновений из двери справа от лестницы появилась механическая служанка, она несла поднос с высокой темной бутылью и двумя бокалами на тонких ножках. На ее тунике спереди было вышито ее имя — Коринна.

— Это все, мадам? — осведомилась она, после того как поставила перед ними бутыль и бокалы.

— Пока да. Пошла вон, кухонная девка!

Коринна ушла. Гера наполнила бокалы и подала один Мэттью. Сама же подняла второй.

— Хочу выпить за твою преданность, Мэттью Норт! — сказала она. — Пусть вечно она парит над Домом Христопулоса, точно огромная и сверкающая звезда!

Они чокнулись, выпили... Вино зажгло в Норте холодный огонь. Сверкающие языки пламени, вытягиваясь, лизали его мысли. «Не этим ли вином знаменит Дом Христопулоса? — подумал он. — Вино, на котором Ник Грек, как считалось, сколотил свое состояние?» Мэттью так не думал. Подобное вино было слишком дорогим, чтобы сбывать его на массовом рынке. И кроме того, поговаривали, будто истинный источник богатства Христопулоса — синтетический джин, который Антония Анзалоне производила в своей ванне до того, как Ник Грек взял ее в жены, и который славные горожане Земли и Семи сатрапий с тех пор невоздержанно потребляли.

Гера заново наполнила бокалы и снова хлопнула в ладоши — на этот раз дважды. И тотчас же Коринна и другая механическая служанка, по имени Сафо, понесли всевозможные яства.

Количество и качество пищи лишили Мэттью дара речи. На закуски подали марсианских куропаток, деликатес, который Мэттью никогда еще не пробовал. С каждым блюдом подавали другое вино — ничего из них Мэттью прежде не пробовал, и каждое было крепче предыдущего. От опьянения его спасало только качество потребляемой им еды. А под конец и это не спасало его, ибо еда оказалась попросту основой для приносимого вина. На столе появлялось красное вино, голубое, янтарное и даже красное с зеленоватым оттенком; об этом последнем Гера сказала, что его делают на виноградниках самого южного континента Сириуса-XVIII, а созревало оно в глубоком космосе. Есть ли еще вино, подумалось Мэттью, вино, которое она ему не предложила — вино с Бимини, тоже выдержанное в глубоком космосе?

Однако он не мог вспомнить, видел ли виноградники на Бимини во время своих полетов по орбите или во время вынужденных прогулок, на которые он отправлялся, пока андроидный персонал загружал его капсулу. На Бимини он видел в основном деревья и еще деревья. На самом деле Бимини — это деревья. Были деревья. Огромные джунгли в небе.

Конечно, плюс-минус несколько озер и рек — и недавно взбунтовавшееся море с соленой водой.

Челн их беседы заплывал то в один порт, то в другой; Гера искусно вела его, а Мэттью время от времени, когда считал, что это необходимо, издавал вежливые звуки согласия. Вскоре разговор достиг предмета греческой религиозной мифологии. Гера долго распространялась об эвгемерической теории происхождения богов.

— Так выходит, вы не считаете, что они и вправду были богами? — наконец осведомился Мэттью.

Она отпила маленький глоток вина и поставила бокал.

— Напротив, я уверена, что они были истинными богами. Сам факт, что они некогда были смертными, не означает, что они не могли обрести бессмертие. Смертность — необходимая прелюдия к бессмертию, как бессмертие — необходимая прелюдия к сверхапофеозу, который согласно законам логики должен последовать. Однако если отвлечься от всего этого, окажется, что истинное доказательство бессмертия греческих богов веками пристально смотрело в лицо ученым. А они были слишком близоруки, чтобы узреть ее.

— Я... Я... полагаю, я тоже слишком близорук, — произнес Мэттью.

Она рассмеялась. Смех был достаточно искренний, но по какой-то причине он углубил морщинки в уголках ее глаз, а не разгладил их.

— Они жили рядом со смертными и общались с ними, хотя могли преспокойно жить сами по себе, не якшаясь с низшими существами, — пояснила она. — Бессмертие, видишь ли, относительно. Живя исключительно в кругу других бессмертных и избегая смертных, они не смогли бы оценить свое превосходство. Проживая рядом с существами ниже их по положению и имея с ними дело, они могли оценить это. Вот такую простую истину проглядели ученые — так же как они проглядели огромное количество иных простых истин. Ученые вообще глупы — почти так же глупы, как философы.

Она повернулась к лестнице.

— Ступай-ка наружу, старик, — сказала она, — и начни убирать со стола.

Из-за лестницы приплелся андроид с головой как чурбан. Его огромное лицо было невероятно безобразным. Косматая седая борода, сбегая по щекам, подбородку и верхней губе, превращалась в

колтун. Только глаза спасали эту печальную картину от полной катастрофы — ясные, карие, доброжелательные.

Вышитые буквы на его тунике гласили: *«Сократ»*.

Он начал собирать блюда и тарелки; составив их стопкой, как официант, он по полу из пентелийского мрамора понес их к дверному проему справа от лестницы. Его толстые босые ноги шлепали по плитам пола. Двигался он медленно и неуклюже. Что-то нелепое чувствовалось во всем этом. Что-то внушающее жалость.

На стол упал кусочек куропатки. Гера смела его на пол, а когда старик возвратился за последними тарелками, указала ему на этот кусок кончиком сандалии.

— Подними, старик, — приказала она.

Сократ повиновался, потом вынес оставшиеся блюда и тарелки из комнаты.

— Убедись, что все они вымыты дочиста, старик, — окликнула она старика в спину.

На мгновение Мэттью ощутил тошноту. «Почему Сократ? — подумал он. — Почему Пиндар? Почему Коринна?» Тем не менее он хранил молчание, и вскоре из его мыслей медленно выплыл вопрос.

Все вопросы уплыли из его мыслей. Все, кроме одного...

Гера была сильным благоуханным ветром, дующим сквозь него. Вино усиливало ветер, и Мэттью обнаружил, что ему все труднее выстоять против него. Он пошатнулся, когда она сказала, резко и без всяких прелюдий:

— Посадишь капсулу?

Но он не пал. Не до конца.

— Нет, — ответил он. — Не могу.

Она приблизилась к нему, бриллианты на ее платье-саронге играли ослепительными голубыми и белыми огнями.

— Ты посадишь ее не задаром. Я плачу наличными!

— После доставки? — услышал он собственный странный голос.

— Ты честный человек. Твоего слова вполне достаточно.

Он сглотнул. Ее лицо было очень близко. Оно пленяло и одновременно отталкивало, но эта антипатия сама по себе была своеобразной формой очарования — вероятно, извращенной формой, но тем не менее притягательной. Мысли, которые оно пробуждало, усиливало выпитое. Он вспомнил, что она — она единственный человек, какого он видел с тех пор, как вошел в Дом, и внезапно

понял, что они одни и что она с самого начала устроила, чтобы они остались наедине.

— Даешь слово? — осведомилась она.

Пляска сверкающих бриллиантов на ее платье-саронге наполовину ослепила его. Он хотел заговорить и не смог. Его остекленелые глаза делали слова необязательными. Она встала.

— Ты видел мезонин? Пойдем, я покажу его тебе, — позвала она.

5

На шатких и негнущихся ногах он последовал по мраморной лестнице. При взгляде сверху огромное строение наводило на мысль о древней железнодорожной станции с множеством расходящихся путей. Сам мезонин оказался изящный променад, а стены между дверями, открывающимися с него, украшали самые простые греческие узоры. Гера открыла одну из дверей и вошла в комнату. Дрожа от страха, он последовал за ней.

— Моя ванная, — пояснила она.

Это была та самая ванная, куда он уже заглядывал — сколько лет назад! — и видел Диону Христопулос. Тогда ему было сорок пять и он боялся. Он и теперь боялся, но ему уже было не сорок пять. Тем не менее беспокойство, которое он чувствовал, вернулось.

Сейчас положение позволяло ему исцелиться — если занятие любовью с красивой женщиной намного выше его по положению действительно могло исцелить. В любом случае, речь шла о продаже. А обстоятельства обеспечили его средствами. Он мог дать цену.

Проблема была в том, что частью цены была преданностью Зевсу IX.

Что же такое в этой капсуле, столь притягательной для Геры? — размышлял он. — До того притягательной, что она не может дождаться, пока ее муж вернется?

Хоть и сильно пьяный, Мэттью по-прежнему не мог задать ей этот вопрос прямо. С вином или без вина, он оставался ее слугой. Он не осмеливался навлечь на себя ее неприязнь. Однако были ли ее мотивы на самом деле важны? Не было ли довольно и того, что ей захотелось спустить капсулу вниз, и только он знал, где та спрятана в небесах?

После ванной она показала ему несколько других комнат, последняя из которых была ее спальней. Она представляла собой просторную комнату, трехмерные фрески на стенах заставляли комнату казаться еще более просторной. Тема фресок заставила его покраснеть. Он читал о знаменитых ритуалах храма Дианы Эфесской. Однако читать о них — одно, а видеть их в графическом воплощении — совершенно иное.

Гера вопросительно смотрела на него. Свет, который источали непристойные фрески, придавали ее плоти красноватый оттенок, углубляя темноту ее глаз. Он поглядел за ее плечо и увидел огромное ложе под балдахином с алыми подушками и черным стеганым одеялом. Он услышал собственное хриплое дыхание, почувствовал, как колотится сердце, — и мгновенно понял: чтобы обладать ею, ему придется предать гораздо больше, чем то, что представлял Зевс IX; что, как любая верность, выстроенная на самообмане, его преданность Дому Христопулоса ничего не стоит.

Он беспомощно стоял, а вокруг все рушилось.

— Я посажу капсулу, когда пожелаешь, — произнес он.

— Да, — рассеянно отозвалась она, словно услышала его слова задолго до того, как он их произнес. И добавила: — Если подождешь снаружи, я прикажу служанкам подготовить меня.

И хлопнула в ладоши.

Дрожа, он вышел в мезонин. Появились Елена Троянская с Гекубой, бок о бок вошли в комнату и закрыли за собой дверь.

Он почувствовал, что дрожит еще сильнее. Чтобы успокоить мысли, он подошел к мраморным перилам и заглянул вниз, в огромную комнату. Он смотрел на фонтаны, столы и скамьи. На колонны, на стоящих у каждой колонны андроидов, словно прикованных к ним цепью. Он смотрел на Иктина и Каллистрата — архитекторов, которые возвели первоначальный Парфенон; на Фидия, скульптора, который надзирал за постройкой здания; на Зенона, Поликлета, Праксителя, Гомера, Парменида, Левкиппа, Аристофана, Софокла, Еврипида, Эсхила...

Эсхил смотрел на него, его глаза то вспыхивали, то гасли.

Андроид отошел от колонны, пересек пол и поднялся по ступеням. Он подошел к тому месту, где стоял Мэттью, и коснулся его руки.

— Пойдем, — произнес он. — Я покажу тебе, и ты поверишь.

Мэттью ощутил досаду.

— Покажешь? Что?

— Я покажу тебе, — повторил Эсхил. — Идем.

Глаза-трубочки мигали с тревожной частотой. Какая же нелогичность так расстроила старика?

Вдруг Мэттью стало любопытно, и он сказал:

— Ладно... но тебе придется поторопиться.

Эсхил повел его по мезонину вниз к внушительной двери в самом дальнем его конце. Дверь была закрыта, но Эсхил достал из кармана связку ключей и вставил один из них в старинный замок. В следующий миг дверь послушно отворилась. Проследовав за стариком внутрь, Мэттью обнаружил, что оказался в просторной бане.

Она посрамила бы даже ванну Геры. Вогнутая стена была единой непрерывной фреской, изображавшей Елисейские поля, и незаметно переходила в потолочную фреску, изображавшую синее небо с облаками. Иллюзия глубины была настолько яркой, что в какое-то мгновение ему показалось, будто он шагнул сквозь пространство и время в античную Грецию. Под ногами росла настоящая трава. Баня превратилась в тихое озеро, на берегу которого он стоял. На противоположном берегу возвышались две статуи в натуральную величину — одна изображала Пана, вторая Сирингу. Сиринга убегала, а Пан с поднятым фаллосом догонял ее.

Мэттью посмотрел на бассейн у своих ног. Он достигал примерно девяти футов в диаметре, а глубину имел не более пяти футов. Вогнутое дно бассейна было выложено белым мрамором. Он смотрел в голубую воду, и ему почудились серебристые отблески. «Отражение?» — подумал он. Вглядевшись внимательнее, он заметил другие проблески. В этих блестящих, мерцающих силуэтах он узнал венерианских пираний и, внезапно протрезвев, отошел назад. Вода буквально кишела ими!

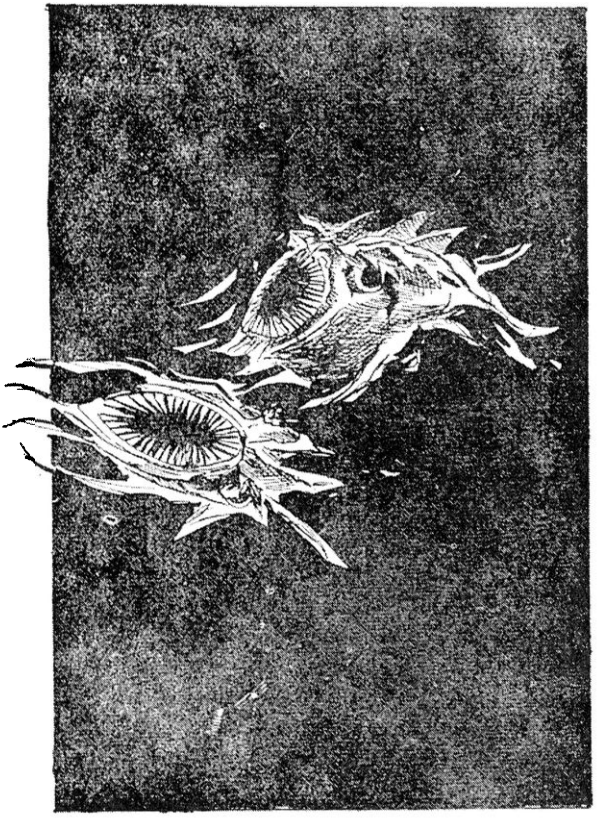
Почему человеку, пусть богатому, могущему позволить себе подобное чудачество, держать в ванной пираний с Венеры?

Эсхил указывал на дно бассейна. Шагнув вперед, Мэттью еще раз всмотрелся в странную голубую воду...

И увидел кости...

Внушающие суеверный ужас кости, обглоданные, очищенные от живой плоти. Белые кости почти одного цвета с мраморным бассейном. Бедренные кости, тазовые; голые ребра. Череп с темными глазницами. Кости пальцев, один из них все еще с кольцом — с кольцом, несущим фамильную печать.

Фамильную печать Дома Христопулоса.

Или, если взглянуть на нее глазами Эсхила, печать Дома Атрея...

Чувствуя тошноту, Мэттью отвернулся.

— Когда? — заставил он себя спросить.

Эсхил повернулся к нему. Когда андроид заговорил, его глаза замигали еще быстрее:

> Поутру, мрачные лелея замыслы,
> У спящего царя под боком;
> Она поднялась и из бурных вод
> Смерть зачерпнула и наверх ее внесла,
> Чтобы в царев бассейн излить.

Старик умолк. Подняв глаза к нарисованным Елисейским полям и подняв руки в мольбе, он продолжил:

Ступайте, Эвмениды три, за ней вдогон.
Гоните неотвязно, взяв кровавый след, —
Пусть к Аполлону и Афине путь стремит!
Бегите же, не ждите, ибо мертв Орест.
Не у его могилы скорбной прячется
Электра под набрякшим небом, только тьма
Видна, где прежде солнце тусклый свет лило.
О горе ей, о горе! Пробудись,
О враг, обретший плоть!
Вину твою
Богов сонм равнодушных видел — да не внял.

Мэттью в ужасе схватил ключи, которые старик по-прежнему держал в руке, и выбежал из комнаты. Он перебрал их, пока бежал по мезонину, и к тому времени, как достиг дверей спальни Геры, нашел нужный.

Он вставил ключ в замок и повернул. Потом подергал дверь. Она не поддалась.

Он пошел искать видеофон.

6

Чтобы войти, полиции Сатурна пришлось отключить Александра Великого и его трех военачальников при помощи деактивационных лучей.

Мэттью не подозревал об этом, пока несколькими часами позже не покинул Дом и не увидел четыре «трупа», раскинувшиеся на мраморных ступенях. Он невольно отвернулся. Они слишком живо напоминали о «трупе», обнаруженном им возле кишащего пираньями бассейна, когда он вернулся в баню с инспектором сатурнианской полиции. Александра, Птолемея, Селевка и Антигону можно было активировать заново. Эсхила — нет. Эсхил спятил; в его схемах произошло замыкание, отчего глаза-трубки взорвались, и от него остался только потемневший корпус.

Хотя, вероятно, это было как раз хорошо. Теперь, когда Дом Христопулоса пал, на некоторое время нужда в андроидах исчезла.

В космонавтах — тоже.

Старый Мэттью Норт дрожал на свирепом ветру, который стремительно проносился над равнинами. Он поднял воротник пальто и сунул руки глубоко в карманы. На краю неба занимался

рассвет, Сатурн давно ушел на покой. Он задумался, каково было бы жить в том мире, который обогнал его на добрых четыре столетия. Вероятно, ему не удалось бы привыкнуть. Он слишком стар. И слишком устал...

Усталый старик.

Мерзкий старик.

Вот почему Гера Христопулос звала его, когда полиция Сатурна выводила ее, визжащую, из спальни. Растрепанную, полуголую, в непристойном неглиже, в которое она нарядилась, чтобы пробудить в нем желание, и которое открывало родимое пятно в виде кинжала, поразительно похожее на родинку Дионы; она истошно вопила: «Мерзкий вонючий старик!»; ее лицо побелело от гнева и внезапно стало поразительно тонким.

— *Я* создавала богатство Христопулоса — а не Зевс! Это я заслужила преданность, а не он! А ты предал меня! Мерзкий старикашка! Грязный омерзительный соглядатай!

Когда ей предъявили кости на дне осушенного бассейна, она не потрудилась скрыть свою вину.

— Все равно лет через двадцать-тридцать это открылось бы, — сказала она. — Возможно, так лучше. — Она вдруг повысила голос: — Во всем виноват он! У него могло бы оставаться в запасе достаточно, чтобы мы прожили еще век, если бы он не был мотом! Не тратил! Не отдавал бы своим любовницам! «Думаешь, ты вечно будешь красивой?» — спрашивал он, и они пресмыкались у его ног. А когда они надоедали ему, он давал им увянуть, одной за другой, и находил новых, несмотря на его годы. *Мои* годы!.. Потом он попытался обманом увести у меня ту горсть, что у нас еще оставалась. Что ж, я победила! Я рада, что бросила его на корм рыбам. Надеюсь, они неплохо пообедали. — Она страшно рассмеялась. — Держу пари, мясо у него жилистое. И кожа жесткая.

Она опять расхохоталась, и каждый взрыв ее смеха был страшнее предыдущего, но наконец полиция выволокла ее из комнаты. Потом инспектор приступил к допросу Мэттью.

Мэттью ничего не утаивал. Нечего было. Однако вопросы, которые буквально швырял в него инспектор, сказали ему больше, чем его ответы — инспектору.

Из состояния костей на дне бассейна, сказали они ему, следовало, что Зевс IX отправился в свою баню сразу после того, как

отправил послание Мэттью. Дом Христопулоса, сказали они, не имеет наследников и станет собственностью Гиперионской сатрапии. Что сам Дом давно уже был тайной для полиции Сатурна, и они много лет страстно ожидали любого предлога, чтобы одолеть его. А еще — что инспектор знать не знает, почему Гера убила мужа, а равно почему Зевс IX приказал Мэттью запустить капсулу на орбиту. Еще из них он понял, что власти Сатурна ничего не знают о шаттле Гиперион-Бимини, а следовательно, и о природе груза с Бимини.

Не знал этого и Старина Мэтт Норт. А теперь, когда власти Сатурна задумали сами спустить капсулу и начать официальное расследование, возможно, ему не суждено было узнать об этом. Если только...

Он остановился на продуваемой ветром ледяной равнине. И заставил себя завершить мысль: *«Если только он не доставит ее обратно сам».*

Что ж, почему бы и нет? Кто лучше сумеет доставить ее сюда, чем человек, который доставлял ее к Бимини и обратно? Кто, в самом-то деле?!

Он пустился бежать. По правде говоря, он скорее шустро зашагал, чем побежал, однако на большее он не был способен.

Хватая ртом воздух, он добрался до люка, но не остановился и спустя несколько минут уже оказался в своем реактивном тягаче — и взбирался вверх, бесконечно взбирался во тьму по безвоздушной «лестнице» в ночи к огромному звездному своду Вселенной. Он ловко поймал капсулу, вывел вниз на пеструю орбиту ночей, дней и рассветов и установил на подъемной платформе. Мэттью вышел наружу, взобрался на платформу и стал изучать побитый метеорами корпус. Рассвет ушел. Утро проветривало над покореженным задним двором горизонта первую грязную простыню дня, когда Мэттью наконец обнаружил люк.

Благодаря положению капсулы металлическая пластина находилась низко на корпусе, отчего открыть ее было еще труднее; но наконец последняя задрайка сдалась молотку, который он принес из тягача, и пластина отвалилась. Он прокопался сквозь мешающие слои химически обработанной изоляции к внутреннему корпусу, полагая обнаружить внутренний люк. Однако не отыскал его — нашел только вентиль.

Вино? Общался ли он с Бахусом все эти скучные и усталые годы?

Что ж, по крайней мере, он имел право на вкус.

Вентиль был большой и мог открываться только при помощи разводного ключа. Он принес из тягача большой ключ и зажал его губками выступающий шток. Он вовсе не собирался проворачивать шток до упора, но ключ дал ему большее усилие рычага, чем он думал, и гораздо большее, чем требовалось на самом деле, и прежде чем он догадался, что случилось, поток ледяной жидкости хлынул из капсулы с такой силой, что опрокинул его на платформу.

Он упал на спину и лежал оглушенный, а жидкость лилась на него; он промок до костей. Наконец от страшного холода он очнулся и задыхаясь встал. Нашарив ключ, он опять взобрался на платформу и попытался закрыть вентиль. Однако для того, чтобы крепко ухватить шток, ему пришлось снова войти в бурный поток, и снова тот оказался чересчур мощным, и снова Мэтт свалился на землю. На этот раз ключ нанес ему скользящий удар в висок и сбил с головы ушанку. Потом наступила тьма; когда наконец она ушла, поток иссяк, превратившись в ручеек, а содержимого капсулы больше не было.

Он сел. Вокруг повсюду журчала жидкость, утекающая прочь и впитывающаяся в неисчислимые трещины во льду. С одежды капало; он забарахтался, стараясь встать. Облизнул мокрые губы, однако вкуса вина не почувствовал.

Идут на горку Джек и Джил,
Несут в руках ведерки[1].

День протягивал в небе новые невидимые бельевые веревки и вывешивал на просушку новые грязные простыни. Ветер крепчал. Он без шапки побрел по улице против ветра.

С его костями что-то происходило.

Он никак не мог выбросить из головы детскую песенку. *Идут на горку Джек и Джил, несут в руках ведерки...*

Фаустина увидела его из Убежища и выбежала навстречу.

— С вами все в порядке, мистер Норт?

— Да. Все прекрасно, — ответил Старина Мэтт Норт. *Идут на горку Джек и Джил, несут в руках ведерки.*

— Вы весь мокрый. И замерзли. Давайте, я помогу вам добраться до вашего номера.

---

[1] Английская народная песенка, пер. С. Я. Маршака. Далее говорится: *Свалился Джек и лоб разбил, А Джилл слетела с горки.*

— Идите наверх передо мной, и этой помощи будет вполне достаточно.

Фаустина повиновалась. Он пошел следом, упиваясь ее чарующей молодостью. *«Боже, вот бы снова стать молодым!»* — подумал он... И стоило этой мысли промелькнуть у него в голове, как он ощутил силу, вливающуюся в его полуобмороженные ноги, тело, спину и руки. Он почувствовал, как расправились его плечи. Старина Мэтт Норт шел и чувствовал, что словно бы растет — это куда-то медленно и бесшумно ускользали утомительные бесплодные годы.

Вино со звезд не было сделано человеком. Это был буйный опьяняющий напиток под названием юность.

Нет, Понс де Леон так и не нашел свое Бимини, а вот Ник Грек отыскал свое.

Высоко-высоко на огромном черном холме времени и пространства нашел он его, и воды этого источника оказались хороши...

Молодой Мэтт Норт остановился на верхней ступени лестницы. Фаустина обернулась к нему. Недоумение в ее взгляде быстро сменилось более приятными чувствами. Стоя на площадке, на ветру, он улыбнулся ей.

Она улыбнулась ему в ответ.

Лето упавшей звезды

Упавшая звезда лежала на лесной поляне за отцовской фермой, неподалеку от края оврага, куда судьба назначила ей рухнуть под напором бульдозера и исчезнуть под завалами земли. Кое-где обомшелая, на первый взгляд она казалась просто крупным яйцевидным камнем. Только при ближайшем рассмотрении глаз обнаруживал трещины и подпалины — великолепное, пусть и обыденное, свидетельство бурного пролета сквозь атмосферу.

Настоящий метеорит, конечно, выбил бы в земле кратер и повалил бы часть леса, но дети, жившие по соседству, дареному коню в зубы не смотрели, и меньше всех Ларкин.

Даже тогда он держался особняком и на поляну, где лежала звезда, чаще приходил один. В ту пору он пребывал в блаженном неведении насчет того, что звезда обречена — что по весне лес вырубят ради строительства жилого массива.

Долгими летними днями он сидел там на теплом солнышке, глазел на звезду и сочинял истории о ней. В одной из историй она была инопланетным звездолетом, кораблем, который сломался в окрестностях Солнечной системы и совершил вынужденную посадку на Землю. Кораблем, чей пилот погиб во время прохождения сквозь атмосферу или, неспособный выбраться из корабля из-за травм, полученных при посадке, погиб от голода или от отсутствия кислорода.

В некотором смысле упавшая звезда определила жизнь Ларкина.

— Ах, так вы мистер Ларкин! *Тот самый* мистер Ларкин! Извините, не узнал, сэр. Проходите.

— Спасибо, — ответил Ларкин, застегивая молнию на нейлоновой куртке, под которой к карману рубашки была пришпилена карточка, удостоверяющая личность.

— Понятно, отчего вы в последнюю минуту надумали провести инспекцию, — продолжил охранник у ворот, ведущих к стартовой платформе. — Будь это мой корабль... если б я его построил, ну вот как вы... я б захотел удостовериться, что все путем. Сэр... у вас, случайно, нет соображений, чего они ждут? Почему прервали обратный отсчет и всех отправили по домам?..

— Никаких, — соврал Ларкин.

Стартовый комплекс «Брунгильда-Валькирия» (скандинавская мифология недавно стала в космических кругах последним писком моды) сильно смахивал на комплекс «Аполлон-Сатурн» (он же «стартовый комплекс 39»), теперь хранившийся в нафталине. Длинный прямоугольник Центра управления полетами стоял рядом с гигантским Цехом вертикальной сборки и из-за такого соседства походил на строительный модуль средней величины, дожидающийся установки. Собственно платформу (в отличие от «комплекса 39», единственную в своем роде) соединяла с ЦВС трехмильная трасса для гусеничных тягачей, по которой три дня назад подвижная пусковая установка доставила ракету-носитель «Валькирия» и космический корабль «Брунгильда-2».

Ларкин двинулся к массивному опорному столу, где разместились подвижная пусковая установка и комплекс «Брунгильда-2» — «Валькирия». Пока он ехал по новому шоссе, которое тянулось

вдоль трассы и заканчивалось парковочной зоной, он все больше проникался тем, какой корабль высоченный. Сейчас, когда он шагал по озеру света, созданному прожекторами, это ощущение усилилось. Корабль с его узкой башней системы аварийного спасения, смонтированной на носу командного модуля, казалось, упирался в край Небес. Башня обслуживания рядом с ним, и того выше (хотя все ее выдвижные сегменты, кроме трапа, ведущего к люку, были убраны), заставляла вспомнить исполинский ясень Иггдрасиль.

Венчавшая третью ступень «Валькирии» «Брунгильда-2» была вторым детищем двадцатипятилетнего союза Ларкина с Мечтой. Ее чуть менее сложная старшая сестра «Брунгильда-1» с тремя астронавтами на борту, облетев вокруг Нептуна, продемонстрировала перспективность Космического Движителя Ларкина, по крайней мере, в том плане, что его полный потенциал, 0,99с, можно было задействовать в межпланетных перелетах. «Брунгильде-2» тоже предстояло принять на борт трех астронавтов — и на сей раз облететь с ними звезду Барнарда в 6,2 светового года от Солнца.

Что у звезды Барнарда есть спутник, было известно давно, с 1963 года; факт существования этой планеты установили по гравитационному воздействию этого небесного тела на его солнце. Во много раз больше Юпитера, она *ex officio* не годилась для жизни человека, однако наличие одной планеты (доказывал Ларкин, ведя успешный джихад против выбранной НАСА альфы Центавра), в сущности, гарантировало наличие других, и одна из них *могла бы* оказаться стратегическим решением проблемы перенаселенности Земли.

Уверенный в своем Движителе Ларкин даже подверг сомнению необходимость испытательного полета, утверждая, что целью «Брунгильды-1» должна стать звезда Барнарда, не Нептун. Но в НАСА не было места подобным безрассудствам. Даже после того как корабль безупречно проявил себя в деле, даже после того как аэрокосмическая компания Ларкина построила еще более сложный летательный аппарат, НАСА по-прежнему артачилось, настаивая на новом испытательном полете вокруг Нептуна и запуске зондов и автоматических межпланетных станций в предполагаемую систему звезды Барнарда. На них ушло бы много лет — лет, которые Ларкин не мог позволить себе профукать. Ему уже перевалило за сорок, а к концу экспедиции, даже если бы ее предприняли немедленно, исполнилось бы шестьдесят. В отчаянии он пригрозил, что уйдет из генеральных подрядчиков, и ликвидирует свою компанию, и поневоле начнет судебные тяжбы, если НАСА и дальше

будет тянуть. НАСА сдалось. Там не хуже Ларкина знали, что без его руководящего гения новая космическая программа разлетится на куски, как ракета «Авангард».

Теперь космический корабль неясно вырисовывался почти прямо над ним, исполинская богиня из далекого прошлого. Расширяющийся книзу «колокол» нижней ступени фантазия Ларкина превратила в край бробдингнегской юбки.

Скоро объявленная им отсрочка закончится, и на пусковой площадке вновь станет роиться технический персонал. Сейчас здесь, кроме Ларкина и охранников, не было ни души. Пусть НАСА — Хозяин, но он, Первый Слуга, достаточно влиятелен, чтобы остановить процесс. И успеть попрощаться как следует.

Завтра его возлюбленный корабль полетит к звездам. Полетит к звездам, быстро разгоняясь до скорости света.

Идея Движителя возникла у него еще в молодости. Возникла ночью — или так ему казалось, когда он оглядывался на прошлое. Он мысленно увидел чрезвычайно сложное устройство, нечто вроде многофасеточного отражателя, который замедлял бы световые волны, отбрасывая их назад, на самих себя, причем степень замедления зависела бы от числа задействованных фасеток. Запаздывание было бы аналогично эффекту, вызванному попаданием гаечного ключа в механизм физической вселенной, и вселенной пришлось бы, компенсируя результирующую погрешность, гнать Движитель (вместе с кораблем, в который он встроен), к источнику света со скоростью, соизмеримой с величиной запаздывания.

Теоретически, если бы приближающиеся световые волны удалось заморозить, такой движитель сумел бы обеспечить скорость, равную *c* — скорости света. Практика, однако, опровергла это предположение. Неведомая космическая сила, помогавшая в первом случае, во втором помогать отказалась, и хотя доведенный до ума Движитель Ларкина выжимал 0,99 *c*, выйти на скорость света он не мог. Существовало и еще одно ограничение. Природа Движителя был такова, что он мог работать лишь в глубоком космосе, а это ставило использующий его КЛА в частичную зависимость от тех самых систем действия и противодействия, которыми он иначе пренебрег бы.

Идеи дают бесплатно, но на их претворении в жизнь болтается ценник. Ларкин заплатил за свой Движитель. Дорого. Годами изнурительных трудов. Душевными страданиями. Безбрачием и воздержанием. Правом обзавестись сыном, доверенным представителем в царстве Жизни. Бессонными ночами. Иногда отчаянием. Но

он получил то, за что заплатил. Истинную дорогу к звездам. С учетом ускорения и торможения предстоящая экспедиция грозила растянуться на десять с половиной лет, но благодаря сжатию Лоренца-Фитцджеральда для астронавтов на борту прошло бы меньше трех. Если бы у звезды Барнарда действительно обнаружилась планета земного типа, незаселенная или заселенная низшими относительно человека существами, можно было бы начать колонизацию.

Похолодало. С моря прокрадывалась сырость. Подняв воротник куртки, он преодолел остаток расстояния до стартового стола. Сердце, казалось, расплющивается о ребра, горло перехватывало. Как будто он был астронавтом, летящим на звездное рандеву, а не усталым конструктором-предпринимателем, который идет попрощаться с воплощением своей Мечты. Отлученным от полетов на скроенных им из света крыльях конструктором, в чьих силах только одно: отправить к звездам, по которым он так тоскует и к которым так жаждет прикоснуться, своих представителей.

Однажды, когда Ларкин пришел в лес, случилась любопытная вещь. Кролик высунул длинноухую голову из сухих листьев и сломанных прутьев, которые ветер нагромоздил у подножия упавшей звезды, потом целиком выбрался на свет и ускакал в подлесок.

Кроличья нора под камнем — не диво, но кроличья нора под *этим* валуном широко распахивала дверь к сонму интригующих возможностей, и самой захватывающей из них был шанс, что предполагаемый пилот-инопланетянин все-таки не погиб от голода или удушья, а выбрался из своего корабельного заточения через расположенный снизу люк и прокопался к свободе.

Вероятно за годы, протекшие с тех пор, прорытый им туннель частично обрушился или забился сухими листьями и прутьями. В любом случае кролик, попавшийся на глаза Ларкину, получил сделанную как по заказу нору.

Расширив дыру, можно было бы получить доступ внутрь корабля или хотя бы к люку (или шлюзу). Ларкин незамедлительно принялся копать. Сперва голыми руками, потом, когда сухие листья и прутья сменила сырая земля, — лопатой, принесенной из дому, из амбара, вместе с фонариком из отцовского пикапа. Он не

был инженером (тогда), но ему хватало здравомыслия, чтобы понимать: если чрезмерно расширить отверстие, корабль может провалиться и придавить его. Поэтому даже сильнейшее — и все нарастающее — волнение не помешало ему ограничить размер проема шириной своих плеч.

Кроличья нора (он упорно думал о ней именно так, хотя понимал, что кролик, вероятно, лишь последний в длинной череде ее разнообразных обитателей) уходила под землю всего на несколько футов, а потом шла горизонтально, на одной глубине. Копать становилось все труднее, особенно после того, как узость туннеля исключила применение лопаты и пришлось вновь задействовать руки. Вскоре начали попадаться куски и обломки металла, и Ларкин понял — он на верном пути.

Копая, он пытался воссоздать вероятную картину событий, пересматривая и приукрашивая некоторые свои прежние догадки. За много световых лет от родной планеты, на поврежденном (возможно, метеором) корабле пилот-чужак сумел дотянуть до границ Солнечной системы и углубился в нее, чтобы приземлиться на единственной из планет, сулившей ему возможность выжить, — на Земле. Потом в последний момент рычаги управления заклинило, и корабль грохнулся на бок, отчего единственный люк вышел из строя. (Или, возможно, он завалился после нормальной посадки — с тем же результатом.) Оказавшись перед лицом голодной смерти и/или смерти от удушья, пилот лучеметом прожег дыру в люке и прорыл туннель к поверхности.

Возможно, пришельцев было несколько. Двое или трое. Корабль маленький, но, может, и пришельцы некрупные.

Нет, пришелец был всего один. Сложен, как средний мужчина. Ларкин сразу это понял, когда просунул голову и плечи в рваную дыру на месте входного люка и лучом фонарика обвел нутро корабля. И определенно так и не выбрался наружу. А если и выбрался, то заполз обратно, чтобы умереть. Факт смерти пилота был неопровержим. О ней свидетельствовали его кости.

С посадочного трапа три ступени «Валькирии» казались конусом, повернутым вершиной к стартовому столу, и возникала иллюзия, будто третья, меньшая, — самая большая, а первая, наибольшая, — самая маленькая.

Стоящий на стартовом столе человек показался бы мышью. Если бы там стоял человек. Но, конечно, никакого человека там не

было. Объявленная Ларкином отсрочка началась в 23:00, вскоре после того, как закончили заправку ракеты-носителя и корабля. Вторую смену техперсонала, уходившую по расписанию в 24:00, отослали по домам на час раньше. Отсрочка должна была закончиться в 01:00; тогда придет третья смена (на час позже положенного) и обратный отсчет возобновится. Трое астронавтов экспедиции к звезде Барнарда, Кливс, и Барнс, и Уэллман, поднимутся на борт звездолета в 06:00. Фанаты космоса, вставшие лагерем вдоль периметра комплекса, возобновят бдение, коммерческое телевидение опять начнет прямые репортажи. Если все пойдет гладко, старт состоится перед самым полуднем.

Ларкина ослепили потоки света; из своего «гнезда» на открытом посадочном трапе он ничего не видел ни справа от себя, ни слева. Впрочем, ни там, ни там не было ничего, на что ему хотелось бы смотреть. «Мистер Ларкин, — спросила одна смышленая журналисточка на пресс-конференции, которую он провел после успешного возвращения «Брунгильды-1» с орбиты Нептуна, — какие у вас есть интересы в жизни, помимо передовых космических технологий? И что вы собираетесь делать после того, как докажете, что ваш Космический Движитель способен отнести человека к звездам?»

— Никаких, — ответил Ларкин. И непонимающе посмотрел на нее. — Не знаю.

Дежурная смена в Центре управления полетами — сокращенная до минимальной численности, — должно быть, наконец засекла его на своих мониторах и, вероятно, позвонила на КПП с вопросом, кто он такой. Он не потрудился известить их о своем визите. Но Ларкин не тревожился. Коль скоро его опознали, никто ничего не скажет.

Он прошел последние шаги до бокового люка командного модуля, открыл его, ступил внутрь и задраил люк за собой.

Пошарив вокруг, он нашел главный рубильник, и модуль залил флуоресцентный свет. Ларкин включил автоматический контроль атмосферы.

Командный модуль (Кливс, и Барнс, и Уэллман называли его «Кондор», Ларкин — нет) был куда удобнее и просторнее тех, что использовались в пилотируемых полетах «Аполлонов». Иначе и быть не могло. Кроме рубки управления, здесь имелись отдельные жилые отсеки и отдельная, отгороженная, маленькая комната отдыха с библиотекой микропленок. За переборками скрыли и гидропонные чаны, и регенерационную установку. Бортовой компью-

тер был встроен в консоль управления, а Космический Движитель Ларкина размещался в носу, позади прозрачного отражателя пылевых частиц. Генератор искусственного ионизирующего излучения, доработанный аэрокосмической компанией Ларкина после возвращения «Брунгильды-1» из космоса, помещался внутри корпуса. Провизия, медицинские принадлежности и запасное снаряжение хранились в служебном модуле. Иллюминаторы левого и правого борта дополнял большой обзорный экран, укрепленный на консоли управления.

Во время полета палуба, на которой сейчас стоял Ларкин, превращалась в заднюю стенку отсека полезной нагрузки. К этой стенке ниже подвижной консоли управления крепились три противоперегрузочных ложа; каждое было снабжено микрофоном и подлокотником со встроенными средствами ручного управления.

Повинуясь внезапному порыву, он подошел и улегся на то, которое было ближе прочих.

Когда первоначальный ужас немного отступил, юный Ларкин забрался в инопланетный корабль и встал на ноги. Он не ошибся: звездолет действительно приземлился — или опрокинулся — на бок. Множество цифровых шкал, приборов и ржавых рычагов прямо у него над головой — несомненные принадлежности панели управления — подтверждали его предположение. Внутренние очертания корпуса тоже. Ларкин ошибся в другом: это не был корабль в полном смысле этого слова. Уж очень он оказался маленьким. Катапультируемая кабина или спасательная шлюпка, вот что это было такое. Собственно корабль, вероятно, упал на Солнце.

Возле панели управления Ларкин увидел небольшой треснутый экран вроде телевизионного. Наружный обзор?

По-видимому, сходство с камнем обеспечивало внешнему корпусу какое-то жаропрочное покрытие, поскольку и внутренняя обшивка, и палуба были из стали, а если не из стали, то из сплава, очень ее напоминающего. Стоящему на корпусе Ларкину палуба казалась вертикальной. Вероятно, ракетный двигатель помещался под ней, ведь его нигде не было видно.

Он снова осветил фонариком скелет. Тот все еще приводил его в ужас, но Ларкин заставил себя не отворачиваться. Скелет лежал возле люка, вытянувшись почти во всю длину — или, скорее, высоту — капсулы/шлюпки. Ларкину доводилось видеть фотографии скелетов, а в школе так и настоящий. Насколько он мог заметить,

этот не слишком от них отличался. К ребрам еще льнули остатки истлевшей одежды, а к плюснам и фалангам пальцев — лоскуты чего-то вроде кожи. Вокруг все было усеяно катышками звериного помета, а в грудной клетке обнаружилась кучка искрошенных сухих листьев, сухой травы и клочков сгнившей ткани: неизвестный предшественник кролика гнездился тут достаточно долго и успел выносить и выпестовать потомство.

Возле тазовой кости инопланетного астронавта лежал люк, вырезанный им из корпуса. Неподалеку валялся «лучемет», которым он его вырезал. Прогнивший шланг соединял «лучемет» с небольшим цилиндрическим резервуаром, в нескольких местах проржавевшим насквозь.

Ступив на борт инопланетного летательного аппарата, Ларкин с каждой минутой все острее ощущал, до чего тот маленький и тесный. В определенном смысле тот больше напоминал скафандр, чем спасательную капсулу или шлюпку. Скафандр, из которого не смог выбраться тот, кто его носил; скафандр, не выполнивший свое назначение. Аналогичный, но ни в коем случае не идентичный, доспехам конкистадоров. Доспеху, который был на Бальбоа, когда тот с боями пробился через Панамский перешеек и увидел Тихий океан, и его люди...

Вот так Кортес, догадкой потрясён,
Вперял в безмерность океана взор,
Когда, преодолев Дарьенский склон,
Необозримый встретил он простор.[1]

Как жестоко подшутила бы над ним судьба, если бы ему *не довелось* увидеть Тихий океан! Если бы, как этот Бальбоа, он пустился в опасное путешествие только для того, чтобы броня, созданная для его защиты, стала причиной его гибели!

Романтика романтикой, но Ларкин понимал, что совершил невероятное, умопомрачительное открытие, открытие, которое выбьет зубы научному сообществу, по-прежнему с презрением отвергавшему саму мысль о жизни на иных планетах (ее считали достоянием пятидесятых, когда, куда ни глянь, из летающих тарелок выпрыгивали маленькие зеленые человечки с Марса — раздо-

[1] Перевод С. Сухарева.

лье для второстепенных писак из воскресных газет). И еще, стоя возле этих костей, пока луч фонарика с каждой секундой тускнел, Ларкин понял: его находка чересчур драгоценна, нельзя швырнуть ее псам, рискуя, что ее раздерут в клочья (он не был высокого мнения о своих собратьях-человеках даже в десять лет), и он никогда никому ни единым словом не обмолвится о ней. Даже матери и отцу. *Особенно* матери и отцу. Они оба были люди простые, окончили всего восемь классов. Даже увидев скелет своими глазами, они решительно отрицали бы его внеземное происхождение; более того, они злились бы — как это Ларкин смеет предполагать такое! Особенно отец. Прежде всего, отец его не любил. Вечно обзывал разными словами. «Эй ты, ублюдок, — говорил отец. — А ну сгоняй за тем-то, тащи то-то!» Мать Ларкин тоже заботил мало. У нее на первом месте был телевизор.

Мать с отцом любили друг друга с детства... нет, давно не любили. Он никогда не разговаривал с ней, а она — с ним. Если отец не сеял, не пахал и не убирал урожай, он почти безвылазно торчал в амбаре, а мать, устроившись в кресле-качалке, впивалась взглядом в телеэкран и смотрела, смотрела не отрываясь. Но, в отличие от отца, никогда не называла Ларкина ублюдком. Однажды ему стало любопытно, почему папаша так часто использует именно этот эпитет, и, подозревая правду, он как-то раз под вечер, когда родителей не было дома, откопал в пыльной коробке на чердаке их свидетельство о браке и сопоставил дату с датой своего рождения. Кто бы сомневался — папаше *пришлось* жениться на матери. Конечно, это не делало Ларкина ублюдком де-юре. Но де-факто — да. Что сводилось к одному и тому же.

Желая уменьшить шансы других детей открыть истинную природу упавшей звезды (никому из них так и не привелось сделать это), Ларкин, едва только выполз из туннеля, сразу завалил вход в него бревном и еще нагреб к нему ногами листьев. Кролик по-прежнему мог при желании залезать в нору и вылезать обратно, но вряд ли кто-нибудь заметил бы его появления и исчезновения, а если бы и заметил, вряд ли сделал бы из этого необходимые выводы.

В то лето он навещал упавшую звезду почти каждый день, выбирая время, когда остальная ребятня играла где-нибудь в бейсбол или купалась в ручье. И никогда не забывал, уходя, привалить бревно на место. Об инопланетном астронавте он начал думать как о Бальбоа. А немного погодя мысленно окрестил его этим именем. «Бальбоа». Тот, кто сумел пересечь Перешеек, но не увидел Тихий

океан. Тот, кто одолел Дарьенский склон лишь для того, чтобы доспех стал его гробом.

— Мистер Ларкин? Центр управления полетами на связи. С вами все в порядке?

Он сообразил, что телекамера, встроенная в консоль управления, передает его изображение на мониторы Центра управления запуском.

Он поднял руку и отключил видеотрансляцию.

— Мистер Ларкин, мы настоятельно рекомендуем вам оставить переключатели в покое. «Брунгильда-2» готова к запуску, и любое ваше некорректное действие может поставить полет под угрозу.

«Вот настырные!» — подумал Ларкин. Он знал об этом звездолете столько, сколько им *в жизни* было не узнать. Мог разобрать его и собрать заново.

Да пошли они к черту!

Он с вызовом пробежался пальцами по переключателям и кнопкам на панели ручного управления в подлокотнике возле своего бока. Найдя главный переключатель, перевел его в положение «вкл».

Подтянул консоль управления ближе к груди.

Задумался: так ли себя чувствуют астронавты?

Так ли себя чувствовал Бальбоа?

Он усмехнулся. Печально. Все это был летний морок, вдруг осознал он. Давным-давно, когда он сидел на поляне и пялился на большой яйцевидный валун, ему пригрезились и кролик, и как он, Ларкин, копал туннель, а потом нашел кости. Словно Алиса, он отправился вниз по кроличьей норе, и в удачные летние дни отправлялся туда снова, и снова, и снова.

Но был ли это морок? Он не поручился бы. И, вероятно, никогда не узнает точно. Но вопрос представлял чисто академический интерес. Морок или нет, лето упавшей звезды задало ему нужное направление. Пришпорило его несколько лет спустя, когда отец вышвырнул Ларкина из дома. Заставило закончить среднюю школу и одолеть учебу в МТИ. Дало стимул найти аэрокосмическую компанию, и разработать Космический Движитель, и спроектировать и построить свой первый звездолет. Вдохновило простого деревенского паренька подступиться к Дарьенским склонам и подарить человечеству звезды.

Он с легким удивлением понял, что пристегнулся к ложу.

И — без сознательного умышления — нажал на кнопку запуска двигателей первой ступени.

В миг, когда он сделал это, наследственные данные, закодированные в его генах, запустили в его мозгу цепную реакцию, и в мгновенном ослепительном озарении Ларкин понял, кто он на самом деле такой, — истинную причину, по которой разработал свой Космический Движитель, истинную причину, по которой строил звездолеты, истинную причину, по которой выбрал звезду Барнарда, и истинную причину, по которой отложил запуск...

«Бальбоа» в конце концов все-таки выбрался из своего «доспеха». И нашел неразвитую деревенскую девушку, с чьей помощью *мог бы* вернуться к родным берегам в лице своего полномочного представителя.

Несмотря на разительное сходство человеческой расы с его расой, он должен был понимать, сколь маловероятно, что подобный союз принесет плоды. Но это была единственная доступная соломинка, и он ухватился за нее.

После, не понимая, что его жертва слишком напугана, чтобы выдать его, он уполз обратно в свою гробницу и умер.

Возможно, он и так уже умирал. Этого Ларкину никогда не узнать. Да и ни к чему.

Включилось зажигание первой ступени. Он улыбнулся и произнес свои последние слова на Земле:

— Центр управления? Ларкин на связи. Я возвращаюсь домой!

СОДЕРЖАНИЕ

Эридан 5
Последний Иггдрасиль 135
Старфайндер 249
Младшая дочь визиря 453

L'Arc de Jeanne 567
Святая Джулия и висги 598
Проект «Высотка» 607
Вниз по лестнице 618
Голодевушки 630
Принцесса Аккира 649
Икс-фактор 664
Красавица и чудовище 674
Победа Глории Грандонуиллз 687
Обезьяний Шекспир 714
На кольцах Сатурна 727
Лето упавшей звезды 754

ИСТОЧНИКИ:

Eridahn: *New York, Del Rey, Ballantine, 1983*

Yggdrasil: *New York, Del Rey, Ballantine, 1982*

Starfinder: *New York, Pocket Books, 1980*

The Vizier's Second Daughter: *New York, DAW Books, Inc., 1985*

L'Arc De Jeanne: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", January 1966*

Saint Julie and the Visgi: *"If", January 1955*

Project Hi-Rise: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", November 1978*

Down the Ladder: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", March 1978*

Hologirl: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", August 1978*

The Princess of Akkir: *"Isaac Asimov's Science Fiction Magazine", March 1984*

Hex Factor: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", November 1974*

Beauty and the Beast: *"If", July 1954*

The Winning of Gloria Grandonwheels: *"Amazing Stories", August 1978*

Shakespeare of the Apes: *"The Magazine of Fantasy and Science Fiction", December 1975*

In Saturn's Rings: *"If", March 1964*

The Summer of the Fallen Star: *"The Magazine of Fantasy & Science Fiction", April 1981*

ХУДОЖНИКИ:

Darrell K. Sweet - Обложка

Darrell K. Sweet, Michael Herring - стр. 3

Grey Morrow - стр. 13, 107, 119, 134

Г. Новожилов ("Искатель", 1967 № 6) - стр. 151, 167, 207, 248

Jean-Louis Verdier (из франц. изд. 1984 г.) - стр. 157

uncredited - стр. 304

Carl Lundgren, Sanjulian (Manuel Perez-Sanjulian Clemente) - стр. 452

Jack Gaughan - стр. 566

Ernie Barth - стр. 603, 604

Val Lakey Lindahn - стр. 651

Ed Emshwiller - стр. 677

Steve Fabian - стр. 686, 688

Lawrence - стр. 738, 749

Роберт Янг

Эридан